ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE
D'HISTOIRE
ANCIENNE

3

ОГИЗ СОЦЭКГИЗ 1939

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

3(8)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1939

ПРОБЛЕМЫ МАРКСИСТСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

XVIII съезд ВКП(б) подвел радостный итог всемирно-историческим победам социализма в нашей стране. В речи при открытии съезда тов. Молотов сказал: «Мы завершили в основном целую эпоху строительной работы, чтобы вступить в новую эпоху, в эпоху постепенного перехода от социализма к коммунизму». Развернутую программу борьбы за построение полного коммунистического общества дал великий вождь мирового коммунизма—товарищ Сталин.

Отчетный доклад товарища Сталина—новый драгоценный вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма. Он служит новым блестящим образцом того, как в неразрывной связи с опытом и практикой социалистического строительства обогащается и развивается марксистско-ленинская теория, которая в свою очередь освещает дорогу революционной практике. «Без революционной теории не может быть и революционного движения»,—писал Ленин[1]. Ленин и его гениальный продолжатель товарищ Сталин двигают революционную теорию вперед, обогащая ее новым опытом в новых условиях классовой борьбы пролетариата и построения коммунистического общества на одной шестой части земли.

Как и Маркс и Энгельс, как и Ленин, товарищ Сталин придает огромное значение овладению марксистско-ленинской теорией. «Есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки,—это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма... Ленинец не может быть только специалистом облюбованной им отрасли науки,—он должен быть вместе с тем политиком-общественником, живо интересующимся судьбой своей страны, знакомым с законами общественного развития, умеющим пользоваться этими законами и стремящимся быть активным участником политического руководства страны». А познать законы общественного развития можно лишь на основании всей суммы накопленных знаний об историческом развитии человеческого общества.

Основоположники марксизма используют и перерабатывают колоссальный исторический материал для того, чтобы обогатить и развить марксистско-ленинскую теорию, дать пролетариату мощное теоретическое оружие в его борьбе за коммунизм. «Самое надежное в вопросе обществен-

[1] Ленин, Соч., т. IV, стр. 380.

ной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений,—самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это—не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»[1].

Продолжая дело Ленина, товарищ Сталин, обобщив гигантский опыт двадцатилетнего существования советского государства в капиталистическом окружении, разработал и по-новому поставил вопрос о государстве в эпоху перехода от социализма к коммунизму. Товарищ Сталин исходит из анализа функций государства в рабовладельческом, феодальном и капиталистическом обществах, чтобы противопоставить этому государству сущность и назначение социалистического государства в разных фазах его исторического развития и указать путь развития социалистического государства в процессе перехода от социализма к коммунизму.

Анализ государства в докладе товарища Сталина дает историку-марксисту ценнейшие указания, каковы должны быть путь и метод исследования исторического процесса для правильного познания закономерностей развития общества. Товарищ Сталин учит нас, вскрывая в исторических явлениях общие закономерности, анализировать вместе с тем частное, единичное, отдельное, находить новые закономерности в новых конкретно-исторических условиях.

Энгельс писал в «Людвиге Фейербахе», что «с каждым, составляющим эпоху, открытием, даже в естественноисторической области» («не говоря уже об истории человечества») «материализм неизбежно должен изменить свою форму»[2]. Величайшая эпоха в истории человечества—эпоха социализма—обогащает марксистско-ленинское учение познанием новых закономерностей, в свете которых углубляется понимание и прошлой истории человечества.

«Овладеть марксистско-ленинской теорией—значит уметь обогащать эту теорию новым опытом революционного движения, уметь обогащать ее новыми положениями и выводами, уметь развивать ее и двигать вперед, не останавливаясь перед тем, чтобы, исходя из существа теории, заменить некоторые ее положения и выводы, ставшие уже устаревшими, новыми положениями и выводами, соответствующими новой исторической обстановке»[3]. Перед историками стоит задача пересмотреть ряд вопросов истории, в решении которых исходили из буквы, а не существа марксистско-ленинской теории, освободить историческую науку от упрощенства и вульгаризации в толковании исторических явлений, от антимарксистских извращений, связанных со «школой» Покровского, преодолеть схематичность в постановке ряда проблем.

Возьмем тот же вопрос о государстве. О нем много писали и Маркс, и Энгельс, и Ленин, и Сталин. В их трудах мы имеем гениальные исторические обобщения, основанные на глубоком и всестороннем анализе конкретных исторических явлений. В своем отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин дал исчерпывающую общую формулу происхождения и функций государства и показал изменения функций и назначения государства не только в результате сокрушения буржуазного строя и победы диктатуры пролетариата, но и на разных этапах движения соци-

---

[1] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 364.
[2] Цит. по Ленину, Соч., т. XIII, стр. 206.
[3] «История ВКП(б)». Краткий курс, 1938, стр. 340.

алистического общества к коммунизму. Здесь даны руководящие указания, как надо подходить к анализу государства. Между тем, в работах историков древности вопрос о государстве не получил должного освещения. Часто историки древности принимают государство как данное, не раскрывая ни причин, ни условий его возникновения, ни его функции в конкретной исторической обстановке.

Историки применяют сплошь и рядом такие термины, как «ассирийская военная держава», «македонская монархия», или неопределенный термин «государственные образования», не давая им конкретной характеристики. Энгельс предостерегает против подмены греческого базилевса современным монархом; однако наши историки не вскрывают содержания понятий «царство», «монархия», «империя», «демократия» в применении к государствам древности. «Внешняя (не главная) функция» древнего государства, заключающаяся в том, чтобы расширять государственную территорию, занимает все внимание историков, а «внутренняя (главная)—держать эксплоатируемое большинство в узде»—остается в тени. Да и в характеристике «внешней функции» упускается подчас из виду, что речь идет о расширении территории «своего господствующего класса за счет территории других государств», а ведь только в свете этого сталинского указания войны древнего мира могут получить правильное объяснение и точную характеристику.

Вопрос о происхождении и функциях древних государств тесно связан с исследованием истории самих производителей материальных благ, с историей трудящихся масс. До сих пор еще наблюдающаяся у некоторых историков путаница в вопросе о характеристике древневосточных обществ в значительной степени объясняется игнорированием этих производителей материальных благ и способов их эксплоатации.

Энгельс в подготовительных работах к «Анти-Дюрингу» указывает, что государство как организованное насилие само по себе еще ничего не объясняет; «различные социальные и политические формы должны быть объяснены не насилием, которое ведь всегда остается одним и тем же, а тем, к чему насилие применяется, что является объектами грабежа—продуктами и производительными силами каждой эпохи и вытекающим из них самих их распределением. И тогда оказалось бы, что восточный деспотизм был основан на общинном землевладении, античные республики—на городах, занимавшихся земледелием, Римская империя—на латифундиях, феодализм—на господстве деревни над городом, и для всего имелись материальные основы и т. д.»[1]. К сожалению, это замечание Энгельса не используется, не разрабатывается нашими историками, а ведь здесь ключ к пониманию причин возникновения столь разнообразных форм политической надстройки в древних рабовладельческих обществах, в частности причин краха Римской республики и ее замены империей.

Историки древности, конечно, знают и используют анализ условий возникновения древних государств, данный в «Происхождении семьи...» Энгельса и в «Лекции о государстве» Ленина. Но ни характер классообразования, приводящего к возникновению государства, ни сопротивление, оказываемое этому процессу органами родового строя, не получили подобающего освещения в трудах наших историков. Между тем, при всей скудости источников данные об этом всё же имеются и для древнего Двуречья, и для Египта, и для Израиля. А разработка этих вопросов чрезвычайно важна для понимания и политической истории и экономической структуры отдельных древних обществ, так как роль и общественно-экономическое значение рабства находятся в соответствии со степенью разло-

[1] Энгельс, Анти-Дюринг, 1938, стр. 385.

жения старого общинного быта. Даже в классических странах рабства в пору наибольшего его расцвета продолжают чувствоваться еще сильные пережитки общинного быта, особенно в сфере идеологии.

Требует еще конкретного исследования роль рабства в прогрессивном развитии человеческого общества. «Только рабство создало возможность более широкого разделения труда между земледелием и промышленностью и, благодаря ему, расцвета древнегреческого мира. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и науки; без рабства не было бы и Рима. А без основания, заложенного Грецией и Римом, не было бы также и современной Европы. Мы не должны забывать, что всё наше экономическое, политическое и умственное развитие вытекло из такого предварительного состояния, при котором рабство было настолько же необходимо, как и общепризнано. В этом смысле мы имеем право сказать, что без античного рабства не было бы и современного социализма»[1]. Историки охотно цитируют это место из «Анти-Дюринга», но конкретно этого тезиса не развивают, не наполняют его материальным содержанием, не показывают, по каким линиям шло развитие производительных сил в древности благодаря рабству и как благодаря тому же рабству древние общества погибли. Ведь развитие рабства— процесс диалектический. Рабство само создает предпосылки для своего уничтожения; оно в конце концов становится помехой для дальнейшего роста производительных сил, требующих замены рабства более прогрессивной социально-экономической формацией. Этот процесс должен быть прослежен на материале преимущественно римской истории, и тогда крах республики, а затем падение Римской империи получат правильное освещение.

Основоположники марксизма, изучившие и проработавшие колоссальный исторический материал, вывели законы развития древних обществ. Необходимо эти общие законы уметь лишь прилагать к конкретным явлениям исторической действительности, не подменяя исследования этой действительности общей схемой.

По поводу положения Гегеля, что «царство законов есть *покоящийся* (курсив Гегеля) образ осуществляющегося или являющегося мира», Ленин замечает: «Это замечательно материалистическое и замечательно меткое (словом «спокойное») определение. Закон берет спокойное— и потому закон, всякий закон, узок, неполон, приблизителен»[2]. В применении к отдельным, особенно историческим, явлениям общие законы расширяются, пополняются, уточняются. Поэтому марксизм-ленинизм означает непрерывное развитие, обогащение теории, конкретизацию, уточнение, улучшение отдельных положений марксизма. «Было бы смешно требовать, чтобы классики марксизма выработали для нас готовые решения на все и всякие теоретические вопросы, которые могут возникнуть в каждой отдельной стране спустя 50—100 лет, с тем чтобы мы, потомки классиков марксизма, имели возможность спокойно лежать на печке и жевать готовые решения» (Сталин). От деятелей науки требуется, чтобы они творчески владели марксистско-ленинской теорией, умели ее развивать и двигать вперед, как учит нас товарищ Сталин.

Постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» призывает работников теоретического фронта покончить с боязнью смелой постановки теоретических вопросов, двигающих марксистско-ленинскую теорию вперед. Именно этой боязнью, надо полагать, объясняется тот факт,

---

[1] Энгельс, Анти-Дюринг, Соч., т. XIV, стр. 183.
[2] «Ленинский сборник» IX, стр. 129.

что в нашей исторической литературе ряд важнейших вопросов не ставится по-настоящему. В исторической литературе нет ясности в определении понятий «племя», «народ», «национальность», «народность», «раса». Вышедший недавно коллективный труд *«Наука о расах и расизм»* трактует эти вопросы с точки зрения социологической и антропологической; исторического исследования на эту тему, в частности в применении к древности, у нас нет.

Что представляет собою римский народ в эпоху республики и в эпоху империи? В каком смысле следует понимать выражения Энгельса о национальном боге древних евреев или о национальных богах древних народов, богах, «власть которых не переходила за границы охраняемой ими национальной области»? Ведь Энгельс сам указывает на то, что «нации стали возможны только благодаря падению римского мирового господства». Что служило основой объединения у греков и у италиков? В чем выражается этническое единство древних народов, каков характер «союза родственных племен» в древних рабовладельческих государствах в отличие от таких же союзов в варварских обществах? Все эти вопросы в нашей исторической литературе не только не разрешены, но и не ставились по-настоящему.

С вопросом о племенах, нациях и т. д. тесно связан вопрос об этногенезе, которым усиленно в последнее время занимаются многие наши историки. Достаточно проследить исторические судьбы древних кельтов и германцев, народов Малой Азии или таких расплывчатых конгломератов, как скифы, готы, аланы, чтобы убедиться в полной беспочвенности и антинаучности рассуждений о каких-либо избранных народах, о «высших» и «низших» нациях и расах.

В исследовании этногенеза современных народов огромную роль должно сыграть марксистское изучение истории языков, основу которому положил акад. Н. Я. Марр. К сожалению, у нас до сих пор нет тесного единения между историей и языкознанием, обе дисциплины изучаются и развиваются параллельно, кое-где соприкасаясь, но нигде органически не соединяясь.

Особенно важно для истории нашей родины разработать проблему этногенеза и исторических судеб восточных славян. С этой точки зрения надо приветствовать организацию в составе Института истории Академии наук секции славяноведения, где, надо полагать, к разработке истории древних славян будут привлечены и историки в широком смысле слова, и археологи, и лингвисты.

Частным вопросом, связанным с проблемой энтогенеза в свете нового учения о языке, является вопрос об «арийцах». Когда европейские ученые XIX в. изучили санскрит и древнюю индийскую литературу, это произвело переворот в языкознании. Ведь еще даже в начале XIX в. было распространено представление, что праязыком был древнееврейский, «на котором бог говорил с Адамом», и что смешение языков произошло при постройке «Вавилонской башни». Сравнительное языкознание XIX в. окончательно сокрушило старые библейские взгляды и пыталось установить естественные закономерности в развитии языков. Оно было прогрессивным этапом в развитии науки, поскольку оно исходило из реальных фактов и пыталось осмыслить процесс развития языка исторически. Поэтому индоевропейское сравнительное языкознание получило в то время признание со стороны лучших представителей человеческой мысли. Энгельс, критикуя филологические бредни Дюринга, писал: «Очевидно, нам приходится иметь дело с филологом, никогда не слыхавшим об историческом языкознании, так сильно и плодотворно развившемся в последние 60 лет, и поэтому отыскивающим современные возвышенные «образовательные

элементы» языкознания не у Боппа, Гримма и Дитца, но у блаженной памяти Гейзе и Беккера»[1]. Но из факта существования индоевропейской группы языков лингвисты делали далеко идущие неправильные выводы, пытаясь реконструировать никогда не существовавший «праиндоевропейский язык» и заключая отсюда о существовании некогда единого народа, от которого путем расчленения произошли современные «индоевропейские народы». В настоящее время западноевропейские лингвисты отказались от этих выводов, так как они не только противоречат историческим фактам, но не могут быть выведены даже для самого праязыка из данных самой сравнительной грамматики. Но даже в таком узком понимании термина «арийские» или «индоевропейские» языки, какое придают ему лингвисты типа де Соссюра или Мейе, он утратил научное значение; буржуазное сравнительное языкознание не дает и не может дать материалистического объяснения глоттогонического процесса, а лишь классификационную схему.

Материалистическую теорию происхождения и развития языка дал акад. Н. Я. Марр, показавший, что, в частности, индоевропейские языки лишь с т а д и я в общем процессе языкотворчества, которая не связана с какой-либо этнической группой.

Что касается самого термина «арийские» языки, то он давно вышел из употребления, так как название большой семьи языков по имени самой незначительной, хотя и древней, группы носителей его ничем не оправдывается. С таким же успехом эту группу языков можно было бы назвать персидской или русской.

Этот лингвистический термин, применявшийся еще лет 50—60 тому назад, и расширенное толкование, какое ему давалось, надо признать устаревшими, не соответствующими нынешнему состоянию наших исторических знаний. Но это не значит, что можно отрицать историческое существование ариев, засвидетельствованное в источниках. Арии должны быть поставлены на свое место—племени завоевателей, которые некогда вторглись в долину Инда и разрушили древнюю дравидийскую культуру, а затем исчезли с арены истории, как и многие другие древние народы.

Большие задачи стоят перед историками древности в деле изучения древней идеологии, ее истоков и ее обратного воздействия на экономику. Мы не имеем до сих пор марксистской истории античной культуры. Не разработана история древней философии, права, литературы, искусства, религии. Историку приходится самому давать ответ на вопрос о возникновении и роли общественных идей, теорий, взглядов, политических учреждений в древности. При таких условиях не удивительно, что историки обычно ограничиваются более или менее подробным внешним описанием явлений, вместо того чтобы дать марксистский анализ их. Понятно, здесь в первую очередь должны проявить побольше активности специалисты по истории философии, религии и т. д. Но поскольку история не может быть дана в отрыве от развития и изменения идеологий, историкам необходимо самостоятельно продумать ряд вопросов.

Можно ли излагать историю Востока, не касаясь религии Востока? Ее роль настолько велика, что, по словам Маркса (письмо к Энгельсу от 1 июня 1853 г.), «история Востока представляется в виде истории религии», а эта иллюзия рассеивается только при правильном объяснении религии из данных отношений действительной жизни.

Точно так же историю религии античных обществ нельзя сводить к описанию пантеона и изложению мифологии. Античные религии, в том числе

[1] Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, Соч., т. XIV, стр. 327.

раннее христианство, отражают в искаженной, фантастической форме глубокие социальные процессы. Борьба философских школ, богословских учений, литературных направлений может служить историку прекрасным материалом не только для характеристики духовной культуры, но и для освещения классовой борьбы, слабо отраженной в дошедших до нас источниках.

Трудно перечислить все многообразные задачи, выдвинутые перед историками-марксистами выходом в свет «Краткого курса истории ВКП(б)», постановлением ЦК ВКП(б) в связи с выходом этого курса и, наконец, отчетным докладом товарища Сталина на XVIII съезде ВКП(б). Перед советской наукой открываются величественные перспективы. Мы переживаем самую великую эпоху в истории человечества, эпоху грандиозных побед социализма, достигнутых под мудрым руководством коммунистической партии и гениального вождя трудящихся, товарища Сталина. «Главный итог состоит в том, что рабочий класс нашей страны, уничтожив эксплуатацию человека человеком и утвердив социалистический строй, доказал всему миру правоту своего дела. В этом главный итог, так как он укрепляет веру в силы рабочего класса и в неизбежность его окончательной победы» (Сталин). Этот главный итог окрыляет весь советский народ для борьбы за новые победы коммунизма. Советская наука, тесно связанная с народом, должна подняться до уровня великих достижений нашей социалистической родины и плодотворно работать над коммунистическим воспитанием в нашей стране.

КРИТСКОЕ ЛИНЕЙНОЕ ПИСЬМО

А. Эванс

(Почетный хранитель Британского музея. Лондон)

Настоящая статья А. Эванса, известного в мировой науке знаменитым открытием критской культуры, представляет собою главу (§ 110) из IV тома его «Дворца Миноса» (A. Evans, The Palace of Minos, vol. IV, part II, 1935, § 110). Эта глава из серии других, посвященных анализу до сих пор нерасшифрованного критского письма, нами выделена как наиболее интересная.

Вторая часть четвертого тома книги Эванса «Дворец Миноса» является чрезвычайно ценной работой: она насыщена громадным фактическим материалом и знакомит с многочисленными наблюдениями и выводами знаменитого английского исследователя, бросающими новый свет на историю древнего Крита. Особенно интересны главы, посвященные древнекритской письменности, а именно линейному письму B (главным образом, § 110, 111, 112).

В § 110 автор излагает вкратце историю открытия глиняных табличек с более развитым линейным письмом (B), сообщает данные античной традиции о критском письме (Плутарх, Тебт. папирусы II), говорит о форме табличек, сравнивает линейное письмо A и B. Удобным для читателя оказывается то обстоятельство, что автор резюмирует результаты прежнего изучения. Так, например, о системе A была речь в I томе «The Palace of Minos», но тем не менее в разбираемой главе мы находим общий обзор этой системы и синоптическую таблицу. Далее дается «анализ знаков класса B», устанавливается наличие фонограмм и идеограмм, указывается на влияние Египта, на связи с хеттскими изображениями, рассматриваются отдельные знаки («трона и скипетра» и др.). В конце параграфа читатель знакомится с системой счета (десятичной) и обозначением чисел в кносских документах, со знаками, обозначающими сложение, и с «процентными табличками», представляющими большой интерес. Содержание всего параграфа является цельным, легко воспринимается читателем, вполне понятно и без ознакомления с изложением в предшествующих томах.

В § 111 продолжается рассмотрение линейного письма B. Здесь Эванс дает общую характеристику Миноса как «реформатора бюрократии», указывает на выработанные методы писцов на Крите, на очень развитую и сложную систему записей и ведения отчетов и счетов. Автор справедливо выдвигает мысль о сложных формах административной и хозяйственной жизни на острове, хотя, несомненно, допускает при этом модернизацию. Далее говорится о табличках особого разряда, об их идеографических и пиктографических значках и попутно опровергается предположение, что списки содержат имена рабов. Рассматриваются списки мужчин, женщин и детей, определители «мужчина», «женщина», идеограммы при написании собственных имен, таблички, свидетельствующие о культуре маслины, шафрана, о зерновых культурах, о скотоводстве (свиньи, лошади и пр.). В конце автор говорит об изображениях сосудов на табличках, подробно рассматривается вопрос о некоторых формах сосудов. В общем весь § 111 содержит интересную характеристику хозяйственных документов.

Тема § 112—кносское письмо в материковой Греции (Орхомен, Фивы и др.). Устанавливается параллелизм между историей письменности и историей керамики, выясняется историческое значение изучения письмен: в середине XIV в. до н. э. ни в Микенах, ни в Фивах не было династов, говоривших на греческом языке, язык и культура материка были минойские. Далее автор делает выводы об исторических связях Крита с Кипром (на основе сравнения кипрского и кносского письма), Киликией, Понтом.

§ 113—небольшое добавление о Рас-Шамра, связанное с предыдущим изложением и интересное в историческом отношении, но лишь отчасти посвященное развитию специальной темы о линейном письме B.

В своем труде автор пользуется периодизацией, которую в свое время подробно разработал (см. E v a n s, Essai de classification des époques de la civilisation minoenne, 1906). Она может быть представлена в следующей таблице:

	Толщина слоя	Название эпохи и подразделение на периоды	Даты (года до н. э.)
Неолит и промежуточный период	6,43 м		8000?—3000
Минойская культура и позднейшие слои	5,33 м	Древнемин.	
		A. M. I	3000—2800
		A. M. II	2800—2400
		A. M. III	2400—2100
	1,5 м	Среднемин.	
		M. M. I { фаза *a* / фаза *b*	2100—1900
		M. M. II { фаза *a* / фаза *b*	1900—1750
		M. M. III { фаза *a* / фаза *b*	1750—1580
	2,5 м	Позднемин. и слои позднейшего времени	
		L. M. I { *a* / *b*	1580—1450
		L. M. II	1450—1400
		L. M. III { *a* / *b*	1400—1200
		Позднейшие культуры после 1200 г.	

Периодизация Эванса основана на стратиграфических данных и в общем сводится к следующему. Крито-микенскую, или эгейскую, культуру века меди и бронзы Эванс называет «минойской» по имени легендарного царя Кноса—Миноса. Развитие минойской культуры охватывает три главные эпохи (от 3000 до 1200 г. до н. э.): древнеминойскую (Ancient Minoan, сокращенно A. M.), среднеминойскую (Middle Minoan, или M. M.) и позднеминойскую (Late Minoan, или L. M.). Каждая из этих эпох подразделяется в свою очередь на три периода. Таким образом, мы имеем обозначения: древнемин. I (A. M. I), древнемин. II (A. M. II), древнемин. III (A. M. III), среднемин. I (M. M. I) и т. д.

Минойской культуре предшествовала неолитическая (с 8000 г. до н. э.?). Между неолитом и A. M. I Эванс устанавливает промежуточный период (приблизительно от 3400 до 3000 г.), когда начинают появляться предметы из меди. Уточняя далее свою

схему, Эванс различает в каждом из трех периодов среднеминойской эпохи и в I и в III периодах позднеминойской эпохи две фазы (*a* и *b*).

Даты в рамках этой периодизации могли быть установлены с помощью вещественных памятников древнего Египта, с которым Крит поддерживал оживленные отношения: египетские памятники (гробницы и пр.), в связи с которыми были найдены в Нильской долине предметы минойской культуры, и изделия египтян, обнаруженные на Крите, позволяют определить эти даты.

Кносский дворец представлял собой чрезвычайно сложное сооружение. В центре всей постройки находился большой двор—60 м в длину и 29 м в ширину. Центральный двор делил дворец на две части: западную и восточную. Вдоль западной части шел длинный коридор. На запад от него был расположен ряд складов, на восток—многочисленные помещения, из которых особенно интересными являются так наз. «тронная зала», зала очищений (к северу от первой) и зала с колоннами (к югу от «тронной залы»). К северо-западной части примыкал театр с двойным рядом ступеней, служивших местами для сидения. На северной стороне, со стороны моря, дворец защищали крепкие стены. Здесь были устроены пропилеи, которые вели к внутренним помещениям. В юго-западной части находился двор, меньших размеров, чем центральный, от него тоже через пропилеи открывался выход на юг.

Восточная часть дворца была разделена коридором, который проходил в направлении с запада на восток, на две части: северную и южную. Здесь были устроены мастерские, многочисленные комнаты и несколько зал: «зала царицы», большая зала, «двойной секиры» и пр.

Архив глиняных табличек в Кносе был найден в западной части дворца; отдельные помещения, расположенные в этой части, Эванс упоминает в дальнейшем изложении.

Редакция.

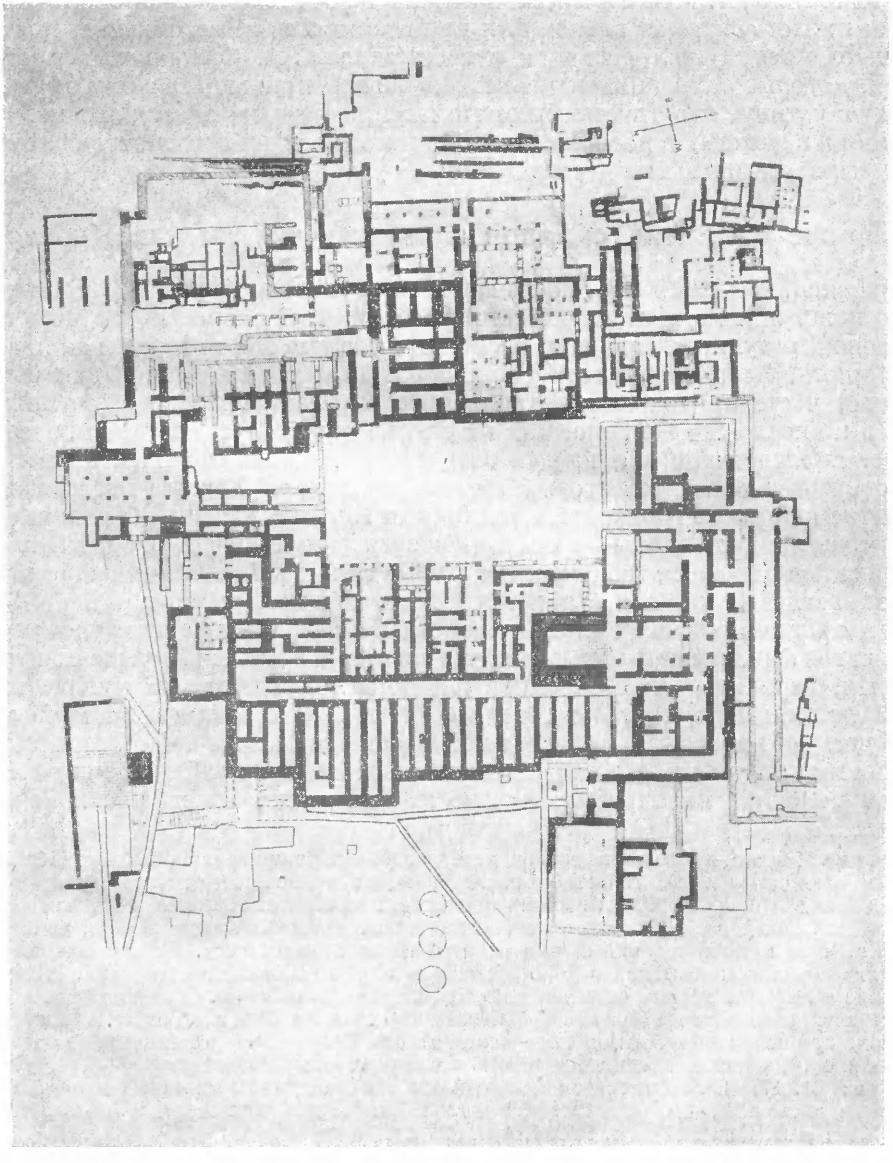
К первому открытию больших складов глиняных табличек с развитым линейным письмом (B). Сравнение знаков класса B со знаками класса A; анализ их и система счета

Уже при описании печатей из поздних дворцовых складов мы подчеркивали открытие складов глиняных табличек. Во время раскопок и после них многие считали это открытие главным их результатом. Всего было открыто свыше 1 600 табличек—цельных и обломков; надписи на этих табличках сделаны более развитым линейным письмом, чем на всех открытых до сих пор.

При описании глиняных печатей мы отметили ряд экземпляров, в которых одна или больше сторон снабжены graffiti, содержащими по всей видимости написанные теми же знаками имена и титулы должностных лиц; в некоторых случаях сам оттиск печати имел клеймо подобного рода. Затем при описании верхних западных складов и связанной с ними системы пришлось предпослать общие сведения о табличках; мы привели примеры табличек, относящихся к амбарам или складам зерна или же к хранившимся мерам веса с изображением весов и медных слитков.

Открытие такого множества глиняных документов с высоко развитым линейным письмом было тем более поразительным, что другие подобные находки, показывающие предшествующую стадию A этого письма, вроде более поздних находок в Фесте, еще не были сделаны. Неизвестен был также ни один экземпляр глиняных письмен более архаического «иероглифического» типа, вроде открытых позднее в Кносе и Маллии. За исключением Диктэйского стола для возлияний, снабженного надписями, материал, собранный до тех пор, относился к ранним камням-печатям[1]. Таким

[1] Что касается иероглифической системы, то на мысль о существовании ее меня навела четырехгранная печать-бусина (bead seal) из сердолика, представленная в 1886 г. Гревиллем Честером в Ашмолейский музей и, как сообщалось, происходящая якобы из Спарты. Впоследствии, однако, я нашел оттиск этой печати-бусины у ее прежнего

План Кносского дворца.

образом, это замечательное открытие завершало собой длинный ряд изолированных находок и полностью подтверждает давно высказываемый мною взгляд, что в области письма великая архаическая культура Греции была далеко не немой, независимо от того, удастся ли найти ключ для расшифровки ее языка, или нет.

В самом Кносе я был поощрен в своих ожиданиях открытием камней-печатей с иероглифическими знаками[1], а также ознакомлением с обломком из обожженной глины с вырезанными на нем несколькими линейными знаками; этот фрагмент найден был на поверхности и, несомненно, происходил от предыдущих раскопок в третьем складе[2]. Однако те немногие знаки, которые сохранились на нем, казались принадлежащими к столь развитому типу, что трудно было тотчас признать их за минойские. Но возникли надежды, и воображение заиграло, хотя на время этот обломок надо было оставить для доследования.

Первое открытие складов глиняных табличек в Кносе

Наконец, весной 1900 г., после шести лет бесплодных усилий, возможно стало приступить к систематическим раскопкам. В скорости был получен решающий результат. Его дали раскопки на том месте, которое, как потом выяснилось, было южной террасой дворца. 3 марта 1900 г. найдена была бо́льшая часть продолговатой таблички с вырезанными на ней группами знаков и чисел того же типа, как на открытом уже фрагментарном экземпляре. В следующие дни найден был еще ряд таких табличек на месте, которое потом оказалось вторым западным складом. За этим последовало открытие на уровне горизонта, к востоку от Верхних Пропилей, глиняного вместилища в виде ванны—в сохранившейся нижней части его находился целый склад подобных табличек, некоторые с пиктографическими знаками, показывающими, что они относятся к зерновым амбарам[3].

Эти таблички были расположены рядами; найденные вокруг куски обуглившегося дерева показывают, что таблички были заключены в ящик, который, вероятно, упал сверху в глиняное вместилище. В чулане под узкой лестницей, несколько севернее отсюда, находились по меньшей мере четыре ящика—из обугливших остатков были подобраны семь бронзовых петель; там же найдено значительное число табличек, впрочем, добрая половина их сломана; многие из них имеют отношение к коням

владельца в Кандии, который, в свою очередь, раздобыл ее в центральной области Крита. За этим наглядным доказательством последовало изучение разных круглых печатей того же типа в Афинах в 1893 г.; все они происходят из Крита. Наконец, во время моих первых исследовательских поездок по центральной и восточной части Крита, начиная с 1894 г., был приобретен целый ряд печатей из различных мест. Первое сообщение о иероглифических письменах в доисторическом Крите было сделано мною в 1893 г., в докладе в Hellenic Society относительно сокровищницы в Эгине. О результатах моих первых поисков на острове Крите см. «Athenaeum», 23 июня 1894 г., «Times», 29 августа, и доклад, прочитанный в Антропологической секции Британской ассоциации на ее конференции в Ливерпуле в сентябре 1894 г. См. также «Cretan Pictographs etc.», JHS, vol. XIV, pt. II, 1895. Относительно надписей на столе для возлияний и примеров линейного письма А, см. «Further Discoveries of Cretan and Aegean Script», 1898 (JHS, XVII и B. Quaritch); ср. PM, I, стр. 627 сл.

[1] Они были найдены в 1895 г. Мне стали известны также два камня-печати с группами иероглифических знаков, подобранные крестьянами в этом месте (Scripta Minoa, I, p. 151, P. 8* с ранними линейными знаками, и там же, стр. 12).

[2] Владельцем обломка был Kyrios Zachyrakis, химик в Кандии, погибший впоследствии во время резни и разрушения христианской части города в 1899 г. Как уже было отмечено выше, эти «хаотические» раскопки—употребляю удачный итальянский термин—обнаружили несколько табличек в изломанном виде; лишь через несколько лет эти таблички были извлечены нами из кучи, в которую они были свалены.

[3] См. PM, IV, 2, стр. 623.

и колесницам[1], отсюда их название[2]. Достойно упоминания, что на одном куске обуглившегося дерева имеется рельефный бордюр в виде сетки и листьев.

Об «оружейном» складе уже говорилось выше[3]. В нем находились восемьдесят табличек с надписями. Они упали сверху в хранилище нижнего этажа. Пятьдесят из них изображают колесницы и их части. Найдены были также остатки деревянных ящиков, в которых сохранялись эти таблички, в данном случае вместе с бронзовыми скобами. Как и во многих других складах, здесь тоже найден был ряд глиняных печатей. Некоторые из них, как уже говорилось[4], помечены клеймом в виде стрелы и находятся в связи с найденными здесь остатками ящиков, в которых находилось множество стрел с бронзовыми наконечниками; на одной из табличек вырезана пиктографическая фигура такой стрелы.

В этом хранилище куски гипсового настила верхнего покоя—в последнем сохранялись таблички—обнаружены были на более низком горизонте. Дальнейшее доказательство того, что таблички помещались вверху, заключается в том, что многие экземпляры найдены были обуглившимися, а некоторые и совсем превратились в пепел. То же надо сказать о ряде табличек, найденных выше горизонта верхнего коридора, идущего в направлении от востока на запад, и его северного продолжения. Некоторые из них, возможно, помещены были первоначально на кровле-террасе с целью обжига на солнце.

С другой стороны, в том единственном случае, когда таблички хранились в подвальном чулане,—мы имеем в виду склад «колесничных» табличек—можно было наблюдать явление обратного порядка. Многие из них вместе с ящиками, в которых они заключались, носили следы действия огня. Вероятно, ящики находились на полках у задней стены чулана. Однако другие таблички, лежавшие на полу небольшой комнаты, избежали действия огня и оказываются недостаточо обожженными. Четыре такие таблички, лежавшие нетронутыми в своем первоначальном порядке на полу, были тщательно вынуты мною—одним куском вместе с затверделой землей, соединявшей их; временно я перенес их на ночь в старый турецкий дом, служивший нам в то время главной квартирой, в долине под Кефалой.

Но ночью разразилась буря, потоки дождя лились через нашу прогнившую крышу и залили корыто, в котором находились таблички. Когда наш промах был обнаружен, было уже поздно, и таблички превратились в кашеобразную массу[5]. К несчастью, вместе с ними была также глиняная печать, тоже недостаточно обожженная; она представляла собою изображение колесницы с конями, возничего и человека за ним. Повидимому, заведующий царскими конюшнями этой печатью запечатал ящик с табличками. Печать обнаруживает большое сходство с другой, найденной в несколько более раннем складе печатей из Агиа Триады[6].

Часть табличек в том же необожженном виде была найдена на полу в юго-восточном углу восьмого склада[7]. Они были разложены на глиняной

---

[1] См. PM, IV, 2, стр. 788.

[2] Этот большой склад табличек содержит указания на весьма разнообразное имущество. Среди изображенных предметов имеются колосья ржи, различные виды деревьев, цветы шафрана, а также утварь и орудия, включая лопаты и односторонние топоры. Имеются также списки со знаками «мужчина» и «женщина» (см. A. Evans, Report, Knossos, 1900, p. 57; BSA, VI; ср. Scripta Minoa, I, p. 42).

[3] См. PM, IV, 2, стр. 616—617; ср. A. Evans, Report, Knossos, 1904 (BSA, X), p. 57 сл. (См. также PM, IV, 2, стр. 832 сл.).

[4] См. PM, IV, 2, стр. 616—617 и рис. 603.

[5] См. также Scripta Minoa, I, стр. 148.

[6] См. PM, IV, 2, стр. 828 и рис. 808.

[7] См. Scripta Minoa, I, стр. 44, 45.

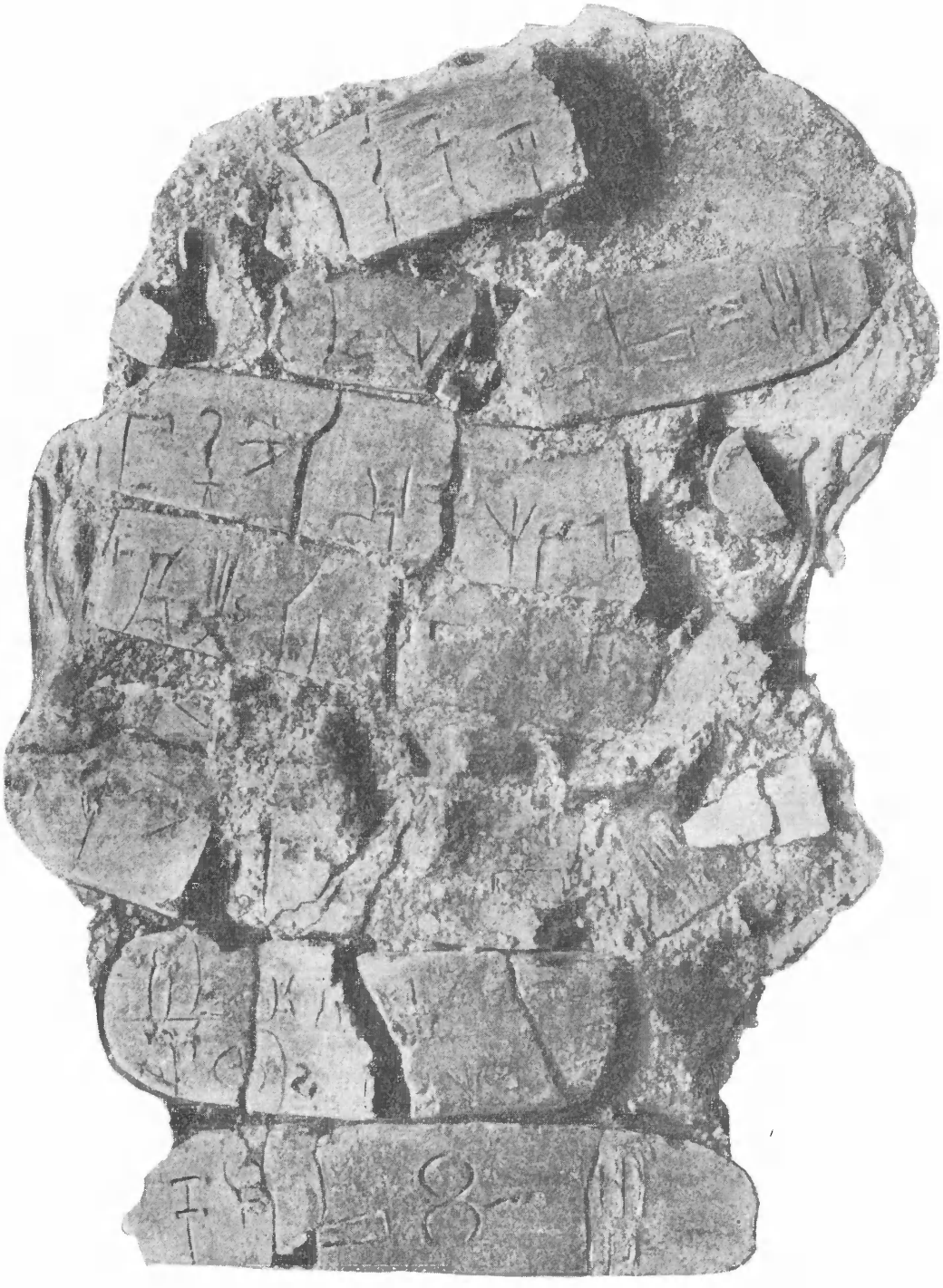

Рис. 655. Глиняные таблички «с теслом» в их первоначальном порядке. На полу склада VIII.

массе, на которой сохранились следы еще большего количества табличек, превратившихся под влиянием сырости в тестообразную массу, точно так же как плохо обожженные на солнце кирпичи в малом дворце.

С помощью гипсового обжигания (plaster baking) мне удалось восстановить немногие сохранившиеся таблички в правильном порядке. Таким образом, возможно было сохранить их первоначальное расположение (рис. 655). Из частиц распавшегося гипса, которые находились вместе

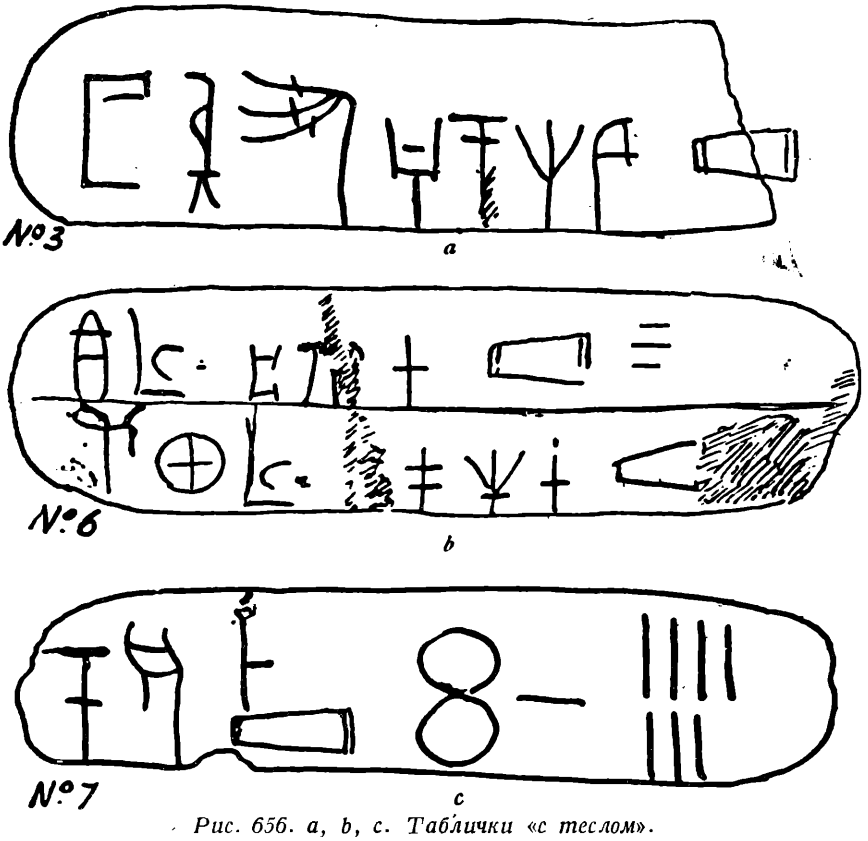

Рис. 656. a, b, c. Таблички «с теслом».

с табличками, видно было, что в этом хранилище таблички были заключены в ящик из гипса, который разбился при падении с верхнего этажа.

Эта группа табличек, изображенных на рис. 656, *a—c*, носит метку, изображающую, повидимому, тесло[1], за которым следуют цифры; последние в № 2, 5, 6, 7 ясно расшифровываются как 28, 6, 30 и 217.

Было ли открытие минойского письма уже предвосхищено в античной древности?

Имеются солидные данные, заставляющие полагать, что первое открытие в Кносе архивов глиняных табличек с неизвестными письменами относится еще ко временам Нерона[2].

[1] Вся метка или часть ее видна на всех этих табличках за исключением верхней, от которой сохранилась только первая половина. Тесло имеет на обоих краях внутреннюю линию; быть может, она показывает, что тесло снабжено острием на обеих сторонах.

[2] Более подробное изложение этого и других аналогичных открытий, последовавших еще в древности, см. в моих Scripta Minoa, v. I, стр. 106

К тому же это открытие не стоит особняком. Надписи на вазах, приведенные ниже (PM, IV, 2, стр. 739 сл.),—вазы эти дополнили уже известные образцы из Орхомена,—показывают, что минойская система письма была распространена в Фивах в Беотии. Эти надписи проливают новый свет на находку в гробнице Алкмены в Галиарте, в этой же области. Эту находку Плутарх[1] приписывает спартанцу Агесилаю, который, будто, нашел там бронзовую табличку «с большим количеством букв, возбудивших великое удивление, так как они производили впечатление глубокой древности. Ибо ничего нельзя было понять из них, хотя после промывки бронзы буквы выступили вполне отчетливо,—буквы были чужеземные и более всего похожи на египетские». По требованию царя египетского, которому жрец Хонуфис послал копию (если бы это были египетские иероглифы, Хонуфис, конечно, прочитал бы их), после долгого изучения и поисков различных видов букв «в старых книгах» было доложено, что письмена на гробнице относятся ко времени царя Протея, другими словами, к эпохе Троянской войны, и содержат общий призыв к грекам учредить соревнование в честь муз и, отложив оружие в сторону, посвятить себя мирному соперничеству в науке и философии. Что касается самого предмета и материала, напомним, что небольшая бронзовая табличка с двумя знаками линейного письма класса А была найдена в Диктейской пещере[2], в том же священном месте, где находился также стол для возлияний, снабженный надписями. Повидимому, надпись на табличке содержит имя жертвователя; лицо его изображено позади подписи.

В самом Кносе была сделана находка того же самого характера, что наше открытие[3]. Это—поддельная хроника, приписываемая Диктису из Крита. Она известна по латинскому переводу некоего Л. Септимия, якобы сделанному с греческого оригинала в конце IV столетия н. э. Это произведение—«Древняя история, верная и правдивая летопись войн между греками и троянцами», как гласит старейший английский перевод Джона Лидгета,—оказалось действительно переработкой греческого оригинала, как утверждал его автор; это подтвердилось на основании тебтюнисских папирусов. Недавно открытый фрагмент (греческого оригинала) происходит от начала III столетия[4].

Далее, имеются более поздние указания на самостоятельный перевод в Византии. Они отодвигают дату греческого оригинала еще далее назад[5] и наводят на мысль о связи его с действительным историческим событием, имевшим место в царствование Нерона.

На тринадцатом году царствования Нерона, в 66 г. н. э., когда Нерон совершал свою нелепую поездку по Греции, произошло большое землетрясение, которое опустошило Крит. Можно предположить, что Кнос, лежащий в той части острова, которая наиболее подвержена землетрясениям[6], пострадал особенно сильно и что землетрясение, естественно,

---

[1] «De Genio Socratis», cap. V, VII. Ср. S. Reinach, Anthropologie, 1900, стр. 499 сл.

[2] PM, I, стр. 632—4 и рис. 470, 471.

[3] См. об этом A. Evans, Scripta Minoa, I, стр. 108—110.

[4] Grenfell and Hunt, The Tebtunis Papyri, pt. II, 1907. Издатели приходят к следующему заключению: «Если оставить в стороне излишнее многословие и местами незначительные искажения, латинский перевод достаточно верен оригиналу».

[5] См. Ferdinand Noack, Philologus, 6-ter Suppl. Band, 1893, стр. 401—500. Он показал (против тех, которые считают упомянутое произведение делом одного Септимия), что ссылки на него у византийцев Малалы (VI в. в его Ἐκλογὴ ἱστοριῶν и Кедрена (XI в.) покоятся на позднейшей греческой версии, параллельной с латинской, но независимой от нее. Действительно, обе обработки восходят к греческому образцу гораздо более раннего времени. В общем см. об этом вопросе также W. Ramsay Smith, «Dict. of Biography etc.» (1902), статья «Dictys».

[6] См. PM, II, pt. I, стр. 313 сл.; ср. V. Raulin, Description physique de la Crète, I, стр. 429.

обнажило в месторасположении дворца одно из многих хранилищ глиняных табличек с надписями. Действительно, недавние открытия придают совершенно новый характер достоверности происхождению предания о Диктисе.

Как говорится в предисловии к «Летописи», землетрясение, произведшее большие опустошения, раскрыло внутренность гробницы Диктиса в Кносе и обнажило «оловянный ящик». Проходящие мимо пастухи увидели ящик и вскрыли его в надежде найти клад. Вместо этого они нашли документы из «глиняной коры» («lime-bark») с надписями, сделанными «непонятными буквами». Надписи эти были доставлены Нерону, который находился в то время в Греции; он предположил, что они сделаны на финикийском языке, и вызвал для прочтения их знатоков семитских языков. Раз Нерон приказал, надо было что-нибудь сделать, и эксперты немедленно истолковали надписи как дневник одного из древних—Диктиса из Кноса, товарища Идоменея, участника Троянской войны.

Сами таблички во дворце, бурые, полусгоревшие, очень походят по виду на старое или прогнившее дерево, и очень возможно, что толчки землетрясения обнажили один или больше ящиков («Kaselles») с их подстилкой из листов старого свинца, которые легко можно было смешать с оловом. В один из этих ящиков некогда упали глиняные таблички; подобный же случай был описан выше, когда полный ящик табличек высыпался в хранилище, имеющее форму ванны.

Формы табличек с линейным письмом B

Самым частым и характерным типом табличек с линейным письмом B является удлиненный «полосовой» тип, как он встречается в «восьмом

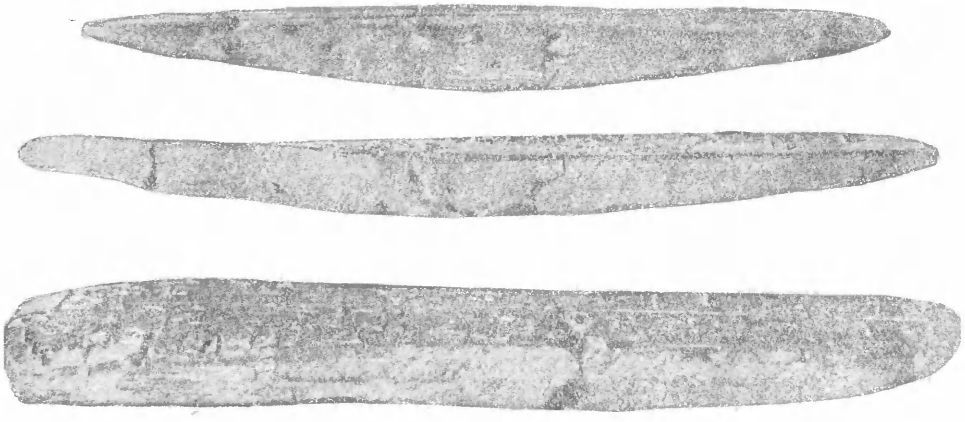

Рис. 657. a, b, c. Таблички удлиненной формы. Боковой вид.

складе» (рис. 655, 656). Как правило, это—одна группа знаков, за которой следуют два ряда более мелких знаков и чисел, разделенных горизонтальной чертой. Снизу эти таблички несколько изогнуты в длину, так что концы их имеют отчасти вид клина (рис. 657). Копия надписи на рис. 657 *c* дана на рис. 658. Это—тип более широкой таблички со знаками в три ряда, принадлежащей к «зерновым». Некоторые из этих продолговатых полосок имеют длину до 24 см, или около 8 дюймов.

Были найдены также более широкие варианты (как на рис. 657 *c*), разделенные во всю длину двумя, а иногда тремя горизонтальными линиями. Широкие экземпляры этого типа—например, тот, где на каждой

строке имеется знак «колеса»[1]—приближаются по своим очертаниям к правильному прямоугольнику и имеют в указанном случае около 14 см ($5^1/_2$ дюймов) в ширину и 8 см (около $3^1/_8$ дюйма) в высоту, но они встречаются лишь в виде исключения.

В табличках другого типа высота непропорционально больше ширины; один или оба конца обычно закруглены[2].

Здесь мы можем дать лишь сжатый общий очерк с особым учетом внутреннего хозяйства большого дворца и различных владений его хозяев.

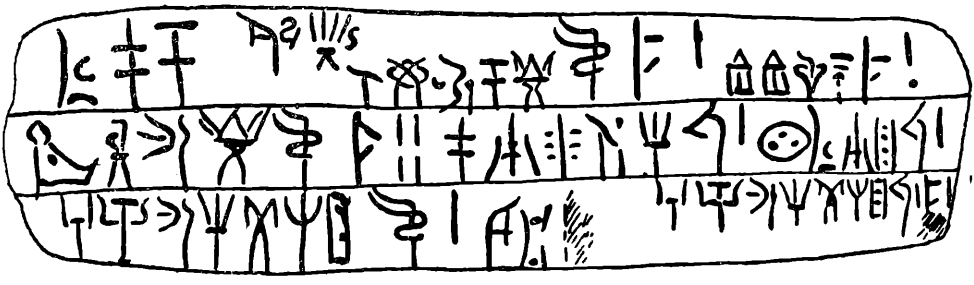

Рис. 658. Широкая, удлиненная табличка «зернового» типа. В списке-справочнике № 13 (ср. рис. 657 c).

Эти владения обильно показаны в самих документах, часто в виде рисунков на полях инвентарей.

Вместе с тем, для правильного понимания письма этого позднего дворцового типа необходимо иметь постоянно в виду письмо класса А, который, во всяком случае в Кносе, стратиграфически относится к более раннему времени. Далее, что касается низшего слоя, то теперь возможно также дополнить общий обзор класса В некоторыми неожиданными свидетельствами о его сохранении на материке.

Обзор линейного класса А

В первом томе нашего труда[3] мы уже отчасти сделали попытку дать общий очерк класса А. Однако необходимо также дать и здесь обзор его, чтобы поставить класс В в верное отношение к классу А и дать целый ряд сравнений для иллюстрации.

Как уже было показано[4], линейное письмо А было гораздо более распространено на острове, чем то, которое сменило его в Кносе. Не подлежит сомнению, что в самом дворце оно было во всеобщем употреблении от древнейшей стадии М. М. III до конца L. M. I *a*, хотя при перестройке здания в этом втором периоде документы, написанные этим письмом, в значительной мере подверглись разрушению. В Фесте только одна табличка, похожая на таблички «Храмовых хранилищ» в Кносе, свидетельствует о более ранней стадии (М. М. III *b*). Однако связь с соседним «Малым дворцом» в Агиа Триаде, где была найдена главная масса ставших нам известными табличек этого класса, позволяет приурочить их к первой позднеминойской стадии. Керамика показывает, что письмо этого класса существовало в Южном Крите по меньшей мере вплоть до стадии L. M. I *b*.

[1] См. PM, IV, 2, стр. 795, рис. 768.
[2] Например, PM, IV, 2, стр. 695, рис. 680; стр. 703, рис. 686.
[3] PM, I, стр. 612 сл., § 29.
[4] См. особенно PM, I, стр. 636, 637.

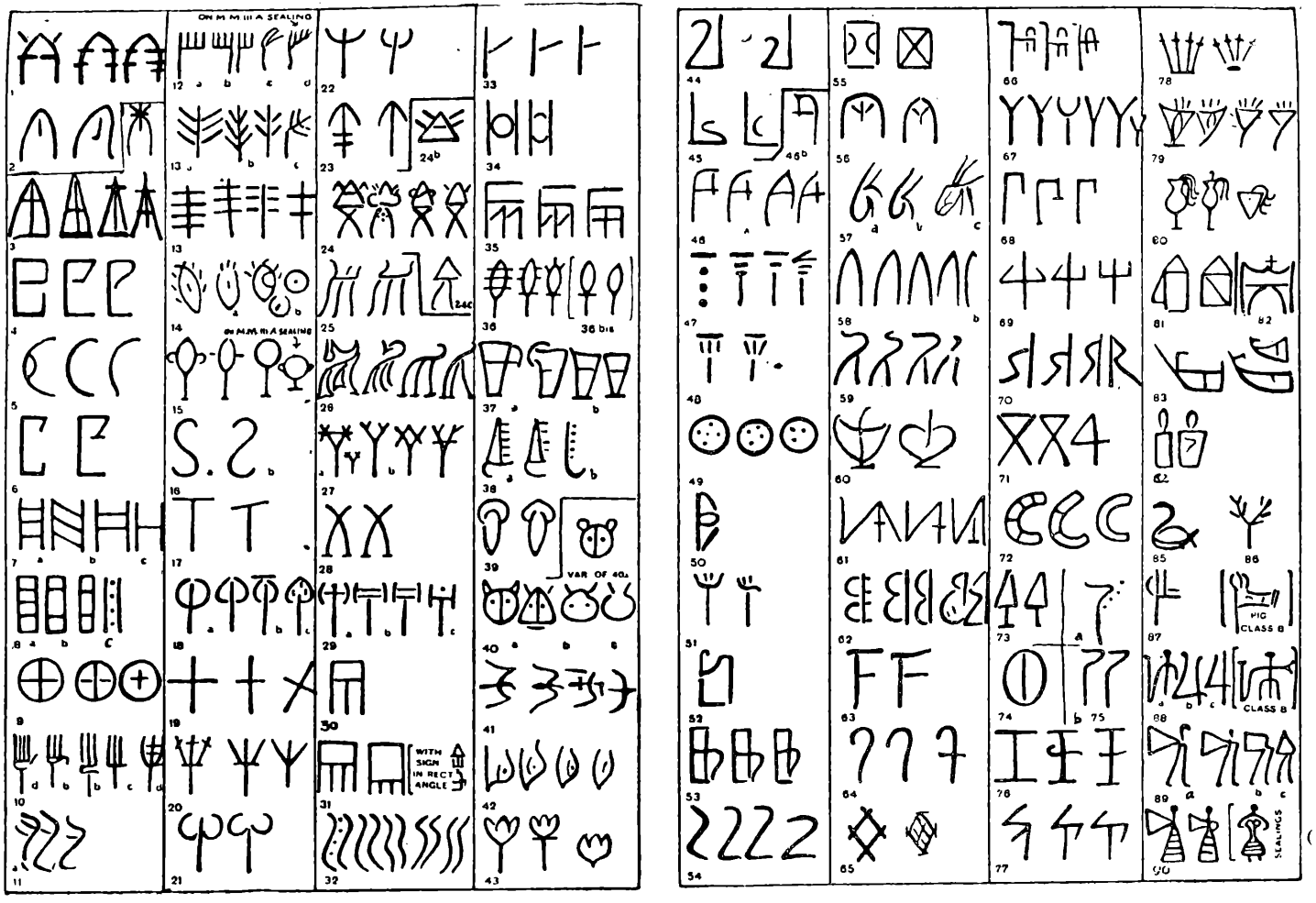

Рис. 659. Обзор знаков класса А.

Интересно отметить, что как в Палекастро[1], так и в Маллии[2] ранние образцы линейного письма А найдены на глиняных полосках того же типа, что полоска с иероглифическим письмом в Кносе. С другой стороны, система счета на глиняных полосках в Маллии с иероглифическими начертаниями уже соответствует системе счета в линейном классе А в Агиа Триаде, в Кносе и других местах[3].

Обзор класса А

В целях сравнения мы сочли желательным привести здесь в несколько измененном виде обзор знаков А, данный уже в первом томе нашего труда (рис. 659)[4].

К обзору приложены на рис. 660 список дополнительных 14 знаков и на рис. 661 несколько отличительных идеографических знаков. Некоторые из них представляют особенный интерес. Символическая фигура № 1, как уже было замечено, вероятно, держит примитивный якорь. № 4, знак согнутой руки, означает, как увидим, приношение. № 7, повторяющийся в Агиа Триаде в конце группы, явно означает ткацкий станок; в № 8 можно узнать ритон, в виде львиной головы хорошо известного типа, к которому принадлежит золотой экземпляр из четвертой шахтовой могилы в Микенах. Замечательно сходство профиля.

Если не считать знаков с явно идеографическим значением и других— вроде форм ⅂ (№ 64),—специально связанных с числами, то все количество знаков класса А, которые могли быть использованы фонетически в общем обиходе, доходит, возможно, до 85, хотя во многих случаях здесь невозможно достигнуть достоверности.

Мы уже касались в нашем изложении более или менее «монументальной» группы надписей на каменных сосудах ритуального характера (таков осо-

---

[1] R. C. Bosanquet and R. M. Dawkins, The unpublished Objects from the Palaikastro Excavations (Suppl. Paper of the BSA), стр. 146, рис. 128; см. мое примечание. Система счета по всем признакам ясно принадлежит к архаическому классу, но представляет трудности.

[2] Fernand Chapoutier, Les Écritures minoennes au Palais de Mallia, Paris, 1930; P. Geuthner, I, стр. 55, 56 (Ch. III. «Les Inscriptions linéaires»). В своем превосходном анализе автор показывает, что знаки этой группы содержат характерные письмена класса А.

[3] Chapoutier, ibid., стр. 53, 54. Впрочем, я никак не могу согласиться с мнением Шапутье, что иероглифы в Маллии относятся к М. М. III. Оттиски перстней на глиняных документах с письмом, аналогичным кносским, и сами представляющие подобные иероглифы, принадлежат к тому типу, который прекращается в конце М. М. II. Некоторые принадлежат к М. М. I. Приближающиеся к линейным формы иероглифического класса встречаются, как graffiti, в характерной для М.М. I *а* форме, на глиняных кувшинах со штрихованным орнаментом. Один экземпляр из архаического толоса, найденный мною в Крази (около трех часов пути на юг от Маллии; впоследствии полностью откопан Сп. Маринатосом), принадлежит по своему контексту явно к М. М. I *а*. Экземпляр, опубликованный мною в Scripta Minoa, I, стр. 12, рис. 16, представляет аналогичный тип. Сюда относятся также экземпляры из Ниру Хани (Ἐφ. Ἀρχ., 1906, табл. 9,1—3). Вазы той же формы и с подобным же вырезанным орнаментом были найдены, как допускает сам Шапутье (op. cit. стр. 64, рис. 5) близ таблички в Маллии. Там же найдены также «волнистые черепашьи щиты»; они относятся к М. М. II. Однако полоски с линейным письмом А, по всей вероятности, относятся к М. М. III *а*.

[4] Предварительный список знаков, принадлежащих к развитому линейному классу А, был дан в PM, I, стр. 642, рис. 476. К 90 знакам, приведенным там, я могу прибавить знаки, приведенные на рис. 660. Из них растительный знак 91 явственно отличается от № 44 на рис. 476 и поставлен здесь в перевернутом виде (*с* из № 18 находит свое место здесь); № 92, повидимому, представляет собой лук и стрелу; № 96 похож на знак «суши» или «горы» в иероглифической серии (помещенный боком, причем к нему приделаны ноги); № 97, повидимому, разнится от рис. 476, 62 («ручные кандалы»), а рис. 661, 7, где надо видеть ткацкий станок, помещен здесь между идеограммами.

бенно Диктейский стол для возлияний), которые исключительно отличают класс А. В частности они представляют интерес в том отношении, что в них повторяются некоторые формулы вроде , которые по всей видимости являются посвящениями[1]. Ясно, что сакральный момент имеется иногда также в глиняных табличках. Знаки «систра» на рис. 661 (он очень полно представлен в № 9) на табличке из Тилисса, вероятно, имеют отношение к оргиастической стороне культа, так же как «ритон» из Агиа Триады. Попадаются также символы божественного покровительства, примером

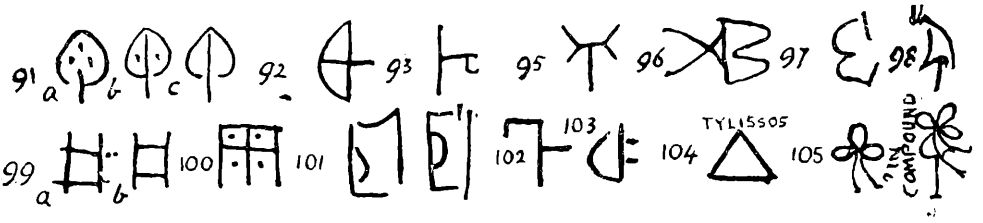

Рис. 660. Дополнение к списку знаков класса А.

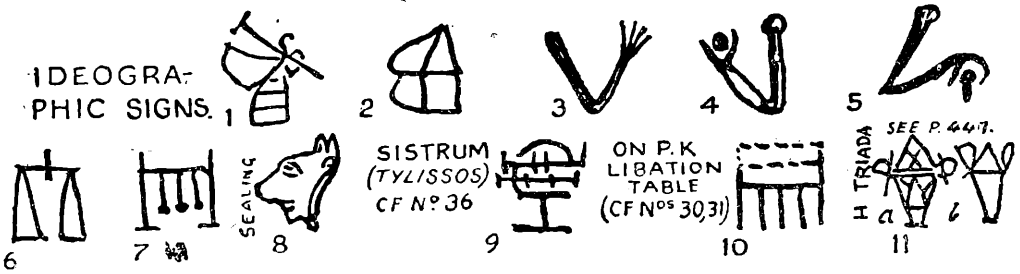

Рис. 661. Дополнительные идеограммы класса А.

чего является уже изображение богини—владычицы моря. Примитивный якорь комбинирован в № 1[2] с начертанием, которое лучше всего толковать как односторонний топор, играющий столь важную роль в позднейшем культе. Здесь они включены в изображение женской фигуры; но известно также изображение их в мужской фигуре[3]. В одном случае «корабль» соединен со знаком «трон» этого класса.

Плоский продолговатый или квадратный тип глиняных табличек, появляющийся на ранней стадии этого класса, заимствован на Востоке. Этот вывод имеет право на всеобщее признание. Однако такая форма таблички предоставляет писцу сравнительно мало места. Ему во всяком случае приходилось дополнять свой несовершенный способ письма рисунками, поясняющими текст.

Несомненно, это обстоятельство объясняет тенденцию писца экономить место, соединяя два, а иногда три отдельных знака в одну сложную

---

[1] PM, I, стр. 630, 631.

[2] См. op. cit., II, Pt. I, стр. 249, рис. 146.

[3] Ibid., II, Pt. I, стр. 248, 249 и рис. 145 (неправильно названный в подписи «крылатыми фигурами»). Оживотворенный здесь топор не следует—как это сделано в loc. cit., I, 249—связывать с двойной секирой; он скорее приближается к одностороннему топору.

форму. Можно было бы привести большой список таких лигатур; однако здесь достаточно воспроизвести на рис. 662 выборку, уже сделанную в другом месте[1] и, главным образом, касающуюся знака 𐄁, «рука и предплечье».

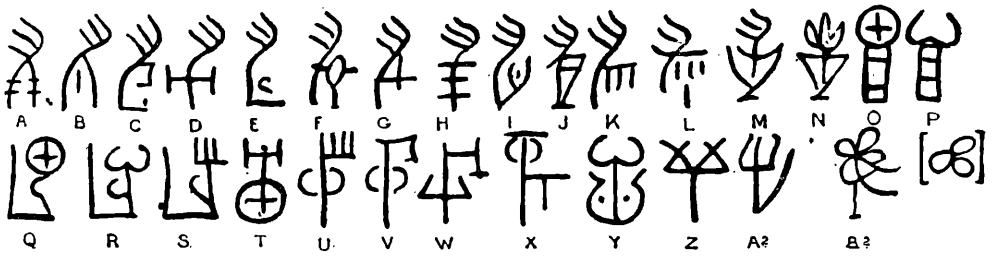

Рис. 662. Составные начертания класса А.

Этот прием писцов придает табличкам класса А трудный для понимания вид и временами является причиной некоторой неясности. С другой стороны, надо заметить, что экземпляры письма А, написанные в условиях, свободных от этого искусственного ограничения, например, указанные выше graffito на каменных ритуальных сосудах или раскрашенные надписи на стенах, а также надписи на больших кувшинах,—почти совершенно свободны от этих сложных форм.

Рис. 715.

Небольшие почти квадратные таблички из М. М. III *b*, например, из храмовых хранилищ и один экземпляр из дворца в Фесте, более или менее современный им, обнаруживают в последующий период L. M. I тенденцию к некоторому увеличению своего размера. Безусловно самым богатым источником таких табличек оказываются хранилища, найденные в строениях вне малого дворца в Агиа Триаде. Они и дают самое ясное представление о всем классе табличек с письменами А. Как показывают экземпляры из обширной резиденции должностного лица, эти таблички сочетались с глиняной посудой типа L. M. I *a*, но ясно, что некоторые из них переходят в L.M.I *b*.

Вследствие столь продолжительного существования их появляется реакция в виде некоторых характерных форм кносского класса В[2]. Это подтверждается также характерной переменой в знаке десяти, хотя, как показывает сравнительная таблица на рис. 676, знаки счета очень сходны в обеих группах. Более ранний знак класса А для обозначения десяти, унаследованный от иероглифической системы, представляет собой просто шарик (●). Однако через ряд промежуточных ступеней он превратился в пользующийся всеобщим распространением знак десяти класса В, а именно в горизонтальную черту (—). Все признаки указывают на применение письма А по меньшей мере до конца L. M. I *b*, одновременного

[1] PM., I, стр. 645, рис. 478.
[2] Например, знак «трона» на ковше из Труллоса (см. стр. 28).

с ранней стадией периода L. M. II в Кносе, или приблизительно до XV столетия до н. э.

Начертания, связанные с морем, на табличках класса А из Агиа Триады, указывают на морские предприятия. Кроме того, можно найти также много указаний из области торговли и промышленности. Мы находим указания на культуру шафрана[1], оливок[2] и, очевидно, также других деревьев, плодовых или строевых. Как и в классе В, знак хлебного амбара[3] указывает на производство зерна. Ткацкий станок указывает на существование ткацкой промышленности. Наряду с повторяющимся знаком «весов» или «таланта», указывающим на крупные торговые сделки, мы встречаем, как и в классе В, указание на различные формы металлических сосудов. Для сравнения с аналогичными группами в классе В и вместе с тем для общего освещения различий между табличками класса А и более поздними табличками из Кноса мы приводим пример на рис. 715 (стр. 24).

Обзор знаков линейного класса B[4]

Таблица на рис. 666 A, B, C (стр. 30, 31, 32 ниже), а также дополнительные знаки представляют типичные формы письмен, констатирован-

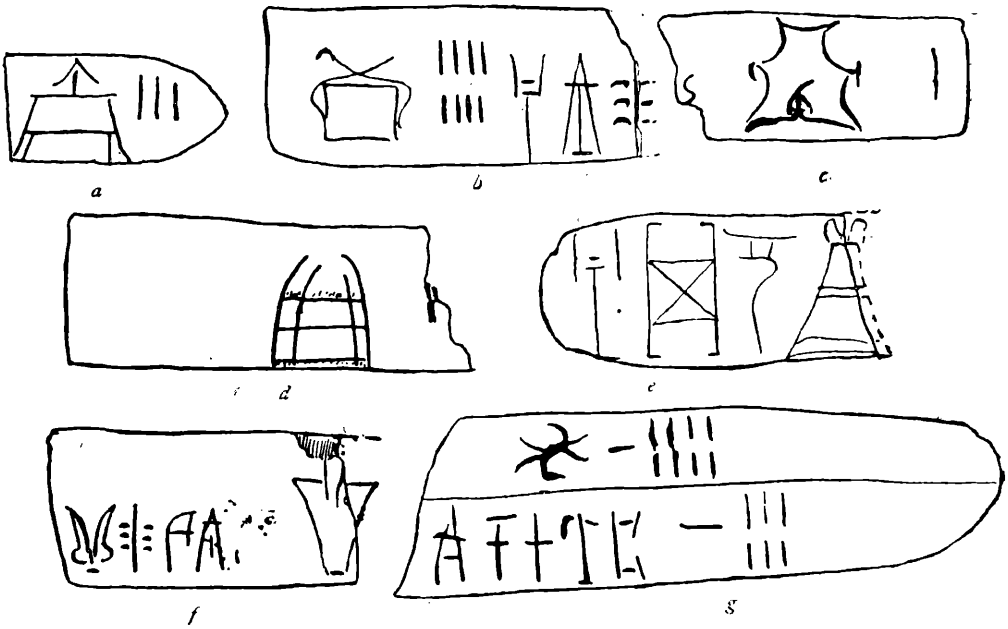

Рис. 709.

ные мною при исчерпывающем, можно сказать, чтении и транскрипции глиняных документов линейного класса В.

[1] См. PM, IV, 2, стр. 718 и рис. 703.
[2] См. PM, IV, 2, стр. 716, 717.
[3] См. PM, IV, 2, стр. 622, 623.
[4] Когда наша работа в Кносе приближалась к концу, проф. И. Сундвалл из Гельсингфорса с разрешения местных властей, но не согласовав предварительно вопроса о кносском материале с лицами, отвечающими за его археологическое изучение, исследовал материал в музее в Кандии, в том числе значительную часть табличек из Кноса. Он опубликовал в «Jahrbuch d. d. Arch. Inst.» XXX (1915), стр. 42 сл. тщательно составленный перечень знаков класса А и затем занялся классом В. Появился также ряд других его статей о критских письменах. Результаты, самостоятельно полученные компетентным ученым, всегда имеют ценность, и в данном случае они могут тоже

Среди приведенных знаков «треугольник» оказывается в двух случаях не в лигатуре, а как отдельный знак. Этот знак встречается лишь один раз в классе А на табличке из Тилисса[1]. «Петля» (№ 2) в точности соответствует различным египетским «петельным иероглифам»[2]. Замечательно, что аналогии к обоим этим знакам встречаются на псевдо-амфоре из Орхомена с надписями из М. М. III, причем второй знак поставлен в перевернутом виде[3].

№ 3 *а*, вероятно,—руль, найден в группе знаков, указывающей имя человека[4], и представляет особый интерес, так как встречается в виде варианта на разрисованном черепке из L. M. III, найденном в «квартале домов» в Кноссе[5]. Этот знак очень походит на античную форму руля.

Полный список должен включать:

1. Знаки, которые, повидимому, могут быть употребляемы с фонетическим значением как слоги и даже буквы, равно как с чисто идеографическим значением.

2. Известное число идеографических знаков, которые примыкают к вышеуказанным, но не включены в список, являясь просто пиктографическими изображениями тех или иных материальных предметов, как например, колесниц и их частей.

3. Группу знаков в описях-инвентарях, причем знаки находятся в специальной связи с обозначением чисел и указывают на различные владения (см. таблички рис. 709, стр. 25). Ряд таких знаков мы уже рассматривали в связи со складами зерна во дворце.

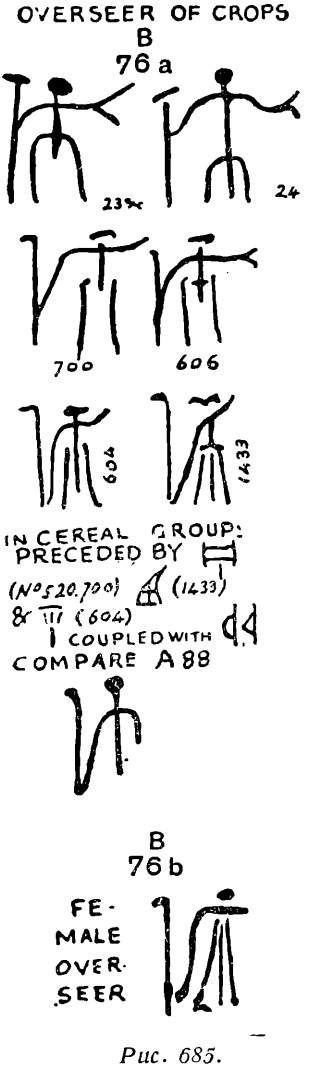

Рис. 685.

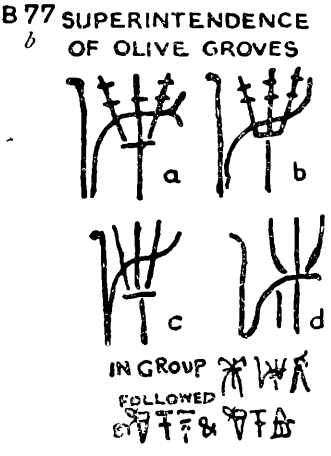

Рис. 699.

помочь исправить ошибки и неосновательные выводы, допущенные мною в ходе моей работы. Естественно, должны возникать также разногласия, но во избежание споров я в настоящей книге исхожу только из своих собственных изысканий по всему комплексу.

[1] I. Hatzidakis, Τύλισος Μινωϊκή, стр. 213, рис. 19 (по моему снимку).

[2] F. Ll. Griffith, Hieroglyphs. стр. 44 (рис. 41, 43). Относительно этой упрощенной формы он цитирует Steindorff, Das Grab des Mentuhetep, табл. III и стр. 18. Однако это не иероглиф. Обычная форма встречается в могилах Среднего царства, с оружием или рядом с ним.

[3] № 49 в моем списке-справочнике: .

[4] См. PM, IV, 2, стр. 739, рис. 723.

[5] См. PM, IV, 2, стр. 738, рис. 722.

4. Интересные идеографические знаки, относящиеся к надсмотрщикам за уборкой урожая и т. п. (см. рис. 685, стр. 26); в частности такие знаки употребляются по отношению в заведующим оливковыми рощами (рис. 699, стр. 26).

Необходимо иметь в виду, что во многих случаях знаки классов А и В, употребляемые в группах фонетически, как слоги, могут быть также употреблены отдельно во всем своем значении идеограмм. Можно привести много примеров такого двойного употребления.

Знаков, которые ex hypothesi употребляются фонетически, включая формы животных, приведенные выше в таблице, насчитывается 73, но из них 8 встречаются только один раз, обычный же силлабар состоит примерно из 62 знаков, тогда как в линейном классе А—около 85 знаков того же рода. Таким образом, фонетические знаки класса В составляют почти ровно три четверти знаков класса А. Число иероглифических знаков вместе с новейшими дополнениями будет свыше 150. Отсюда видно, что рассматриваемые как ступени к постоянному алфавиту из 24 букв знаки класса В представляют известный прогресс сравнительно с классом А.

Сравнение между классами А и В

Достаточно взглянуть на рис. 659 и 666 и сопоставить оба класса знаков А и В, и мы увидим, что у них много общего.

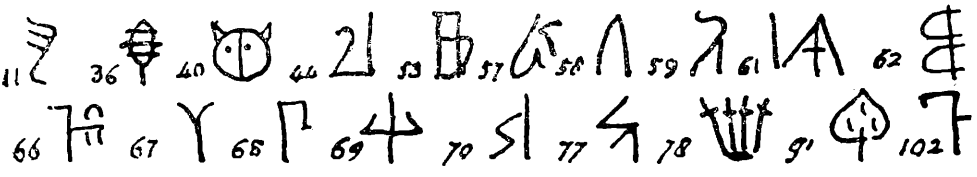

Рис. 663. Характерные знаки линейного класса А, исчезнувшие в классе В.

Отдельные случаи могут оставаться спорными; но надо сказать, что по меньшей мере 50 начертаний общи обеим системам, хотя часто различны по стилю. Отсутствует целая группа знаков, которые образуют отличительную черту класса А. Типичные примеры их даны на рис. 663. Из таблицы видно, что среди знаков, происхождение которых, повидимому можно проследить, здесь встречаются «рука и предплечье» № 11, «систр» № 36, «кошачья голова» № 40, «трон» (без скипетра) № 53, «ручные кандалы» и «лира» № 78. С другой стороны, появляется ряд совершенно новых начертаний. Среди них (см. рис. 664) имеются: «кнут» (В, № 18), «односторонний топор» (В, 20), «сакральные рога» (В, 22)[1] и «трон и скипетр» (В, 27).

В других случаях начертания, обычные в классе В, оказываются редкостью в классе А. Так, например, , несомненно, являющееся альтернативной формой и употребляемое исключительно в более позднем письме, встречается иногда вместо другого в классе А. Равным образом, неузнаваемый знак «пилки» 38 *b* (рис. 659) класса А является характерной дегенерацией класса В. Далее, знак , отличный от обычного знака

[1] Нет на рис. 664.

«трона» в этом классе и явно соответствующий знаку трона в поздних табличках дворца, , найден был в ковше из Труллоса[1] вместе с письменами А. Это можно объяснить владычеством Кноса над соседней общи-

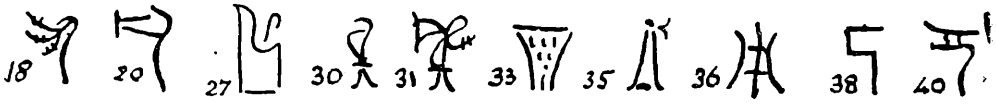

Рис. 664. Характерные знаки, впервые появляющиеся в линейном классе В.

ной Арханес. В других случаях знак «трона» в раннем классе—неизменно , без скипетра.

Хотя класс В относится к несколько более позднему периоду и во многих своих чертах представляет более развитую стадию письма, его нельзя считать просто позднейшим отпрыском класса А. Развитие его шло в общем самостоятельно, хотя обе системы в значительной мере восходят к одному общему прототипу. Действительно, в одном или двух случаях, а именно в «летящей птице» , № 32 (41 класса А) и в знаке «листа» № 28 (А 60), письмена класса В более приближаются к пиктографическим прототипам. Точно так же «односторонний топор» и «сакральные рога», найденные в классе В, и серии иероглифов не представлены в классе А. Класс В во многих отношениях свободнее и яснее, чем класс А. Хотя в нем имеется начертание , №31, в котором три отдельных знака серии , , уже слились в одну сложную форму, этот класс не обременен в такой мере, как класс А, бесчисленными лигатурами, примеры которых мы приводили выше[2].

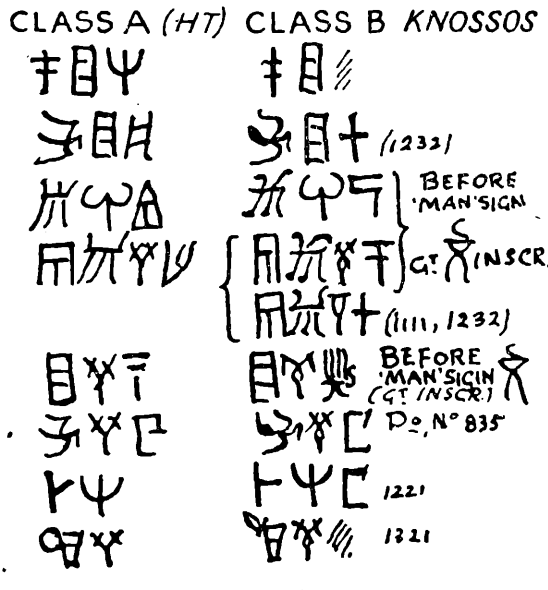

Рис. 665. Сравнительные примеры групп имен, относящихся к классам А и В.

Однако, если не считать отсутствия лигатур, общий строй письма остается тот же, он в классе В лишь яснее. Мы констатируем, что и в последнем имеются инвентари или описи владений с числами, которым предшествуют начертания, изображающие количество и часто сходные по форме в обеих группах. Система счисления, как показано ниже, фактически одна и та же, и группы знаков точно так же отделены друг от друга линейными знаками, иногда просто точками, а иногда—короткими вертикальными черточками. В обоих классах писец одинаково пишет слева направо.

---

[1] См. также PM, I, стр. 626, рис. 463.
[2] См. стр. 24 рис. 662.

Более того. Сам язык тождественен. Небольшая, сделанная для сравнения выборка на рис. 665 показывает, что в обоих классах встречаются те же самые личные имена. В табличках класса В они засвидетельствованы знаком «мужчина» или «женщина».

Мы не находим здесь признаков насильственного внедрения нового письма в результате чужеземного владычества. Подобно старой системе письма, новая тоже коренится в местных условиях Крита и является существенной частью его истории. Скорее можно считать, что имеются признаки перемены династии.

Анализ знаков класса В

Переходим к анализу знаков таблицы на рис. 666, числом 73. Добрую треть из них можно считать пригодною только для идеографического употребления; в большинстве случаев знаки здесь непосредственно связаны с числами. Но трудно провести четкую и прочную грань. Некоторые знаки, например фигуры животных № 68—73, носят первоначально характер рисунков и идеограмм; однако они включены также в группы знаков, где они часто могут означать личное имя, частью которого является название животного.

Точно так же «корабль» и другие знаки, выражающие определенный предмет, найдены в сходных положениях в группах знаков собственного имени. Мы остановимся на этом подробнее в разделе, посвященном спискам лиц[1].

Как мы увидим, помимо более или менее простых геометрических начертаний[2], восходящих к тому, что можно назвать первоначальным классом, который сам по своему характеру часто приближается к формам алфавита, происхождение изрядного количества знаков обоих классов А и В отчетливо вскрыто.

В классе В вряд ли могут быть сомнения относительно обозначения головы и шеи в , одной руки в и скрещенных рук в . Знаки «забор» , «ворота» , «серп луны» говорят сами за себя. Среди растительных форм имеются начертания «дерева» , «листа» и «лилии» . Среди животных форм мы находим «летящую птицу» , голову дельфина или тунца и другие формы, в которых ярче выражен исключительно идеографический характер, например, передняя часть быка . Некоторые письмена истолковываются с помощью более ранних форм, найденных среди иероглифов или в линейном классе А; в частности, «пилка» , № 16, в более развитых вариантах, которые мы здесь видим, стала теперь уже неузнаваемой. Далее, происхождение знака «двусторонний топор» удостоверено более древними промежуточными формами; вариант с одним острием , появляющийся теперь, во всех деталях на него похож.

Гиератический и египетский элементы

В Кносе, который, надо полагать, управлялся царями-жрецами, гиератический элемент в классе В, естественно, отмечен весьма отчетливо.

---

[1] См. PM, IV, 2, стр. 709—711.

[2] Например: 1—4, 15, 51, 54, 56.

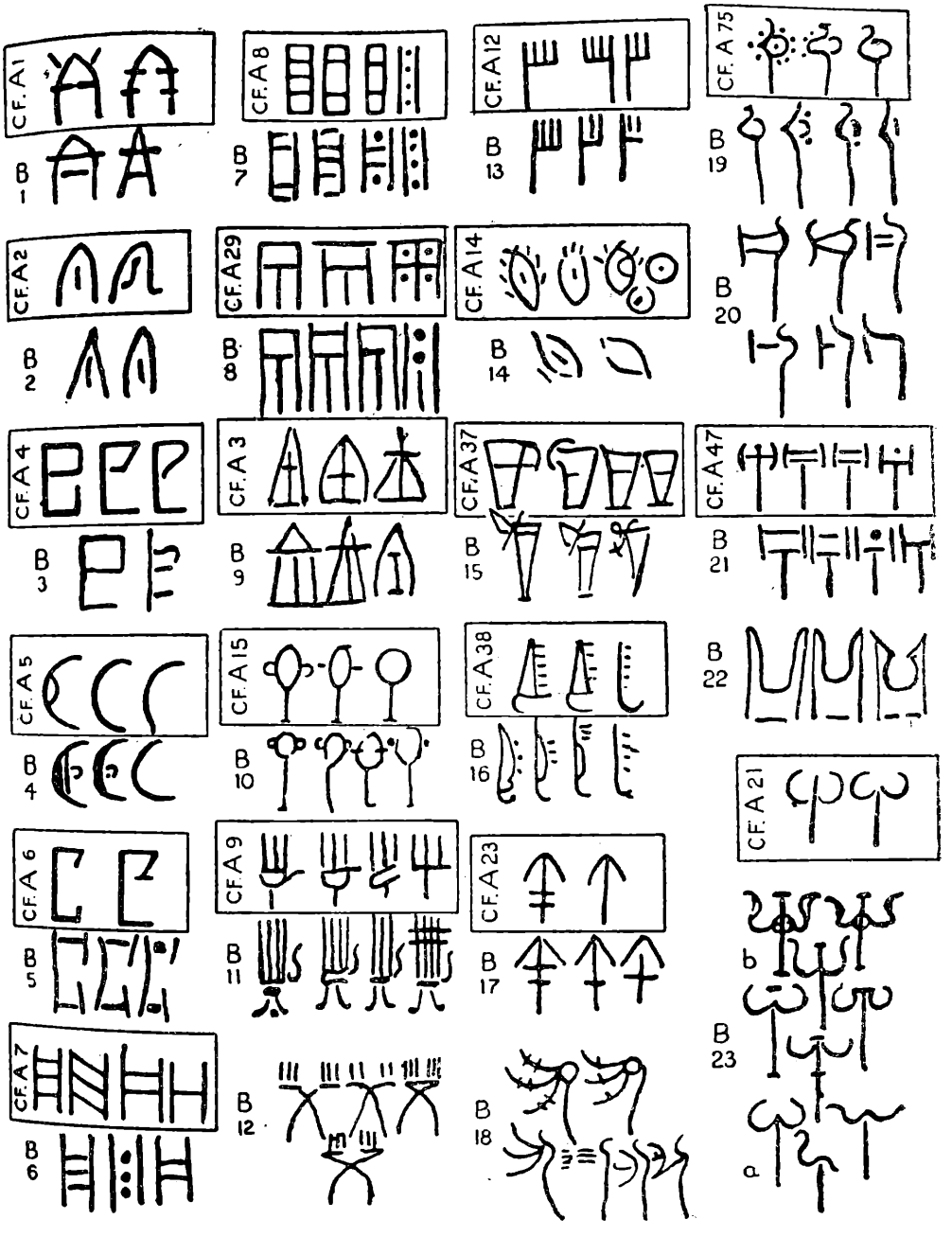

Рис. 666 (А). Обзор линейных знаков В и сравнение с классом А.

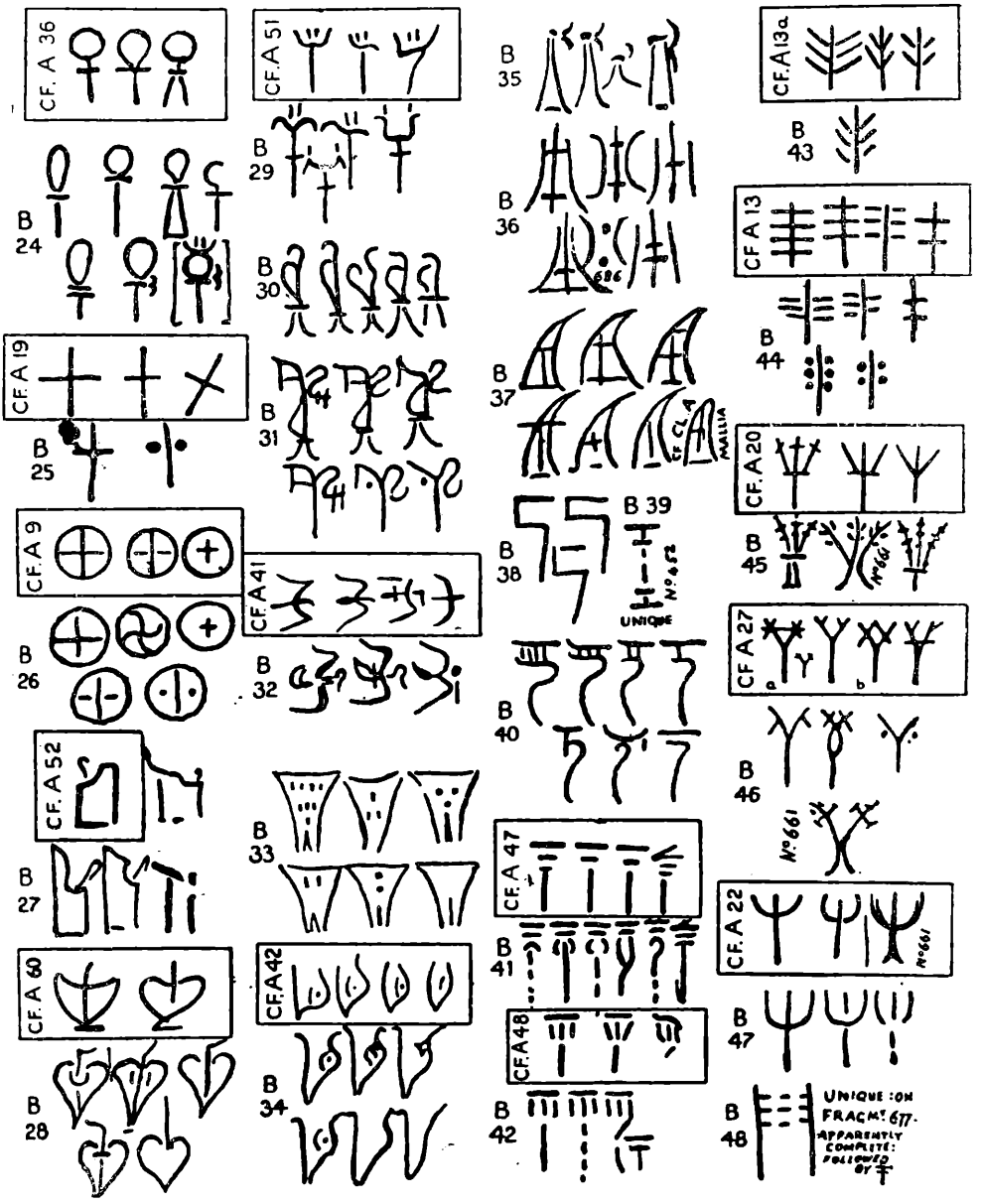

Рис 666. (В). Обзор линейных знаков В и сравнение с классом А.

Рис. 666 (D). Дополнительные знаки класса B.

Рис. 666 (C). Обзор линейных знаков B и сравнение с классом A.

Некоторый египетский элемент виден в ankh, или знаке жизни, ☥; он имеется также в классе А (№ 36). Кроме того, в двух случаях явно традиционные формы, восходящие к стадии иероглифов, 𓇋 и символ листа 𓇼, превратились в начертания сакрального характера. Мы уже пока-

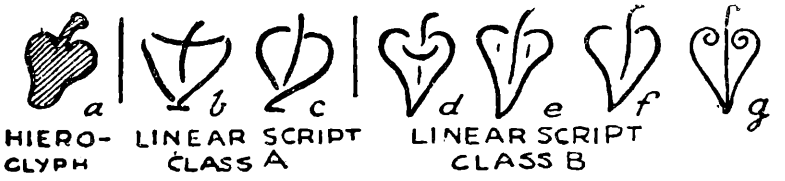

Рис. 667. Эволюция «сакрального листа плюща».

зывали выше[1], что знак «листа» с внутренним изгибом (*d* в серии рис. 667) «скрещивается» с сакральным листом плюща 𓇼, который сам развился как орнамент из папирусного жезла *waz* богини Дельты.

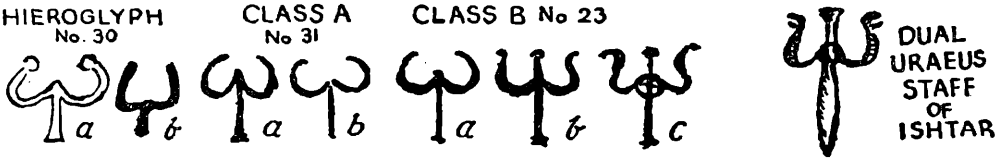

Рис. 668. Знак 𓇋, показывающий смешение его с начертанием Uraeus в классе В.

Знак 𓇋, который появляется еще на стадии иероглифов, причем источник его неясен, представляет интересную параллель. Можно почти не сомневаться, что в форме *c* рис. 668 он был уподоблен «двойному жезлу с уреем» богини Иштар, показанному на рисунке, родственному с жезлом богини Гатор, который столь явственно повлиял на цилиндрические кипро-минойские письмена[2].

Знак «двустороннего топора» 𓏛 и 𓏛, встречающийся и в классе А,—чисто минойского религиозного происхождения. Его можно проследить через промежуточные варианты вплоть до иероглифического рисунка, обозначающего священное оружие (рис. 669). По всей видимости, его часто употребляли как идеограмму, и мы можем заключить, что местное слово, обозначением которого являлась эта идеограмма, связано с родственной анатолийской формой labrys'a. Дополнением к этому является аналогичный знак 𓏛 или 𓏛, образованный из начертания одностороннего топора в серии иероглифов. Как уже было сказано, этот знак не был найден в классе А, но ожившее употребление его связано

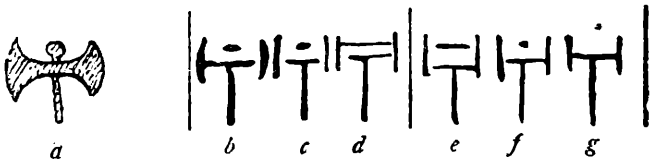

Рис. 669. Эволюции знака двустороннего топора: а—иероглифы; b—d класс А; e—g класс В.

[1] PM, II, pt. II, стр. 485 сл. и рис. 290 (повторен в рис. 667).

[2] См. мои «Myc. Tree and Pillar Cult.», стр. 50, 54 (JHS, 1901, стр. 148—152) и рис. 28, 29.

с важным значением сирийского одностороннего топора. в позднейшем дворце, хотя сам знак сохраняет свою более старую форму.

Теперь снова появляется знак «сакральные рога» (№ 22), так часто связываемый в культе с двойным топором. Он тоже был найден в серии иероглифов (№ 37), но отсутствует в классе А.

Трон и скипетр

Связь с царями-жрецами хорошо обнаруживается в часто встречающемся знаке, в котором следует признать трон и скипетр. Трон имеет высокую спинку (№ 27), как в церемониальном зале дворца. Изогнутый скипетр перед сидением—подходящая эмблема «пастыря народов»[1]—титул, который Гомер часто дает Агамемнону. Как символ царской власти, он заимствован из Египта, где скипетр, знак царской власти, был во времена первых династий[2] тождествен с пастушеским посохом. Египетский знак «трона» с толстой спинкой[3] имеет впереди выступ, служащий скамеечкой для ног; эта деталь повторяется в кносском троне[4] с его почти готической формой.

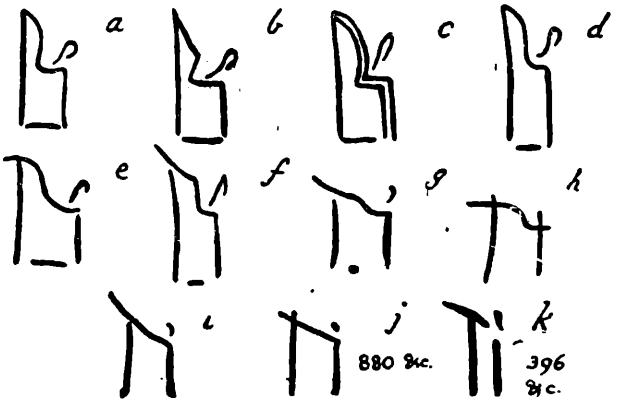

Рис. 670. Знак «трона и скипетра» в классе В и его дегенерации.

Соответствующий знак в классе А с красиво загнутой нижней частью, очевидно, означает почетное кресло. Он не связан со скипетром. Но, как уже говорилось выше, в надписи на каменном ковше из Труллоса близ Арханэса в районе Кноса появляется уже форма В этого знака. Ниже мы описываем интересный знак «двойного трона», или *bisellium*.

Этот знак имеет обычное фонетическое значение и применяется в любом месте, но употребляется так же как идеограмма и со значением детерминатива. Он часто ставится перед некоторыми знаками, относящимися к собственности и связанными с числами, например, перед знаком «стадо» и его вариантами, и тоже соединяется с и «кубком» . В других случаях этот знак непосредственно поставлен перед числами[5]. Далее иногда он, очевидно, ставится отдельно перед теми или иными словами или фразами[6]. Если он поставлен отдельно перед колесницей[7], он,

[1] Ποιμὴν λαῶν. Этот титул более пятидесяти раз применяется в поэмах Гомера к царям и начальникам (T. Day Seymour, Life in the Homeric Age, стр. 95). Ср. Исаия XI, 11.

[2] F. Ll. Griffith, Hieroglyphs, стр. 57 и табл. III, рис. 39. Посох в его различных формах был также словом-знаком для обозначения стада мелкого и крупного скота.

[3] См. Griffith (ibid., стр. 54); Beni Hasan, V, pt. III, pl. VI, 86.

[4] См. ниже § 116.

[5] В этом виде он находится в начале моего списка-справочника.

[6] См. 50 в моей серии.

[7] См. 230, 559, 683, 684, 685 и др. Эта формула повторяется два раза также на краю

очевидно, означает ее царственного владельца. В ряде случаев формула встречается в начале надписи; оба эти знака часто составляют также, по всем признакам, начало мужского имени[1]. На широкой табличке 1552, повидимому, возвещающей имя знатного женского лица, начертанное большими письменами, за ними следуют более мелкие буквы, которыми, очевидно, записан титул этого лица, кончающийся знаком трона в качестве детерминатива[2].

Самый этот знак часто встречается во всей серии кносских табличек, и постепенное упрощение его формы[3], последовавшее в результате этого постоянного повторения (см. рис. 670), повело к ряду последовательных изменений и конечный вариант их можно принять за Ti, написанное современными буквами.

Голова с рогами

В этой связи заслуживает особого внимания другое интересное начертание в его развитой форме в серии B (№ 49). Этот знак встречается

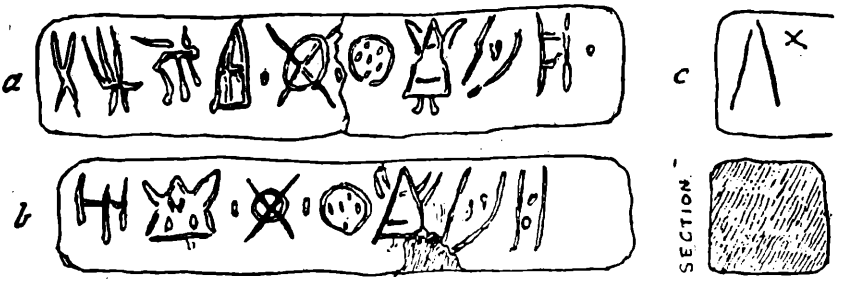

Рис. 671. Глиняная полоска с надписями: Маллия, М. М. III а.

на всех стадиях минойского линейного письма, и мы можем с большой вероятностью считать его символом официальной должности.

В своей самой примитивной форме—явные пережитки ее мы можем проследить в некоторых табличках класса A из Агиа Триады—этот знак уже появляется на одной полоске с надписью. Эту полоску надо считать самым поздним переходным классом памятников из Маллии[4], относящихся к самой ранней стадии М. М. III. Мы воспроизводим ее здесь по моему снимку (рис. 671)[5].

---

[1] находится перед знаком «мужчина» в списке под № 1553 и 1558 и точно таким же образом под № 1209 (в других случаях соединен с чем-то вроде знака).

[3] См. также PM. I, стр. 626, рис. 464.

[4] Prof. F. Chapoutier, Les Écritures minoennes au Palais de Mallia (1903), стр. 55, 56. LI *a*, LI *b*.

[5] Снимок сделан с любезного разрешения проф. Шапутье и французской миссии. В основном он сходен со снимком проф. Шапутье, но конечный знак в обоих рядах более точно соответствует , которым он, очевидно, является как конечный знак во втором ряду. Предпоследнее начертание, очевидно, тождественно со знаком «головы животного», встречающимся на табличках из Маллии (см. op. cit., стр. 33, рис. 14). Небольшая группа глиняных «полосок», в которых он встречается, правильно причисляется к линейному классу из М. М. III, op. cit., стр. 57, 58.

Интересна форма этого памятника—глиняная полоска: она является пережитком иероглифической традиции. Первый знак на ней, X, тоже взят оттуда, точно так же упрощенный вариант головы животного; но O, перечеркнутое X'ом, является уникальным. В остальном письмо надо отнести к примитивной стадии линейного класса A[1], и надпись представляет особый интерес по встречающимся в ней древнейшим примерам знака , который повторяется здесь три раза (см. рис. 672, *a*, *b*, *c*). Два раза он следует за знаком «корма для скота », а в начале второго ряда он соединен с разновидностью «двустороннего топора» и сам тоже является в другом варианте. Вряд ли можно сомневаться, что здесь перед нами остроконечная голова какого-то животного[2].

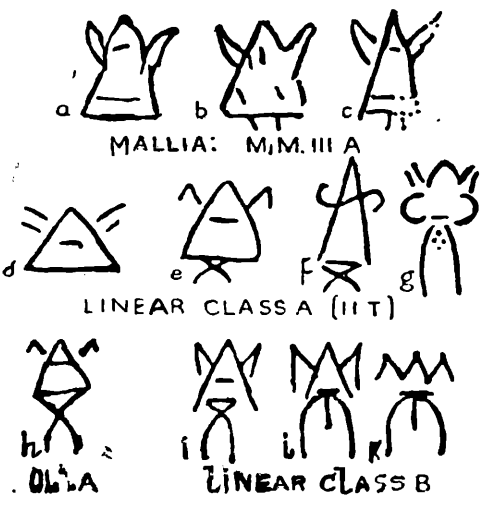
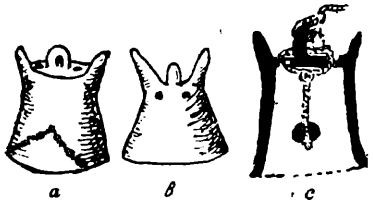

Рис. 672. Знак «шлема с рогами» и производные от него. j, k—вариант, встречающийся в той же группе знаков, что i.

Эти начертания, находящиеся в начале сравнительного ряда линейных классов A и B и сгруппированные на рис. 673, показывают нам пиктографические корни этого типа. Множество признаков указывает на широкое распространение на Анатолийской стороне начертаний шлемов, более или менее конических, с рогами. Они обычно сопровождают фигуры хеттских божеств и царей (рис. 673)[3], причем часто изображены четыре рога. Однако для шлемов с двумя рогами мы имеем два классических образца в позднеминойском искусстве. Самой ближайшей параллелью является фрагмент рельефа на фаянсовом сосуде из третьей шахтовой могилы в Микенах[4]. На этом

[1] Часть глиняной полоски из Палейкастро тоже исписана письменами этого класса.

[2] Мы не можем согласиться с интересным предположением Шапутье (op. cit., стр. 59, 60), что этот знак взят из круга предметов, считающихся то «идолами», то «посвященными одеждами», то — как утверждается в PM, I, стр. 175—«вотивными овечьими колокольчиками». Верхняя часть знака, видимая во всех его фазах, здесь отсутствует. Вместо нее имеется ручка (на *a*), которая позднее становится просто бугорком (*b*); в первоначальном культовом объекте имеются два отверстия, за которые подвешивался язычок колокольчика (во вторичном типе *b* они сходятся сбоку). Рисунок *c* показывает разрез с колокольчиком. Однако в данном случае решающее значение имеет хронологическое расхождение. Культовые объекты, о которых здесь идет речь, характерны для находок из M. M. I *a*; между тем, известно, что этот знак впервые появляется в M. M. III *a*, примерно через три столетия.

[3] *a*, Ивриз (Wright, Emp. of Hittites, табл. XIV); *b*, Сенджирли; *c*, Телл-Башер (Hogarth, Hittite Seals, табл. X, 313).

[4] Schuchhardt, Schliemanns Excavations, стр. 207, 208 и рис. 198. Щит, вероятно, обычной минойской формы в виде восьмерки, а не «круглый», как сказано у Шухардта. В Египте Рамесидов шлем с рогами связывался специально с шардана. На «вазе с воинами» в Микенах мы видим такой шлем на головах двух бородатых воинов. Отметим, что у этих воинов с копий свисают сумки с продуктами; это, очевидно, указывает на них, как на мародеров.

фрагменте изображена голова воина, с надвинутым до шеи круглым краем широкого щита (рис. 674). Рис. 675 воспроизводит конический шлем того же самого общего типа, но в более приукрашенном виде: он снабжен наверху петушиным гребнем, а с боков — волнистыми бараньими рогами. Этот шлем начертан на чечевицеобразном сердолике из гробницы в Вафио[1] (L. M. I *b*). Обычный орнамент из рядов кабаньих клыков ясно намечен здесь чередующимися рядами кривых[2]. Два шнура в этом рисунке, служащие для завязывания (шлема) у головы, завиваются внизу и появляются также с боков; они дают достаточное объяснение обеим коротким подвескам на рис. 672 *b*, *c*, внизу.

Рис. 673. «Шлем с рогами» хеттских владык.

Рис. 674. Воин в шлеме в виде головы с рогами. Фаянсовый рельеф из Микен (задний рог реставрирован).

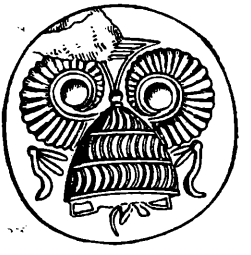

Рис. 675. Чечевицеобразная круглая печать из гробницы в Вафио с изображением шлема с бараньими рогами и рядами кабаньих клыков.

Эти рудиментарные шнурки получили в дальнейшей эволюции данного знака новую интерпретацию как короткие, перекрещивающиеся подпорки типа «походного складного стула» и постепенно ассимилируются с более длинными «ножками» в других знаках.

В этом начертании следует в таком случае признать другую эмблему личного достоинства. В качестве фонетического знака это начертание часто встречается в группе знаков.

Система счета

За исключением частичного пережитка формы «шарика» для знака десяти, унаследованной от иероглифов, система счета в классах A и B фактически одна и та же, хотя дроби яснее выражены в классе A, а знак для 10 000 встречается только в классе B (см. сравнительную таблицу, рис. 676).

Что перед нами десятичная система счисления, ясно видно из того, что число единиц никогда не превышает девяти и точно так же число десятков и сотен.

Далее, замечательная, повторяющаяся черта в изображении чисел в глиняных документах доказывает существование системы процентов. В одной глиняной полоске обычного типа после начертания, которое надо считать личным именем, следуют во всю высоту таблички знаки, которые изображают подсчет и разделены горизонтальной линией на два ряда. Верхний из них содержит один или оба варианта знака «стада» , как установлено было выше; затем следуют числа. Иногда, как на рис. 677, *a*, кружок, изображающий 100, показывает итог. В верхнем ряду чаще всего

[1] Tsountas, Ἐφ. Ἀρχ., 1889, табл. X, 37.

[2] Возможно, что черточки в рисунке шлема с рогами на рис. 672*b* указывают на подобный орнамент.

содержится бо́льшая часть сотни, в нижнем—меньшая. Эти меньшие суммы часто стоят после начертания, которое, очевидно, является знаком чиновника, как-то и и, главным образом, со знаком «трона» и скипетра» . Во всех этих случаях мы находим, что сложение сумм верх-

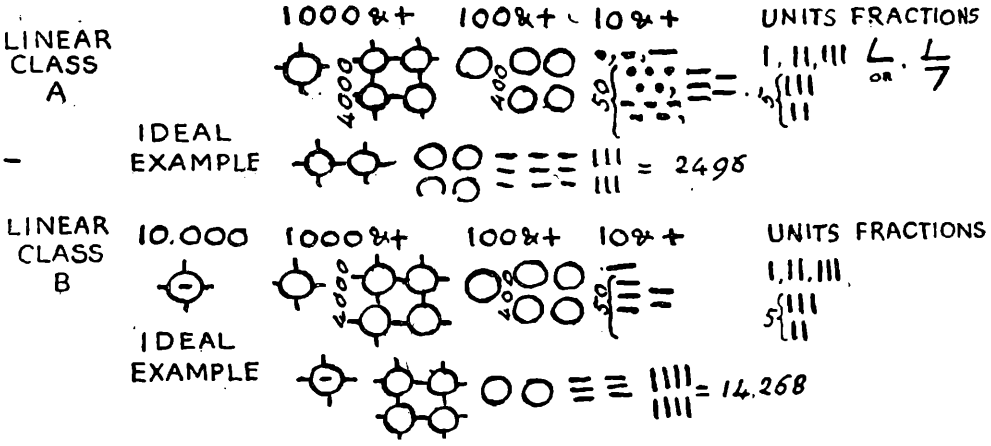

Рис. 676. Цифры классов A и B.

него и нижнего рядов дает цифру 100. Простой пример этого дан на рис. 677, *b*, где сумма чисел верхнего ряда 57+23=80, а в нижнем ряду более мелкими знаками, чем в верхнем, дано, повидимому, имя какого-то

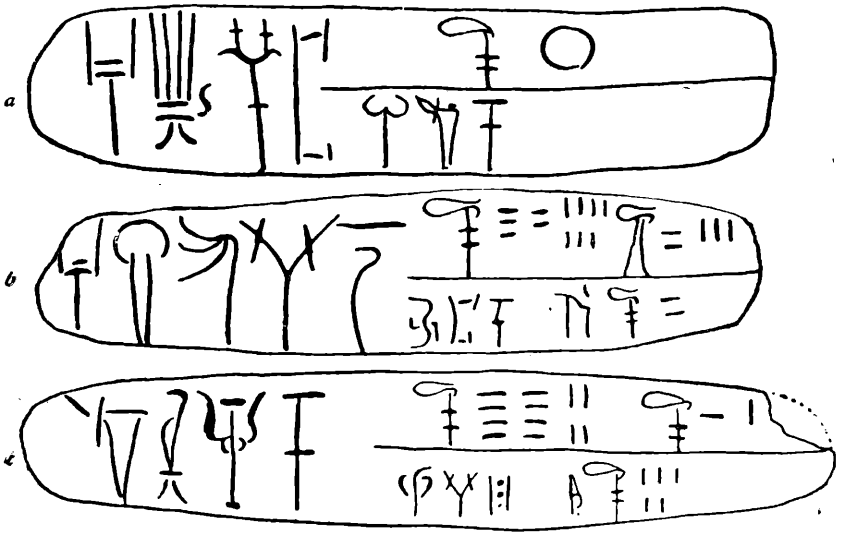

Рис. 677, a, b, c. Таблички «процентов».

должностного лица, затем следуют знаки «трона» в соединении со знаком «стада» и цифрами=20. Итак, вся сумма составляет 100, а доля царя составляет, повидимому, 20 процентов.

В аналогичном экземпляре (рис. 677, *c*) в верхнем ряду дана сумма 84+11=95, а в нижнем за группой мелких знаков, очевидно, представляющей собой имя чиновника, и за или знаком «стада» следуют цифры=5. Здесь общая сумма тоже 100, но доля отчисления равняется только 5 про-

центам. Иногда она снижается до 1 процента. Иногда общая сумма равняется 50 или 200; здесь опять-таки каждый раз сказывается десятичная система.

Интересный вариант этих табличек «процентов» показан на рис. 678, *a*, *b*. Здесь общая сумма дана в *a*: 90+10=100, в *b* дано: 48+2=50.

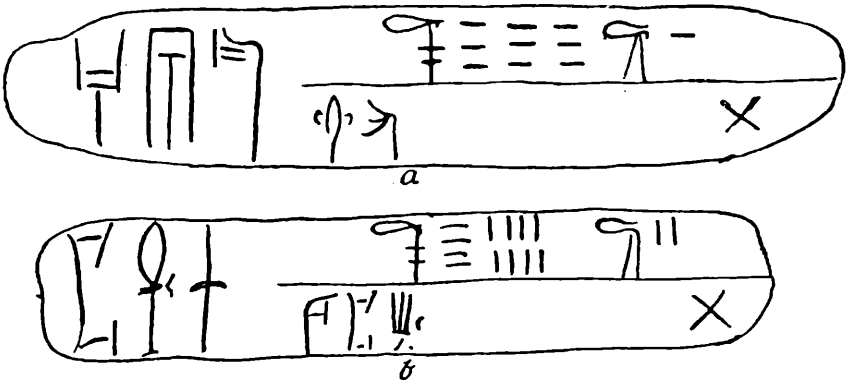

Рис. 678, a, b. Варианты табличек «процентов», показывающие во втором ряду X=0.

Таким образом, общая сумма содержится здесь в первой строке, а во второй в обоих случаях, вместо обычного указания процентной доли, следуют знаки, выражающие, вероятно, именные группы, и затем начертание X. Ясно, что этот знак X надо толковать не как *x* в нашей современной математике, а просто, как 0 (нуль), потому что не получилось никакого остатка.

Знаки сложения

Рис. 679 дает хороший пример сложения. Числа следуют за знаком, который по своему общему виду был описан здесь как знак «знамени».

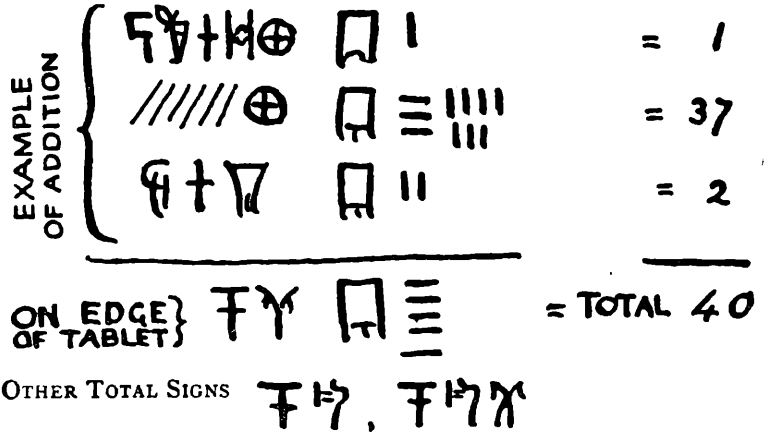

Рис. 679. Пример знаков сложения.

В данном случае общая сумма 40 указана на краю таблички; перед суммой находятся два знака, которые в других (табличках) указывают на сложение в конце перечней. Постоянный начальный знак итога 𐄷. Однако часто за ним следует знак «одностороннего топора» 𐄸, или же он соединен со знаком 𐄹, который, повидимому, находится в тесной связи со знаком 𐄺.

К ПРОБЛЕМЕ «АРИЙСКОГО» ЗАВОЕВАНИЯ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Н. А. Шолпо

Вопрос о вторжении племен древних ариев в Индию и Иран во II тысячелетии до н. э. является чрезвычайно важным и принципиальным в связи с различными теориями, группирующимися вокруг него.

Несмотря на большую актуальность проблемы «арийского» завоевания, советские историки не дали ее научного решения. Некоторые историки, вместо того чтобы серьезно исследовать историю вторжения древних ариев в Индию, уклоняются от этой работы, отделываясь просто отрицанием самого факта вторжения. Теории буржуазных ученых, утверждающих, что до «арийского» завоевания в Индии никакой истории не было, что только с «арийцев» начинается история Индии, не критикуются, а только берутся в кавычки.

Нельзя сказать, что вопрос об «арийском» завоевании никак не ставился в советской науке. В ряде статей в Большой Советской Энциклопедии[1] этому уделено много внимания, но четкого ответа на этот вопрос там найти нельзя. Так, например, А. Золотарев в статье об археологии Индии (т. XXVIII, стр. 234) говорит о «гипотетической миграции так наз. арийцев», а Н. Кун в статье о Ведийском периоде (там же, стр. 235) называет вторжение ариев «мифическим завоеванием» и, излагая теории буржуазных историков, снабжает их выводы словами «якобы» и «будто бы», опровергая тем самым их точку зрения, но не давая ничего взамен. Между тем, из статьи Р. Шор об арийцах (т. III, стр. 233) и индоевропейцах (т. XXVIII, стр. 395) вытекает, что «арийцы» являются завоевателями индийских народов. Не отрицать голословно факт вторжения «арийцев», а дать анализ эпических памятников Индии— вот первая задача советского историка. Ведь об ариях говорят не только легенды, но и надписи Ирана и античные писатели—Геродот, Страбон и др. Советский историк должен не отделываться игнорированием этих памятников, а изучить и использовать их для того, чтобы марксистски объяснить исторические факты.

Раскопки в долине Инда открыли до того неизвестную высокоразвитую культуру «доарийской» Индии и опрокинули все теории буржуазной науки: уже до прихода «арийцев», оказывается, «дикие» племена Индии были в состоянии воздвигнуть благоустроенные города, создать многочисленные памятники искусства, изобрести письменность. Рассматривать общество Мохенджо-даро стоящим на более высокой ступени, нежели

[1] БСЭ, т. III, стр. 233; т. IX, стр. 161; т. XXVIII, стр. 234 сл., 395 и др.

ведийское, казалось бы, нельзя: история ведь не идет вспять, а развитие идет от низших форм к высшим. При этом, однако, забывают, что хотя развитие идет по восходящей линии, но оно не идет по прямой, а по спирали. Становясь на путь бюхеровского прямолинейного развития общества, отрицая возможность временной гибели культуры, возможность временного затухания и даже регресса, некоторые историки путем искажения фактов втискивают их в прокрустово ложе наперед данной схемы.

Проблема «арийского» завоевания упирается прежде всего в вопрос о том, кто такие были древние арии («арийцы»). Прежде, в науке XIX в., термины «арийцев» и «индоевропейцев» являлись тождественными, и еще Энгельс, например, в своей статье о древних германцах[1] говорит о вторжении «арийцев», разумея в них, очевидно, индоевропейцев. Современная наука не говорит об индоевропейцах как об этнической группе, имеющей общего предка, но только о языках индоевропейской системы. Также и об «арийцах» как об этническом понятии современная наука не говорит, но только об «арийских» языках, т. е. о восточной группе индоевропейских языков, т. е. о языках Индии, Ирана, некоторых народов Средней Азии. С точки зрения яфетического языкознания индоевропейской семьи языков нет, как не имеют они и общего предка. Индоевропейская речь всегда была речью господствующего класса, говорит Н. Я. Марр, и «куда ни заносилась она тем господствующим классом, в Азию ли, или на окраины Европы, там на месте, с наличным населением в условиях его доисторического яфетического племенного состава, вырабатывался в тот или иной конкретный, уже совершенный индоевропейский язык, в Индии в санскрит, на Иране в персидский язык, в восточной и северной Европе в славянские и германские языки; ...в путях скрещения с продолжавшими в нем пережиточно существовать доисторическими яфетическими языками... выработался в свой, своеобразный совершенный вид на месте своего нахождения, усваивая от скрещивавшихся с ним пережиточных племен доисторического населения не только речь, но и мифы и эпос»[2].

Если в целом индоевропейские языки не имеют общего праязыка, то арийские, состоящие из двух больших групп—индийской и иранской, чрезвычайно близки друг к другу. «Эти две группы,—говорит А. Мейе,—представляют значительное число общих особенностей и отличаются одна от другой не более, чем, например, верхненемецкий язык от нижненемецкого»[3]. Н. Я. Марр полагает, что «индоевропейские языки Средиземного моря ни с какими племенами особой расы не являлись откуда бы то ни было: они тут же в пределах Средиземноморья и возникли в яфетической племенной среде»[4]. Но с индийской группой языков дело обстоит иначе. В другой статье Марр говорит, что «как ни древен санскрит... он лишен первичной генетической увязки с языком своей же страны, т. е. он явно пришлый в Индии»[5]. Таким образом, арийскими языками мы называем языки господствующего класса древней Индии и Ирана. Эти языки не приносились завоевателями в готовом виде, а вырабатывались в тот или другой конкретный язык в условиях скрещения с языками коренного населения. Естественно, что языки Индии и Ирана выработались в два

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XVI, ч. I, стр. 341.

[2] Н. Я. Марр, О происхождении языка. Избр. соч., т. II, стр. 194.

[3] А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 88.

[4] Н. Я. Марр, Иберо-этрусско-италская скрещенная племенная среда образования индоевропейских языков. Избр. соч., т. I, стр. 187.

[5] Н. Я. Марр, Общий курс учения об языке. Избр. соч., т. II, стр. 72.

различных языка, но общие черты их показывают, что происходят они от общего праязыка[1].

Что же представляли собою племена, говорившие на «арийском» языке в своем «доиндоевропейском» состоянии? Для этого следует обратиться к первоисточникам, отбросив все то, что появилось на них в виде наукообразных наростов. Этими первоисточниками являются прежде всего «Ригведа», священная книга индусов, древность которой признается всеми исследователями, а также «Авеста», священная книга иранских народов, персов. После работ Макса Мюллера, Бюрнуфа, Рота, Дармстетера и других ученых индианистов и иранистов наука внесла много в изучение этих древних текстов. Но все еще недостает марксистского критического исследования, сравнительного изучения «Ригведы» и «Авесты», что привело бы к интересным результатам.

«Ригведа» и «Авеста» имеют некоторые общие места, они касаются иногда одних и тех же явлений, но освещают их различно. При изучении этих текстов надо всегда учитывать сложную историю, пережитую ими; учитывать, что с течением времени они подверглись переработке и сокращению, учитывать, что текст сохранился лишь в тех частях, которые были угодны господствующему жречеству, превратившему эти книги преданий в священные книги. Но тем бережней следует относиться к тому, что сохранилось в них, и попытаться найти в них зерно исторической правды. Каждая книга проделала длинный путь самостоятельно, поэтому то, что сохранилось в них общего, имеет наибольшую ценность для нас—это общее ведет нас ко времени доисторического, доклассового, «доарийского» состояния племен, создавших «Авесту» и «Ригведу»; ведет нас ко временам, когда эти племена еще не заселили Ирана и Пенджаба.

Вендидат (Видевадат—«Закон, данный против девов»), одна из частей «Авесты», рассказывает в первой главе, как «премудрый господь» Ахура-Мазда создал Ариана вейджо—страну ариев, но злой дух Ангра-Майню вытеснил поселившиеся там племена. Народы переселились в Сугду (Согдиану), затем в страну Моуру (Маргиану, Мерв) и далее, через Бактрию, Нису, Арию, Кабул, Гирканию, Арахозию, Раги, Дрангиану они прошли к устью Гельменда (Этимандер). Здесь часть племен прошла в Хорасан, а другая часть в Хапта-Хенду (Сапта Синдху)—Пенджаб.

«Ригведа», как показывает изучение встречающихся в ней географических названий, названий растений и животных, возникла в восточной части современного Афганистана, где-то на северо-запад от Пенджаба. В «Ригведе» рассказывается, как продвигались племена от одной реки до другой, как они достигли притоков Инда—Круму и Гамати, и дошли, наконец, до Инда, который был назван ими Синдху, т. е. «река», «поток»; а вся страна, включая Инд с его притоками (Пенджаб—«пятиречье») и реки Кабул и Сарасвати, была названа ими Сапта Синдху (Семиречье).

Западная группа племен, как это видно из «Авесты», встретила сопротивление у коренного населения, которое называлось ими dâha (авест. dânu), т. е. «враги, рабы», себя же завоеватели называли arija (авест. airja), что значит «знатные, благородные»; покоренная страна называлась arjana (авест. airjana), откуда произошло среднеперсидское Êran и современное Иран.

[1] В нашей науке, особенно в последнее время, появилась боязнь термина «праязык», (см., например, сборник «Наука о расах и расизм», 1938 г.). Но надо иметь в виду, что, говоря о праязыках иранских и индийских народов, мы говорим, что язык является признаком принадлежности не к той или иной расе, а к этнической группе, племени, нации.

Восточная группа племен столкнулась с народами, населявшими бассейн Инда, которых впоследствии завоеватели называли dasa, т. е. «враги, рабы», а себя они называли arja, т. е. «благородные, знатные», в отличие от варваров. Покоренная ими страна стала называться Ариаварта (страна ариев).

Так из преданий священных книг «Авесты» и «Ригведы» вытекает, что откуда-то с верховьев Яксарта и Окса пришли племена, подчинившие себе коренное население Ирана и Инда. Они называли себя «арьями», т. е. благородными, по отношению, конечно, к покоренным. Термин «арья» не есть, следовательно, племенное название пришлых народов,—у себя на родине они не называли себя так; этот термин не является, следовательно, этническим, расовым, а является термином социальным, классовым, поскольку завоеватели заняли господствующее положение среди покоренных.

В «школе» Покровского было модным отрицать миграции. Конечно, если возводить миграцию в особую теорию, превращать ее в отмычку для объяснения чуть ли не всех явлений в обществе, то мы будем далеки от научного объяснения. Но так же далеки будем мы от науки, если мы повсюду будем отрицать миграцию, даже там, где об этом говорят факты. «Ригведа» и «Авеста» определенно носят характер иноземного происхождения и в той или иной мере вспоминают свою общую родину. Факты говорят, что когда-то в древности (некоторые полагают—в середине или конце третьего тысячелетия) происходили переселения народностей, осевших затем на еще не заселенных местах или покоривших коренное население. И сразу же перед нами встает вопрос: что же толкало эти народности в далекие странствия, что толкало их покинуть свою родину? С гениальной простотой и четкостью дает ответ на этот вопрос Маркс:

«Давление избытка населения на производительные силы заставило варваров из плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства... Только оставаясь в небольшом числе, они могли продолжать быть варварами. То были пастушеские племена, охотники и воины; их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума, как то имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе»[1].

Общественная организация этих народностей выявляется из данных «Авесты» и «Ригведы». Народности эти состояли из многочисленных племен—«Ригведа» перечисляет всего девять (бгараты, поравы, икшваки, пантшалы, тритсу и др.), но их было, конечно, больше; некоторые из этих племен образовались из слияния нескольких племен, как, например, пантшалы, самое название которых говорит, что они образовались из пяти племен; некоторые, напротив, выделяли из себя новые племена; так, племя тритсу выделилось из племени бгаратов. С другой стороны, «Авеста» постоянно говорит о племенах во множественном числе, а Геродот (I, 101) перечисляет шесть различных мидийских (тоже «арийских») племен. Найти здесь какое-либо вполне сложившееся племенное деление невозможно. Мы застаем это общество на стадии формирования племен.

Племя, авестийское «занту», соответствует ведийскому «джанас» (равнозначно греческому γένος и латинскому genus) и является союзом родовых общин (авест. и вед. «вис») со своим старейшиной (авест. и вед. «виспати»). Племя имело своего верховного вождя (авест. «зантупати»). Патриар-

[1] К. Маркс, Вынужденная эмиграция, Собр. соч., т. IX, стр. 268.

хальная семья возглавлялась отцом (авест. и вед. «питар», т. е. «защитник»), в ней можно проследить пережитки матриархата и прежних дородовых отношений кровнородственной семьи, сохранившихся в терминологии родства. Так, например, термином «питар» называли не только отца, но и всех старших в роде, «напат» означает потомка вообще (санскр. «внук»); «Ригведа» указывает на существование (в мифологии) брака между братьями и сестрами. Сложившиеся патриархальные отношения ставят мужчину во главе семьи,—«пати» (т. е. «муж») означает собственно «господин», «владыка»; брат мужа (девар, т. е. деверь) после смерти мужа приобретал право на его жену. Эти примеры можно было бы еще умножить.

Из основной массы общинников выделились родовая знать (авест. и вед. «кшатра») и жречество. О классовом делении тексты ничего не говорят, они нигде не упоминают рабов; повидимому, рабства еще не было или оно носило еще домашний характер.

Таким образом, эти народы стояли еще на средней ступени варварства, занимались скотоводством и охотой; земледелие не было им еще известно. Скотоводство дало возможность этим племенам выделиться среди других варварских племен. По мере роста населения племена оставляли широкие пространства плоскогорий Средней Азии и переселялись в другие, еще не заселенные области или вторгались в культурные страны.

Следует также обратить внимание на некоторые общие и в то же время противоречивые особенности религиозных представлений иранских и индийских племен. Одни и те же божества встречаются у обоих народов—Индра, Митра, Шива, Яма, но различно отношение к ним. Так, например, Дьяус-питар отступает в «Ригведе» на второе место, а в «Авесте» вовсе исчезает; Индра и Насатья (авест. Наонхаитья), которые в «Ригведе» играют большую роль, в «Авесте» деградировали до положения демонов, как и «великий бог» «Ригведы»—Шива. В «Ригведе» боги названы девами, а злые демоны асурами, тогда как в «Авесте», напротив, боги называются ахура (т. е. «господин»), а девы являются демонами; авестийский великий пророк Заратуштра помещен в «Ригведе» под именем Джарадашти среди врагов богов. Наконец, «Авеста» считает поклонников девов врагами правоверных.

Эти, а также многие другие общеизвестные факты определенно указывают, что когда-то эти племена представляли собою одну группу племен, вступивших между собою в борьбу и распавшихся на две группы. Этот раскол произошел, повидимому, уже тогда, когда они покинули пастбища Средней Азии. Как полагают некоторые, из Арахозии часть племен направилась на запад, в Иран, другая же часть—на восток, в долину Инда. Оставим в стороне иранскую группу и посмотрим, что представляла собою долина Инда, когда туда пришли «арийцы».

Население Индии и теперь и в древности чрезвычайно пестро. Древний текст «Ригведы» также указывает на разноплеменный состав населения, с которым пришлось столкнуться ариям («арийцам»). В северной части Индостана жили племена, которые мы называем дравидами, но они не представляют антропологического единства и, повидимому, не были первыми обитателями страны; вероятно, они населяли также области на запад от долины Инда, и остатками их является, может быть, племя брагуи в Белуджистане. «Ригведа» повсюду называет эти племена презрительными кличками: «даса»—враги, или «млетшаса» (варвары)—люди, языка которых нельзя понять, или «анаса»—безносые, и т. д. «Ригведа» упоминает многочисленных «царей», уничтоженных с помощью богов, сообщает об изгнании дазиев в горы, о их порабощении и уничтожении. Завоеватели заняли прежде всего территорию Пенджаба, затем спустились по Инду до моря, а через верховья притоков Инда проникли в долину Ганга.

«Ригведа», а затем эпические поэмы «Магабгарата» и «Рамаяна» полны описаниями кровопролитных сражений, которыми сопровождался захват Ариварты—страны ариев, как назвали пришельцы область в бассейне Инда и Ганга.

До сего времени господствовала теория, что именно с этого времени начинается развитие культуры, так как аборигены не были способны создать что-либо, и только с приходом «арийцев» начинается история Индии. Так твердили все буржуазные историки до новых археологических открытий в долине Инда, так продолжают многие из них повторять, стараясь принизить культуру «доарийских» племен. Между тем, и до открытия индской культуры древние тексты «Ригведы», «Магабгараты» и «Рамаяны» говорят о высокой культуре коренного населения; но эти факты всегда замалчивались, о них старались не говорить. А легенды сообщают, что племена судров и косиков, населявшие область у берега Аравийского моря, были культурными народами, жившими в больших городах; они обладали усовершенствованным земледелием, развитой промышленностью, науки стояли у них на большой высоте. Некоторые «демоны» «Ригведы» оказываются вождями (царями) племен, живших в хорошо укрепленных городах. В «Магабгарате» рассказывается о роскоши и развитом ремесле в царстве Таксашилы и Агитшатры, лежавших в Пенджабе; там же и в «Вишну-пуране» говорится о племени матсиев, живших по Гангу и Джумне, что это были народы ученые, знавшие астрономию, плававшие по рекам и создавшие целую сеть оросительных каналов. Все внимание буржуазной науки было направлено на изучение «арийской» истории, о «доарийцах» забывали[1]. Но там, где ученые касались культуры «аборигенов», там открывались неожиданные вещи. Так, например, Coldwell, изучавший тамильский язык, установил из слов несанскритского происхождения общественный строй и состояние культуры древних дравидов [2]. Раскопки в Мохенджо-даро, Чанхо-даро, Хараппа как нельзя лучше подтвердили свидетельство «Магабгараты» о развитой культуре «доарийских» народов.

Открытие в среднем течении Инда под слоями Кушанского периода остатков зданий было сделано еще в 1921/22 гг. индийским археологом Банерджи. С тех пор раскопки и археологические изыскания не прекращались, в них приняли участие крупнейшие археологи—Маккей, Маршалл, Штейн и др. [3] В результате открыта культура, охватившая обширную территорию северо-запада Индостана, Кашмира, Белуджистана, Вазиристана, и мы можем говорить не только об индской, но об индо-иранской культуре. Открытие в Мохенджо-даро поселения городского типа, с правильной планировкой улиц, с двух- и трехэтажными домами, с системой канализации; открытие в Хараппа (Вазиристан) прекрасных скульптур, не уступающих статуям архаической Греции; открытие, наконец, иероглифического письма—все это показывает, сколь высокого развития

---

[1] Н. Я. Марр, Об яфетической теории («Новый Восток» № 5 за 1924 г., см. Избр. соч., т. III, стр. 1) говорит: «... посмотрите, как много сделано всеми европейскими нациями по санскриту, потому что он сроден с европейскими, потому что он письменен, древнеписьменен, потому что он великокультурен и выявлял, казалось, великое культурное начало европейских языков,—как много сделано в смысле его изучения, сравнительно хотя бы с дравидскими языками все той же Индии».

[2] A comparative grammar of the Dravidian family of languages.

[3] См., например, Aurel Stein, An archeological tour in Waziristan and Northern Baluchistan («Memoires of the archeological Survey of India», Calcutta, 1929, № 37; его же, «An archeol. tour in Gedrosia» (ibid., 1931, № 43); J. Marshall, Mohenjo Daro and the Indus Civilisations, 1931; E. Mackey, The Indus Civilisation, 1935; Aurel Stein, The Indo-Iranien Borderlands («Journal of the Royal Anthropol. Institute», LXIV, 1934, p. 179—202).

достигла индская культура ко времени прихода «арийцев». Ряд фактов указывает, что мы имеем дело с классовым (очевидно, ранне-классовым) обществом. Правда, прямых указаний здесь мы не имеем, но наличие таких металлов, как серебро, золото, медь, олово, свинец, бронза, говорит о развитой торговле; об этом же свидетельствуют каменные гири, найденные в Мохенджо-даро. Затем надо обратить внимание на характер самих поселений с резко выраженным городским типом, что ставит на очередь вопрос о снабжении города продуктами сельского хозяйства, о взаимоотношениях между сельским и городским населением. Наличие наряду с домами также и дворцов, которые, правда, отличаются от обычных домов только своими размерами, наводит на мысль о социальном неравенстве населения. К сожалению, до сих пор не найдено сельскохозяйственных орудий, и мы не можем говорить о технике обработки земли. Но, повидимому, земледелие занимало большое место в хозяйстве этого древнего общества—находка зерен пшеницы, ячменя, семян овощей и т. д. указывает на существование земледелия наряду со скотоводством. Наличие, наконец, письменности—правда, еще примитивной, иероглифической, насчитывающей около 400 знаков,—является также показателем того, что мы имеем дело с обществом, стоявшим на более высокой ступени развития, нежели пришедшие сюда арии («арийцы»).

«Дазии» («доарийские», туземные племена), как называет их «Ригведа», не составляли единого племени: это были многочисленные народности, принадлежавшие, как показывают исследования, к различным антропологическим типам. Завоеватели (арии) вытеснили их в леса и горы, частично поработили их, но некоторые из них слились с победителями. «Ригведа» сообщает даже, что некоторые племена (например, кшудраки, населявшие Пенджаб, а также жители Каписталы) сохранили свою самостоятельность и были равноправны с завоевателями. Впоследствии некоторые древние фамилии ариев возводили свой род к косикам, бобравам и другим племенам коренного населения. При дальнейших завоеваниях ариев к ним примкнули даже некоторые племена, ставшие таким образом тоже ариями. Таким образом, в число «благородных», «знатных» (т. е. ариев) выдвинулись и представители коренного населения.

Пришлые племена отличались от коренного населения цветом кожи, и первым признаком, который бросался в глаза при различении завоевателей и покоренных, был цвет (варна). «Ригведа» прямо указывает на два цвета (I.179.6), противопоставляя ариев дазиям; прямо указывает на dāsa varna (I.12.4), на цвет дазиев и говорит, что Индра, убивая дазиев, покровительствует цвету ариев (III.34.9). Впоследствии, при смешении многоплеменных народов ариев с многоплеменным населением дазиев, утрачены были этнические особенности ариев. В позднейших текстах «Яджурведа» и «Брахманах» термин «варна» теряет свое первоначальное значение, становясь термином социального порядка, означая «касту». Вместе с тем для обозначения «касты» применяется новый термин «джати», означающий собственно «род». Так, например, в законах Ману встречаются уже оба понятия, не всегда, правда, различающиеся (во всяком случае трудно различимые), а в «Артхашастре» у Каутильи (IV в. до н. э.) «варна» уже не означает касту, а только лишь цвет, качество, свойство—например, драгоценных камней,—а для касты применяется слово «джати» [1].

В период вторжения ариев в «Ригведе» резко отмечается физическое различие народов и нигде не говорится о различии в языке, в общественной жизни. Но зато резко подчеркивается различие в религиозных

[1] См., например, J. J. Meyer, Das altindische Buch vom Welt- und Staatsleben, 1926, стр. 135, 14 и др.

представлениях, в культе, в обрядах. Гимны «Ригведы» полны религиозной ненавистью ариев к дазиям. «Обуздывай тех, кто не исполняет религиозных обрядов; заставляй подчиняться тех, кто не славит жертвоприношений», говорится в «Ригведе». «Вокруг нас живут племена дазиев, не приносящих жертв. Они ни во что не верят, у них другие обряды, их нельзя считать людьми», говорится в 10-й мандале «Ригведы» (X. 22. 3), составленной уже позднее, очевидно, на берегах Ганга. Этот факт религиозной нетерпимости различных племен Индии блестяще подтверждает слова Энгельса, который следующим образом характеризует религию восточных народов древнего мира: «во всех религиях, существовавших до того времени (т. е. до появления христианства.—*Н. Ш.*), главным делом была обрядность. Только участием в жертвоприношениях и процессиях, а на Востоке еще соблюдением подробнейших предписаний относительно приема пищи и омовений можно было доказать свою принадлежность к известной религии. В то время как Рим и Греция в этом отношении проявили терпимость, на Востоке свирепствовала система религиозных запретов, которая немало способствовала упадку, в конце концов наступившему. Люди двух разных религий (египтяне, персы, евреи, халдеи) не могут вместе ни пить, ни есть, не могут сделать вместе самого обыденного дела, едва могут разговаривать друг с другом. Это отделение человека от человека было одной из основных причин гибели древнего Востока»[1].

Многоплеменность населения, обособленность племен и сохранение их самобытности, пережитки родовых отношений, наконец, религиозная разобщенность—все это вело к примитивным формам кастового разделения труда. Покоренные племена—дазии—заняли в кастовой иерархии низшую ступень, шудров, которые противопоставлялись «высшим» кастам «дважды-рожденных» ариев. Шудры находятся на положении рабов, совершенно бесправных существ, единственной обязанностью которых было, по законам Ману, «безропотно служить другим трем кастам» (I. 91). Но уже в законах Ману, кодексе, окончательно сформировавшемся в середине первого тысячелетия до н. э., дается возможность и шудре стать арием. «Шудра чистый, покорный высшим классам, кроткий в словах, чуждый гордости и всегда ищущий убежища у брахманов, достигает в своей будущей жизни высшей касты», говорится в законах Ману (IX.335.23). А в «Артхашастре», составленной во времена Чандрагупты его визирем Каутильей, шудра оказывается в числе ариев[2]. Так в процессе развития индийского общества изменяется понятие касты, положение шудры и ария.

В свете новых фактов (во многом согласующихся с давно известными, но «забытыми» указаниями «Ригведы») арии оказываются племенами, стоявшими во всех отношениях на более низкой ступени развития, нежели покоренные ими дазии. Победители дазиев оказались сами побежденными их культурой—они восприняли многое в области религии, техники земледелия, заимствовали письменность[3]. Древняя индусская письменность

---

[1] Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство. Собр. соч., т. XV, стр. 608 сл.

[2] Любопытно, как эти исторические факты игнорируются современными теориями расизма, вынужденными уже теперь выдвигать на первый план не антропологические, а «психологические» признаки расы. Так, известный идеолог расизма А. Розенберг пишет: «Нет ничего поверхностней, чем оценивать людей на основе сантиметра и головного указателя. Необходимо в первую очередь оценивать людей на основе заслуг на службе наций» («Der Mythus des XX. Jahrhunderts», S. 559).

[3] А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков (1938), стр. 106, между прочим говорит: «... народы индоевропейского языка научились писать только от народов, говоривших по-семитски, и к тому же лишь тогда, когда семиты писали уже в течение столетий».

легла в основу позднейшего письма брахми, как показал Лэнгдон [1], и это вносит переворот в наши представления о происхождении индийского письма: до сих пор общепринятой была теория А. Вебера[2] о происхождении письма брахми из финикийского алфавита.

В целом, таким образом, завоевание ариев представляется вторжением варваров, которые не принесли с собой культуру, а разрушили то, что было создано до них. Именно такая постановка вопроса и может только подвести нас к пониманию тех причин, которые вызвали падение той высокой древнейшей цивилизации Индии, которая предстала сейчас перед наукой в результате открытий последних лет. Древние арии, как древние германцы, галлы и славяне, разрушили старую цивилизацию, существовавшую до них, и явились в условиях социального развития древней Индии отправным пунктом нового этапа общественного развития, который известен как ведический и брахманский периоды истории Индии.

Разработка вопроса о вторжении древних ариев в долину Инда и Ганга раскрывает нам древнейшую страницу социальной жизни народов Инда и Ганга, в частности условия распада культуры дравидов и возникновения «ариев» как господствующей группы завоевателей, постепенно ассимилировавшейся с туземными племенами Индии. Таким образом, удается установить, что арии (властители, благородные)—понятие не столько расовое и антропологическое, сколько социальное, классовое по отношению к завоеванным племенам, называвшимся «дазиями», рабами.

---

[1] J. Marshall, Mohenjo Daro, II, стр. 433 сл.
[2] G. Bühler, Indische Paläographie, 1896.

ИЗ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

(Ван Чун, I в. н. э.)

А. А. Петров

Героический китайский народ, ныне отважно сражающийся против японского империализма за свою национальную независимость, создал за тысячелетия исторического развития великую культуру. Одной из замечательных сторон этой культуры является философия Китая с ее многообразными и интереснейшими концепциями, давшая человечеству ряд выдающихся представителей философской мысли.

Марксистско-ленинская история философии должна включить в рамки своего исследования идейное наследство—философские учения народов Востока, в частности китайцев. Социалистическая наука, проникнутая духом глубочайшего интернационализма и свободная от уз классовой ограниченности, не может при исследовании истории философского мышления замкнуться в пределы древнегреческой и европейской философии, оставив в стороне философию арабскую, индийскую, китайскую, изучение которой значительно обогатит науку истории философии в целом и, в частности, наши знания философии феодального общества.

В настоящее время состояние изучения китайской философии далеко не соответствует задачам современной передовой науки. Правда, в западноевропейской науке мы находим немало переводов китайских философских сочинений, а также статей и книг, посвященных или отдельным проблемам китайской философии, или ее общим обзорам. За последние годы представители буржуазной синологии написали ряд не лишенных интереса очерков главных направлений китайской философии (Масперо, Гранэ, Вильгельм, Хакман и др.). Проф. Масперо дал краткий очерк древнекитайской философии в своей книге «Древний Китай»[1], основанный на большом знании источников. Французский же профессор Гранэ издал большую книгу по китайской философии[2], где сделал попытку систематического изложения этой философии, ее основных, руководящих принципов и идей. Работы указанных авторов, однако, не могут удовлетворить нас ни с фактической стороны вследствие неполноты привлеченного материала, ни с их методологической стороны; все они проникнуты идеалистическим мировоззрением, которое находит свое отражение не только в исследованиях, но также и в переводах китайских философских сочинений, главным образом в переводах и интерпретации философских терминов. Правильное понимание этих терминов играет решающую роль в исследованиях по истории философии.

[1] H. Maspero, La Chine antique, Paris, 1927.
[2] M. Granet, La pensée chinoise, Paris, 1934.

Сказанное в отношении изучения китайской философии в целом еще в большей мере относится к изучению материалистических идей в Китае. Представители буржуазной науки не могли и не хотели проявить глубокий, подлинно научный интерес к этим идеям. Больше того, некоторые из них создали и поддерживали мнение, что материалистической философии в Китае, в сколько-нибудь ясно выраженной форме, вообще не было. Задача марксистской истории философии сводится к тому, чтобы разоблачить эту буржуазную легенду об исключительно идеалистическом или каком-то особом характере китайской философии и показать, что и на Востоке и на Западе были представлены разные по форме, но принципиально не отличающиеся друг от друга типы теоретического мышления.

Правда, своеобразие истории общества в Китае тормозило в известной степени развитие материалистической философии. Низкий уровень и медленный рост производительных сил, крайне медленный темп развития науки и техники способствовали проникновению во все поры феодальной идеологии конфуцианства, а также даосского и буддийского идеализма и мистицизма. Азиатская деспотия подавляла человеческую личность и всякое проявление живого и свободного знания, что также содействовало развитию идеализма. Далее, укреплению ошибочного мнения об отсутствии или крайней слабости материалистических идей в Китае способствовало и современное состояние источников по китайской материалистической мысли. То, что было создано представителями последней, конечно, полностью не дошло до нашего времени. Их творения в обстановке безраздельного господства официальной конфуцианской идеологии и учености не могли пробить себе дорогу и, вероятно, подвергались уничтожению, которое чаще было косвенным, чем прямым, т. е. сочинения материалистов просто не сохранялись. Примеры замалчивания или «утери» сочинений материалистов хорошо известны науке из истории древнегреческого материализма, а также и из истории индийского материализма. Можно привести несколько исторических фактов, допускающих возможность такого предположения в отношении Китая. От двух философских трактатов, посвященных проблемам бытия и небытия и принадлежащих Пэй Вэю (267—300 гг. н. э.), интереснейшему мыслителю Китая, дошел до нашего времени лишь небольшой, в несколько страниц, фрагмент трактата «О бытии». Пэй Вэй был одним из идейных последователей Ван Чуна, боровшимся против даосской фантастики и утверждавшим, что небытия нет, что дано только материальное бытие, которое в форме изначального хаоса явилось основой всех вещей, утверждавшим, что из абсолютного небытия ничто не может возникнуть. Судьба самого Пэй Вэя сложилась трагически: в 300 г., в расцвете своих сил, он был казнен в результате дворцового переворота.

Из сочинений другого китайского материалиста, Фань Чжэня (V—VI вв. н. э.), сохранился только небольшой трактат «О смертности духа», написанный в конце V в. н. э. Фань Чжэнь был одним из самых ярких в истории китайской философии борцов против учения о бессмертии души, блестящим полемистом против буддизма. Один из тезисов Фань Чжэня гласит: «тело есть материальная основа духа, а дух есть следствие деятельности тела», «... если тело разрушается, то исчезает и дух...» Острый логический ум мыслителя доставлял немало беспокойства придворным ученым династии Лян, и традиция рассказывает, что царь У Ди в 507 г. составил коллегию из 63 чиновников и буддийских монахов для борьбы с идеями вольнодумца Фань Чжэня.

Эти примеры, свидетельствующие об отношении господствующей официальной идеологии к произведениям своих идейных противников, иллюстрируют лишний раз тезис о классовости, партийности философии.

*

Изучение материалистических идей в философии Китая представляет собой крайне сложную задачу. Исследователь при попытке набросать исторический очерк их развития с древнейших времен сталкивается прежде всего с неудовлетворительным состоянием источников, с неизученностью гражданской истории Китая и рядом других важнейших моментов, осложняющих исследование.

Отдельные материалистические взгляды можно найти уже у представителей различных школ и направлений древнекитайской философии. Можно, например, указать на обширную школу Мо Ди (VI—V вв. до н. э.) с ее антиконфуцианскими тенденциями, с ее интересной теорией познания, заключающей в себе немало материалистических мыслей, а также на школу древнекитайского вольнодумца Ян Чжу (V в. до н. э.). Большой интерес представляет также, с этой же точки зрения, древняя школа логиков-софистов (мин цзя)[1].

Уже на грани нашей эры выступил Хуань Тань (I в. до н. э.), который в своем трактате «Новое рассуждание» (Синь лунь) дал интересное изложение своего, в основе материалистического, взгляда на окружающую действительность.

Сталкиваясь с такими мыслителями, как Хуань Тань, Ван Чун, Фань Чжэнь и др., некоторые буржуазные исследователи (Краузе, Вильгельм, Грубэ) вынуждены считаться с фактами и признать наличие в Китае, как они говорят, материалистического или рационалистического скептицизма. Однако это направление, по их мнению, не оказало ровно никакого влияния на дальнейшее развитие философской мысли. Больше того, буржуазная наука в лице своих наиболее реакционных элементов стремится всячески принизить значение представителей материалистической

---

[1] Зарождение этих школ относится к периоду VI—IV вв. до н. э. В эти века острой классовой борьбы в древнекитайском обществе возникли основные школы и направления китайской философии, а именно: школа конфуцианцев (жу цзя), даосов (дао цзя), натурфилософов (инь ян цзя), легистов (фа цзя), логиков-софистов (мин цзя), последователей Мо Ди (Мо цзя) и ряд других. Наибольшее влияние в истории китайской философии приобрели три школы: конфуцианство, даосизм и школа Мо Ди. Конфуцианство, заложенное Конфуцием (или Кунцзы, VI—V вв. до н. э.), представляло собою в основном этико-политическое учение с минимальным интересом к вопросам метафизики и сыграло исключительную роль в истории китайской культуры. Виднейшими его представителями были Цзэн-цзы (V в. до н. э.), Цзы Сы (V в. до н. э.), Мэнцзы (372—289) и Сюнь-цзы (310—230). Даосизм, основоположником которого традиция считает полулегендарного Лао-цзы, в противоположность конфуцианству, на первый план выдвигал проблемы метафизики, сущности мира и бытия. Виднейшими его представителями в древности были Ле Юй-коу (или Ле-цзы, V—IV вв. до н. э.) и Чжуанцзы (IV в. до н. э.). Философская сущность даосизма остается до сих пор невыясненной. Его основная категория—дао (в прямом переводе: путь), в буржуазном китаеведении трактуется как логос, мировой путь, трансцендентное бытие и т. д., т. е. как объективно-идеалистический принцип. Однако некоторые определения дао (дао следует «естественности», оно «появилось прежде небесного владыки») дают основание видеть в этой категории, в ее первоначальном значении, понятие, объемлющее природу, следующую своим естественным законам, «естественность» всех ее вещей и явлений. Исходя из этого, можно выдвинуть гипотезу о материалистическом характере основной идеи древнего даосизма и всего учения в целом, в которое с течением времени привносились элементы идеалистического мировоззрения. Философский даосизм замечателен своим двойственным влиянием на последующее развитие философии и религии в Китае; с одной стороны, на его основе выросли и развились мистицизм (элементы которого были уже значительно представлены у первоучителей даосизма), субъективный идеализм, интуитивизм и целая система религиозного даосизма, а с другой стороны, основная его идея—идея естественности, натурализма—была отправным моментом в развитии материалистических идей в китайской философии и, в частности, идей Ван Чуна. Общие сведения о древнекитайской философии читатель найдет в моей книге «Ван Би. Из истории китайской философии», изд-во АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 34—40; 88—89; и в статье «Китайская философия», БСЭ, т. XXXII.

мысли и, в частности, Ван Чуна и изобразить их как безрассудных скептиков, критиков и разрушителей, не способных подняться до философских обобщений. Подобный взгляд также принадлежит к числу требующих разоблачения легенд, созданных классовой наукой буржуазии. Здесь советская наука должна будет показать, как материалистическая мысль древних проникла в идеалистические и, особенно, в эклектические системы и находила свое отражение и выражение в разрешении таких вопросов, как вопрос о реальности мира, об источнике знания и т. п.

Раскрытие влияния материалистических идей на развитие китайской философии в целом является исключительно сложной проблемой, вне решения которой невозможна ее подлинно научная марксистская трактовка. Буржуазной науке эта проблема совершенно чужда.

*

Трактат Ван Чуна «Критические рассуждения» (Лунь хэн)—единственное из известных современной науке больших произведений китайской философской литературы, сохранившееся в наибольшей своей части и проявляющее при решении самых разнообразных вопросов философского знания (учение о мире, теория познания, проблема жизни и смерти) материалистическое отношение к окружающему миру вещей и явлений. Значение этого трактата для истории древнего Китая, для истории его философии и истории китайской культуры и науки—совершенно исключительное.

Несмотря на это, западноевропейская буржуазная синология не уделила Ван Чуну и его замечательному трактату того подлинно научного интереса, которого он по праву заслуживает. Учением Ван Чуна как специальным объектом исследования в Европе интересовались только Хатчинсон, который опубликовал в 1878—1880 гг. свою работу «Критические рассуждения Ван Чуна»[1] (включающую перевод трех глав трактата—автобиографической, о Конфуции и о Мэн-цзы), и А. Форке, опубликовавший в 1906—1911 гг. английский перевод трактата Ван Чуна[2].

В дальнейшем о Ван Чуне и его философском учении писали только попутно в общих работах по истории китайской литературы, философии и культуры, а также в статьях и рецензиях (Пеллио, Вигер, Джайлс, Грубэ, Р. Вильгельм, Гранэ и др.). В большинстве случаев Ван Чун рассматривался как крупнейший мыслитель древнего Китая. Даже Пеллио, типичный представитель современной буржуазной науки, охарактеризовал трактат Ван Чуна, мыслителя, обладавшего «преданностью своим идеям и независимостью мышления», как «великое философское произведение эпохи Хань»[3].

Хатчинсон справедливо указывал, что трактат Ван Чуна благодаря разносторонности и богатству содержания дает представление о состоянии китайской мысли в начале нашей эры и проливает свет на историю китай-

---

[1] A. B. Hutchinson, The Critical Disquisitions of Wang Ch'ung. «The China Review», vol. VII, VIII.

[2] A. Forke, Lun-Heng. Part I. The Philosophical Essays of Wang Ch'ung, Berlin — Leipzig — Changhai, 1907; Lun-Heng. Part II. Miscellaneus Essays of Wang Ch'ung. Suppl. vol. to the Mitt. d. Sem. f. Or. Spr., XIV, Berlin, 1911. VI, 536 p.

Перевод Форке вызвал в свое время суровую и совершенно справедливую критику со стороны такого крупного представителя западноевропейской синологии, как Эд. Шаванн, а также со стороны проф. Пеллио. Пеллио правильно обвинял переводчика в слепом доверии к китайской традиции, в исторической и филологической несостоятельности, а также в целом ряде грубейших ошибок в переводе.

[3] JAs, 10 ser., t. XX, 1912, p. 156.

ской метафизики. Медхерст называет Ван Чуна «древнекитайским революционером»[1].

Краузе, автор одной из общих работ по китайской философии, дает наиболее объективное суждение о великом китайском вольнодумце. «Ван Чун,—пишет он,—с его материалистическим скептицизмом был последним великим мыслителем древнего Китая»[2].

В итоге изучения Ван Чуна и его учения за шестьдесят лет, которые протекли с момента появления в Европе первой статьи о нем Хатчинсона, мы располагаем философски неудовлетворительным, филологически отсталым переводом трактата Ван Чуна и рядом в большинстве случаев поверхностных, порою неверных (Хакман, Гранэ, Вильгельм, Ценкер и др.) характеристик философской деятельности Ван Чуна, сделанных с точки зрения идеализма.

В традиционной китайской литературе мы находим крайне скудные сведения о Ван Чуне и его деятельности. Классическая страна книжной учености и традиции, располагающая необъятным количеством комментаторской литературы, уделила своему великому мыслителю сравнительно ничтожное внимание. Представители феодальной учености если и упоминали его имя, то в большинстве случаев только для того, чтобы осудить великого вольнодумца. Резко отрицательные суждения о нем встречаются у ряда авторов эпохи Сун (X—XII вв.)—Гао Сы-суня, Ван Бо-хоу и Чао Гун-у. В рецензии на трактат Ван Чуна в каталоге «Сы ку цюань шу цзун му», которая отражает официальную точку зрения на это произведение, отмечается «извращенность» суждений автора об учителях древности Конфуции и Мэн-цзы.

В современной китайской синологии выделяются интересные суждения о Ван Чуне известного современного китайского ученого, проф. Ху Ши. По мнению Ху Ши, великий Ван Чун был главой рационалистического бунта против ханьской государственной религии, созданной под личиной конфуцианства. Этот бунт ознаменовал начало новой эры—эры «критицизма»[3].

*

На основании имеющихся в нашем распоряжении китайских источников[4] жизнь Ван Чуна рисуется в следующем виде.

Ван Чун, по прозванию Чжунь Жэнь, родился в 27 г. н. э. в уезде Шан-юй, области Хой-цзи, на территории современной провинции Чжэцзян. Его дед Фань занимался торговлей; профессия отца Ван Чуна неизвестна. Ван Чун вышел из простого мелкого рода. Сам он был беден и не имел

---

[1] JNChBRAS, XLIII, 1912, p. 85—96.

[2] F. E. A. Krause, Ju-tao-fo. Die religiösen und philosophischen Systeme Ostasiens, München, 1924, S. 93.

[3] Hu Shih, Religion and Philosophy в «Symposium on Chinese Culture», 1931, 46—47. Я не привожу здесь суждений о Ван Чуне и его философском учении ряда других авторов—проф. Фын Ю-лана, Се У-лана, Вэй Юань-жаня, Цзян Вэй-цяо, Ян Да-юна и мн. др. в их статьях и очерках по истории китайской философии.

[4] Мы располагаем двумя источниками сведений о жизни и деятельности Ван Чуна, сохранившимися в китайской литературной традиции. Первый источник—краткая биография Ван Чуна в отделе биографий «Истории поздней Ханьской династии»—Хоу Хань шу (составлена Фань Е в V в. н. э.). Сведения этой истории дополняются в комментарии свидетельствами Юань Шан-суна (III—IV вв. н. э.), автора неофициальной «Истории династии Хань», впоследствии утерянной и сохранившейся только в фрагментах. Второй источник—это последний, автобиографический раздел трактата Ван Чуна. Этот источник не только пополняет наши сведения о фактической стороне жизни Ван Чуна и, в частности, приводит некоторые даты, но и раскрывает картину его творческой философской деятельности, раскрывает цели, которые мыслитель преследовал, когда писал свое замечательное произведение.

ни одного му земли. Несмотря на это—рассказывает традиция—его разум был свободнее, чем у царей и князей. С восьми лет молодой Ван начал учиться в школе, с каждым днем делая все бóльшие и бóльшие успехи, и в совершенстве изучил тексты канонических сочинений. Дальнейшее образование он получил в столичной школе в Лояне[1], где изучал классическую литературу. Из Лояна, повидимому, по окончании школы, он возвратился в родные места, где занимался учительской деятельностью. Здесь же началась его государственная служба, протекавшая крайне неудачно. В 88 г. Ван Чун вернулся к частной жизни.

Его старость рисуется в очень пессимистических тонах: будучи глубоким стариком, мыслитель, покинутый друзьями, потерявший все радости жизни, жил в одиночестве и бедности. Точная дата смерти Ван Чуна неизвестна. Есть свидетельства, что он дожил до семидесятилетнего возраста и умер в середине периода юн-юань (девиз годов правления Хэ Ди, 89—104 гг. н. э.). Согласно другим свидетельствам, в 97 г. н. э., когда ему исполнилось семьдесят лет, он еще жил и писал свое последнее произведение. Таким образом, можно предполагать, что он умер несколько позже 97 г.[2]

*

В первом столетии нашей эры, когда жил Ван Чун, Китай находился под властью второй, восточной династии Хань—Хоу Хань, пришедшей к власти в 25 г. н. э. Воцарению этой династии предшествовал ряд крупнейших событий в истории древнего Китая, из которых необходимо отметить знаменитые «реформы» Ван Мана и широкое крестьянское движение, вылившееся в 18 г. н. э. в мощное восстание крестьян и рабов, вошедшее в историю под названием «восстания краснобровых». Это восстание, имевшее большое прогрессивное значение в истории древнего Китая, распространилось на громадную территорию и выросло в реальную угрозу существованию феодальной империи.

Восстание «краснобровых», длившееся с 18 по 23 г. и вызванное жестокой эксплоатацией крестьянства, привело к известному перераспределению земельной собственности в пользу крестьянства. Не изменив в существе облика китайского общества и государства, восстание краснобровых все же способствовало смягчению аграрного кризиса и создало, таким образом, предпосылки для роста производительных сил страны. Последующее внутреннее укрепление империи может быть иллюстрировано рядом более или менее достоверных фактов. Так, например, наблюдался непрерывный рост населения и числа домохозяйств. Согласно Хоу Хань шу, в 25—57 гг. в Китае было населения—34 125 021 чел. и 5 860 572 домохозяйства; в 76—88 гг. было соответственно—43 356 367 и 7 456 784; в 89—105 гг.—53 256 229 и 9 237 112[3].

Росло также количество обрабатываемой земельной площади. Хоу Хань шу приводит ряд свидетельств, подтверждающих это явление в I в. н. э.

«Когда Чжан Кань был чиновником в Ю Юн, он открывал для обработки рисовые поля... Был издан указ местным чиновникам поощрять народ в возделывании тутового дерева и не беспокоить его... Общественные поля были розданы народу... Чиновникам было повелено призвать добровольцев, не имеющих земли, и переселить их на другие места,

---

[1] Столица Китая в период восточной династии Хань (26—220 гг. н. э.)

[2] Фын Ю-лань считает, что Ван Чун умер в 100 г. н. э. (см. «История китайской философии», т. I, стр. 589).

[3] Mabel Ping Hua Lee, The Economic History of China, 1921, p. 176.

где поля плодородны. Этим людям раздавались общественные поля; они освобождались от налогов на пять лет и от повинностей—на три года...»[1]

В период правления Мин Ди (58—74) было открыто и возделано много новых земель; даже земли, принадлежавшие императорскому дому и храмам предков, были якобы предоставлены для обработки. Одновременно производились крупные ирригационные работы, строились каналы, делались попытки регулировать течение Хуан-хэ. Всего в 76—88 гг. обрабатывалось 732 017 080 му при населении в 43 млн. человек (во 2 г. н. э. земельная площадь равнялась 827 503 000 му при населении в 59,5 млн. чел.). Рост денежных отношений в эту эпоху, несмотря на отсутствие прямых данных, можно считать бесспорным фактом; доказательством этого, в частности, является наличие регулярных торговых связей между городом и деревней. Это явление отмечает в своем трактате и Ван Чун. Он же свидетельствует о наличии глубокого общественного разделения труда. «Некоторые накопляют рис и зерно, другие—ткацкие изделия, другие разводят коров и лошадей, другие приумножают землю и дома» (Лунь хэн, XIX, 1).

Торговля и рост товарно-денежных отношений стимулировались также развитием обмена между китайским оседлым населением и гуннами-кочевниками и другими племенами. Во всяком случае в этот период мы находим в Китае вполне сложившиеся социальные группы купцов и ростовщиков.

Внутреннее укрепление Ханьской империи в I столетии н. э. находило свое выражение и во внешней политике Китая. Ханьская династия укрепила и расширила территориально владения империи. Под руководством знаменитого полководца и дипломата Бань Чжао велась успешная борьба с кочевниками-гуннами, над которыми был одержан ряд крупных побед в 70-х годах I столетия (взятие Турфана, признание китайского суверенитета в Кашгарии и т. п.). Решительное поражение гуннам было нанесено в 89 г. уже далеко за пределами собственно китайской территории, и это открывало китайцам путь на Запад.

В истории умственной жизни Китая I век н. э. характеризовался абсолютным преобладанием в области идеологии конфуцианства, того догматического официального конфуцианства, которое было сфабриковано в интересах господствующего класса в так называемый век реставрации классической литературы при первой западной династии Хань (II—I вв. до н. э.). Ученые конфуцианцы (жу цзя), о которых так много говорит Ван Чун в своем трактате, были органической частью наиболее владетельных, аристократических слоев господствующего класса и пользовались в его рядах огромным авторитетом и влиянием[2]. Именно против этой «аристократии ума»—с ограниченным умственным кругозором, не выходящим за пределы традиции, в значительной части сфабрикованной уже при династии Хань, и направлял Ван Чун острие своей критики; он не хотел

---

[1] Ibid, p. 178—180.

[2] Интересно отметить, что отношение Ван Чуна к владетельной феодальной аристократии и ко всем сословным привилегиям, которые передавались по наследству, было отрицательным. Оно выражено в его принципах этической и социальной оценки человека. В противовес общепринятому в феодальном обществе отношению к человеку, определявшемуся знатностью его происхождения, Ван Чун выдвинул совершенно иные критерии оценки человеческой личности: моральные и интеллектуальные ее качества, познания, талант, плодотворность кисти и т. п., т. е. индивидуальные качества и способности человека. Мыслитель, предвидя отрицательное отношение к себе со стороны конфуцианской аристократии именно потому, что он не знатен и не богат, остроумно писал: «Птица, не имеющая предков, есть феникс; животное, не имеющее рода, есть единорог; человек, не имеющий предков, есть совершенномудрый, и вещь, не имеющая равной себе, есть драгоценность...»

верить на-слово традиционным басням, а стремился найти во всем разумные основания, фактическую обоснованность и логическую связь.

Трактат «Критические рассуждения» (Лунь хэн) является единственным сохранившимся и дошедшим до наших дней произведением Ван Чуна[1]. Сопоставление ряда данных приводит нас к выводу, что в основной своей части трактат был написан в 82—83 гг., но наличие позднейших приписок, одна из которых относится к периоду после 88 г., может служить доказательством того, что трактат был результатом многолетней работы, постепенно дополнявшейся и расширявшейся. В современном виде текст Лунь хэна состоит из 30 глав, разбитых на 84 параграфа; каждый параграф посвящен определенному кругу вопросов, и предмет изложения отражен в заглавии. Кроме того, сохранилось заглавие одного утерянного параграфа. Однако из автобиографической главы, т. е. из слов самого автора, вытекает, что трактат в первоначальном виде состоял из 100 с лишним параграфов, следовательно, часть текста была утеряна и до наших дней не дошла[2].

Подлинность текста трактата в общем не подвергалась сомнению ни в традиционной китайской литературе, ни в буржуазной синологии. Трактат регулярно упоминается в литературно-библиографических отделах китайских династических историй: династии Суй (VI—VII вв.)[3], династии Тан (VII—X вв.)[4], династии Сун (X—XIII вв.)[5], и в ряде старых китайских энциклопедий—Тай пин юй лань, Ту шу цзи чэн, Юйхай и др.[6].

Оригинальность и острота мышления Ван Чуна, целеустремленность его идей являются лучшим доказательством их исторической подлинности, наиболее ярким свидетельством глубокого, самостоятельного, самобытного ума.

«Критические рассуждения» не являются систематическим философским трактатом. Это—сочинение, прежде всего, полемическое. Ван Чун не ограничивал свою задачу философской борьбой против одной школы; он отважно выступал против всей современной ему идеологии Китая, включая сюда не только философские, но и религиозные учения и традиции. При обширности подлежащего анализу и оценке материала, пожа-

---

[1] Из XXIX гл. «Критических рассуждений» мы узнаем, что ему не была чужда публицистическая деятельность, выражавшаяся в составлении докладов трону по злободневным вопросам; указываются два таких доклада: «О снабжении нуждающихся» и «О запрещении вина», которые были написаны в период больших недородов в начале царствования императора Чжан Ди, в 76 и последующих годах.

[2] Китайский ученый Лю Пань-суй в специальном исследовании об утерянных главах Лунь хэна пришел к выводу, что всего было утеряно свыше 15 параграфов, часть которых известна по заголовкам, сохранившимся в тексте других параграфов трактата. Они были утеряны в период II—V вв. н. э.

[3] Суй шу, гл. 34.

[4] Цзю Тан шу, гл. 47; Тан шу, гл. 59.

[5] Сун ши, гл. 205.

[6] В энциклопедии Тай пин юй лань, составленной в конце X в., мы находим 210 цитат из текста «Критических рассуждений», благодаря чему располагаем возможностью корректировать некоторые места текста по версии X в. Наиболее ранним из известных изданий Лунь хэна является издание 1045 г., которое стало основой всех последующих изданий Их насчитывается в общей сложности 16 (издание конца XII в., два издания XIII в., издание XV в., четыре издания XVI в., три издания XVII в., четыре издания XVIII в., издание XIX в.), не считая современных. Лучшим из современных изданий Лунь хэна является издание в серии Сы бу цун кань (1928 г.), основанное на издании 1533 г. Однако, несмотря на несомненную подлинность текста в целом, он все же подвергался редактированию: например, издатель первого издания XI в. Ян Вэнь-чан исправил 11 259 знаков, и мы не располагаем возможностью проверить рациональность этих исправлений. Кроме того, уже в XVI в., в издании 1533 г., появляется лакуна в один лист (в гл. 1), которая затем повторяется во всех последующих изданиях. Эти факты ставят под сомнение подлинность отдельных частей текста.

луй, единственным методом, вполне согласующимся с общим состоянием теоретического мышления в Китае того времени, оказался метод полемического многотемного сочинения. Кроме того, стиль его сочинения определялся еще и тем, что автор стремился дать популярное изложение, доступное не только ограниченной касте ученых, против которых была направлена критика Ван Чуна, но и более широкому кругу людей. Характер трактата, его стиль, следовательно, подчинены были также и пропагандистским, просветительским целям.

Сам Ван Чун так определяет цель своего произведения: «Во множестве сочинений утрачена действительность, и ложные слова в них преобладают над истиной... Лунь хэн взвешивает легковесные и полные смысла слова и устанавливает грань между истиной и ложью» (XXIX, 2).

Общая характеристика трактата Ван Чуна может быть выражена в следующем определении: трактат представляет собою разностороннее полемическое, литературно-философское произведение, посвященное проблемам натурфилософии, теории познания, этики, общественно-государственной жизни, вопросам литературы, религии и излагающее, попутно с критикой, материалистическое, в основных своих чертах, мировоззрение; в свое время оно преследовало, кроме того, просветительные цели, цели разоблачения ложных теорий, предрассудков и суеверий древнего Китая.

«Критические рассуждения» должны быть признаны выдающимся произведением не только в китайской, но и в мировой философско-публицистической литературе[1].

*

Трактат Ван Чуна проникнут смелыми и оригинальными идеями, в совокупности составляющими целое мировоззрение, которое для Китая той эпохи было передовым и прогрессивным и таким оно сохранилось на многие века.

Главным исходным принципом философской концепции Ван Чуна является признание действительности, реальности бытия. Мир для него был совокупностью материальных тел, находящихся в движении. Ни происхождения мира, ни бытия вещей и явлений, составляющих его и окружающих человека, Ван Чун не обусловливает существованием какой-либо надмировой, внеприродной, сверхъестественной силы. В его концепции нет ни абсолютного *дао*, которое, по учению позднейших даосов, стоит над миром и управляет им, ни разумного начала, наподобие рационалистического принципа *ли*, который, согласно теории сунских философов (Чжу Си, 1130—1200 гг. и др.), преобладает над материальным элементом и ему предшествует. Мир в его главных слагающих элементах—небо, земля, живая природа—материален и в своем движении подчинен слепой силе необходимости, абсолютно господствующей в нем. Эта сила не существует отдельно, вне мира, это—естественная сила природы, неба и земли, в них заложенная извечно, от них неотделимая и составляющая естественный закон их жизни.

В вопросе о происхождении мира Ван Чун принимает древнекитайское учение, восходящее к древнейшим временам. Он пишет: «Комментаторы Книги перемен[2] говорят, что изначальное *ци* (субстанция) еще не было

[1] Переходя к краткому изложению основных принципов философского учения Ван Чуна, мы считаем нужным указать, что ввиду новизны предмета, а также и постановки вопроса в характеристике, которая дается этому учению, ряд выводов, конечно, потребует в дальнейшем значительного уточнения и расширения.

[2] «Книга перемен»—И-цзин—древнейший памятник китайской классической литературы.

разделено и хаос был единым. В конфуцианских книгах также говорится о бесформенном хаосе, в котором *ци* еще не разделилось на стихии. Когда оно разделилось, то чистые (частицы) образовали небо, а мутные—землю...» (XI, 1). Космологические взгляды Ван Чуна имеют также несомненное родство с даосским учением о развитии мира из хаоса, изложенным в тексте известного даосского сочинения «Ле-цзы», приписываемого традицией философу Ле Юй-коу[1].

Основным принципом философского учения Ван Чуна является принцип естественного развития всех вещей и явлений, который прежде всего и определяет его коренное отличие от конфуцианства. Как известно, конфуцианство восприняло от древнекитайской религии понятие неба как высшего божественного существа. В эпоху Хань было развито на древней основе своеобразное учение о воздаянии за хорошие и дурные дела. Конфуцианство, в частности, в лице Дун Чжун-шу (II в. до н. э.), пыталось установить связь анормальных и катастрофических явлений природы с общественно-историческими явлениями; в стихийных бедствиях и других явлениях природы конфуцианцы видели особый род реагирования неба на те или иные действия людей, форму проявления наказующей или вознаграждающей воли неба. Ван Чун решительно восстает против подобного религиозного представления неба и пытается дать последнему материалистическое и атеистическое истолкование. Отвергая тезис о способности неба к сознательной деятельности, исходя из факта отсутствия у него органов чувств, которые являются необходимой предпосылкой всякой сознательной деятельности, Ван Чун пытается обосновать материалистическую природу неба.

«Небо высоко и далеко от людей, и его субстанция (*ци*)—необъятное, голубое (бесформенное), не имеющее ни начала, ни конца...» (XV, 1; XIV, 3). «Путь неба—естественность...» (XIV, 2; XIX, 3; XVI, 1; XVIII, 2). «Небо есть тело, подобное земле ...» (XXV, 3).

Небо и земля как воплощение материального мира вообще—вечны. «Среди существ, несущих в себе кровь, — пишет Ван Чун,—нет таких, которые не рождались бы, и среди родившихся нет таких, которые не умирали бы. Именно потому, что они родились, мы знаем, что они умрут. Небо и земля не рождаются и поэтому они не умирают...» (IV, 1). Особенно Ван Чун акцентирует на бессознательном характере деятельности неба, как и природы вообще. Оно не может действовать сознательно, так как не обладает органами чувств, присущими только живым организмам. Мыслитель сравнивает деятельность неба с покраснением лица. Явления природы так же естественны и независимы от чьей-либо воли, как не зависит от воли человека краска, проступающая на его лице (XVIII, 1).

Во взглядах Ван Чуна на небо и землю ярко проявляется метафизичность его концепции. Их сущность рассматривалась как нечто неизменное, раз навсегда установленное. «Небо и земля не изменяются, солнце и луна не подвергаются трансформациям, звезды не исчезают. Это—их истинная (сущность)...» (II, 3).

Конфуцианство утверждало функциональную связь пути неба и пути правителя, царя; царь правил согласно небесному повелению (тянь-мин) и рассматривался как исполнитель воли неба. Небо даровало власть, но оно якобы и наказывало правителей, нарушавших его волю, посылая стихийные бедствия.

«Учение конфуцианцев, — говорит Ван Чун, — это слова невежественных людей; странные явления природы случаются естественно... Путь неба — естественность, недеяние, и если небо порицает людей, то, значит,

[1] V—IV вв. до н. э. Историчность личности Ле Юй-коу еще не доказана.

оно действует и, следовательно, не подчинено принципу естественности» (XIV, 3). Небо очень велико, а человек очень мал, и он не в состоянии поколебать землю или воздействовать на небо (XV, 1). Ван Чун считает, что это учение построено на совершенно ложном представлении о месте человека в мире, который вовсе не создан ради него. По его мнению, если небо, как это утверждают конфуцианцы, способно целесообразно действовать, то не лучше ли было ему сразу назначить мудрых, добродетельных правителей, вместо того чтобы заниматься порицанием нарушающих его волю.

Суммируя определения неба и земли у Ван Чуна, мы приходим к таким выводам: 1) Небо и земля вечны; это—элементы, естественные факторы материального бытия, природы. 2) Небо есть материальное тело, лишенное духовной, сверхъестественной природы; оно неизменно в своей сущности. 3) Субстанция неба—*ци*—беспредельное и бесформенное. 4) Путь неба, как и всей природы,—естественность. Небо не стремится и не может стремиться, будучи мертвой природой, лишенной органов чувств, к сознательному осуществлению какой-либо цели. 5) Оно не может обладать волей и проявлять ее положительно или отрицательно в отношении людей.

Эти выводы, вытекающие из суждений Ван Чуна, свидетельствуют о материалистическом разрешении им одного из важнейших вопросов, интересовавших древнекитайскую философию,—вопроса о сущности неба. Разрешение этого вопроса у Ван Чуна было в ту эпоху смелым, открытым бунтом против традиций древней религии и конфуцианского учения.

*

Но в какой конкретной форме предстает материальная сущность неба? Как происходит возникновение многообразных вещей и явлений мира, и что лежит в их основе? Здесь мы сталкиваемся с центральным понятием учения Ван Чуна, с понятием *ци*. Это—основной субстанциальный элемент материального мира, и понимание сущности этого элемента есть необходимое условие понимания сущности философского учения Ван Чуна. Дадим наиболее существенные определения *ци*.

«Все вещи естественно рождаются при соединении *ци* неба и земли...» (XVIII, 1; III, 5). «Небо распространяет *ци* на землю и так порождает вещи» (III, 6). «Небо простирается ввысь, а земля находится внизу; снизу *ци* поднимается вверх, а сверху спускается вниз, и все вещи рождаются естественно между ними» (XVIII, 1). Оно—«спокойное, не обладающее стремлениями, недеятельное, свободное...» (XVIII, 1). «*Ци*—естественно» (XVIII, 2). «Благодаря *ци* рождаются вещи и подобные воспроизводят друг друга—это одинаково действительно для всех вещей, рождающихся между небом и землей...» (III, 5).

«*Ци* порождает человека, подобно тому как вода производит лед; вода сгущается и превращается в лед, *ци* сгущается, и формируется человек...» (XX, 3; VII, 1). «Когда женщина рождает ребенка, то он наполняется изначальным *ци* и появляется на свет; это изначальное *ци* есть тончайшая сущность неба и земли...» (XXIII, 3).

Следовательно, категория *ци* представляется как некая изначальная субстанция мира, лежащая в основе его вещей. Вещи возникают естественным порядком как результат сгущения этой субстанции. Часто Ван Чун говорит о небе как источнике *ци*, как источнике изначальной субстанции, наиболее тонкой и совершенной. В данном случае материальное небо рассматривается как выделившаяся уже разновидность изначального хаоса, этого источника всех вещей, заполненного субстанцией—*ци*, как его ближайшее олицетворение.

В живом организме заложена жизненная энергия, сила—*цзин-ци*, или просто *цзин*, являющаяся лишь одной из форм существования *ци*;

она представляет собою основу жизненной деятельности организма. Ван Чун иногда обозначает ее просто знаком *ци*. «После смерти *ци* исчезает, а тело разлагается и гниет...» (II, 3). Понятие *цзин-ци* отождествляется в этой же главе с понятием жизненного духа—*цзин-шэнь*, которое обозначается также как *шэнь-ци*—духовное *ци*, душа, дух. «Души умерших рассеиваются и не могут после этого слышать то, что говорят люди...» (XXI, 1). Таким образом, очевидно, что понятия духа, жизненной энергии, силы—это понятия принципиально одного ряда, материальные по содержанию, не отличающиеся по своей сущности от *ци* как единой субстанции. «*Ци* как жизненная энергия, — пишет Ван Чун,—требует тела, и только тогда оно приобретает способность знания» (XX, 3). Вне тела никакой души, никакой жизненной силы существовать не может. Она может существовать только в теле и в нем должна иметь реальную основу. Этой основой является система кровообращения. «В основании жизненного духа главным является *ци* (субстанция) крови» (XX, 3). Рост *ци* является следствием того, что человек может есть и пить. «Человек при жизни благодаря пище укрепляет *ци*, подобно тому как растения и деревья благодаря земле воссоздают свое *ци*» (VII, 1; XX, 3).

Ци кладется Ван Чуном также в основу как ощущений, так и разумной деятельности. Когда оно притекает к глазам, то глаза начинают видеть формы; когда оно притекает к ушам, то уши воспринимают звуки, и т. д. «*Ци* неба и земли пребывает в теле, и это есть разум» (XXIV, 2).

Так *ци*, выступающее и в качестве жизненной силы или энергии, имеет материальную сущность. Движение ее сравнивается с движением облаков и дыма, с движением материальных тел (XXII, 1). На основании приведенных определений можно охарактеризовать категорию *ци* как материальную субстанцию вещей и явлений объективного мира, как тончайшее вещество, заполняющее собой весь мир и несущее в себе элементы жизни, понимаемой Ван Чуном чисто механически в соответствии с общим механистическим характером его философского учения в целом. Эта субстанция выступает в двух состояниях: сгущенном—в форме различных тел природы и в разреженном — в форме субстанции неба, бесконечного и бесформенного изначального хаоса. Ван Чун положил в основу как физического бытия, так и сознательной и разумной деятельности человека один и тот же элемент — единое материальное *ци*.

*

Выше уже было сказано, что принцип «естественности» является главной, центральной идеей философского учения Ван Чуна. Изложению и обоснованию этой идеи Ван Чун посвятил специальную главу в своих «Критических рассуждениях» (XVIII, 2), но дух ее витает над всем трактатом, над всеми суждениями мыслителя; этой идеей проникнуто и на ней строится решение любой проблемы.

Мир в движении вещей и явлений не имеет заложенной в себе какой-то высшей цели, стремление к реализации которой было бы внутренним источником его развития. Мировой процесс есть процесс естественный, подчиненный фатальной необходимости. В этом исходном положении Ван Чуна и его сила как материалиста, отвергающего какую-либо духовность мира, и его слабость как метафизика, возводящего необходимость в рок, в некую грань, которая вечно остается непереходимой для человека.

Ван Чун очень остроумно, ярко и талантливо обосновывает принцип «естественности» на страницах своего трактата и, в особенности, в главе «О естественности», наиболее важной и интересной в философском отношении.

Вот перевод некоторых отрывков из этой главы.

«Все вещи естественно рождаются при соединении *ци* неба и земли, подобно тому как естественно рождается ребенок при слиянии *ци* мужчины и женщины. Все существа, несущие в себе кровь, с момента рождения ощущают голод и холод. И они видят, что пять хлебов могут быть употреблены в пищу, и они взращивают и едят их; они видят, что из шелковичных нитей и конопли можно выделывать одеяния, и они взращивают их для приготовления одеяний. Некоторые же люди утверждают, что небо производит пять хлебов именно для того, чтобы прокормить людей, и производит шелковичные нити и коноплю именно для того, чтобы одеть их...» Считая это утверждение ложным, Ван Чун пишет:

«Небо распространяет всюду свои *ци*. Среди всех вещей злаки утоляют голод, а шелк и конопля предохраняют от холода, и поэтому человек употребляет в пищу злаки и выделывает одеяния из шелковичных нитей и конопли.

Почему можно говорить о естественности действий неба? Потому что небо не имеет ни рта, ни глаз, а обладающее способностью к (сознательному) действию принадлежит к категории существ, имеющих рот и глаза. Рот стремится есть, а глаза — видеть; существо же, обладающее внутренними желаниями, должно проявлять их во-вне. Вот и глаза стремятся к удовлетворению своих потребностей, и это должно рассматриваться как нечто полезное и являющееся результатом человеческих желаний... Путь неба — естественность... В царстве Сун один человек вырезал по дереву тутовый лист и только через три года закончил свою работу... Ведь если бы небо производило листву, то ее рост был бы так же продолжителен, как и вырезание тутового листа этим человеком из Сун. Взглянем на шерсть животных и оперение птиц; можно ли сделать (искусственно) такое разнообразие их окраски? Если бы это было так, то птицы и животные никогда не могли бы иметь законченного вида. Однако в природе мы наблюдаем весною рост всех тварей, а осенью мы видим их уже завершенными. Что же—небо и земля делают это, или вещи произрастают естественным путем? Если утверждать, что небо и земля создают их, то ведь нужно помнить, что для создания их нужны руки! Сколько же тысяч и десятков тысяч рук должно быть у неба и земли, для того чтобы одновременно создавать тысячи и десятки тысяч вещей?

Все вещи заключены в пространстве между небом и землей, подобно ребенку, находящемуся в материнской утробе. Мать носит в себе *ци* ребенка, и через десять лун она рождает его. Теперь спрашивается: все органы ребенка — нос, рот, уши, глаза, волосы, кожа, артерии, кровь, жировой слой, кости, суставы, ногти и зубы — делаются материю или формируются естественным образом в ее утробе? Почему статуя никогда не может быть названа человеком? Она имеет и нос, и рот, и глаза, но она не обладает природой естественности... Небо простирается ввысь, а земля находится внизу, и снизу *ци* поднимается вверх, а сверху опускается вниз, и все вещи рождаются естественно между ними. Когда они рождаются, небо вовсе не должно заботиться о них, подобно тому как отец не может знать о ребенке, находящемся в материнской утробе; вещи рождаются естественно, так же как естественно формируется ребенок. Разве знают и заботятся об этом небо и земля, отец и мать?»

Не менее ярко Ван Чун формулирует принцип «естественности» и выступает против телеологической концепции конфуцианцев в главе «О природе вещей» (IX, 6). «Конфуцианцы утверждают, что небо и земля, рождая человека, действуют целесообразно. Это утверждение ложно... Я утверждаю, что небо и земля, рождая человека, не действуют целесообразно ради этой определенной цели, и человек случайно, естественно рождается».

Основной вывод Ван Чуна, следовательно, гласит, что вещи, включая сюда человека и животных, рождаются естественным путем, сами собою и их возникновение не обязано какой-либо надмировой, внеприродной силе. Этот вывод подчеркивается многократно и может быть резюмирован следующим тезисом Ван Чуна: «Небо, находясь в состоянии движения, не стремится к тому, чтобы рождались вещи, но вещи естественно рождаются. Это и есть естественность... ...Излучающееся *ци* не стремится к созданию вещей, но вещи естественно сами собой возникают. Это и есть недеяние...» (XVIII, 1).

Нельзя пройти мимо совершенно четкого определения понятия «недеяния», которое вызывает немало дебатов в буржуазной науке при исследовании даосизма. У Ван Чуна «недеяние» не означает пассивности, бездействия. Недеяние есть не что иное, как естественность процессов мира, в возникновении и развитии которых отсутствует деятельность каких-либо внешних сил.

Приведенные нами суждения Ван Чуна настолько ярки и убедительны, что не нуждаются в особых комментариях. Он выступает против приписывания небу каких-либо сознательных действий, против ложного телеологического учения, усматривающего в явлениях природы, которые являются результатом естественного течения вещей, какую-то целесообразность, реализующую высшие цели, заложенные в природе ее невидимым творцом.

Одновременно Ван Чун выступает и против определения человека как центрального элемента мироздания, для которого и ради которого развивают свою деятельность природа, небо и земля.

*

Какое же место в мире, в природе занимает, по мнению Ван Чуна, человек? Разрешение этого вопроса в любом философском учении имеет большое принципиальное значение и играет важную роль при выяснении сущности этого учения с точки зрения двух основных направлений в философии. Ван Чун разрешает вопрос о месте человека и его роли в космосе, о его отношении к другим животным формам радикально и в материалистическом плане. Своим исходным пунктом он делает тезис, отрицающий принципиальное различие между человеком и животным.

Обычное суеверие, считающее, что мертвые могут якобы превращаться в духов, Ван Чун опровергает путем сравнения человека с животными, которым люди никогда не приписывали подобного чудесного свойства. «Мы докажем это,—пишет он,—посредством сравнения человека с другими существами; ведь человек есть существо, и таким же существом является и животное» (XX, 3). «Люди и (животные) существа тождественны (в отношении к смерти); они умирают, и их жизненный дух погибает» (XX, 3). «Я заявляю,—пишет он,—что человек рождается среди 10 000 существ[1]; тварь (животное) умирает и не может стать духом, почему же только человек после смерти может стать духом?..» (XX, 1). «Человек есть (животное) существо. Несмотря на то, что он может быть очень знатен и быть царем или князем, его природа не отличается от природы других существ...» (VI, 3). Так Ван Чун решительно ставит знак равенства между человеком и животным.

Не проводя принципиального различия между человеком и животным, Ван Чун, однако, совершенно ясно определяет место человека в природе

[1] 10 000 вещей (вань у)—общеупотребительное в китайской литературе обозначение многообразия мира; под этим подразумевается весь мир, беспредельное число его вещей и явлений.

как существа, обладающего разумом и наиболее ценного с этой точки зрения среди других представителей живой природы. «В природе неба и земли,—пишет он,—человек является наиболее ценным существом...» (VII, 1). «Среди существ, рождаемых небом и землей, человек является наиболее ценным, и эта ценность определяется его способностью к познанию...» (XIII, 2).

В учении о человеке Ван Чун выступает как фаталист, превращающий человека в игрушку слепых сил судьбы, непреодолимого рока. Власть судьбы непобедима, человек должен беспрекословно отдаться ей. Он с естественной необходимостью идет в своей жизни по предначертанному ею пути. «Судьба определяет смерть, жизнь, ее продолжительность, наделяет знатностью или низким положением в обществе, богатством или бедностью. Все, обладающие головой и глазами и несущие в себе кровь,— от царей и князей до рядовых людей и от совершенно мудрых до глупцов— обладают судьбой...» (I, 3). «Судьба есть изначальное, приобретаемое человеком при рождении; когда он рождается и получает свою природу, то тут же он обретает и свою судьбу...» (III, 3), которая и определяет весь его жизненный путь. Мысль о прирожденности судьбы возникает у Ван Чуна на базе основного исходного принципа естественности; она лишний раз подчеркивает его абсолютный детерминизм.

Несмотря на то, что именно в вопросе о судьбе и ее роли в человеческой жизни более всего сказалось влияние на учение Ван Чуна традиционных воззрений, мыслитель все-таки и здесь делает некоторый шаг вперед в сравнении с традицией и своими современниками. Прежде всего понятие судьбы у Ван Чуна принципиально отлично от понятия судьбы в конфуцианстве, хотя термин в обоих случаях употребляется один и тот же. Конфуцианство подразумевает под судьбой волю неба как верховного существа, божества, властвующего над людьми и посылающего им порицания в виде необыкновенных явлений природы и стихийных бедствий или награждающего их за согласованность их действий с волей неба. С точки зрения Ван Чуна, небу не присуща какая-либо духовность, сознательная воля, и судьба в его учении есть лишь форма проявления слепой естественной необходимости в сфере человеческой жизни. Судьба не исходит от неба, а заложена в изначальной субстанции—*ци*, которая формирует природу, тело человека. Кроме того, Ван Чун в очень ограниченных рамках учитывает момент человеческой деятельности в общем, естественно-необходимом процессе, которому подчинена вся жизнь человека. Путь человека отличен от пути неба: «...после рождения путь человека заключается в его воспитании (образовании), путь же неба—это «недеяние» и следование своей природе» (XVIII, 1).

Понятие судьбы—одно из самых слабых мест философского учения Ван Чуна. Метафизический материализм переступает здесь свою последнюю грань и попадает в плен теологического взгляда на мир, в плен идеализма.

*

Проблеме жизни и смерти Ван Чун посвятил главу «О смерти»—одну из самых замечательных глав своего трактата. Используя многочисленную и разностороннюю аргументацию, он доказывает, что человек после смерти утрачивает все элемечты разумной, сознательной деятельности, т. е. то, что можно назвать в совокупности душевной жизнью человека, и подвергается такому же уничтожению, как и все другие животные. Ван Чун опровергает обычное мнение, будто мертвые превращаются в духов, продолжают обладать сознанием и вследствие этого могут причинять вред людям

Смерть и рождение, по мнению Ван Чуна, представляют собой лишь различные, обусловливающие друг друга, стороны единого, бесконечного

процесса естественно-необходимого движения природы. «Среди существ, несущих в своих венах кровь, нет таких, которые не умирали бы. Именно из того факта, что они рождаются, мы знаем, что они умрут. Небо и земля не рождаются, и потому они не умирают. (Факт) смерти есть следствие рождения, и (факт) рождения есть доказательство (неизбежной) смерти. То, что имеет начало, с необходимостью должно иметь конец, и то, что имеет конец, с необходимостью должно иметь начало. И только то, что не имеет ни конца, ни начала, живет и не умирает...» (VII, 1).

В этой постановке вопроса о жизни и смерти мы имеем элементы научного воззрения на жизнь и смерть, далекое предвосхищение научной концепции диалектического единства жизни и смерти. Ван Чун предвосхитил идею связи между жизнью и смертью, обусловленности одного другим и подошел к уяснению простой в своем величии истины, что «жить—значит умирать»[1].

Ван Чун был решительным врагом бессмертия души, и в этом вопросе он выступал как истинный материалист и просветитель. Одновременно он высмеивал и даосов, стремившихся добыть средства для продления человеческой жизни и физического бессмертия. «Жизнь человека подобна воде. Вода замерзая образует лед, а *ци* сгущаясь формирует человека. Лед держится в течение одной зимы и тает, человек живет сто лет и умирает. Можно ли человеку повелеть не умирать, можно ли повелеть льду не таять?» (VII, 1). «Нет существ, которые не умирали бы; как же человек (который по своей материальной сущности ничем не отличается от других животных) может стать бессмертным?» (VII, 1).

Главная аргументация Ван Чуна против суеверий, связанных со смертью, развернута в главе «О смерти» (XX, 3), задачу которой мыслитель видит в опровержении обычного суеверия о превращении умерших людей в духов, способных к сознательной деятельности. Приведем некоторые отрывки из этой главы.

«Люди обычно говорят, что мертвые превращаются в духов, обладают (способностью) к знанию и могут наносить вред человеку. Попытаемся исследовать этот (вопрос) путем сравнения человека с другими категориями существ. Умерший человек не может стать духом, он не обладает (способностью к) познанию и не может наносить вред другим людям... ...Ведь человек есть существо (тварь), таким же существом является и животное. Когда животное умирает, оно не становится духом — почему же только человек может стать духом?.. Ясно, что если мы не можем провести различие между ними, то у нас не может быть и оснований предполагать, что человек может (после смерти) стать духом.

То, благодаря чему рождается человек, есть жизненная энергия. Когда человек умирает, то исчезает и жизненная энергия. Кровь в артериях—вот что способно порождать жизненную энергию. Когда же человек умирает, кровообращение прекращается; прекращение кровообращения влечет за собой исчезновение жизненной энергии, а вслед за ее исчезновением тело разлагается и превращается в прах. Что же может стать духом? Если человек не имеет ушей и глаз, то он не может познавать... Разложение означает полное разрушение... *Ци* порождает человека, подобно тому как вода производит лед; вода сгущается и превращается в лед, *ци* сгущается, и формируется человек. Когда лед тает, то он снова превращается в воду, когда же человек умирает, он вдруг становится духом. Это почему-то называют духом, в то время как растаявший лед снова называют водой...

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 400.

...С тех пор как разделились небо и земля и появились правители людей — эти люди (непрерывно) умирали, достигнув определенного возраста; можно насчитать миллионы таких, которые погибли в средних летах или совершенно еще молодыми, и ясно, что теперь число людей меньше общего числа умерших. И если бы люди умирая тут же превращались в духов, то на дороге духи (попадались бы) на каждом шагу. И если после смерти человека являлись бы духи (привидения), то можно было бы видеть миллионы их, они наполняли бы залы, дворцы, заполняли бы аллеи и дороги, и в их толпе нельзя было бы увидеть одного-двух людей... ...Природа неба и земли может снова, вновь и вновь, порождать огонь, но она не может заставить вновь вспыхнуть уже погасший огонь. Она может вновь и вновь рождать людей, но не может повелеть мертвому человеку вновь ожить. Если даже и можно погасший пепел снова сделать пылающим огнем, то и все же я крайне сомневаюсь, чтобы мертвый человек мог снова стать (живым) телом. Если погасший огонь не может вновь зажечься, то тем более ясно, что мертвый человек не может стать духом. ...Люди до своего рождения пребывают в изначальном *ци*, и когда они умирают—они вновь возвращаются в это изначальное *ци*. Изначальное *ци*—туманно, и в нем пребывает *ци* человека. До рождения он не обладает способностью познания, и умирая он возвращается к этой своей первооснове, когда он лишен знания. Как же он может тогда обладать способностью познания? ...Тело нуждается в *ци* и только тогда может формироваться, а *ци* нуждается в теле и только тогда может стать обладающим способностью к познанию. В мире нет самостоятельно (естественно) зажигающегося огня. Как же может существовать в мире *ци*, которое не обладает телом и обладает одной только способностью к познанию!.. ...Смерть человека подобна угасанию огня: гаснет огонь, и прекращается свет, умирает человек, и его разум (больше) не познает... Утверждать, что человек умирает и (в то же время) обладает способностью к знанию,— это значит утверждать, что огонь угасает, но свет продолжает излучаться! ... Я утверждаю, что мертвые не превращаются в духов, не обладают способностью к познанию и не могут причинять вред людям».

Какие же выводы можно сделать из приведенного материала?

1. Жизнь и смерть являются различными сторонами естественно-необходимого процесса природы. То, что рождается, с необходимостью должно умереть. 2. Бессмертие есть пустая фантазия даосских магов и алхимиков. 3. Смерть есть полное уничтожение человека, она влечет за собой разрушение тела и уничтожение всех функций духовной, сознательной деятельности. 4. В мире не существует такой субстанции, которая не обладала бы телом и обладала бы одним только сознанием. Совокупность сознательной деятельности человека должна иметь своей основой тело. Обычное суеверие, считающее, что жизненный дух человека после смерти принимает форму духов и продолжает в этом состоянии существовать,—абсолютно ложно.

Ван Чун в этих положениях выступает перед нами как убежденный материалист, разоблачавший суеверия и басни о бессмертии. Тем не менее Ван Чун, подобно многим древним материалистам, все же склонялся к признанию существования духов, привидений и пытался найти рациональное объяснение этого явления в болезненном состоянии человека, в чувстве страха, в состоянии напряженного мышления и т. д. Часто, касаясь этого вопроса, он высказывался очень уклончиво. «Путь неба,— писал Ван Чун,—трудно познать, и духи—скрыты и темны, поэтому я отметил все различные мнения (по этому поводу) и предоставляю моим современникам разобраться в них» (XXII, 2). Совершенно очевидно, что склонность материалиста I в. н. э. к допущению и признанию существования

духов не подрывает материалистической сущности основ его философского мировоззрения.

*

Теоретико-познавательная концепция Ван Чуна лишь подтверждает наши выводы относительно материалистической сущности его учения в целом. Мы уже видели, что способностью к сознательной деятельности, по мнению Ван Чуна, могут обладать лишь существа, располагающие органами чувств, которые вызывают у них определенные желания, связывают их с внешним, объективным миром и являются основой разумной и целесообразной их деятельности.

Ван Чун на страницах своего трактата неоднократно подчеркивает, что живое созерцание реальной действительности, исторический факт— являются и должны быть всегда основой знания. В исследовании и в суждениях всегда необходимо исходить из действительного положения вещей. «Факты,—пишет он,—нигде так ясно не проявляются, как в их результатах, а суждения никогда так прочно не устанавливаются, как при наличии доказательств» (XXIII).

Теоретико-познавательные взгляды Ван Чуна с достаточной ясностью раскрываются в двух главах «Критических рассуждений», посвященных проблеме познания: «О действительном знании» и «О познании действительности» (XXIII). Интересно отметить, что Ван Чун обосновывает свою точку зрения на сущность познания в связи с критикой традиционного тезиса о сверхъестественном характере познавательных способностей совершенномудрых людей китайской древности.

В главе «О действительном знании» он пишет: «Конфуцианцы, рассуждая о совершенномудрых людях, считают, что они обладали знанием тысячелетий в глубь времен и познавали пути всех поколений в будущем. Обладая исключительной проницательностью взгляда и исключительной тонкостью слуха, они могли при самом рождении событий давать им имена, не изучая они могли познавать и не исследуя они могли естественно понимать (сущность вещей). Вот поэтому и назвали их совершенномудрыми, подобными сверхъестественным духам...»

Ван Чун, приводя ряд легенд, свидетельствующих якобы о сверхъестественном знании древних мудрецов, рассматривает их как пустую ложь. «Я утверждаю, что все это ложь... Успехи Конфуция были преувеличены для того, чтобы показать его сверхъестественную сущность, или же более поздние авторы подделали анналы, чтобы представить (соответствующие) доказательства этого... Если человек не слышит и не видит (окружающего), то у него не может быть и представления о нем... Нет сверхъестественного знания, всегда нужно исходить из оснований и аналогий, которые должны быть объяснены с точки зрения настоящего. Поэтому познаваемые вещи могут быть поняты посредством размышления; непознаваемые же вещи не могут быть познаны без изучения, без исследования. Ни в древности, ни в наше время не было еще случаев, чтобы люди не изучая естественно что-либо познавали и не исследуя естественно приходили бы к пониманию (вещей). Что касается (легко) познаваемых вещей, то нужно только серьезно поразмыслить над ними и, несмотря на то, что предмет размышления может быть очень большим, затруднений в его познании не будет. Что же касается непознаваемых вещей, то здесь необходимы строгая мысль, наука и исследование, и при этом предмет изучения может быть очень небольшим, но познать его не легко. Поэтому даже мудрые ученые, не занимаясь наукой, не могут приобрести (знаний) и не исследуя не могут познать (вещей)...»

«Если человек, проницательный от природы и обладающий блестящими

способностями, только размышляет и не имеет при этом того, на чем можно было бы (фактически) основываться, не видит оснований и не рассматривает доказательств по аналогии, то он может (в конечном счете) вообразить, что через много поколений могут появиться лошадь, которая сможет родить быка, корова, которая родит осла, персиковое дерево, которое произрастит сливу, и слива, которая принесет вишню. Может ли познавать таким путем даже совершенномудрый человек? Предположим, что какой-нибудь человек стоит у восточной стороны стены. Пусть он говорит, а совершенномудрый человек слушает его с западной стороны стены. Может ли он узнать, темный ли цвет лица у того человека, или бледный, низкого он роста, или высокого, из какой он деревни, как его фамилия, прозвище, откуда он происходит... Так называемые совершенномудрые должны учиться, чтобы стать совершенномудрыми, и, следовательно, уже из того факта, что они учатся, мы можем понять, что они не являются совершенномудрыми... Среди существ, несущих в себе кровь и рождающихся между небом и землей, нет обладающих природным (врожденным) знанием...»

«...Истиной является то, что ни совершенномудрый, ни мудрец не могут (естественно) познать природу (вещей) и они должны использовать уши и глаза для того, чтобы установить их характер. Они сначала используют уши и глаза, и затем вещи, которые могут быть познаны, подвергаются осмыслению и таким образом раскрываются. Вещи же, которые не могут быть познаны, требуют исследования и только тогда могут быть объяснены. В мире бывают вещи непознаваемые, и они подобны узлам, которых нельзя распутать. Но наука приносит умение распутывать эти узлы, и нет таких узлов, которые не могли бы быть распутаны...» Ван Чун утверждает, что если человек и сталкивается с такими сложными явлениями, которых нельзя понять, распутать, то это означает, что имеющиеся методы в данном случае оказываются неприменимыми.

Эти же мысли Ван Чун развивает и в главе «О познании действительности». Здесь он также доказывает, что знание требует исследования действительности, самих вещей. «Вообще, если люди, рассуждающие о вещах, отклоняются от действительности и не приводят доказательств (в защиту своих положений), то, несмотря на то, что смысл (их рассуждений) приятен и речь обильна, никто им не поверит...»

Из приведенных отрывков из трактата Ван Чуна, а также и из некоторых других его высказываний, характеризующих сущность его теоретико-познавательной концепции, можно сделать следующие выводы: 1. Источник познания реального мира лежит в чувственном восприятии и живом созерцании его вещей и явлений, вслед за которыми наступает момент осмысления воспринимаемого, момент размышления о его природе. 2. Путь и метод знания—исследование действительности; этот метод может сводиться к двум моментам: а) к рассмотрению оснований предмета и б) к умозаключению по аналогии. 3. Ценно не поверхностное знание вещей, а всестороннее исследование их различных сторон, знание природы вещей. 4. Имена, которые мы придаем вещам, должны отражать их действительность. «Если различны имена вещей, то, следовательно, различна и их действительность; если сущность вещей тождественна, то и именуют их одинаково...» 5. Не существует естественного, врожденного, интуитивного, сказали бы мы, знания, которое осуществлялось бы вне науки и исследования. 6. Несмотря на глубокий скептицизм, окрашивающий все учение Ван Чуна, он тем не менее не ставит под сомнение способность человека познать мир. Он подразделяет вещи на три категории в зависимости от трудности их познания: а) вещи, познаваемые посредством простого чувственного созерцания, восприятия и следующего за ним размышления, сужде-

ния о них, б) труднопознаваемые, требующие глубокого исследования; они не могут быть познаны через непосредственное чувственное восприятие или только размышление, в) непознаваемые вещи, непознаваемые условно, к которым Ван Чун относит такие вещи, способ познания которых еще неизвестен. Здесь у Ван Чуна мы имеем зачаток идеи историчности знания, его исторической ограниченности.

Свои теоретико-познавательные взгляды Ван Чун пытался практически осуществить на страницах своего трактата. Для его метода мышления характерно стремление всякое абстрактное рассуждение воплотить в исторический пример. Доказательство посредством исторического факта— наиболее частая форма доказательства у Ван Чуна. Правда, исторические факты, которыми он оперирует, не всегда достоверны и почерпнуты из китайской традиционной истории, в которой легенда смешана с действительностью и грань между ними трудно проложима из-за отсутствия вообще подлинных исторических документов.

Оценивая, в заключение, взгляды Ван Чуна на познание, его сущность и пути, мы должны признать их материалистическими, прогрессивными и, не преувеличением будет сказать, революционизирующими в условиях китайской действительности I в. н. э. Их дальнейшее развитие могло бы в сильной степени стимулировать развитие науки в древнем Китае. Однако, несмотря на смелость и оригинальность идей Ван Чуна, преувеличением было бы думать, что он сумел полностью оторваться от господствовавшей в Китае того времени идеологии, полностью освободиться от сложившихся веками традиционных воззрений.

Большую дань традиции Ван Чун отдает в своих суждениях о мудрецах древности—Конфуции, Ляо-цзы, Мэн-цзы и др. Он неоднократно подчеркивает свое уважение к ним и всегда стремится использовать авторитетность их суждений для обоснования своих мыслей и выводов. Однако использование авторитета древних мудрецов приобретает у него крайне субъективный и тенденциозный характер; их суждения Ван Чун трактует применительно к своей концепции и вкладывает в них нужный для него смысл. В наибольшей степени это относится к Конфуцию, которого он цитирует очень часто.

Очень много внимания уделено Дун Чжун-шу (II в. до н. э.), одному из наиболее ярких представителей конфуцианской теологии, учение которого пользовалось в ту эпоху большим влиянием. Интересно отметить, что имена даосских философов Ле-цзы (V—IV вв. до н. э.) и Чжуан-цзы (IV—III вв. до н. э.) не упоминаются Ван Чуном, в то время как Ян Чжу, его далекий идейный предшественник, древнейший китайский вольнодумец, известен ему и, повидимому, только по сочинению Мэн-цзы. В отношении текста Ле-цзы это может быть лишним доводом в руках ученых, отвергающих его аутентичность и относящих его возникновение к III в. н. э.

Интересно отметить также, что в трактате ни разу не упоминается буддизм. Этот факт может иметь значение при решении спорного вопроса о времени проникновения в Китай буддизма.

Критическая деятельность Ван Чуна в области истории и философии, богато отраженная на страницах «Критических рассуждений» и направленная против значительного числа древнекитайских философов и историков, заслуживает специального изучения при исследовании древнекитайской философии, истории и литературы.

*

Ван Чун придавал большое значение истории, историческому факту. Насыщенность трактата историческим материалом совершенно исключи-

тельна, и это обстоятельство вытекает из самого характера, метода подхода Ван Чуна к критике ложных учений своих идейных противников. Его критика базировалась на опровержении посредством исторического факта, к силе и убедительности которого он питал всегда глубокое уважение. В связи с этим скажем несколько слов об общественно-исторических и переплетающихся с ними политических взглядах Ван Чуна.

Интересным и прогрессивным моментом в этих взглядах является общее представление об исторической эволюции и культурном прогрессе человеческого общества, которые воспринимаются чисто эмпирически, без каких бы то ни было попыток выяснения их корней и движущих причин. Понятие исторической закономерности этой эволюции отсутствует; Ван Чун ограничивается лишь ее констатированием и признанием ее существования.

«В глубокой древности люди жили высоко в пещерах и одевались в шкуры диких зверей и оперение птиц; последующие поколения сменили пещеры на дома и дворцы и стали одеваться в шелковые одеяния... Орудия и роды занятий изменялись, но природа (человека) и ее проявления оставались теми же самыми» (XVIII, 3).

Ван Чун рисует картину исторического прогресса, развития отдельных сторон исторической и культурной жизни Китая с древнейших времен и не согласен с теми, кто говорит об обеднении, об оскудении культуры. Так, например, в эпоху Чжоу «народ Юэчан представлял в виде дани белого фазана, а в период Хань народы Сюнну, Шаньшань[1] и Айлао[2] приносят в дань быков и лошадей. Династия Хань расширила территорию, и если при Чжоу управляли только 5 000 ли, то сейчас приобретены отдаленные внешние страны. Ведь быки и лошади ценнее белых фазанов, и продукты близлежащих мест не то, что продукты далеких стран. Земли древних народов Жун и Ди теперь стали частью Срединного царства (т. е. Китая), голые в древности люди теперь одеваются в дворцовое платье, люди с обнаженными в древности головами теперь надели шапки династии Инь, босые в древности теперь надели обувь династии Шан. Каменистая и бесплодная почва превратилась в плодородные поля, разбойники стали честными людьми, грубость дикарей сглажена, непокорные просвещены и превращены в мирных людей. Разве это—не великий мир!..» (XIX, 1).

Но действительных оснований исторической эволюции и культурного прогресса Ван Чун, конечно, не мог видеть и даже не ставил, по существу, этого вопроса и не стремился хотя бы в какой-нибудь мере выяснить причины изменчивости общественных и культурных институтов. Ван Чун ограничивается установлением, в результате эмпирического восприятия исторического прошлого, своего рода цикличности в истории; каждый цикл состоит из периода процветания и следующего за ним периода упадка.

«Когда народ пребывает в мире, то и государство процветает. Но процветание с необходимостью сменяется упадком, а подъем (династии, ее возвышение) с необходимостью сменяется падением (ее уничтожением)...» (XVII, 3). В каждой эпохе есть (период) расцвета и (период) упадка, и когда упадок достигает своего предела и длится долго, то порождаются пороки... Законы культуры и природы как для древности, так и для современности—общие. Есть природа, есть культура, есть упадок, есть расцвет,—это не только в наше время, но и в древности было так...» (XVIII, 3). Чем объясняется такая цикличность, и почему за периодом процветания неизбежно следует период упадка и наоборот,—Ван Чун не пытается объяснить.

[1] На юге Лоб-Нора.

[2] Жили на территории современной провинции Юньнань.

По мнению Ван Чуна, не только жизнь человека, но также и жизнь общества и государства подчинена судьбе, которая воплощается в данной конкретной ситуации времени, в совокупности данных обстоятельств, которые с необъяснимой неизбежностью, силою непререкаемого закона—судьбы—влекут государство к расцвету или разрушению.

Фатализм, присущий его мировоззрению, как и всякому механистическому мировоззрению вообще, получил наиболее яркое свое выражение именно в исторических взглядах мыслителя. Он абсолютизировал закон необходимости и возвел судьбу в безличный, слепой закон, не оставив места целесообразной деятельности человека.

В своих политических высказываниях Ван Чун был приверженцем существовавшего в то время в Китае политического порядка и не одну страницу своего трактата посвятил восхвалению династии Хань.

*

Мы подвергли рассмотрению только некоторые, правда, решающие принципы философского учения Ван Чуна. Содержание его трактата крайне многообразно. Ван Чун был в полном смысле слова всеобъемлющим, энциклопедическим умом своего времени, и нельзя назвать ни одной проблемы философии и науки той эпохи, которой бы не коснулась его критика.

Мыслитель говорил со своими современниками подлинным языком реальной жизни. Он смело вырвался из уз конфуцианской догматической истины и схоластического традиционного мышления и шел к действительной жизни и в ней хотел найти истину.

Ни рутина окружающей Ван Чуна среды, ни его личные неудачи, ни материальные лишения не могли сломить творческой энергии этого отважного мыслителя, который уже на склоне своей жизни решился на открытый вызов официальной идеологии и общественному мнению и создал выдающееся в мировой философско-публицистической литературе произведение, вложив в него всю душу философа, атеиста, публициста. Философской основой критики Ван Чуна, распространившейся буквально на все стороны конфуцианского учения, мог быть только материализм.

Энгельс писал о философах, что «те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, так или иначе, признавали сотворение мира... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, принадлежат к различным школам материализма. Ничего другого и не заключают в себе выражения: идеализм и материализм, взятые в их первоначальном смысле»[1].

В философском учении Ван Чуна мы находим материалистическую постановку вопроса в его концепции всеобщей материальной субстанции, в его утверждении, что в мире не может существовать объекта, который не обладал бы телом и обладал бы только сознанием. Ван Чун стремится в своем учении о естественности природы объяснить ее посредством ее же собственных сил и рассматривать природу как нечто первоначальное по сравнению с духом, сознанием, мышлением. В противоположность конфуцианцам, он дает материалистическое и атеистическое истолкование понятия неба как одного из элементов природы, не обладающего ни сверхъестественными качествами верховного существа, ни способностью к сознательной деятельности, проявляющейся якобы в порицании или награждении людей. Провозгласив «естественность», по существу, всеобщим законом природы, Ван Чун лишил религиозное мировоззрение какой бы то ни было почвы и устранил необходимость искать начал мира и жизни в деятельности богов или единого верховного божества. Мыслитель признает

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 644.

вечность и материальность мира, отрицает принципиальное различие между человеком и животным, отрицает бессмертие. В своей теории познания он решительно отвергает наличие врожденных идей.

Мировоззрение Ван Чуна, конечно, крайне метафизично, и ему присущи все пороки, свойственные этой разновидности материализма вообще. Природа рассматривается им как нечто неизменное. «Небо и земля не изменяются, солнце и луна не подвергаются трансформациям, звезды не исчезают. Это их истинная (сущность)...» Естественная необходимость, на фоне непонимания сущности общественного человека, приобретает характер метафизически абсолютизированного закона, а понятие судьбы, которая уже при рождении предначертывает путь человека, подводит Ван Чуна к той грани, где его метафизический материализм переходит в идеализм, в некоторый идеалистический фатализм. Однако отдельные идеи мыслителя содержат элементы диалектики. Так, стихийно-диалектический характер имеет концепция «естественности» развития природы, отрицающая вмешательство в естественный процесс внешней силы. Элементы диалектики несомненны также в постановке и разрешении Ван Чуном проблемы жизни и смерти как связанных сторон единого процесса.

Значение Ван Чуна в истории развития философского мышления в Китае до сих пор не оценено в науке. Этот замечательный мыслитель, великий китайский вольнодумец, отважившийся в I в. н. э. на открытую борьбу с господствующей идеологией и религией и, в первую очередь, с конфуцианством, выдвинул немало блестящих и передовых идей. Его критика древнекитайской и конфуцианской религии должна быть особо учтена при определении его места и значения в истории идеологии Китая. Ван Чун выдвинул концепции, которые не только оказались недоступными его современникам, но оказались слишком смелыми и новыми и для последующих поколений китайских философов, в особенности для представителей конфуцианской идеологии.

Представители господствующей идеологии всеми силами пытались предать забвению идеи Ван Чуна, выбросить их из истории. Абсурдом, конечно, является довод, что скептицизм и материализм Ван Чуна не могли найти отклика в «душе китайского народа» и мыслитель был скоро забыт потому, что его учение было противоположно всему духу китайского мышления, основной чертой которого якобы является догматизм, слепая вера в традицию. Дальнейшие исследования покажут, как дух этого великого мыслителя витал над многими философскими умами Китая. Имя этого «еретика» не называлось, но его идеи незримо проникали в китайскую философию последующих эпох. Только революционный китайский народ, сбросив с себя оковы векового гнета, воздаст должное своему славному соотечественнику, этому подлинному просветителю древнего Китая, непримиримому врагу суеверия и невежества, великому материалисту и атеисту.

ДРЕВНЯЯ ТАВРИКА ДО РИМСКОЙ ОККУПАЦИИ

Проф. В. Н. Дьяков

1

Известно, как трудно на основании показаний Геродота и других древних авторов установить местоположение и границы древней Скифии. Не менее трудно установить и границы древней Таврики. Прежде всего, уже само название «Таврика» древние географы употребляли в двояком значении. Обычно они называли Тавриқой (ἡ Ταυρική) не весь современный Таврический, или Крымский, полуостров, а только горную южную и юго-западную его часть (ἡ ὀρεινὴ χώρα—Геродот, IV, 99; ἡ ὀρεινὴ τῶν Ταύρων—Страбон, VII, 4, 3—4), населенную народом тавров. Для обозначения всего Крымского полуострова большинство древних писателей более позднего времени употребляет другое название, а именно: «Таврический Херсонес»[1]. Однако эта номенклатура не являлась вполне выдержанной даже в римскую эпоху, когда географические сведения древних о Черноморье стали достаточно полны и точны. Так, Плиний[2] под Тавриқой понимает еще весь Крымский полуостров—и его степную и горную части: «От Каркинита,—пишет он,—начинается Таврика (Taurica), которая некогда также была залита морем везде, где теперь расстилаются равнины; далее она подымается обширными горными хребтами... Самый хребет занимают скифотавры». Таким образом, сама неопределенность названия страны дает повод к разногласиям в определении ее территории. С другой стороны, сообщения древних авторов о размерах и границах Таврики в собственном смысле в большинстве случаев не только весьма отрывочны и неясны, но, кроме того, еще и разновременны: ведь сами эти границы страны тавров с течением времени могли изменяться и даже совсем стираться, что должно было особенно сказываться на показаниях поздних авторов, как Страбон и Плиний.

Всего более определенные, полные и точные сведения о географическом положении Таврики в собственном смысле, т. е. страны тавров, сообщает нам Геродот (IV, 99—100). Он, несомненно, очень широко использовал сообщения Гекатея и других древнейших ионийских путешественников и географов, исключительной осведомленности и точности которых удивляется современная наука. А вместе с тем он же, равно как и его источники, является главным виновником того смешения Таврики и Таврического

---

[1] Так, Псевдо-Скимн, Землеописание, 820; Страбон, География, VII, 4,1; Арриан, Перипл, 30; Птолемей, Географическое руководство, III, гл. IV, 1.

[2] Плиний, Естественная история, IV, § 85, перевод Латышева (Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, II, стр. 173). В дальнейшем тоже цитаты и переводы даются по Латышеву.

полуострова, которое будет приводить к недоразумениям почти что до наших дней[1].

Причина этого в том, что древнейшие авторы, писавшие о Понте, несмотря на свои уже совершенно отчетливые и точные представления о стране тавров, имеют еще весьма смутные и спутанные сведения об общей конфигурации северных берегов Черного моря. Так, даже Геродот не может еще правильно обрисовать форму Крымского полуострова. Ему еще неизвестны ни Перекопский перешеек, ни Сиваш, ни Тарханкутский мыс; территорию Крыма он сокращает против действительной более чем вдвое и знает только его юго-восточную половину. Странным образом он не упоминает и ни одного из греческих поселений на Крымском побережье, хотя, как известно, Нимфей в его время являлся, повидимому, даже членом Афинского союза. Но зато этот преуменьшенный Крым, и в особенности ту его часть, которая занята народом тавров,—Таврику, он умеет очертить с поразительной точностью и в географическом и в этнографическом отношении. Таврика—страна гористая, сообщает он. Начинается она у города Керкинитиды, расположенного еще в Скифии[2]. Отсюда она к югу глубоко выступает в Понт в виде мощного мыса, значительно большего, чем Сунийский мыс в Аттике. На востоке ее границей является так называемый Суровый (τραχεῖα) полуостров[3], который выдается уже по направлению к востоку (т. е. Керченский). Здесь «за Таврикой» живут уже скифы, занимая земли на берегу Киммерийского Боспора и Меотидского озера (IV, 100). Эту восточную границу между Таврикой и Скифией Геродот умеет определить еще точнее: страна тавров к востоку простиралась до того «рва, который выкопали потомки слепых» (IV, 20) и который шел «от Таврических гор до наиболее широкой части Меотидского озера» (IV, 3), т. е. от Феодосии на северо-восток: «город Феодосия,—по словам Страбона,—был прежде границей владений боспорян и тавров»[4].

Указав, таким образом, западную (морской берег на юг от Керкинитиды) и восточную (восточный край Таврических гор, т. е. Феодосия) границы Таврики, Геродот ясно отмечает и северную границу этого большого гористого выступа, или мыса, который составлял страну тавров, где «выше тавров» тоже «живут уже скифы» (IV, 100). Она шла по прямой линии между крайними пунктами Таврики на западе и востоке—между Керкинитидой и Феодосией. Это заключение можно вывести из его сравнения Таврики с южной оконечностью Аттики и с Япигией. «Тавры занимают часть Скифии, подобно тому как если бы в Аттике не афиняне, а другой народ заселял (гористый) Сунийский выступ (τὸν γουνὸν τὸν Σουνιακόν) между Фориком и демом Анафлистом... или в Япигии не япиги, а другой народ отрезал бы себе землю, начиная от Брентезия до Тарента, и владел бы мысом»(IV, 99).

Все это так определенно и ясно, что может быть не только выражено графически, что уже неоднократно делалось[5], но и легко отложено на современной географической карте: если признать установленным, что Керки-

---

[1] См. Brandis, Chersonesos, RE, III, 2, стр. 2263.

[2] Так и Гекатей, Fr., 153; Καρκηνῖτις πόλις Σκυθική.

[3] Так Мищенко, Геродот, I, стр. 349. Латышев, Известия, I, стр. 40,—переводит: «Скалистый», что совсем не подходит к характеру Керченского полуострова, видимо, хорошо знакомого Геродоту. «Суровый полуостров» переводит и И. Толстой, Остров Белый и Таврика, Петроград, 1918, стр. 122; Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913: «Chersonesus Aspera» (карты IV и сл.).

[4] Brandis, Chersonesos, RE, III, 2, стр. 2254 сл.,—неправильно принимает этот «ров» за Перекоп.

[5] Лучшее изображение Таврики по данным Геродота у E. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, карты IV и V.

нитида находилась вблизи современной Евпатории[1], то северная граница геродотовой Таврики пройдет по линии Евпатория—Симферополь—Феодосия, т. е. по северным отрогам Крымских гор. Таким образом, весь горный Крым, со всеми тремя цепями его гор, и будет составлять геродотову Таврику.

Это геродотовское определение границ древней Таврики можно смело принять за исходное, так как оно находит себе полное подтверждение в известном нам теперь эпиграфическом и археологическом материале. Так, знаменитая Херсонесская надпись в честь Диофанта (около 100 г. до н. э., IPE, I², 352) говорит о «царских (т. е. скифских) крепостях» (βασίλεια) Хавэях и Неаполе (Χαβαῖοι καὶ Νέα πόλις), как о ближайших к Херсонесу городищах скифов, переходивших во время войны греков со скифами из рук в руки, хотя эти крепости, как можно понять из самой надписи, находились уже в средней части Крымского полуострова, в районе современного Симферополя. Городище Неаполь (под Симферополем), раскопанное в 1926 г. проф. Н. Л. Эрнстом, показало смешанный инвентарь, характерный для поселений скифов, пограничных с греческими: черепки плохо обожженной скифской посуды, грубые железные орудия, примитивные скифские рельефы; вместе с тем обилие греческих амфор III—II вв., привозные египетские ушебти и скарабеи, финикийские стеклянные изделия и даже греческие надписи свидетельствуют о частых сношениях местных скифов с эллинами и даже о длительном пребывании последних в этом городище[2].

С другой стороны, боспорские надписи царей Левкона (387—347) и его сына Перисада I (347—309), которые именуются «архонты Боспора и Феодосии» (IPE, II, 6, 10, 15), подтверждают также, что именно от Феодосии начинались «крайние пределы тавров», упоминаемые в посвятительной надписи Фебу эпохи Перисада I (IPE, II, 9, τέρμονες ἄκροι Ταύρων), как границы владений Боспора.

Но лучшим подтверждением является район распространения погребений в каменных ящиках, справедливо признаваемых наиболее характерными памятниками культуры тавров. Они зарегистрированы на всей территории Крымских гор, во всех трех горных цепях—от Евпаторийского района и до Отуз. Последние северные их группы встречаются и в окрестностях Бахчисарая — близ Черкес-Кермена, Бешуя, б. Успенского монастыря, и на север от Севастопольской бухты — у Камышлы, Дуванкоя и т. д.[3] Наоборот, из степного Крыма идет ряд скифских курганных погребений[4] и древних каменных баб, типичных для культуры других степняков[5].

---

[1] В. Латышев—в «Материалах по археологии России», 1891, № 9, стр. 6 сл.; Романченко, К вопросу о древнем поселении вблизи Евпатории, «Археологическ. известия и заметки», изд. Мос. Арх. об., 1894, т. II, стр. 9—15; Моисеев, Из истории западного побережья Тавриды, I, Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории, «Изв. Тав. Уч. Арх. Ком.», 1918, № 54, стр. 241—259; П. Я. Чепурина, Евпатория—Керкинитида как часть Херсонесского округа. 2-я конференция археологов, 1927, стр. 35, 36; В. Ф. Штифтер, Евпатория—Керкинитида. 2-я конференция археологов, 1927, стр. 34—35; М. А. Наливкина, Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации, «Пробл. истор. докапит. обществ», 1934, № 9—10, стр. 161 сл.

[2] Н. Л. Эрнст, Неаполь Скифский. 2-я конференция археологов, 1927, стр. 23—28. См. также экспонаты Музея Тавриды в Симферополе.

[3] См. карту их расположения у Репникова —«Изв. Тав. Уч. Арх. Ком.», № 44.

[4] См. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 396 сл., «Подгруппа скифских курганов Крыма».

[5] Список их см. «Изв. Тав. Уч. Арх. Ком.», 1906, № 36, стр. 84 сл.; Ружицкий, Краткое сообщение о каменных бабах в Тавр. губ., «Изв. Тав. Уч. Арх. Ком.», № 39, стр. 11 сл.; Веселовский, К вопросу о каменных бабах в Тавр. губ., «Археол. известия и заметки», 1895, № 2—3, стр. 65—66.

Таким образом, геродотовское разграничение областей тавров и скифов следует признать совершенно правильным и точным. Северо-западную границу древней Таврики надо начинать на юг от Керкинитиды—Евпатории и отсюда вести ее по линии Бахчисарай—Феодосия. Под древнейшей Таврикой следует понимать всю область Крымских гор, не только первую, но и всю вторую и третью ее гряды. Ошибка Геродота и его ионийских источников заключается лишь в том, что этот горный Крым они принимали за весь Крымский полуостров, который они еще сводили к простому гористому «мысу» на скифском берегу, и таким образом стали виновниками недоразумений в смысле смешения этих двух различных территорий у писавших после них древних географов, высоко ставивших их авторитет и не считавших нужным критически относиться к их показаниям.

Позднейшие греческие и римские писатели дают немало новых ценных и детальных данных о стране тавров, но никто из них уже не указывает с такой определенностью, как Геродот, ее внешних границ. Так, перипл, приписываемый Скилаку (конец VI в.), но на самом деле составленный лишь в IV в. до н. э., видимо, на основании новых сведений аттических купцов, торговавших с Боспором, впервые упоминает эллинский торговый город Херсонес в Таврической земле, а за Таврикой, «где опять живут уже скифы»,—эллинские города Феодосию, Китей, Нимфей, Пантикапей, Мирмекий; более точные сведения даются и о таврском побережье между Херсонесом и Феодосией—упоминается впервые «мыс Таврической земли Бараний лоб» (Κριοῦ Μέτωπον): «от Истра (Дуная) до него три дня прямого пути и три ночи, а вдоль берега вдвое... От Бараньего лба до Пантикапея день и ночь пути»[1]. Однако границы Таврики не указываются совсем: «за скифской землей народ тавры заселяют м ы с м а т е р и к а; а мыс этот вдается в море»—вот все, что может сказать перипл Скилака о конфигурации земли тавров. Как видим, север Крымского полуострова попрежнему еще не известен, и Таврика, как и у Геродота, непосредственно примыкает в виде мыса к Скифскому «материку».

Сведения о Таврике греческих географов и этнографов IV века и эллинистической эпохи—Эфора (IV в.), Эратосфена (III в.), Артемидора Эфесского (конец II в.), Аполлодора (конец II в.), Посидония (начало I в.), как известно, для нас потеряны, и мы лишь косвенно можем судить о них по «Землеописанию» Псевдо-Скимна (около 90 г. до н. э.), «Географии» Страбона и пр., для которых они послужили главными источниками. Но в смысле определения территории Таврики мы и здесь не находим ничего нового и более точного; наоборот, появляются некоторые запутывающие нас данные, отчасти географического, отчасти исторического характера.

Страбон (VII, 4) вносит дальнейшую ясность и точность в античные представления о Крымском полуострове: он называется у него уже «Таврическим и Скифским Херсонесом» (ἡ Ταυρικὴ καὶ Σκυθικὴ λεγομένη Χερρόνησος); он знает Перекопский перешеек—«Истм (ἰσθμός) шириною в 40 стадий (=$7^1/_2$ км), отделяющий так называемое Гнилое озеро от моря» (Σαπρὰν λίμνην ἀπὸ τῆς θαλάττης. VII, 4, 1). Этот «большой полуостров» (Μεγάλη Χερρόνησος) и по величине его и по виду он уже сравнивает не с Суний-ским мысом, как Геродот, а с целым Пелопоннесом (VII, 4, 5) и отчетливо делит его на две части: первая—это горная область тавров (ἡ ὀρεινὴ τῶν Ταύρων. VII, 4, 3; ἡ ὀρεινὴ . . . Ταύρων γῆ. VII, 4, 4), вторая — степная, «остальная часть полуострова—равнина с хорошей почвой, чрезвычайно богатая хлебом» (VII, 4, 6). Он дает много крайне ценных подробностей и о городе Херсонесе, о Боспорском царстве и его городах, о скифах, населявших внутренние районы Херсонесского полуострова. О Таврике

[1] Л а т ы ш е в, Известия,' I, стр. 84.

в собственном смысле, т. е. о стране тавров (Ταύρων γῆ), он говорит, что это гористая область, и даже называет отдельные горные вершины: Трапезунд (ὁ Τραπεζοῦς, т. е. Столовая гора — Чатыр-даг), гора Киммерий (Κιμμερίων), мыс Бараний лоб (Κριοῦ Μέτωπον) (VII, 4, 3). Однако точных границ Таврики и Страбон не указывает, по крайней мере, для своего времени.

Неопределенность границ Таврики у Страбона можно поставить в связь и с недостаточной его общей осведомленностью об этнографических и политических отношениях на Таврическом полуострове, как они складывались здесь к началу I века н. э. Например, явным недоразумением следует считать такое его замечание (VII, 4, 5): «раньше скифское племя тавров занимало наибольшую часть страны до перешейка и Керкинитского залива, и вся эта страна, пожалуй, и область за перешейком до Борисфена, называлась Малой Скифией... а теперь всем Большим Херсонесом владеют боспорские цари, после того как он сильно пострадал от беспрерывных войн». Первая часть этой фразы—явно ни на чем не основанный домысел, вторая—определенный анахронизм, противоречащий несомненному факту, что скифы и их союзники продолжали и в I в. н. э. оставаться грозой греческих городов Крымского побережья (IPE, I², 369). Страбон пользовался хорошими источниками для истории Боспора, но они в большинстве, повидимому, не позднее эпохи царя Митридата VI Евпатора (οἱ δὲ τὰ Μιθριδατικὰ συγγράψαντες. XI, 2, 14) и потому несколько устарели к его времени. Он сам ссылается на Посидония и Аполлонида, рассказывая о войнах со Скилуром и Паллаком; может быть, он пользовался и какими-нибудь боспорскими хрониками той же эпохи, откуда почерпал сведения о победах Диофанта, Неоптолема и других «царских воевод» (VI, 4, 3). Но о Фарнаке, об Асандре и о Полемоне мы у него находим лишь краткие упоминания, повидимому, заимствованные из Гипсикрата (VII, 4, 6) и касающиеся лишь восточных владений Боспорского царства (XI, 2, 3, 11), и с эпохи Митридата он прямо, пропуская всю бурную историю Боспора за вторую половину I в. до н. э., перескакивает, по крайней мере, в отношении Таврического полуострова, к своему времени: «с тех пор и доныне» (μέχρι νῦν) город Херсонес подчинен владыкам Боспора (VII, 4, 3), а «боспорцы покорны римлянам» (VII, 4, 2). Естественно поэтому, что и победы митридатовых воевод представлялись ему более полными и решительными, чем они были на самом деле, почему и Скифию и «Таврическое побережье» (Ταυρικὴ παραλία) он склонен рассматривать лишь как простые области Боспорского государства.

Плиний (IV, 85), как мы уже видели, тоже ошибочно весь Таврический полуостров называет Таврикой, и степную и горную его части, которые он тоже ясно различает; тем не менее он значительно лучше Страбона осведомлен о его населении, о различных его племенах и о занимаемых ими территориях в его время. «Внутри страны (за горами, на равнине) живут 23 племени (не-таврские!), у которых 6 городов: Оргокены, Харакены, Ассираны, Стактары, Акисалиты, Кариарды. Самый хребет занимают скифотавры (после Страбона это название становится обычным): они с запада граничат с Херсонесом Новым, а с востока со скифами сатавками». На южном побережье, сразу за мысом Парфением, «Таврский город Плакия, (таврский?) порт Символов, мыс Бараний лоб... За ним лежат многие таврские порты (ab eo Taurorum portus multi)...» Далее—город Феодосия и пр. Таким образом, у Плиния Таврика в собственном, узком смысле вновь выступает как страна со вполне определенно установленными границами. Плиний—последний античный писатель, который дает нам изображение Таврики до ее полного покорения римлянами и уже в момент первого соприкосновения с ними. Его известия

нам тем интереснее, что он, как римский адмирал, имел возможность использовать рапорты, доклады и топографические съемки римских военных и моряков, составлявшиеся в эпоху Августа, Клавдия и Нерона, когда римские эскадры и военные отряды стали часто появляться на Боспоре и в Херсонесе. Его топографические данные, опираясь на эти новые и верные источники, отличаются особой полнотой и точностью. И что же? В отношении границ Таврики в собственном смысле они полностью совпадают с Геродотом. Тавры, согласно Плинию, занимают весь горный хребет на запад от ближайших окрестностей Херсонеса и до Феодосии. Они утратили, повидимому, лишь район Евпатории, надо полагать, в эпоху, когда Диофант «подчинил себе окрестных тавров и основал город (Евпаторию) на том месте», как сообщает об этом херсонесская надпись в его честь. Таким образом, благодаря Плинию, с одной стороны, полностью подтверждаются сведения Геродота о границах и протяжении страны тавров, с другой—оказываются добавочные доказательства неточности указаний Страбона, которые, может быть, уже слишком импонировали современным исследователям и вносили путаницу в вопрос о местоположении и границах древней Таврики. Таврика—это весь горный Крым, весь его хребет, все три цепи Крымских гор, от Евпатории и до Феодосии, как то правильно определил уже Геродот. И такой она в общем оставалась в продолжение 500 лет от Геродота и до времени Плиния, может быть, лишь частично урезанная на западе и на востоке в эпоху наибольшего могущества Боспорского царства при Митридате.

[2]

Географическая самобытность Таврики—единственного горного оазиса среди моря припонтийских степей—помогла ей сохранить и особое этническое лицо. Она представляла собой особую этническую область, населенную народом не скифского племени, а, как правильно выражается Геродот, «другим народом» (ἄλλο ἔθνος). Перипл Скилака тоже совершенно определенно отличает тавров от скифов.

Есть основание полагать, что тавры представляли собою последний остаток киммерийцев, которые во II тысячелетии до н. э. занимали все северное Черноморье, от Кубани и Дона до Дуная[1]. Киммерийцы, повидимому, принадлежали к семье фракийских народов[2], откуда их тесная связь с дунайским (венгерским) очагом культуры бронзового века, а через нее и с мегалитической культурой Западной Европы[3].

В VIII—VII вв. до н.э. киммерийцы были вытеснены скифами в Переднюю и Малую Азию. Как свидетельствуют халдские и ассирийские надписи, они громят в VIII в. из Закавказья Ванское царство (Урарту) при царях Руса I и Руса II, а в VII в. при Асархадоне (680—668) и его преемниках уже вместе с халдами и мидянами, под именем Gimiri или Gamirra (библейские Gomer), теснят ассирийцев[4]. Полагают, что другой их поток направился в Малую Азию через Геллеспонт и Троя VII является их поселением[5].

[1] В. А. Городцов, К вопросу о киммерийской культуре, «Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН», 1928, вып. 2, стр. 48; C. F. Lehmann-Haupt, Kimmerier, RE, XI (1922), 5. 397 f.

[2] Так, М. Ростовцев, M. Ebert, В. А. Городцов (последний с оговорками); иные сближают их с итало-кельтами (E. Minns, Penka), с фригийцами (Weininger). См. I. Lewy, Kimmerier в M. Ebert, Reallexicon der Vorgeschichte, 1926, Bd. VI, S. 346 ff.; В. А. Городцов, ук. соч., стр. 46—61.

[3] M. Ebert, Südrussland im Alterthum, 1921, S. 78—79.

[4] Б. Тураев, История древнего Востока, стр. 65 и 76; I. Lewy, Kimmerier, S. 346 ff.

[5] M. Ebert, Südrussland im Alterthum, S. 78—79. Здесь сводка всех более ранних работ по этому вопросу.

Остатки же их в Европе были загнаны скифами из южных степей за Перекоп и удержались в горох Крымского побережья под именем тавров[1].

Имя этого народа—тавры (Ταῦροι)—известно только в греческом написании. И ввиду того, что по-гречески ταῦροι обозначает «быки», были попытки делать отсюда совершенно произвольные и неосновательные выводы. Так, И. Толстой полагает, что этот народ крымских горцев получил от греков, еще задолго до Геродота, такое название «быков» по причинам сакральным и мифологическим, в связи с локализацией в Крыму древнего мифа о загробной таинственной стране «божественного Быка» и его народа[2]. Но, как указал Ростовцев И. Толстому, «имя тавров не культового происхождения, а является грецизацией местного названия народа, туземного произношения которого мы пока не знаем[3]. Примером этому является и греческое искаженное имя «киммерийцы»: Gimiri, Gamirra, как звучит это название в восточных памятниках, передается греками словом κειμέριοι, потому что оно созвучно с греческим словом «зимние», северные (χειμέριοι)[4]. И можно себе представить, какие фантастические выводы можно получить, если приняться выворачивать это произвольное обозначение на всякого рода «мифографический» или «этногонический» лад! Как и в примере с киммерийцами, здесь достаточно будет ограничиться признанием, что некоторое, хотя бы и отдаленное, созвучие с действительным названием народа это имя «тавры» имело, что и позволило грекам переиначить его в удобопроизносимый для них и осмысленный вид, не давая, однако, нам никаких оснований делать отсюда какие-либо иные выводы, предположения и сопоставления.

Во всяком случае, даже если отрицать смену народностей в северном Причерноморье и сводить вопрос на стадиальные различия, то в хозяйственном и культурном отношении между скифами и таврами все же существовало резкое различие. Тавры, судя по документальным и археологическим источникам, стояли на крайне низкой хозяйственной ступени—несравненно ниже скифов. У причерноморских скифов земледелие и скотоводство, например, уже в эпоху Геродота имело промысловый характер. «Скифы пахари сеяли пшеницу не для собственного употребления, а только на продажу» (Геродот, IV, 17)—сами они ели только ячменный хлеб. Царские скифы были скотоводы, скотом и кожами снабжавшие эллинские колонии. Как показывают скифские курганные погребения, скифские цари и вельможи находились под сильным воздействием греческой культуры; некоторые имели даже дома в греческих городах (в Ольвии) и становились их почетными гражданами (в Херсонесе). У тавров, напротив, хозяйство было совершенно изолированное и примитивное. «Тавры народ многочисленный и любят кочевую жизнь в горах»—так характеризует их быт «Землеописание» Скимна Хиосского (830 сл.), опираясь, повидимому, на Эфора. Геродот даже утверждает, что «они живут грабежом и войной». Страбон тоже говорит о постоянных набегах тавров на поселения херсонесцев, особенно на Балаклаву (Симболон-Лимен). Безымянный автор перипла (V в. н. э.), перефразируя Скимна, характеризует хозяйственный быт тавров еще более выразительно: «Тавры народ многочисленный; ведут они образ жизни горцев и кочевников, по свирепости варвары и убийцы, которые даже своих богов умилостивляют злодеяниями»[5].

---

[1] Ibid., S. 79.

[2] И. Толстой, Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте, Пгр., 1918, стр. 122.

[3] М. Ростовцев, ИАК, 1918, 65, стр. 195.

[4] Гомер, Одиссея, XIV, 14 сл.

[5] Латышев, Известия древ. писателей о Скифии и Кавказе, I, 283.

Надо полагать, что эта общераспространенная у всех древних авторов характеристика тавров как «разбойников и убийц»—не выдумка и не перепев древних мифов, а в значительной степени реальна и определяется характером и их страны и их хозяйства. Это заметил еще Саллюстий, если правильна ссылка на него в схолиях к Ювеналу (к «Сат.», 15, 115): «И Саллюстий (пишет): „ведь самые жестокие из всех до настоящего времени ахеи и тавры, потому что, как я догадываюсь, они принуждены жить грабежом вследствие бедности местности"»[1]. Заниматься земледелием на южном берегу Крыма, при его безводии, можно лишь при весьма совершенной системе ирригации, которая, конечно, недоступна была древним поселенцам. Так что земледелие у тавров, хотя оно вообще и существовало, о чем свидетельствуют кремневые и бронзовые серпы в инвентаре каменных ящиков и даже среди находок в Кизиль-Коба, вряд ли могло подыматься над уровнем примитивного мотыжного[2] и играло весьма малую, лишь вспомогательную роль в их общем хозяйстве. Скотоводству в горном Крыму, хотя оно тоже существовало уже в древнейшие времена, как показывают кости домашних животных (овцы, козы, свиньи, быка) в верхних слоях той же пещеры Кизиль-Коба, в стоянках близ Нейзаца и у деревни Саблы, тоже приходится бороться с рядом неблагоприятных условий. Летние жары, при почти полном бездождье, выжигают в июле и августе всю траву, так что и в настоящее время приходится на это время угонять скот высоко в горы, на Яйлу (т. е. пастбище).

Кочевое скотоводческое хозяйство в Крыму отмечал для своего времени Иордан (VI в. н. э.), рассказывая о хозяйстве приморских гуннов. «По соседству с Херсонесом, почти у самых его стен, поселилось гуннское племя алтзиагров (altsiagiri), которые в течение лета кочуют в своих степях, останавливаясь по временам на пастбищах для кормления скота, на зиму же возвращаются в свои зимовки на берегу Понта»[3].

Таким образом, в связи с неблагоприятными условиями для земледелия и скотоводства, для древних обитателей южного крымского побережья оставались доступными из хозяйственных занятий лишь охота и рыболовство, что, видимо, и составляло основной промысел тавров, тем более, что фауна Крыма была очень богата и обильна, а его рыбные богатства особенно велики. В Центральном музее Тавриды в Симферополе можно видеть целые коллекции рыболовных крючков (стоянка на Альме) и грузил для сетей, а также костяных наконечников стрел, иногда весьма примитивной формы, иногда подражающих отличным металлическим образцам, все, повидимому, таврского происхождения. А недостающую растительную пищу приходилось добывать путем набегов на соседних скифов-пахарей и на культурные области греческих городов. Наконец, господствующее стратегическое положение Таврики над Великим восточным водным путем по Черному морю—путем, по которому вдоль самых крымских берегов с незапамятного времени шли непрерывною цепью торговые корабли к устью Дона и к берегам Кавказа,—вызывало развитие

---

[1] Латышев. Известия, II, стр. 255. К таврам можно относить и все то, что Страбон (XI, 2, 12) рассказывает о пиратстве у племен Кавказского побережья—ахеев, зигов, иниохов.

[2] Каменные мотыги нередко встречаются среди крымских находок. О «Кизиль-Кобанской культуре» (раскопки в пещере Кизиль-Коба в 1920—1925 гг.) см. Бончч-Осмоловский, Доисторические культуры Крыма, «Крым», 1929, № 2, стр. 91 сл. Здесь же о раскопках близ Саблы, у селения Нейзац и др.

[3] Jordanis Get., с. 5; Е. Э. Иванов, Херсонес Таврический, 1912, стр. 68, «Изв. Тав. Уч. Арх. Ком.», № 46.

морского пиратства и связанный с ним обмен похищенного на нужные продукты.

Примитивному хозяйству тавров соответствовал и общий низкий уровень их материальной культуры, что с полной определенностью выясняется по археологическим данным. Повидимому, пока еще нельзя таврам приписывать, как это делают Бонч-Осмоловский и Эрнст, так называемую кизиль-кобанскую культуру, открытую их раскопками 1920—1926 гг.[1], ввиду ее весьма своеобразной керамики. Основным памятником в этом отношении попрежнему еще являются, как указывалось уже выше, погребения в так называемых каменных ящиках. Могильники эти разбросаны по всей Таврике, а особенно обильно они встречаются в Байдарской долине, по реке Каче и по всему южному берегу Крыма, от Кикенеиза до Алушты. Это сооружения деградирующего мегалитического типа, похожие на долмены. Прежде они так и назывались: «крымские долмены» (Dubois), да и теперь еще некоторые исследователи (например Башкиров) называют их «долменообразными каменными ящиками». Каждая гробница состоит из четырех громадных вкопанных в землю каменных плит, поставленных на ребра и образующих ящик; сверху, обычно на уровне поверхности земли, он прикрыт пятою плитою, особенно массивной (до 3½ метров длиною,—например в могильнике под Ялтой)[2]. Некоторые из них имеют еще и каменную ограду из кольцеобразно расположенных камней (так, в могильнике при деревне Скеле); встречаются и ящики, покрытые значительной курганной насыпью (так, в урочище Мал-Муз). От долменов они отличаются своим подземным характером, и если большинство из них теперь и подымается над поверхностью земли, то это, главным образом, благодаря размывам почвы или хищническим раскопкам различных «счастливчиков». Обследования их еще в XIX в. производил Уваров, а затем, в XX в., они были основательно обследованы Репниковым[3].

Раскопки эти выяснили, что погребения в каменных ящиках производились в скорченном положении—показатель очень низкого уровня общего мировоззрения народа, которому принадлежат эти памятники. Вместе с тем оказалось, что погребения эти были коллективные: более ранние костяки отодвигались в сторону при погребении новых покойников. Благодаря этому, например, в могилах Мал-Муз с каменными ящиками под курганом (наиболее ранняя их форма) было в каждом от 10 до 68 черепов с огромным количеством прочих костей. Инвентарь очень бедный и исключительно медный и бронзовый—все вещи, весьма близкие к гальштаттскому типу: медные скифского типа наконечники стрел и копий, медные серьги и спиралеобразные очковидные подвески, крученые гривны—вообще преобладание спиральных мотивов в украшениях. Если среди этого и найдено несколько железных вещей, например, отлично сделанные наконечники стрел и короткие железные мечи, то эти вещи единичны, явно чужеземного характера и представляли, видимо, здесь в свое время необычайную редкость и ценность, а может быть, даже попали в эти погребения и позднее. Наоборот, довольно часто встречаются еще каменные шли-

---

[1] Бонч-Осмоловский, Доисторические культуры Крыма, «Крым», 1926, № 2, стр. 94. При этом Бонч-Осмоловский почему-то называет тавров «легендарными крымскими троглодитами»!

[2] См. Лыжин, Отчет о раскопках в «Изв. Общ. любителей естествознания, антропологии и географии при Моск. университете», т. 68, вып. 9, стр. 339.

[3] Уваров, Мегалитические памятники в России. «Древности»—Труды Моск. археол. общества, т. VI, 3, стр. 269—290 и т. VIII, 3, стр. 187—245; также «Древности», т. VII, стр. 30—31 о раскопках каменных ящиков близ Гаспры. Репников, О так называемых долменах Крыма. «Изв. Тавр. Уч. Арх. Ком.» № 44, стр. 11 сл.

фованные топоры. Керамика крайне грубая—сосуды сделаны руками, без применения гончарного колеса[1].

Загнанные в неудобные для хозяйства и неприютные горы, теснимые с трех сторон врагами—и скифами, и сарматами, и греками, тавры сурово замкнулись и в культурном отношении. Они сохранили старые обычаи, нравы, хозяйственные приемы, ограничиваясь самодельным хозяйственным инвентарем и орудиями своих предков. Лишь в немногих внешних формах наблюдается некоторое подражание иноземному (каменные и костяные орудия, изготовленные по типу металлических, форма наконечников стрел, напоминающая скифские). Эта замкнутость их культуры приводила лишь к дальнейшей ее деградации.

Низкий уровень материального быта и техники подчеркивают и скудно сохранившиеся изображения тавров в греческом искусстве. Так, одна фреска Стасовского склепа (Керчь) изображает бой двух варваров—всадника и пехотинца[2]. Всадник—видимо, сармат из наемных пантикапейских дружин; он одет в остроконечный шлем, чешуйчатую броню и вооружен длинным копьем. Пеший воин—повидимому, тавр. У него красивое, с крупными чертами лицо, русые волосы, заостренная борода и усы—совсем не скифского типа. Голова его не покрыта, без шлема, нет и панцыря—только короткая подпоясанная рубаха, на ногах короткие же штаны. В одной руке у него легкий щит в виде ромба, в другой—широкий нож или кинжал. В таком же виде горца-примитива тавр изображен и на стеле, найденной в Симферополе и хранящейся теперь в Одесском музее[3]. Воина-тавра изображает, повидимому, и грубая глиняная статуэтка, найденная в одной из древнейших земляных могил на холме Митридата в Керчи[4].

3

В связи с очень низким уровнем хозяйства, техники и всей материальной культуры стояла и очень примитивная социальная структура тавров. На основании материалов археологического характера можно полагать, что у них была еще клановая допатриархальная организация («первоначальный род» Энгельса) с явными признаками матриархата. Об этом свидетельствуют коллективные погребения, а также остатки построек жилого типа. Это весьма значительные помещения, как бы приспособленные для коллективного быта. Стены их сложены из громадных камней, что при возведении их требовало коллективной работы, а внутри их—различные отбросы и черепки грубой глиняной утвари—показ их жилого назначения[5]. Были у тавров и еще более монументальные строения—городища с каменными мегалитической кладки стенами—настоящие циклопические постройки. Лучше всего остатки их видны на Аю-Даге, на Ай-Тодоре и на горе Кошка под Симеизом, на Кастеле, везде в тесном соседстве и явной связи с некрополями из каменных ящиков. Расположены они на выступающих в море высоких мысах и представляли собою настоящие пиратские берлоги, откуда делались внезапные налеты на проходившие мимо торговые суда и куда затем волокли захваченную добычу. Видимо, они были тоже заселены значительными, вероятно, по-военному организованными коллективами. Так, периплы называют некоторые из них даже «гаванями»,

[1] Репников, ИАК, вып. 30, стр. 144 сл.

[2] ОАК за 1872 г. СПБ, 1875, табл. VI; Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, СПБ,1914, стр. 340 сл., табл. LXXVIII.

[3] Уваров, Исследования о древностях южной России, СПБ, 1851, табл. XXXVI, 5.

[4] ОАК за 1872 г., СПБ, 1875, табл. XVII, 5.

[5] Репников, Предполагаемые древности тавров, «Изв. Тав. Общ. истории, археологии и этнографии», № 1, стр. 139.

например: «Таврский город Плакия», «многие таврские гавани» на восток от мыса Криу-Метопон (Плиний, IV, 85), «гавань Афинион или гавань Скифотавров», «гавань Ламнада в Таврической земле», «гавань Символов, также Таврическая» (Арриан, 30, за ним перипл безымянного автора, 78)[1].

Что эти коллективы имели еще допатриархальный характер, можно предполагать на основании ряда косвенных признаков. Так, у тавров еще нет рабовладения, которое обычно уже вполне оформляется в эпоху патриархально-родового строя. Тавры же еще рабами не пользуются, почему и пленников поголовно истребляют. Именно так можно понять знаменитое свидетельство Геродота (IV, 103) о «свирепости» тавров: «С неприятелями, попавшими в плен, они поступают следующим образом: каждый отрезает неприятелю голову и уносит с собой домой; потом натыкает на длинный шест очень высоко над домом, большею частью даже над дымовой трубой. По словам тавров, это стражи, поднимающиеся в воздух над целым домом». «Всякого эллина,—говорит он в другом месте,—потерпевшего кораблекрушение или захваченного в море, они приносят в жертву своей богинедеве и поступают при этом так: после предварительного освящения жертвы бьют ее по голове дубиной... Тело жертвы бросают вниз со скалы, на которой помещается святилище, а голову насаживают на кол»[2]. Что это свирепое обращение с пленниками является не выдумкой и не перепевом мифа об Ифигении и Оресте и что оно практиковалось и в более позднее время, показывает латинская надгробная надпись II в. н. э. из Херсонеса в память вольноотпущенника Ведия Фрепта, «врача, убитого таврами» (IPE, I², 562). И мирная профессия убитого и форма сообщения об его «убийстве» говорят о том, что здесь имеется в виду не гибель в бою. В таких случаях обычны более пышные эпитафии, например: «его убил завистливый Арей в бою за отчизну» (IPE, I², 482), или: «грозный номадов Арей любезного Лизимаха сразил, и над погибнувшим мужем раздались всеобщие стоны» (IPE, II, 171). В данном же случае автор надписи сообщает о гибели Фрепта, как о прямом злодеянии, совершенном вне военной обстановки, весьма обычном у тавров и всем поэтому понятном без лишних слов. В таком же тоне рассказывает и Тацит (Ann., XII, 17) о злосчастной участи нескольких римских кораблей в 49 г. н. э., возвращавшихся после победы над бывшим боспорским царем Митридатом II и его союзниками—сираками: «Римское войско... находилось в трех днях пути от реки Танаиса. При возвращении счастье нам изменило: некоторые из судов (войска возвращались морем) были отнесены к берегам тавров и захвачены варварами, причем были убиты начальник когорты и большинство людей вспомогательного отряда».

Можно, однако, найти у тавров и прямые следы матриархата, который и a priori следует предполагать на этом низком уровне материальной культуры—ведущего значения в хозяйстве их охоты, рыболовства, мелкого скотоводства, зачаточного, вероятно, мотыжного женского земледелия и грубой керамики, тоже до введения гончарного колеса являющейся обычно женским производством. О существовании матриархата свидетельствует весьма определенно господствовавший у тавров примитивный культ великого женского божества. Так, Геродот, сообщая о человеческих жертвоприношениях у тавров, называет их главное божество «девственной богиней». За ним об этой свирепой богине тавров говорят и другие античные писатели (Эфор, Страбон и др.). Подробнее всех—Овидий в своих «Tri-

[1] Напротив, 6 oppida: Orgoceni, Characeni, Assyrani, Staeteri, Aeisalitae, Caliardi, которые перечисляет Плиний, IV, 85, не таврские, к которым напрасно их причисляет Ростовцев—Скифия и Боспор, стр. 51—52, а принадлежали «срединным племенам» (mediterranei).

[2] Геродот, I, 103.

stia» (Lib. III, ep. 2) в виде рассказа старого тавра. «Есть в Скифии местность, которую предки назвали Тавридой. Я родился в этой стране и не гнушаюсь своей родиной. Это племя чтит родственную Фебу богиню. Еще и ныне стоит ее храм, опирающийся на огромные колонны; к нему ведут сорок ступеней. Предание говорит, что там был ниспосланный с неба кумир. Не сомневайся, еще и ныне там стоит подножие, лишенное статуи богини. Алтарь, который был сделан из белого камня, изменил цвет и ныне красен, будучи окрашен пролитою кровью. Священнодействие совершала жрица»[1]. Интересную подробность сообщает Аммиан Марцеллин (XX, 34); по его словам, Диана тавров, которой в жертву приносили иностранцев, называлась Орсилохою (Orsiloche), т. е. «побуждающая родить» «рожаница». Совершенно тем же именем Ὀρσιλόχια называет и Ифигению Никандр Колофонский в своих «Превращениях» (Ἑτεροιούμενα)[2]. Это же вскрывает нам смысл и геродотовского сопоставления великой богини тавров с Ифигенией (Ἰφι-γένεια—мощью рожденная). Доминирующее значение культа этой «рожаницы», или богини-матери, в Таврике свидетельствует о сильных элементах матриархата у народа тавров.

Мы имеем теперь и археологические подтверждения существования в Таврике этого культа. Правда, долгие, горячие и страстные споры историков, археологов и крымоведов о местоположении знаменитого, мифами прославленного святилища тавров и их усердные старания его открыть закончились полной неудачей.

Однако случайно удалось все же обнаружить один второстепенный и уже довольно поздний центр культа этой богини и, как правильно предполагал Бларамберг, в самой середине таврами заселенной области. Так, в 1905 г. известный крымский археолог Бертье-Делагард открыл в горах под Ялтой, за Верхней Ауткой, в урочище Селим-Бек, лесное святилище варварского женского божества, которое функционировало с начала I до середины IV в. нашей эры[3]. Вместе с большим количеством (более 1000) херсонесских, боспорских и римских монет этого времени здесь найдены бронзовые браслеты и «кольца змейками» (т. е. того же спирального типа, что и в таврских погребениях в каменных ящиках), очень грубо сделанные серебряные вотивные дощечки, черепки очень грубой туземной глиняной посуды и множество челюстных костей свиней, овец и собак—видимо, остатки жертв, состоявших из одних голов этих животных. Самую же интересную находку представлял ряд женских терракотовых статуэток. «Статуэтки эти,—пишет Бертье-Делагард,—весьма своеобразны: подобных им я еще не встречал Лучшие из них представляют женщину в гиматии, наброшенном на голову, со сложенными руками, причем правая рука приложена к лицу. Высота наибольшая—около 15 см. Работа обыкновенная, плохая, греческая, с мало рельефными, как бы смазанными частями фигуры и одежды. Затем найденные фигурки ухудшаются: черты их все более и более сглаживаются, и, наконец, они переходят в нечто вроде пирамидок, вверху которых защипнутые кусочки глины изображают нос. Сама глина и обжиг, довольно хорошие в первых, становятся затем очень плохими, а последние едва и грубо обожжены. Впечатление такое, что первые фигурки—привозное изделие греков, а потом местными мастерами делаются грубые подражания»[4].

[1] Латышев, Изв. древн. писателей, т. 2, стр. 97.

[2] Nicandri Fragmenta, ed. Schneider, 58.

[3] Бертье-Делагард, Случайная находка древностей близ Ялты, «Изв. Одесск. общества истории и древностей», 1907, т. 27, стр. 19—27.

[4] Часть статуэток была передена в Музей Одесского общества истории и древностей. Вызывает, однако, сомнение, которые же из этих статуэток древнее: по Бертье-Делагард, выходит, что древние лучше исполненные, а более примитивные являются более поздними. Не наоборот ли?

Святилище это, как показывают даты монет, существовало еще почти за целое столетие до оккупации Таврики римлянами и продолжало действовать и после них, до эпохи Константина. Следовательно, оно может быть приписано только таврам. А потому и статуэтки должны изображать таврскую богиню, которой в этом местном скромном и позднем святилище приносили в жертву не головы людей, а мелких домашних животных, почему и найдены только их черепные кости. Можно предполагать в Крымских горах существование и других подобных же малых святилищ, служивших центрами культа для родовых объединений древних тавров, чествовавших в них своих «рожаниц», т. е. родоначальниц. А отсюда можно заключить о пережитках матриархата в общественном строе древних тавров.

4

О политическом строе тавров, при таком низком уровне их общественного развития, разумеется, не может быть и речи. Если Геродот (IV, 102) и упоминает о «царях тавров» (βασιλέες Ταύρων), а Николай Дамаскин (Fr. 120) сообщает даже детали погребальных обрядов «таврских царей»,—что «тавры вместе с царями погребают преданнейших друзей, а царь по смерти друга отрезывает себе часть уха или целое, сообразно с достоинством умершего», то и в том и другом случае слово «цари» (βασιλέες) должно быть правильнее передано словом «старейшины», «вожди». Впрочем, в оценке второго из этих известий, именно сообщения Николая Дамаскина, современные исследователи резко расходятся: в то время как Латышев считает его свидетельство сомнительным и, вероятно, к Таврике не относящимся, М. Ростовцев, наоборот, видит здесь показания «лица, наблюдавшего жизнь тавров в реальной обстановке», «черту быта, близко напоминающую быт кочевников вообще... общераспространенную черту ритуального изуродования»[1], что, пожалуй, и справедливо, так как есть основания думать, что Николай Дамаскин и здесь следует Эфору, на которого непосредственно ссылается в следующих же, ближайших строках. Во всяком случае, необходимо признать существование у тавров какой-то весьма крепкой военно-родовой, боевой организации, которая способствовала сохранению ими своей национальной независимости вплоть до римской эпохи, до конца I в. н. э. По отношению к скифам и сарматам тавры во всех наших источниках выступают как равноправные их союзники, вместе с ними громят греческие пограничные поселения (Балаклаву) и совершают набеги на греческие территории. Да скифо-сарматы, видимо, и не очень интересовались этой бедной, неудобной для скотоводства и земледелия страной, «суровой, гористой, подверженной зимним бурям» (норд-ост!), как изображает ее нам Страбон (VII, 4, 2). Во всяком случае, никаких следов скифской культуры на территории Таврики мы не имеем. Но не могли сломить сопротивления тавров и соседние с ними греческие полисы. Так, владения ближайшего к таврам греческого соседа—Херсонеса—распространялись преимущественно вдоль степного северо-западного берега Крыма. Об этом определенно свидетельствует знаменитая надпись с присягой херсонесцев, относящаяся, по меньшей мере, к III в. до н. э., т. е. к эпохе наибольшей силы и расцвета Херсонеса. В то время как здесь дважды упомянуты западные его порты—Керкинитида и Прекрасная гавань, беречь и охранять которые наравне с своим городом клянутся граждане Херсонеса, ничего не говорится в ней о поселениях к югу и востоку, не упомянуты даже ни Ктенус (Инкерман), ни Симболон-Лимен, т. е. Балаклава:

[1] В. Латышев, Известия, I, 455, пр. 1; М. Ростовцев, ИАК, 65, стр. 193.

видимо, в этой стороне у херсонесцев в III в. еще не было значительных селений. На Гераклейском полуострове владения херсонесцев не заходили в IV—III вв. на восток далее мыса Фиолент. Притом поселения здесь были необычайно тщательно укреплены, что свидетельствует об их опасном пограничном положении. В Юхаринской балке, в балке Бермана, на территории б. дачного поселка Александриады теперь зарегистрировано около 80 отдельно стоящих мощных башен, сложенных из колоссальных каменных блоков (некоторые до 3½ метров длины и 1½ метра ширины: например башня № 45 в Александриаде, раскопанная в 1924 г. археологической экспедицией под руководством проф. И. Н. Бороздина)[1]. Некоторые из них (например башни №№ 31 и 32, так называемые «Близнецы», или башня № 21, раскопанная в 1928—1929 гг.) имеют своеобразный панцырь из громадных тесаных камней, охватывающий стены внутреннего жилого здания, причем в целях усиления сопротивления внешним ударам кладка имеет наклонный («пирамидальный») характер. Между башнями идут высокие стены, отграничивавшие их полевые участки—повидимому, виноградники, так как среди хозяйственного инвентаря башен постоянно находят виноградные прессы (тарапаны) и цистерны для стока виноградного сусла. Этот укрепленный нагорный винодельческий район Херсонеса представлял собой и великолепный оборонительный пояс, целый лабиринт мелких ферм-замков, защищавших город со стороны Коранских и Балаклавских высот, несомненно, от набегов незамиренных еще тавров. Это те самые укрепленные постройки, которые в I в. до н. э. лежали уже в запустении и которые Страбон, повидимому, принял за развалины древнего Херсонеса («далее, за мысом Парфенион, лежит разрушенный старый Херсонес»). Они, однако, как показывает их керамика (черно-и краснолаковая посуда), не древнее IV в. и действительно временно были покинуты во II в. до н. э. в связи с усилившимся нажимом варваров. Только около 100 г. до н. э. удалось херсонесцам одержать первый успех над таврами. Жестоко теснимые скифами и таврами, которые общими силами заставили их эвакуировать Гераклейский полуостров и отняли у них Прекрасную гавань и Керкинитиду, херсонесцы обратились за помощью к Митридату VI Евпатору, царю Понта, овладевшему к этому времени и метрополией Херсонеса—Гераклеей. Присланный Митридатом с войском полководец его Диофант, родом из Синопа, как о том свидетельствует надпись в честь его, найденная в 1878 г. в Херсонесе, не только «обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми», но даже «подчинил себе окрестных (παροικοῦντας) тавров и основал город на том месте»—повидимому, Балаклаву[2].

Однако еще и в I в. н. э., в эпоху Плиния, как можно судить из его описания, основная территория тавров между Балаклавой и Феодосией продолжала оставаться свободной, независимой и непокорной Херсонесу, даже как будто продвинулась за Балаклаву на запад: таврский город Плакия, по Плинию, находился уже где-то около Мраморной балки, т. е. еще ближе к Херсонесу.

Независима была Таврика еще в это время и от другого своего греческого соседа—от Боспора. Одна боспорская надпись IV в. определяет владения Перисада I (347—309) «от пределов тавров вплоть до границ земли Кавказской»[3]. И в титулах боспорских царей Спартокидов, которые любили перечислять подчиненные им народы, нигде не упоминается имя тавров. Даже Аспург, сын знаменитой Динамии (правил с 8 г. н. э.), называет

[1] И. Н. Бороздин, Новейшие археологические открытия в Крыму (раскопки на Гераклейском полуострове). Научная ассоциация востоковедения, М., 1925.

[2] Так, Селиванов, О Херсонесе Таврическом, Одесса, 1898, стр. 22; ср. также E. Minns, Schythians and Greeks, 1913, p. 519.

[3] IPE, II, 9: ὅσην χθόνα τέρμονες ἄκροι Ταύρων Καυκάσιός τε ἐντὸς ἔχουσιν ὄρει.

себя[1] «царем всего Боспора, Феодосии, синдов, и маитов, и тарпитов, и торетов, и псисов, и танаитов» (IPE, II, 36),—тавров, как видим, еще нет.

Они упоминаются еще как враги—над ними и скифами Аспург одержал победу (ὑποτάξαντα Σκύθας καὶ Ταύρους). Зато надпись, датированная 193 г. н. э. и, следовательно, относящаяся ко времени боспорского царя Тиберия Юлия Савромата (175—210 гг. н. э.), прославляет его, между прочим, за то, что он «покорил сирахов и скифов и землю таврическую присоединил по договору» (IPE, II, 423)—надо полагать, по договору с Римом, который в это время уже оккупировал Таврику. Таким образом, и от Боспора Таврика была независима вплоть до конца II в. н. э.

Эта независимость Таврики от греков подтверждается косвенно и отсутствием каких-либо археологических памятников греческого происхождения на всей ее территории. На всем протяжении южного берега Крыма и всей тройной цепи замыкающих его Крымских гор не зарегистрировано ни одной находки предметов эллинской культуры[1]. Исключение составляет одна каменная плита с греческой надписью III в. до н. э. с посвящением Гераклу (IPE, I[2], 684), хранящаяся теперь в Феодосийском музее. По показаниям Кеппена, она найдена была между Гурзуфом и Никитой[2]. Она сильно попорчена, и происхождение ее спорно: одни считают ее за пантикапейскую (IPE, I, стр. 515), другие—за херсонесскую. Вероятно, попала она на южный берег Крыма случайно, как, например, и знаменитая херсонесская надпись с башни Зенона, которая открыта была Палласом в Симферополе, а затем оказалась в Алупке и отсюда уже была доставлена в Херсонесский музей[3].

Таким образом, мы можем говорить о полной независимости тавров вплоть до конца I в. н. э. И эта независимость была не только политической, но и культурной. Это объясняется тем, что, с одной стороны, эллины избегали селиться в горной части Крыма ввиду неблагоприятных почвенных ее условий и примитивной свирепости нравов ее населения; ввиду его крайней бедности они не заводили с ним и торговых сношений. С другой стороны, и сами тавры, повидимому, сопротивлялись влиянию культуры чужеземцев, теснивших их со всех сторон. Однако следы такого влияния сохранились. Так, в Херсонесе найден надгробный памятник, сильно попорченный, с надписью «Таврская женщина» (имя ее пропало). Была ли это жена или любимая рабыня кого-нибудь из богатых херсонесцев—решить трудно. Раскопки 1936 г. вскрыли на территории Херсонесского городища целый некрополь с погребениями в скорченном положении и со смешанным тавро-эллинским инвентарем. Он относится к весьма ранней эпохе существования Херсонеса—к V в. или началу IV в. до н. э. Можно думать, что это были какие-нибудь замиренные тавры, оставшиеся жить поблизости недавно основанного города. Никаких других следов взаимоотношения между таврской и эллинской культурами пока не найдено, и культура тавров до сих пор продолжает нас поражать своей удивительной изолированностью и самобытностью.

---

[1] При раскопках В. Д. Блаватского на Ай-Тодоре в 1935 г. найдено незначительное число черепков греческих краснофигурных сосудов IV в. до н. э.—может быть, свидетельства пиратских подвигов тавров.

[2] Кеппен, «Крымский сборник», стр. 21.

[3] «Одесский вестник», 1865, № 45.

РИМСКАЯ СТРАТЕГИЯ В IV в. н. э. У АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

В. И. Холмогоров

В буржуазной исторической науке твердо укоренилось представление о том, что стратегия римской императорской армии оставалась неизменной на всем протяжении ее истории, иными словами, вплоть до времени гибели этой армии в V в. н. э. Шли столетия, глубочайшим образом изменялся социально-экономический строй Римской империи, изменялся, в связи с этим, состав армии, а римские полководцы с неизменной твердостью и почти всегда с неизменным успехом применяли якобы принцип наступательной стратегии Мольтке—«врозь итти, вместе драться», принцип концентрического наступления несколькими колоннами, против которого бессильны были бороться варварские войска[1]. И если в конце империи, в IV в. н. э., стратегические замыслы римских полководцев начали терпеть неудачу, так это об'яснялось только тем, что их стратегии противостояла теперь победоносная стратегия выросших в военном отношении германских вождей,—так, по крайней мере, утверждают немецкие националистические историки, не учитывающие внутренних причин изменения римской стратегии[2]. Но могли ли в действительности римские полководцы поздней империи в своих стратегических расчетах не считаться с той обстановкой, в которой им приходилось действовать, с теми средствами, которыми они располагали, и, прежде всего, с возможностями той армии, которой они командовали? Совершенно очевидно, что этого не могло быть и что состав римской армии этой эпохи должен был оказать могущественное влияние на действия ее полководцев. Личный состав римской армии претерпел, как известно, за последние века империи процесс глубочайшего внутреннего изменения. Можно считать достаточно выясненной ту все более и более значительную роль, которую, уже начиная со II в. н. э., стали играть в римской армии варварские отряды; вместе с тем, переход империи к натуральным формам хозяйства вызвал, уже начиная с первых лет III в., постепенный перевод армии на самоснабжение, создание своеобразных военных поселений вдоль границ империи, превращавших войска в полукрестьянскую милицию[3]. Но эта милиция в революционном кризисе середины III в. проявила свою ненадежность; поэтому, начиная с правления императора Галлиена, рим-

[1] E. Niescher, Die Zeit des stehenden Heeres. В «Heerwesen und Kriegsführung der Griechen u. Römer» von J. Kromayer, Munchen, 1928, S. 602. f. В капитальном труде Гроссе (R. Grosse, Römische Militärgeschichte..., 1920) ничего не говорится о стратегии.

[2] E. Niescher, op. cit., S. 607. Ср. также Г. Дельбрюк, История военного искусства, т. II (рус. пер. ГВИЗ, 1937), стр. 226 сл. Впрочем, Дельбрюк считает германских вождей «природными стратегами».

[3] Г. Дельбрюк, op. cit., стр. 182 сл.; R. Grosse, op. cit., S. 64 f.

ское правительство стремится путем выделения отборных, преимущественно варварских, конных отрядов из рядов армии, расположенной вдоль границ, создать новую надежную армию, не связанную с пограничной службой и находящуюся всецело в распоряжении императорской власти[1]. Процесс создания такой новой армии (так наз. comitatenses) завершается в эпоху Диоклетиана и Константина; эта армия, в отличие от армии первых веков империи, полностью сосредоточенной на границах, была расположена по крупным городам внутри империи[2] и обращена, очевидно, в первую очередь против «внутреннего врага»—революционного движения рабов и колонов. Величайшим напряжением всех ресурсов государства Диоклетиану и Константину удалось обеспечить вновь созданной армии и более или менее надежный личный состав, пополняя ее ряды наемниками, главным образом из внеимперских варваров; эти варвары, правда, не поддавались римской дисциплине и военному обучению, но они в глазах римского правительства являлись значительно более надежным материалом, чем охваченное революционным брожением население самой империи. В то же время пограничные войска (так наз. limitanei или riparienses), в основном сохранившие старую организацию и комплектуемые путем принудительных наборов, превратились в армию второго разряда, в полусолдат-полукрестьян, с несравненно худшими условиями службы, чем у привилегированных «comitatenses»[3]. В отличие от солдат пограничной армии (limitanei), прикованных к своим участкам земли около пограничных крепостей, новую армию—comitatenses,—принимавшую участие в дальних походах, в буржуазной исторической литературе обычно (хотя и далеко не точно) именуют «полевой армией»[4]. Бедневшей империи не по силам, однако, оказались расходы, связанные с комплектованием этой «полевой армии» одними наемниками; начиная приблизительно с середины IV в., римское правительство вынуждено было все более и более пополнять ее ряды также принудительным набором рекрутов из особых военных колоний варваров—так называемых летов и гентилов[5]. Положение летов и гентилов под гнетом римской государственной машины было не лучше, чем положение колонов; их восстания засвидетельствованы источниками[6]; внутреннее разложение, таким образом, постепенно охватывало и ряды новой «полевой армии».

Таковы, в общих чертах, были те вооруженные силы, которыми располагали римские полководцы IV в. Уже Энгельс отметил решающее влияние, которое оказало «вырождение римской армии» на характер римской стратегии: «С таким войском,—говорит Энгельс,—которому все более чуждыми становились старая римская дисциплина и выдержка, а вместе с тем и староримская боевая техника, с войском, все в большей мере составлявшимся из провинциалов и, в конце концов, даже из варваров, не входивших в состав империи, уже нельзя было теперь вести большие наступательные войны, а скоро стало невозможно давать и крупные наступательные сражения. Вырождение войска заставило государство ограничиться обороной, которая вначале еще носила наступательный характер, а потом становилась все более пассивной, пока, наконец, инициатива в наступлениях не перешла к германцам по всей линии от Немецкого моря до Черного,

[1] R. Grosse, op. cit., S. 15 f. Ср. A. Alföldi, «Ztschr. für Numismatik», 1927, B. 37.
[2] R. Grosse, op. cit., S. 89 f.
[3] R. Grosse, op. cit., S. 88—89.
[4] Th. Mommsen, Das Römische Militärwesen seit Diocletian, «Hermes», 1889, B. XXIV, S. 228; R. Grosse, op. cit., S. 88; E. Niescher, op. cit., S. 569 f.
[5] Th. Mommsen, op. cit., S. 252 f; R. Grosse, op. cit., S. 209. Ср. Amm., XX, 8, 13.
[6] Amm., XVI, II, 4. См. ниже.

через Рейн и Дунай»[1]. И далее: «С первых лет III в. начинается наступательная война германцев против римлян, и приблизительно к 250 г. она уже разгорается по всей линии от устья Дуная до Рейнской дельты»[2]. Таким образом, Энгельс считает, что уже со II в., точнее сказать, с эпохи Адриана, когда римская армия начала пополняться почти исключительно провинциалами, а роль варварских вспомогательных войск неизмеримо выросла, империя переходит к обороне, которая с середины III в., с переходом германцев в наступление, принимает особо пассивный характер. В IV в. только с напряжением всех сил Риму удается удерживать свои европейские «естественные границы»—линию Рейна и Дуная; эта линия трещит под все усиливающимся напором варварских племен; варвары неоднократно прорываются через нее; борьба становится для слабеющей империи все более и более безнадежной. Совершенно естественно, что римская стратегия этой эпохи есть та стратегия обороны, которую Клаузевиц характеризует следующими словами: «стратегически оборонительной войной называют такой поход, в котором я ограничиваюсь борьбой с неприятелем на том театре войны, который себе подготовил для этой цели. Даю ли я на этом театре войны сражения наступательного или оборонительного характера,—это дела не меняет»[3]. Действительно, войны IV в. почти все развертываются на римской территории; такие крупные наступательные предприятия, как персидский поход Юлиана в 363 г., являлись только исключениями, заранее обреченными на неудачу, отдельные же переходы римской армии через Рейн были, в сущности, лишь развитием обороны и не преследовали никаких наступательных целей[4]. Крупнейшие сражения этой эпохи—под Аргенторатом (357 г.) и при Адрианополе (378 г.)—также были вызваны лишь стремлением восстановить нарушенный «status quo», разгромить варваров, утвердившихся в пределах империи.

Яркую картину этой вынужденной оборонительной стратегии и тех факторов, которые ее определяли, дает произведение последнего крупного римского историка Аммиана Марцеллина «Res gestae», один из важнейших источников по военной истории Рима в IV в. н. э. Хотя данные Аммиана и были, в известной мере, использованы в трудах буржуазных историков римской армии (Моммсен, Гроссе, Дельбрюк, Нишер), но до сих пор не было сделано попытки на основании свидетельств Аммиана составить отчетливое изображение римской стратегии этой эпохи[5].

Прежде всего римскому командованию приходилось считаться с тем важным обстоятельством, что пограничные войска, все эти многочисленные легионы, алы, когорты и прочие отряды, которые перечисляются еще на страницах «Notitia Dignitatum»[6] уже с середины IV в. оказались совершенно неспособными даже под прикрытием укреплений защищать границу от непрерывных вторжений варваров. Около 350 г., во время борьбы императора Констанция с Магненцием, варвары—франки, аламанны и саксы—прорывают границу по всей линии Рейна, от моря до Базеля, и утверждают-

---

[1] Ф. Энгельс, К истории древних германцев; К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 362.

[2] Ф. Энгельс, К истории древних германцев, стр. 371.

[3] К. Клаузевиц, О войне, ГВИЗ, 1936, т. II, изд. 3-е, стр. 449 (против этих слов на полях заметка В. И. Ленина: «NB Верно»).

[4] См. ниже.

[5] Существует даже упорная тенденция принизить значение «Истории» Аммиана как источника по военной истории Рима в IV в. н. э., причем Аммиану противопоставляется такой формальный, внешне-описательный источник, как «Notitia Dignitatum». См. E. Nieschler, Die Quellen für das spätrömische Heerwesen, «The Amer. Jour. of Philol.», 1932, v. LIII, p. 25 sq. Ср. A. Müller, Militaria aus Ammianus Marcellinus, «Philologus», 1905, B. LXIV, S. 573 f.

[6] См. «Not. Dign.»—passim.

ся на римской территории, заняв, как сообщают источники, до 45 городов[1]. Аммиан говорит, имея, очевидно, в виду слабость пограничной обороны, что «вследствие продолжительного небрежения» Галлия претерпевала страшные бедствия от «свободно бродивших по ней варваров»[2]. Что прорыв этот не был исключением или случайностью, вызванной борьбой двух претендентов на римский престол,—показывает дальнейшая история борьбы на Рейне и Дунае, достаточно подробно описанная Аммианом. Несмотря на тяжелое поражение, которое Юлиан нанес в 357 г. при Аргенторате (ныне Страсбург) аламаннам, и значительные успехи Валентиниана I, набеги саксов, франков, и особенно аламаннов, не только не прекращаются, но даже усиливаются с каждым годом. За сравнительно короткий период, с 354 по 378 г., описанный в сохранившихся книгах истории Аммиана, иными словами, за 24 года, можно насчитать 17 значительных набегов различных варварских племен на западные провинции империи—Галлию, Рэцию, Иллирию и Паннонию, не считая даже набегов пиктов, скотов и саксов на Британию[3]. Против таких набегов не могли защитить империю и линии укреплений, сооруженных вдоль границ, которые ранее давали достаточно надежную защиту от варваров. Ко времени прибытия Юлиана в Галлию (в начале 356 г.) линия рейнских укреплений была полностью разрушена (XXI, 3); разрушены и заброшены были также и укрепления по Мозе (Маасу)[4]. Юлиан после удачных походов 360 г. восстанавливает и восточную (рейнскую) и северо-восточную (маасскую) укрепленные линии (XVI, 11; XVIII, 2; XX, 10; XVII, 9); но с уходом «полевой армии» Юлиана из Галлии эти укрепления были, очевидно, вскоре же разрушены варварами, так как император Валентиниан I в 368 г. вновь вынужден был производить большие работы по укреплению всей рейнской границы—от устьев Рейна до Рэции[5]. Однако, даже опираясь на такую основательную цепь укреплений, пограничные войска, как уже отмечалось, не могли обезопасить империю от варварских вторжений—набеги продолжались из года в год. Необходимо отметить, что обычно в таких набегах принимали участие лишь крайне малочисленные конные дружины варварских вождей; так, Аммиан, рассказывая о набеге франков в 357 г., указывает, что в римские владения прорывался «сильнейший отряд франков в составе 600 легковооруженных»[6]; следовательно, обычная численность конной дружины, отправлявшейся в набег, вряд ли превышала 400—500 всадников. Тем не менее, и с такими грабительскими шайками были бессильны бороться пограничные войска, насчитывавшие в своих рядах немало конных отрядов. Пограничные войска уже во второй половине IV в. потеряли всякую боеспособность; солдаты-поселенцы, обязанные возделывать свои участки земли и нести наследственную военную службу[7], не менее прочих колонов чувствовали на себе беспощадный гнет римской государственной машины и потому смотрели на варваров не как на врагов, а как на своих избавителей. Таким образом, единственной реальной боевой силой, на которую могло рассчитывать римское командование даже в борьбе с мелкими набегами варваров, являлась «полевая армия». Это было настолько ясно всему

[1] Zosim, III, 1; Eutrop., X, 14; Amm., XV, 8;

[2] Amm., XV, 5, 2... Cum diuturna incuria Galliae caedes acerbas rapinasque et incendia barbaris licenter grassantibus nullo iuvante perferrent.

[3] Amm., XIV, 10; XV, 5; XVI, 2, 5; XVII, 2, 6, 8, 13; XXVI, 5; XXVII, 1, 2, 8, 10; XXVIII, 5; XXIX, 6; XXX, 3; XXXI, 10.

[4] Amm., XVII, 9... subversa dudum obstinatione barbarica...

[5] Amm., XXVIII, 2, 1. «...Rhenum omnem a Raetartum exordio ad usque fretalem Oceanum magnis molibus conmuniebat, castra extollens altius et castella turresque adsiduas per habiles locos et opportunos qua Galliarum extenditur longitudo...».

[6] Amm., XVII, 2, 1... Francorum validissimos cuneos in sexcentis velitibus...

[7] SHA, Vita Alex., 58; Cod. Just., 1, 27, 28.

господствующему классу империи, что, когда Валентиниан I в 365 г., нанеся сильные удары германцам, собирался выступить со своей «полевой армией» на Восток против претендента Прокопия, не только приближенные, но и особая делегация от значительнейших городов Галлии просили императора не оставлять их беззащитными перед угрозой новых варварских нашествий[1]. Действительно, только присутствие частей «полевой армии» являлось известной гарантией против таких вторжений; на защиту пограничных войск во второй половине IV в. уже нельзя было возлагать никаких надежд. Следовательно, стратегическая оборона империи в эту эпоху могла строиться лишь на активных операциях «полевой армии», которая, при своей сравнительно небольшой численности[2], неспособна была, конечно, давать повсеместный отпор варварам на пограничных рубежах, но которая могла, по крайней мере, преследовать и уничтожать прорвавшиеся в глубь империи варварские отряды. Поэтому, основой стратегического расчета римского командования является быстрота действий, нанесение в возможно короткий срок наибольшего количества стремительных ударов. Отсюда все возрастающая роль конницы в эту эпоху и распадение громоздких, шеститысячных легионов старого времени на небольшие самостоятельные соединения, так называемые «новые легионы» полевой армии, насчитывавшие не более 1 тыс. человек в своих рядах[3]. Отправленный на борьбу с варварами римский полководец, располагавший обычно весьма незначительными силами[4], стремился прежде всего, опираясь на укрепленные города, которые, как правило, не удавалось захватить варварам[5], в ряде следовавших один за другим быстрых походах обойти порученные его защите провинции, преследуя и разбивая по частям рассыпавшихся мелкими отрядами варваров или отбрасывая их за пределы римских владений. Так действовал в 354 г. в Галлии магистр пехоты Сильван (XV, 5, 4), после него в 356—357 гг. в более крупном масштабе Юлиан (XVI, 2, 3, 4, 11), а затем, в 367 г., магистр конницы Иовиан; последнего Аммиан особенно восхваляет за то искусство, с которым он последовательно разбил три значительных отряда аламаннов, проникших в глубь Галлии вплоть до Catelauni (Шалон на Марне) (XXVII, 1, 2). Для того чтобы достигнуть наибольшей быстроты движения, Юлиан брал иногда в поход лишь тяжеловооруженную конницу (catafractarii) и «полевую артиллерию»—отряды (легионы?) баллистариев (ballistarii—солдаты при метательных орудиях—баллистах), передвигавшихся, очевидно, на повозках[6]. Действия «полевой армии» превращались, в сущности, в «малую войну»—непрерывную, изнурительную, сковывавшую эту единственную

---

[1] Amm., XXVI, 5, 12... verum ardens ad redeundum eius impetus molliebatur consiliis proximorum, suadentium et orantium ne interneciva minantibus barbaris exponeret Gallias, neve hac causatione provincias desereret, egentes adminiculis magnis, quo legationes urbium accessere nobilium, precantes ne in rebus duris et dubiis inpropugnatas eas relinqueret...

[2] Точная численность «полевой армии», как, впрочем, и всех римских вооруженных сил в IV в., неизвестна. Однако, на основании свидетельств Аммиана (XVI, 11, 2; XVI, 12, 2), можно предположить, что «полевая армия» каждой части империи—запада и востока—не превышала 40—45 тыс. человек; см. Г. Дельбрюк, op. cit., стр. 194—195.

[3] Th. Mommsen, op. cit., S. 254—255; R. Grosse, op. cit., S. 29 f.

[4] Под командой магистра пехоты Сильвана (354 г.) находилась всего 8-тысячная армия. См. Amm., XV, 1, 2, 4.

[5] Германцы не умели осаждать укрепленные города, почему Аммиан (XXXI, 6, 4) и называет их «homines ignaros obsidendi». Впрочем, иногда, при благоприятных обстоятельствах, германцы решались нападать и на города; так, об одном из аламанских «королей», Макриане, Аммиан говорит, что он «... etiam ipsa moenia urbium temptaturum» (XXX, 3, 3).

[6] Amm., XVI, 2, 5... et nequa interveniat mora, adhibitis catafractariis solis et ballistariis....

боевую силу империи и не дававшую ей возможности сосредоточиться в одном месте для операций крупного масштаба. Впрочем, в случае удачного развертывания боевых действий, иными словами, после того как удавалось разбить и уничтожить вторгшиеся в пределы империи отряды варваров, римское командование и во второй половине IV в. стремилось, используя достигнутые успехи, нанести варварам ответный удар. Характеризуя основные приемы стратегической обороны, Клаузевиц говорит: «Даже в тех случаях, когда задача войны сводится к одному лишь сопротивлению, все же простое отражение удара явится противоречащим понятию войны, ибо ведение войны заключается, бесспорно, не в одном претерпевании. Когда обороняющийся добился значительных преимуществ, оборона свою задачу выполнила, и он должен под защитой полученных выгод отплатить ударом за удар, если не хочет итти навстречу неминуемой гибели. Мудрость, требующая, чтобы железо ковалось, пока оно горячо, требует и использования достигнутого перевеса, дабы предотвратить вторичное нападение»[1]. Именно такой характер развития стратегической обороны с целью хотя бы на некоторое время обезопасить собственные владения от вторжений варваров и носили в эту эпоху походы римской армии за Дунай и Рейн, т. е. за границы империи. Юлиан в 357—360 гг. пять раз переходил через Рейн—один раз в область франко-хаттуариев (на правом берегу нижнего Рейна) и четыре раза в землю аламаннов (XVII, 1; XVII, 10; XVIII, 2; XX, 10; XXI, 4); Валентиниан I переправлялся через Рейн, также в землю аламаннов, два раза—в 368 г. и в 373 г. (XXVII, 10; XXIX, 4); император Грациан в 377 г. по пути во Фракию совершил зарейнский поход против аламаннов-лентиензов (XXXI, 10). Кроме того, магистр конницы Феодосий (старший) в 369 г. (XXVIII, 5) и comes domesticorum Меробавд в 377 г. (XXXI, 10) совершили две экспедиции против южных аламаннов (очевидно, тех же лентиензов) через Рэцию. В 388 г., преследуя рипуарских франков, опустошивших окрестности Colonia Agrippinensis (Кельна), римская армия под командованием полководца Квинтина (Quintinus) перешла Рейн около Нейсса (Neuss), но в лесистой местности была окружена франками и полностью уничтожена[2]. Наконец, зимою 392 г. в землю тех же франков около Кельна переправляется Арбогаст и возвращается обратно, заключив с франками договор, очевидно, о поставке воинов для предстоящей борьбы с Феодосием[3]. Но все эти зарейнские походы были, в сущности, кратковременными экспедициями, основным залогом успеха которых являлись скрытность и быстрота действий. Необходимо было не дать возможности варварам собрать значительные силы, способные воспрепятствовать переправе. Аммиан отмечает, что переправы совершались «скрытно, тайно» (tacite, latenter) (XXVIII, 4, 2; XXXI, 10, 11...). Юлиан в 357 г. перебросил конницу по мосту, а 800 солдат на легких судах переправились в другом месте (XVII, 1). Переправившись, римская армия быстро пересекала вражескую страну, подвергая все на своем пути опустошению (XVII, 10, 6...); варвары обычно, не принимая боя, отступали в трудно доступные леса и возвышенности, откуда тревожили римлян внезапными нападениями (XVII, 1, 7; XVIII, 2, 14; XXVII, 10, 9; XXXI, 10, 10). Опасаясь боевых действий в лесах, где варвары, благодаря знанию местности и искусственным заграждениям из сваленных деревьев, имели огромные преимущества, римские армии продвигались лишь по прибрежной полосе, не отходя от Рейна более чем на 15—25 км; так, Аммиан говорит, что, пройдя 10 римских миль, Юлиан

[1] Клаузевиц, О войне, ГВИЗ, 1936, т. II, изд. 3-е, стр. 23.
[2] Grig. Turon., II, 9 (по Сульпицию Александру).
[3] Grig. Turon., II, 9.

(в 357 г.) не решился двинуться далее, испугавшись огромного леса[1], а Валентиниан I в 373 г., «предав огню землю врагов до 15-го милевого столба... возвратился в Треверы (Трир)» (XXIX, 4, 6...). Насколько опасны были попытки проникнуть в глубь страны, показывает упомянутая выше неудача похода 388 г., когда римская армия почти поголовно была истреблена франками, атаковавшими ее из своих «лесных засад». Поэтому, опустошив в короткое время прибрежную полосу и заключив мир, который нередко нарушался уже на следующий год, римляне возвращались обратно. Таким образом, зарейнские походы римлян этой эпохи не имеют ничего общего с широко задуманными наступательными операциями, но весьма напоминают грабительские набеги варваров на территорию империи—варварские солдаты Рима также уводили с собою немало скота и прочей добычи; стратегическое же значение этих походов было, в сущности, ничтожно, так как варвары, уклоняясь от сражений, сохраняли свою живую силу, а потерю имущества могли без особого труда возместить в ближайшем набеге. Лишь в весьма редких случаях римское командование пыталось закрепить свои успехи созданием опорных баз на правом берегу Рейна. Так, Юлиан в 357 г. восстановил старинное римское укрепление (основанное, по словам Аммиана, еще Траяном) при впадении реки Нидды в Майн и снабдил его гарнизоном[2]. Валентиниан I в 368—369 гг. также сооружает укрепления за Рейном[3]. Но все эти зарейнские укрепления, очевидно, простояли весьма непродолжительное время. Аммиан сам отмечает, что попытка Валентиниана соорудить укрепление in monte Piri (близ нынешнего Гейдельберга) закончилась полной неудачей: посланный туда римский отряд был еще во время работы совершенно истреблен аламаннами (XXVIII, 2, 5, 9). Лишенные прочной связи с римским берегом, такие укрепления не могли, разумеется, сыграть сколько-нибудь значительной роли в борьбе с варварами и вскоре разрушались; во всяком случае никаких известий об их дальнейшей судьбе не сохранилось. Таким образом, зарейнские походы, в лучшем случае, могли на один-два года приостановить набеги германцев, и то лишь при условии, что «полевая армия» оставалась в Галлии; как уже упоминалось[4], уход этой армии вызвал немедленное возобновление вторжений. Но, несомненно, самым грозным было для римского командования то обстоятельство, что прорвавшиеся через границу даже незначительные варварские отряды в дальнейшем уже не встречали на своем пути никакого сопротивления со стороны народных масс провинций[5]; ведь для этих народных масс варвары были избавителями от невыносимого гнета римского государства, которое, по выражению Энгельса, «превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных»[6]. Неудивительно поэтому, что шайки варваров могли «свободно бродить» по провинциям и безнаказанно разграблять богатые виллы (XXVII, 2, 2). Даже гарнизоны внутриимперских крепостей—легионы так называемых псевдокомитатензов (pseudocomitatenses), отсиживавшиеся за своими стенами, далеко не всегда давали надлежащий отпор прямым напа-

[1] Amm., XVII, 1, 8... emensaque aestimatione decimi lapidis cum prope silvam venisset squalore tenebrarum horrendam, stetit diu cunctando...; сделанная все же римлянами попытка пробиться через лес не увенчалась успехом.

[2] Amm., XVII, 1, 11—13; см. BPhW, 1892, 6, S. 161—163.

[3] Amm., XXVIII, 2, 1... nonnumquam etiam ultra flumen aedificiis positis subradens barbaros fines.

[4] См. выше.

[5] Amm., XVI, 12, 5... (rex Chnodomarius—diu nullo refragante Gallias persultavit... ср. XV, 5, 2).

[6] Ф. Энгельс, Происхождение семьи...; К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XVI, ч. 1, стр. 125.

дениям варваров на охраняемые ими города. Так, Аммиан сообщает, что когда в 356 г. аламанны внезапно напали на крепость Augustudunum (ныне Autun), то гарнизон ее проявил полнейшую бездеятельность, и город был спасен лишь случайно подошедшим отрядом ветеранов (XVI, 2,1). Очевидно, не только колоны и государственные крестьяне, носившие название пограничных войск, но и солдаты гарнизонных частей, об условиях быта которых, к сожалению, ничего неизвестно, переставали уже смотреть на варваров как на своих врагов; неудивительно, что варвары, учитывая это обстоятельство, даже «не зная искусства осады», иногда «дерзали нападать на укрепленные города». При таких условиях борьба «полевой армии» становилась все более и более безнадежной. Все же римское командование с величайшим упорством и настойчивостью вновь и вновь бросало ее части на ликвидацию варварских вторжений. Но приблизительно с середины IV в. сопротивление народных масс римскому государству, которое в первой половине этого столетия выражалось, главным образом, именно в отсутствии отпора варварским вторжениям да в огромном развитии разбойничества, сделавшего, по словам Аммиана, непроезжими дороги Галлии (XXVIII, 2, 10), начинает перерастать в широкое революционное движение, создававшее все более и более грозную опасность тылу действующей римской армии. Яркими примерами того, какое могущественное влияние этот фактор—рост революционного движения внутри империи—оказывал на римскую стратегию, являются наиболее крупные операции этой эпохи—кампания Юлиана против аламаннов в Галлии в 357 г. и борьба с готами на Балканском полуострове в 378 г., приведшая к Адрианопольскому сражению.

На лето 357 г. Юлианом, управлявшим в это время Галлией, было намечено проведение широкой операции против аламаннов, захвативших часть прирейнских земель (нынешний Эльзас) и совершавших далекие походы в глубь Галлии. По плану, разработанному, очевидно, Юлианом, предполагалось, что сам Юлиан с армией в 13—15 тыс. человек[1] двинется от Remi (Реймс) на восток (XVI, 11, 1), в то время как магистр пехоты Барбацион с 25-тысячной армией, сосредоточенной у Rauraci (близ Базеля) (XVI, 11, 2), атакует неприятеля с юга и, таким образом, концентрическим движением двух римских армий—одной с запада на восток, другой с юга на север—аламанны будут взяты, по выражению Аммиана, «в клещи» и полностью уничтожены. Однако этот тщательно разработанный план не мог быть осуществлен; Барбацион потерпел поражение от аламаннов до начала решительного наступления Юлиана и отвел свои войска на зимние квартиры (XVI, 11, 14—15), вследствие чего Юлиану пришлось действовать лишь с собственными силами. В чем же заключалась причина поражения Барбациона, приведшая к срыву всего плана операции? Аммиан объясняет ее ненавистью, которую Барбацион питал к Юлиану, ненавистью, которая заставляла его намеренно действовать вяло и нерешительно (XVI, 11, 12—13, 15); но Нишер[2], признавая возможность известных трений между Барбационом и Юлианом, совершенно основательно замечает, что эти трения не могли все же привести к полному изменению плана кампании. Поэтому Нишер склонен приписать решающую роль в поражении Барбациона стратегическому искусству аламаннов, которые, умело действуя по внутренним операционным линиям, выставили сперва слабый заслон против армии Юлиана, сосредоточив главные силы против Барбациона, а затем, разбив его, двинули основную массу своих войск против Юлиана[3]. У самого Аммиана имеется, однако, указание на иную связь событий; именно, рас-

[1] Amm., XVI, 12, 2, ср. Дельбрюк, op. cit., стр. 218.
[2] E. Niescher, Die Schlacht bei Strassburg, «Klio», 1927, S. 394.
[3] E. Niescher, ibid.

сказав о первоначальном плане кампании, о намерении римского командования взять «в клещи» аламаннов, Аммиан продолжает: «Когда уже приступили к скорейшему выполнению этого хорошо разработанного плана, леты-варвары... напали на Лугдун (Лион)». Аммиан отмечает, следовательно, что это внезапное событие—восстание варварских военных колонистов-летов в тылу действующей римской армии и стремительное их нападение на богатейший город Галлии—нарушило осуществление плана; далее он рассказывает, что Юлиан, спешно перебросив в тыл конницу, уничтожил часть летов, но другой части их удалось прорваться в Германию через позиции армии Барбациона (XVI, 11, 5—6). Аммиан опять-таки объясняет эту неудачу намеренным стремлением Барбациона противодействовать замыслам Юлиана (XVI, 11, 7); гораздо естественнее, конечно, объяснить ее просто невозможностью для Барбациона предотвратить этот внезапный прорыв. В таком случае армия Барбациона сразу оказалась в очень трудном положении; атакованная летами с тыла, она имела против себя значительные силы аламаннов и таким образом сама оказалась «в клещах». Но если даже допустить, как настаивает Аммиан, что Барбацион намеренно пропустил летов мимо себя, то и тогда аламанны должны были получить в лице летов такое значительное подкрепление, что поражение Барбациона находит вполне удовлетворительное объяснение, и для него в сложившейся обстановке, действительно, не оставалось другого выхода, как поспешное отступление на юг. Юлиан, правда, собственными силами продолжал наступление, приведшее его к большой победе при Аргенторате, но победа эта, по справедливому замечанию Витерсгейма[1], была лишь победой тактической, а не стратегической—аламанны понесли значительный урон и были отброшены за Рейн, план же их полного окружения и разгрома не был осуществлен. Таким образом, не «стратегическое искусство аламаннских вождей», которым так восхищается Нишер, а восстание летов на территории империи, в тылу римских армий, привело, в конечном счете, к неудаче крупнейшей операции, задуманной римским командованием.

Не менее яркий пример могущественного воздействия революционного движения внутри империи на римскую стратегию второй половины IV в. может дать анализ операций 378 г. на Балканском полуострове. Основным вопросом, встающим перед исследователем этих операций, является вопрос о причинах, побудивших императора Восточной половины империи Валента дать решительное сражение готам до прибытия двинувшейся к нему на помощь армии императора Запада Грациана, находившейся в это время уже в Верхней Мезии. Аммиан, склонный придавать огромное значение придворным интригам, приписывает это «гибельное решение» зависти Валента к недавним победам своего племянника Грациана и нежеланию сделать его участником новых побед (XXXI, 12, 1; 5—7). Дельбрюк—и в этом отношении он совершенно прав—называет это мнение Аммиана «адъютантской сплетней» и решительно отказывается считаться с ним, указывая, что «Валент, призвав на помощь своего племянника, в тот момент, когда тот находился уже поблизости от него, не начал бы решительного сражения, если бы он не был убежден в том, что к этому вынужден, или если бы он не был твердо уверен в своей победе»[2]. Поэтому Дельбрюк и утверждает, что, во-первых, Валент был вынужден дать сражение, так как, выступив из Адрианополя долиной Марицы по направлению к Филиппополю на соединение с Грацианом, внезапно узнал,

[1] Wietersheim. Geschichte der Völkerwanderung, 2. Aufl., B. 1, S. 470.
[2] Г. Дельбрюк, op. cit., стр. 227.

что готы появились в его тылу, близ Адрианополя, и угрожают константинопольской дороге, и потому спешно вернулся назад; во-вторых, Валент был твердо уверен в своей победе, так как римская разведка, по словам Аммиана, ошибочно донесла, что у Адрианополя находится всего около 10 000 готов, а с таким войском Валент надеялся справиться собственными силами[1]. В сущности, Дельбрюк решающее значение придает именно этому последнему обстоятельству, т. е. безусловной уверенности Валента в возможности одержать решительную победу над готами силами собственной армии, которая, по мнению Дельбрюка, на несколько тысяч человек превосходила предполагаемые силы готов. Действительно, появление готов у Адрианополя после возвращения Валента со своей армией к этому городу само по себе никак не могло вызвать немедленное сражение; сам Дельбрюк указывает, что «Валент мог бы здесь (в Адрианополе) спокойно остановиться и дожидаться прибытия второго римского войска»[2]. Правда, Дельбрюк говорит далее, что готы разорвали ту линию связи, по которой шел подвоз продовольствия к армии Валента, и смогли разграбить богатую область Фракии до самого Константинополя[3]; но у Аммиана нет ни малейшего указания на то, что готы уже продвинулись в это время далеко за Адрианополь; наоборот, он указывает (XXXI, 12, 3), что готы, опасаясь нападения, двигались медленно и в момент сражения находились близ крепости Ника (16,5 км от Адрианополя). Кроме того, сомнительно, чтобы готы вообще решились на глубокое наступление, имея перед собой такую неприступную твердыню, как Константинополь, а в тылу у себя—обе императорские армии, опирающиеся на сильно укрепленный Адрианополь, который готы не смогли взять даже после своей решительной победы (XXXI, 15). Возможность отступления к нижнему Дунаю, на которую указывает Дельбрюк[4], в случае такого глубокого проникновения на юг для готов должна была представляться маловероятной. Таким образом, появление готов у Адрианополя само по себе могло только вызвать возвращение Валента к этому городу, но никак не могло побудить императора немедленно дать сражение, не дожидаясь подхода второй римской армии. Остается, следовательно, второе соображение Дюльбрюка, которому и он сам придает наибольшее значение,—о полной уверенности Валента в численном превосходстве своей армии над силами готов и в возможности самостоятельно одержать над ними решительную победу. Но и это соображение представляется мало убедительным; ведь совершенно очевидно, что соединение с армией Грациана давало Валенту лишнюю гарантию победы, и, принимая мнение Дельбрюка, необходимо, в сущности, возвратиться к версии Аммиана, что у Валента, действительно, были какие-то основания не желать, чтобы Грациан принял участие в предстоящем сражении. Только глубочайшее убеждение, что нельзя терять на ожидание ни одного дня, могло побудить Валента и его полководцев принять рискованное решение—дать генеральное сражение до подхода вызванных подкреплений[5]. Совершенно иной вид приобретают

[1] Г. Дельбрюк, op. cit., стр. 226 сл.; ср. Amm., XXXI, 12, 3.
[2] Г. Дельбрюк, op. cit., стр. 226.
[3] Г. Дельбрюк, op. cit., стр. 227.
[4] Г. Дельбрюк. op. cit., стр. 226.
[5] Дельбрюк (op. cit., стр. 231) непонятным образом утверждает, что в штабе Валента не раздалось ни одного голоса, советовавшего обождать прибытия Грациана, в то время как Аммиан, рассказом которого пользовался Дельбрюк, вполне определенно указывает, что магистр конницы Виктор, при поддержке многих, настаивал на необходимости подождать прибытия войск Грациана... Victor nomine magister equitum, Sarmata sed cunctator et cautus, eadem sentientibus multis imperii socium expectari censebat, ut incrementis exercitus Gallicani adscitis opprimeretur levius tumor barbaricus flammans (Amm., XXXI, 12, 6).

операции римских армий накануне Адрианопольского сражения, если вспомнить, какой характер вообще приняла борьба империи с готами на Балканском полуострове. Известно, что восстание готов вызвало массовое революционное движение рабов, колонов и крепостных рабочих, поддержку которых широко использовали готы (XXXI, 6, 5—6). Очевидно, приближение готов к Адрианополю вызвало, как и в других местностях Фракии, восстание эксплоатируемых масс в области между Адрианополем и Константинополем, куда, возможно, уже проникли мелкие разъезды готов. Что дело обстояло именно таким образом, подтверждается рассказом Аммиана о действиях готов после Адрианопольского сражения; «готы,—говорит он,—решили захватить Перинф (на берегу Мраморного моря) и другие богатые города». «Сведения обо всем они получали от перебежчиков, которые знали не только то, что имеется в городах, но даже и внутри каждого дома» (XXXI, 16, 1). Союзники готов, имевшиеся в каждом доме,—очевидно, рабы и колоны, которые, вероятно, поднялись значительно ранее сражения. Даже в самой столице—Константинополе—было весьма неспокойно. Аммиан сообщает, что Валенту перед выступлением в поход против готов пришлось подавить восстание в столице (XXXI, 11, 1), а церковный историк Сократ передает, что в Константинополе рассказывали о клятве, данной будто бы императором Валентом по возвращении своем из похода,—совершенно разрушить непокорный город (Socrat., IV, 38). Армии Валента, следовательно, не только грозила опасность быть отрезанной от подвоза продовольствия, но она уже была отрезана от столицы, только не готами, которые не продвигались южнее Адрианополя, а начавшимся здесь восстанием. При таких условиях, имея за собою разгоравшееся восстание, а в непосредственной близости войско готов, в любую минуту могущее подать помощь восставшим, Валенту, действительно, нельзя было терять ни одного дня, и он, хотя и не без колебаний, о чем свидетельствуют прения в военном совете, решился немедленно атаковать готов. Сражение закончилось полным разгромом и уничтожением всей римской армии и гибелью самого императора. Революционное движение внутри империи оказалось тем решающим фактором, который определил римскую стратегию в кампании 378 г., стратегию, которую нельзя понять без учета этого фактора[1].

Итак, стратегия римской армии в IV в. н. э. в полной мере отражает то состояние глубокого упадка, в котором находилось государство, этой армией защищаемое; «вырождение армии», отмеченное еще Энгельсом, все более и более очевидное падение боеспособности даже ее лучших отборных частей (так наз. «полевой армии»), враждебное отношение широких народных масс к защите ненавистного государственного порядка, наконец, открытое революционное движение в тылу—все это не могло не привести к пассивности стратегии римских полководцев этой эпохи, а затем и к полному провалу всех их стратегических замыслов. Адрианопольская катастрофа является, как известно, началом конца римской армии; от этого разгрома она не смогла оправиться. Зажатая между яростно напирающими варварами и пожаром восстания, пылавшим в тылу, разлагаясь изнутри, погибала последняя боевая сила империи—«полевая армия», созданная диоклетиано-константиновской реформой.

[1] Даже Дельбрюк (op. cit., стр. 234) вынужден признать, что события 378 г. не объяснимы только из «непосредственно военных оснований».

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ IX—XII вв.

Проф. М. Д. Приселков

I

Над изучением русско-византийских отношений немало потрудились как историки Византии, так и русские историки. Но ни те, ни другие не предложили, однако, схемы, которая охватывала бы эти отношения на всем их протяжении—от IX до XV в.—и которая раскрыла бы их существо и смысл. Несомненно, что затруднения, возникавшие здесь перед исследователями, объяснялись особого рода отражением этих отношений как в византийских, так и в русских источниках. Только уяснение характера и назначения такого основного для понимания русско-византийских отношений источника, как русское летописание XI—XV вв., дает возможность теперь предложить подобного рода схему. Последняя опирается на работы предшествующих ученых, с большим успехом потрудившихся над уяснением и разгадкою некоторых моментов русско-византийских отношений, частью же требует еще дополнительных исследований и пересмотра некоторых вопросов.

В истории русско-византийских отношений на протяжении шести с лишним веков можно отметить три основных этапа. Начавшись с того времени, «когда магические чары, которые влекли северных варваров к западному Риму, привлекали Русь к Риму восточному», русско-византийские отношения коренным образом видоизменяются при Ярославе, когда Киевское государство и реально и формально заключает с Византией прочный и длительный военный союз против степняков (1037 г.). Союз этот, то слабея, то усиливаясь, в зависимости от сложного международного положения Империи и от внутренних явлений феодального распада Киевского государства, не был поколеблен падением Константинополя в 1204 г. и даже пережил время татарского завоевания.

Подчинение русских княжеств золотоордынским ханам явилось третьим этапом в истории русско-византийских отношений. Никейская Империя, используя широкую веротерпимость ханов и трактуя русско-византийские отношения как отношения религиозные, сохраняет за собою значение главного распорядительного центра русских княжеств и не без успеха распространяет сферу своего влияния на Литовское великое княжение через те русские княжества, которые вошли в его состав.

В настоящей статье мы остановимся лишь на двух первых этапах истории русско-византийских отношений, которые в совокупности охватывают время Киевского государства (IX—XIII вв.).

II

Плачевное состояние византийской историографии IX и первой половины X в. является причиною того, что до нашего времени сохранились лишь разрозненные и не всегда ясные упоминания о первых нападениях Руси на Византию в византийских культовых памятниках («житиях» и церковных поучениях). В первой четверти IX в. (если не в конце VIII в.) Русь совершает нападение на Крымское побережье от Корсуня до Керчи (Житие Стефана Сурожского). Во второй четверти того же IX в. (до 842 г.) Русь разоряет Малоазиатское побережье Черного моря от Пропонтиды до Синопа (Житие Георгия Амастридского). Наконец, 18 июня 860 г. Русь, прибыв на 200 кораблях, неожиданно нападает на Константинополь, используя для удара отсутствие императора Михаила, стянувшего войска для обороны малоазиатской границы. Император, вернувшись с дороги, начал мирные переговоры и заключил договор «мира и любви». Недельная осада Константинополя (18—25 июня) к величайшей радости византийцев была снята. Русь удалилась без поражения[1]; для Империи все бедствия ограничились разорением окрестностей столицы.

Но Русь не только воюет с Византией, опустошая земли и города, она ведет и дипломатические переговоры. В ма 839 г., по сообщению продолжателя Бертинских анналов, послы Руси находились в Константинополе, ведя переговоры с императором Феофилом. К 866—867 гг. относится новый договор Руси с Византией о союзе и дружбе (не дошедший до нас, как и договор 860 г.), на этот раз закрепленный со стороны Руси принятием христианства от Византии и «епископа-пастыря» из Константинополя (Послание патриарха Фотия и биография императора Василия). Не без основания наш летописец конца XI в. связал поход 860 г. и принятие Русью христианства с тем обстоятельством, что на могиле Аскольда была поставлена церковь Николая. Из некоторых намеков в послании патриарха Фотия, написанном в связи с походом Руси 860 г., можно видеть весьма хорошее знакомство византийской дипломатии с этим новым тогда политическим образованием на далеком от Византии северо-востоке Европы.

Сохраненные автором «Повести временных лет» (начало XII в.) три документа из истории русско-византийских дипломатических отношений (911, 944 и 971 гг.) вводят нас с большими подробностями в существо этих отношений, где торговый интерес для русской стороны стоит на первом плане. Документы эти дают нам, сверх того, драгоценный материал для выяснения внутренней истории Руси, гораздо более надежный, чем припоминания и предания нашего летописания об этом времени (тенденциозное реконструирование им истории IX—X вв. теперь уже доказано)[2].

Про торговлю Руси еще в первой половине IX в. мы достаточно осведомлены через Ибн-Хордадбега. Районом этой торговли было в то время Черное море. Однако позднее Русь желает, очевидно, выйти на мировой рынок Константинополя, и ей удается добиться этого в середине IX в. Рынок Константинополя вовсе не был открытым торжищем для всякого «варварского» (т. е. негреческого) народа. Здесь можно было торговать, или признав над собою до некоторой степени власть Империи, или добившись путем открытого насилия от Империи признания себя как нового политического образования. В IX в., как мы видели, позиция Руси колебалась в этих противоре-

---

[1] Х. М. Лопарева, Старое свидетельство..., «Византийский временник», т. II, вып. 4.

[2] Статья эта была мной написана до моей работы «Киевское государство в половине X в. по византийским источникам», с которой я выступал на юбилейной сессии Ленинградского университета в апреле 1939 г.

чивых условиях. Сохранившийся до нашего времени договор 911 г. как бы заново начинает историю русско-византийских отношений.

Договор Олега 911 г. всем своим содержанием красноречиво говорит о только что пережитой победе Руси над Империей, о которой хорошо помнили народные песни и легенды у нас и в Скандинавии, но о которой совершенно молчат византийские источники. Впрочем, именно об этом походе и его результате говорит Константин Багрянородный (середина X в.) в таких выражениях: «Когда царь Ромейский (т. е. византийский) живет в мире с Печенегами, то ни Русь, ни Турки (т. е. венгры) не могут совершать нападений на Ромейскую державу (т. е. Византию), не могут они и требовать от Ромеев (т. е. византийцев) чрезвычайно больших денег и вещей в уплату за мир».

Договор 911 г. предусматривает право посещения Константинополя послами Руси, предъявляющими при этом золотые печати русского князя, гостями, предъявляющими серебряные печати, и, наконец, рядовыми воинами, желающими поступить на военную службу к императору. Всем этим лицам русский князь должен предварительно запретить «творить пакости в селах в стране нашей» (т. е. в Империи). Послы получают от императора содержание, которое они выбирают по своему желанию. Гости, приезжающие не только для продажи, но и для купли, получают от императора «месячину» (хлеб, вино, мясо, рыбу и фрукты) в течение полугода. Гости, приезжающие только для продажи, «месячины» не получают. Послы и гости должны проживать в предместье Царьграда, в монастыре Мамонта, где императорские чиновники ведут им учет для выдачи посольского содержания и «месячины». Здесь первое место отводится киевлянам, потом черниговцам, затем переяславцам и представителям других городов. Торговля для русских производится без всякой пошлины. На городские рынки купцы проходят через определенные ворота по 50 человек, без оружия и в сопровождении полицейского. При отправлении домой послы и гости получают от царя провиант на дорогу и корабельные снасти. Всякий русский воин, пришедший в Византию в рядах войска, высланного из Руси в помощь царю, или каким-либо иным путем, может, если пожелает, остаться в Византии на царской службе.

В договоре достаточно подробно разобраны возможности столкновений русских с греками как личного, так и имущественного характера, с определением норм взысканий «по закону русскому». В нем указаны также взаимные обязательства сторон в отношении пострадавших от кораблекрушения.

Договор 911 г., ни словом не упоминая ни о христианстве Руси, ни о церковных связях Руси с Империей, однако перекидывает мостик к одному из предыдущих договоров Руси с Империей, называя себя «удержанием» и «извещением»—«от многих лет межи христианы и Русью бывьшюю любовь». Разнообразие затронутых в договоре Олега тем и детальность их изложения свидетельствуют о живых и сложных взаимоотношениях сторон, возникших не со вчерашнего дня, и, естественно, ведут нас к известным нам взаимоотношениям конца IX в. Надо думать, что Олег считал себя продолжателем политики и власти прежних руководителей Киевской державы (IX в.).

Ряд византийских свидетельств сообщает нам, что в 941 г. Русь предприняла новый поход на Царьград с огромными силами (их исчисляли в 40 тысяч). Поход этот, как и в 860 г., был начат с расчетом на отвлечение византийского флота против сарацин, вследствие чего греки, несмотря на своевременное предупреждение херсонесского стратига, не смогли удержать игоревых войск до самого Царьградского протока. Однако Игорю не удалось взять столицу Империи; русские войска стали опустошать

малоазиатское побережье от Босфора до Вифинии и Пафлагонии, где были застигнуты войсками Империи и понесли тяжкое поражение. Лишь с ничтожными остатками войска Игорь ушел через Азовское море, избегая тем, конечно, засады печенегов на Днепре.

Только в 944 г. разрыв русско-византийских отношений был ликвидирован заключением нового договора. Последний, хотя и был прокламирован в тексте как «обновление» старого договора (911 г.), был во многом менее выгоден для русских. Послы и гости теперь обязывались предъявлять императору письменный документ от русского князя, где должно было быть указано количество отправленных кораблей; прибывшие без такого документа арестовывались, о чем сообщалось русскому князю. Торговля без пошлины была прекращена. Закупка паволок ограничивалась нормою в 50 золотников на купца. Введена новая статья о запрещении зимовки судов в пределах Империи. Повторяя статьи договора 911 г. о нормах кары за преступления против личности и имущества подданных договаривающихся сторон, договор 944 г. вводит ряд новых тем. Среди них первая, конечно, корсунский вопрос. Если русский князь не станет захватывать в свою власть города этого побережья, то греки будут оказывать ему помощь в его войнах «на тех странах». Русские не должны препятствовать корсунянам ловить рыбу в устье Днепра и должны уходить осенью домой как из днепровского устья, так и с Белобережья и от Ельферия. Русский князь берет на себя обязательство не пропускать Черных болгар «пакостить» Корсунской стране. Наконец, император имеет право вызывать на помощь себе в военное время русские «вои», письменно указывая их количество, при этом он, со своей стороны, обещает предоставлять военную силу в распоряжение русского князя, «елико требе», очевидно, для защиты византийских владений в Крыму.

Не касаясь некоторого принижения русской стороны в договоре 944 г., по сравнению с договором 911 г., и не входя в рассмотрение урезывания торговых прав русских купцов против договора 911 г., мы укажем на новое обстоятельство в истории Руси, вытекающее из содержания договора 944 г. Игорева Русь, прочно завладев землями на Черном море, вовлекается в союз военной помощи с Империей при условии уважения византийских прав. Не вытекает ли отсюда, что Русь после неудачи 941 г. добилась договора 944 г. счастливой войной на «Корсунской стране», где Русь уже прочно обосновалась как сосед Империи, если не соперник по обладанию хазарским наследством? В таком случае перед нами аналогия с положением в апреле 989 г., когда Владимир корсунским походом добивается от Империи выполнения обещаний 988 г.

Как известно, современник Игоря и Ольги, император Константин Багрянородный, в своем сочинении «De administrando imperio» неоднократно говорит о Руси, ее политическом устройстве, ее торговле с Империей, являясь как бы комментатором дипломатических актов 911 и 944 гг. Насколько византийская дипломатия тщательно изучала участников международной дипломатической игры и возможных агрессоров, видно из того, что Константин, описывая торговую дорогу из Киева в Царьград, может назвать днепровские пороги по-русски и по-славянски.

Если договор Игоря 944 г. оставляет открытым вопрос о возможности принятия христианства киевским князем, то в правление вдовы Игоря в Киеве эта возможность реализуется, правда, не как крещение Киевского государства, а как личное дело «архонтиссы» Ольги. Если исходить из источников русских, византийских и западных, можно спорить о том—один или два раза ездила Ольга в Константинополь, но на основании сочинения того же Константина Багрянородного о церемониях Византийского двора мы бесспорно можем установить, что в приезд свой в столицу Импе-

рии в 957 г. Ольга была уже христианкою и имела в составе свиты своего попа. Целью ее приезда были дипломатические переговоры с императором. Как известно, Ольге были даны две аудиенции—у императора и императрицы. Принятая с теми же церемониями, что и бывшие до нее у императора сирийские послы, «архонтисса руссов» уехала из Византии с чувством недовольства от бесцельности поездки и глубокой обиды за себя и за свой народ. Это ярко запечатлелось в народной песне, об этом было сложено немало преданий, частью использованных нашим летописанием. Договор 945 г. дал нам возможность убедиться, что у киевского князя было немало тем для дипломатических переговоров с Империей; но у нас нет данных для догадки, какие из них имела в виду Ольга, стремясь к личным переговорам с императором. Однако, каковы бы ни были эти темы, причина неудачи переговоров Ольги совершенно ясна. Император в ту пору считал, что на севере Империя любой ценой должна поддерживать дружбу только с печенежским народом, так как страх нападения со стороны последнего будет держать в должных границах и венгров и русских.

С именем императора Никифора Фоки справедливо связывают крупный перелом византийской политики на севере, вовлекший в свой водоворот и киевского князя Святослава. Задавшись целью покорить Болгарию и сделать ее византийской областью, император этим передвигал свою северную границу в степь. Он разрушал систему политических группировок степных и пристепных народов, о которой император Константин в своем трактате о северной политике Империи хвастливо говорит как о великом достижении византийской дипломатии. Не без основания историки считают стремление Фоки покорить Болгарию, так мучительно пережитое болгарским народом, тяжелою ошибкою, последствия которой сказались до конца существования Империи.

Приступив к задуманному покорению болгар, Никифор Фока вскоре был вынужден отвлечься для защиты сирийских границ от арабов. Как известно, он обратился к киевскому Святославу. С 60-тысячным войском Святослав в 968 г. вторгается в Болгарию и имеет здесь несомненный военный успех. Отвлеченный на время в Киев для защиты Киевского государства от нападения печенегов, организованного испугавшимися византийцами, Святослав вновь возвращается в Болгарию. Туда же в 971 г. спешит преемник Фоки Иоанн Цимисхий, только что закончивший арабскую войну и справившийся с военным бунтом Варды Фоки. Под личиной избавителя болгарского народа от насилия русского завоевателя Цимисхий добивается поддержки болгар и, пользуясь оплошностью Святослава, не охранившего горных проходов, начал блокаду Доростола, длившуюся три месяца. После отчаянной, но неудачной попытки прорвать блокаду Святослав начал переговоры, в результате которых выговорил себе право вернуться домой, получить на дорогу провиант (хлеб был выдан на 22 тыс. воинов) и возобновить торговый договор, т. е., вероятно, договор 944 г. Помимо этого сохранился в летописи письменный договор, датированный тем же 971 г. и относящийся к этим же доростольским переговорам Святослава. Конечно, было бы неправильно называть его договором Святослава с Цимисхием, поскольку в этом документе нет двух договаривающихся сторон, а налицо лишь письменное подтверждение Святославом своих обязательств императору. Обязательства заключались в том, что он, Святослав, не будет вновь воевать с Империей, не будет поднимать на Империю другие народы, также ни на Корсунскую сторону, ни на Болгарию, а в случае вражеского нападения на Империю должен будет воевать с врагом Империи. Едва ли это клятвенное обещание Святослава имело в виду только печенегов, как обычно толкуют историки. Есть все основания думать,

что, когда Империя в затруднительных обстоятельствах военных бунтов 986—989 гг. обратилась за помощью к киевскому Владимиру Святославичу, она опиралась при этом именно на обязательство, которое взял на себя киевский князь в 971 г.

Известно, что византийским политикам пришлось требование помощи от киевского князя дополнить обещанием византийского императора отдать в жены киевскому князю свою сестру, при условии, конечно, крещения Киевского государства. Это дополнение вызывалось критическим положением правящей династии. Требуемая помощь Владимиром была оказана, но при исполнении другою стороною договора возникли задержки и трения, что привело в апреле 989 г. к войне между союзниками и взятию Владимиром Корсуня. Только тогда Византия выполнила свое обещание при условии status quo ante, и Владимир вернул Империи Корсунь «за вено царицы деля».

В дальнейшем мы не усматриваем, однако, прочных связей между Империей и Киевским государством—ни политических, ни церковных. Византия не только не проявляет никакого интереса к новой «христианской» державе, но даже едва ли не вызывает печенежскую рать, которая на долгие годы закрывает для Киева возможность нормальных сношений с Империей.

У нас есть указание, что в 1016 г. брат Владимира Сфенгос помогал Империи в ее войне с Хазарией. Под 1018 г. Титмар упоминает о каком-то посольстве из Киева в Византию. Наконец, называется какой-то свояк Владимира Хрюсохейр, который в 1023/24 г. совершил набег с 800 воинов на Дарданеллы, прорвался к Лемносу, где и погиб в бою. Трудно, однако, связать все эти разрозненные указания с известиями наших летописей и с общей линией русской и византийской политики этих годов. Только под 1037 г. узнаем мы из наших летописей о возобновлении русско-византийских отношений, причем новая форма их дает нам право говорить о втором периоде этих отношений.

Остановимся на одном любопытном обстоятельстве, лишь в недавнее время выясненном с достаточной полнотою. «Окрещенная» Русь до 1037 г. была лишена в своем церковном устройстве организованного руководства или опеки со стороны греков; а усвоенные ею христианское учение и культовая практика отличались от учения и практики византийской. Учение Византии было к этому времени проникнуто мрачным монашеским духом и унынием, а практика сводилась к строгим требованиям постов и лишений. Русское же христианство было пронизано необычайной жизнерадостностью, а практика сводилась к требованиям милостыни для бедных и к участию в особых пирах, выражающих чувства радости и любви. Русские князья и высший круг феодальной знати и после 1037 г. не принимали перед смертью монашеского пострижения, а в русских литературных трудах мы постоянно встречаем толкование (даже в XII в.), что заслужить звание святого нужно и возможно, не уходя из мира, а оставаясь в нем. Единственный (до XIII в.) князь, близкий к греческим церковникам Киева и принявший монашество, не будучи старым, получил ироническое прозвище «Святоши», закрепленное за ним в летописи.

Греческие церковники, водворившиеся в Киеве в 1037 г., приложили немало усилий, чтобы затемнить или исказить отображение характера русского христианства от крещения Владимира до 1037 г. в памятниках нашей письменности, считая его оскорбительным для авторитета Империи; они даже пытались ввести в культовую русскую практику греческий язык вместо старославянского. Попытки такого рода имели лишь частичный успех при некоторых князьях, как, например, при полугреке Владимире Мономахе, но не дали каких-либо прочных результатов. Они навсегда

были заклеймены иронической народной присказкой: «шли они лесом, пели куролесом», где слово «куролесом» является переделкой греческих слов «кирие, элейсон»—«господи, помилуй».

III

Назначение главою русских церковников метрополита-грека, присланного из Империи в 1037 г., следует квалифицировать как большой успех византийской политики, считавшей всегда церковные отношения неотделимою частью отношений политических. Теперь Киевское государство вступило в более тесные отношения с Империей. Русский князь получил звание стольника императора, а агент Империи, поселившийся в Киеве в качестве русского митрополита, стал играть видную политическую роль не только как проводник распоряжений Империи, но и как один из направляющих центров междукняжеских отношений.

Что же заставило Ярослава пойти на эти условия, в некоторых отношениях похожие на подчинение политике Империи? Ответом на это, как и разгадкою последующих взаимоотношений Руси и Византии, никогда окончательно не порывавшихся, является обострение «степного» вопроса, требовавшее от Ярослава изыскания союзников и помощи. Грозное вторжение в пределы Киевского государства печенежского народа, утратившего свои степные кочевья и гонимого неисчислимым потоком новых степняков с востока, вторжение, с трудом отбитое Ярославом в 1036 г. с помощью наемного заморского войска, открывало первую страницу новой степной истории. Военный союз с Империей казался Ярославу, очевидно, лучшим выходом. Но Византия весьма скоро дала почувствовать свою «игемонию» столь остро, что в 1043 г. произошел разрыв, а вслед за ним и военный поход Руси на Царьград. Михаил Пселл, очевидец этого похода и глава византийского управления, называет в своем сочинении этот поход Руси «восстанием» новых подданных против власти императора, а причину похода он видит в яростной ненависти русских к установленной над ними «игемонии» Империи. Поход 1043 г., несмотря на значительные русские силы (20 тыс.), закончился поражением нападавших. Победитель, смотря, повидимому, на пленных как на бунтовщиков, подверг их ослеплению.

Однако через три года Византия сама стала искать мира с Киевским государством, что надо поставить в связь с печенежским вторжением в пределы Империи—в бывшие болгарские земли. Но мир этот был еще очень далек от форм взаимоотношений 1037 г. Так, в 1051 г. Ярослав поставил в Киеве во главе русской церкви русского человека Иллариона, не обсудив этого назначения в Царьграде. Только в 1052 или 1053 г. Империя смогла ликвидировать столь длительный (почти десятилетний) разрыв с Ярославом и добиться его согласия принять митрополита-грека из Константинополя. Мир был окончательно восстановлен благодаря браку сына Ярослава Всеволода с дочерью императора Мономаха.

Набухавшая от прилива все новых и новых орд степь, с одной стороны, раздел Киевского государства между сыновьями Ярослава, т. е. ослабление единого фронта Руси против степи, с другой стороны,—все это не могло не вызывать беспокойства и усиленного внимания к русским делам со стороны Империи. Создание в 1059 г. союза трех старших Ярославичей, сопровождающееся разделением единой русской митрополии на три митрополии, по числу участников союза (Киев, Чернигов, Переяславль), следует объяснить содействием византийской дипломатии. Роль этих митрополитов, освободивших своих князей от выполнения присяги Всеславу полоцкому, т. е. вероломно выдавших Ярославичам Всеслава за его отказ помогать в обороне южной границы и участвовать в военных действиях против половцев,—

наглядно показывает нам, как глубоко проникала рука Византии через своих агентов во внутренние дела Руси.

Неудачный поход Ярославичей в 1068 г. против половцев, бегство Изяслава из Киева и возведение на киевский стол вероломно плененного Всеслава полоцкого можно считать переломным моментом в новых попытках установления византийской опеки над политикой Руси. Русские княжества прекратили борьбу со степью в союзе с Византией и согласились на ежегодную уплату дани половцам за мир и спокойный путь через степь. Вскоре, уже во время междоусобной борьбы Ярославичей, разорвавших свой прежний тройственный союз, княживший в Киеве Святослав пытался разорвать связь с Византией и в церковных делах. На это мы имеем прямое указание в письмах императора Михаила VII Дуки в Переяславль к князю Всеволоду, тогда еще сохранявшему церковную связь с Империей. Опасаясь присоединения Всеволода к Святославу, император поспешил предотвратить разрыв предложением нового брачного союза между своим домом и домом Всеволода.

Смерть Святослава в 1076 г. дала возможность Всеволоду, севшему теперь на Киевский стол, восстановить единую митрополию на Руси с митрополитом-греком во главе. Империя, со своей стороны, учла на будущее печальный опыт раздела митрополии в 1059 г. и до татарского завоевания упорно отстаивала единство митрополии в Киеве.

Активное участие и заинтересованность византийской дипломатии того времени в русских делах яснее всего видны в деле Олега Святославича, лишенного дядьями наследства. Когда, после неудачной попытки силою захватить наследственные земли, Олег вынужден был бежать в Тмуторокань, там он был захвачен хазарами и послан в Империю, где и томился до 1083 г. Две зимы и два лета провел Олег на о. Родосе и, кажется, успел даже жениться там на представительнице византийского знатного дома Музалонов[1]. Выпущен из плена Олег был по сговору императора со Всеволодом киевским; с Олега, видимо, было взято обещание не искать отцовского наследства при жизни Всеволода, что Олег и выполнил.

Время княжения Всеволода, породнившегося с византийскими императорскими фамилиями, было благоприятным для упрочения на Руси византийского влияния. Империя, пережившая на северной своей границе половецко-печенежские нападения 80-х и 90-х гг., не проявляла по отношению к Киеву политической агрессии. Ее деятельность ограничивалась лишь литературными трудами, в которых проводилась мысль о том, будто церковная опека Византии существовала с первых дней крещения Руси. Поскольку нажим Империи и по этой линии вызвал недовольство в Киеве, Империя пошла на уступки: после смерти весьма образованного грека-митрополита (1089 г.) в Киев был прислан заместителем его некий Иван «скопьчина», который, по выражению летописи, был и «не книжен» и «умом прост».

Время княжения Всеволода следует отметить как конец расцвета торговли Киева с Византией. В 1082 г. Алексей Комнин дал хрисовул Венеции в благодарность за помощь Империи флотом во время сицилийской войны. Этим хрисовулом Венеция была поставлена в лучшие условия в своих торговых сношениях и оборотах, чем даже подданные императора. Свобода от всяких сборов и право почти повсеместной торговли, отвод для поселения и товаров особых кварталов в городе и особых пристаней для кораблей—вот что помогло Венеции весьма скоро стать мировой торговой

[1] Н. П. Лихачев, Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, Л., 1928, стр. 136 сл., где дана литература.

державой. Последнее обстоятельство отодвинуло на задний план киевскую транзитную торговлю и лишило Киев его былого богатства.

Совместный удар в апреле 1091 г. печенежско-половецких сил на Константинополь, поддержанный морским нападением пиратского флота Чаха, едва не подверг Империю гибели. Перед Византией во весь рост встал, наконец, вопрос если не об уничтожении, то, по крайней мере, об обессилении степи как постоянной угрозы северным границам. После 1091 г., когда половцы перешли за Днепр и стали хозяевами степей от Дуная до Яика, деятельность византийской и русской дипломатии оживилась, причем византийцы считали киевского князя центром общерусского степного союзного фронта. Когда в 1095 г. половцы подошли к византийским границам и угрожали вторжением в Империю с целью возведения на престол какого-то авантюриста, Святополк киевский тотчас послал своего адъютанта в Переяславль к Мономаху, чтобы помешать заключению мира между Мономахом и ордою хана Итларя, прикрывавшего отлив половецких сил из степи. Несомненно, что узнал об этом Святополк от византийской разведки. Мономах, узнав, что Итларь не имеет опоры среди степных половецких сил, вероломно «избил» орду Итларя, что повлекло за собой месть со стороны половецких орд и длительные военные действия.

Стремясь к разложению степи, Византия всячески разжигала ненависть и смертельную вражду между половцами и подвластными им печенегами и торками, с одной стороны, и заботилась об укреплении русского фронта против степняков—с другой. Именно к таким моментам относится известное определение задачи русской митрополии как «восстягивания» русских князей «от кровопролитья», т. е. междоусобных драк, ошибочно толкуемое историками как постоянная задача греческой политики в Киеве.

Как известно, «снемы» князей породили знаменитые общерусские походы в степь, которые, вместе с разложением половецкого господства изнутри, надолго подорвали мощь половцев и ослабили опасность их нападений для Руси и Византии.

Задача разгрома степи, поставленная Алексеем Комнином в ответ на унижение, пережитое Империей в 1091 г., и продолженная его сыном Калоиоанном, заставляла участников на время забывать все внутренние трения. Святополк киевский и Мономах переяславский, всю жизнь смертельно враждовавшие между собою, оказались верными союзниками в борьбе с половцами и бились плечом к плечу в далеких степных походах. Попытку Мономаха в 1116 г. посадить на византийский престол своего зятя «Леона царевича», а после смерти его от руки подосланных императором убийц удержать за собой занятые Леоном на Дунае города—Империя рассматривает как досадное недоразумение, которое благополучно закончилось выдачею внучки Мономаха (дочери Мстислава) «за царь».

Галицкое княжество, соприкасавшееся своею дунайской границей с Империей, более других было способно оказывать Империи военную помощь против степи. Вот почему византийская дипломатия поспешила создать галицкому князю особое положение сравнительно с другими русскими князьями. В 1104 г. дочь Володаря Ростиславича вступила в брак с сыном императора Алексея Комнина [вероятнее всего, с Исааком, отцом будущего императора Андроника (1183—1185 гг.)], и с этих пор галицкий князь официально называется «вассалом» Империи[1].

Вмешательство Византии во внутрикняжеские отношения можно наблюдать во время княжения в Киеве сына Мономаха Мстислава. Когда при нем между Киевом и Полоцком установились те же отношения, что при трех Ярославичах, т. е. когда полоцкие князья не стали слушать зова

[1] Cinnam, ed. Bonn, p. 115; 18.

киевского князя о помощи для защиты южных границ от половцев, Мстислав, попрекая полоцких князей тем, что они «молвяху Боняқови шелудивому во здоровье», арестовал всю их семью и, усадив в три ладьи, «поточи Царюграду» (1129 г.).

Ослабление угрозы со стороны половецкой степи, развязавшее Империи руки на севере и открывшее для нее возможность взяться за решение спора с Сицилией за обладание италийскими землями, способствовало некоторому упадку былых русско-византийских отношений, распаду союзных с русскими князьями предприятий Империи против степи. Теперь русские князья совершенно самостоятельно налаживают более или менее устойчивые отношения с половцами. Опоясанные, как раньше, степными линиями искусственных укреплений, теперь поселениями степных народов, ушедших из степи из-за нежелания подчиняться половцам, русские княжества знают только те две орды, которые с севера закрывали собою степные просторы. С этими двумя ордами и договаривается киевский князь об уплате денег за спокойствие на границах и за спокойную торговую дорогу через степь.

Пользуясь все растущею феодальной раздробленностью, охватившей и семью Мономаха, греческая агентура в Киеве проявила большую активность по части захвата влияния в отдельных княжествах путем назначения туда греков-епископов. Такое усиление влияния Империи закончилось неблагополучно для ее авторитета. В 1145 г. митрополит Михаил был вынужден покинуть Киев и Русскую землю и вернуться в Империю. Это событие следует приравнять к разрыву дипломатических связей, открывавшему перспективу самых глубоких изменений в отношениях Руси и Византии.

Создавшаяся в эту пору весьма выгодная для Византии и достаточно прочная международная комбинация союза двух Империй расколола все государства Европы на два враждебных лагеря. Русские княжества также разбились на две враждебные группировки: на стороне Византии оказались, кроме «вассала»—Галиции,—Юрий суздальский и ряд других мелких князей; против Империи—Изяслав Мстиславич с черниговскими князьями. Одним из поводов для борьбы Изяслава в союзе с Венгрией против Юрия суздальского было поставление на русскую митрополию русского кандидата Климента Смолятича. Однако полной победы здесь Изяславу одержать не удалось, и даже брат его Ростислав не поддержал его. Смерть Изяслава, победа и водворение в Киеве Юрия суздальского временно способствовали возобновлению сношений с Империей путем присылки митрополита из Константинополя (1156 г.). Новый представитель Империи проклял умершего Изяслава и начал преследование всех церковников, замешанных в назначении Климента. Смерть Юрия и смена князей на киевском престоле привели к неоднократному пересмотру русско-византийских отношений, закончившемуся тем, что оба кандидата в митрополиты (русский Климент и грек Константин) были устранены и из Царьграда был прислан новый митрополит-грек. Попытка нового митрополита ввести в русских княжествах практику постов, принятую в Империи, была единодушно истолкована всеми русскими князьями как стремление Империи усилить свое влияние и отвергнута. Предпринятая через несколько лет новая попытка в этом же направлении, являвшаяся выполнением прямого распоряжения императора, привела к изгнанию митрополита из Киева и русских княжеств, т. е. к новому разрыву русско-византийских отношений. Несколько позднее Империи удалось восстановить эти отношения ценою отказа от подобного рода опеки, но это стоило ей немало хлопот и труда.

В несколько запутанном рассказе византийского историка Киннама изложен, как всегда, с большим самодовольством и хвастовством, любопыт-

нейший эпизод снаряжения на Русь (в 1164 г.) императором Мануилом, готовившимся к новой войне с Венгрией, торжественного посольства во главе с Мануилом Комнином, близким родственником императора[1]. Посольство это должно было положить конец тревожившему императора пребыванию в Галиции претендента на императорский стол Андроника, искавшего помощи у половцев, отвлечь Галицию от намечавшегося союза ее с Венгрией и, наконец, втянуть в войну с Венгрией Ростислава киевского. Как ни уверяет Киннам, что это посольство имело успех, факты говорят другое. Правда, Андроник, отказавшись от мысли завоевать престол силою оружия, решил вернуться в Византию, после чего для Галиции было выгоднее возобновить союз с Империей, но о вовлечении Ростислава в войну с Венгрией, скрепленном якобы клятвою Ростислава, у нас нет никаких подтверждений.

Во время упадка Киева как распорядительного центра русских княжеств в борьбе со степью киевский князь не утратил исключительного права сношения с Империей по всем делам русских княжеств, потому что агент Империи—митрополит—оставался в Киеве. Вот что мы читаем об этом у Киннама: «А есть в Тавроскифии некий город, Киама по названию, который является главным из находящихся там городов и служит вместе и митрополией этому краю. Архиерей является сюда из Византии; этому городу принадлежат особливо все прочие преимущества». Несоответствие этих «особливых преимуществ» Киева со значением этого города в политической расстановке русских княжеств, среди которых стало выдвигаться на первое место Владимиро-Суздальское княжество, привело к разгрому в 1169 г. Киева Андреем Боголюбским. Последний посадил в Киеве своего подручного князя и поставил перед Империей вопрос о перенесении митрополии во Владимир или о создании там самостоятельной митрополии. И то и другое было отвергнуто Империей, желавшей сохранить единство руководящего центра и учитывавшей все выгоды пребывания своего агента именно в Киеве, хотя и утратившем самостоятельное значение и ставшем предметом борьбы между суздальским и галицким князьями.

Попытка Андрея самостоятельно поставить во Владимире митрополита и добиться его признания в Византии, минуя Киев, успеха не имела. Кандидат Андрея на митрополию был подвергнут в Киеве жесточайшей казни, какая применялась в Византии лишь к политическим преступникам.

Домогания Андрея не заглохли после его смерти. Всеволод Большое Гнездо, восстановив во всей полноте власть и политику брата Андрея, вновь поднимает перед Империей вопрос о перенесении митрополии во Владимир, особым летописным сводом доказывая переход на Владимир значения распорядительного политического центра, которым некогда являлся Киев. Хотя Всеволод позднее оказал немало существеннейших услуг Империи (поход в степь в 1199 г.), киевская митрополия осталась единой и не переменила своей резиденции.

Распад союза двух Империй и новая сицилийская война поставили Византию в трудное положение, усугубляемое назревавшим восстанием болгар, искавших помощи у половцев. Это вынуждает Империю, по выражению византийского писателя того времени Никиты Хониата, «умолять» через митрополита в Киеве русских князей отвлечь половцев от болгар, организуя с этой целью глубокие степные походы. Успех этого плана, исходившего от императора Андроника, лично хорошо знавшего силы и русских и половцев благодаря своему пребыванию в Галиции в период бегства из Византии, сопровождался победою Империи над сицилийцами. Но русские южные княжества тяжело пережили эту победу из-за гибели

[1] Cinnam, ed. Bonn, p. 235—236.

войск Игоря новгород-северского (1185 г.), натолкнувшегося в степи на отхлынувших от болгарской границы половцев, и разграбления половцами Переяславского и частью Черниговского княжеств.

Вспыхнувшее в 1186 г. болгарское восстание вовлекло в борьбу с Империей едва ли не все половецкие силы. Начались ежегодные набеги на цветущие области Византии, причем византийское военное искусство оказалось бессильным защитить имущество и население этих областей. Византийская дипломатия, несмотря на всю свою изворотливость и изобретательность, не могла воссоздать былых общерусских степных походов и добилась лишь отдельных разрозненных выступлений сильнейших феодальных центров того времени (поход Всеволода суздальского в степь в 1199 г. и Романа галицкого в 1202 г.). В качестве следа заискиваний Империи перед русскими князьями в этот период остались титул великого князя, полученный Всеволодом суздальским в 1186 г., Рюриком киевским в 1199 г., Романом галицким в 1202 г., а также брак внучки Святослава киевского с представителем императорского дома Ангелов (1193 г.).

Падение Византии в 1204 г. не прервало русско-византийских отношений. Никейская империя была признана всеми русскими княжествами как продолжение былого церковно-распорядительного центра—Византийской империи. В событиях времени татарского завоевания Никея и русские княжества, предоставленные Западом самим себе, нашли общие пути и средства к выработке новых татаро-византийско-русских отношений, просуществовавших не одно столетие.

К ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОГО ХОЗЯЙСТВА НА ОКЕ И В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В ЭПОХУ МЕТАЛЛА

О. Н. Бадер

Мы имеем сейчас довольно определенное представление об эпохе неолитических рыболовно-охотничьих стоянок и о времени древних городищ в северной половине европейской части СССР. Но солидный промежуток, их разделяющий, освещен в нашей специальной литературе крайне недостаточно. Между тем, именно на верхней грани нашего неолита в жизни первобытного общества произошли весьма существенные сдвиги, которые в значительной мере обусловили дальнейший ход исторического процесса, приведший первобытное общество на следующий крупный этап его истории, известный нам по имени городищ дьяковского типа, предшествовавших финским и русским поселениям. Для понимания этого переходного периода нам необходимо, прежде всего, обратить внимание на изучение хозяйства первобытного общества в указанную эпоху, поскольку это возможно по данным археологии.

Вопросом кардинальной важности является здесь появление скотоводства.

До последнего времени в специальной литературе держалось положение о том, что древнейшие следы скотоводства в лесной зоне северо-востока Европы дают нам культуры не ранее, чем последнего тысячелетия до н. э. В частичной сводке данных по этой территории, сделанной В. И. Громовой в 1930 г. на основании учета результатов археологических исследований[1], говорится: «Домашние животные появляются здесь, по-видимому, позже (не в неолите.—*О. Б.*); так, мы находим их сразу в большом (преобладающем над дикими) количестве в культурах раннего железа, 700—200 гг. до н. э. (так называемая ананьинская культура Волжско-Камского района), то же самое мне пришлось установить и для городищ так называемой культуры сетчатой керамики из Костромской губ.[2]. Здесь мы встречаем уже всех представителей домашних животных: лошадь, быка, свинью, козла и барана».

Уже то обстоятельство, что в названных В. И. Громовой ископаемых культурах кости домашних животных имеются «в преобладающем над дикими количестве», так же как и вся сумма археологических данных об этих культурах—говорят за то, что здесь перед нами остатки уже развитого скотоводства и что первые следы его лежат глубже. Действительно, эти следы—и весьма определенные—нам удалось обнаружить в памят-

[1] В. И. Громова, Тур и древнейшая история домашнего быка в СССР («Природа», 1930 г., № 7—8, стр. 755—770).

[2] В этой культуре домашние животные известны уже давно.

никах эпохи бронзы. Эти новые данные позволяют отодвинуть время возникновения здесь скотоводства более чем на тысячу лет глубже и пролить на проблему его возникновения в наших областях совершенно иной свет.

Остановимся коротко на основных моментах смены археологических культур эпохи металла на интересующей нас территории.

От неолитических стоянок и до городищ включительно, т. е. на протяжении по крайней мере пяти тысяч лет, на интересующей нас территории может быть прослежено, по данным археологии, последовательное и преемственное развитие материальной культуры, в процессе которого лишь в незначительной мере имели место явления миграционного порядка.

Неолитические стоянки представляют собой в основном оседлые поселения родовых групп рыболовов и охотников. Не исключена возможность, что поздненеолитическому населению было уже известно земледелие[1], но оно могло находиться в то время лишь в зачаточном состоянии, не играя существенной роли в хозяйстве.

В настоящее время нет никаких данных, которые бы указывали на присутствие домашних животных в поселениях неолита. Исключение представляет лишь собака, которая была приручена значительно раньше.

В конце неолита, повидимому, во II тысячелетии до н. э., параллельно с некоторым незначительным изменением производственного инвентаря кремневых орудий, среди характерной ямочно-гребенчатой керамики неолитических поселений начинают появляться сначала круглодонные же сосуды с отпечатками плетенки или грубой ткани на поверхности. Во многих позднейших стоянках эта керамика получает решительное преобладание, значительно меняется по форме и приобретает плоские днища.

Стоянки с так называемой «текстильной» керамикой и кремневым инвентарем орудий, несмотря на значительные отличия от предыдущих и своеобразие материальной культуры, характеризуют собой позднейшую стадию истории охотничье-рыболовческих поселений неолитического типа в Волго-Окском крае. Они относятся в основной своей части к эпохе бронзы и, в различных фациях, доживают до начала железной. Эти стоянки в нашей специальной литературе до сего времени выявлены совершенно недостаточно. Большая часть их обнаружена за последние годы нашими исследованиями на нижней и средней Оке и усилиями костромских краеведов—в верхнем плёсе Волги. В настоящее время нами учтено свыше 60 таких стоянок.

В период бытования древнейших поселений с текстильной керамикой и кремневым инвентарем орудий, приблизительно в половине II тысячелетия, в бассейне Оки появляются чрезвычайно своеобразные по материальной культуре, аналогичные по характеру расположения, поселения—так называемые стоянки поздняковского типа. Эта группа памятников до настоящего времени почти вовсе не представлена в научной литературе. Впервые подобные стоянки были открыты нами в Муромском районе в 1924 г. В настоящее время нами учтено свыше 20 подобных поселений на нижней и средней Оке.

Стоянки поздняковского типа в состав связанного с ними комплекса материальной культуры включают поделки из бронзы, но изготовление производственного инвентаря из камня, инвентаря весьма своеобразного, имеет еще широкое распространение и отнюдь не потеряло высокой техники. Керамика этих стоянок совершенно иная, чем керамика непосредственно предшествующих и одновременных местных поселений. Не имея аналогий на Оке и к северу от нее, поздняковские стоянки имеют их на

[1] О. Н. Бадер и М. В. Воеводский, Стоянки Балахнинской низины («Известия» ГАИМК, 1934 г., №_105).

юге, в смежной лесостепной и степной полосе, в виде поселений так называемой «срубной культуры».

Древнейшие следы скотоводства в наших центральных областях мы имеем в другой археологической культуре, в так называемых могильниках фатьяновского типа, представляющих собою древние кладбища со скорченными скелетами на дне могильных ям, в сопровождении глиняных сосудов бомбовидной и близкой к ней формы, каменных орудий труда, каменных сверленых боевых топоров-молотов и весьма редких бронзовых украшений и оружия.

Будучи распространены преимущественно в бассейне верхней Волги, могильники фатьяновского типа до сего времени стоят особняком от связанных с ними поселений. Древних поселений, которые характеризовались бы материальной культурой, аналогичной находимой в могильниках, до сего времени в распоряжении археологии нет. Материальная культура могильников фатьяновского типа, относящихся ко II тысячелетию до н. э., отличается большим своеобразием и имеет мало общего с более древними и одновременными им стоянками неолитического типа и с позднейшими памятниками тех же областей.

Подчеркиваем, что смена археологических культур в эпоху позднего неолита и раннего металла отличается преемственностью, как бы не оставляет места для фатьяновской и поздняковской культур в схеме последовательного развития культуры и создает впечатление их чужеродности в этом крае. На этой сложной и еще далеко не разрешенной проблеме мы остановимся ниже.

Население, связанное с могильниками фатьяновского типа, всегда считалось охотничьим. Отдельные находки костей домашних животных были сделаны здесь и раньше, но, по своей незначительности, не привлекли к себе серьезного внимания исследователей. Во всяком случае, в своем последнем кратком обзоре памятников бронзовой эпохи В. А. Городцов в отношении могильников фатьяновского типа отмечает, что оставившее их «население занималось преимущественно охотничьим промыслом»[1]. Значительной роли охоты в хозяйстве «фатьяновцев» нельзя отрицать и сейчас. Об этом говорят ассортимент находимых в могилах орудий и кости диких животных, являвшихся объектами охоты. Однако ни охота, ни рыболовство, ни собирательство не являлись ведущими: эта роль принадлежала скотоводству и земледелию.

Первые находки остатков домашних животных были сделаны, собственно, при первых же исследованиях могильников фатьяновского типа И. С. Поляковым в 1878 г. При раскопках могильников у дер. Фатьянова[2] в бывш. Ярославской губ. был обнаружен скелет молодого козленка. В 1895 г. А. А. Спицыным на Великосельском могильнике найдены «кости коровы» (бабки от трех коровьих и пары телячьих ног в погребении). ..»[3]. В 1903 г. раскопки Н. Е. Макаренко на Лихачевском могильнике близ гор. Зубцова бывш. Тверской губ. дали кости свиньи[4]. В 1925 г. В. И. Смирновым в Говядиновском могильнике под Костромой найдено второе погребение козленка. Начиная с 1928 г. находки погребений свиньи не раз повторялись в раскопках Д. А. Крайнова, К. Я. Виноградова и О. Н. Бадера на вновь открытых могильниках в бывш. Московской губ. (Ивановогорский, Була-

[1] В. А. Городцов, Бронзовый век на территории СССР, БСЭ, 1927.

[2] А. А. Спицын, Медный век в верхнем Поволжье («Зап. отд. русск. и слав. археологии ИРАО», т. V, в. I, СПБ, 1903).

[3] Архив ГАИМК, дело № 79, 1895 г. (цитируем по П. Н. Третьякову, «К истории доклассового общества Верхнего Поволжья»).

[4] Н. Е. Макаренко, Поездка 1903 г. по верхнему течению р. Волги («Изв. арх. ком.», вып. 6, СПБ, 1904).

нинский, Кузьминский, Сущевский могильники) и на верхней Волге (Вауловский могильник в районе Тутаева). Для Буланинского могильника отмечена также кость овцы[1].

В Чувашии, при раскопках аналогичного могильника в урочище «Карабай» у дер. Баланово, в 1933 г. найдены «амулеты» из «зубов, повидимому, лошади»[2].

Наиболее полный материал в отношении скотоводства добыт нашими раскопками на Кузьминском могильнике Московской области (река Дубна) в 1930 г.

Остатки фауны из этих раскопок, изучавшиеся В. С. Слодкевичем (Палеозоологический институт Академии наук), дают следующую картину:

Название животных	Колич. отд. костей	Колич. костей в %	Число особей не менее	Число особей в %
1	2	3	4	5
Ursus arctos (медведь)	24	21,5	3	13,1
Canis lupus (волк) .	1	0,9	1	4,3
Vulpes vulpes (лиса) .	3	2,8	2	8,7
Cricetus cricetus (хомяк)	16	14,9	2	8,7
Canis familiaris (дом. собака)	28	26,2	7	30,5
Sus scrofa domest. (дом. свинья) . . .	25	23,4	4	17,4
Capra ovis (коза дом. или овца)	5	4,6	2	8,7
Equus caballus (дом. лошадь)	3	2,8	1	4,3
Bos taurus (дом. бык).	2	1,8	1	4,3
Всего	107	100	23	100

Для могильников этого типа столь обширный список фауны мы получаем впервые. Но в абсолютных цифрах число остатков все же невелико. На присутствие костей животных в ритуальных памятниках и их количественное соотношение могли влиять факторы идеологического порядка. Вследствие этого процентное соотношение диких и домашних животных, так же как и соотношение между отдельными видами, может не отражать действительного их соотношения на соответствующем могильнику поселении. Все же укажем, что к общему количеству особей число диких (исключив хомяка, который, весьма вероятно, попал в могилы позднее) составляет 28,5, домашних же 71,5%. С хомяком соотношение несколько иное: 34,8 и 65,2%. Среди диких животных преобладают остатки медведя[3],

[1] К. Я. Виноградов, Новые данные о памятниках фатьяновского типа («Проблемы ист. докапит. общ.», ГАИМК, № 11—12, 1934).

[2] И. Тихонов, Археологические раскопки в Чувашии в 1933 г. («Проблемы...», ГАИМК, № 2, 1934).

[3] Обращает на себя внимание полное отсутствие костей лося.

среди домашних—собаки (46,6% общего числа домашних особей) и свиньи (26,6%).

Большинство животных (медведь, собака, свинья, лисица) представлено в коллекции просверленными у корня зубами, составлявшими, повидимому, дополнение к костюму. Имеются также в виде изделий несколько не определенных ближе костей, принадлежащих барану или овце. Остатки свиньи встречены как в изделиях (зубы), так и в необработанном виде, например, в стоявшем при погребении глиняном сосуде. В одной могиле найдено погребение свиньи,без копыт и головы. Наконец, остатки лошади и коровы представлены только зубами, без следов обработки или употребления их человеком.

Не подлежит сомнению, что, если только пять раскопанных в Кузьмине могил дали нам остатки минимум 15 отдельных особей, принадлежащих пяти или шести видам домашних животных, то на поселении мы вправе ждать значительного количества остатков домашних животных.

Таким образом, для могильников фатьяновского типа мы со всей определенностью констатируем следы развитого скотоводства, объектами которого являлись, помимо собаки, свинья, коза, повидимому, овца, корова и лошадь[1]. Северного оленя мы поместили в списке представителей дикой фауны, так как ни со стороны зоологов, ни по археологическим данным мы пока не имеем конкретных указаний на его одомашнение.

Ряд находок и соображений, на которых мы уже имели случай остановиться[2], позволяет предполагать для рассматриваемой группы памятников наличие, помимо скотоводства, также мотыжного земледелия.

Мы не можем не затронуть здесь животрепещущей проблемы о самом возникновении фатьяновской культуры и об отношении ее к другим хронологически близким ей археологическим культурам тех же областей.

Не имея возможности останавливаться на всех концепциях, связанных с интересующим нас вопросом, укажем на основную, которой придерживается до сего времени большинство работающих в этой области археологов[3]. Она сводится к тому, что появление фатьяновской культуры в верхнем Поволжье является результатом миграции населения из достаточно отдаленных районов (Сев. Кавказ). Вовсе не отрицая самой возможности миграций в эпоху первобытной общины, мы считаем, однако, что миграция «фатьяновских» племен является чисто априорным заключением и совершенно не подтверждается фактическими данными. Фатьяновская культура не известна нам ни на юго-востоке, ни на западе. Там мы знаем во многих отношениях близкие ей, но все же иные культуры. Между областями распространения этих культур и областью распространения фатьяновской культуры нам не известны памятники, которые указывали бы на сколько-нибудь длительное движение этих культур к северу. Если мы встанем в данном вопросе на миграционную точку зрения, то неизбежно должны будем прийти к совершенно неправдоподобному выводу, что фатьяновская культура во всем ее своеобразии сложилась на пути движения связанных с нею племен из своей «прародины» к северу.

Гораздо более правдоподобной является иная концепция, которую мы здесь предлагаем. Она заключается в следующем. Фатьяновская культура и целый ряд хронологически близких ей культур, частью перечисленных выше, характеризующихся уже присутствием домашних животных, орудий из бронзы и погребениями умерших в скорченном положении,

[1] В присутствии в фатьяновской культуре домашней лошади у нас нет пока абсолютной уверенности.

[2] О. Н. Бадер, Лихачевский могильник (К вопросу о хозяйственной основе так наз. фатьяновской культуры), «Советская археология», т. 2, 1937, стр. 19.

[3] Например, ряд сотрудников Государственного исторического музея в Москве.

принадлежат в широком смысле к единой стадии истории первобытного общества в средней и степной полосе СССР. Все эти культуры возникают на месте, на поздненеолитической основе и являются следствием коренных сдвигов, происшедших в первобытном обществе эпохи позднего неолита.

Перед нами пример одного из тех резких скачков исторического процесса, знаменующих переход от одной стадии к другой, которые мы знаем, например, на грани между поздним палеолитом с его бродячей охотой и рыболовно-охотничьим неолитом, или между культурой городищ дьяковского типа с развитым скотоводством и подсечным земледелием, с одной стороны, и культурой древних славян-пахарей, с другой. Эти относительно очень короткие сдвиги, скачки в истории материальной культуры определяются прежде всего происходившими в первобытном обществе капитальными сдвигами в его хозяйстве. И надо сказать, что эти последние сдвиги с полной определенностью фиксируются археологией.

Мы полагаем, что появление фатьяновской и стадиально близких ей археологических культур на огромных пространствах Восточной Европы и Азии обусловлено прочным внедрением и ведущей ролью новой формы хозяйства—скотоводства. Процесс возникновения своеобразных культур этой стадии есть не что иное, как процесс выделения пастушеских племен, ведущего, в свою очередь, к возникновению патриархата.

Самый процесс этого перехода и обусловленных им изменений в материальной культуре, конечно, далеко еще не ясен и в дальнейшем должен послужить предметом тщательного изучения.

Возможно, что дату поздненеолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой в верхнем Поволжье следует несколько сдвинуть вглубь. Но как бы то ни было, мы стоим перед признанным фактом синхронности позднейших стоянок этого типа и фатьяновских могильников. Отрицая непосредственную принадлежность тех и других к одному и тому же обществу, мы должны отметить, что, судя по расположению памятников на карте, племена верхнего Поволжья, обитавшие на стоянках поздненеолитического типа, занимали озерные и речные низины, тогда как земледельческо-скотоводческие племена «фатьяновцев» населяли преимущественно смежные им районы водоразделов, дотоле свободные, впервые подвергшиеся прочному хозяйственному освоению.

Однако такое сосуществование рыболовно-охотничьих и скотоводческих племен вряд ли продолжалось в верхнем Поволжье особенно долго. Целый ряд имеющихся в нашем распоряжении фактов говорит о том, что фатьяновские могильники, видимо, в преобладающей своей части одновременны более поздним стоянкам с кремневым инвентарем орудий и так называемой «текстильной» керамикой. Из этих фактов укажем на один. В рязанской Мещере, на огромной Владычинской неолитической стоянке, в верхнем ее горизонте, характеризующемся именно «текстильной» керамикой, нами было в 1928 г. обнаружено древнее погребение с многочисленными бронзовыми украшениями, известными в одной из культур Средней Европы, в так называемой унетицкой культуре, датируемой 1700—1200 гг. до н. э. В том же году такой же, как во Владычине, браслет был обнаружен в типично-фатьяновском Мытищенском могильнике в Ивановской промышленной области, исследованном Н. П. Милоновым и нами.

Население стоянок с «текстильной» керамикой было уже знакомо с разведением домашних животных. Об этом говорят остатки последних, обнаруженные на стоянке «Пески» под Костромою[1], и находки на стоянках

[1] П. Н. Третьяков, ук. соч. («Известия ГАИМК», вып. 106, 1934, стр. 97).

в бассейне Оки. Надо думать, что в это время, а именно во второй половине II тысячелетия до н. э., в Волго-Окском крае происходят известная нивелировка различных в хозяйственном и культурном отношении племен рыболовов-охотников и скотоводов-земледельцев и повсеместный переход к патриархальным отношениям. На юге, в степной зоне, этот переход совершился, видимо, очень быстро, еще в довольно ранний период бронзы.

Наконец, в первой половине I тысячелетия до н. э. мы уже имеем повсеместно более или менее полную нивелировку скотоводческих племен в Волго-Окском крае, вероятно, формирование новых племенных образований и появление первых укрепленных поселений—городищ. При этом,—археологически—той основой, на которой в половине I тысячелетия до н. э. возникает культура городищ в верхнем Поволжье, являются слившиеся поздненеолитическая (с «текстильной» керамикой) и фатьяновская культуры, на Оке—поздненеолитическая и поздняковская.

Как уже указывалось, время существования могильников фатьяновского типа определяется II тысячелетием до н. э., охватывая, повидимому, большую часть этого тысячелетия. Будучи, возможно, частью древнее окских поселений поздняковского типа, фатьяновские могильники дают нам, следовательно, и несколько более древние следы скотоводства. В то же время, с нашей точки зрения, обе указанные группы памятников частью совпадают во времени. Однако для обществ, связанных с каждой из указанных археологических культур, характеризующихся аналогичными формами хозяйства, предполагать возможность смешанного сосуществования на одной территории нет никаких оснований. Это положение как будто находит подтверждение в фактическом положении вещей. Районом преимущественного распространения могильников фатьяновского типа является верхнее Поволжье, стоянок поздняковского типа—Ока. Если для грубого сравнения взять количество типичных для фатьяновской культуры каменных сверленых топоров-молотов в двух старых музеях—Тверском (ныне Калининском) и Рязанском,—то мы увидим, что в первом число этих орудий измеряется многими десятками, тогда как во втором их не более 20, да и те, по указанию А. А. Мансурова, происходят, главным образом, из северных и западных уездов бывш. Рязанской губернии. На территории, занятой известными нам поселениями поздняковского типа, мы знаем лишь единичные находки отдельных каменных сверленых топоров-молотов и не знаем ни одного исследованного, связанного с ними, могильника. Для Волго-Окского края древнейшие следы развитого скотоводства мы имеем в стоянках поздняковского типа.

К сожалению, все четыре поселения поздняковского типа, подвергшиеся раскопкам, характеризуются очень плохой сохранностью костного материала—нередко сохраняются лишь одни зубы. Однако для двух из них мы можем все же установить наличие нескольких видов животных.

Для Поздняковской стоянки, исследованной нами и Б. С. Жуковым, В. С. Слодкевич определил следующих домашних животных: бык (Bos taurus), лошадь (Equus caballus) и свинья (Sus scrofa domest.)[1]. Для указания количественного соотношения этих видов приводим нежеследующую таблицу:

[1] Необходимо сделать оговорку, что палеозоологи далеко не всегда могут с полной достоверностью различать дикие и одомашненные разновидности. Так, если, например, домашние корова и свинья могут быть определены более или менее точно, то определение собаки, лошади—бывает часто условно.

Название животного	Колич. отдельн. костей	Колич. костей в %	Число особей не менее
Bos taurus	27	64,1	3
Equus caballus	13	30,8	2
Sus scrofa domest.	2	5,1	1
Всего	42	100	6

При столь незначительном общем количестве костного материала процентные отношения на стоянке различных видов животных имеют, конечно, сугубо предварительное значение. Обращает на себя внимание полное отсутствие диких животных. Это обстоятельство, без сомнения, случайно, но оно все же, повидимому, говорит о преобладании на этом поселении остатков домашних животных над дикими.

В другой стоянке, Подборной (близ Касимова), исследовавшейся Н. И. Лебедевой и Б. А. Куфтиным, остатки фауны «представлены исключительно зубами лошади, коровы, лося и свиньи»[1]. Добавим к этому, что на Подборной стоянке найден глиняный сосуд, орнамент которого в виде усложненного меандра дает сильно стилизованные головы лошадей[2].

Соотношение остатков представителей домашней и дикой фауны, отмеченное для Поздняковской стоянки, находит здесь свое подтверждение.

Стоянки поздняковского типа, чрезвычайно своеобразные по характеру вещевого комплекса, не имеют ничего общего с более древними поселениями того же района, а из одновременных поселений соседних территорий тесная связь обнаруживается с поселениями смежных с юга территорий, принадлежащими к широко распространенной в современной лесостепи и степи, так называемой срубной или, как ее часто именуют в последние годы,— срубно-хвалынской культуре. Время последней—по В. А. Городцову— II тысячелетие до н. э., преимущественно его вторая половина[3], что вполне согласуется с нашей датировкой стоянок поздняковского типа.

В. В. Гольмстен, установившая своими рекогносцировками около 300 поселений и курганных могильников срубно-хвалынского типа[4] в пределах бывш. Самарской губ., указывает: «Изучение содержимого культурных слоев дает представление о культуре довольно развитой, вполне оседлой, земледельческой, с развитым скотоводством. Среди остеологического материала чаще всего встречаются остатки крупного рогатого скота, реже овец и коз и изредка лошади и свиньи. Количество костей диких животных составляет ничтожный процент по отношению к количеству костей домашнего скота»[5]. «Во всех поселениях преобладает крупный рогатый скот, затем в различных сочетаниях идут овца, коза, лошадь и свинья... Преобладание крупного рогатого скота делает вероятным предположение, что

[1] Б. А. Куфтин, Новая культура бронзовой поры в бассейне р. Оки на озере Подборном близ г. Касимова Рязанск. г. («Материалы к доистории Ц. П. О.», 1927 г.).

[2] Н. Лебедева, Отчет о летних работах по археологии в окрестностях г. Касимова («Вестник рязанских краеведов», № 1, Рязань, 1925 г.).

[3] В. А. Городцов, Бронзовый век на территории СССР, БСЭ, т. 7. 1927).

[4] Курганный могильник срубного типа, самый северный из известных в настоящее время, был обследован нами в 1926 г. совместно с открывшим его краеведом И. П. Гусевым в нескольких километрах от Поздняковской стоянки и позднее раскопан под руководством Б. С. Жукова.

[5] В. В. Гольмстен, Археологические памятники Самарской губ., «Труды секции археологии РАНИОН», т. IV (в честь В. А. Городцова), 1928 г.

последний разводился не только для получения мясной пищи, но и молочных продуктов»,—говорят А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий[1]. Те же авторы обращают внимание на колебания количественного соотношения различных животных в стаде. Так, на юге, в бывш. Изюмском уезде, раскопанное В. А. Городцовым поселение этого времени у озера Чернецкого и три стоянки в бывш. Пензенской губ., исследованные О. А. Кривцовой-Граковой, дают одинаковую картину значительного преобладания остатков крупного рогатого скота, но отличаются количеством костей лошади: «в то время как для стоянки, раскопанной в Изюмском уезде, мы имееем ничтожный процент костей лошади (3,7%), во всех стоянках Пензенского уезда кости лошади по количеству уступают место лишь костным остаткам коровы»[2].

Пензенские поселения, близкие нашим окским территориально, в отношении скотоводства дают следующую картину[3]. На поселении «Зимница» (раск. 1926 г., по определениям С. Н. Боголюбского) кости коровы составляют 57,9%, лошади—33,2, овцы—7,7 и свиньи—1,2%. По материалам вторых раскопок того же памятника (1928 г., таблицы для этих и пр. раскопок О. А. Кривцовой-Граковой в Пенз. у. составлены А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким по приложенным к полевому отчету описям находок): костей коровы—47,6%, лошади—26,7, свиньи—19,4 и овцы—6,3%. На поселении «Зимница II»: корова—54,3%, лошадь—20; свинья—17,1, овца—8,6%. На поселении у Волчьего оврага: корова—43,3%, лошадь—40, свинья—10 и овца—6,7%. Если объединить данные всех трех поселений, то мы можем констатировать, что около половины всех найденных на них костей домашних животных принадлежит корове и значительный процент—лошади; далее, в небольшом количестве представлены свинья и овца.

Характерно, что в поселениях и могильниках рассматриваемого типа находки костей диких животных единичны, что определяет весьма незначительную роль охоты, не имевшей существенного значения в хозяйстве.

Как следует из вышеприведенных данных, количественное соотношение видов домашних животных на Поздняковском поселении вполне соответствует соотношению их на трех пензенских поселениях.

Таким образом, для поселений поздняковского типа, помимо безусловно практиковавшихся рыболовства (условия расположения поселений) и охоты, мы можем установить присутствие развитого скотоводства и, без сомнения, мотыжного земледелия.

Вывод о земледелии может быть сделан по целому ряду соображений, из которых основным является явно земледельческий характер всей так называемой срубной культуры. Неоспоримые следы земледелия дают, в частности, пензенские стоянки О. А. Кривцовой-Граковой. В 1937 г. при раскопках Подборновской стоянки на Оке нам удалось обнаружить часть каменной мотыги, аналогичной мотыге из упомянутых пензенских стоянок.

Как объяснить столь неожиданное появление на Оке, на фоне нашего рыболовческо-охотничьего неолита скотоводческо-земледельческих поселений с совершенно чуждой по облику материальной культурой? Мы полагаем, что разрешение вопроса лежит в смещении к северу ландшафтно-географических зон. Поздняковские поселения на Оке, без сомнения, соответствуют по времени субореальному периоду, и весьма вероятно,

[1] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, Родовое общество степей Восточной Европы («Изв. ГАИМК», вып. 119, 1935 г.).

[2] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, Родовое обществостепей Восточной Европы («Изв. ГАИМК», вып. 119, 1935 г.).

[3] О. А. Кривцова-Гракова, Отчеты о раскопках, Архив ГАИМК, 1926 г., дело № 55; 1928 г., дело №29 (используем по Круглову и Подгаецкому, ук. соч.).

моменту максимального развития связанных с ним явлений[1]. В это время долина Оки находилась, по всей вероятности, в пределах степной зоны (вспомним реликты типчаковой степи под Серпуховом, древнюю лесостепь в более северном владимирском Ополье, элементы степной флоры на верхней Волге и т. п.). В процессе смещения географических зон менялись природные условия окских районов, лес отступал к северу, наступали лесостепь и степь. Исконное рыболовно-охотничье население вынуждалось или несколько переместиться вместе с лесом на север, или перейти к новым формам хозяйства. С другой стороны, скотоводы и земледельцы смежных южных областей, не располагавшие своих поселений севернее древних границ леса или лесостепи, постепенно получили естественную возможность применения форм своего хозяйства и в более северных районах. Надо думать, что в данном случае происходило не только вполне закономерное перенесение определенных хозяйственных форм в смежные районы, но что здесь вместе с этими хозяйственными формами произошло частичное смещение к северу и их конкретных носителей. Иначе нельзя без натяжек объяснить срубно-хвалынский характер вещевых комплексов окских поселений этого времени, в особенности весьма характерную керамику.

Расширение к северу территории поселений «срубного» облика в ксеротермическое время нет никаких оснований рассматривать как какую-то единовременную миграцию. По всей вероятности, мы имеем здесь дело с постепенным, медленным освоением родовыми группами новых территорий, превращавшихся в удобный плацдарм для свойственных этому обществу форм эксплоатации природных ресурсов.

В связи с этим отметим, что были неправы те, кто видел в поздняковских поселениях «лесную фацию» срубно-хвалынской культуры. Определение «лесной» им совершенно не соответствует, так как они были всегда степными или лесостепными.

Если теперь обратиться к стоянкам времени первого появления металла, то, не говоря о соба́ке, можно указать только остатки свиньи молодого возраста в раскопках В. А. Городцова на Панфиловской стоянке под Муромом, о которых В. А. Городцов[2] не высказывается как о домашних. Необходимо отметить, что, наряду с этим, в Панфиловской стоянке имеются фрагменты как фатьяновской, так, возможно, и более поздней керамики.

Поздненеолитические стоянки у нас приобретают так называемую текстильную керамику, количество которой с течением времени всё увеличивается. Нам известны на Оке стоянки, на которых представлена только одна текстильная керамика; правда, эти стоянки недостаточно изучены. Единичные стоянки поздняковского типа не имеют примеси местных культурных элементов. По ряду признаков—это стоянки древнейшие. Основная же масса стоянок этого типа дает вещевые комплексы, смешанные с текстильной керамикой и кремневым инвентарем местных стоянок. В культурных слоях таких поселений керамика того и другого типа смешана равномерно. В позднейших памятниках этого типа текстильная керамика начинает преобладать.

Эти позднейшие стоянки, характеризующиеся вначале как бы резко различным, смешанным, но затем вполне слившимся, получившим на Оке прочную устойчивость комплексом материальной культуры, так же как и неолитические, концентрируются по отдельным районам. В настоящее время на Оке мы можем выделить районы: Муромский, Нижне-пронский и Рязанский. Большинство костромских стоянок с текстильной керамикой, по всей вероятности, может быть приурочено к тому же времени.

[1] Это положение решительно подтверждают результаты наших последних раскопок Подборновской стоянки, произведенных в 1937 г.

[2] В. А. Городцов, Бронзовый век на территории СССР (БСЭ, т. 7, 1927).

Указанные памятники могут быть датированы последними веками II и первыми веками последнего, быть может, иногда даже до средины последнего тысячелетия до н. э. Следовательно, они совпадают с концом сухого и теплого суббореального времени и отчасти, возможно, с началом субатлантического периода.

Поселения этого времени, расположенные обычно в поймах рек, нередко на дюнах[1], характеризуются в большинстве случаев очень плохой сохранностью костного материала и вообще еще мало изучены. Все же остатки домашних животных из этих памятников нам кое-где известны. Таковы, по определению Е. Г. Андреевой, кости коровы, лошади и бобра из стоянки Озименки бывш. Наровчатского уезда Пензен. губ. (по раскопкам Б. С. Жукова и С. Ф. Преображенского); кости коровы, лошади и свиньи из стоянки «Малый Бор» близ Мурома, изученной нами (также по определению Е. Г. Андреевой); кости домашнего быка и лошади из поселения «Пески» на верхней Волге[2], в районе Костромы, и некоторые другие.

В период существования позднейших поселений описанного типа, т. е., вероятно, в начале I тысячелетия до н. э., в Волго-Окском крае получает распространение обработка железа. Появление железных топоров создало возможность для развития новой формы лесного земледелия—земледелия подсечного. Площади посевов, видимо, расширяются и ориентируются на высокие, покрытые выжигавшимися лесами, берега рек. Это время характеризуется перенесением поселений из условий речных пойм и озерных низин на высокие берега, все большим внедрением их в глубь лесных массивов, к водоразделам, и появлением укрепленных поселений, городищ.

На перенесение поселений в иные условия мог оказать свое влияние целый ряд причин. Так, могло сыграть свою роль значительное повышение уровня рек и, в особенности, уровня их весенних разливов в связи с изменением климатического режима в начале субатлантического периода, которое есть основание считать весьма резким. Но ведущими моментами в этом процессе были, надо думать, с одной стороны, факторы хозяйственного порядка, а именно большая роль лесного подсечного земледелия, а с другой стороны—факторы развития общественных отношений, обусловившие необходимость укрепления поселений, для чего высокие, обрывистые берега рек и оврагов создавали наибольшие удобства.

Как бы то ни было, но уже на древнейших городищах Волго-Окского края, относящихся к середине последнего тысячелетия до н. э., наряду с земледелием чрезвычайно существенную роль играло скотоводство, что уже не раз подтверждено целым рядом исследований.

Таким образом, появление на Оке в ксеротермический период поселений поздняковского типа определяет собой если не возникновение, то прочное внедрение скотоводства как на этой территории, так и к северу от Оки.

Волго-окские памятники позднебронзовых сейминской и абашевской культур по интересующему нас здесь вопросу не дают пока почти ничего.

В заключение попытаемся кратко охарактеризовать важнейшие черты истории хозяйства на интересующей нас территории в последующее время, сомкнув его с эпохой, которая освещена уже письменными документами.

Выше мы уже останавливались на возникновении укрепленных поселений патриархально-родовых общин—городищ—в середине последнего тысячелетия до н. э. Эти городища и, во всяком случае, селища продолжают

[1] B a h d e r, Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale («Eurasia septent. antiqua», IV, 1929).

[2] П. Н. Т р е т ь я к о в, К истории доклассового общества в верхнем Поволжье («Изв. ГАИМК», вып. 106, 1934).

существовать вплоть до возникающих, видимо, на их основе древнерусских поселений уже «исторического» времени, т. е. существуют, определенным образом видоизменяясь, около полуторы тысячи лет.

Население городищ и одновременных им селищ было уже знакомо с выплавкой железа и выделкой железных орудий. Эти процессы благодаря наличию местного сырья в виде болотной железной руды производились на месте, что привело к сравнительно быстрому угасанию техники обработки кремневых орудий и вытеснению орудий из бронзы; последняя идет теперь, главным образом, на выделку украшений.

Скотоводство продолжало играть весьма значительную роль в хозяйстве живших на городищах патриархальных общин. Однако с этого времени, в условиях вновь наступившего лесного ландшафта (субатлантический период), начинается заметный рост удельного веса лесного земледелия. Существенную роль в этом росте должен был сыграть появившийся железный топор. Если до сего времени огневое земледелие, вероятно, осуществлялось не путем подсека, но лишь подсачивания деревьев, то теперь оно, без сомнения, делается подсечным.

О роли земледелия в эту эпоху говорят не раз сделанные на городищах находки костяных наконечников деревянных мотыг, железных серпов, каменных зернотерок, а также продолжающийся процесс хозяйственного освоения лесистых речных водоразделов.

Охота и рыболовство развиты, но играют подчиненную роль.

Наряду с земледелием скотоводство продолжает играть ведущую роль в хозяйстве. Для древнейших городищ, относящихся к началу второй половины последнего тысячелетия до н. э., это отмечено недавно В. А. Городцовым по материалам раскопок Старшего Каширского городища на Оке. «Из домашних животных решительно преобладают лошади. Подобное явление нами было сначала прослежено в Городецком городище, где нижний слой особенно изобиловал костями лошади; верхний же слой становился уже беднее ими. Совершенно такое же явление наблюдал Теплов при раскопках городища Дуны[1] и другие исследователи в других городищах дьяковской и городецкой культур. Очевидно, в первое время развития обеих названных культур носители их преимущественно занимались коневодством.

За лошадьми, в количественном отношении, в Каширском городище шли свиньи, в древнейших наслоениях Городецкого городища и городища Дуны едва заметные; затем следовали коровы и овцы. Породы лошадей и коров были среднего роста. В составе последних совсем отсутствует карликовая, так называемая мещерская порода, кости которой найдены на городище Старой Рязани, а живые потомки существуют еще и теперь в мещерской стороне...»[2]

В картине, нарисованной В. А. Городцовым, необходимо сделать ту оговорку, что костный материал из его и прочих упоминаемых им раскопок, насколько нам известно, в полном объеме не обрабатывался специалистами, и приведенные данные почерпнуты преимущественно из беглых определений, сделанных самими руководителями раскопок в процессе проведения последних.

Во всяком случае данные Е. Г. Андреевой, произведшей специальное описание богатой фауны, добытой нашими раскопками 1928 и 1929 гг. на Кондраковском городище, дают несколько иную картину в части соотношения видов. Кондраковское городище дьяковского типа находится в ни-

[1] Оба городища на р. Оке.

[2] В. А. Городцов, Старшее Каширское городище («Известия ГАИМК», вып. 85, 1934 г., стр. 38).

Ист фак

зовьях Оки, в 27 км ниже гор. Мурома и дает два культурных слоя. Нижний, содержащий наряду с прочими остатками керамику с текстильными отпечатками, относится к нескольким векам до и около начала н. э. Верхний, без «текстильной» керамики,—к середине I тысячелетия н. э. «Соотношение охоты и скотоводства в хозяйстве обитателей городища характеризуется явным преобладанием количества особей домашних животных над дикими в обоих слоях: для нижнего слоя домашние животные составляют 78, для верхнего слоя—75%. Соотношение видов (в процентах) домашних животных (не считая собаки) видно из следующей таблицы (по Е. Г. Андреевой):

Виды	Нижний слой (в %)	Верхний слой (в %)
Лошадь	24,5	35,3
Свинья	60,4	41,1
Крупн. рог. скот	9,4	17,6
Мелк. » »	5,7	6,0

Таким образом, в обоих слоях, и в особенности в нижнем, преобладают остатки свиньи, но в верхнем слое наблюдается заметный рост числа остатков лошади и крупного рогатого скота. Необходимо отметить, что среди лошадей из нижнего слоя установлено присутствие исключительно малорослой формы (103,4 см по холке у вполне взрослой лошади).

Для сравнения приведем данные по Пекуновскому городищу на верхней Волге. Городище было исследовано также нами в 1932 и 1933 гг. и содержало сложную свиту культурных напластований, из которых мы возьмем для удобства сравнения лишь нижний и верхний слой. Датируются они, примерно, так же, как и слои Кондраковского городища. Многочисленные остатки фауны из Пекуновского городища были обработаны В. И. Зубаревой. Количество особей домашних животных к общему числу особей для нижнего слоя составляет 67,7 и для верхнего слоя 70,1%. Таким образом, и здесь отмечается явное преобладание остатков домашней фауны над дикой. Но соотношение видов домашних животных в стаде здесь несколько иное, чем в Кондракове. Даем таблицу (в процентах):

Виды	Нижний слой	Верхний слой
Лошадь	23,8	45
Свинья	38,1	20
Крупн. рог. скот . . .	23,8	20
Мелк. » »	14,3	12,5
Собака	—	2,5

Как видно из таблицы, и здесь в нижнем слое преобладает свинья, но в верхнем слое резко увеличивается количество костей лошади. Аналогичную картину дают также некоторые другие городища верхнего Поволжья (по определению К. С. Алексашиной). Из этого чрезвычайно интересного факта можно сделать тот вывод, что в ряде районов верхнего Поволжья около середины I тысячелетия резко возросло использование лошади не только для мясной пищи, но и в целях транспорта. Такое заключение соответствует вполне установленной роли лошади в ту же эпоху в более южных, окских районах, где не только материал с городищ,

но и инвентарь находок в могилах в виде частых остатков удил, уздечек, нагаек ясно говорит о том, что население в это время, так сказать, садится на коней. Так, «присутствие остатков лошади в погребениях рязанских могильников составляет обычное явление. Здесь это животное выступает, однако, уже не в виде убойного скота, но в качестве верхового коня. Что это было действительно так, об этом свидетельствуют постоянные находки удил и предметов конского снаряжения, притом не только в мужских, но часто и в женских могилах»[1]. Подобная роль лошади не могла не облегчить переход к использованию ее в качестве тягловой силы, в частности в земледелии в последующую эпоху.

Резкое падение роли скотоводства, которое приводит к картине, фиксируемой на этой территории для X—XI вв. письменными источниками, происходит, видимо, в VIII—IX вв. Это время изучено у нас крайне недостаточно. Однако нельзя не согласиться с П. Н. Третьяковым, что именно здесь выступает на первый план новый мощный хозяйственный фактор—пашенное земледелие.

[1] П. П. Ефименко, К истории западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам («Советская археология», 1937, № 2, стр. 39).

НЕИЗДАННЫЕ НАДПИСИ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ

С. В. Киселев

В VII—X вв. на среднем и верхнем Енисее (территория современной Хакасской автономной области, бывш. Минусинского округа и Танну-Тувинской народной республики) существовал сильнейший союз кочевых и земледельческих племен, возглавлявшийся кыргызами (хакасами китайских летописей). Китайские хронисты сообщают, что глава хакасов, ажо или каган, хан, мог выставить большое, хорошо вооруженное войско. В 840 г. хакасы разбили войска господствовавших в это время в Центральной Азии уйгуров и одно время стали господами положения в Монголии. Вскоре возвращенные в свои прежние пределы, хакасы продолжали оставаться одним из самых культурных народов Северной Азии вплоть до жесточайшего разгрома Чингисханом[1].

Археологические материалы подтверждают сведения китайцев о высоком уровне материальной культуры кыргызов (хакасов). Найдены совершенные земледельческие орудия—плуги с отвалом, серпы, ручные вращающиеся мельницы, а также остатки сложных оросительных систем. Изделия хакасских оружейников, кузнецов и бронзолитейщиков, горшечников, ювелиров и других ремесленников удивляют своим совершенством. Находки большого количества китайских монет, зеркал, украшений, лаковых изделий и даже плугов, а также вещей византийского и арабского запада подтверждают сведения китайцев и арабов о караванной торговле с Енисеем. Изучение древнехакасских могильников, так наз. чаатасов, позволяет говорить о резкой имущественной диференциации кыргызов уже в VI—VII вв. По предварительным данным раскопок, можно различать три общественные группы: богатую кыргызскую знать, похороненную в больших курганах из камней, обставленных каменными стелами, на которых высекались напыщенные эпитафии, рядовых общинников—вооруженных скотоводов и земледельцев, и, наконец, зависимых слуг (рабов?) богатой знати, которых, повидимому, убивали при похоронах господина и зарывали в еле приметных могилах возле аристократических курганов.

Силу и сравнительно высокое развитие кыргызов (хакасов) рисуют и тюркоязычные, так наз. орхонские, надписи хозяев Центральной Азии VI—VIII вв.—тюрок туг'ю. Походы на кыргызов были для туг'ю самыми трудными и, как видно по издаваемой ниже надписи, не всегда оканчивались благополучно. Каганы туг'ю считали самым сильным врагом кагана кыргызов, китайцы слали к хакасам послов.

---

[1] Ср. В. В. Бартольд, Киргизы (исторический очерк), Фрунзе, 1927.

Важнейшим источником хакасской истории является их собственная, забытая после разгрома монголами письменность.

Выяснено, что надписи эти, написанные орхоно-енисейским руническим алфавитом, в массе относятся к VII—IX вв. и представляют собой, главным образом, эпитафии кыргызской (хакасской) аристократии. В них, наряду с традиционными погребальными формулами, имеется много деталей, освещающих события и общественные отношения тогдашнего общества. Надписи существенно дополняют скудные (китайские и западные) источники по истории кыргызов, вскрывая внутренние силы ее развития. Понятно поэтому, какую ценность представляет каждый из енисейских рунических документов. К сожалению, они до сих пор не использованы в исторических целях. Даже в отношении собирательства надписей не исчерпано все, что могут дать южносибирские просторы. Приводимые здесь неизданные надписи хранятся в Государственном музее им. Мартьянова в Минусинске, но немало их еще разбросано по степям и подлежит скорейшему собиранию в хранилища. Почти совершенно не затронута исследователями обширная серия надписей на енисейских скалах. Между тем, ее значение совершенно исключительно: надписи на стелах в большинстве представляют собой эпитафии, надписи же на скалах—бытовые; они содержат указания на самые различные стороны жизни оставившего их населения. В своих поисках писаниц на приенисейских скалах я встречал даже не выбитые, а просто нацарапанные орхоно-енисейские знаки—остатки каких-то беглых записей и отметок. К систематическому разыскиванию, регистрации и копировке таких надписей на скалах нужно приступать как можно скорее, так как не только природа стирает эти драгоценные архивы, но и местное строительство капитальных сооружений, требуя огромного количества камня, немало способствует их исчезновению.

Издаваемые ниже надписи на стелах хранятся с 1932 г. в специально отстроенном павильоне в саду Минусинского музея. Они размещены там с таким расчетом, чтобы сохранить их от порчи и в то же время сделать доступными обозрению со всех сторон.

Известно, какую трудность представляет дешифровка, особенно енисейских надписей, отличающихся, по меткому определению С. Е. Малова, «ребусовидностью». Поэтому мое чтение я рассматриваю как первый шаг к раскрытию содержания этих документов. Надеюсь, что это будет способствовать привлечению внимания специалистов к издаваемой серии и тем заслужит себе оправдание.

Большинство издаваемых текстов—эпитафии. Поэтому печальные сентенции и восхваление подвигов покойных «героев», «витязей», «бегов» и «ханов» хакасского государства занимает в них большое место. Прием изложения даже этих формул своеобразен. Чаще всего текст идет от лица самого умершего. Однако такое изложение от первого лица перебивается повествованием стороннего рассказчика. Иногда в одной и той же надписи, чередуясь, говорят несколько лиц: сам покойник, его «спутник»—сотоварищ, может быть, член его дружины,—родственники, друзья, приближенные. Однако это не нарушает основной нити рассказа. Бросается также в глаза стремление избежать упоминаний о смерти. Вместо «умер» чаще говорят «удалился», «от своих отделился», «у своих не остался», «успокоился» и т. п.

Издаваемые ниже надписи составляют две группы. В одну входят пять надписей, собранных в Танну-Тувинской республике. Из них три—эпитафии (А, Б, Д). Две другие также выбиты на стелах, но, вероятно, являются частями надписей на пограничных столбах. Они сходны с наскальными надписями, изданными В. Радловым.

Особо стоит помещаемая первой надпись из Хакассии, с реки Абакана. Она имеет большое историческое значение, так как излагает крупнейшие события в истории кыргызов.

I. Стела с реки Абакана

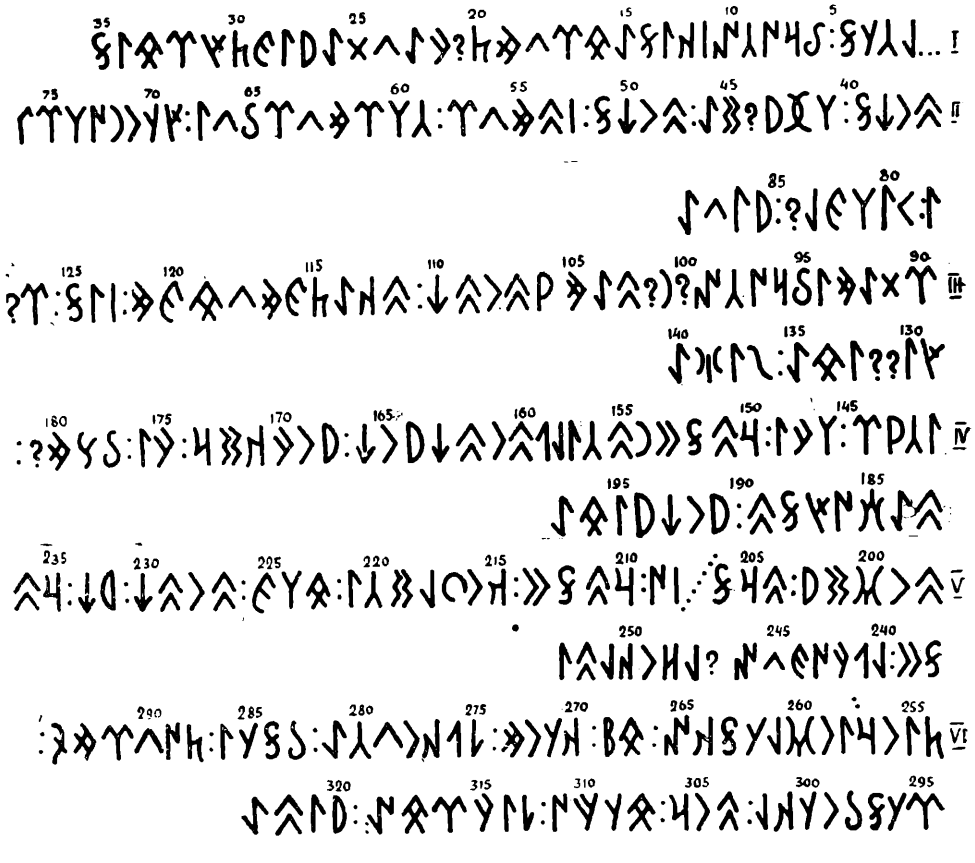
Представляет собой песчаниковую плиту высотой до 2,5 м, шириной в 70 см и толщиной в 22 см. Ее боковые грани тщательно заглажены. Надписи не совсем правильно идущими сверху вниз строками заполняют все четыре грани. Знаки выполнены широкими, неглубокими бороздами и не отличаются стройностью орхонского «устава».

На плоскости, принятой нами за лицевую, расположено шесть строк: на левой одна, на правой две и на задней стороне четыре, неполно сохранившиеся.

Стела эта еще в 1913 г. была перевезена в Минусинский музей. Она была обнаружена около юрт Тутатчиковых на левом берегу реки Абакана. в 2 км ниже улуса Покоякова. Стела лежала, еле выдаваясь своей задней стороной над поверхностью степи. Это, повидимому, и способствовало тому, что пострадала только задняя надпись, а все остальные сохранились весьма удовлетворительно. Около места нахождения стелы не было каких-либо различимых на глаз надмогильных сооружений. Занесена в опись каменных изваяний Минусинского музея под № 44.

Лицевая сторона

Текст

Транскрипция

I. . . . l čäŋäz bar (üč)ün asqyz [a] bäriš (d)im türk [a] šad [a] jyg tüšür biz

II. tokuz äl buju (r) di tokuz ašitmiš är ač äl ürmiš är baši šaŋun ölürti uilagiɨ . . . jyš [a].

III. ärdämi bar üčün . . . tutuk toqa täg im äš bäg im siz är (m)iš . . . . . syγy (tamiš).

IV. ič jär alki rtztntči (?) alp tutuk jokа (ti) juki qadγr aki basm (al) taγγ öküz at jok jibä.

V. toγdi aj turzu sü rtzt (?) qošuldγči bilgа tutuk jokа (ti) rtzt (?) alp kögšin . . . qγlti.

VI. äti ury oγuliŋ zqn (?) bük (ti) aqaŋum alp qošči bazi ŋ [i] tüšürmäz ärinŋiz büŋka tor (ür) baŋü alyk är (iŋ) bän jita (adyryldym).

Перевод

I. ... так как я имел Ченгез, Аскыз я воевал. Войско турецкого шада мы разбили [досл. «уронили»].

II. Девятью элями он [т. е. покойный Тölеш] управлял, девять его слушались. Глава эля Ач, герой, шангун умер. Плач... тайга!

III. Так как я был мужественным, был я тутук. Тока мой род. Спутник, бег мой, вы были... оплаканы.

IV. Правитель внутренней стороны... витязь, тутук исчез. Сон силен. Басмалы и Огузы два коня не послали (?).

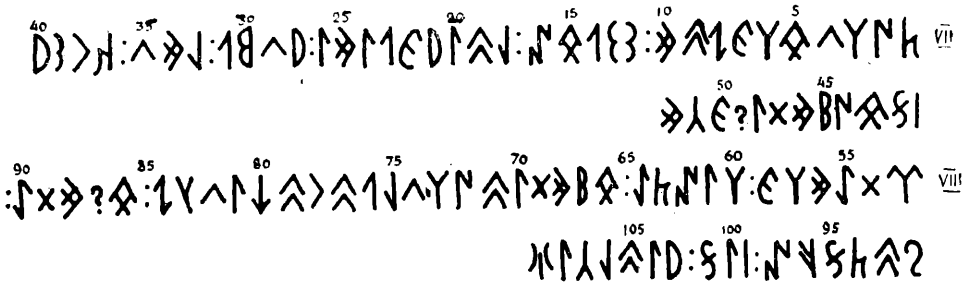
V. Взошел месяц. Пусть стоит войско... Присоединитель, мудрый тутук исчез... Витязь Көгшин... сделал.

VI. Его имущество у сына... осталось. Мой упокоившийся отец, витязь, присоединитель, ваши мужи горю [т. е. смерти] обтесали памятник—стремление героя [т. е. цель, к которой стремится герой].

Я от (вас отделился) [т. е. умер].

Правая сторона

Текст

Транскрипция

VII. tölᵃšᵃ bⁱlga ᵃtʸm ... bᵃn ᵃlty jagirmi jᵃšⁱ(m)kaɪ̯ ᵃlmⁱš kunčᵘj sⁱzᵃ bükmᵃdi(m) ... ᵃčⁱm.

VIII. ᵃrdäm ᵃlⁱg ᵃlin ᵃtᵃ bükmᵃdi(m) tolᵃš ᵃlp tutᵘk išⁱn[a] bᵘkmᵃdi(m) jⁱtᵃ tᵘzkᵘn sizᵃ jitᵃ alᵃčʸɣ.

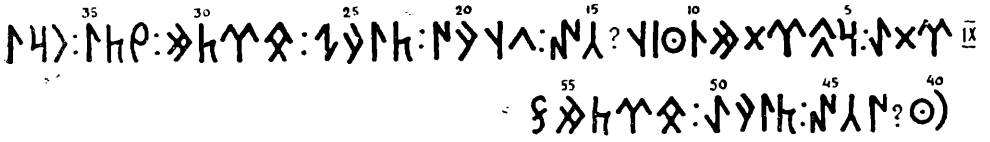
Перевод

VII. Тӧлеш мудрый мое имя... Я шестнадцати лет взят. Кунчуи, у вас я не остался, мои старшие братья (у вас я не остался).

VIII. Мужественная рука, эля отец я не остался. Тӧлеш, витязь тутук у друга я не остался. Днем от вас (я отделился) от кибиток (я отделился).

Левая сторона

Текст

Транскрипция

IX. ᵃrdä(m) ᵃrᵃ ᵃtʸ ᵃrdᵃmⁱŋ ᵃdᵃšʸŋ (ü)čᵘn ᵃsʸŋ kü(nyŋ) tika bᵃrtⁱm jᵃti. uryn ... üčᵘn tika bᵃrtⁱmʸz.

Перевод

IX. [Он был] мужественный между именем мужественных старших товарищей. Ради товарищей, семьи (его ради) я воздвиг. Семи сыновей [его]... ради мы воздвигли (этот памятник?).

Задняя сторона

Текст

Транскрипция

X. ... m syn[a].

XI. $^{a}r^{a}$[b]$^{\ddot{a}}$l b^{a}j $^{\ddot{a}}$mr^{u} s^{i}z.

XII. .... $^{\ddot{a}}$r(iŋ) t^{a}š.

XIII. .... üč$^{\ddot{u}}$s^{i} it^{i}(ŋiz).

Перевод

X. ... и надмогильный камень
XI. среди богатого эля вы спокойны
XII. ... героя камень
XIII. ... все три удалились.

ПРИМЕЧАНИЯ

I, 2—4. Ченгез—ср. W. Radloff, Uigurische Sprachendenkmäler, Leningrad, 1928, стр. 119. При распространенности тюркских географических названий не исключена возможность наличия в VII—VIII вв. на Енисее местности с тем же названием, что и отмеченная в уйгурском документе.

I, 11—14. Аскыз—тщательные поиски не дали мне никаких оснований транскрибировать иначе. Если, таким образом, моя огласовка правильна, то наш документ приобретает особое значение—в нем впервые для минусинских надписей встречается географическое название, сохранившееся до наших дней. Река Аскыз впадает в Абакан несколько выше места находки издаваемой стелы.

I, 20—35. Если мое чтение правильно, то мы имеем здесь указание на столкновение кыргызов с войском шада орхонских тюрок. (шад и ябгу—два ближайших сановника хана туг'ю, обычно его близкие родственники). Нам известны два похода орхонских тюрок на кыргызов. Первый, когда при хане Мочжо «через Көгменскую чернь (Саянский хребет)... вплоть до земли кыргызов» прошел 14—15-летний шад тардушей, будущий Бильге хан Могилян, впоследствии вспоминавший о том, что тогда «завели порядок в немногочисленном народе кыргызов» (повидимому, это было между 698—700 гг.)[1]. Второй поход состоялся в 711 г., когда все еще шад Могилян вместе с 26-летним братом Кюль-Тегином, «проложив дорогу через снег глубиною с копье и поднявшись в Көгменскую чернь.. разбили и обратили в бегство кыргызский народ. С их каганом мы сразились в черте Сунга... Кыргызского кагана мы убили и эль его покорили»[2]. Кроме этих походов орхонских войск на север, по надписи советника тюркских каганов Тоньюкука (с.-в. Монголия[3]) и по тексту так наз. «стелы Мессершмидта» (р. Уйбат в Хакассии[4]) известен поход на Енисей армии Эльтерес-кагана (умер между 690—693 гг.). Однако командовавший тогда Тоньюкук не был шадом.

Нельзя ли предположить, что стела, найденная около юрт Тутатчиковых, в надписи которой говорится как раз о войне с турецким шадом, была воздвигнута во время, близкое к этим единственно пока известным

[1] П. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, ЗВОРАО, т. XII, стр. 69.
[2] Там же, стр. 73.
[3] Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge, S. 24—29.
[4] Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei, Dritte Lieferung, S. 338—341.

походам шада орхонских тюрок на север, в Кыргызскую землю, в самом конце VII и в начале VIII в.? Следует обратить также внимание на близость по стилю нашей стелы к Уйбатской стеле Мессершмидта, поставленной, по мнению Радлова, орхонскому военачальнику эпохи Гутулу (Эльтерес) кагана орхонских тюрок туг'ю (682—693 гг.).

II, 6. Эль—В. В. Радлов едва ли прав, отождествляя эль с народом. Народ в орхонских и енисейских надписях передается термином «budun», «kara budun»—черный народ. Смысл термина эль хорошо раскрывается в одной из надписей, где говорится «мой рыцарский эль», т. е. аристократический род[1]. Однако понятие эль имеет как бы два объема. Иногда это—вся аристократия кыргызского союза в целом, возглавляемая каганом, нечто подобное «вечному элю» орхонских тюрок туг'ю (ср. «у моего эля, моего хана я не мог остаться» [2]. Чаще же это лишь эль данного «витязя», локальная группа знатных родственников (ср. «у моего живущего на земле эля тигра, у моих одаренных превосходством я не нахожусь»[3] или «мать эля Ынанчу-Билгэ, как увидела мужа среди трупов»[4]). О составе каждого местного эля знати можно только догадываться. Так, судя по надписи Уры-бега[5], наряду с пришедшими оплакать умершего витязями и бегами, его товарищами по походам, упоминаются пятьдесят витязей «лучших спутников» и «старшие и младшие родственники», т. е. родня и дружина—необходимая вооруженная сила, опора для осуществления владельческих прав.

II, 59. Ач—название кыргызского племени, или «народа Ач», жившего на левом берегу Енисея в современном Баградском районе Хакассии и к востоку и югу до реки Уйбат.

II, 69—72. Шангун—титул, обычно встречающийся в орхонских текстах при наименовании китайских военачальников или послов. Повидимому, был заимствован кыргызами для титулования собственной знати.

III, 97—100. Тутук—один из распространеннейших титулов кыргызской знати.

III, 119—120. Бег—беги—наиболее многочисленные представители кыргызской аристократии. Первоначально были родовыми старейшинами.

IV, 178—180. Басмалы—народ, живший на юго-запад от Енисея между кыргызами и карлуками, кочевавшими к югу от Балхаша.

IV, 186—188. Огузы—народ, живший по реке Толе в Монголии. Находят даже возможным идентифицировать огузов и туг'ю.

V, 215—221. Присоединитель—повидимому, почетное прозвище знатного человека, умножившего («присоединившего») зависимых от своего эля.

VII, 36—40. Кунчуи—женская половина, женские юрты, может быть, наложницы.

II. Тувинские стелы

Значительное количество этих стел, хранящихся в Минусинском музее, имеет одно происхождение. Все они были собраны в Танну-Туве А. В. Адриановым во время его последнего археологического путешествия за Саяны в 1915 г. На плотах, шедших вниз по Енисею с факторий Сафьяновых, каменные изваяния и стелы с надписями были доставлены в Минусинск. На каждой имеется номер, выполненный коричневатой краской. Однако розыски до сих пор не обнаружили описи к этим номерам. Поэтому точная

[1] Die Alttürkischen Inschiften der Mongolei, Dritte Lieferung, S. 335.
[2] Ibid., S. 341.
[3] Ibid., S. 333.
[4] Ibid., S. 329.
[5] Ibid., S. 330.

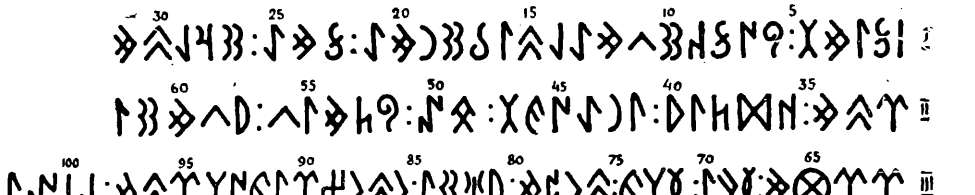
паспортизация неизданных стел, кроме самого общего установления их происхождения из Танну-Тувы, пока невозможна.

А

Стела представляет собой четырехгранный песчаниковый столб высотой 3,7 м, шириной на уровне земли 0,7 м, вверху 0,45 м и толщиной 0,23 м. Сверху столб несколько заострен косым сколом. На одной из широких граней, принимаемой мною за лицевую, руническая надпись в 3 вертикальные строки. Под ними дугообразная с опущенными вниз концами линия, к середине которой сверху примыкает крест. Подобная тамга неоднократно встречена на камнях приенисейских степей. На правой узкой грани стелы также имеется руническая надпись в одну строку. В описи Минусинского музея занесена под № 22.

Лицевая сторона

Текст

Транскрипция

I. s^{i}zima jüz k^{a}d^{a}š^{i}m [a] ^{a}lty b^{u}d^{u}n^{y}ma (s)^{i}z^{i}ma ^{a}d^{y}r^{y}lt^{y}m.

II. ^{ā}r ^{a}t^{y}m ^{a}k baz t^{ā}k^{a} inä ögä b^{ā}n j^{a}tmyš j^{a}š^{i}mda.

III. ^{ā}r ^{ā}rd^{ā}m b^{ā}k [i] b^{i}lg^{a} toγm^{a} j^{y}γd^{i}(m) otuz ^{ā}rig ölürt^{y}m ^{a}l^{y}s^{i}ni (?).

Перевод

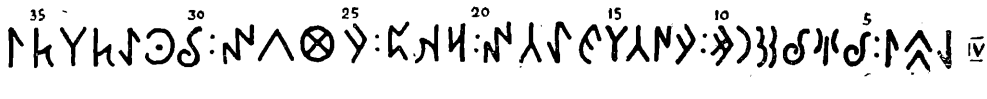
I. От вас, сто моих спутников, от вас, шесть (родов?) моего народа, я отделен.

II. Мое геройское имя Ак-баз Тека Ина мудрый, я в семидесятый мой год,

III. герой мужественный, бег мудрый Тогма погиб (?) тридцать человек я убил, побор (взял?).

Правая грань

Текст

Транскрипция

IV. ^{a}lty b^{a}γ b^{u}d^{u}n^{y}m kučl^{u}g äč^{i}n (?) ^{a}rt^{y}γ ^{ā}k^{i}d^{a} t^{a}š^{i}n b^{a}d ätl^{ā}ty (m?).

Перевод

IV. Шесть родов—мой сильный народ (и мой?) старший брат (?) могучий два больших камня поставили.

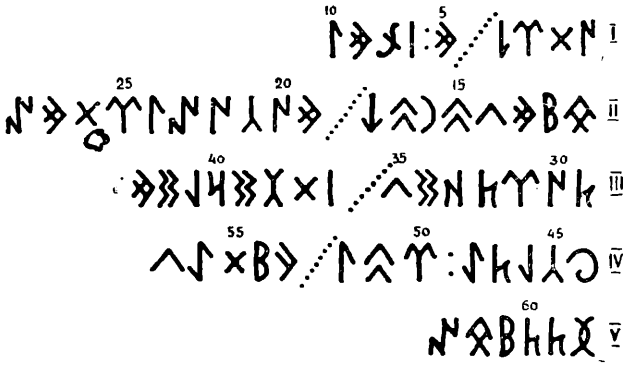
ПРИМЕЧАНИЕ

IV, 17—20 транскрибируется мною ači, потому что иной вариант ačin не только противоречит строю фразы, но и устанавливаемой для народа Ач локализации в бассейне Июсов и Уйбата в Хакассии, а не в Туве. Знак остается пока для меня непонятным, возможно, что он здесь служит разделителем.

Б

Надпись нанесена на массивную необработанную плиту неправильной формы. Плита расколота на две неравные части. Общая высота плиты 2,15 м, ширина вверху 0,9 м, внизу 0,25 м, толщина до 0,2 м. На одной из плоских широких сторон высечены 5 строк рун, идущих по камню наискось, изогнутыми линиями. Большая часть надписи находится на крупном обломке. Камень занесен в опись Минусинского музея под № 42 и 42а.

Текст

Транскрипция

I. öd^{ü}r^{u}l ... m s^{i}z^{i}ma.
II. b^{ü}km^{i}š tut^{u}k ... m üčün ärd^{ä}m^{i}n.
III. tört k^{a}d^{a}š ... sd ^{a}d^{y}r^{y}ld^{y}m.
IV. b^{a}č^{a} ata ^{ä}r ^{a}t^{y} ... k k^{a}daš.
V. b^{i}t^{i}t^{u}k b^{ä}n.

Перевод

I. Я был избран, от вас
II. мешкав, я тутук... из-за своего превосходства
III. (от) четырех спутников... я отделился
IV. Бача-Ата героя имя... спутник
V. Пишущий я.

В

Надпись нанесена на узкую грань четырехгранного столба из песчаника. Он неправильной формы, с неровными краями, с заостренными, необработанными концами. Высота камня 0,9 м, ширина узких граней 0,17 м, широких 0,22 м. Знаки вырезаны небрежно одной вертикально идущей строкой на одной из узких граней камня. Он занесен в опись Минусинского музея под № 39.

Текст

Транскрипция

k(an) (k)üč kij ᵃr jʸčᵃ ᵃlᵘš.

Перевод

К(ан) (К)уч-Кый герой и (?) захватил

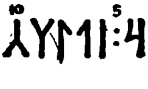
ПРИМЕЧАНИЕ

Обращает на себя внимание близость Куч-Кый и Куч-Кый-аган—имени Ичреки, эпитафия которого была найдена в свое время в Туве на Улу Кеме около местности Оттук-таш[1].

Г

Эта надпись нанесена также на четырехугольный песчаниковый столб неправильной формы. В нижней части одной из широких сторон различаются 2 вертикально идущие строки сильно стертых знаков. Я мог установить значки только одной из них. Памятник этот занесен в опись Минусинского музея под № 41.

Текст

Транскрипция

Kᵃn Čᵘr sp(?) älčⁱ.

Перевод

Хан Чур ..... владелец

Д

Памятник представляет собой четырехгранный массивный столб красного песчаника. Он расколот вдоль на 2 части. Высота его 1,65 м. На одной из широких сторон ясными знаками в 4 вертикальные строки вырезана надпись и под ней рисунок—тамга в виде птичьей лапы. Линия раскола приходится так, что на одном обломке остаются 2 строки и рисунок, а на другом (№ 36а) две другие строки и конец второй строки первого обломка.

Надпись эта записана в Минусинском музее под № 36.

[1] W. Radloff, Die Alttürkischen Inschriften, Dritte Lieferung, 1895, S. 307.

Текст

Транскрипция

I. ^{a}m(g)^{ā}k ^{a}n^{y} k^{o}r^{ÿ}g b^{ä}n s^{i}z^{i}mä k^{a}d^{a}š^{y}mä s^{i}z^{i}(m)a oγ^{i}l^{a}n^{y}ma b^{ā}(n)^{y}č j^{y}l .

II. [b]^{ā}l^{i}m(k)^{a} k^{a}n^{y}ma s^{i}(z)^{i}ma ^{ā}r ^{ā}rd^{a}m^{y}n t^{o}k^{u}z oγ^{u}(z)d^{y}m^{a} d^{y}ma (повт. оконч.) j^{ā}m^{a} s^{i}z^{i}(m)ä .

III. j^{a}ty ^{a}č b^{a}š^{y}ma s^{i}z^{i}(m)ä b(än) š^{a}(d)^{y}m(k)^{a} s^{i}z^{i}(m)ä.

IV. b^{ā}(g)^{i}m^{ā} $^{a}\gamma^{y}$š^{i}n(k)a ^{a}lty ^{ā}r^{i}(n) b^{o}l(dym) b^{a}r(d)^{y}m.

Перевод

I. Из-за того страдания [т. е. вследствие смерти] я от вас, моих товарищей, от вас, моих огланов, я три года

II. от моего эля, от моего хана, от вас, мужественных людей, от моих Токуз-Огузов, от всех вас

III. семи друзей моей славы, от вас я от моего шада, от вас

IV. моих бегов (с) имуществом, (с) шестью людьми я был удален.

ПРИМЕЧАНИЕ

Этот памятник выдержан в особо традиционном стиле древнетюркских эпитафий. Повидимому, посвящен представителю орхонской аристократии, павшему далеко от своих Токуз-Огузов, живших к северо-востоку от р. Орхона в бассейне Селенги. Это подтверждается термином шад, обычным именно в орхонской эпиграфике. Обращает внимание выражение IV строки «с имуществом, с шестью людьми я был удален». Не указание ли это на насильственные похороны вместе с господином шести его слуг?

I, 24—30. Оглан—в рассматриваемое время, повидимому, член дружины.

ДРЕВНЕЙШАЯ СОГДИЙСКАЯ НАДПИСЬ

Проф. А. А. Фрейман

В статье (ВДИ № 3 (4), «К имени согдийского ихшида Гурека», пишущим эти строки было обращено внимание на согдийскую надпись на обломке глиняного сосуда, найденном в 1937 г. Г. В. Григорьевым во время его раскопок в Тали-Барзу, в слое, относящемся к I в. до н. э. Там же было дано обещание издать, с разрешения Г. В. Григорьева, эту надпись в одном из ближайших номеров ВДИ. Это обещание, с некоторым опозданием не по вине редакции ВДИ, в настоящее время и выполняется.

Приложенная к статье фотография изображает этот обломок сосуда в несколько уменьшенном размере. Надпись на обломке выцарапана острым орудием, резцом, довольно старательно. Характер отдельных букв (не соединяющихся еще друг с другом), их положение и отношение соответствуют, по всем данным, нашим представлениям о согдийском алфавите времени слоя находки. Палеографические и археологические данные поддерживают здесь друг друга. Шрифт нашей надписи близок к шрифту старых согдийских писем, найденных Аурелем Стейном в сторожевой башне у китайской стены и изданных Рейхельтом[1], но несколько древнее последнего, как и следовало ожидать. Первая буква (*r*) выполнена, по-видимому, вопреки существовавшим в то время образцам, неудачно. Точка пересечения (встречи) обеих линий должна была пройти выше, и верхний край вертикальной (кривой) линии—правее, приблизительно так: У. Пятая буква (*n*) представляет более старый тип и ближе напоминает соответственный парфянский знак. Через последнюю букву проходит линия излома, но бо́льшая, как кажется, часть этой буквы (*t*) сохранилась.

Все слово состоит из шести букв, читается *r'm'nt* и значит по-согдийски «всегда, постоянно». Оно, подобно многочисленным аналогичным надписям у других народов, имело магическое значение и должно было содействовать п о с т о я н н о й полноте данного сосуда.

Такую точно цель преследовала такая же короткая согдийская, относящаяся ко времени значительно более позднему, надпись на ручке небольшого обломка сосуда (кружки?), добытого во время раскопок 1938 г. в Киргизии под руководством А. Бернштама. На этом обломке можно прочесть написанное согдийскими буквами *pwn*, т. е. *pun*. Это слово поягнобски (новосогдийски) значит «полный». Классическая согдийская форма этого слова писалась *pwrn* и произносилась *purn*. Поздняя орфография данного слова, отражающая уже согдийский язык и орфографию

[1] Hans Reichelt, Die soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums, II. Teil, —Die Nicht-Buddhistischen Texte, Heidelberg, 1931.

послеклассического периода, свидетельствует, что данная надпись и сосуд относятся ко времени более позднему, чем классическая согдийская

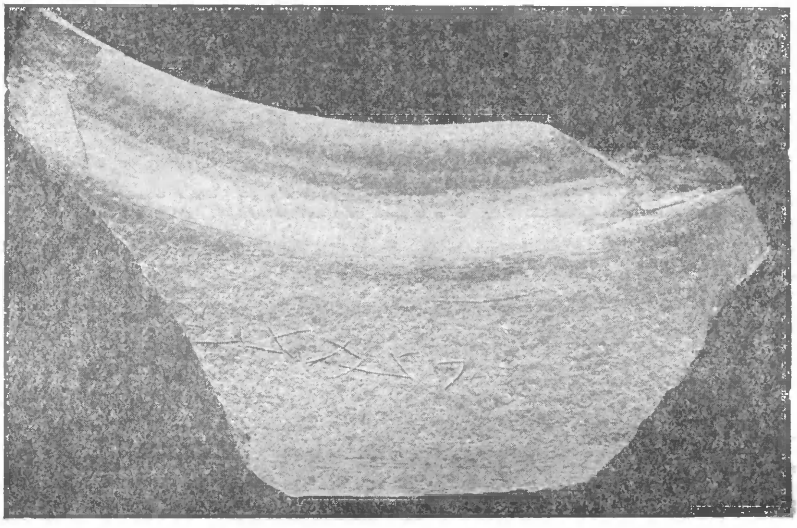

Рис. 1.

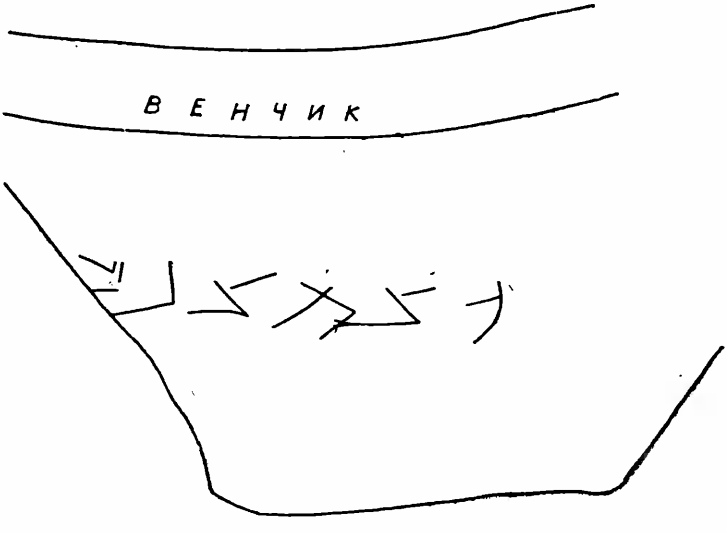

Рис. 2.

письменность (VIII в. н. э.). Назначение надписи то же, что и на нашем обломке,—выражение пожелания: «да будет полным сей сосуд!»!

ОТРЫВОК ИЗ НЕИЗВЕСТНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОСТАНА

М. А. Шангин

Остан—один из числа полузабытых писателей античности. Некоторые специалисты считают его даже апокрифической личностью, хотя, по Плинию (N. H., XXX, 2), Остан—ученый перс времени Ксеркса. Несомненно, однакоже, что под именем Остана существовала значительная литература, которой Плиний придает большое значение в развитии греческой мысли. Кроме Плиния, об Остане упоминают Апулей (Apol., 32), Тертуллиан (Ап., 57), Татиан (Contra graecos, 56). Этими данными почти исчерпывались свидетельства древних об Остане.

В соответствии с такой скудостью данных имя Остана в ученой литературе упоминается редко (Gruppe, Griech. Mythologie; Windischmann, Zoroastr. Stud.; Wessely, Ephes. gramm., 4; Maspero, Proceed. Soc. bibl. archaeology, XX (1898), p. 140; Reitzenstein, Neue phil. Ihb., XIII (1904), p. 109 и особенно J. Bidez et Fr. Cumont, Les Mages hellénisés: Zoroastre, Ostanès et Hystaspe, I—II, Paris, 1938).

С появлением в свет «Catalogue des mss. alchimiques grecs I—VIII» наука узнала, что Остан, действительно, занимает видное место как в истории других знаний, так и в истории химии.

Греческий кодекс Московского исторического музея № 238, ff. 115—120 (см. также «Catal. codd. astrol. graec.», XII, p. 81) содержит неопубликованное сочинение ученого византийца Никифора Григоры (1295—1359): Περὶ τοῦ ἑπτὰ ἀριθμοῦ ὅτι πολλαχόθεν ἔχει τὸ σεβάσμιον. Григора, исходящий в некоторых частях своего интересного сочинения из Остана, в одном месте (ff. 118—119) прямо ссылается на этого автора по поводу семикратного космического ритма, подтверждаемого у Остана семикратным ритмом приливов и отливов океана.

Приводим этот новый фрагмент из Остана в изложении Григоры:

1 Ἔτι καὶ Ὡσθανὴς αὐτὸς τῷ ἑπταδικῷ τούτῳ ἀριθμῷ κατὰ τὰς πλημμυρίδας καὶ ἀμπώτιδας ἕπεται· καὶ τοῦτο δῆλον μάλιστα ναύταις ἐστὶ τοῖς προσοικοῦσι ταῖς Ἡρακλέους στήλαις ἑκατέρωθεν περὶ τὸν τῶν Γαδείρων πορθμόν· Λίβυσί τε καὶ Ἴβηρσι, προωθούμενον βλέπουσι ἔνδοθεν ἐκ τοῦ Ὠκεανείου καὶ
5 Ἀτλαντικοῦ πελάγους πρὸς τὴν ἔξω καὶ ἡμετέραν θάλασσαν ταύτην.

1. ὠκθανὴς cod. 1—2. πλημυριάδας καὶ ἀμπώτιδας cod. 2. ναυτῶν cod. 2—3. προσηκοῦσι cod. 4. βλέποντες cod.

«Сверх того, сам Остан измеряет этим семикратным числом приливы и отливы: и ясно это особенно морякам, живущим при Геракловых столбах вокруг Гадарского пролива, именно ливийцам и иберийцам, которые наблюдают проникающую волну пролива из недр океанической и атлантической водной стихии в это внешнее ей и притом наше море».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Э. Б. ТЭЙЛОР. Первобытная культура. Перевод с английского под редакцией, с предисловием и примечаниями проф. В. К. Никольского. Соцэкгиз, Москва, 1939 г., 566 стр., тираж 28 000, цена 12 руб.

В истории общественной мысли XIX в. Эдуард Тэйлор занимает почетное место. Он первый поставил изучение религии на твердую почву фактов, показав возникновение и развитие политеистических и монотеистических идей из анимистических воззрений первобытного дикаря. Он пытался дать научную характеристику примитивного мышления и верований, изучив, рассмотрев и проанализировав многообразные формы анимистических представлений; с фактами в руках Тэйлор отстаивал теорию прогресса, с фактами в руках он опрокинул идею деградации и регресса отсталых народов, он убедительно защищал теорию единства человеческого рода и идею единства человеческого мышления, начиная от самых примитивных племен и до современного европейца. Смешно было бы превращать Тэйлора в марксиста, искать у него материалистические взгляды на общество или диалектическое понимание процессов развития. Ни один советский читатель не подпишется под его рассуждениями о причинах исторического прогресса, не согласится с его объяснением возникновения анимистических идей. Однако труды Тэйлора в такой степени насыщены фактическим материалом, меткими сопоставлениями, глубокими наблюдениями, с таким остроумием и проницательностью в них показаны пережитки грубейших суеверий в капиталистической цивилизации, с таким мастерством выведены «священные» образы высших религий из нелепых заблуждений дикаря, что многие страницы его трудов до сих пор не потеряли научной и политической актуальности. В своей «Первобытной культуре» Тэйлор собрал и исследовал огромное количество фактов, характеризующих мировоззрение и идеологию первобытного человека. Религиозные представления, мифология, обряды и церемонии, язык получили в его труде разностороннее освещение. Фактический материал, которым оперирует Тэйлор, поистине огромен. Он собирался десятилетиями напряженного труда. Тут и донесения путешественников XVI—XVIII вв., сообщения этнографов XIX в., античные и христианские писатели, средневековые хроники и многое другое. Все это использовано как источник для показа единства человеческой психики, для демонстрации окаменелых пережитков старины, для обоснования теории прогресса общества на пути от дикого состояния к цивилизации.

Характеристика первобытной религии, которую дал Тэйлор, до сих пор сохраняет свое научное значение. По мнению Тэйлора, в основе первобытной религии лежит вера в духов (анимизм), составляющая универсальную систему представлений первобытного человека и лежащая в основе всех так наз. «высших религий». Можно не соглашаться с Тэйлором в его объяснении происхождения анимизма, можно оспаривать тэйлоровский взгляд на анимизм как на самые первые религиозные представления человека, можно, наконец, иначе трактовать содержание ранних форм анимизма, но нельзя сомневаться в том, что анимизм—универсальная форма религии родового общества, что именно из анимизма выросли все религиозные и древние философские идеалистические системы, что нет религии без анимизма, что, наконец, не кто иной как Тэйлор блестяще обосновал и развил эти положения и что

поэтому его «Первобытная культура» и поныне сохраняет свое научное значение и стоит выше большинства работ по истории религии, вышедших из-под пера буржуазных писателей. Наконец, в «Первобытной культуре» Тэйлор выступает создателем новой мифологической школы, так наз. антропологической школы, которая сокрушила теорию Макса Мюллера с ее надуманными астральными истолкованиями мифов. Если учесть еще, что труды Тэйлора знаменуют целый этап в развитии прогрессивного течения буржуазной мысли, целую главу в истории науки, что, следовательно, Тэйлор является *классиком*, знакомство с которым необходимо для широких кругов советской интеллигенции, то нужно признать, что Соцэкгиз вполне своевременно приступил к переизданию его трудов.

К сожалению, в рецензируемом объемистом, прекрасно изданном и оформленном томе, озаглавленном «Первобытная культура», читатель не найдет приобревшего всемирную известность труда Тэйлора, выдержавшего под тем же названием несколько английских и два русских издания (1873 и 1897 гг.).

Под общим заголовком «Первобытная культура» Соцэкгизом издана произвольная и неорганичная смесь из двух трудов Тэйлора: «Первобытная культура» и «Антропология». Сама идея соединения «Первобытной культуры» с «Антропологией» кажется нам малоудачной. «Первобытная культура»—классическое и научное исследование, до сих пор сохранившее свое значение; «Антропология»—труд, ставивший своей задачей популяризацию знаний, труд к тому же *безнадежно и целиком устаревший*. Поэтому соединение их в одну книгу едва ли целесообразно. К сожалению, в рецензируемом издании это соединение проделано весьма топорно: редактор издания не счел нужным ни одно из этих произведений дать в полном виде и в композиции самого автора. Совершенно произвольно редактор соединил семь глав «Антропологии» (гл. V—XI рецензируемого издания) с пятнадцатью главами «Первобытной культуры» (гл. I—IV, XII—XXII рецензируемого издания), не указав, откуда взята какая глава, скрыв[1] также от читателя, что из подлинной «Первобытной культуры» им опущены четыре главы и авторское предисловие (гл. V—VI—Эмоциональный и имитативный язык, гл. VII—Искусство счисления, гл. XIX—Заключение). Не счел нужным редактор оговорить, что архитектоника издания целиком принадлежит ему, а не Тэйлору, и что главы скомпанованы в соответствии со взглядами редактора, а не автора. Например, в изданной Соцэкгизом «Первобытной культуре» не оказалось ни одной строчки, посвященной языку первобытного человека, которому в «Первобытной культуре» Тэйлора уделено много места. Редактор не счел необходимым оговорить, какая именно «часть устарелых рассуждений и фактов (!) опущена». (Предисловие редактора, стр. XXX.) Оставив на совести редактора столь странное понятие, как «устаревшие факты», отметим, однако, что для истории науки никакие рассуждения не могут устареть. Тэйлора, так же как Демокрита и Анаксагора, Канта и Гегеля, Гельвеция и Гольбаха, приходится брать таким, каким он был. Выбрасывать «устаревшие», т. е., очевидно, не соответствующие нашему мировоззрению, рассуждения—значит проявить полнейшее неуважение к истории и культуре.

Количество купюр столь велико, и они столь пространны и произвольны, что рецензируемое издание местами больше напоминает хрестоматию из Тэйлора, чем переиздание его трудов.

Беда еще, однако, в том, что редактор воспользовался неоговоренными купюрами для того, чтобы выбросить из текста трудные для понимания или для перевода места. Вот один—впрочем, крайне показательный—пример. На стр. 269 рецензируемого издания Тэйлор весьма пространно, не в очень четких выражениях, но достаточно вразумительно высказывает мысль о том, что невозможно построить какую-либо логическую классификацию первобытных понятий о душе. Все теологические классификации духов и душ кажутся ему несовместимыми с научным мышлением. «Достаточно будет

[1] В предисловии (стр. XXIX) значится: «В настоящем издании помещена именно та часть трудов Тейлора, которая поныне сохранила свое значение, т. е. „Первобытная культура“ и семь глав из „Антропологии“».

указать,—говорит Тэйлор,—что подобные умозрения восходят до (перевод!—*А. З.*) первобытного состояния и что в них встречается многое, что по своему научному значению не уступает представлениям, пользующимся большим уважением и в области высокой культуры» (стр. 269). На этом месте В. К. Никольский обрывает Тэйлора, опуская без всяких оговорок не менее полустраницы подлинного текста, но зато снабжает текст следующим примечанием: «Это замечание является очередным реверансом половинчатого антиклерикала перед религией. На самом же деле одинаково *антинаучны* и «подобные умозрения» и религиозные представления, «пользующиеся большим уважением и в области более высокой культуры» (стр. 269, прим. 5).

Выговор строгий—что и говорить. Однако посмотрим, в чем собственно провинился Тэйлор. Та же цитата в нормальном переводе и в неурезанном виде выглядит следующим образом: «Достаточно будет указать, что подобные умозрения (т. е. теологические классификации душ.—*А. З.*) восходят к первобытному состоянию рода человеческого, где занимают положение, полностью сравнимое по своей научной ценности (scientific value) с представлениями, снискавшими себе уважение и в области высокой культуры. Было бы трудно выдержать подобную классификацию на сколько-нибудь прочном логическом базисе» и т. д. Не будем приводить всего дальнейшего текста, ибо первая же опущенная редактором фраза разъясняет мысль Тэйлора, мотивирующего невозможность научной классификации религиозных понятий типа «дух», «душа», «жизнь» и т. д. Поэтому Тэйлор и не классифицирует их, считая, что «подробности относительно действия и характера духов, душ и провидений сами по себе определят точный смысл, в которых эти слова употребляются» («Primitive Culture», L., 1871, I, 393). Мысль Тэйлора ясна: все теологические классификации духов и душ восходят к самому первобытному состоянию человечества, т. е. научно несостоятельны и не могут быть выражены в логических категориях. Примитивные классификации имеют не меньшую научную ценность, чем многие представления, свойственные людям высокой культуры, но... и тут начинается нечто, редактору издания решительно непонятное,—это говорит не столько *за* религиозные классификации, сколько *против* представлений, «снискавших себе уважение» в области «высокой культуры». Scientific value—звучит в изложении Тэйлора слегка иронически, ибо это совсем не «реверанс половинчатого антиклерикала перед религией», а очень осторожная позитивистическая критика косности и предрассудков «высокой культуры».

Очевидно, редактор не вполне понял комментируемый им текст, совершенно напрасно выбросил целый абзац и уже, конечно, невпопад обрушился на Тэйлора в своем примечании. Досадно, что этот пример далеко не единичен. Досадно также, что редактор не только не стремился как можно точнее передать своеобразную, столь характерную для английского позитивизма терминологию Тэйлора, но совершенно сознательно модернизировал ее. Вместо «цивилизация» он проставил всюду «культура», вместо «дикие расы»—«первобытное состояние» и т. д., что в ряде мест повело к искажению и извращению мысли Тэйлора.

Совершенно напрасно редактор вынес примечания, находившиеся у Тэйлора под страницей, в конец книги, затруднив, таким образом, пользование ими. Жаль, что к изданию «Первобытной культуры» не приложены не появившиеся в русском переводе позднейшие статьи Тэйлора в защиту анимизма, по вопросам социальных отношений и материальной культуры, которые в гораздо большей степени сохранили свое значение, чем совершенно устаревшие главы из «Антропологии».

Не служит к украшению рецензируемого издания предисловие В. К. Никольского. Его первая часть «Начатки науки о первобытном обществе и его культуре», имеющая своей задачей познакомить читателя с состоянием науки о первобытности до Тэйлора, совершенно не достигает цели. На 12 страницах перед читателем проносится целый калейдоскоп беспорядочно нагроможденных имен, из числа которых добрая половина никакого значения в истории науки о первобытности не имеет (таковы, например, заслуженно забытые Мопертюи, Дампье, Ташар, Галлинео). Зато отсутствуют Лаонтан, Добрицхофер, Крашенинников, Миллар, Притчард, на труды которых Тэйлор по-

стоянно ссылается, и ряд других путешественников и писателей, действительно оказавших глубокое влияние на развитие науки.

Чрезвычайно неприятное впечатление производит заявление В. К. Никольского, что «археология—вспомогательная дисциплина» (стр. IV). Легенда о том, что археология не наука, а «вспомогательная дисциплина», настолько полно разоблачена в нашей литературе, что, читая подобные заявления, можно только удивляться. Второй раздел предисловия—«Жизнь и деятельность Тэйлора»—еще слабее первого. Весь этот отдел читателю ничего не дает по сравнению с известной работой Д. Н. Анучина «Э. Б. Тэйлор» («Русск. антрополог. журнал», 1916, 3/4). Автор предисловия, повидимому, незнаком с объемистой монографией R. Marett, Tylor (London, 1936), из которой можно почерпнуть немало новых сведений о жизни и деятельности Тэйлора. В третьей части предисловия, претенциозно озаглавленной «Живое и отжившее у Тэйлора», автор поставил своей задачей показать место Тэйлора в истории науки о первобытном обществе. Но В. К. Никольский склонен иной раз оценивать взгляды Тэйлора с точки зрения сегодняшнего дня. Он упрекает его в «явной поповщине» (стр. XXIV), после чего остается непонятным, почему же—как заявляет сам В. К. Никольский—богословская апологетика резко отрицательно относится к Тэйлору (стр. XXVI).

Заблуждается В. К. Никольский, утверждая, что «Тэйлор *даже после* работ Л. Моргана оставался в плену патриархальной теории» (стр. XX) и что «та часть литературного наследства, которая относится к происхождению общества и развитию общественного строя, ныне потеряла всякое значение» (стр. XXI). Целую страницу заполняет В. К. Никольский обличением Тэйлора в приверженности к патриархальной теории, ссылаясь в качестве доказательства на статью Тэйлора от 1873 г. Между тем, основная работа Моргана «Древнее общество» вышла в 1877 г. Поэтому цитаты из статьи Тэйлора от 1873 г. едва ли убедят кого-либо в том, что Тэйлор не отказался от патриархальной теории и *после* работ Моргана. Читатель, вероятно, удивится, узнав также, что много лет спустя, в 1889 г., Тэйлор издал нашумевшую работу «О методе исследования развития институтов» («Journal of the Royal Anthropolog. Inst.», 1888, XVIII, 245—272), переведенную, кстати сказать, на русский язык («Этн. обозрение», 1890, кн. V, стр. 2—31), в которой он категорически высказался *за* матриархальную теорию. Более того, в 1896 г. он опубликовал статью «The Matriarchal Family System» («Nineteenth Century», XL, 1896, 81—96), принадлежащую к числу самых замечательных исследований проблемы матриархата. До сих пор эта работа не потеряла научного значения и заслуженно рассматривается как классическая. И, конечно, не случайно, современные представители патриархальной теории (например, Лоуи) обрушивают свою критику именно на этот труд Тэйлора. Было бы полезно для наших читателей, если бы эти напечатанные в малодоступных изданиях статьи Тэйлора в качестве приложения были даны к русскому переводу. К сожалению, вместо этого редактор предпочел нагромоздить целую страницу рассуждений о приверженности Тэйлора к патриархальной теории, не только расписавшись в своем незнакомстве с предметом, но и совершенно дезориентировав читателя.

Чрезвычайно досадно, что к книге не приложен список трудов Тэйлора и указаний на литературу о нем, что отнюдь не безынтересно для читателя. Мало пользы приносят примечания к тексту, совершенно случайно подобранные, а подчас и ненаучно составленные. Так, в примечании на стр. 33 выдается за непреложную истину нелепая гипотеза Мэкмилана Броуна о «геологической катастрофе» и «варварской деспотии» на о. Пасхи. Неизвестно, почему корробори—«тотемическое празднество» (стр. 128). Всякая пляска, отнюдь даже не тотемическая, называется в Австралии корробори. Совершенно отсутствуют примечания к главе V (заимствованной из «Антропологии»), где буквально каждая вторая фраза устарела, и следовательно, как раз и требует комментариев. Поистине удивительны некоторые подписи под рисунками. Например, на стр. 110, рис. 29 подписан: «Соколиная охота с загоном у индейцев-ирокезов». Разумеется, никогда никакой соколиной охоты у ирокезов не было и быть не могло. Ничего похожего на соколиную охоту на рисунке нет, там просто изображена загонная

охота на оленей. Возможно, что в немецкой книге, откуда заимствован рисунок, вместо «Fallenjagd» (охота с ловушками) напечатано по ошибке «Falkenjagd» (соколиная охота). Но ведь редактор должен был подумать и о содержании рисунка. На стр. 113 мы находим не менее таинственную подпись: «Откидной(?) гарпун эскимосов». На стр. 225 (рис. 87) таитянский бог Тангароа приписан новозеландцам. На стр. 239, под рис. 88, представляющим, очевидно, какую-то средневековую фреску, лаконично значится: «Дикая охота»—без всяких пояснений. Особенно «оригинальна» подпись на стр. 96 под рис. 16: «Каменный топор, просверленный для *орукояченья*» (!).

В результате приходится прийти к заключению, что хотя и в настоящем весьма несовершенном виде переиздание Тэйлора вследствие обилия содержащегося в этой книге фактического материала по первобытной религии принесет несомненную пользу и может быть использована как для самообразования, так и для вузов, все же советский читатель вправе требовать от Соцэкгиза более культурного переиздания классиков.

А. Золотарев

Н. А. МАШКИН, История древнего Рима (Краткое пособие к университетскому курсу). Издание Заочного отделения МИФЛИ, Москва, 1939, 111 стр.

Несмотря на то, что за последние годы у нас выходили пособия по древней истории для вузов («История древнего мира», ГАИМК, т. I; «Древний Восток», т. II; «Древняя Греция»; В. С. Сергеев, Очерки по истории древнего Рима), отнюдь нельзя сказать, чтобы не было нужды в новых работах в этой области. Прежде всего нужно отметить, что отсутствуют еще хорошие учебники для вузов по тому или иному разделу истории древнего мира, которые давали бы в живом, но строго научном изложении необходимый материал студентам исторических факультетов. Очень важно было бы иметь и несколько курсов более специального характера, которые позволяли бы читателю ориентироваться в проблемах истории отдельных стран или периодов, знакомили бы его с постановкой и решением этих проблем в современной историографии, с состоянием разработки источников, например по истории отдельных стран древнего Востока, по крито-микенской эпохе, по истории эллинизма, отдельных эпох римской империи и т. п.

С другой стороны, необходимы краткие обзоры, которые излагали бы ход событий, давали бы их освещение, позволяли бы проследить основные линии исторического развития, помогали бы усвоить более обширные труды. Рецензируемая работа и является пособием именно такого рода. Вышедшие в этом году «Очерки по истории древнего Рима» В. С. Сергеева не являются учебником. Написанные живо и с использованием разнообразного материала «Очерки», если не говорить о других их особенностях, слишком обширны и для студентов I курса в полном объеме трудны. Сжатый обзор римской истории, какой дан в работе Н. А. Машкина, не заменяя собой более полных пособий, должен помочь понять главное в развитии римского общества, уточнить отдельные моменты этого развития.

В небольшой книге объемом в 7 печ. листов дан обзор всей римской истории от основания Рима до падения Римской империи включительно. Понятно, что автору приходилось быть очень скупым в своем изложении и жертвовать многими подробностями. Работа представляет собой краткий очерк социально-экономической и политической истории древнего Рима и, несомненно, удовлетворяет тем требованиям, которые должны быть предъявлены к такому очерку. Автор владеет знанием первоисточников, хорошо знаком с литературой предмета и дает в своей работе вполне доброкачественный в научном отношении материал. Особенно удачным является изложение истории императорской эпохи. В работе мы находим яркие характеристики

отдельных периодов Римской империи: принципата Августа, империи II в., III в., поздней империи; в этих сжатых характеристиках отмечены специфические черты экономики, классовой борьбы, политического устройства и внешней политики каждого периода. Автор обладает уменьем собрать наиболее важные и характерные факты и дать им правильное освещение. Отчетливо сгруппирован конкретный материал, подтверждающий мысль о ведущей роли рабского труда в древнем Риме: читатель получает представление о положении рабов в различные периоды римской истории, способах их эксплоатации, формах их борьбы против эксплоататоров.

В целом очерк, несмотря на сжатость, не страдает социологичностью, схематизмом: в нем использован и приведен в систему большой конкретный исторический материал. В некоторых отношениях, однако, изложение следовало бы пополнить. Очень важно было бы дать краткий обзор источников, так как без такого обзора не может сложиться достаточно правильное представление об истории, например, ранней республики; необходимо было дать хотя бы некоторое понятие о римской анналистике и вообще о тех источниках, которыми располагали позднейшие авторы. Автор замечает (стр. 6), что «традиция не дает нам действительной истории Рима», но оставляет без ответа вопрос: что же дает эту историю, на основании чего она реконструируется? Что касается выводов новейших исследователей, то в книге такого объема и характера, как рецензируемое пособие, возможно лишь в соответствующих местах дать указание на тот или иной взгляд. Так автор и поступает, будучи, однако, чересчур скупым на эти указания. Если, например, отмечается (стр. 57) неправильное представление о характере власти Цезаря у Эд. Мейера, то тем более следовало бы упомянуть о концепции Моммсена и пр.

Автор почти не касается культурной истории древнего Рима, оговаривая это в предисловии. И, конечно, было чрезвычано трудно и едва ли целесообразно включать еще обширный материал по истории римской литературы, науки, техники, искусства, религии. Однако в некоторых случаях нельзя без этого обойтись. Так, если на стр. 93 автор счел нужным изложить возникновение и развитие христианства, а на стр. 69 коснуться религиозной политики Августа, то следовало бы в соответствующем месте охарактеризовать и древнеримскую религию. При изображении настроений известной части римского общества времени конца республики и установления принципата Августа следовало бы использовать богатую художественную литературу в большей мере, не ограничиваясь простым упоминанием о творчестве поэтов того времени и о IV эклоге Вергилия (стр. 62).

В перечне составных частей римской традиции следует, помимо указания на «рассказы по образцу греческих исторических сведений», упомянуть и о заимствовании сюжетов и подробностей из греческой художественной литературы (трагедии). Автор совершенно прав, когда, в противоположность гиперкритическим утверждениям, считает, что нельзя отвергать целиком достоверность истории ранней республики (V—IV вв. до н. э.), но в некоторых случаях следовало бы сделать бо́льшие оговорки относительно смутного состояния традиции. Такие оговорки, например, необходимы относительно Спурия Мелия и М. Манлия (стр. 13).

В отдельных случаях чрезмерная сжатость приводит к некоторой неясности. На стр. 22 говорится, например, что партизанская тактика Фабия Кунктатора вызвала недовольство крестьянства, но не разъясняется почему. Там, где рассказывается о диктатуре Суллы, следовало бы упомянуть о латинизации италийских городов после союзнической войны. На стр. 69 указывается, что после заговора Катилины произошло объединение нобилитета и всадничества, но это объединение было уже во время движения катилинариев, как это и отмечает автор на стр. 48. В § 14 «Первый триумвират» важно указать на первоначально преобладающее положение Помпея.

В последующем изложении следовало бы дополнить очерк развития колоната. Надо дать понять читателю, что он здесь имеет дело со сложной и решавшейся поразному исторической проблемой.

При характеристике провинций Римской империи нельзя не упомянуть Египет, хотя бы ввиду той громадной роли, которую он играл в снабжении Италии хлебом.

В заключение нужно указать, что книга т. Машкина является стройной по композиции и богатой по содержанию работой, не заменяющей, разумеется, более подробного изложения—это и не было целью автора,—но помогающей систематизировать и лучше понять ход, главное направление и результаты развития древнего Рима.

К. Зельин

К истории державы Рюриковичей

(Обзор литературы за 1938 г.)

После того как выяснилась порочность антиленинской исторической концепции М. Н. Покровского и его «школы», у нас вырос интерес к эпохе Киевской Руси. Значительную роль в данном случае сыграли работы акад. Б. Д. Грекова, в особенности несколько раз переизданные его «Феодальные отношения в Киевском государстве».

Далекая и довольно темная эпоха домонгольского периода истории Руси имеет немало спорных вопросов, вследствие чего обсуждение их продолжается доселе. В самое последнее время разные вопросы Киевской эпохи вновь затронуты в новейших статьях Б. Д. Грекова: «Киевская Русь и проблема генезиса русского государства у М. Н. Покровского» («Историк-марксист», 1937 г., № 5—6 и в книге «Против исторической концепции М. Н. Покровского») и «Автор „Слова о полку Игореве" и его время» («Историк-марксист», 1937 г., № 4), также в критических замечаниях на «Материалы по истории СССР» проф. А. В. Шестакова (статья проф. В. И. Пичета в «Историке-марксисте», 1928 г., № 4; статьи группы ученых в № 5—6 журнала «Книга и пролетарская революция», 1938 г., также в газете «Красная звезда», 1938 г., № 180), затем—в «Ответе на критику материалов по истории СССР» самого А. В. Шестакова в № 20 «Пропагандиста и агитатора РККА», 1938 г., в новейших статьях—проф. С. В. Бахрушина в № 2(3) журнала «ВДИ», 1938 г. «Держава Рюриковичей», наконец, в № 6 «Историка-марксиста», 1936 г. статья М. Д. Приселкова «Слово о полку Игореве как исторический источник».

В этих статьях в пределах одного последнего года затронута масса разнообразных спорных вопросов по истории Киевского государства, как крупных, так и мелких, естественно вызывающих специалиста по этой эпохе на отклик. Начнем с более важных вопросов.

Самым крупным является решительно заявленное утверждение проф. А. В. Шестакова в упомянутом его «Ответе» о том, что «Киевская Русь в первом периоде своего становления имела державшуюся на военной силе, централизованную власть киевского князя» (стр. 40 в № 20 «Пропагандиста и агитатора РККА»), причем эту «централизованность» он выводит из указаний Маркса о «вассалитете без ленов» той эпохи. Это положение проф. Шестакова заслуживает сугубого к себе внимания. Но, во-первых, нужно заметить, что автор этого утверждения недостаточно верно понял Маркса, определенно говорящего о «примитивной организации норманского завоевания», без «глубоко продуманных планов» и о «вассальной зависимости без феодалов, или феодальном состоянии из дани». Трудно из этих замечаний Маркса вывести, как это делает проф. А. В. Шестаков, положение о «централизованности Киевского государства» (там же). Но если бы автор обратился к первоисточникам, он увидел бы здесь, например, «светлых князей и бояр», состоящих «под рукою» Киевского князя, усмотрел бы там «поиски империи на юге» (Маркс) со стороны Киевских князей, затем постоянные восстания отдельных племен против власти Киевского князя и т. п.

Какой централизованный аппарат власти в X в. может указать проф. Шестаков в Киевском государстве?

Ведь Маркс о «централизованности Киевского государства» и не говорил и таковой не допускал, называя его «империей несообразной, нескладной и скороспелой»[1].

[1] А. В. Шестаков уже в 1939 г. поднял вопрос о рабовладельческой формации в Киевском государстве—разбор см. «Историк-марксист» № 3, 1939 г.

Другой важный вопрос из истории Киевского государства поднимает акад. Б. Д. Греков. В упомянутой своей статье в № 4 «Историка-марксиста» 1938 г. он пишет так: «Самое образование классов при условии решающего значения земледелия могло происходить в связи с освоением земли и расширением земельных владений нарождающейся знати. Начало этого процесса в верхнем Поволжье может быть отнесено приблизительно к VI—VII вв. н. э., а в среднем Поднепровье, надо думать,—раньше. Князь действует не один. Он окружен знатью, которая связывает свои интересы с интересами своего вождя—князя. Это все—*«крупные землевладельцы»*[1], каждый из которых имеет свой особый «двор», т. е. сумму слуг невоенных и военных, среди которых мы можем видеть людей немаловажных. В этом отношении *очень характерны те делегации*, которые отправлялись в Грецию русскими князьями... У нас имеются все основания утверждать, что *эта знать—крупные землевладельцы, владельцы своих замков-дворов в самом обыкновенном для феодального времени значении этого термина*... Замки русских князей и княгинь X в. нам хорошо известны» (стр. 13—14 в № 4 «Историка-марксиста» 1938 г.).

Я нарочно привожу полнее определенные места статьи Б. Д. Грекова, чтобы яснее была видна мысль автора. Эти утверждения автора построены на основании договоров с греками 911—945 гг., «Правды» Ярославичей и летописного материала. Исходной точкой имеют они положение о земледелии как главной отрасли производства в нашей стране задолго до образования Киевского государства.

Таким образом, автор выдвигает мысль о раннем появлении на Руси зачатков феодализма (он ищет их в VI—VII вв.). Относительно X в. он признает наличие на Руси «крупных землевладельцев», «владельцев своих земель-дворов в самом обыкновенном для феодального времени значении этого термина», причем таковых видит и в упомянутых в Олеговом и Игоревом договоре «светлых князьях и боярах».

Это теоретическое построение Б. Д. Грекова очень интересно и должно быть подвергнуто всестороннему обсуждению. Оно обязывает автора разобрать высказывания Маркса о «примитивной организации норманского завоевания»—о вассалитете без земельных пожалований, из одних даней, о чем, впрочем, он говорит в своих «Феодальных отношениях», относя эти замечания Маркса не к восточнославянскому обществу в период образования Киевского государства, а только к норманнам, появившимся в нашей стране. Должно быть подвергнуто обсуждению и утверждение автора о сильной княжеской власти в Киевском государстве, которое настойчиво поддерживает Б. Д. Греков (например, в упомянутой статье в № 5—6 «Историка-марксиста», 1937 г.). Подлежит обсуждению и вопрос о разнообразии культурного состояния различных частей Киевского государства, соотношение между древлянами, вятичами и дреговичами, с одной стороны, полянами и новгородскими славянами—с другой.

Все эти вопросы нужно взвесить и всесторонне обсудить, принимая при этом во внимание известное замечание товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу нового конспекта истории СССР о том, что не нужно валить «в одну кучу феодализм и дофеодальный период» в истории Руси.

Последнее обстоятельство подчеркивает в своей новейшей статье «Держава Рюриковичей» и проф. С. В. Бахрушин («ВДИ», 1938 г., № 2(3). Но в этой статье, содержащей немало интересных замечаний, есть некоторые места, вызывающие недоумение. Прежде всего, автор заявляет себя крайним норманистом—до того, что готов легендарного Рюрика считать «конунгом Рёреком», Трувора—Торвардом, Синеуса—Синеутом, Рогвольда—«Рёгнвальдом». Это для читателя тем более неожиданно, что автор высказывает в основном правильное понимание летописных сказаний о той эпохе (стр. 89, 91). Тут можно вспомнить утверждение А. А. Шахматова об эпическом характере преданий о Рюрике, Синеусе и Труворе и работе над ними летописного сводчика[2], а также установление Н. Я. Марром связи имен этих трех князей с тотем-

[1] Курсив наш.

[2] «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», СПБ, 1908 г., стр. 313—316.

ными божествами доисторических народов[1]. Ставши на такую крайне норманистскую точку зрения, автор в этих «варяжских конунгах» и их преемниках видит представителей «военно-разбойничьего характера» власти, преследующих лишь грабеж населения (стр. 92, 95). Значит, мы видим здесь отрицание государственного начала в Киевском государстве—по крайней мере до конца X в. (стр. 95). Заслуживает внимания при этом следующее обстоятельство: типичным представителем такой грабительской политики у автора является Святослав, «настоящий вождь бродячей дружины» (стр. 95), а между тем, двумя страницами выше автор пишет: «Только в договоре Святослава 971 г. отсутствует упоминание о его вассалах, и это свидетельствует о том, что к этому времени процесс объединения завершился и мелкие князья были либо истреблены, либо сошли на положение «посадников великого князя». «Быстрый успех киевских князей обусловливался в значительной мере тем, что среди славянских племен наблюдалось очень сильное стремление к объединению» (стр. 93).

Здесь получается некоторая неувязка, которая еще усложняется следующим заявлением автора: «Зачатки государственного строя следует искать не в дружинах скандинавских искателей приключений, а в славянских племенных княжениях. Варяжские конунги лишь возглавили тот процесс, который шел внутри славянских обществ Восточной Европы» (стр. 91). Как могла «шайка грабителей» «возглавить» процесс объединения славянских племен в Киевское государство? Как она могла им «гарантировать безопасность от набегов и грабежей со стороны других подобных же разбойников»? (стр. 92)

Автор, пытаясь разрешить проблему «сложения державы Рюриковичей», явно усложнил ее подобными несогласованными и взаимно друг друга исключающими положениями. В самом деле, как «шайка разбойников» могла создать государство или «возглавить» процесс объединения славянских племен? Главное недоразумение получилось у автора оттого, что он переоценил значение норманнов в образовании Киевского государства. Норманны не могли играть ведущей роли, они не «возглавляли» Киевского государства, а были лишь военной силой на службе у местного общества, естественно развивавшегося.

В статье проф. Бахрушина норманизм вновь и с особой силой себя разоблачил: эта статья с особой яркостью показывает, что нельзя на «норманском завоевании» строить теорию созидания Киевского государства. Очевидно, норманизм себя уже изжил, и статья проф. Бахрушина явилась лебединой песнью норманизма в нашей науке.

Исходя из указаний Маркса и Энгельса об образовании государства[2], норманскому завоеванию нужно отвести самую скромную роль в истории образования Киевского государства.

Но каково бы ни было происхождение самих князей, они все же оказались силой, содействовавшей некоторой спайке тех племенных княжений, которые в это время находились в процессе разложения; процесс классообразования, явившийся в результате этого разложения, еще, конечно, не привел сразу к феодализму. В этом процессе разложения родоплеменного строя, классообразования и подготовки феодальных образований сыграли роль многие факторы, и норманизм был лишь одним из них.

Естественно развивающееся экономически славянское общество на территории Восточной Европы попало в очень сложный переплет разнообразных влияний и отношений, в которых какую-то роль имел, между прочим, и связанный с юго-востоком каганат, упоминаемый в Бертинских анналах под 839 г.

Слабость норманского построения начальной истории Киевского государства заключается в сосредоточении внимания историка лишь на одном факторе создания государства и притом чисто внешнем.

---

[1] «Избранные сочинения», т. V, стр. 334.

[2] Например, у Энгельса: «Государство есть продукт общества на известной ступени развития», «сила, происшедшая из общества» (стр. 224—225 в изд. 1937 г. кн. «Происхождение семьи, частной собственности и государства»).

Заслуживает внимания интересная попытка проф. М. Д. Приселкова увязать историю русско-половецких отношений в XII в. с византийской историей, но, к сожалению, некоторые предположения автора недостаточно подтверждены источниками (статья «Слово о полку Игореве как исторический источник», «Историк-марксист», 1938 г., № 6).

Таковы главнейшие вопросы, выдвинутые в последнее время в области истории Киевской Руси. Но нельзя обойти молчанием и некоторые мелочи, характерные для тех разногласий и пререканий, которые имели место в последнее время. Так, прежде всего следует отметить одно место в «Ответе» своим критикам проф. А. В. Шестакова. Он пишет (стр. 38 упом. журнала): «Неверно указано, что в Галицко-Волынском княжестве князья были из рода Мономаха: они были из рода Ростислава». Тут явное недоразумение. Дело в том, что до рубежа XII и XIII вв. Галицко-Волынского княжества вовсе не было, а действовали отдельные княжества—Галицкое и Волынское: в первом—с конца XI до конца XII в. властвовала династия внука Ярослава—Ростислава, а в Волынском сменилось несколько династий: сперва Игоря и Изяслава Ярославичей и затем в XII в. восторжествовала (с 1118 г. по Ипатьевской или с 1119 г. по Лаврентиевской летописи) династия Мономаховичей, которая и дала из своей среды Галицко-Волынских князей XIII в., объединивших эти земли. Таким образом, поправка оказалась ошибочнее первоначального утверждения «Материалов».

В связи с этими «Материалами» следует также коснуться замечаний по Киевской эпохе проф. В. И. Пичета, давшего наиболее серьезную критическую статью на эти «Материалы». Тем не менее следует сказать, что некоторые замечания автора слишком категоричны в тех случаях, когда касаются вопросов, не вполне установленных в науке.

Так, говоря, что «до Святослава нам неизвестны столкновения киевских князей с хазарами» (стр. 124 в 4-й книге), автор упускает из виду сообщение еврейского анонима X в. о борьбе с хазарами «царя Русии Хальгу» (Олега). С другой стороны, он упрекает авторов «Материалов» в том, что ими «забыты походы князей на восток (Бердаа)», причем ссылается на Соловьева. Между тем, летопись ничего не знает о походах наших князей X в. на южный Прикаспий, а известия арабских писателей о походах туда Руси 913 и 943 гг. вряд ли могут быть приписаны именно киевским князьям.

Далее, проф. В. И. Пичета категорически утверждает что Олегом был заключен один договор с Византией, а не два, а «Игорь ходил на Византию не один раз, а два» (стр. 125). Ведь вопросы о двух или одном договоре Олега и о походах Игоря спорные: в летописи имеются два договора Олега с Византией—907 и 911 гг., но многие исследователи считают подлинным лишь один последний договор; в летописи два похода Игоря, но некоторые исследователи считают, что второй из этих походов скомбинирован летописным сводчиком (например, акад. А. А. Шахматов). Такой же характер имеет категорическое утверждение: «Игорь не был сыном Рюрика» (стр. 125). Опять здесь имеются разные точки зрения: летопись определенно признает Игоря сыном Рюрика, что принимает большинство историков, но Шахматов склонялся к тому, что это утверждение—домысел летописного сводчика.

То же следует сказать и по вопросу о времени разгрома Ярославом печенегов: Ипатьевская летопись относит его к 1034 г., а Лаврентьевская—к 1036 г., так что и здесь категорическое утверждение автора критической статьи не совсем точно, хотя, видимо, дата 1036 г. точнее даты 1034 г.; любопытно, что, указывая дату 1036 г., автор ссылается на Ипатьевскую летопись, где как раз дана дата 1034 г. (стр. 127). Восстание смердов имело место не в 1021, а в 1024 г. (стр. 127).

Указанная автором критической статьи дата раздела Галицко-Волынского княжества между Польшей и Литвой—1366 г.—вряд ли может быть принята без оговорок (стр. 127). Димитрий Шемяка и Василий Косой ошибочно названы «племянниками» Василия Темного (стр. 129).

Мы отметим лишь некоторые мелочи. Но мелочи нередко имеют свое значение для более широких выводов и обобщений. Думаем вообще, что при разрешении спорных вопросов Киевской эпохи, выдвинутых советской историографией, большое значение должно быть уделено изучению ее по первоисточникам.

Проф. В. Пархоменко

Русская Правда

Том первый — тексты. Институт истории Академии наук СССР. Подготовили к изданию: В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Гейерманс и Г. Е. Кочин. Под редакцией Б. Д. Грекова (издательство Академии наук СССР, 1939).

Общеизвестно, что те памятники законодательной мысли дотатарской поры, которые мы обобщенно и весьма условно привыкли называть редакциями Русской Правды, представляют собою едва ли не самый драгоценный источник для уяснения истории социальной структуры Киевского государства. Особенно ценны эти источники для уяснения того напряженного момента классовой борьбы, когда княжеская власть переходила от даннических форм эксплоатации трудового населения к чисто феодальной эксплоатации. Последняя по своим размерам и напору, по вовлечению дружинных кругов и церкви не могла итти ни в какое сравнение с феодальной эксплоатацией туземной аристократии, выросшей на развалинах родовых отношений племен восточного славянства.

Открытые для науки в разное время около 200 лет назад памятники эти изучались и издавались недостаточно тщательно, что было естественно для дворянской и буржуазной историографии. И та и другая, не умея оценить эти памятники по достоинству и в правильной перспективе, толковали их на современный для XIX в. лад и по категориям юридического мышления того времени.

Вполне закономерно, конечно, что советская историческая наука, впервые правильно и высоко оценившая эти памятники, должна была получить для дальнейшего успешного их изучения вполне научное и тщательное их издание. В рецензируемом нами издании мы и усматриваем такое, вполне научное, тщательное и высокоудовлетворительное издание и приветствуем его как большой и заслуженный успех коллектива научных работников Института истории Академии наук СССР, который это издание подготовил и уже выпустил I том.

Издание задумано в трех томах. I и II томы дадут нам тексты этих памятников (II том—фотомеханические снимки с 15 важнейших списков). III том—комментарий к ним историографического порядка. Думается, что в этом плане недостает IV тома, несомненно, нужнейшего и важнейшего, чем III.

Этот том должен был бы собрать и предложить как дополнение к текстам все упоминания, отражения, ссылки и выдержки из Русской Правды, то опережающие по времени дошедшие до нас редакции (как договоры с греками 912 и 944 гг.), то отражающие иные композиции этих редакций. Рассеянные по разного вида источникам (договоры, уставные грамоты, летописи, Литовский статут и др.), они обычно упускаются исследователями из внимания. А между тем, собранные коллективным исследовательским трудом, они могут дать многое для изучения истории текста этих законодательных памятников, а также и практического применения их норм.

В пояснение укажу, например, на два случая упоминания в летописных текстах норм Русской Правды, из которых, надеюсь, видна будет важность подбора подобного рода материала. Я обхожу при этом общеизвестное упоминание о продажах и вирах в предисловии ко «Временнику» 1093 г., которое сохранилось в младшей редакции Новгородской I летописи и к которому мы еще вернемся в другой связи.

В Ипатьевской летописи под 1149 г. (fin.) сообщается о примирении Изяслава и Юрия после «Переяславской войны»: «И на том хрест целоваша, яко по Переяславьском полку что будеть пограблено: или стада, или челядь, что ли кому будеть *познавши поимати же по лицу*». Здесь любопытна не только расширительная практика известной статьи Русской Правды, но и формулировка, несколько отличная от формулировки пространных редакций, сохранившихся до нашего времени: «а после познаеть в своемь городе, свое ему лицемь взяти».

Другое летописное упоминание о Русской Правде еще важнее и любопытнее. Оно относится к 1177 г. и переносит нас в эпоху разгара борьбы за наследство Андрея Боголюбского между Ростиславичами, кандидатами ростовского боярства, и Михалком, кандидатом владимирцев. В Лаврентьевской летописи (под 1176 г.) так описывается управление Ростово-Суздальским краем временно победившими Ростиславичами: «Седящема Ростиславичема в княженьи земля Ростовьскыя, роздаяла бяста по городом посадьничьство Русьскым детьцким. Они же многу тяготу людем сим створиша продажами и вирами». Смысл записи ясен: раздраженный владимирец возмущается тем, что Ростиславичи составляют свою администрацию из дружинных низов (детьцкии), привезенных с Киевского юга (Русьскые) и вводящих в жизнь Ростово-Суздальского края Русскую Правду (продажи и виры). Отсюда с неизбежностью вытекает, что Ростово-Суздальский край не знал до того Русской Правды, которая была законодательным памятником Русской земли, а не всего Киевского государства. Летописание Ростово-Суздальского края, как известно, под Русью и Русской землею последовательно понимает Киев, Чернигов и Переяславль, а все остальное, и себя в том числе, к Руси и Русской земле не причисляет.

В утверждении, что Ростово-Суздальский край в 70-х годах XII в. не знал и не желал знать Русской Правды, можно пойти и дальше: Русской Правды не знали здесь и в начале XIII в. В самом деле, когда после 1212 г. во Владимире был составлен свод, посвященный памяти Всеволода Большое Гнездо, редактор этого свода исправил в приведенном нами отрывке о дурном управлении Ростиславичей слова «продажами и вирами» на «продажами и винами», очевидно, не понимая значения слова «вира» Что здесь не может быть и речи об описке, свидетельствует наличие такого чтения в Радзивилловской, Московско-академическом списке и в Летописце Переяславля Суздальского, т. е. во всех трех летописных памятниках, отражающих владимирский свод 1212 г.

Поэтому, думается, обоснованным будет пожелание, чтобы коллектив научных работников Института истории, заканчивающий работу над задуманными томами Русской Правды, взялся теперь за осуществление предлагаемого мною дополнительного IV тома, который так поможет исследователям в изучении текста и судеб этих ценнейших памятников.

Перехожу к разбору I тома. Всякий исследователь, в поле зрения которого так или иначе лежала или лежит Русская Правда, не может не испытать чувства величайшего удовлетворения от заявления издателей, что ими «были приняты вообще все доступные меры к разысканию списков Русской Правды в Москве, Ленинграде и в других городах», так что возможность нахождения новых списков будет теперь «в качестве редких исключений». При наличии старых изданий текстов Русской Правды углубляться в трудное и сложное дело изучения истории текста представлялось задачею неблагодарною и непосильною для одинокого исследователя, потому что мобилизовать недостающие списки нужно было раньше, чем изыскивать новые методы преодоления трудностей текстологического и композиционного порядка. Новое издание в этом смысле подводит исследователей к последней задаче непосредственно, и можно с уверенностью рассчитывать на оживление в области изучения текста и истории этого важного памятника древности. Только теперь можно будет, наконец, подвести научный фундамент под изучение *содержания* памятника, которое часто, отрываясь от изучения *текста*, создавало самые произвольные и выдуманные построения.

Собранные списки и их классификация открыли перед изучающими любопытную историю использования Русской Правды в нашей древней письменности от XIII до XVII в., причем в огромном большинстве случаев мы имеем право говорить не о практическом применении памятника, а о желании сберечь и передать его текст, даже предварительно его выверив («не с единого списка, но с различных добрых переводов» 1592 г.). При наличии этих данных моменты разветвления установленных, например, двух главных групп Пространной редакции освещают, сверх текстологических проблем, важные политические и культурные факты из жизни нашей древности, знаменуют собою попытку заново осмыслить, выверить и понять текст как исторический

документ. При величайшей бедности наших данных о фактах политической и культурной жизни нашей древности, эти вехи, на которые указывают наши списки, требовали к себе большего внимания: ведь здесь перед историками открывается широкое поле для исследования.

Начать хотя бы с окружения, в котором до нас дошли списки всех трех групп Пространной редакции. Несомненно, что изучение этого окружения, испытывавшего совместно с текстами Русской Правды те или иные редакционные воздействия, дало бы нам возможность, уяснив редакторские приемы над всем комплексом (Кормчая, Мерила и др.) в композиционной и текстологической правке, с уверенностью подходить к «разночтениям» списков Русской Правды, в них включенных.

Что подобного рода изучение окружения текста Русской Правды весьма ценно и для тех плановых задач издания, которые от начала до конца остались неизменными, можно видеть из следующего примера. Как известно, Краткая редакция сохранилась в двух списках младшей редакции Новгородской I летописи внесенною в текст повествования. К счастью, окружение здесь нам достаточно известно: мы знаем, что перед нами опыт составления летописного свода начала XV в. в Новгороде, где в основу положен сохранившийся и до наших дней древний (XIV в.) Новгородский свод с привлечением какого-то древнего Киевского свода и других летописных материалов. Древний Киевский свод, как бы мы ни спорили о пределах его окончания, дал в этой композиции начало всего построения, более древнее, чем обычная «Повесть временных лет», и датируемое 1093 г. Конечно, к этому же Киевскому своду относится и текст Краткой редакции Русской Правды. Новгородский сводчик, во-первых, включил его в самое повествование, тогда как в Киевском своде он был, вероятно, приложением, подобным «Поучению» Мономаха для «Повести временных лет» Сильверстовской редакции, а во-вторых, несомненно, подновил язык и терминологию текста, так что филологи теперь отказываются в нем признать XI в. Знакомство с историей окружения Краткой редакции Русской Правды значительно облегчит попытку восстановления из современного ее текста текста XI в. Изучив редакторские приемы новгородского летописца XV в., трудившегося над основою младшей редакции Новгородской I летописи, мы сможем отнести эти его приемы и к тексту Русской Правды. Кроме того, мы сможем корректировать наши конъектуры наблюдениями над историей чтений Краткой редакции в редакции Пространной. Это в совокупности и даст нам искомый результат.

Приведем один пример. Вероятно, многим исследователям приходило в голову, что во 2 ст. Краткой редакции имеется явно искаженное чтение: «То не искати ему видока человеку тому». Последние два слова ничего не прибавляют к смыслу статьи, но вводят вместо слова «муж» «человек», что не вяжется с языком памятника. Сверившись с чтением этой статьи в Пространной редакции, видим, что там этих слов нет. Значит, их смело можно приписать редакторской руке новогородского летописателя XV в., который, не поняв древнего слова «муж» как дружинник князя, истолковал его по-новгородски, демократически: муж—мужчина, человек. Но такое амплифицированное чтение дают нам оба списка—и Археографический и Академический. Значит, амплификация восходит еще к их протографу. Замечательно, что в ст. 15 этого же текста в Археографическом списке читаем: «то ити ему на извод перед 12 мужа», а в списке Академическом находим: «пред 12 человека». Это не может не подкрепить нашего первого наблюдения, что новгородские летописатели по-своему понимали термин «муж», и дает нам право считать, что Краткая редакция никаких «человеков», как термин, в своем тексте не имела. Она знала и говорила только о «муже» и «мужах».

Конечно, зная также историю окружений текстов Пространной редакции, мы многое уяснили бы для себя в реконструкции терминов и языка протографов групп этой редакции. Едва ли нужно к этому прибавлять, что поднять подобного рода работу не может отдельный исследователь и что это надлежит сделать ученому коллективу.

Изучение всех 101 собранных списков (из них 16 до сих пор неизвестны) привело к установлению двух основных редакций (по предложенной изданием терминологии—разрядов): Краткой и Пространной. Краткая дала только два списка, заслуживающих напечатания и внимания, а Пространная распалась на три группы: Троицкую, Пушкин-

скую и Карамзинскую. Каждая из этих трех групп распадается на виды: в Троицкой их 8, в Пушкинской—2, в Карамзинской—3. Сокращенная редакция—один из видов Пространной. В настоящем томе опубликованы два списка Краткой и тринадцать списков Пространной. Остальные списки даны в вариантах с известной мерой взвешенности, т. е. без ненужной попытки дать все орфографические особенности. Хотя во II томе все эти пятнадцать списков будут воспроизведены фотомеханически, издатели с большою тщательностью воспроизвели эти списки, охраняя текст от привнесений, конъектур и т. п., так что по этому изданию может работать не только историк, но и филолог. Очень хорошо, что в издании даны также сводные тексты Краткой и Пространной редакций. Последняя дана в трех списках, лучших в каждой группе, с привлечением текста сокращенного вида. Все обдумано всесторонне и тщательно выполнено.

Нельзя не отметить здесь большую работу, вложенную в это издание В. П. Любимовым, давшим классификацию и весьма живой обзор списков; его классификация свидетельствует о большом таланте текстолога. Не столь, может быть, выигрышной выглядит та работа, которую внес в издание Н. Ф. Лавров. Но только его настойчивости, уважению к тексту, его вниманию к будущим читателям издания мы обязаны безукоризненностью воспроизведений текстов (два раза сверенных с рукописями).

Известное изречение о двух сторонах медали нередко применяют к коллективным научным предприятиям, относя к лицевой стороне возможность выполнить то, что не под силу исследователю-одиночке, а к оборотной—ту среднюю линию, которой руководствуется коллектив как слагаемое из различных индивидуальностей. В изданиях, подобных настоящему, едва ли можно считать недостатком обдуманность и солидность, которые характерны для него. Но несомненно, что некоторые члены коллектива еще выступят, чтобы дополнить и углубить наблюдения над изданными памятниками, так как трудно предполагать, что за три года работы у некоторых из них не возникли своя точка зрения и свое особое понимание.

Мы ждем таких выступлений, которые еще оживят вопросы и темы, связанные с Русской Правдой, но которые, конечно, не поколеблют значения и достоинства этого прекрасного издания текстов.

М. Приселков

L'Antiquité Classique, 1932—1937, томы I—V

Бельгийский журнал «L'Antiquité Classique» за последние несколько лет выходит только два раза в год. Руководителями этого журнала являются такие крупные бельгийские ученые, как Биде (J. Bidez), Кюмон (F. Cumont), Грегуар (H. Grégoire). Ввиду большого научного значения статей этого журнала мы даем краткий обзор тех из них, которые имеют отношение к истории древнего мира.

1932 г., том I, выпуски 1 и 2 (в одной книге)

Выпуск 1

J. Bidez в статье, посвященной новой книге Пиганиоля об императоре Константине («À propos d'une biographie nouvelle de l'empereur Constantin», p. 1—7), признавая всю ценность этой работы, отмечает ее слабые места. Он противопоставляет эту книгу работе Грегуара «La «conversion» de l'empereur Constantin» («Revue de l'Université de Bruxelles», 1931), не признающего никакого «обращения», и высказывает мысль, что весь этот миф—дело рук позднейшего панегириста.

G. de Jerphanion в статье о календарных системах городов Кипра («Observations sur le calendrier de Salamine de Chypre à l'époque chrétienne», p. 9—24) указывает, что в известной мере египетская система календаря города Саламина объясняется его торговыми сношениями с Александрией, тогда как в других городах календарь

был малоазийский, т. е. римский. Впоследствии календарь Саламина был тоже переделан под влиянием римского календаря.

M. Delcourt в своей статье «Le rôle du choeur dans les Sept devant Thèbes» (p. 25—33) исследует состав и роль хора в эсхиловской драме «Семь против Фив».

R. De-Maeyer в статье «De Reliefsigillata van het museum te Tongeren» (p. 35—60) дает опись рельефных глиняных изделий малоазийского происхождения в музее Tongres; приложены 4 таблицы снимков.

F. de Ruyt в статье, посвященной изображению смерти у разных народов («Le Thanatos d'Euripide et le Charun étrusque», p. 61—77), подвергает анализу драму (сатирическую) Эврипида «Алкеста» и археологические данные из Этрурии. Он устанавливает: 1) что оба типа—греческий и этрусский—являются самостоятельными народными мотивами смерти, более человечными у греков, более суровыми и свирепыми в виде головы хищной птицы) у этрусков; 2) что влияние греческой литературы на (жизнь и творчество этрусков надо поставить под большое сомнение; 3) что наряду со Смертью (Танатос) у греков существовал другой образ—Харона, как и у этрусков наряду с Хароном изображается другой, сопутствующий ему образ демона смерти, подобный описываемому Павсанием («Эллада», X, 28, 7). Приложены два снимка: фреска с внутренней стены могилы Тифона и рисунок вазы Вульги.

R. Goossens в большой статье о трагедии Эврипида «Рес» («La date du Rhésos», p. 93—134) устанавливает, что эта драма—подлинно эврипидовская и время постановки ее можно установить с предельной точностью—425—424 гг. Далее автор доказывает—и это составляет главную часть статьи,—что в драмах Эврипида можно всегда видеть связь с текущими политическими событиями, что уже было подмечено Аристофаном. Так, постановка драмы «Рес» совпала с попытками афинян установить близкие отношения с Ситалком, царем фракийских одриссов, а герой драмы тождествен по понятным для афинской публики намекам с Ситалком.

H. Grégoire в статье о статуе Константина в Риме, держащей «крест» в правой руке («La statue de Constantin et le signe de la Croix», p. 135—143), доказывает, что легенда о видении 312 г. целиком основана на языческом предании о видении 310 г. в храме Аполлона. «Крест» же в руке Константина—это обычное знамя (vexillum), поднесенное триумфатору языческим римским сенатом.

Ch. Josserand в статье, касающейся «пифагорейских символов» («Les Symboles pythagoriciens de Collenuccio», p. 145—171), опровергает точку зрения Böhm'a, сводящуюся к тому, что «пифагорейские символы»—это литературный подлог эпохи гуманизма; автор подтверждает возможность принадлежности этих «символов» Плутарху и дает новые толкования некоторым из них, возводя их происхождение к древним пословицам и поговоркам.

R. Keydell в статье, посвященной поэме Нонна «Dionysiaka» («Eine Nonnos-Analyse», p. 173—202), указывает на новейшую работу об этом поэте (Paul Collart, Nonnos de Panopolis, 1930) и дает к ней свои дополнения и поправки.

E. A. Leemans в статье о работах Михаила Пселла («Michel Psellos et les Δόξαι περὶ ψυχῆς», p. 203—211) устанавливает источники этих работ и кратко характеризует состояние философии в Византии в X и XI вв.

M. Leroy в статье, посвященной «Песне о птице Фениксе», приписываемой Лактанцию («Le chant du Phénix», p. 213—231), отмечает, что последовательность мыслей в песне и в ее прозаическом переложении у Григория Турского («De cursu stellarum», cap. 12) не везде одинакова. Автор объясняет причину этого несовпадения тем, что листы рукописи были перепутаны, и указывает на необходимость перестановки стихов.

F. Mayence в небольшой заметке о раскопках в Апамее, производимых бельгийцами («Les fouilles d'Apamée», p. 233—242), в ожидании большого отчета о них кратко сообщает об истории этого города и достигнутых результатах раскопок. Приложено 6 фотографий.

H. Philippart дает обзор (p. 243—247) греческой керамики в Руане.

E. Remy в статье о речи Цицерона «Pro Sestio» («Sestiana», p. 249—269) защищает обычное чтение рукописей. Он также выявляет точку зрения Цицерона на бессмертие души.

A. Severyns в заметке о немейской оде Пиндара X, 114—116 («Pindare et les «Chants Cypriens», p. 261—271) отстаивает правильность чтения Аристарха, основанного на тексте «Киприй», и толкования древнего схоласта против новейших комментаторов.

A. Solari в статье, посвященной смерти Валентина II («La versione ufficiale della morte di Valentiniano II, p. 273—276), кратко излагает и разбирает вопрос об участии в этом деле Арбогаста и Феодосия.

H. Van de Weerd дает описание римских терракот из собрания M. Christiaens в Тонгре (p. 277—301), найденных лет 35 назад при местных раскопках.

R. van Pottelberg дает ряд толкований и конъектур к эврипидовской драме «Ифигения в Авлиде» (p. 303—312).

A. Severyns в большой статье дает подробное изложение книги Нильсона (Nilsson, The Mycenaean origin of Greek Mythology, 1932, L'epopée grecque, p. 313—344). Автор дает свои дополнения к признаваемой им в основном концепции.

H. van de Weerd дает краткий очерк (p. 345—352) о раскопках, производимых в Бельгии, и об их результатах.

H. Philippart дает обзор (p. 253—373) археологических раскопок и находок в Италии с 1929 до 1934 г. Особенно интересны раскопки в заболоченной местности на севере от Равенны (la Valle Trebba), в Риме—форумы Траяна и Августа, в Помпеях, в Геркулануме (особенно интересна Casa dei Cervi). Приложено 7 планов и фотографических снимков.

J. Hubaux в статье о подземной базилике у Porta Maggiore, открытой в 1917 г. («La «fatale» basilique de la Porta Maggiore», p. 375—394), излагает полемику, возникшую в связи с ее истолкованием; он особо останавливается на барельефе, связанном с легендой о Фаоне и прыжке Сапфо с Левкадийской скалы. Автор вместе с Cumont и Carcopino полагает, что эта базилика служила местом культовых собраний неопифагорейцев.

B. van de Walle в небольшой заметке («Coup d'oeil sur l'état actuel de l'égyptologie, p. 402—409) кратко перечисляет успехи египтологии в установлении хронологии, чтении текстов, в изучении истории литературы, религии и искусства, а также в систематическом проведении раскопок. Автор заканчивает свою заметку указанием на развитие египтологии в Бельгии.

L. Cerfaux дает обзор литературы за 1928—1931 гг. (p. 411—418) по истории и культуре Иудеи в эпоху эллинизма и римского владычества.

H. Grégoire и R. Goossens рассматривают новейшие работы о византийском эпосе («Les recherches récentes sur l'épopée byzantine», p. 419—439), главным образом о романе и поэме Дигениса Акрита, «защитника границ».

1933 г., том II

Выпуск 1

A. Dain в статье, посвященной Герону Византийскому («Trois Manuscrits d'Héron de Byzance Poliorcétique et Géodesie», p. 1—36), указывает, что это имя—псевдоним, заимствованный у Герона Александрийского, у которого компилятор Герон Византийский вообще очень много брал, и иногда дословно.

R. de Maeyer дает две статьи о древних сосудах с украшениями («Uit het Museumbezit der Gentsche Universiteit», p. 36—41 и «De Reliefsigillata van het Museum te Tongerer», p. 45—64),

E. Derenne посвящает 15 мелких заметок (Γυμναστικά, p. 65—89) исследованию надписей, касающихся состязаний эфебов, почетных декретов и постановлений ряда городов Малой Азии. Автор предлагает ряд исправлений и дополнений к прежним чтениям.

H. Grégoire дает большую статью, подтверждающую взгляд R. Goossens'a (см. I том) о принадлежности драмы «Рес» Эврипиду («L'authenticité du «Rhesus» d'Euripide», p. 91—133). Автор приводит показания древних ученых, анализирует технику драмы и ее язык и устанавливает одновременность ее постановки с «Гекубой».

J. Hubaux в статье о мизенском мысе («Misène», p. 135—166) дает анализ известных четырех версий об убийстве Агриппины Нероном

N. Kubitschek в статье, являющейся дополнением к его работе в Pauly Wissowa RE IX Itinerarien («Ein arithmetisches Gedicht und das Itinerarium Antonini», p. 167—176), дает разбор одного стихотворения из Палатинской Антологии XIV, 121. Стихотворение это является цифровым описанием пути от Гадеса до Рима.

A. Rome приводит в своей статье о тригонометрии в древнем мире («Premiers éssais de trigonométrie rectiligne», p. 177—192) ряд мест из Теона Александрийского, из Птолемея (Альмагеста) и из работ Паппа, показывающих, что уже греки начали создавать науку о тригонометрии.

Выпуск 2

F. Cumont в статье, истолковывающей стихи I, 276 из «Георгик» Вергилия («Les présages lunaires de Virgile et les «Selenodromia», p. 259—270), привлекает сохранившиеся записи астрологических объяснений.

M. Delcourt дает анализ пяти древних биографий Эврипида («Biographies anciennes d'Euripide, p. 271—290), устанавливает их последовательность и композицию. Наиболее характерной она признает биографию, приписываемую Сатиру.

O. Jacob, исследуя вопросы о медицинском обслуживании римской армии («Le service de Santé dans les armées Romaines», p. 313—330), первые указания о военных врачах находит у Цицерона. Цезарь совершенно не упоминает о судьбе раненых; повидимому, еще долгое время продолжалось взаимное лечение товарищей по оружию «домашними средствами». Только в конце I в. Империи мы находим, благодаря эпиграфическим данным, сведения об официальном положении врача при армии.

H. Janne в статье, исследующей первые сведения о христианстве в Риме («Une affaire de christianisme sous Néron», p. 331—356), на основе анализа данных у Тацита и в христианских актах приходит к следующему выводу: при Нероне в 65 г. н. э. среди римской аристократии была группа христиан, в которую входила, главным образом, фамилия Юниев Силанов, причем родственные связи их ведут нас к Плинию Младшему. Менее убедительна попытка автора доказать пребывание Петра в Риме.

M. Landercy в заметке, посвященной вопросу о χερκίς в античном ткацком производстве («La destination de la χερκίς, dans le tissage», p. 357—362), на основе слов Платона—«Кратил» 388 и Аристотеля—«Физика» 243, приходит к выводу, что это не инструмент для вдевания нити, но скорее гребень. Приложены древний рисунок фиванского скифоса (V в.) и три рисунка первичных ткацких станков начала XVII в.

M. Niedermann помещает маленькую заметку об одной римской эпитафии («À propos d'une épitaphe Romaine», p. 136—370), найденной в окрестностях древнего Брикселлума (Brixellum) на севере Италии. Автор разъясняет некоторые непонятные места в эпитафии и окончательно устанавливает имя похороненного (уменьшительное)—Chromatius.

A. Solari в маленькой заметке на тему о расхождении между Валентинианом III и Аэцием («La questione sociale nel dissidio tra Valentiniano III ed Ezio, p. 371—375) отмечает влияние Византии в этом эпизоде.

H. van de Weerd дает краткую опись терракотовых табличек, находящихся в Тонгре («Romeinsche Terracottabeeldjes van Tongeren, p. 377—378).

1934 г., том III

Выпуск 1

A. Dellate посвящает большую статью вопросу об «энтузиазме» и о «наитии», владеющем поэтами и пророками («Les conceptions de l'enthousiasme chez les philo-

sophes présocratiques, p. 5—79). Статья эта является как бы обоснованием книги C r o i s s a n t («Aristote et les mystères», 1932). После краткого выяснения точек зрения Гераклита и Эмпедокла по этому вопросу автор подробно останавливается на изложении взглядов Демокрита.

J a c q u e s D u c h e s n e в небольшой заметке о происхождении названия города Помпеи и фамилии Помпеев («Note sur le nom de Pompée», p. 81—89) указывает на этрусское происхождение названия города, что отчасти подтверждается Страбоном и Диодором (XI, 51). При этрусках город Помпея играл большую роль как гавань, соперничая с Неаполем. Фамилия же Помпеев (не очень глубокой знатности)—чисто римско-провинциального происхождения, в противоположность древнеэтрусской фамилии Помпониев.

R. G o o s s e n s в статье, посвященной анализу двух погребальных эпиграмм, опубликованных P e r d r i z e t в Mélanges Bidez, в 1934 г. («Seuthès, fils d'Epimarchos», p. 91—96), дает ряд конъектур и новых толкований.

A. G r i s a r в статье о различных биографиях Вергилия («Vitae Vergilianae». Les remaniements de la vita du Donat, p. 97—119) устанавливает последовательность и зависимость этих семи Vitae.

L. H a l k i n посвящает свою статью легату Мёзии Тиберию Плавцию Элиану («Tiberius Plautius Aelianus, legat de Mesie sous Néron», p. 121—161). На основании тибуртинской надписи на мавзолее Плавциев (у Ponto Lucano в Тиволи) и нового эпиграфического материала, найденного при раскопках Histria в 1914—1919 гг., автор рисует фигуру крупного политического деятеля эпохи Клавдия, Нерона и Веспасиана, одного из тех, которые создавали Империю. Разбирая вопрос о походе Плавция Элиана в Херсонес Таврический, который был осажден скифским царем, автор полемизирует с Ростовцевым; он несколько снижает значение Плавция Элиана и предлагает ряд поправок в текстах.

J. H u m b l é в статье о работах Антисфена («Antisthenica», p. 163—171) дает разбор показаний Диогена Лаэртского в VI, 15—18, привлекая сюда и другую античную литературу.

P. L a m b r e c h t s в статье об императоре Люции Вере («L'empereur Lucius Verus. Essai de réhabilitation», p. 173—201) устанавливает, что незаслуженно дурную репутацию Люцию Веру создали немецкие ученые (Моммсен, Домашевский, Виламовиц), основываясь на «Historia Augusta». Приложенные снимки с бюстов Люция Вера подчеркивают его сходство с Марком Аврелием.

T h. L e f o r t дает заметку по поводу нового заглавия вышедшего французского издания—Ἡροδότου Θουρίου вместо обычного Ἡροδότου Ἁλικαρνησσῆος («Hérodote d'Halicarnasse», p. 203—208).

Проанализировав все рукописи древнего историка, автор высказывается за прежнее наименование. Название Геродота «Турийцем», по его мнению, встречается лишь в случайной цитате у Аристотеля; в рукописях же оно появляется не раньше XI в.

W. P e r e m a n s в статье о древнейших источниках истории Рима до галльского нашествия («Notes sur l'histoire Romaine avant l'invasion des Gaulois», p. 209—221) указывает, что современные ученые решительно отвергли скептические воззрения Моммсена на древнейший период Рима. Автор отмечает большое значение археологических раскопок, производимых в последнее время, для установления абсолютной и относительной хронологии. В вопросе о том, была ли сожжена Regia галлами и погибли ли вместе с ней и annales pontificis maximi,—автор склоняется к мысли, что эти данные «великой летописи» сохранились у этрусков, и когда мы научимся читать целиком все их тексты, нам откроются и тайны ранней истории Рима.

T h. S i n k o в первой части своей статьи, посвященной вопросу о подлинности трагедии Эврипида «Рес» («De causae Rhesi novissima defensione», p. 203—229), опровергает хронологическую возможность видеть в лице Реса фракийского царя Ситалка, как это (в I томе журнала) утверждает Goossens.

P. v a n d e W o e s t i j n e в своей статье дает анализ перевода «Характеров» Теофраста, сделанного Ла-Брюйером («Theophrast, La cour et la ville», p. 231—251). Он

считает, что Ла-Брюйер передает подлинник более точно, нежели новейшие ученые, и ставит его как вдумчивого и ученого переводчика наряду с Буало.

J. Bastin посвящает свою статью первым опытам раскопок дороги, носящей имя Via Mansuerisca (voie des masuiers) (p. 363—383). Он указывает, что дорога эта была создана галло-кельтским населением еще до прихода Цезаря с целью соединить общину Тревиров с «Trajectus Mosae», подобно тем «длинным мостам» (pontes longi Bataviae), о которых говорит Тацит в «Анналах», I, 63.

J. Breuer в небольшой статье («Le camp de la legio X à Nimegue et celui de la legio II à Batavodurum, p. 385—392) дает описание расположения и устройства двух римских лагерей на севере Галлии.

P. Clement в статье о происхождении мифа об Ифигении («New evidence for the origin of the Iphigeneia Legend», p. 393—409) дает анализ всех литературных и эпиграфических данных, попутно отмечая значение культа Артемиды, носившей имя Ифигении в Авлиде.

P. Sinko в продолжении своей статьи о драме Эврипида «Рес» (стр. 11—429, см. вып. I, стр. 223 сл.) указывает на культ Реса во Фракии. Он приписывает эту драму Эврипиду Младшему, основываясь на том, что во время Демосфена трагедии на исторические темы были особенно популярны.

H. Grégoire et R. Grossens не согласны с выводами P. Sinko («Sitalkes et Athènes dans le «Rhesos» d'Euripide. Reponse à. Mr. Sinko», p. 431—446), вновь подтверждают дату постановки «Реса» между 432 и 425 годами и отрицают наличие в «Ресе» каких-либо намеков на фракийского царя IV в. Керсоблепта (гипотеза Sinko).

M. R. Sulzberger на основании опубликованных фрагментов из Оксиринха восстанавливает одну сцену, как он полагает, из «Мирмидонян» Эсхила («Un fragment des „Myrmidons" d'Eschyle», p. 447—450), опираясь на фрагменты из драм Акция.

H. Tranchant в заметке о Codex Universitatis Bruxellensis (p. 451—453) описывает его особенности и приводит заключающиеся в нем стихи «Ахиллеиды» Стация.

Ch. Velley дает разбор новой проблемы о местоположении Трои («La question du site de Troie», p. 469—488), выдвинутой за последние десять лет. Проанализировав все описания Гомера с точки зрения топографии, разобрав все показания позднейших писателей, особенно географов, автор отвергает возможность Трои-Гиссарлика и настойчиво указывает на Bali-Dagh (Бунарбаши). Автор считает необходимым организовать здесь систематические раскопки.

W. Peremans в статье о римском «империализме» («L'impérialisme Romain», p. 489—501) дает обзор научных работ на эту тему за 1930—1934 гг.

P. Lambrecht дает обзор литературы, касающейся Scriptores Historiae Augustae («Le problème de l'Histoire Auguste», p. 503—516). Особенно подробно он разбирает труд английского историка Baynes («The Historia Augusta. Its Date and Purpose», 1926). Последний выдвинул предположение, что все эти работы написаны с намерением оправдать императора Юлиана, что источником их мог быть Аврелий Виктор или какой-либо общий для них источник и что эти жизнеописания должны быть очищены от многих и крупных интерполяций.

1935 г., том IV

Выпуск 1

Fr. Cumont в большой статье о наименованиях планет в античном мире, их происхождении и истории («Les noms des planètes et l'astrolatrie chez les Grecs», p. 5—43) прослеживает связь этих наименований с философскими, общественными течениями каждого периода. Заимствованные с Востока, переведенные пифагорейцами, удержавшиеся даже в рационалистическую александрийскую эпоху, перенесенные в Рим Посидонием, эти названия сохранились и в христианскую эпоху, несмотря на наскоки не в меру ретивых поборников новой веры.

L. Delatte в заметке к Катуллу XXXI, 3 («Uterque Neptunus», p. 45—47), примыкая к Эллису, толкует это выражение о двух Нептунах как о Нептуне «великом»—боге океана и Нептуне «маленьком»—боге озер и полуостровов.

J. Gessler в статье о библиотеке бенедиктинского аббатства в Anchin («Une bibliothèque scolaire du XI siècle», p. 49—116) дает подробное описание рукописей древних авторов, хранящихся в ней, и отчасти определяет их историческое значение.

M. Guillemin и J. Duchesne на основании восточных памятников устанавливают азиатское происхождение греческой кифары («Sur l'origine asiatique de la cithare grecque», p. 117—127, с 8 листами таблиц, содержащими 34 снимка соответствующих памятников). Если изображения лиры (тоже слово негреческого происхождения) впервые появляются на греческих вазах геометрического стиля, то кифару мы уже встречали у сумеров, митанни, у хеттов, в Сирии и Египте. Интересно отметить, что форма кифары проходит через века без изменений, и, только попав в руки греков, она совершенствуется.

L. Halkin в статье об отце Горация («Le père d'Horace a-t-il été esclave publique», p. 125—140) на ряде эпиграфических данных устанавливает, что общественные рабы никогда не получали фамилии от имени освобождавшей их трибы, а носили специфическое название Publicius или имя того города или колонии, которые их освободили. Таким образом, древнее толкование грамматиков, что отец Горация был рабом частного владельца, может быть признано правильным.

Ch. Josserand в статье о § 18 отрывка из цицероновской «Республики», известного под названием «Сон Сципиона» («L'ami-dieu. À propos d'un passage du «Songe de Scipion», p. 140—152) доказывает точность и правильность цицероновского перевода соответственных мест Платона.

L. Robert в статье о надписях из карийского города Феангелы («Sur des inscriptions de Théangela. I. Eupolemos. II. Les Ruchers de Théangela, p. 153—173) дает анализ двух больших греческих текстов.

L. Von-Weerd в статье об общине тунгров, ее местоположении и участии в императорских войсках («Civitas Tungrorum en Germania Inferior», p. 175—189) разбирает ряд надписей и латинских текстов, а также новейшие работы по этому вопросу.

H. Philippart дает опись греческих ваз, находящихся в мелких городах или в частных коллекциях Англии («Collections de céramique grecque en Angleterre», p. 205—226) с 30 снимками. Особенно интересны: чаша из Кембриджа с рисунком—голова Орфея.

Выпуск 2

A. Delatte в большой статье об обращении Горация к верованиям предков («La conversion d'Horace—ode I, 34») излагает все прежние толкования этой оды.

L. Delatte подробно анализирует оду I, 3 Горация («Caelum ipsum petimus stultitia», p. 309—336). Разобрав все ранее бывшие и возможные толкования, автор приходит к выводу, что Гораций на основании учения стоиков осуждает занятие астрологией.

E. Galletier в статье о путешествии Горация в Грецию («Horace et les souvenirs de son voyage en Grèce», p. 337—347) на основании писем Цицерона и мелких замечаний Горация (эпитеты, сравнения) рисует картину четырехлетнего пребывания поэта в Греции. Датой его прибытия туда автор статьи считает весну 45 г. Как бы велико ни было влияние на Горация греческих лириков, он был чужд рабскому подражанию и всегда оставался верен реализму.

J. Hubaux в статье по поводу 17-го эпода Горация («La sérénade de l'amant vengé», p. 349—356) высказывает взгляд, что стихи 20—23 не относятся к этому эподу, и ставит его в связь с одами 1—25, III—15 и IV—13.

Ch. Josserand истолковывает оду Горация «Dum meam canto Lalagen» (стр. 357—363) как шуточную. Он видит в ней ответ Аристию Фуску («Письмо», 1—10).

J. Marouzeau в статье, анализирующей употребление Горацием собственных имен («L'art du nom propre chez Horace», p. 365—374), отмечает их многочисленность

и нарочитую благозвучность. Автор подчеркивает сходство в приемах использования собственных имен у Горация и у современных поэтов.

M. Laurent анализирует изображения на сохранившихся доныне барельефах (главным образом, французских и бельгийских храмов) птиц в гнезде, деревьев и кустов, змей и львов («Le phénix, les serpents et les aromates dans une miniature du XII siècle», p. 375—401). Автор статьи считает, что эти изображения заимствованы из описаний Феофраста и Плиния, приписывавших животным знание скрытых свойств целебных трав. Христианская церковь в лице Исидора Севильского применила эти изображения в своей символике—спасения «древом жизни» (крестом) и гибели «от змия» или «льва рыкающего» (дьявола).

W. Peremans в статье об употреблении двух языков в птолемеевском Египте III в. до н. э. («Over tweetaligheid in Ptolemaisch Egypte», p. 403—417) отмечает наличие такого билингвизма и в официальной и частной жизни. Языком государственным и административным был исключительно греческий; в мире финансовом и судебном были в ходу оба языка. Такую же двойственность мы наблюдаем и в различных слоях общества. С повышением общественного положения знание обоих языков возрастает, но египтян, знающих греческий язык, несравненно больше, чем иностранцев, знающих египетский.

H. G. Ramsay в большой, еще не законченной статье о строительстве в III в. н. э. («A third century a. C. building program», p. 419—447) анализирует все данные, главным образом из «Scriptores Historiae Augustae» и специально из «Vita Alexandri», о строительстве и в первую очередь—о реконструкции древних памятников Рима (Колизея, Стадия, Цирка, Театра и мн. др.).

1936 г., том V

Выпуск 1

H. Philippart дает большую статью об аттических вазах с белым фоном («Les coupes attiques à fond blanc», p. 5—86) с 34 фотографиями ваз.

A. Smets дает описание панафинейских ваз, на которых указаны имена архонтов («Groupes chronologiques des amphores panathénaiques inscrites», p. 87—104). Статья иллюстрирована многочисленными фотографиями. Наибольшую ценность представляют греческие вазы (керченские раскопки) из собрания ленинградского Эрмитажа.

P. Lambrechts в статье о составе римского сената во II в. н. э. («Trajan et le recrutement du Senat», p. 105—114), подробно разобрав не раз дебатировавшийся вопрос, приходит к заключению, что до эпохи Домициана число провинциальных сенаторов было крайне незначительно (меньше 20%), а после смерти Домициана и особенно при Траяне это число резко выросло (выше 50%). Этот вывод опровергает ложную точку зрения Ростовцева, будто бы «лишь немногие из сенаторов были италийского происхождения». Автор статьи также опровергает общепринятую точку зрения на различный образ действия в этом вопросе Траяна («императора-аристократа») и Адриана («императора-эллинофила»). Наибольшего внимания заслуживает тот факт, что Траян, уроженец Испании, ввел в сенат не своих соплеменников, а представителей восточных провинций, что всегда приписывалось Адриану.

V. Magnien дает подробное описание брачных обрядов у древних греков («Le mariage chez les grecs anciens», p. 115—138). Ни один древний автор не оставил нам систематического описания этих обрядов, так как брак был «таинством», и мы могли судить о брачной церемонии лишь по отдельным намекам у различных писателей.

F. De Ruyt в статье, посвященной погребальным памятникам Этрурии, выделяет вопрос об этрусской демонологии («Les traditions orientales dans la démonologie étrusque», p. 139—146). На ряде фактов, главным образом на примере Харона-Тухулька, автор доказывает прямое заимствование этих памятников и изображений из Азии, а не через посредство Греции или Южной Италии.

H. G. Ramsay продолжает свой обзор строительства в III в. н. э. («A third century a. C. building program», p. 147—176) храмов Изиды и Сараписа, мостов, товарных складов и т. д.

Выпуск 2

K. Marot в своем докладе, сделанном на VI международном конгрессе в Брюсселе, указывает, что многие имена богов античных религий происходят от эмоциональных звуков и жестов первобытного человека и по своему значению и образованию являются «интернациональными». Таковы греческое ἀλαλά, латинское ululare, семитское «аллилуия», хетское имя бога-царя «Алалу», древнерусское «Лель» и «Ладо».

C. Clement в статье о связи религии этрусков и религии Малой Азии («Les rapports de la religion étrusque avec les religions du Proche-Orient», p. 263—271) устанавливает ряд схожих моментов в обрядах и религиозных верованиях этих двух стран. Автор особо останавливается на религии Артемиды и указывает на ее сходство с лидийским культом города (и страны) «Тугга», известном нам с VII в. Автор таким путем объясняет имя этрусков—«Tyrrenes»—и признает правильность геродотовской версии о происхождении этрусков.

R. Gantarella приводит новые фрагменты из сочинения Эпикура «О природе» («Nuovi fragmenti del Περὶ φύσεως di Epicuro dal pap. Ercol.», № 1420, p. 273—323), восстанавливает их текст и дает к ним обширный комментарий.

L. Gernet в статье на тему о связи религии с уголовным наказанием («Quelques rapports entre la pénalité et la religion dans la Grèce ancienne», p. 325—339) дает расширенный комментарий к 9-й книге «Законов» Платона (855). Он устанавливает, что обряды казни были первоначально обрядами человеческого жертвоприношения в виде распятия на коже или на дереве, в виде «посажения» на землю для отсечения головы (deminutio capitis).

L. Van-de-Weerden на основании археологического и эпиграфического материала разбирает вопрос об участии белгов в войсках римлян («De Belgen in het Romeinsch Leger», p. 341—372). В напечатанной здесь части статьи (продолжение следует) он рассматривает эпоху принципата.

P. Gilbert в небольшой статье о трехгранной призме из белого мрамора с изображениями трех девушек («Le thème du groupement des Grâces avant les Grecs», p. 371—380) сравнивает эту группу с такой же призмой из розового камня в Карнаке, на которой изображена якобы богиня Гатор. Автор считает, что оба эти камня изображают Граций-Харит.

L. Delatte начинает свою большую статью о подвижных праздниках в римском календаре («Recherches sur quelques fêtes mobiles du calendrier Romain», p. 381—404): 1) Feriae sementivae; 2) Fornacalia; 3) Florifertum.

1937 г., том VI

Выпуск 1 (апрель)

Ch. Dugas в очень интересной статье об отображении исторических (мифологических) эпизодов в литературе и живописи («Tradition litteraire et tradition graphique dans l'antiquité grecque», p. 5—26), в противоположность К. Роберту («Bild und Lied», 1881), устанавливает, что живопись и литературная традиция совпадают. По мнению автора, живопись (главным образом, вазовая) предвосхищает литературные произведения, зачастую сохраняя черты мифа, исчезнувшие из литературы. Автор доказывает это анализом мифа о «Суде Париса», попутно отмечая, что эта тема была особенно в ходу во время Пелопоннесской войны (Эврипид); последняя в некоторых кругах Афин расценивалась (Аристофан—«Ахарняне», 524—529) как война из-за женщин. Графическое же изображение расходится с литературной традицией. Это положение автор иллюстрирует сказанием о смерти Астианакса: по литературной традиции Астианакс после взятия Трои был сброшен Неоптолемом с башни, по вазовым рисункам он был убит Неоптолемом же, но вместе с Приамом (влияние сказания о смерти Троила?).

Причины такой различной трактовки автор считает нужным искать во внутренней политической жизни Афин.

A. Carnoy посвящает свою статью анализу собственных имен некоторых местностей Бельгии («L'élément sentimental dans les noms de lieux galloromains en Belgique», p. 27—34). Автор отмечает, что в отличие от германских наименований, всегда происходящих от имени владельца местности или виллы, кельто-римские названия связаны с характером местности или ее историей (например, Vitry от victoriacum, как Ницца (Nice) от греческого Νικία—место победы). Особенно часто к имени прибавляются слова «божественный» (Divonne, Diaz, Dik и т. д.) или «мать» (Mamma или Acca)—Matrona, Mambra, Akerne, Axona (нынешняя l'Aisne).

P. Lambrechts в своей статье говорит о восточной торговле в Галлии перед эпохой Меровингов («Le commerce des „Syriens" en Gaule du Haut Empire à l'époque Mérovingienne», p. 35—61).

M. Delcourt дает толкование первых стихов «Царя Эдипа» («Les suppliants et leurs rameaux au début d'Oeudipe roi», p. 63—70), причем отмечает более правильное понимание их у древнего схолиаста сравнительно с современными комментаторами.

L. Van-de-Weerden, продолжая свою статью об участии белгов в армии римлян в ранний и поздний период Империи («De Belgen in her Romenische Leger», p. 71—92), приходит к выводу, что белги использовались больше для службы в Британии.

L. Delatte продолжает свое исследование о римских праздниках («Recherches sur quelques fêtes mobiles du calendrier Romain», p. 93—117).

A Dain делится результатами изучения рукописи Фукидида, находящейся в Мюнхене («Un manuscrit de Thucydide de Monacensis gr. 126», p. 119—124). Он приписывает ее письму ученого грека Михаила Апостолиоса (XV в.), который копировал свои рукописи с очень хороших древних оригиналов.

H. Van-de-Weerd в краткой заметке («Notes d'épigraphie latine», p. 125—128) разбирает две надписи, касающиеся ala Afrorum и Cohors I Flavia Cilicum equitata.

P. Lambrechts дает ряд критических заметок к надписям и к текстам историков позднего периода Римской империи («Bijdragen tot de Geschiedenis van het Romeinsch Keizerrijk», p. 129—135).

S. J. De Laet дает две заметки о двух римских магистратах («Note sur la carrière de deux senateurs Romains», p. 137—140): L. Aemius Lamia и M. Aurelius Cotta Maximus Messalinus.

J. Duchensne-Guillemin дает некролог и оценку трудов недавно умершего французского ученого-лингвиста Antoine Meillet (p. 141—146).

Выпуск 2 (декабрь 1937 г.)

W. Deonna в очень ценной работе («Du „miracle" grec au „miracle chrétien". Classiques et primitifs dans l'art antique», p. 181—230) исследует вопрос о характере греческого искусства в его исторической зависимости. Автор ставит перед собой четыре цели: 1) выявить путем анализа памятников глубокое различие между искусством Греции и других народов; 2) выяснить, что́ является «классическим» и «примитивным» в античном искусстве; 3) установить точки соприкосновения различных миров искусства: влияние на Грецию других стран, процесс эллинизации античного мира в сфере искусства, реакция на местах и возвращение к «примитивизму» (который автор резко отличает от «архаизма») и 4) подчинение раннехристианского «примитивизма» влиянию греческого искусства и возникновение искусства Возрождения и современного искусства.

Fr. Dornseiff исследует восточные влияния на греческую религию и мифотворчество («Altorientalisches in Hesiods Theogonie», p. 231—258). Он устанавливает, что греческая литература является лишь продолжением и осмыслением литературы и истории Передней Азии. На ряде параллелей (Кронос—Ваал, Горгона, Гея, сохранившая и у Гесиода все́ черты матриархата, и т. д.) автор доказывает зависимость теогонии от финикийского и вавилонского религиозного эпоса.

Ch. Josserand в небольшой заметке об Ио и Оводе («Io et le Taon», p. 259—263) доказывает, что образ Овода в мифе—довольно позднего происхождения: он заме-

нил собой первоначальных Эриннию и Тисифону. На основании византийских текстов автор устанавливает, что в восточной демонологии очень часто злой дух (Гиллу), пожирающий новорожденных, изображался в виде мухи.

L. Lacroix свою большую статью посвящает разбору одинаково звучащих названий рыб и птиц («Noms de poissons et noms d'oiseaux en Grec ancien», стр 265—302). Он устанавливает, что лишь часть этих названий может быть объяснена самостоятельно, большинство же является заимствованным. Здесь играет роль форма рыб (например, летучие рыбы), их окраска, особенности той или иной части их тела. Автор разбирает 35 названий рыб и истолковывает их, подчеркивая их тесную связь с разговорным народным языком.

A. Geubel дает маленькую заметку о раскопках в Arlon в 1930 г. (p. 303—304).

Fr. De-Kuyt посвящает свою статью современному состоянию этрускологии («Le problème de la langue étrusque, стр. 305—318). На основании данных языка он приходит к выводу о родстве этрусков с южными народностями Италии и об отсутствии какой бы то ни было связи их с латинским племенем. Более всего язык этрусков похож на древнемалоазийские (карийский, лидийский и ликийский), на микенский и критский и на диалект Лемноса.

F. Peeters в своем большом обзоре охватывает все, что сделано за истекшее десятилетие в области научной библиографии, описания рукописей и форм издания текстов («La technique d'édition 1926—1936», стр. 319—356).

R. Henry в подробном обзоре библиографии за последние годы, посвященном мелким произведениям Вергилия («Où en est l'énigme de l'Appendix Virgiliana?» стр. 357—395), приходит к выводу, что, несмотря на множество написанных на эту тему статей, вопрос все еще остается не решенным.

С. Кондратьев

А. И. АМИРАНАШВИЛИ, Новая находка в низовьях реки Ингура, изд. Тбилисского гос. университета (Материалы по археологии Грузии), 77 стр. с 10 таблицами и 35 рисунками в тексте, Тбилиси, 1935, тираж 2200 экз., цена 8 руб.

Названная публикация посвящена коллекции вещей, хранящихся в Зугдидском музее Грузинской ССР и получивших под названием «Зугдидского клада» широкую известность в археологических кругах еще за несколько лет до публикации.

Найденный в 1930 г. «Зугдидский клад» приоткрывает завесу над прошлым богатой памятниками, но еще мало изученной Колхиды.

Входящие в состав Ингурской находки вещи поддаются точной датировке и имеют весьма ярко выраженные стилистические признаки, связывающие их, с одной стороны, с эллинизированной культурой тогдашних центров северного Причерноморья и, прежде всего, Боспорского царства, с другой стороны—с местными культурными центрами и западного Кавказа, искусство которых, сформировавшееся еще в эпоху бронзы, имело специфически локальные черты. Обстоятельства находки этих вещей не позволяют судить о характере комплекса, одну лишь четвертую часть которого (остальное было расхищено) они представляют.

Автор публикации предполагает, не настаивая, впрочем, на этом предположении, что комплекс являлся погребальным. Указания на это автор находит лишь в составе вещей: 13 золотых украшений, среди которых фигурная голова оленя, украшенная зернью бусина, зернью и цветным стеклом украшенные обкладки и бляшки, 5 серебряных сосудов и много фрагментов подобных же сосудов, ручка бронзового кувшина и части железных конских удил и железной кольчуги. Нельзя сказать, чтобы подобный остав сам по себе давал что-либо существенное для определения значения комплекса. Довольно важное указание, говорящее против этого предположения (на месте находки при его обследовании не было обнаружено никаких признаков человеческих костей),

автор отвергает на том основании, что вещи лежали в сыром грунте и что кости, следовательно, должны были разрушиться,—вывод неверный и основанный лишь на недоразумении, которое может быть рассеяно ссылкой на раскопки самой же А. И. Амиранашвили на холме Наохвамуш близ ст. Квалони, где в весьма сыром грунте ею были добыты костяные орудия и огромное количество костей животных прекрасной сохранности. Известно к тому же, что культурные слои, залегающие в торфяниках ниже поверхности грунтовых или наземных вод, прекрасно сохраняют не только кости, но и гораздо легче поддающееся разрушению дерево. Необходимо примириться с тем, что возможности для решения вопроса о характере всего комплекса для нас утрачены благодаря случайности и фрагментарности находки. Все же эти вещи, в особенности некоторые из них, весьма выразительны. Они позволяют делать выводы о вероятном месте их производства и о характере материальной культуры страны колхов. Автор устанавливает две художественные струи, дающие себя почувствовать через формы и стиль Ингурских находок. Это—ювелирное искусство Боспора (а через Боспор в первую очередь Малой Азии) и звериный стиль кавказской бронзы (навершье в виде золотой головы оленя тонкой чеканной работы). Азиатская часть Боспорского царства дает очень большое число аналогий и для посуды из драгоценных металлов и для бляшек, украшенных вставками из разноцветного стекла. Стоит вспомнить лишь курганную находку близ ст. Сиверской («Сиверский клад»), где перед нами стеклянные в золотой обкладке сосуды того же типа, что и фрагментированный серебряный канфар Зугдидского клада, и золотые бляхи, исполненные в той же технике и с такими же вставками из разноцветного стекла или камня. Подобные же аналогии дают находка близ ст. Ахтанизовской на Таманском полуострове и ряд других предметов, исполненных с соблюдением той же художественной традиции.

Голова оленя, наиболее любопытный из предметов Ингурской находки, заслуживает специального исследования, поскольку до сих пор нельзя считать вполне ясными ни ее назначение, ни происхождение. В отношении последнего автор справедливо указывает на ее близость к общему облику бронзовых оленей Казбекского клада и других кавказских находок эпохи поздней бронзы. Близость эта очевидна во многих чертах, однако столь же очевидна и разница, коренящаяся не только в разновременности сравниваемых предметов, в различии материала и техники его обработки. Налицо более глубокие и чисто стилистические несовпадения. Зугдидская оленья голова по той манере, в которой она исполнена, до известной степени также тяготеет к Боспору или во всяком случае к той ювелирной технике, в которой исполнены упоминавшиеся выше боспорские украшения. К сожалению, ни Боспор, ни Кавказ не дают пока прямых и синхронных аналогий для этого очень интересного предмета[1]. Возможно, что подобные аналогии мог бы дать Понт, материал которого, к сожалению, пока еще весьма мало известен. Как бы там ни было, мы могли бы, мне кажется, говорить о принадлежности этого памятника к искусству понтийского круга, объединяя в нем Боспор, Кавказское побережье и Каппадокию. Аналогии, подобные вышеуказанным, дали возможность автору сделать очень точные выводы в отношении хронологии находки. Вещи, несомненно, не позднее начала I в. н. э.; однако, как кажется, можно допустить и несколько более раннюю дату, а именно I в. до н. э., что согласуется с датировками известной части привлеченного А. И. Амиранашвили к обсуждению материала и подкрепляется датой Сиверского клада.

Как известно, в I в. до н. э. культурные и политические связи Боспора и Понта были наиболее интенсивны. Период этот надо считать весьма благоприятным для

[1] Опубликованное недавно («Eurasia Sept. antiqua», X, 55) бронзовое навершье Новочеркасского музея—голова оленя на длинной втулке, с условно трактованными ветвистыми рогами—указывает нам лишь прототип навершья Зугдидского клада. Равно как и происходящая из того же Новочеркасского музея фрагм. бронзовая пластина (там же, стр. 57) имеет орнаментальные мотивы, близкие мотивам золотой обкладки из Зугдидского клада (табл. II, 5). Но все это лишь подтверждает наличие очень сильной местной традиции, лежащей в основании ювелирного искусства эллинизированного Кавказа.

распространения перекрестных художественных влияний и для проникновения на кавказские рынки многочисленной и разнообразной продукции боспорского и каппадокийского ремесла, в том числе и драгоценных изделий.

В Ингурской находке перед нами, несомненно, продукт того быта и искусства, которые складывались в результате событий, объединивших на короткий срок юг и северо-восток Эвелинского Понта в борьбе с римской военной экспансией.

Исследуя в этой связи значение вещей Зугдидского клада, А. И. Амиранашвили указывает для них несколько аналогий из различных мест западного и центрального Кавказа,—таких, например, как серебряный сосуд, найденный в Борн, другой сосуд из Бандза (Менгрелия) и ювелирные изделия (бусы, серьги и бляшки) из Носири, близ ст. Абиша, и из могильника Камунты.

Публикация Зугдидского клада[1] сопровождается подробным и точным описанием предметов, включающим в себя определение приемов техники их изготовления, установление назначения степени сохранности и вероятной реконструкции формы в тех случаях, когда речь идет о фрагментах. Аналитическая часть, рассматривающая вопросы происхождения, хронологии и культурно-исторического значения находки, выделена в особую главу. Некоторые из высказанных в ней положений были нами рассмотрены выше.

Новый материал, добытый раскопками самых последних лет, в значительной части еще не опубликованный, несомненно, позволит в ближайшем будущем определить точнее и конкретнее, чем это возможно было до сих пор, место Зугдидского клада в ряду памятников материальной культуры древнего Закавказья.

Л. Ельницкий

Библиографические заметки

Первый том «Истории народов СССР»

Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР подготовлен к изданию первый том шеститомника по истории СССР. Советскими историками проделана громадная работа по изучению самого древнейшего периода истории народов СССР, начиная с глубокой древности и кончая образованием древнерусского государства.

Первый том, над которым работал большой коллектив научных работников, делится на четыре части. Первая часть, состоящая из трех глав, посвящается периоду первобытно-общинного строя на территории СССР. Глава первая—освещает период дикости, низшую и среднюю его ступень, а также характеризует географическую среду древнейшей эпохи истории. Глава вторая—рассматривает высшую ступень дикости и низшую ступень варварства на территории СССР. Глава третья—излагает среднюю ступень варварства—эпоху меди и бронзы. В ней дается также освещение культурного развития в глубокой древности таких частей нашей страны, как Кавказ, Закавказье, Сибирь, Казахстан, нижнее и среднее Приднепровье и т. д. Изложение всех трех глав доводится до конца медно-бронзового века и появления железа.

Вторая часть тома содержит шесть глав и охватывает период от возникновения Урартийского государства до так называемого переселения народов, т. е. до крушения античной рабовладельческой цивилизации. Глава первая—посвящена Закавказью и Средней Азии в составе государств Древнего Востока. Изложение начинается с образования государства Урарту и его борьбы с Ассирией, далее дается краткая история киммерийцев и скифов. Глава вторая—отведена северному Причерноморью, скифам и грекам в северном Причерноморье в VII—IV вв. до н. э. Затем освещается период греческой колонизации северного и восточного Причерноморья и Боспорских госу-

[1] К сожалению, не все воспроизведения вещей достаточно отчетливы; в особенности это относится к бляхам на табл. III со звериными изображениями, уразумению которых мало помогает и помещенный в тексте штриховой рисунок.

дарств. Глава третья—дает историю народов Средней Азии и Закавказья под властью греко-македонских властителей и историю Армении в период Селевкидов. Глава четвертая—освещает период варварских государств на территории СССР и их борьбу с иноземными завоевателями. В этой главе излагается также история Средней Азии, Закавказья, Великой Армении, Албании, Иберии и Колхиды ко времени римского завоевания. Глава пятая—содержит историю северного Причерноморья, Закавказья, Средней Азии и Центральной Азии в первые века нашей эры. Глава шестая—древнюю историю северной—североевропейской части нашей страны и Сибири в I тысячелетии до н. э. и в начале н. э. Освещается также в этой главе культурная история северной половины европейской части СССР в первые века н. э.

Третья часть первого тома «Истории народов СССР» включает период с III по VII вв. н. э., т. е. время крушения Римского рабовладельческого государства в результате революции рабов и натиска варваров на Империю. Первая глава этой части дает изложение возникновения феодальных отношений и создания ряда туземных варварских государств на территории СССР. Вторая глава—освещает Среднюю и Центральную Азию в III—VII вв. Третья глава—отведена раннефеодальным государствам Закавказья в сасанидский период, характеристике раннефеодальных монархий армянских Аршакидов, а также выяснению причин распространения власти Византии в Закавказьи. В этой же главе дается очерк истории материальной и духовной культуры Грузии в VI в. Четвертая глава—посвящена южной половине европейской части СССР в V—VII вв. Здесь трактуется вопрос о южноболгарских племенах в степной полосе восточной Европы, даются история северокавказских аланов и культура варваров юга СССР в V—VII вв. Особое место отведено происхождению и быту славян.

Последняя, четвертая часть первого тома охватывает события последних трех веков первого тысячелетия н. э., трактует вопросы дальнейшей феодализации государственных образований в нашей стране и взаимоотношения их с варварским миром.

Содержанием первой главы четвертой части является период завоевания арабами Средней Азии в VII—VIII вв.; дается история Средней Азии во время ее подвластности Омейядскому и Абасидскому халифатам. Во второй главе освещается история Закавказья в период арабского владычества, история Армении и Грузии во время арабских завоеваний, а также дается характеристика социальной и экономической жизни Армении и Грузии в IX—X вв. В третьей главе дается история европейской части СССР в период Хазарского каганата и в главе четвертой—история Центральной Азии, Сибири и дальнего Востока в VII—X вв.

В настоящее время первый том «Истории СССР» напечатан небольшим тиражом на правах рукописи с тем, чтобы еще раз детально его обсудить в среде советских ученых и компетентных историков и установить окончательную редакцию для выпуска его в свет.

По окончательной обработке тома, в котором будут использованы последние достижения марксистской исторической науки, советская наука обогатится фундаментальным трудом по истории древнего периода СССР, где всем народам будет отведено достаточно места в соответствии с их историческим значением и ролью, какую они играли в историческом развитии СССР до X в. н. э.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС, Сочинения, т. I, Гос. изд-во политической литературы, 1938, 636 стр., цена 3 р. 50 к.

Изданный Институтом Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) первый том сочинений Маркса и Энгельса является дополнительным выпуском и воспроизводит первое издание. Но ряд работ Маркса и Энгельса, перевод которых был сверен с оригиналом и исправлен, дается в этом новом, исправленном виде. В остальных же работах устранены лишь замеченные при просмотре текста отдельные ошибки и неточности перевода.

В первом томе помещены исследования, статьи, письма К. Маркса 1837—1844 гг. Содержание первого тома отражает первый период деятельности Маркса, его формиро-

вание в творца научного коммунизма. В гигантской работе, которую проводил Маркс в выработке своего мировоззрения, не последнее место занимало изучение им истории древнего мира. Маркс, по определению Энгельса, «совершил переворот во всем понимании всемирной истории». Материалы первого тома, относящиеся к античному миру, показывают не только их исключительное научное значение, но они приоткрывают лабораторию умственной работы Маркса, из которой видно, с каким увлечением он изучал античный мир. Он настойчиво овладевал наследием прошлого, опираясь на все лучшее, что было создано за предшествующее историческое развитие человечества.

В I томе опубликован любопытный документ: аттестат зрелости воспитанника Трирской гимназии Карла Маркса, из которого видно, какое большое значение Маркс придавал знанию древних языков. Марксу было всего 17 лет, но он не только хорошо знал уже греческий и латинский языки наряду с европейскими, но и написал на латинском языке сочинение по истории Рима. Тема сочинения: «Следует ли причислять принципат Августа к счастливейшим эпохам Римской империи». Интересно заключение педагогов об этом сочинении Маркса, отметивших «значительное знание по истории и латинскому языку».

На трех страничках книжного текста молодой Маркс дает освещение эпохи Августа, обнаруживая при этом блестящие знания исторического материала, анализируя конкретный ход истории того периода с действиями масс, характеристиками действующих лиц.

Выделяя эпоху Августа, Маркс при этом заключает: «Однако мы не должны до такой степени восхищаться эпохой Августа, чтобы упускать из виду, что она во многих отношениях хуже эпохи, предшествовавшей пуническим войнам, потому что вследствие ухудшения нравов, ограничения свободы, упадка доблести и даже полного ее исчезновения при господстве алчности, роскоши и невоздержности сама эта эпоха не может быть названа счастливой» (стр. 409).

Величайший ученый XIX столетия Маркс самым тщательным образом изучает древних философов и историков, обогащая свои знания, с тем чтобы быть во всеоружии в своих общих революционных выводах. 23-летний Маркс избирает темой своей докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» (стр. 4—92), в которой обнаруживаются исключительная глубина анализа и знание первоисточников, освещается сложнейшая проблема из истории греческой философии. Его определения исторических деятелей древнего мира, как, например, Аристотеля, «этого Александра Македонского греческой философии», и других, стали классическими определениями, давным давно вошедшими в научный оборот. Написанная ярким, чеканным языком диссертация, несмотря на трудность темы, читается с интересом, ибо за каждой строчкой чувствуется живая ткань истории с ее участниками и событиями.

Помещенный как приложение к диссертации фрагмент «Критика полемики Плутарха против теологии Эпикура» и примечания к диссертации показывают, с какой научной кропотливостью и добросовестностью Маркс изучает, выписывает и конспектирует сотни страниц из Цицерона, Плутарха, Секста, Аристотеля, Диогена, Симплиция, Сенеки и многих других.

В небольшой заметке нельзя исчерпать и малой доли заключенного в первом томе богатства фактов, идей и характеристик. Все суждения Маркса об исторических событиях древнего мира основываются на тщательном изучении реальных фактов, на глубоком понимании действительного хода истории, творцами которой являются сами люди. Работы Маркса, помещенные в первом томе его сочинений, в том числе по античному миру, являются мощным арсеналом для движения советской исторической науки, для вооружения ее смелостью и широтой теоретической мысли.

«Наука о расах и расизм». Труды, вып. IV, научно-исследовательского Института антропологии Моск. гос. университета, изд-во АН СССР, 1938, 192 стр., тираж 4000 экз., цена в переплете 9 руб.

Сборник «Наука о расах и расизм» представляет собой первый выпуск трудов научно-исследовательского Института антропологии МГУ.

В сборнике помещены статьи: 1) В. В. Бунака «Раса как историческое понятие». 2) М. А. Гремяцкого «Признаки „высших" и „низших" рас и антропогенез». 3) Я. Я. Рогинского «О психотехническом исследовании разных племен и народов». 4) Г. Ф. Дебец «Расы, языки, культуры». 5) А. М. Золотарева «Расовая „теория" и этнография». 6) С. П. Толстова «Расизм и теория культурных кругов». 7) Г. Ф. Дебец и М. В. Игнатьева «О некоторых вариационно-статистических „методах" расового анализа в буржуазной антропологии».

«Против исторической концепции М. Н. Покровского». Сборник статей Института истории Академии наук СССР, часть 1, под редакцией Б. Грекова, С. Бушуева, В. Лебедева, А. Сидорова, А. Шестакова и Ем. Ярославского, изд-во АН СССР, 1939, 517 стр., цена в переплете 13 руб.

Аннотируемый сборник ставит своей задачей помочь советским историкам преодолеть вредные антиисторические взгляды Покровского и его «школы», антимарксистские утверждения которых по сути дела вели к вредительской ликвидации истории как науки. Авторы сборника вместе с тем пытаются дать решение ряда вопросов истории в свете марксизма-ленинизма. Поэтому сборник этот является полезным пособием для всех советских историков и послужит толчком для дальнейшего развития марксистско-ленинской исторической науки.

Прежде всего необходимо отметить помещенную в сборнике обстоятельную работу А. Панкратовой «Развитие исторических взглядов М. Н. Покровского», в которой подвергаются критике исторические и общефилософские взгляды М. Н. Покровского, вскрываются корни его глубоко ошибочных теоретических и политических взглядов и вытекающего из них практического смыкания представителей его «школы» с вредителями из троцкистско-бухаринской банды.

В статье акад. Б. Д. Грекова «Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М. Н. Покровского» опровергается трактовка Покровским раннего периода истории нашей родины—Киевской Руси,—трактовка, сыгравшая наруку враждебным нам историкам,—и восстанавливается подлинная история одного из важнейших периодов нашей страны.

В сборнике помещены также статьи: С. Бахрушина «Феодальный порядок в понимании М. Н. Покровского», К. Базилевича «Торговый капитализм и генезис Московского самодержавия в работах М. Н. Покровского»; А. Савича «Польская интервенция начала XVII в. в оценке М. Н. Покровского»; М. Нечкиной «Восстание Разина и Пугачева в концепции М. Н. Покровского»; В. Пичета «М. Н. Покровский о войне 1812 года»; М. Нечкиной «Восстание декабристов в концепции М. Н. Покровского»; Н. Дружинина «Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М. Н. Покровского»; Е. Мороховца «Крестьянская реформа 1861 г. в освещении М. Н. Покровского»; Д. Баевского «Народничество в освещении М. Н. Покровского»; А. Сидорова «Ошибки М. Н. Покровского в оценке русско-японской войны» и А. Ерусалимского «Происхождение мировой империалистической войны 1914—1918 гг. в освещении М. Н. Покровского».

Институт истории АН СССР подготовляет к печати вторую часть сборника, куда войдут статьи, критикующие взгляды М. Н. Покровского на татарское иго, на реформы Петра I, на внешнюю политику царизма, на революцию 1905 г., на Октябрьскую социалистическую революцию и другие.

М. КОВАЛЕВСКИЙ, Очерк происхождения и развития семьи и собственности, Гос. социально-экономическое издательство, перевод с французского С. П. Моравского, под редакцией и с предисловием

проф. М. О. Косвена, 1939, 185 стр., тираж 30 000 экз., цена в переплете 4 р. 25 к.

Переизданная Соцэкгизом в новом переводе работа известного русского ученого М. М. Ковалевского представляет курс лекций, прочитанных автором на французском языке в Стокгольмском университете. Из большого литературного наследства Ковалевского выбор издания настоящей работы объясняется необходимостью восполнить существующий пробел в нашей литературе по первобытной истории. Основными вопросами изданной в новом переводе работы Ковалевского являются начальная история семьи, смена матриархата патриархатом, история домовой и сельской общины и, наконец, история земельной собственности. Наиболее основательно разработана Ковалевским в этой книге история семьи в патриархальном обществе.

Ковалевский, будучи прогрессивным ученым своего времени, был лично знаком с великими основоположниками марксизма—К. Марксом и Ф. Энгельсом, оказавшими на молодого тогда русского ученого сильное влияние. В письме к Н. Даниельсону в сентябре 1879 г. Маркс причислял Ковалевского к числу своих «друзей по науке». Как известно, «Очерк» Ковалевского был использован Энгельсом при переделке им для четвертого издания своего труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Книга Ковалевского издавалась в русском переводе первым изданием в 1895 г., вторым—в 1896 г. Перевод был сделан совершенно неудовлетворительно с рядом пропусков. Настоящее издание дает новый, полный перевод с французского текста.

Собрание сочинений А. Н. ВЕСЕЛОВСКОГО, том шестнадцатый, изд-во АН СССР, 1938, 368 стр., тираж 8 225 экз., цена 13 р. 50 к.

В шестнадцатый том сочинений А. Н. Веселовского вошли его исследования по фольклору и мифологии. Аннотируемый том включает статьи и рецензии А. Н. Веселовского, посвященные вопросам изучения сказки. Содержание тома следующее: Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса. Сравнительная мифология и ее метод. Джузеппе Питрэ и его библиотека народных сицилийских преданий. Индейские сказки. Сказки об Иване Грозном. Малорусские народные предания и рассказы. Stanislao Prato, La leggenda del Tesoro di Rampsinite nelle varie redazioni italiane e straniere. Rumänische Märchen, übersetzt von Mite Kremnitz. Kolmacevsky, L., Das Tierepos im Occident und bei den Slaven. Sagen und Märchen der Südslaven, in ihrem Verhältniss zu den Sagen und Märchen der Übrigen indo-germanischen Völkergruppen, von Dr. Friedrich S. Krauss. Лоренские сказки. Сказки тысячи и одной ночи в переводе Галлана.

В конце книги даны указатель собственных имен и указатель персонажей.

«Памяти акад. Н. Я. Марра (1884—1934)», Академия наук СССР, изд-во АН СССР, 1938, 476 стр., тираж 4 000 экз., цена в переплете 14 р. 50 к.

Изданная Институтом языка и мышления Академии наук СССР книга посвящена обобщению наследия учения Марра и его роли в развитии лингвистической науки.

В первом разделе книга содержит следующие статьи и исследования: 1. Акад. И. И. Мещанинова «Общее языкознание за 20 лет». 2. А. Бернштама «О древнейших следах джекания в тюркских языках Средней Азии». 3. З. А. Бокарева «Материалы по диалектологии андо-цезских языков». 4. С. Быховской «Особенности употребления переходного глагола в даргинском языке». 5. О. Васильчевского «Вигезимальный счет в курдском». 6. М. М. Гитлиц «О путях проникновения семитских элементов в еврейский язык (Идишь)». 7. М. М. Гухман «Доиндоевропейские» термины родства в германских языках». 8. Ш. Дзидзигури «К характеристике нижнеимерского говора грузинского языка». 9. К. Дондуа «Категория инклюзива—эксклюзива в сванском и ее следы в древнегрузинском». 10. И. В. Мегрелидзе «Женские фамильные окончания в южнокавказских

яфетических языках и фольклоре». 11. И. И. Мещанинова «К вопросу о генезисе пассивного строя переходного глагола». 12. В. Миллера «Показатель множественности „ап" в иранских языках». 13. М. Я. Немировского «Способы обозначения пола в языках мира». 14. С. П. Обнорского «Префикс „без" в русском языке». 15. Н. Н. Поппе «Поправки к чтению одного места эдикта вдовы Дармабала». 16. Г. П. Сердюченко «Об абазинских диалектах». 17. В. И. Чернышева «О нарушении согласования в русском языке». 18. Р. М. Шаумян «К анализу лезгинского числительного „сорок"». 19. И. В. Юшманова «Сингармонизм урмийского наречия».

Во втором разделе книги помещены работы советских ученых, посвященные литературоведению и фольклору. Раздел включает следующие статьи: 1. В. И. Абаева «Опыт сравнительного анализа легенд о происхождении нартов и римлян». 2. А. Я. Борисова «Новые данные о редакторе „Дивана" Иехуды Галеви». 3. Е. Т. Кагарова «Несколько слов о происхождении древнегерманских рун». 4. В. Крачковской «Из эпиграфических мотивов в ауле Кубачи». 5. И. Ю. Крачковского «Дагестан и Йемен». 6. А. Крымского «Страницы из истории северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки». 7. С. Меликовой-Толстой «Из истории греческой научной мысли и научной терминологии». 8. Л. Меликсет-Бекова «Новооткрытая надпись на Севане от 874 г.». 9. Е. А. Пахомовой «Арабские и прикаспийско-иранские феодалы в Азербайджане в X—XI вв.». 10. С. Советова «Один из образов „огня" и „воды" в сербских и словинских сказках». 11. И. И. Толстого «Связанный и освобожденный силен». 12. И. Франк-Каменецкого «Адам и Пуругиа. Макрокосм и микрокосм в иудейской и индийской космогонии».

«Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею им. А. С. Пушкина», составил Ю. Марти, Гос. изд-во Крымской АССР, 1937, 60 стр., тираж 3000 экз., цена 7 р. 50 к.

Путеводитель по музею описывает хранящиеся в музее археологические экспонаты и документы. Первый краткий раздел книги описывает представленные в музее памятники и орудия архаической эпохи и первобытного человека каменного века. Затем идет характеристика памятников, находящихся в зале Скифии и архаического Боспора. Наиболее ценным и интересным разделом книги является описание памятников, воспроизводящих картины из истории Боспорского царства, начиная с Археанактидов. На многочисленных археологических данных иллюстрируется экономический расцвет Боспора при Спартокидах. Воспроизводится быт столицы Боспора. Показывается Боспорское государство периода Митридата, характеризуются войны Митридата с римлянами, и, наконец, иллюстрируется период упадка экономики и культуры на Боспоре и распада его как государства.

Как видно из путеводителя, особенно полно представлен в музее период наибольшего экономического и культурного расцвета Боспора при Спартокидах в IV—III вв. до н. э. В музее сгруппированы также памятники, иллюстрирующие религиозные культы Боспора, быт и нравы боспорцев. В материальных источниках в музее освещается Боспор периода вмешательства Митридата и, что особенно важно, периода восстания скифских рабов.

В двух римских залах музея иллюстрируется Боспор в тот период, когда он целиком находился в зависимости от Рима.

В заключительной главе путеводителя дается описание горы Митридата, являющейся немым свидетелем многовековой истории гор. Керчи, а также читатель знакомится со старым музеем на горе Митридата, ставшим теперь отделением главного музея и сосредоточившим показ в историческом порядке погребальных памятников, которыми так был богат Боспор и которые дают яркое представление об архитектуре, скульптуре и живописи.

«Сборник статей студентов Исторического факультета Моск. Гос. педагогического института им. К. Либкнехта». Вып. II. Работы по истории древнего мира, под редакцией проф. В. Н. Дьякова, издание МГПИ им. К. Либкнехта, 1939, 116 стр., тираж 300 экз.

Аннотируемый сборник выпущен по инициативе комсомольской организации истфака МГПИ им. К. Либкнехта как подарок родине в ознаменование XX годовщины Ленинско-Сталинского комсомола. Сборник состоит из избранных работ студентов-историков в результате их творческого коллективного обсуждения в научном кружке.

В книжке напечатаны следующие работы из истории Греции и Рима: 1. Е. Н. Цветаева «Древняя Скифия». 2. В. Д. Храмовой «Древний Херсонес». 3. Г. А. Ложкиной «Второстепенные города Боспора Киммерийского». 4. В. А. Монастырева «Отзвуки женского движения в Афинах V в. в произведениях Софокла, Эврипида и Аристофана». 5. И. Г. Бравермана «Программа заговора Катилины» и 6. И. К. Коблякова «Быт римских низов Римской империи».

Сама тематика, над которой работают подрастающие кадры, говорит о правильном направлении их учебных занятий со стороны руководителей. Начинающему исследователю предоставляется широкое поле деятельности в подытоживании источников и в новом их освещении с марксистско-ленинских позиций. Авторы статей вполне удовлетворительно справляются с поставленной перед ними задачей. Нельзя поэтому согласиться с утверждением в предисловии сборника, где как один из общих выводов по существу сборника приводится «значительная ограниченность тематики». Такое мнение не подтверждается хотя бы выборами таких актуальных тем советской науки, как заговор Катилины или положение женщины в античном мире.

Само собой разумеется, что при оценке опубликованных работ никак нельзя забывать—и это правильно подчеркивается в предисловии,—что аннотируемый сборник является первой пробой сил молодежи на научном поприще. Это обстоятельство неизбежно накладывает свой отпечаток на стиль изложения, на степень и характер использования источников, а также на анализ и выводы, которые даются авторами сборника.

Некоторые из статей пытаются осветить по-новому ряд явлений из истории Греции и Рима и не могут остаться незамеченными в нашей исторической литературе. Так, например, Е. Н. Цветаев в работе «Древняя Скифия» не только делает попытку подытожить на основе первоисточников состояние вопроса о скифах, но и дает серьезную критику неправильной трактовке вопроса о скифском обществе со стороны ряда ученых, в частности Ростовцева, Смирнова и Равдоникаса.

В результате Е. Н. Цветаев приходит к следующему общему выводу: «скифы, явившись в южнорусские степи на стадии разлагающегося патриархально-родового строя, когда сложились уже экономические предпосылки и была найдена первоначальная форма эксплоатации человека человеком, развились в течение двух веков жизни на новой территории в рабовладельческое общество под влиянием, с одной стороны, общих законов развития человечества, а с другой—ускоряющего этот процесс воздействия рабовладельческих греческих колоний» (стр. 18).

Из других статей сборника особо обращает на себя внимание статья Н. Г. Бравермана «Программа заговора Катилины». Автор, анализируя социальную и политическую сущность заговора Катилины, отправляясь при этом из положений классиков марксизма-ленинизма, приходит к утверждению о бонапартистском характере этого заговора. Трудно согласиться с автором предисловия к сборнику, который считает, что «сравнение у т. Бравермана катилинарного движения с бонапартизмом» является результатом «чрезмерной импульсивности», «детской болезнью», от которой надо «поскорее избавиться». Трудно понять, что автор предисловия хочет этим сказать. Во всяком случае он скрывает свои взгляды или просто боится их высказать, ибо из контекста видно, что Катилину автор предисловия непрочь считать, видимо, «вождем» демократического движения.

Притянутым за волосы является также утверждение автора предисловия, будто т. Браверману «приходится вместо серьезных иностранных исследований по этому во-

просу привлекать в качестве руководств даже произведения А. Блока и Ибсена». Конечно, автор предисловия целиком прав, когда отмечает такой крупный дефект, как слабое знание иностранных языков. Серьезному исследователю, особенно в изучении древней истории, необходимо знание не только современных европейских языков, но и древних. Но в данном случае речь идет о другом. Тов. Браверман привлек Блока не в качестве «руководства», а лишь попутно остановился на исторических взглядах Блока, который умудрился превратить Катилину чуть ли не в римского «большевика». То же самое и в отношении Ибсена, который в своей драме «Катилина» искусственно изобразил последнего как римского революционера. В заслугу т. Браверману надо поставить правильную и удачную критику не только Блока и Ибсена, но и буржуазных ученых. Вместе с тем т. Браверман показал и источники, откуда проистекают ошибки у некоторых наших историков по вопросу о Катилине—например, у В. С. Сергеева. Поэтому менторский тон автора предисловия не оправдан.

Безусловно отмеченной должна быть и статья В. А. Монастырева «Отзвуки женского движения в Афинах V в. в произведениях Софокла, Эврипида и Аристофана». Эта одна из интереснейших страниц античной истории до сих пор мало разработана. Автор не только поднял свежую тему—положение женщины в античном мире, но и удачно справился с ней.

Другие работы сборника, как, например, тт. Храмовой и Ложкиной, ценны привлечением новейшего исторического и археологического материала при изучении экономики и быта Херсонеса и в освещении совершенно новой проблемы о второстепенных городах Боспорского царства. Заслуживает быть отмеченной и работа И. К. Коблякова.

Вовсе нет нужды говорить, что все эти статьи в сборнике не свободны от недостатков. В этом можно согласиться с предисловием. Однако автору этого предисловия должно быть известно, что недостатки существуют для своевременного исправления, а не для нарочитого их публикования ради критики.

Античная литература, под редакцией проф. А. В. Мишулина и проф. Л. Д. Тарасова. Римская литература, составил С. П. Кондратьев, изд-во «Советский писатель», 438 стр., тираж 10 000 экз., цена в переплете 17 руб.

Изданная «Советским писателем» хрестоматия по римской литературе выгодно отличается от всех предыдущих изданий. Она составлена весьма продуманно и явится полезным пособием для тех кругов советской интеллигенции, которые стремятся к овладению богатым культурным наследием античного мира. Редакторы хрестоматии поступили совершенно правильно, отказавшись от принципа подбора случайного, отрывочного литературного материала, из которого нельзя было создать правильного представления о накопленных древним миром культурных ценностях, о духовной жизни античного общества, его литературе, художественных вкусах и нравах. Преимуществом настоящей книги является то, что литературные источники и документы даны здесь в полном соответствии с действительной историей древнего Рима, с его началом, расцветом и упадком. Собранные в книге работы римских писателей, поэтов, публицистов и историков наиболее удачно отражают историю древнего Рима и как бы резюмируют идейную и духовную жизнь античного общества.

Каждому из разделов хрестоматии предпослана краткая, но выпуклая характеристика эпохи. Несмотря на лапидарность их изложения, читатель знакомится с общей исторической ситуацией, с экономической и социальной обстановкой, в которой жили и творили римские писатели. Это достигается весьма удачным привлечением положений классиков марксизма-ленинизма о древнем Риме, где в немногих словах, но как в фокусе сконцентрированы меткие, непревзойденные экономические и историко-культурные характеристики той или другой эпохи античного мира.

Помимо таких общих характеристик, в хрестоматии даны небольшие, но выразительные социальные и творческие портреты римских писателей. Отмечаются специфические творческие особенности и влияние их на все последующее развитие мировой

литературы. Читатель узнает много новых и интересных фактов из биографии людей искусства древнего Рима, связи с господствующими классами и отражение в их творчестве социальных бурь и конфликтов.

Первый раздел хрестоматии содержит литературные памятники эпохи римской рабовладельческой республики. Она представлена двумя комедиями Плавта—«Менехмы» и «Ослы»—и комедией Теренция «Евнух». Затем дается литература по периоду кризиса римской республики и борьбы за военную диктатуру. Здесь прежде всего представлен основатель римской прозы Катон, далее даны основоположник искусства римского красноречия Гай Гракх, Корнелия, образованнейшая женщина древнего Рима, Юлий Цезарь, который был не только замечательным полководцем, но и прекрасным писателем, Саллюстий, Цицерон, с его речами и письмами, давшими образцы античной прозы, поэт-философ Лукреций, по определению Маркса, «поэтический властелин мира», и, наконец, дано творчество Катулла. Литература эпохи принципата представлена Вергилием, Горацием, Тибуллом, Проперцием, Ливием, Овидием. Период перехода от принципата к доминату представлен Сенекой, Петронием, Тацитом, Ювеналом, Марциалом, Стацием; Апулеем. И, наконец, эпоха распада Римской империи представлена творчеством Марцеллина, Авзония, Клавдиана, Немециана, Сульпиция и Флора.

Как видно из одного только содержания, в хрестоматии собрано много новых литературных памятников, неизвестных или мало известных советскому читателю. Сюда относится, прежде всего, впервые публикуемая часть знаменитых речей и писем Цицерона. В хрестоматии читатель впервые ознакомится с литературой периода распада Римской империи, отразившей напряженную социальную борьбу угнетенных масс против рабовладельческой формы эксплоатации. Своевременным и актуальным надо признать помещение материалов о Катилине, которые лишний раз свидетельскими показаниями его современников подтверждают заговорщический характер его деятельности.

Однако вполне законным является желание, несмотря на скудость сведений, найти в хрестоматии литературные источники царского и раннереспубликанского периодов римской истории. Здесь совершенно естественна та осторожность, которую проявили редакторы в отношении литературных памятников, трактующих первоначальную историю Рима. Но все же было бы небезынтересно познакомить советского читателя с Фабием Пиктором, Валерием Антиатом, Акцием и др. Недостаточно представлен в хрестоматии и трагедийный жанр литературы Римской империи. Непонятно, почему составители ограничились одним Сенекой. Вкрались в книгу и досадные опечатки, например, Доминициан вместо Диоклетиан.

Отмеченные недостатки ни в малейшей степени не умаляют достоинств насыщенной интересным материалом, прекрасно выполненной книги, с технически хорошо сделанными иллюстрациями. Советская историческая наука, и особенно история литературы, пополнилась полезным вкладом.

К. К.

Х Р О Н И К А

Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии

(Предварительные итоги археологических работ ИИМК АН СССР и КК АССР в 1938 г.)

I. Земли древнего орошения КК АССР

На правом берегу Аму-Дарьи, к югу от восточных и юго-восточных отрогов гор Султан-Уиздаг, на восток от узкой культурной полосы правого берега реки, расположены так называемые земли древнего орошения Кара-Калпакской республики. Они входят в состав Турткульского и, частью, Шаббазского районов этой республики и являются преддверием Кызыл-Кумской пустыни.

Следы огромных ирригационных каналов вместе с отходящими от них каналами меньших размеров и мелкими распределительными арыками образуют густую оросительную сеть на значительной части свободного от песков пространства такыров (глинистых площадок, образовавшихся от стояния весенних вод).

Поверхность такыров, расположенных в зоне былого действия этих оросительных систем, густо покрыта другими следами человеческой деятельности—бесчисленными осколками керамики, среди которых можно встретить то обломки медного предмета, то цельные бронзовые украшения, то наконечники стрел скифского типа, то бусы, то монеты; иногда можно найти фрагменты статуэток, изображающих людей, животных или божества, вырезанные на камне печати, изображающие всадников, реальных или фантастических животных и т. п.

Повсюду мы наталкиваемся на остатки человеческих жилищ. То выступят круги срезанных ветром, когда-то врытых в землю внутри жилищ огромных корчаг—«хумов», то мы видим фундамент разрушенного здания—стены, ограды, двери, то перед нами поднимаются стены укрепленных жилищ или грандиозные развалины больших замков и крепостей. Вплоть до замыкающих горизонт контуров гор тянется эта далеко уходящая панорама непрерывно идущих вдаль развалин.

Земли древнего орошения Кара-Калпакии были известны давно. Большая часть развалин была нанесена на топографические карты еще в период завоевания Хорезма царской Россией. В очерках и записках многих путешественников, побывавших на этой территории, эти развалины неоднократно упоминались[1]. Даже в общих географических обзорах Средней Азии этот край отмечался, как край особенно богатый развалинами разнообразных городов, замков, жилищ[2].

После революции Каракалпакское правительство и исследовательские организации заинтересовались вопросом о землях древнего орошения Кара-Калпакии с точки зрения их воскрешения и использования вновь для агрикультуры[3]. Однако до 1937 г. этот район оставался вне поля зрения археологической науки. Когда в 1937 г. МОГАИМК (ныне Московское отделение ИИМК АН СССР) возложил на автора этой статьи руководство работами по археологическому изучению Хорезма, мы остановили свое внимание на землях древнего орошения КК АССР, где можно было рассчитывать с наибольшей вероятностью обнаружить памятники, относящиеся к наиболее древним периодам истории хорезмийской культуры, ибо, согласно прямым указаниям письменных источ-

---

[1] А. К у н, Культура оазисов низовий Аму-Дарьи. Материалы для статистики Туркестанского края. IV.

[2] «Россия» под ред. Семенова-Тяньшанского, ч. XIX, стр. 749.

[3] М. Г. Д а в и д о в с к и й, Земли древнего орошения Кара-Калпакии и перспективы их освоения. Сб. «Кара-Калпакия», II, стр. 77 сл.

ников, к XIV в. Аму-Дарьинское правобережье почти совершенно запустело[1], а процесс запустения начался гораздо раньше. Во всяком случае, уже к X в. некоторые города правобережной части Хорезмийского оазиса лежали в развалинах и столица древнего Хорезма—Кят—начала приходить в упадок[2].

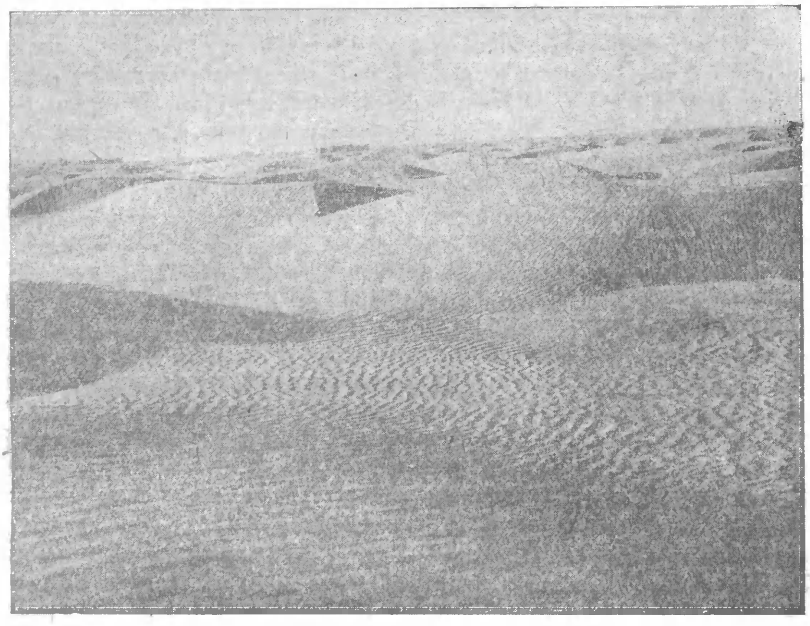

Рис. 1. Ландшафт на окраине Беркут-калинского мертвого оазиса.

В 1937 г. были произведены предварительные археологические разведки земель древнего орошения КК АССР, чтобы подготовить развернутые работы, намеченные на 1938 г. Собранный материал, с одной стороны, впервые ввел в науку домусульманские хорезмийские памятники (главным образом, V—VII вв. н. э.), а с другой стороны, позволил уже поставить и в ряде случаев разрешить целый ряд чрезвычайно важных вопросов древней истории Хорезма и Средней Азии вообще, как мы знаем, достаточно скупо освещенной источниками.

II. Работы экспедиции 1938 г.

В экспедиции 1938 г. помимо ИИМК приняли участие Узбекистанский комитет по изучению и охране памятников материальной культуры (Узкомстарис), Гос. Эрмитаж и Центральный краеведческий музей КК АССР.

Экспедиция работала в следующем составе: начальник экспедиции С. П. Толстов (ИИМК), научные сотрудники: А. И. Тереножкин (ИИМК), Я. Г. Гулямов (Узкомстарис), архитектор И. Н. Тихомирова (ИИМК, по договору), фотограф Е. А. Поляков (Узкомстарис) и четыре студента-практиканта: тт. Старостин и Вальдман из МГУ и тт. Ибрагимов и Малевич с Высших музейных курсов Наркомпроса РСФСР.

Центральным объектом работ явилась крепость Тешик-Кала, лежащая на южном конце Беркут-калинского мертвого оазиса.

Параллельно с раскопками велось обследование прилегающей территории в радиусе 7—10 км., а также более отдаленных развалин.

[1] «Voyages d'Ibn Batoutah», texte et traduction par Defrémery et Sanguinetti, Paris, 1885, III, p. 19.

[2] Сам'ани у Бартольда, Туркестан, 1 (тексты) стр. 53. Ср. показания Истахри (BGA 1,301), Ибн-Хаукаля (BGA, 11,351) и Бируни («Chronologie», 35).

III. Культурные зоны земель древнего орошения КК АССР

Археологические памятники на правобережьи Аму-Дарьи располагаются зонально. Самая дальняя дуга крепостей, выдвинутая в глубь Кызыл-кумов, дала наиболее ранние памятники, которые могут быть датированы самое позднее первыми двумя, максимум тремя веками нашей эры (Кой-Крылган-кала, Базар-кала, Джанбас-кала, Кыркыз-кала № 1 и 2, Аяз-кала № 1 и 3). Дальше на юг, внутрь этой дуги располагаются памятники более позднего времени, главным образом V—VIII вв., во всяком случае восходящие к домусульманскому периоду, о чем ясно говорит характер нумизматических находок (Уй-кала, Беркут-кала, Тешик-кала, Кум-баскан-кала, Карга-Тышкан-кала).

Еще дальше, к югу и к западу, непосредственно вплотную к нынешней культурной полосе лежит зона памятников раннего мусульманского времени, охватывающих период с IX—X по начало XIII в. Из них отметим Кават-калу, развалины города Наринджана, развалины Кичи-Гульдурсуна и Уллы-Гульдурсуна, обследованные в 1937 г.

Перед нами своеобразная географическая стратиграфия. Передвигаясь из одной зоны в другую, мы как бы переходим из одной эпохи в другую.

В зонах более поздних памятников, конечно, налицо также и остатки культуры более ранних периодов, но эти остатки уже погребены под более поздними наслоениями. Постройки разрушены или покрыты постройками более позднего периода. Только на такырах мы находим отдельные предметы, восходящие к более раннему периоду, указывающие, что и тогда район был уже заселен.

Уже один факт установления хронологических зон показывает, что начиная с IV—V вв. идет процесс сокращения культурной зоны правого берега Аму-Дарьи. Крайняя зона была уже к этому времени оставлена, в сасанидское время сохранялась значительно более узкая культурная полоса, чем в античную эпоху.

После арабского завоевания эта зона еще более сократилась, подойдя вплотную к границам современной культурной полосы. Наконец, монгольское завоевание окончательно уничтожило земледельческую культуру на большей части Аму-Дарьинского правобережья. Только на самом берегу Аму-Дарьи сохранились незначительные очаги земледельческой культуры. Позднее, начиная с XVIII и особенно в XIX в., начинается новый процесс освоения этих земель. Однако до сих пор новая культурная зона не дошла до границ агрикультуры даже домонгольского периода, не говоря уже о сасанидском и античном времени.

IV. Бронзовый век Хорезма

Однако три отмеченные культурные зоны не исчерпывают всех материалов, которыми мы располагаем на территории земель древнего орошения правого берега Аму-Дарьи. Наряду с этими ясно разграниченными историческими зонами, как бы в порах этих зон, присутствует еще четвертая зона.

Во время проводившихся мною, совместно с А. И. Тереножкиным, разведок в песках между Беркут-кала и Наринджаном нами была обнаружена керамика, резко отличная от керамики всех остальных памятников. Керамика эта несет достаточно ясно выраженные признаки, позволяющие датировать ее эпохой бронзового века и, вероятнее всего, концом второго тысячелетия до нашей эры. Эта керамика, слабо обожженная, сделанная без гончарного круга, имеет поверхность, покрытую орнаментом из характерных треугольников и углов, чрезвычайно близко напоминая керамику бронзового века Поволжья, Казахстана и Минусинского края, относящуюся к так наз. срубной (Поволжье) и Андроновской (Сибирь и Казахстан) культурам. Она представляет, таким образом, своеобразный вариант бронзового века степной полосы юго-восточной Европы и смежных областей Азии.

Не входя в детали анализа этого материала, нужно сказать, что он позволяет сделать два чрезвычайно существенных исторических заключения. Первое сводится к тому, что бронзовый век правобережного Хорезма примыкает не к бронзовому веку южной

полосы Средней Азии (Анау и сходные с анауской культуры), а к бронзовому веку степной зоны Восточной Европы, Казахстана и Сибири.

Этот факт любопытно сопоставить с данными, которыми мы располагаем для дальнейшей истории Хорезма. Мы знаем, что уже Гутшмид[1] и Бартольд[2] обратили внимание на известные сведения Арриана[3], согласно которым хорезмийский царьФарасман предлагал Александру Македонскому союз в походе против причерноморских народов. Гутшмид и Бартольд сделали из этого заключение, что Хорезм уже в эту эпоху был связан с юго-восточной Европой, отметив при этом, что и дальнейшая судьба Хорезма говорит об этой связи вплоть до монгольской эпохи, когда Хорезм, вместе с Восточной Европой, входил в состав Золотоордынского государства[4].

Если добавить, что определение древнехорезмийских монет III—VIII вв. н. э. и серебряных изделий того же времени, сделанное нами в прошлом году, позволило

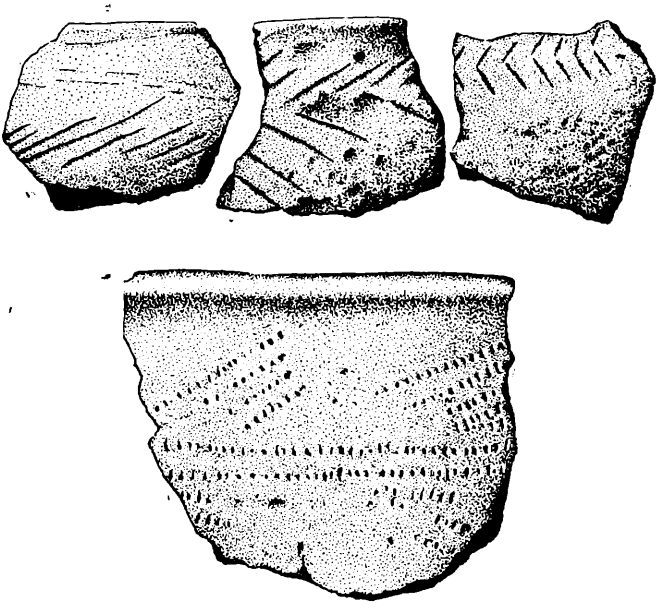

Рис. 2. Образцы керамики бронзового века Хорезма. Стоянка № 1 к западу от Тешик-калы.

установить хорезмийское происхождение значительного количества находок, сделанных в Прикамьи, то эта связь Хорезма с Восточной Европой получает непрерывный характер от бронзы вплоть до монгольского времени.

Второе заключение связано с географическим распространением этой культуры уже в пределах самого Хорезма. Стоянки, с которых нами собран материал, представляли собой небольшие площадки, расположенные между песками, имеющие слабо выраженный культурный слой, который местами выходит на поверхность. Эти стоянки располагаются в одном, двух, иногда трех километрах от древней культурной зоны того, ныне сухого, арыка который орошал район Беркут-калы. Они уходят в глубь пустыни значительно дальше, чем самые удаленные памятники сасанидского и античного времени.

---

[1] A. Gutschmid, Geschichte Irans, Tübingen, 1888, стр. 10.
[2] Бартольд, Сведения об Аральском море, Ташкент, 1902, стр. 2.
[3] Арриан, III, 30, 7.
[4] Вопросы хорезмийского вклада в золотоордынскую культуру освещены в работе А. Ю. Якубовского «К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке», ИГАИМК, VIII, вып. 2—3, 1931.

Из характера распространения памятников бронзового века есть основание прийти к заключению, что земледелие здесь развивалось иным путем, чем в южной полосе Средней Азии, где оно базировалось на небольших речках, разбиравшихся на орошение в месте их выхода из гор в равнину. Здесь земледелие возникло, вероятнее всего, на базе так наз. каирных земель (т. е. земель, где достаточное количество влаги в почве делает возможным земледелие без дождя и без искусственного орошения), в районе дельты большой реки.

Особый интерес представляет устанавливаемая сравнительно-археологическим путем дата древнейших пока известных земледельческих поселений Хорезма—вторая половина II тысячелетия до н. э. Эту дату нельзя не сопоставить с древнейшей хорезмийской эрой, которую хорезмийский ученый XI в. Ал-Бируни относит к 980 году «до Александра (Македонского)»[1], связывая ее с первоначальной колонизацией Хорезма. Это предание, опирающееся, повидимому, на какие-то генеалогические или астрономические расчеты, содержит, возможно, зерно истины и связано с каким-то существенным сдвигом в социально-экономической истории древнехорезмийских племен.

V. Памятники хорезмийской античности

Перейдем ко второй по времени зоне памятников. Это—зона наиболее удаленных в глубь пустыни развалин. Развалины исключительно хорошо сохранились. Великолепно сохранились стены бойницы, башни и другие оборонительные сооружения. Что касается жилых домов, то они сохранились гораздо хуже, чем в зоне сасанидского времени.С одной стороны, время, повидимому, оказало свое влияние, с другой стороны—сказался и иной тип жилищ, менее укрепленных, чем в сасанидскую эпоху.

Датирующим материалом является, прежде всего, материал керамический. Доминирующей является керамика, сделанная на гончарном круге из хорошо отмученной глины, хорошего обжига, тонкая, красного цвета на изломе, иногда покрытая сверху красной ангобой или красным лаком. Если говорить о форме сосудов, отметим, прежде всего, широкие плоские чаши, имеющие очень характерное донышко в виде небольшого выступающего диска. Отметим далее бокаловидные чаши на высокой ножке и чаши в форме обращенного усеченного конуса, узкие днища которых во множестве находятся на развалинах. Формы кувшинов, мисок, корчаг весьма разнообразны. Корчаги (хумы) имеют характерную закраину в виде круглого в сечении валика. Среди фрагментов хумов многие имеют по светлому фону раскраску красной и черной краской.

Наряду с этой керамикой, чрезвычайно похожей, если не тождественной с керамикой из Айртама близ Термеза, датируемой на основании монетных данных I—II веком н. э., мы встречаем керамику другого типа, более грубую, сделанную без гончарного круга, с грубой серой поверхностью. Среди нее характерны сосуды с высоким прямым горлом, образующим при переходе к тулову резкий перегиб. Характерны также плоские чаши или миски, сделанные более примитивной техникой, чем керамика первого типа. Отметим конические поддоны от котлов из глины, напоминающие поддоны скифских медных котлов.

Мы видим здесь аналогию с культурой сарматоподобного облика из Киргизии и Казахстана. В частности несомненны аналогии с усуньскими могильниками, которые также датируются концом дохристианской и началом христианской эры[2].

Если выйти за пределы Средней Азии, то керамика первого типа найдет наибольшее количество аналогий с керамикой Причерноморья римского времени. Наряду с этими двумя вариантами керамики мы встречаем на этих памятниках керамику несколько иного типа. Это—крупные сосуды (небольшие корчаги) с резным и окрашенным орнаментом.

На всех этих памятниках найдено ничтожное количество монет в противополож-

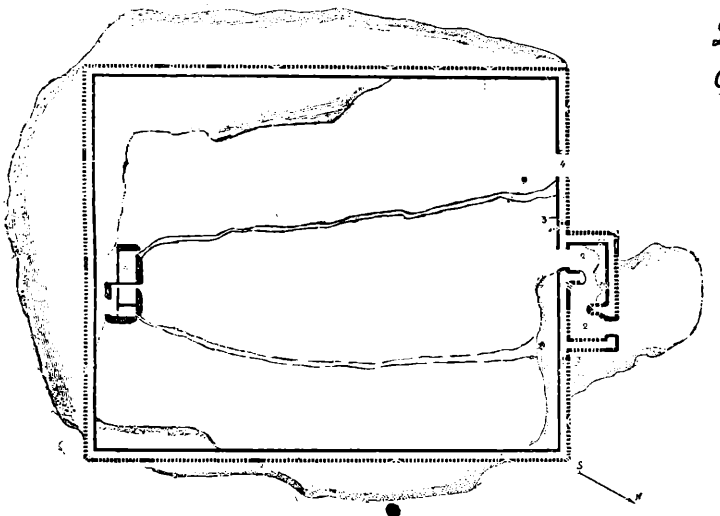
[1] Ал-Бируни, Chronologie orientalischer Völker, Hg. v. Dr. C. Ed. Sachau, Lpz., 1923, стр. 356.

[2] М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, Усунские могильники на территории Киргизской ССР, ВДИ, 1938, № 3, стр. 171, 179.

ность памятникам сасанидской эпохи, дающим десятки и сотни монет. На одном из селищ с керамикой этого типа (к западу от Беркут-калы) нами найдены две медные кушанские монеты II в. н. э., на другом, близ Ангка-калы—две медные раннехорезмийские монеты с изображением царя в шлеме в виде орла. Серебряные монеты с изображением того же царя имеют наряду с хорезмийской и греческую надпись и датируются нами III в. н. э.[1].

Таким образом, все данные позволяют установить I—III вв. н. э. как terminus ante quem для этой серии памятников, хотя, по всей вероятности, дальнейшее исследование позволит отнести часть собранного керамического материала к слоям, восходящим к более древнему времени.

Между ними и памятниками бронзовой эпохи лежит материал нескольких стоянок (также к западу от Беркут-калы), примыкающих ко второму из описанных выше керамических комплексов.

Джанбас-кала

Схематический план

Условные обозначения:
1 — Ход внутри стены
2 — Крепостное сооружение
3 — Поперечная стена хода вн. стены
4 — Пролом в стене
5 — Пандус подъема к 2-му ярусу бойниц
6 — Развалины дома
— Арык
— Бойницы
— Пробитые бойницы
? — Предп. местополож. пробитых бойниц
— Промоины
— Песок

Археологическая экспедиция ИИМК 1938 г.

Масштаб 0 20 40 60 м

Рис. 3. Джанбас-кала.

Здесь отсутствуют описанные выше черепки эллинистическо-римского облика. На некоторых, видимо, еще более ранних стоянках мы встречаем сосуды слабого обжига, нередко имеющие по краю незначительную орнаментировку. В этом пока еще очень незначительном материале можно видеть керамику скифского времени (около середины I тысячелетия до н. э.). Это время пока очень слабо освещено памятниками—повидимому, в силу того, что памятники этого времени оказались погребенными под сооружениями эллинистического времени. Однако следует отметить многочисленные находки трехгранных бронзовых стрел скифского типа, говорящие о том, что культурные связи Хорезма с Восточной Европой, установленные нами для предскифского времени, продолжаются и в скифскую эпоху.

Переходя к характеристике самих городищ, начнем с одного из наиболее характерных и, по нашему заключению, наиболее древних—крепости Джанбас-кала.

Джанбас-кала является наиболее удаленной на северо-восток крепостью «земель древнего орошения». Она расположена на северо-западном склоне пустынной, вытянутой с северо-запада на юго-восток, плоской возвышенности, замыкающей цепь холмов, тянущихся на юго-восток от Султан-Уиздага.

Поверхность возвышенности покрыта щебнем, галькой, местами песком и редкими порослями колючки.

Вокруг стен крепости, на 10—15 м от них,—немногочисленные остатки керамики.

Крепость, образующая прямоугольник 200×170 м, ориентирована углами довольно точно по странам света.

Стены крепости, местами закрытые до значительной высоты песчаными барханами, прекрасно сохранились, достигая почти повсюду высоты 9,5—10 м над уровнем окру-

[1] См. нашу работу в ВДИ, 1938, № 4, стр. 127.

жающей поверхности холма. Крепость обнесена сохранившейся на высоту 10—11 м двойной стеной, общей мощностью свыше 5 м. Внешняя стена, мощность которой сильно увеличивается книзу, на уровне верхнего края нижнего ряда бойниц имеет толщину 1,30 м, внутренняя—на том же уровне—около 1 м. Проход между стенами—2,80 м. Нижняя часть как внешней, так и внутренней стены глинобитная, с прослойкой кирпича на высоте 2 м. От уровня бойниц стены сложены из сырцового кирпича с примесью самана размером 40×40×9 см, положенного на глиняном растворе. Внешняя стена

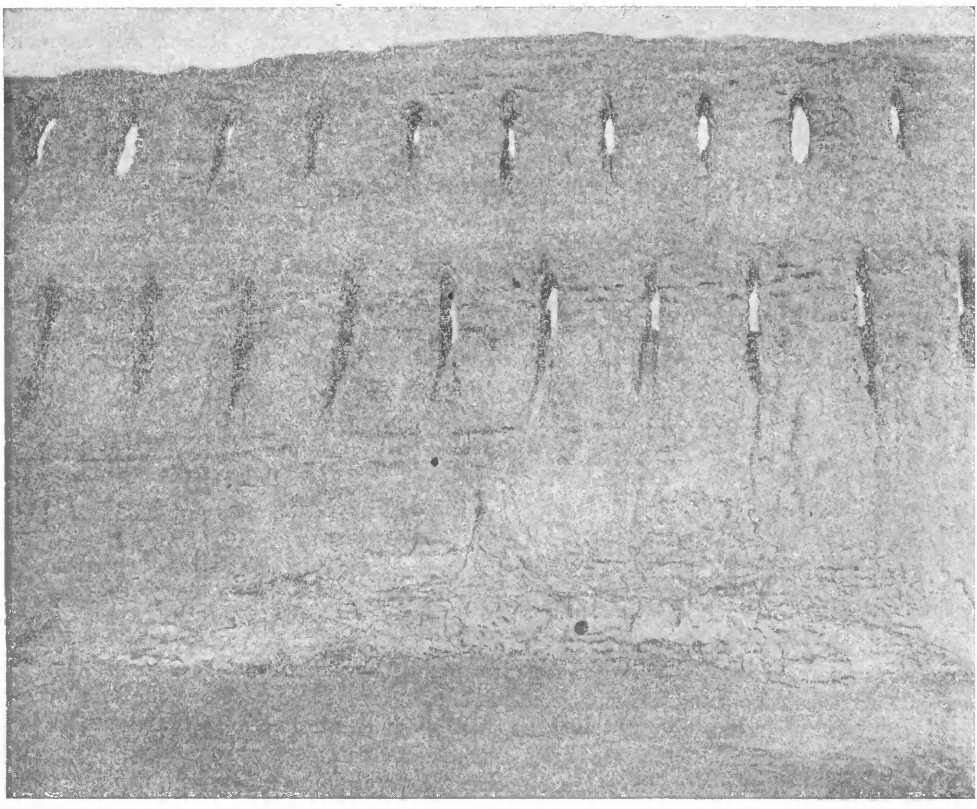

Рис. 4. Джанбас-кала. Часть стены с бойницами.

вся сплошь покрыта узкими и высокими бойницами, расположенными в два ряда, в шахматном порядке.

Ширина бойниц 18—20 см, расстояние между ними 1,20 см. Бойницы рассчитаны на «навесный бой»—обстрел подножья стены. Низ бойниц резко спускается кнаружи, и если раствор нижней бойницы внутри не превышает 75 см, то снаружи он достигает двух метров (соответственно—верхние бойницы, имеющие меньшие размеры, дают цифры 0,63 и 1,30 м). Между обоими рядами бойниц внутренний проход стены разделен плоским перекрытием (гнезда от его балок сохранились) на два этажа.

В Аяз-кала № 1 и Базар-кала нижняя часть междустенного прохода представляла собой глухой, перекрытый коробовым сводом коридор. При этом в Аяз-кала №1 этот ход настолько хорошо сохранился, что и сейчас под сводами можно ходить. В Джанбас-кала основание стены представляет собой сплошной глиняный массив.

Не исключено, что в некоторых из крепостей ранее существовавший проход между стенами у их основания был специально заложен кирпичом (так, повидимому, обстояло дело в Топрак-кале и Кырк-кыз-кале № 2). Возможно, что закладывание (так как на этих двух крепостях можно установить, что мы имеем дело с заложенным

проходом, а не с одним общим массивом стены) было вызвано стратегическими соображениями—стремлением создать мощное основание стен, способное противостоять стенобитным орудиям. Характерной чертой Джанбас-калы, выделяющей ее из всех обследованных нами крепостей, является полное отсутствие башен—как угловых, так и башен вдоль стен. Для флангового поражения наступающего противника использована система косых бойниц, которые располагаются через 20—25 обыкновенных бойниц группами по три бойницы—одна прямая в середине и две косые, обращенные в стороны,—по бокам. Каждую такую группу бойниц мог обслуживать только один стрелок, находившийся в небольшой круглоарочной нише в метр шириной и 85 см глубиной, куда открывались внутренние отверстия всех трех бойниц.

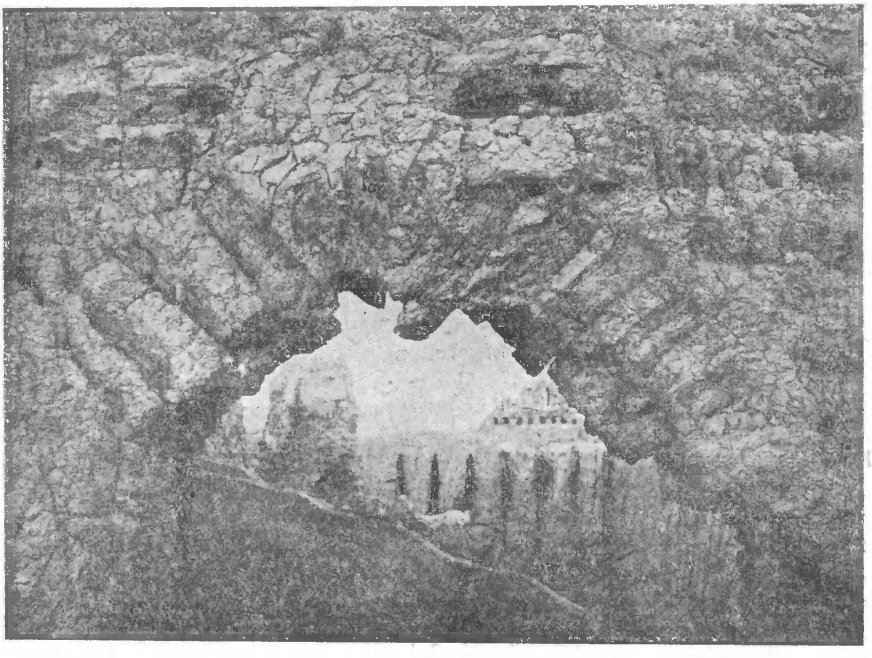

Рис. 5. Джанбас-кала. Вид через арку внутрь предвратного лабиринта.

Углы также защищены системой косых бойниц, расположенных попарно (в одном случае угол защищен одной бойницей).

Ворота защищены сложным сооружением в виде прямоугольного выступа стены (выступление по сравнению с основной стеной—20 м, длина—52 м). Предвратное сооружение прекрасно сохранилось, позволяя полностью восстановить систему обороны ворот. Входивший в эти ворота, расположенные возле северного угла предвратного сооружения, попадал в узкий ход внутри этого сооружения, образующий, благодаря наличию двух вдающихся внутрь прохода башнеобразных выступов, пять изгибающихся под прямым углом колен, со всех сторон обстреливаемых открывающимися внутрь хода бойницами. В двух местах на уровне нижнего ряда бойниц проход внутри стены открывается внутрь коленчатого хода предвратного сооружения круглыми, хорошо сохранившимися арками, вероятно, предназначенными для вылазки во время боя внутри ворот. Третья такая же арка ведет из межстенного хода предвратного сооружения внутрь двора крепости.

В местах, где ход внутри основной стены примыкает к предвратному сооружению, он прегражден поперечными стенками, также с бойницами. В случае взятия стены или ворот бой переносился внутрь стен, и защитники через эти бойницы могли обстреливать захваченный врагом участок.

Поверхность внутреннего двора городища сплошь покрыта буграми разрушенных построек и почти сплошным слоем керамики, настолько густым, что вся поверхность двора имеет красный цвет. Среди керамики встречено большое количество произведений искусства. Большая часть собранных нами статуэток, о которых речь будет ниже, происходит из Джанбас-кала. Возвращаясь к характеристике оборонительных сооружений, мы должны отметить, что система обороны имеет чрезвычайно примитивный характер. Здесь совершенно не использован наиболее рациональный способ фланговой защиты стен при помощи башен. Отсутствие башен вызвало к жизни крайне неэкономную систему бойниц, посаженных на расстоянии метра с небольшим, а если мы учтем два ряда, то и на расстоянии полуметра одна от другой. Для одновременного обслуживания этих бойниц должно быть использовано одновременно около двух тысяч стрелков—цифра громадная для сравнительно небольшой крепости. Совершенно естественно, что столь нерациональный способ расположения бойниц говорит об архаизме этого типа обороны и о его несомненно местном происхождении, ибо система обороны стен и углов при помощи башен на древнем Востоке восходит еще по меньшей мере к XXV в. до н. э. В этой связи стоит упомянуть гипотезу, недавно высказанную Тарном[1], согласно которой до греко-македонского завоевания Средняя Азия якобы не знала укрепленных поселений (за исключением пограничных персидских крепостей). Наш материал, исключающий возможность говорить о заимствовании принципов фортификации из античного Средиземноморья, позволяет отвергнуть эту гипотезу.

В этой же историко-культурной зоне мы находим ряд памятников, показывающих процесс постепенного изменения этого типа обороны. Отметим продолжающиеся и в более позднее время попытки усилить оборону стен, не прибегая к башням. Сюда относятся две крепости, основой плана которых является круг. Это—Кой-крылган-кала и Кырк-кыз № 2.

Остановимся на первой из них, являющейся одним из наиболее интересных из обследованных нами памятников.

Кой-крылган-кала расположена на расстоянии около 3,5—4 км к востоку от основного центра наших работ—крепости Тешик-кала. От Беркут-калинского мертвого оазиса, на южной оконечности которого расположена Тешик-кала, Кой-крылган-кала отделена широкой грядой тяжелых барханных песков, являющейся продолжением той песчаной гряды, которая врезается глубоко в современную культурную полосу между арыками Баг-яб и Кельте-минар.

К развалинам примыкает пространство такыров, покрытых многочисленными следами жилищ и огромным количеством керамики. Такыры со следами керамики тянутся, главным образом, на юг и на восток, в обоих направлениях на расстоянии около километра.

Крепость окружена образующей правильный круг стеной, превратившейся в невысокий вал. Стена имела некогда девять башен, расположенных друг от друга через интервалы (по дуге) от 18 до 26 м. Башни превратились в вытянутые бугры, поднимающиеся несколько выше уровня вала.

Центр круга занимает цитадель крепости, стены которой отстоят от внешней кольцевой стены на расстояние (по радиусу) 15 м. Стены цитадели, хотя частью и сильно разрушенные, все же сохранились достаточно, чтобы полностью выяснить первоначальный облик сооружения. Цитадель образует правильный восемнадцатигранник диаметром около 40 м. Каждая грань имела по 5 бойниц обычного для крепостей эллинистического времени типа, расположенных в один ярус, на расстоянии 80 см друг от друга.

Стена из сырцового кирпича достигает в наилучше сохранившихся гранях высоты 6,75 см над уровнем площадки внешнего двора крепости, в свою очередь поднимающегося над окружающим такыром на высоту около 0,75 м. Толщина внешней стены—1,10 см, внутренней—1 м, пространство между ними, шириной в 2 м 80 см, разделено поперечными стенками на казематы, по одному на каждую грань.

---

[1] W. W. Tarn, The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1938, стр. 476—477.

В некоторых местах, где завал внутри казематов не достигает большой мощности, прощупывается пол, лежащий на 0,75 м ниже внутреннего нижнего края бойниц. На полу культурный слой, состоящий из золы, коровьего и овечьего навоза и большого количества керамики, достигающий мощности 35—40 см.

Внутренность цитадели образует круглую площадку диаметром в 31 м. Кругом, за исключением небольшого дворика в центре, площадка была, повидимому, застроена располагавшимися по внешней стороне круга жилыми и хозяйственными помещениями. Остатки этих помещений образуют полого спускающийся к центру площадки скат, сплошь покрытый многочисленными остатками керамики—описанных выше чаш с красной ангобой, хумов с прорезным и раскрашенным орнаментом и др.

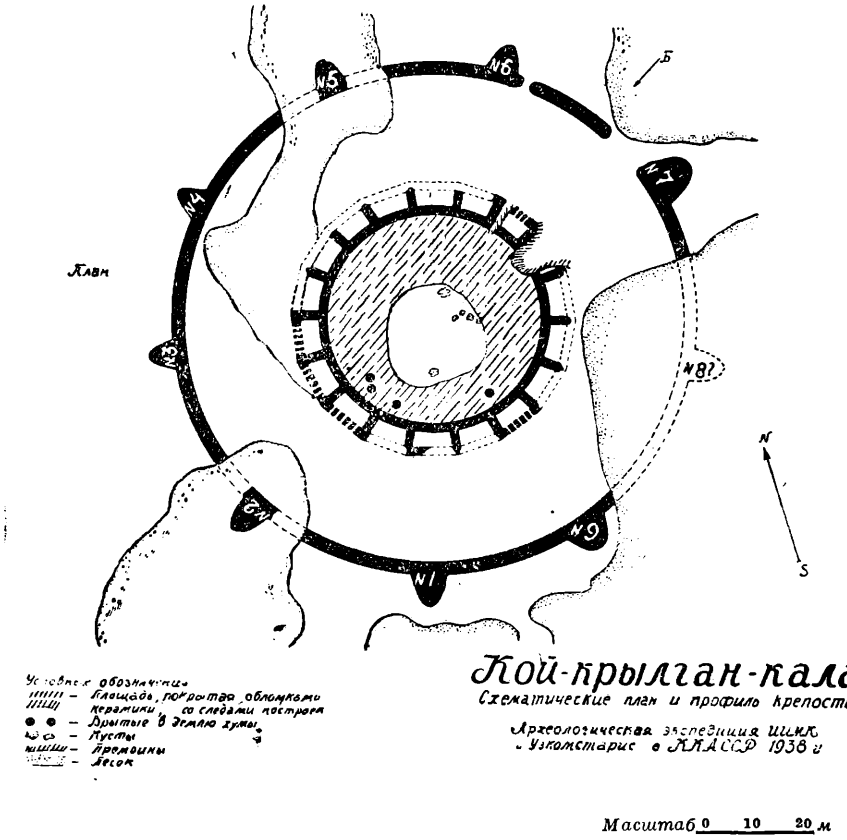

Рис. 6. Кой-крылган-кала.

На других крепостях можно проследить переход от примитивной системы обороны типа Джанбас-калы к более совершенной. В крепости Кургашин-кала мы имеем сразу три варианта обороны углов. Один из углов крепости был защищен косой бойницей. Второй был защищен двумя башнями, придвинутыми почти вплотную (на расстоянии трех метров) к углу, но угол крепости все же выступал между башнями. На третьем углу мы имели две стенные башни, сошедшиеся уже вплотную. Угол оказался поглощенным этими башнями. Они сомкнулись, образовав в плане фигуру, наподобие «ласточкина хвоста». Особенно хорошо этот тип обороны углов представлен в крепости Аяз-кала № 1.

Этот тип «ласточкина хвоста» достаточно древен, если оперировать масштабами всего древнего Востока. Мы имеем его на плане, лежащем на коленях статуи Гудеи[1],

[1] O. Montelius, Die Aelteren Kulturperioden im Orient und Europa. Stockholm, 1903—1923, стр. 156.

который правил Лагашем в XXV в. до н. э. Мы имеем его также в древнеегипетской фортификационной практике. Он особенно хорошо выражен в развалинах крепости Семене[1]. Факт появления этого типа в Хорезме в сравнительно столь позднее время говорит о самостоятельном пути развития хорезмийской фортификации, через много веков после возникновения упомянутых выше памятников Двуречья и Египта, в сходных исторических условиях самостоятельно повторившей путь развития фортификации древнего Востока.

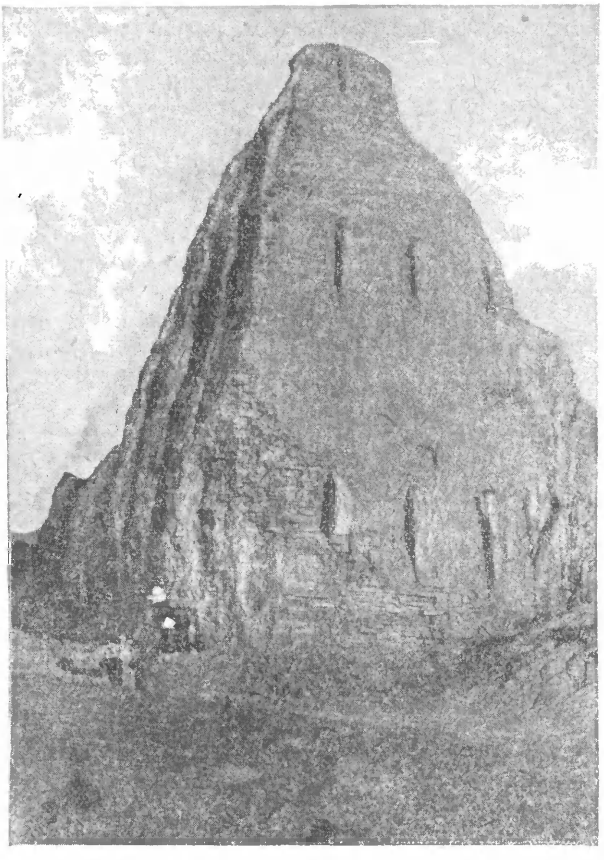

Рис. 7. Кургашин-кала. Средняя башня северо-западной стороны.

Этот тип «ласточкина хвоста» мы встречаем также на двух углах цитадели Базар-кала. Два другие угла защищены башнями, ось которых составляет продолжение диагонали крепости, т. е. башнями, тип которых становится обычным в сасанидское время. Переходным к этому типу является тип угловых башен крепости Ангка-кала, которая заслуживает того, чтобы на ней остановиться подробнее.

Ангка-кала расположена примерно в двух километрах к востоку от Кой-крылган-кала, от которой отделена грядой песков. Крепость окружена полосой такыра, покрытого многочисленными остатками керамики, следами жилищ и поселений. Примерно в 200 м к востоку от крепости расположены развалины квадратного дома с превратившимися в вал кирпичными стенами толщиною около 4 м, размеры внутреннего помещения которого равняются 12 × 12 м. К северо-востоку и особенно к северо-западу от крепости расположены следы значительных поселений—сильно разрушенные бугры по-

[1] C. Schuchhardt, Die Burg im Wandel der Weltgeschichte. Leipzig, 1931, стр. 3 (рис. 3), стр. 7 (рис. 7).

строек, сплошь покрытые густым слоем керамики, принадлежащей к описанному выше эллинистическому комплексу, среди которой попадаются терракотовые статуэтки. На развалинах одного дома найдены две медные хорезмийские монеты с изображением царя в орлином шлеме (Wzm'r?), датируемые нами III в. н. э.[1].

Как и Кой-крыглан-кала, Ангка-кала отличается от других античных крепостей Хорезма сравнительно небольшими размерами. Она образует правильный квадрат 75×75 м, обнесенный типичной для античных крепостей двойной стеной, сложенной из очень крупного квадратного сырцового кирпича размером 46×46×10 см (иногда кирпичи достигают толщины 15 см). Кирпичи положены на глиняный раствор, прослойка между кирпичами достигает 8 см.

Ворота, открывающиеся посередине юго-восточной стены крепости, защищены с обеих сторон прямоугольными башнями (5×8 м), каждая из которых открывается внутрь ворот одной бойницей.

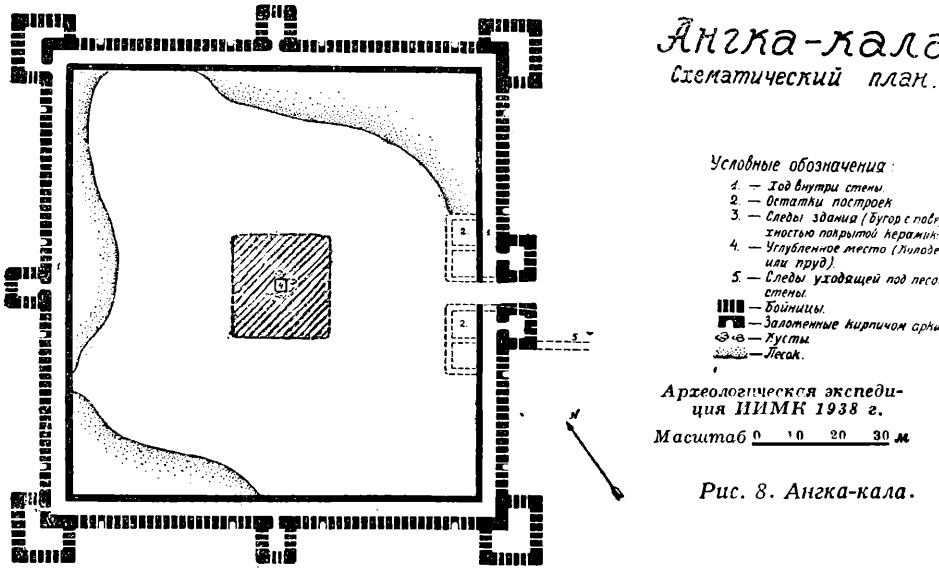

Рис. 8. Ангка-кала.

На каждом из углов расположена квадратная башня, средним размером 11×11 м. План башни крайне своеобразен, резко отличаясь от угловых сооружений всех других крепостей. Башня как бы облекает с двух сторон входящий в нее угол крепости.

Посредине каждой из остальных трех стен располагается одна прямоугольная башня, площадью 5×7 м. Башня, как правило, выше, чем стена. Сохранившаяся высота башен превышает сохранившуюся высоту стен на 1—3 м.

Внешняя стена, имеющая посредине высоты толщину около 2 м, открывается наружу рядом обычных для античных крепостей и описанных нами выше высоких и узких бойниц (внешний раствор 1,90 м, внутренний—1,20 м, ширина—25 м, расстояние между бойницами—1,30 м). Низ бойниц расположен на высоте около 4,30 м над уровнем окружающей земли. Стены сохранились на высоту 7 м.

Характерной деталью системы обороны Ангка-калы является наличие по обоим краям каждого простенка между башнями открывающихся наружу круглоарочных дверей 80 см ширины, расположенных на расстоянии около 4 м от башен. Нижний край арок соответствует нижнему краю бойниц. Все арки заложены кирпичом. Повидимому, они были предназначены для вылазок.

Посредине двора крепости расположен плоский, низкий квадратный бугор 18×18 м, с квадратным же, около 2,5×2,5 м, углублением посредине, вокруг которого расположены группы кустарника. Повидимому—это остатки дома с колодцем или

[1] См. цитированную нами выше статью в ВДИ, 1938, № 4.

прудом посредине. Керамика, грудами лежащая на поверхности этого бугра, по своему типу примыкает к керамике IX—X вв., характерной для развалин раннемусульманского времени в окрестностях Наринджана, резко отличаясь от керамики, покрывающей окрестности крепости.

Это говорит о том, что эта крепость, как и некоторые другие, продолжала в какой-то мере использоваться много позднее времени ее постройки и интенсивной жизни в ее окрестностях.

Ряд отмеченных выше отличий от обычного типа античных крепостей, особенно—размеры устройства ворот и тип башен, заставляют видеть в Ангка-кале одно из поздних произведений античной военной архитектуры Хорезма. На это указывают и монетные находки в ее окрестностях, позволяющие—пока условно—датировать ее III—IV вв.

Все эти крепости раннего периода, различаясь между собой системой обороны углов, имеют во-первых (исключением здесь является лишь Ангка-кала), одинаковую систему обороны входа, во-вторых,—общий тип бойниц, в-третьих,—двойные стены и ход внутри их. Общим для всех крепостей является очень крупный размер кирпи-

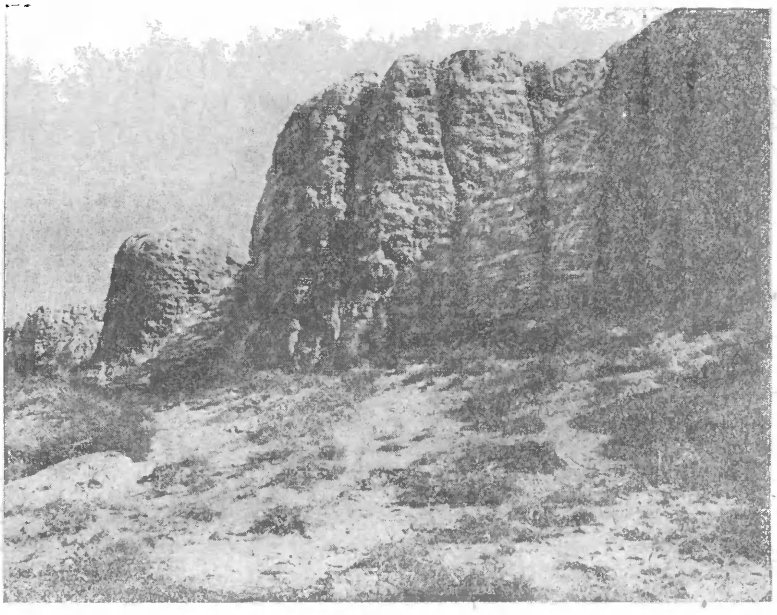

Рис. 9. Аяз-кала № 1. Расположение башен.

чей, иногда доходящий до 46×46×15 см. Слабо применяется—лишь в виде прокладок в основании стен—глинобитная кладка, становящаяся господствующей в сасанидское время. Сырцовый кирпич является основным строительным материалом.

На некоторых крепостях, как мы уже отметили, ниже бойниц идет сводчатый ход внутри толщи стены.

Чтобы закончить характеристику фортификации этой эпохи, укажу, что преобладающим планом башен являются четырехугольные башни, в противоположность круглым или овальным башням сасанидского времени. Исключением из этого правила является лишь крепость Аяз-кала № 1, имеющая крайне часто (на расстоянии 10 м) расположенные полукруглые башни.

Необычно часто расположенные башни, полукруглый их план, необычная для других крепостей античного времени форма предвратного лабиринта (здесь он укреплен по углам и по обе стороны входа башнями)—позволяют предполагать, что в Аяз-кале № 1 мы видим одно из проявлений тех же поисков в области фортификации, которые породили крепости типа Кой-крылган-калы и в конце концов привели к полной ре-

волюции в области крепостных сооружений, с результатом которой познакомимся ниже.

Перейдем к вопросу о жилой архитектуре и характере поселений этой эпохи. Из обследованных городищ раннего времени три—Кырк-кыз-кала, Базар-кала и Топрак-кала—были городами. Это—небольшие городки, квадратные в плане, со стороной в среднем в полкилометра. Площадь этих городков покрыта буграми—остатками жилищ, многочисленной керамикой, многочисленными, большей частью гончарными, частично металлургическими шлаками. Каждый из них имеет, кроме того, занимающую один из углов

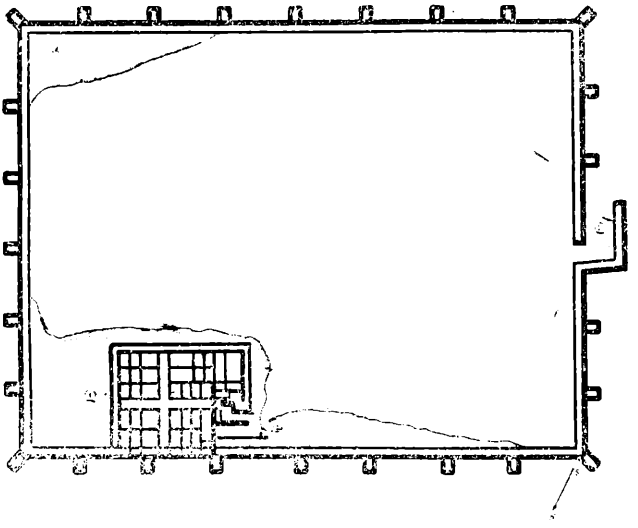

Рис. 10. Аяз-кала № 3.[1]

цитадель—акрополь крепости, со сторонами в 150—200 м (кроме Топрак-калы, цитадель которой иного типа. О ней см. ниже)[2].

Джанбас-кала представляет также городок меньших размеров или укрепленное поселение. За пределами ее стен следов жилья не сохранилось, но вся площадь внутри покрыта жилищами. Она является укрепленным поселением, в то время как в Кырк-кыз-кала и Базар-кала мы имеем цитадели с примыкающими к ним площадями городов.

При сопоставлении Джанбас- и Базар-калы мы видим как бы два этапа развития городов. В первой—цитадель и город совпадают. Во второй—произошло уже разделение на цитадель и город («шахристан») в собственном смысле, причем, в противоположность Джанбас-кала, следы жилищ на цитадели Базар-калы очень незначительны.

Жилища сохранились плохо, за исключением одного случая—большого жилого дома во дворе сильно разрушившейся крепости Аяз-кала № 3. Внешние стены крепости, крайне деформированные временем, превратились в вал. Но внутри крепости, примыкая к одной из ее стен, располагается крупное здание 60×40 м, представляющее собой большой бугор с плоским верхом, достигающий 3,5 м высоты. Верх этого бугра образует выравненную силами природы площадку, из поверхности которой выступают валики стен, позволяющие почти полностью восстановить планировку дома без его раскопок. Мы видим здесь два коридора, идущие крест-накрест и делящие дом на 4 сек-

[1] Сильная разрушенность стен, затрудняющая выяснение их планировки, заставила нас при рекогносцировочном описании этой крепости ограничиться схематическим наброском. В противоположность остальным крепостям здесь наблюдаются не отмеченные в нашем плане отступления от формы правильного прямоугольника: отклонения углов от прямого и некоторая кривизна стен, особенно северной. Условно дана форма угловых башен, выяснить которую без раскопок не представляется возможным.

[2] Отметим, что вдоль восточной стены Топрак-калы (с ее внутренней стороны) нами было обнаружено большое кладбище оссуариев характерной для Хорезма формы (в виде небольших прямоугольных глиняных ящиков на ножках, с выпуклыми крышками с круглой ручкой посредине). Большое количество фрагментов аналогичных оссуариев, частью—из алебастра, нами собрано также с развалин близ Беркут-калы.

тора, каждый из которых разбивается на большое количество небольших комнат (всего в доме—свыше 40 комнат).

В окрестностях ряда античных крепостей мы имеем следы разрушившихся жилищ, причем эти жилища всегда группируются в виде крупных поселений. Иногда они тесно примыкают друг к другу, иногда разбросаны на большой площади, но дворы неизменно смыкаются внешними оградами.

Например, в окрестностях Аяз-калы № 3 мы имеем большое количество остатков усадеб, внешними стенами примыкающих к Аяз-кале. Каждая усадьба представляет прямоугольник очень значительных размеров (в одном из обследованных случаев—141×54 м) с гладкой поверхностью двора. У внешней стены группируются надворные постройки, а в средине—развалины небольшого дома (в отмеченном случае—18×11 м).

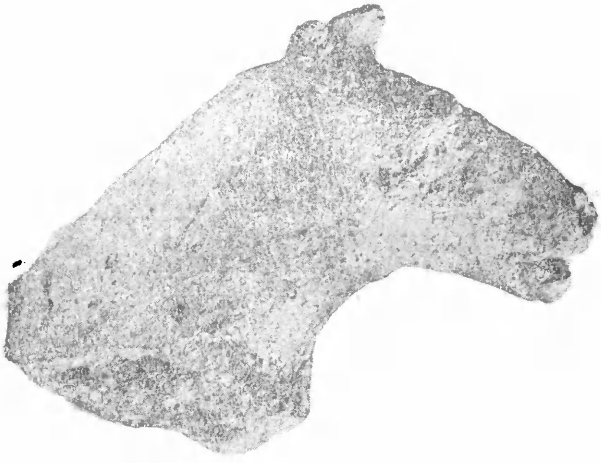

Рис. 11. Голова лошади. Терракота. Джанбас-кала.

Рис. 12. Мужская статуэтка. Терракота. Джанбас-кала.

Внешние ограды дворов всегда смыкаются одна с другой, образуя, таким образом, сплошное поселение.

Чтобы покончить с характеристикой материала наших разведок, остановлюсь на памятниках древнехорезмийского искусства первых веков н. э. и, может быть, конца дохристианского периода. Это—многочисленные статуэтки из обожженной глины. Среди них мы встречаем больше всего изображений коней, иногда условных, иногда выполненных с большим художественным реализмом.

Собрано также большое количество человеческих статуэток—изображений мужчин и женщин. Наряду со статуэтками коней найдены статуэтки и других животных, частью реальных, частью фантастических.

По своему стилю эти произведения хорезмийского искусства являются памятниками весьма своеобразной и вполне самостоятельной художественной культуры.

Они далеки от всех знакомых нам типов среднеазиатских терракот. Древнехорезмийская цивилизация породила свой самостоятельный художественный стиль, первые памятники которого стали теперь нам известны.

Если обратиться к деталям этих статуэток и изображений на сосудах, то анализ костюмов позволит прийти к существенным выводам. Мужской костюм на одной из статуэток, некоторыми чертами сближающийся с одеждой древних хорезмийцев и саков на Накши-Рустемских рельефах[1], близко, вместе с тем, напоминает костюм, изображенный на фресках древних городов Синцзяна. Характерен короткий, перетянутый в поясе кафтан с оторочкой по борту и полам, короткие до колен штаны[2].

---

[1] F. Sarre und E. Herzfeld, Iranische Felsreliefs. Berlin, 1910, стр. 35—36.

[2] A. von Le Coq, Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens, Berlin, 1925, рис. 1, 5 и др.

Женский головной убор, представленный на одной статуэтке, напоминает убор некоторых статуэток ахеменидского времени[1], имеющий вид плоской шапки с наушниками.

Наряду со статуэтками нами собран ряд фрагментов сосудов с рельефными изображениями. На одном (Джанбас-кала)—фигура длиннобородого воина в своеобразном шлеме. Сама фигура трактована крайне архаично, напоминая отчасти изображения ахеменидских монет. На двух фрагментах, один из которых найден в Джанбас-кала, а другой—в Кургашин-кала, мы имеем изображения животных. Первый покрыт черной окраской, на которой выступают цветные контуры самого изображения. Мы видим здесь рельефное изображение тигра, ниже которого изображено какое-то травоядное животное, выполненное в совершенно иной манере—в виде плоской гравюры, обведенной тонкой выпуклой линией контура. На фрагменте из Кургашин-кала мы имеем дело с прекрасно выполненным изображением льва.

Во всяком случае мы сейчас, несмотря на разведочный характер работ, располагаем значительным количеством (около сотни) памятников—целых и фрагментарных статуэток и гончарных рельефов, которые позволяют дать хотя бы пока суммарную характеристику изобразительного искусства Хорезма этой эпохи. Несомненно, материал этот обогатится при постановке систематических раскопок памятников хорезмийской античности[2].

VI. Памятники V—VIII вв. н. э.

Если мы двинемся из крепости Кырк-кыз, лежащей посредине обращенной выпуклостью к северу дуги древних крепостей на юг, перед нами развернется совершенно

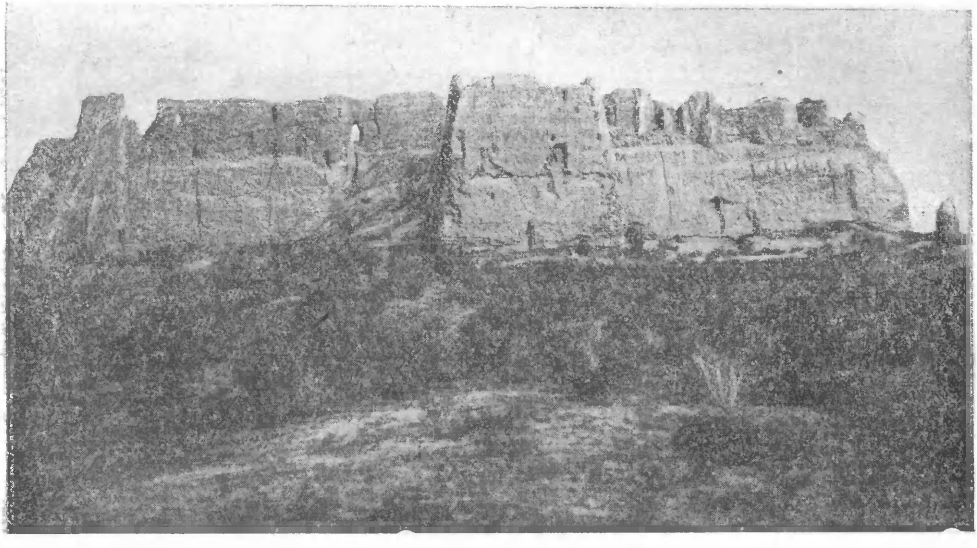

Рис. 13. Кызыл-кала. Общий вид.

иной, чем в предыдущей зоне, культурный ландшафт. Вокруг нас поднимаются бесчисленные укрепленные замки и усадьбы, каждая из которых представляет собой целую крепость с донжоном в центре одной из стен или в середине и с мощной стеной, окружающей надворные постройки.

---

[1] «Persian Art». An illustrated souvenir of the Exhibition of Persian Art at Burlington House, London, 1931, 108.

[2] В настоящее время нами подготовляется специальная статья о памятниках древнехорезмийского искусства, намеченная к опубликованию в одном из ближайших номеров ВДИ.

Перед нами картина, рисующая общество, характер уклада которого резко изменился по сравнению с тем, что мы имели в предшествующую эпоху. Перед нами памятники, созданные людьми, жившими в постоянном страхе нападения, в эпоху каких-то бурных социальных и межплеменных столкновений.

Наиболее характерную картину хорезмийского расселения эпохи арабского завоевания дает мертвый оазис, в центре которого расположены руины крепости Беркут-кала. Он вытянут узкой (1—2 км) полосой, около 25 км длины вдоль русла большого древнего канала. На севере он тянется почти до самой крепости Кырк-кыз, на юге— до развалин замка Тешик-кала, бывшего основным объектом наших раскопок. Еще южнее, в 2—2,5 км, расположены эффектные развалины замка Кум-баскан-кала

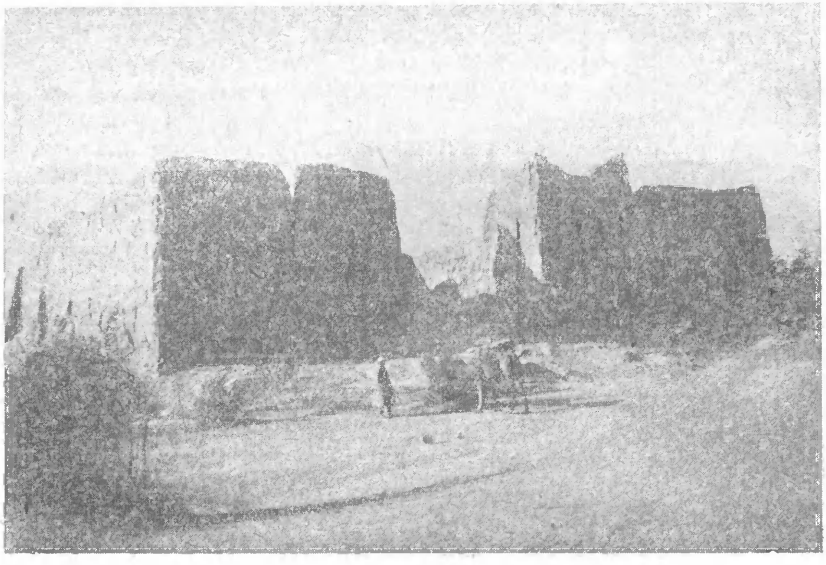

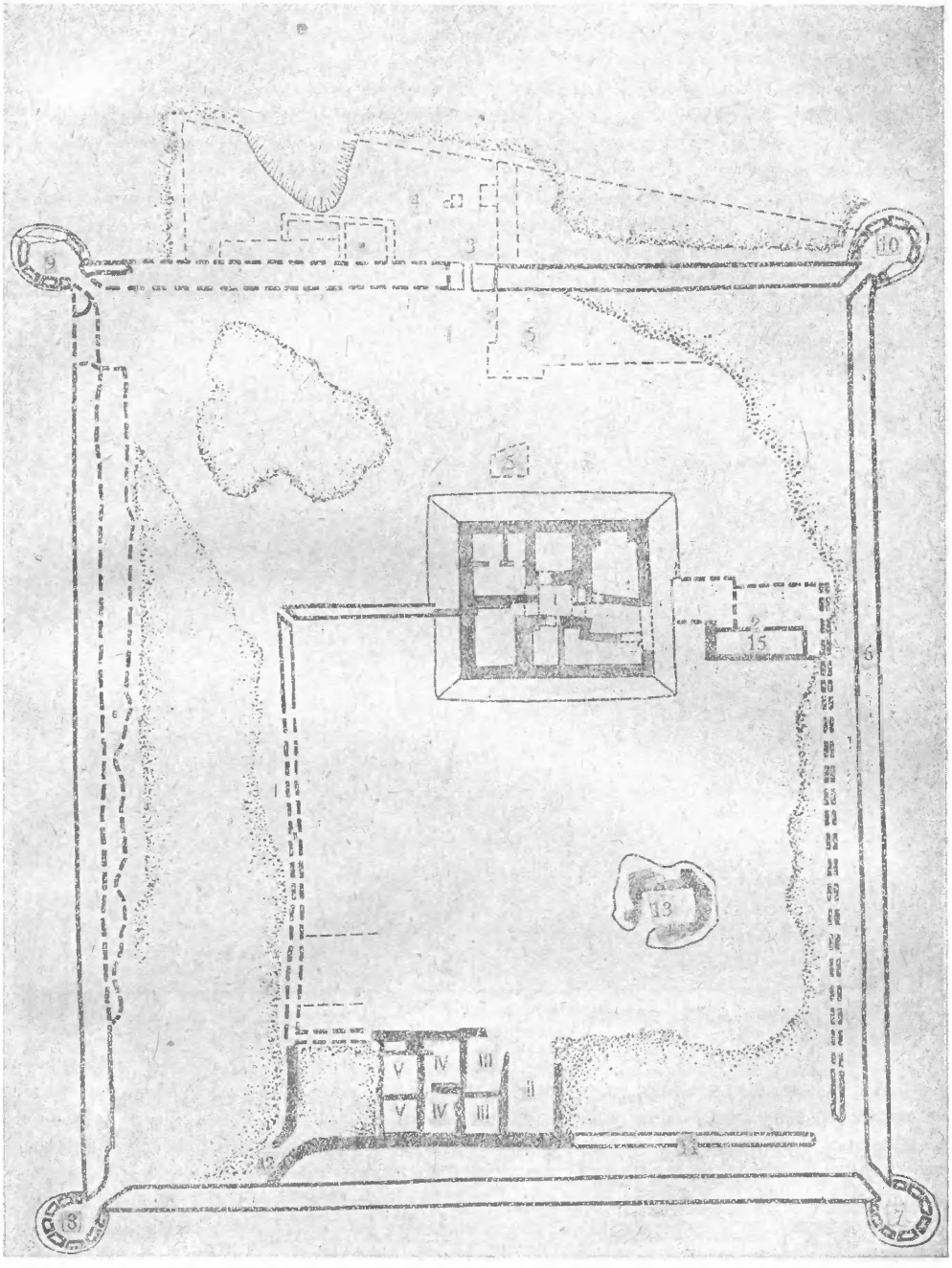
Рис. 14. Беркут-кала. «Замок» № 13.

(в переводе—«засыпанный песком», что вполне соответствует действительности). На площади оазиса разбросано свыше ста укрепленных усадеб различных размеров.

Мы не имеем здесь ни городов, ни деревень в собственном смысле слова. Повсюду поднимаются высокие руины отдельно стоящих на расстоянии 100—200 м одна от другой укрепленных усадеб различных размеров—от грандиозных развалин больших замков (площадью в среднем 100×100 м) до небольших усадеб, площадь двора которых, варьируя около 30—40 м в квадрате, спускается иногда до 10×10 м и даже ниже. Однако все они, несмотря на резкие различия в размерах, характеризуются единым типом планировки.

Средоточие каждой усадьбы составляет жилая башня, донжон, помещения которой подняты на массивном глинобитном цоколе в виде усеченной пирамиды. Размеры усадеб крайне разнообразны. Цоколи донжонов больших замков достигают высоты 6—8 м, высота цоколей донжонов маленьких усадеб колеблется вокруг 3—4 м. Соответственно колеблются и размеры жилого этажа донжонов, форма которого приближается обычно к квадрату, с длиной стороны от 6—7 м.

Структура донжонов варьирует довольно значительно. Повидимому, более древней формой, являющейся переходной от постройки эллинистической эпохи, являются донжоны, цоколь которых состоит из двух параллельных вытянутых помещений, перекрытых коробовыми сводами, по структуре близкими к описанным нами выше для античной эпохи, но отличающимися некоторыми особенностями кладки. Таков донжон раскопанного в 1938 г. А. И. Тереножкиным дома № 34 в окрестностях развалин крепости

1. Жилая башня.
2. Комплекс сооружений при входе в жил. башню.
3. Ворота в замок.
4. Сооружения за внешней стеной.
5. Постройки во внешнем дворе.
6. Наружные стены.
7. Северн.
8. Восточн.
9. Южн.
10. Западн.

башни наружной стены.

11. Внутренние стены.
12. Башни наружной стены.
13. Отдельно стоящее здание во внутреннем дворе.

Прим. Юго-зап. внутрен. стена засыпана песком. Часть стены, показанная пунктиром, размыта.

14. Ряд помещений у северо-вост. стены от II—V в.
15. Коридор.

Масштаб 0 5 10 15 *м*

Рис. 15. Тешик-кала. Генеральный план.

Беркут-кала и ряд других зданий, обследованных нами в том же районе. К этой же категории зданий, восходя, однако, к более раннему времени, относятся большие замки Кызыл-кала и Кузы-крылган-кала. Оба эти замка представляют собой большие (Кузы-крылган-кала—30×48 м, Кызыл-кала еще бо́льших размеров) здания, цоколь которых, целиком выложенный из кирпича, представляет собой сложную систему идущих то параллельно, то под прямым углом длинных сводчатых помещений.

Верхний этаж Кузы-крылган-кала разрушен—зато с ним можно было хорошо ознакомиться в Кызыл-кале. Там он образует открытую площадку, своего рода верхний двор, вокруг которого располагаются вдоль стен небольшие помещения, открывающиеся наружу бойницами—значительно меньших размеров и иной формы, чем в античных крепостях.

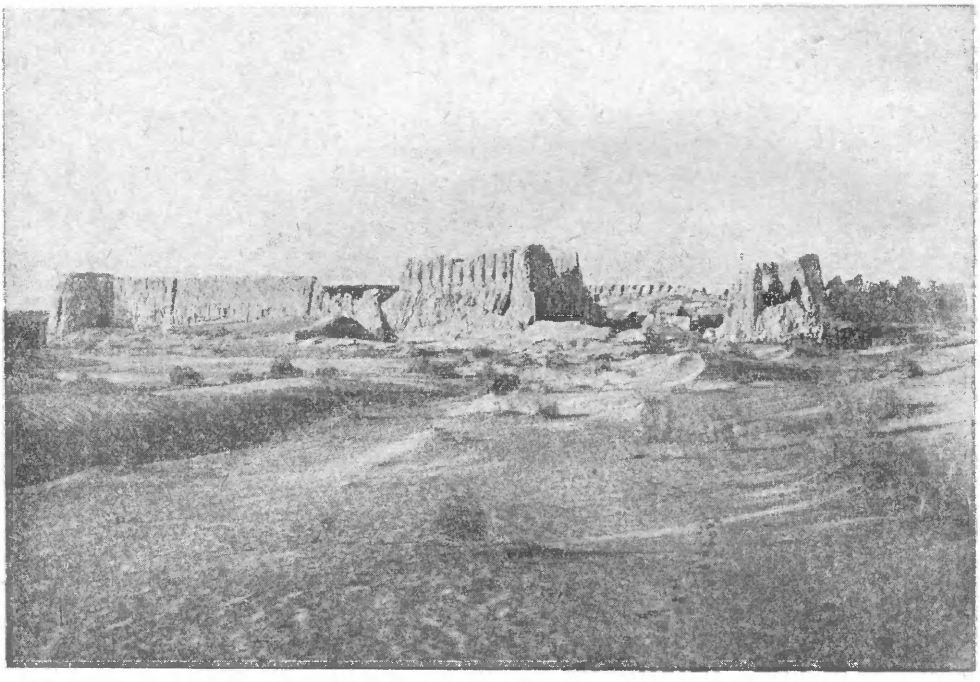

Рис. 16. Тешик-кала. Общий вид с юга.

Маленькие замки являлись местом обитания остававшегося еще свободным земледельческого населения Хорезма, жившего большими семьями. Донжоны этих замков служили для этих семей в мирное время прежде всего своеобразными амбарами—местом хранения припасов и воды на случай осады. В этом отношении показательна раскопанная в 1937 г. жилая башня «замка» № 4. Вся площадь башни (около 13 м в квадрате) оказалась разбитой на 3 больших и 2 малых комнаты и загибающийся углом коридор, в который выходили 4 из 5 помещений. В одном из помещений обнаружен очаг, во всех—остатки запасов пищи—проса, сушеной груши, тыквы, хранившихся в закромах или ссыпанных кучами, и во всех комнатах, особенно в комнате № 2,—большое количество хумов—огромных кувшинов для хранения воды (в комнате № 2 их оказалось 14). Весьма интересно отметить, что по обе стороны входа в комнату № 4 оказалась сложенная у стены куча комьев глины, на каждом из которых был оттиск печати с изображением сидящего человека.

Основным объектом наших раскопок явилась Тешик-кала.

Мощной глинобитной стеной с овальными башнями по углам обведена прямоугольная площадь свыше 10 000 кв. м. Стены эти когда-то имели наверху парапет с зубцами,

прикрывающий бойцов. Следы этого парапета сохранились в некоторых местах стены. Тип стены резко отличен от типа стен крепостей античного времени. В отличие от античных крепостей стены целиком (за исключением некоторых участков, отремонтированных при помощи кирпича) выложены при помощи глинобитной кладки. Кирпич для постройки внешних стен крепости, как правило, не употреблялся. Башни овальные, ось которых составляет продолжение диагонали крепости. Бойницы—невысокие, узкие, не рассчитанные, как античные бойницы, на навесный бой.

Внутри внешней стены расположена вторая стена, более тонкая, чем внешняя, но той же высоты. Учитывая, что эта внутренняя стена отстоит (особенно в северо-восточной части) лишь на несколько метров от внешней стены, с точки зрения фортификации она представляет собой совершенно бесполезное сооружение. Лишь раскопки позволили нам вскрыть историю этой внутренней стены.

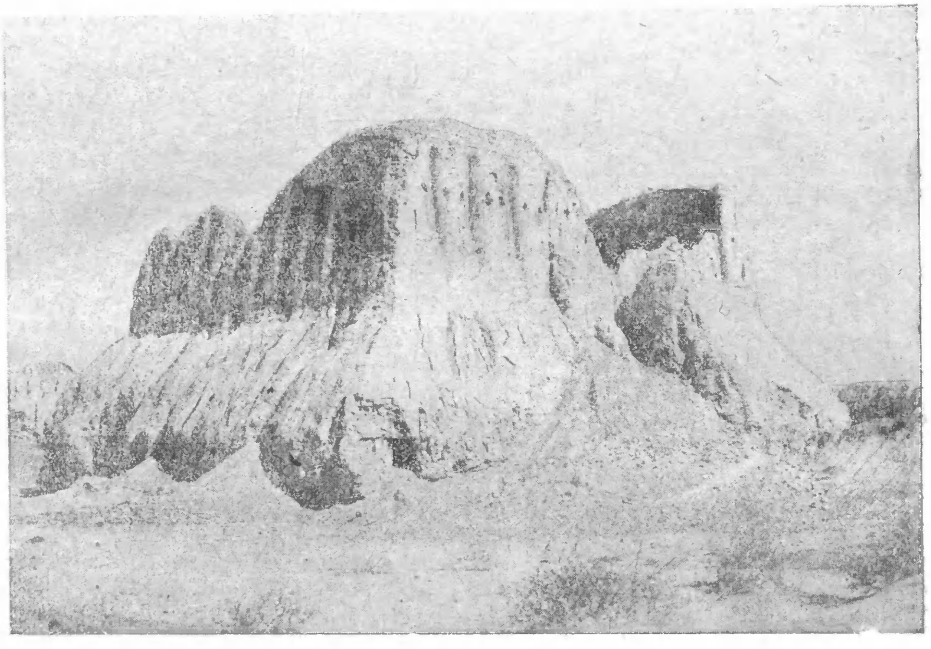

Рис. 17. Тешик-кала. Кёшк. Общий вид с юга.

Посредине юго-западной стороны этой внутренней стены располагается донжон, или, если пользоваться древней среднеазиатской терминологией, «*кёшк*»—жилая башня замка, нижнюю часть которой составляет мощный цоколь—сплошная масса глинобитной кладки в форме усеченной пирамиды. Цоколь имеет высоту со стороны внутреннего двора 6,5 м, а со стороны внешнего двора, расположенного значительно ниже,—8 м.

На выровненной площадке вверху этого цоколя были возведены стены жилых и хозяйственных помещений—жилище владельца замка. Стены сложены из сырцового кирпича меньшего размера, чем кирпич античного времени (35×35×8 см). С внешней стороны эти стены обработаны в виде ряда массивных полукруглых полуколонн, каждая пара которых соединяется сверху полукруглой арочкой. Поверхность каждой полуколонны декорирована тремя ложными бойницами.

Обращаясь к внутренности кёшка, мы начнем наш обзор со стороны входа, расположенного на его северо-западной стороне. Вход остался пока не раскопанным. Он сильно разрушен большой промоиной. Есть основание предполагать (по аналогии с другими замками этого района), что он шел через подъемный мост из расположенной против входа небольшой башенки.

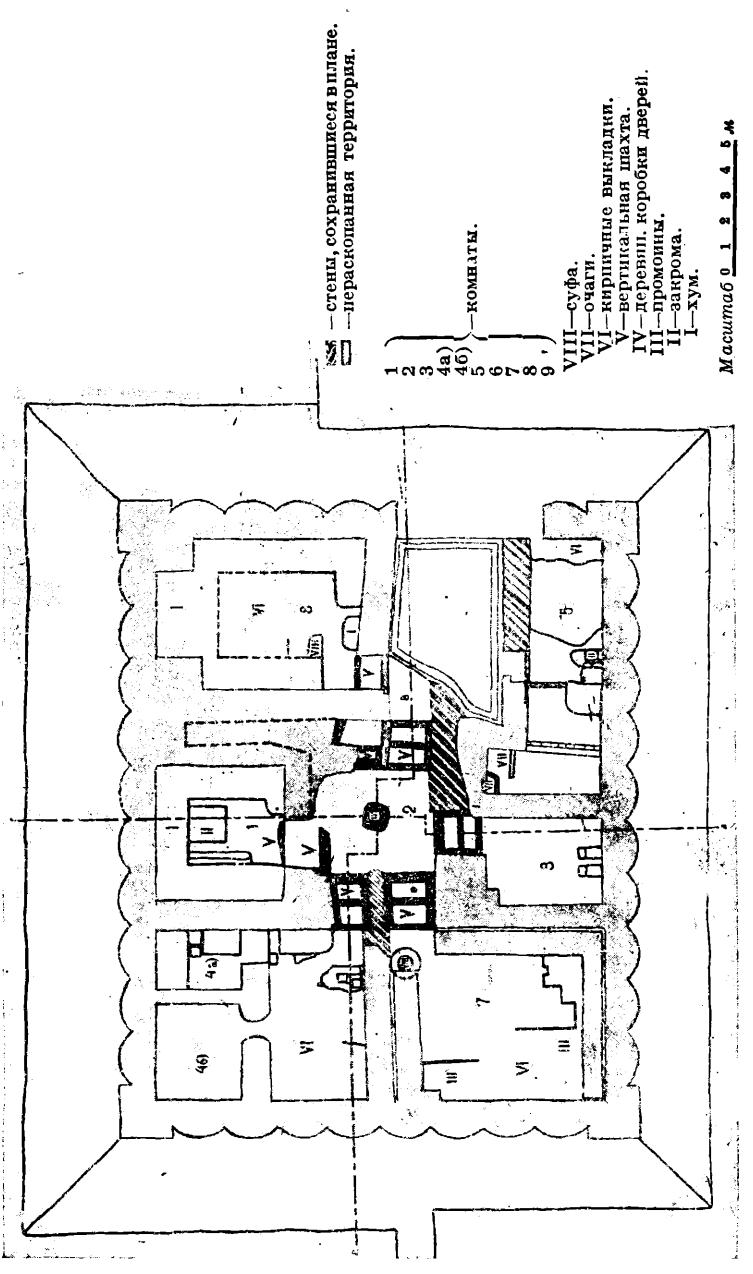

Рис. 18. Тешик-кала. Кёшк. План.

Входя в кёшк, мы попадаем в предвходный коридор. Направо, налево и в конце его открываются двери. Слева расположена комната с кирпичной лежанкой у одной из стен, с двумя кирпичными вымостками посредине внешней стены этой комнаты, между которыми находилась большая мусорная яма.

В углу лежанки располагались два глиняных закрома. Внутри них была найдена мучнистая масса, образцы которой, взятые нами, еще пока не подвергнуты анализу. В целом комната производит впечатление сочетания жилого помещения с хозяйственным хранилищем. Учитывая, что эта комната принадлежит к внешней части замка, можно предполагать, что здесь было помещение слуг владельца замка, находившихся на случай осады в пределах самой жилой башни, возможно—помещение охраны кёшка.

Направо от входа располагалась комната № 8. Это—большая комната, середина которой, к сожалению, разрушена большой промоиной. По стенам, вокруг всей комнаты, идет широкая лежанка. В противоположном входу фасаде комнаты в углах выступают массивные кирпичные быки, образующие нишу, возможно, перекрытую когда-то полукуполом (как мы имеем в отмеченном ниже доме № 50 в окрестностях Тешик-калы).

Вдоль стен комнаты было найдено большое количество обломков глиняных фризов, украшавших верхнюю часть стен. На полу, возле лежанки был найден большой обрывок ковра с орнаментом, вытканным гобеленовой техникой.

По всему своему облику эта комната носит парадный, даже торжественный характер. Вероятно, она являлась парадной приемной комнатой владельца замка.

Из этой комнаты через тройную дверь, нижняя часть коробки которой прекрасно сохранилась, мы попадаем в центральное помещение замка (комната № 2). При расчистке нижних слоев завала, покрывавшего эту комнату, мы обнаружили у дверей, ведущих из этой комнаты, правильно лежащие рядами, поставленные на ребра кирпичи. Анализ расположения этих кирпичей с несомненностью приводит к заключению, что входы в центральное помещение были покрыты небольшими коробовыми сводами, опиравшимися на продолжение стен смежных комнат и выдававшимися, в виде своеобразных порталов, внутрь центрального помещения. Когда это помещение было цело, оно, несомненно, имело эффектный и своеобразный вид.

Посредине центрального помещения был обнаружен колодец—вертикальная шахта, уходящая в глубь цоколя замка, стенки которой выложены сырцовым кирпичом.

Направо и налево от этой комнаты такие же массивные тройные двери ведут в соседние помещения. Налево располагается небольшая вытянутая комната (№ 3), пол которой оказался покрытым слоем навоза. Вероятно, в последний период жизни замка эта комната служила складом топлива.

Другая, противоположная комната, в которую мы попадаем, поднявшись по небольшому пандусу, являлась жилой комнатой владельца замка, по декорировке напоминая описанную мною приемную комнату. Она имела высокую лежанку и открытый, выложенный из сырцового кирпича очаг посередине. Верхняя часть стен была декорирована идущим кругом фризом из сырой глины, который на юго-западной стене прекрасно сохранился. Орнамент фриза состоит из чередующихся, чрезвычайно архаичных по типу, восьмилучевых розеток и пятилистных пальметок. Этот фриз был нами снят и находится в настоящее время в государственном Эрмитаже.

На противоположной от входа стене центрального помещения располагались две двери. Через левую из них мы попадаем в комнату № 7. Это—большая комната, расположенная в восточном углу замка. У входа в эту комнату был расположен врытый в землю огромный хум (глиняная корчага), в котором свободно помещается человек.

По стенам комнаты были обнаружены груды обломков разрушенных хумов. По предварительным подсчетам черепков, корчаг было больше десяти. На полу были найдены зерна растений, в том числе—винограда, громадное количество зерен проса. Корчаги располагались на кирпичной вымостке, шедшей вокруг комнаты. Повидимому, эта комната представляла собой хозяйственное хранилище воды и пищевых запасов.

Правая дверь в передней стене центрального помещения вела также через невысокий пандус в жилое помещение, в комнату № 6, имеющую лежанку справа и выложенный из кирпича очаг слева от входа.

Через эту комнату мы попадаем в две расположенные в южном углу замка комнаты. Одна из них оказалась пустой, а в другой была обнаружена кирпичная вымостка с вмазанным в нее большим глиняным сосудом. Перед вымосткой располагалось несколько ям. На этой вымостке было найдено большое количество обломков хлеба, выпеченного в виде небольших лепешек. Повидимому, это помещение имело хозяйственное назначение и являлось чем-то вроде кухни или пекарни.

При расчистке комнаты № 6 нам удалось выяснить ряд интересных деталей для истории планировки хорезмийской эпохи. Более ранняя планировка характеризовалась лежанкой, идущей вокруг комнаты, в центре которой находился открытый очаг. Более поздняя планировка, относящаяся к моменту гибели замка, характеризовалась широкими лежанками, расположенными у одной из стен. Только в одной комнате № 8 лежанка в момент гибели замка шла вокруг всей комнаты, сохраняя старый принцип планировки.

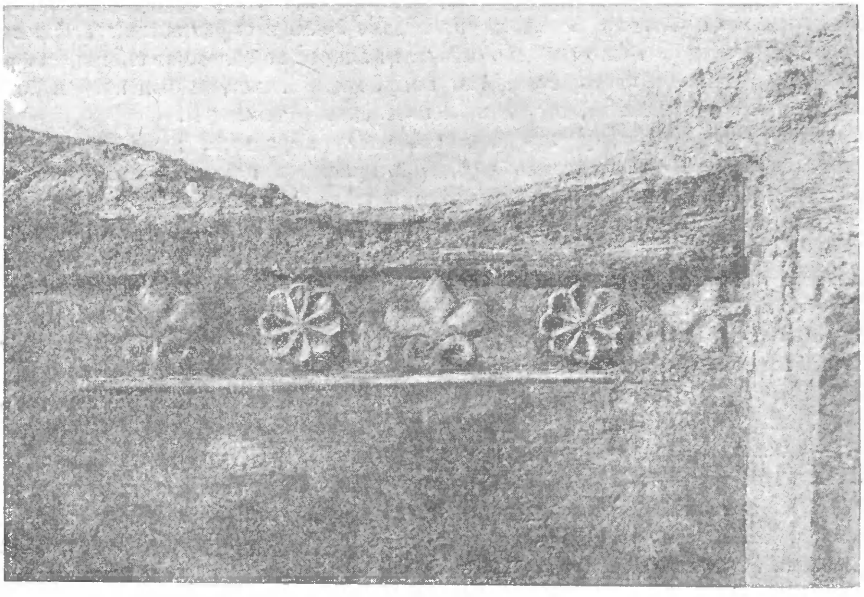

Рис. 19. Тешик-кала. Кёшк. Фриз на юго-западной стене комнаты № 1.

Во время раскопок стен этой комнаты был обнаружен любопытный факт. Три нижних ряда кирпичей северо-восточной стены, давшей сильную осадку в своей средней части, оказались содержащими в швах глиняные шарики небольшого размера, лежащие группами по 3—4 штуки. Эти шарики были только в нижних трех рядах кирпичей и никакой конструктивной роли не играли. В хорошо сохранившейся стене комнаты № 7 таких шариков обнаружено не было.

По гипотезе, выдвинутой одним из наших рабочих-казахов, Серикбаем Оралбаевым, эти шарики были положены сюда с магической целью для предохранения стены от разрушения. Аналогичный способ колдовства при помощи наговоренных шариков, по словам Оралбаева, до недавнего еще времени применялся в казахском быту.

Любопытен самый факт наличия шариков в наиболее пострадавшей стене. Повидимому, строитель не был очень уверен в прочности своего сооружения, возводимого, как мы увидим ниже, над плохо забутованным древним помещением, и прибег в данном случае к помощи колдовства для того, чтобы обезопасить выстроенную стену от оседания в это помещение.

Раскопки внутреннего двора показали, что двор был окружен со всех сторон каррэ построек, располагавшихся так же, как в средневековых медресе или караван-сарае. Вдоль каждой стены шли, подобно «худжрам» медресе, узкие длинные помещения, по-

крытые коробовыми сводами, обращенными торцом внутрь двора. Каждая худжра была разделена на два помещения—переднее и заднее. Некоторые имели хозяйственное назначение. Одна из этих комнат содержала большое количество жерновов, другая была почти сплошь уставлена хумами. Некоторые комнаты имели посредине открытый очаг и по стенам кирпичные нары, такие же, как в комнате № 1 и 6 в кёшке замка.

Большой интерес представляет небольшой, стоящий изолированно домик посредине двора. Он оказался имеющим чрезвычайно мощные кирпичные стены, значительно более толстые, чем во всех остальных помещениях, угловой вход и интересную планировку. Вдоль стен шла канавка, окружающая возвышение посредине, срубленное при позднейшей перепланировке. Это здание, вероятно, являлось своего рода домашней капеллой владельца замка. Уже при раскопках эта планировка заставила нас заподозрить здесь здание культового значения. Результаты раскопок «храма огня» в Шапуре подтвердили это предположение.

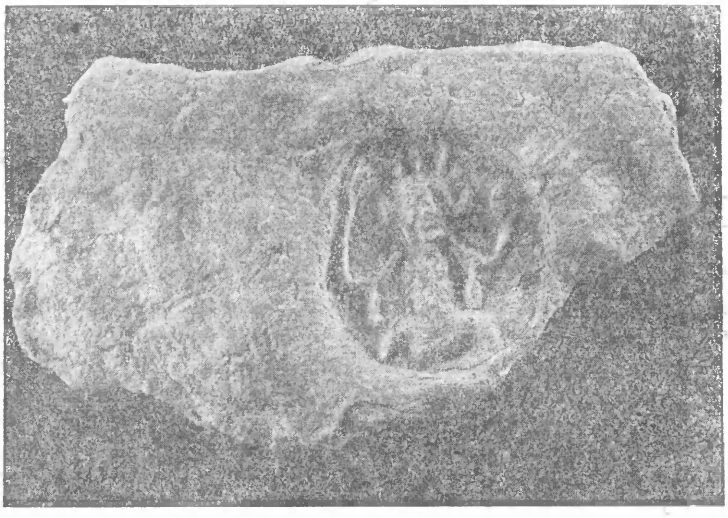

Рис. 20. Четверорукое божество. Оттиск печати на сырой глине. Тешик-кала.

Переходя к находкам, сделанным в Тешик-кале, отмечу прежде всего огромное количество разнообразной керамики, резко отличной от керамики античного времени. Мы встречаем здесь большое количество хумов с характерным венчиком, орнаментированным полосой косых рубцов, большое количество водоносных кувшинов с маленьким дном, выпуклыми стенками и с расширяющейся кверху плоской ручкой. Встречаем большое количество бытовой посуды, среди которой имеется значительный процент посуды, сделанной без гончарного круга.

Затем нами было найдено большое количество мелких обрывков тканей, два фрагмента деревянных гребней, изделия из кости (поясная пряжка, фрагмент гравированной пластинки и др.), детские игрушки, статуэтки барана, медные перстни, бусы.

Найдено огромное количество органических остатков, позволяющих предположить, что и в ту эпоху уже земледелие и скотоводство охватили все те породы растений и животных, которые употребляются и в настоящее время.

Искусство Хорезма этой эпохи было обогащено, с одной стороны, находкой фриза, а с другой стороны—находкой в яме одного из помещений двора трех оттисков больших печатей на глиняных комьях. На двух оттисках находилось изображение четверорукого божества, на третьем оттиске была изображена сцена охоты, причем всадник на чрезвычайно изящно выполненной лошади стреляет из лука в убегающего от него дикого козла. Изображение по тонкости не уступает лучшим изображениям на сасанид-

ских блюдах. Конь по своей трактовке напоминает коня на известном согдийском щите VIII в. из замка Дивастича на горе Муг.

Эти находки имеют двоякое значение. Прежде всего, они подтвердили мою гипотезу о хорезмийском происхождении серебряных чаш Эрмитажа и Британского музея с изображением четверорукого божества[1]. Находка изображения четверорукого божества в культурном слое Тешик-калы решает вопрос окончательно в пользу хорезмийского происхождения этих серебряных изделий.

Еще более важен самый факт наличия в хорезмийском пантеоне четверорукого божества, в котором естественнее всего видеть одного из бодисатв. Более точное определение можно будет сделать на основании сравнительного изучения атрибутов этого божества.

Самый факт этой находки говорит о том, что хорезмийская идеология этой эпохи еще в VII—VIII вв. н. э. отражала влияние каких-то индо-буддийских традиций. Эти связи с индо-бактрийским миром были прослежены нами раньше и на нумизматическом материале. Таким образом, наша находка позволяет установить до сих пор неизвестный факт распространения буддизма столь далеко на северо-запад и влияние этой религии на культуру древнего Хорезма[2].

Когда мы вскрыли обмазку пола в комнате № 7, то под ней открылся старый пол с рядом провалов. Одна из этих ям оказалась наполненной рыхлой глинистой массой, причем, углубившись на полтора метра, расчищавший яму рабочий не мог нащупать ее дна. Когда для выяснения этой загадочной ямы я начал расчищать это место, я обнаружил, что одну из стен ямы образует правильная кирпичная кладка, уходящая в глубь цоколя. Вскоре после этого мы обнаружили, что эта кладка переходит в оштукатуренную глиной и закопченую стену скрытой в цоколе замка комнаты. Раскопки этой комнаты заняли целый месяц. Помещение оказалось сплошь забито плотной глиняной кладкой. Ее пришлось рубить кетменями (местные мотыги) и кирками, соблюдая при этом большую осторожность, так как ни планировка, ни глубина комнаты нам не были известны и было очень легко разрушить те или иные конструкции.

При раскопках на донжоне мы обнаружили внутри цоколя целиком сохранившуюся комнату, углубленную по сравнению с полом верхних комнат почти на 6 м, так что пол ее находился не намного выше уровня внешней поверхности земли. Сохранились не только стены до уровня срубленного при закладке комнаты потолка, но и шедший выше их кирпичный парапет с бойницами. Этот-то парапет, кладка которого выступала на полкирпича внутрь комнаты по сравнению с оштукатуренной стеной комнаты, и был нами обнаружен при расчистке комнаты № 7 и привел нас в нижнее помещение.

Планировка нижнего помещения оказалась своеобразной. Оно имело угловой вход в северном углу в виде широкого и несколько расширяющегося кверху портала. Юго-восточная стена комнаты плавной линией переходила в юго-западную, образуя вместе с последней полукруглый выступ. Посредине находился прекрасно сохранившийся открытый очаг.

Немногие находки, сделанные на полу, показали, что перед нами комната, относящаяся к той же эпохе, что и верхний замок, но к несколько более раннему времени, ибо керамика отличалась от керамики в верхнем помещении, но не настолько, чтобы предполагать между временем той или другой слишком сильный хронологический разрыв. Против такого разрыва говорила и прекрасная сохранность нижнего помещения, заставляющая считать, что оно было обитаемо вплоть до того времени, когда его владелец нашел нужным его заложить.

Стены нижней комнаты толщиной 80 см были сложены из кирпича, обычного для Тешик-калы размера. Снаружи к ним примыкает глинобитная кладка внешней оболочки цоколя Тешик-калы. Раскопки показали, что это была комната самостоятельного здания, оказавшегося замурованным внутри цоколя позднейшего замка. Стены его были

[1] См. ВДИ, 1938, № 4, стр. 139—144, рис. 1—4.

[2] О том же направлении культурных связей говорит найденный нами на развалинах современного Тешик-кале «замка» № 36 фрагмента (передняя часть) с большим реализмом выполненной статуэтки *носорога*.

возведены из кирпича непосредственно на земле или на низком фундаменте. Здание имело полукруглые выступы на углах и плоскую крышу, окруженную парапетом с бойницами.

Раскопки на дворе позволили также выяснить ряд важных фактов истории постройки Тешик-калы—прежде всего вопрос о происхождении внутренних стен двора. Очистка восточного угла двора от песка показала, что *внутренняя стена имела первоначально круглые угловые башни, срубленные при постройке внешней стены. Все данные позволяют предполагать, что внутренняя стена современна замурованному в цоколь кёшка зданию.* Таким образом, перед нами восстанавливается в основных чертах первоначальный план Тешик-кала.

Для датировки замка решающим является нумизматический материал. В комнатах «верхнего замка» и в помещениях на дворе было найдено значительное количество медных монет, принадлежащих только к двум типам. Это—домусульманские хорезмийские монеты, чеканенные двумя правителями. Одни из монет имели изображение царя в зубчатой короне со ступенчатыми зубцами и легенду, тождественную с надписью на реверсе монет шаха Хорезма Шаушафара, правившего в половине VIII в. В центре реверса находилось изображение всадника, а слева, в поле, включенная в надпись, обычная тамга Афригидов .

Другие монеты имели на одной стороне изображение другого царя, также в короне со ступенчатыми зубцами, но несколько отличной от предыдущей, а на другой стороне, в центре, изображение тамги , окруженной несколькими знаками плохо сохранившейся надписи. Монеты обоих типов примыкают к серии собранных в 1937 г. монет, которую я датировал концом VII и VIII в.

Вся совокупность данных, которыми мы располагаем, заставляет предполагать, что этот замок кончил свое существование в середине VIII в., не пережив или ненадолго пережив арабское завоевание. Наличие монет только двух правителей позволяет говорить о сравнительно ограниченном периоде жизни замка после перестройки, но вместе с тем этот период не мог быть особенно коротким, потому что верхний замок и внешние стены были подвергнуты нескольким перестройкам и ремонтам.

В силу этих соображений наиболее вероятно, что постройка верхнего замка и внешних стен произошла в VII столетии. Вопрос о времени постройки нижнего замка и внутренних стен пока, за отсутствием монетных данных, вряд ли может быть решен с какой-либо определенностью.

Заслуживает серьезнейшего внимания самый факт коренной перестройки замка, самый факт перехода от здания, построенного непосредственно на земле, к зданию на высокой глиняной подушке.

Обследованные в окрестностях Тешик-калы замки сильно обогатили наши знания об архитектурных формах этой эпохи. В замке № 36, в доме № 50, в Кум-баскан-кале и др. нами было открыто значительное количество купольных перекрытий, выложенных, как правило, путем напуска кирпича. Купола в углах опирались на трапецевидные или круглые тромпы.

Особенно эффектно небольшое здание № 50 в окрестностях Тешик-калы.

Три из четырех стен внутреннего помещения этого здания имели глубокие прямоугольные ниши, перекрытые полукуполами на тромпах.

VII. Некоторые вопросы социальной истории древнего Хорезма

Сейчас трудно, конечно, с полной определенностью ответить на вопрос о причинах изменений в типе поселений, построек и фортификационных сооружений древнего Хорезма на протяжении периода, отделяющего III в., к которому относятся позднейшие памятники эллинистического времени, от VIII в., когда прекращают свое существование памятники типа Тешик-калы.

Однако сопоставление наших материалов с имеющимися в распоряжении науки данными по гражданской истории этой эпохи позволяет наметить некоторые пути для решения этого вопроса.

III век н. э. замыкает собой блестящий период гегемонии в Средней Азии могущественной среднеазиатско-индийской державы кушанов. В IV в. ослабленное и сократившееся в размерах Кушанское царство сходит на положение второстепенного государства, неравноправного союзника империи сасанидов, наследники престола которой уже в конце III в. присваивают себе, вместе с кушанскими владениями в Ариане и Бактрии, титул кушаншахов[1].

Мы ничего не знаем о темном периоде IV столетия. Во всяком случае на протяжении этого века процесс упадка и распада Кушанского государства, обусловливаемый, вероятно, не только внешнеполитическими факторами, продолжается.

Одним из проявлений этого распада, вероятно, является начало чеканки монеты хорезмскими правителями, которое мы склонны относить еще к III в. Напомним сведения письма Тансара о том, что уже Ардашир Папакан рассматривал царя Хорезма как подвластного ему государя[2]. Вероятно, уже к первой половине III в. относится начало обособления Хорезма от Кушанской державы, причем очень возможно, что первые самостоятельные цари Хорезма строили свою политику на лавировании между своими могущественными соседями.

Вряд ли случайно врезалось в память потомков имя хорезмшаха Африга, правившего, по Бируни, в начале IV в. н. э., имя, стоящее первым в длинном списке приводимых великим хорезмийским ученым царских имен. Вряд ли случайно это имя ассоциировано в рассказе Бируни, с одной стороны, с преданиями об исключительно жестоком и деспотическом правлении Африга, которого Бируни сопоставляет с «персидским Ездегердом», а с другой—с преданием о постройке этим хорезмшахом огромного замка Фир близ столицы Хорезма—города Кята.

Сопоставление рассказа Бируни с нашими данными позволяет предполагать, что Африг—повидимому, первый вполне самостоятельный правитель Хорезма послекушанского времени—правил в эпоху крупных социальных сдвигов.

Разрушение неподвижного общинного быта деревни, являвшегося пьедесталом рабовладельческой городской цивилизации эллинистического Хорезма, поднимает к власти новые слои господствующего класса—сельского землевладельца-рабовладельца, ослабляя традиционную гегемонию города. Город отступает перед замком, деревня распадается на укрепленные усадьбы оставшегося еще независимым крестьянского населения.

Башня Африга—символ наступления новых отношений.

Нам представляется возможным связывать с первым этапом перехода к новому типу расселения и относить к IV—V вв. н. э. постройку памятников типа Кызыл-калы, Кузы-крылган-калы, Аяз-калы № 2 донжона крепости Топран-кала и других зданий, имеющих цоколь, представляющий систему сводчатых помещений, генетически восходящий к дому типа Аяз-кала № 3—большому многокомнатному зданию, возведенному прямо на земле. Верхний этаж крепостей этого типа еще не является этажом в собственном смысле. Это—площадка плоской кровли здания, окруженная идущими вдоль края казематами с бойницами. Соответственно этому, цоколь также нельзя рассматривать здесь как цоколь в собственном смысле. В сущности это—основная часть постройки.

Трудно со всей определенностью сказать, в каком отношении к этому типу построек стоит нижний замок Тешик-калы—одноэтажное кирпичное здание с плоским перекрытием и окруженное парапетом с бойницами кровлей. Однако приведенное выше хронологическое определение нижнего замка Тешик-калы заставляет здесь видеть одно из проявлений последующей эволюции типа укреплений, возможно, существовавшего параллельно с замками типа № 34, в свою очередь генетически связанного с сооружениями типа Кызыл-калы.

Переход к замкам с массивным цоколем, падающий, если исходить из данных стратиграфии Тешик-калы, на VII столетие, представляет собой второй коренной перелом

---

[1] К. В. Тревер, Резной аметист из собрания Эрмитажа. Сообщения ГАИМК, 1931, № 2, стр. 20.

[2] «Journal Asiatique», 1894, t. III, p. 210 et 513.

в системе фортификации послекушанского времени. Если общая планировка укрепленной усадьбы остается той же, что и в эпоху нижней Тешик-калы, характер кёшка резко меняется. Внешнее сходство с замками кызыл-калинского типа не может затемнить принципиальную разницу между тем и другим: основная часть здания кызыл-калинского времени превращается в массивную глинобитную подушку. Напротив, кровля здания с боковыми казематами превращается в основное помещение. Жилые помещения замка поднимаются над уровнем земли на 4—8 м.

Перед нами очень важное усовершенствование оборонительной техники: кешк становится недоступным для стенобитных орудий и подкопов.

Так как очень трудно предположить существенные изменения в осадной технике, которые могли бы вызвать ответные улучшения системы обороны, объяснение этого переворота нужно искать вне военно-технической истории в собственном смысле.

Как башня деспота Африга, по характеристике Бируни, может осветить нам проблему изменения типа расселения, так, нам представляется, одно место у Табари может нам помочь разобраться во встающей сейчас перед нами проблеме.

Из описания событий 712 г., когда войска Кутейбы ибн-Муслима оккупировали Хорезм, мы узнаем, что предпосылкой арабского завоевания был глубокий политический кризис государства шахов Хорезма. Вся страна была охвачена гражданской войной. Только незначительная часть правобережного Хорезма, если точно следовать Табари,—одна столица хорезмшахов, город Кят, признавала власть хорезмшаха.

Власть находилась в руках мятежников во главе с братом хорезмшаха Хурразадом и неким «царем Хамджердом», действовавшим на левом берегу Аму-Дарьи.

Здесь, нам кажется, ключ к новому типу укреплений. Народные движения, вероятно, лишь достигшие своей кульминационной точки к началу VIII в., восходят хронологически к более раннему времени (вспомним еще раз восстание Маздака в конце V в. н. э. и движение Абруя в 80-х годах VI в.). Жестокая гражданская война—вот первопричина перехода к донжонам с массивным цоколем—высшему достижению оборонительной техники домусульманского Хорезма.

*

Подводя предварительные итоги наших работ, мы можем констатировать, что в результате их мы получаем почти непрерывную шкалу памятников, начиная с бронзового века вплоть до XIII в. С особенной полнотой мы уже сейчас можем проследить развитие фортификации и изменение типа расселения. Особенно важен факт перехода от значительных сельских поселений и многочисленных городов к расселению отдельными усадьбами и замками, начало которого восходит, повидимому, к IV в. н. э. (период падения Кушанской империи).

Мы можем уже наметить, исходя из истории материальной культуры древнего Хорезма, целую цепь фактов, которая увязывается с рядом важнейших вопросов гражданской истории этой эпохи и освещает ряд вопросов истории культурных связей древнего Хорезма с окружающими странами Восточной Европы (Бактрией, Индией, восточным Туркестаном). Мы можем сейчас говорить о том, что крупные изменения фортификационной техники говорят о значительных социальных сдвигах, протекавших на протяжении периода после IV в. вплоть до арабского завоевания, когда процесс обострения социальных и межплеменных отношений достигает своей высшей точки.

Наконец, мы получили данные, позволяющие утверждать, что начиная с IV в. земледельческое хозяйство Хорезма неуклонно идет по пути упадка. Все далее и далее идущий процесс феодализации и сопровождающие его варварские завоевания подготовили упадок земледельческой культуры древнего Хорезма, сокращение культурной полосы, сокращение количества городов и, в конце концов, почти полное запустение этой части оазиса в результате беспрерывных феодальных войн X, XI, XII и XIII вв., окончательно разрушивших древнее ирригационное хозяйство.

С. Толстов

Открытия в Олинфе[1]

В течение последнего десятилетия сделаны чрезвычайно важные открытия в Олинфе, в 50 км к югу от Салоник, в Халкидике, между реками Олинфом и Амниасом.

Расцвет Олинфа падает на V—IV вв. до н. э. Город находился в дружеских отношениях с Македонией: сохранилась часть договора, написанного на камне, заключенного в 356 г. между Филиппом II и Олинфом.

Источники рассказывают о трагической гибели города.

В 348 г. Филипп II переправлялся через реку Санданос, стрелка олинфской астры попала ему в глаз, глаз был потерян. В ярости на несчастный Олинф Филипп II приказал до основания разрушить город. В раскопках найдены свинцовые ядра с именем Филиппа. После разрушения город был сожжен. Только немногие жители Олинфа убежали (в Афины, Милет и Потидею), огромное же большинство было продано в рабство. Сенека рассказывает, что известный греческий живописец Парразий, писавший картину страданий Прометея, добыл для модели олинфского пленника и замучил его до смерти[2].

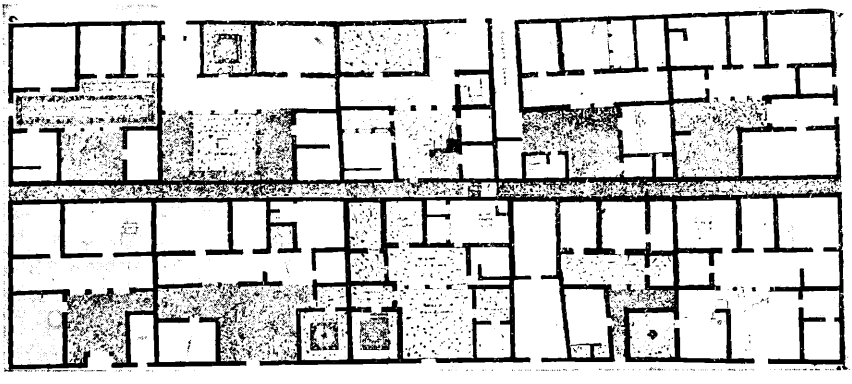

Рис. 1. План одного из кварталов Олинфа.

В настоящее время холм, скрывающий развалины Олинфа, необитаем, близ него находится деревня Мариуфито. Однако за местом сохранилось название «Олинфия».

Раскопки в Олинфе производятся Американской школой классических наук в Афинах. Большие кампании проведены в 1928, 1931, 1934 и 1937 гг.

Солидная организация экспедиций, заключавших в себе большой научный состав, от 100 до 300 рабочих и продолжавшихся не менее трех месяцев, дала возможность вскрыть большие участки города: раскапывалось до 24—35 домов в кампанию. От города сохранились только фундаменты домов и небольшие остатки стен; деревянная мебель сгорела, но найдено огромное количество расписных ваз, терракот, бронзы и монет.

Олинф был построен по системе перекрещивающихся под прямым углом улиц, среди которых выделялись две важнейшие, наиболее широкие пересекающиеся оси города.

Дома городских жителей составляли группы до 10 домов, по 5 домов с каждой стороны квартала, при этом они представляли единый блок, так как имели общие боковые стены (рис. 1).

Эти блоки домов имели одинаковые размеры.

---

[1] Доклад, прочитанный в Гос. Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 2 апреля 1939 г.

[2] D. Robinson, Excavations at Olynthus, Part I—VII, 1930—1933; его же, Die Ausgrabungen in Olynthos. «Die Antike», 1935, I, S. 274; «American Journal of Archaeology», 1928, № 3, p. 304; 1931, № 35, p. 25; 1932, № 36, p. 16; «Journal of Hellenic Studies», 1931, p. 199; 1938, II, p. 227; «Archäologischer Anzeiger», 1932, 1/II, стр. 155.

Таким образом, перед нами рациональная система расположения городских построек, весьма резко отличающаяся от планировки других древнегреческих городов с кривыми, запутанными улицами. Город построен по гипподамову плану.

Открытие этой системы в Олинфе показывает, что она была значительно шире распространена в классический период, чем это считалось. Распространение гипподамовой системы относилось до сих пор к эпохе эллинизма.

Гипподам Милетский, архитектор, инженер и философ V в. до н. э., был теоретик, осуществлявший свои теоретические построения на практике. Изучивши организацию греческих государств, он разработал проект идеального государства, в основу которого должны были быть положены порядок и целесообразность. Созданная им система планировки города тесно связана с его учением о государстве.

Тип подобной планировки зародился в Милете; раскопки Милета показывают, что уже в 479 г. при новой отстройке город имел правильную форму. Гипподам принимал участие в реконструкции города и затем в систематической и развитой форме пропагандировал рациональный тип города в Афинах. Под его руководством выполнен Пирей — гавань Афин, рынок в Пирее сохранил название «ἱπποδάμεια», «ἱπποδάμειος ἀγορά». Он построен по системе пересекающихся под прямым углом улиц. План был разработан около 465 г. Затем в 446/45 гг. Гипподам принимал участие в основании и постройке города Фурии, колонии афинян; город Фурии имел три длинные и четыре поперечные улицы, пересекающиеся под прямым углом, и является типично гипподамовским[1].

Некоторые исследователи считают,что Гипподам принимал участие в сооружении города Родоса в 408 г.

Открытие гипподамова плана в Олинфе пока еще не доказывает, что Гипподам сам принимал участие в планировке города, но свидетельствует о распространении его системы уже в V в. и, таким образом, сближает архитектуру греческого города V—IV вв. с архитектурой городов эллинизма. Еще более любопытно в этом отношении устройство домов.

Укрепления, открытые в Олинфе, наоборот, напоминают древнейшую греческую архитектуру. В 1934 г. были открыты крепостные ворота; примыкающие к ним стены домов были усилены до толщины 0,80 м; на северном крае холма была обнаружена сырцовая стена с башнями. Крепостные стены из сырца имеют очень древнее происхождение—такие стены были открыты еще в Трое, затем в Коринфе, Элевзисе, в Дипилоне в Афинах; стена Фемистокла была сооружена из сырца на каменном фундаменте.

Таким образом, в отношении укреплений Олинф связан с очень старыми традициями.

Городские дома имели от шести до четырнадцати комнат, некоторые были двухэтажные.

Обычно дом имел длину до 17 м, но могли быть случаи присоединения к основной постройке соседней. Дома перепродавались и отдавались в наем. Найдены надписи, объявляющие цену на дом и свидетельствующие о перепродаже дома. Так, дом, где была обнаружена Панафинейская амфора, был куплен Дионисием за 5 300 драхм, вместе с винным погребом и доходной землей. В доме «меча» были найдены три клада серебряных монет, спрятанных в вазы.

До раскопок в Олинфе существовало представление, что греки V в. до н. э. не уделяли много внимания частным постройкам, что частный дом классики был прост, примитивен. Открытия в Олинфе указывают, что классический дом был значительно ближе к эллинистическому и по обилию комнат, и по их диференцированному назначению, и по убранству.

Эти открытия не представляются противоречащими тому, что мы знаем о греческой культуре второй половины V в. и первой половины IV в. Высокие творения в области

[1] Gerkan, Griechische Städteanlagen, Кар. II, 4. Thieme-Becker, Künstler-Lexikon, S. 124.

искусства, появление таких сложных и вместе с тем гармонических построек, как Эрехтейон, самое разнообразие стилистических направлений в искусстве конца V в., включающих в себя и реалистические портреты Деметрия из Алопеки и пафос Фигалийского фриза и т. д., свидетельствуют уже о развитии личности в эту эпоху. Недаром некоторые исследователи истории искусства, особенно О. Ф. Вальдгауэр, ставили вопрос о зарождении особенностей эллинистического искусства в конце V в. до н. э. и о возможности наименования греческого искусства конца V—IV вв. периодом протоэллинистическим.

Жилые помещения олинфского дома расположены вокруг центрального двора, так же как и в эллинистическом доме. Иногда на одной или нескольких сторонах двора стояли колонны. В некоторых домах имеется настоящий перистиль.

Таким образом, происхождение перистиля должно быть отнесено к классическому периоду греческой архитектуры, а не к эпохе эллинизма, как это считалось до сих пор.

Три или четыре жилые комнаты, как правило, помещались на северной стороне дома и открывались на юг или прямо во двор или в глубокие междуколонные пространства портиков двора. Отопление найдено не было. Выделяется главная жилая комната с приподнятым бордюром пола и мозаикой в его центральной части. Робинсон считает, что на приподнятых частях пола стояли ложа и эти комнаты были столовыми, в другом месте Робинсон называет такое помещение «ἀνδρών».

Открыты кухни с очагом и системой дымовых труб, а также купальные комнаты, или ванные, пол которых был покрыт черепицами, камнем или цементом; найдены также ванны, стоящие на первоначальном месте. Ванны были терракотовые—в них купались сидя. Найдены и остатки каменных ванн. Некоторые дома имели две купальные комнаты.

В ряде домов были, кроме того, обнаружены помещения для запасов, для работы и пр. В 1937 г. в самом значительном из раскопанных домов (10 комнат) среди других помещений была открыта рабочая комната, в которой находились кучи галек и белой глины, стояли станок с цементом и сосуды с красной и синей краской. Во многих домах обнаружены каменные фундаменты деревянных лестниц, которые вели в верхний этаж. Неизвестно, сколько комнат имел второй этаж; если он был повторением нижнего, то он мог иметь от 6 до 14 комнат и балконы, выходящие во двор.

Олинфские дома были выстроены на каменном фундаменте из сырца, высушенного на солнце. От стен сохранилась только нижняя часть. Стены внутренних помещений и выходящие во двор были оштукатурены и окрашены (внешние стены, выходящие на улицу, оштукатурены не были). Никаких фигурных композиций в росписях стен открыто не было.

Росписи стен Олинфа пополняют наши представления о стенных декорациях до первого помпеянского стиля. Робинсон подробно описывает стены портика «дома Комедии», стенные украшения которого типичны для Олинфа: стены были расписаны в три цвета, отделенные один от другого горизонтальными вдавленными линиями. Цвета этих полос и их чередование не всегда одинаковы. нижняя часть стены северного портика на высоту 0,40 м—белого цвета, над нею желтая полоса шириною 0,08 м, остальная поверхность стены красного цвета (стена сохранилась на выс. 0,70 см); на стене восточного портика нижняя полоса черная, над нею узкая белая полоса. Нижняя полоса северного портика разделена вертикальными вдавленными линиями на неравномерные интервалы (от 0,56 до 0,80 м).

Существенным представляются выделение нижней части стены и наличие вдавленных вертикальных и горизонтальных линий.

Эти росписи являются самыми простыми из подготовляющих I помпеянский стиль, еще проще делосских (росписи домов Делоса III—II вв. были главным источником изучения допомпеянской росписи жилых домов).

Этот же тип росписей был открыт в прекрасно сохранившейся гробнице Олинфа: внизу голубая полоса, над ней широкая белая, затем широкая красная и опять белая, стена расчленена углубленными линиями. Судя по находкам, гробница относится к началу V в.

В отчете, помещенном в «Journal of Hellenic Studies», 1938, II, стр. 227, описано открытие городских домов, широко распланированных. Из 10 комнат выделяется ἀνδρών с возвышенным бордюром пола, пол цементирован и выкрашен в желтую краску. Стены андрона внизу желтого цвета, над цоколем полоса голубого цвета шириной 15 см, слегка выступающая с пластически выделенными кромками пальметтами. Стены выше — красного цвета. Аналогичная выступающая полоса голубого цвета была найдена в другой комнате. Этот дом Робинсон по надписи датирует около 348 г. Следовательно, эта усложненная рельефом декорация относится уже к середине IV в.

Аналогичное членение стены на ряд декоративных полос имеет место в склепе Васюриной горы близ Фанагории: показана панель, над ней орфостаты, затем сплошная красная поверхность, не расчлененная на квадры.

Таким образом, стены Олинфа входят в весьма распространенную в IV в. и эллинистический период систему стенных декораций до помпеянского I стиля.

Простые и красочные росписи стен завершались в единое целое раскрашенными цементированными полами или же вымостками из галек.

Самыми замечательными открытиями в Олинфе были мозаики, выложенные из галек, украшавшие главную из жилых комнат.

До открытий мозаик в Олинфе считалось, что фигурные мозаики появляются в эллинистический период. Наиболее известные из них были мозаики Диоскурида с острова Делоса, александрийская мозаика с изображением битвы Александра с Дарием, пергамская мозаика Сосия с голубями. Эллинистические мозаики исполнялись из галек и цветных камешков.

Олинфские фигурные мозаики с изображениями мифологических сцен относятся к V и IV вв. до н. э. Самой ранней из них является мозаика, открытая в 1931 г., с изображением Беллерофонта, убивающего химеру. На этой мозаике были найдены фрагменты краснофигурных ваз последней четверти V в. до н. э. Ее размеры—2,03×1,02 м. Мозаика исполнена из белых и голубовато-черных галек. Она представляет собою четыреугольник с бордюром в виде «волны» и меандра, в который вписан круг. В углах между кругом и квадратом пальметты с усиками. Круг заполнен изображением Беллерофонта, убивающего химеру. Эта композиция выполнена с тем же тонким чувством ритма, каким отличаются рисунки на краснофигурных вазах V в. до н. э., заполняющие центральный круг донышка[1]. Легкая и вместе с тем выразительная фигура галопирующей лошади и развевающийся плащ всадника напоминают всадников фриза Парфенона, а с другой стороны, надгробие Дексилея; фигура Пегаса аналогична изображениям на монетах Коринфа и его колоний, датирующихся около 400 г.

Робинсон считает, что изображение Пегаса и Химеры могло быть принесено в Олинф из Коринфа, где оно было очень распространенным; влияние коринфского искусства наблюдается в Олинфе в связи с бегством потидейцев в Олинф после разрушения Потидеи в 432 г. афинянами; и вместе с тем предполагает, что образ Беллерофонта мог быть связан с македонско-фракийским культом охоты, так как поза Беллерофонта имеет аналогии в фигуре фракийского всадника. Мозаика с Беллерофонтом может быть датирована концом V в. как по типу всадника, так и по форме пальметты.

При входе в комнату имеется другая мозаика, выложенная из галек, с изображением грифов, терзающих оленя. Эта мозаика небольших размеров (1,89×0,81 м). Сцена борьбы животных весьма часто встречается как в мозаиках, так и в скульптуре Олинфа.

Двор этого дома был также покрыт мозаикой, но она очень плохо сохранилась. Остался небольшой фрагмент бордюра с изображением кентавромахии—фигура обнаженного воина со щитом в левой руке и мечом в правой, нападающего на кентавра, сзади другой кентавр. Изображения исполнены светлыми желтыми гальками на фоне черных галек и напоминают краснофигурные рисунки на вазах.

---

[1] Сравнение мозаик с рисунками на вазах см. в статье автора «Новые открытия в области искусства классики», «Искусство», 1939 г.

Экспрессия в характеристике головы воина, смелое движение из глубины пространства напоминают кентавромахию Фигалийского фриза.

В доме № 27, в большой жилой комнате открыта мозаика, составленная только из орнаментальных мотивов, но отличающаяся особой красочностью. В центре—изображение лучей, расходящихся от солнца, вписанных в круг. Круг обрамлен «волной» и вписан в квадрат с бордюром из меандра. Пальметты в углах квадрата относятся к концу V в. Центр схемы составлен из белых галек, за которыми следуют два ряда зеленых и два ряда пурпуровых. Между каждой парой лучей—пять рядов пурпуровых галек, три серых, шесть рядов снова пурпуровых и два или три ряда белых. Меандр выложен из белых и сине-черных галек с небольшим количеством пурпуровых и зеленых.

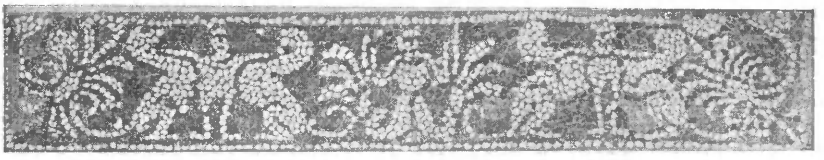

Рис. 2а. Мозаика в доме 100 в Олинфе с изображением двойных сфинксов. Конец V в. до н. э.

Рис. 2б. Мозаика в доме 100 в Олинфе с изображением льва, нападающего на оленя. Конец V в. до н. э.

Таким образом, перед нами многоцветная мозаика. До открытия в Олинфе считалось, что только в эпоху эллинизма появляются многоцветные мозаики.

Кроме описанных, в Олинфе открыты также мозаики с декоративными фигурными фризами, обрамляющими орнаментальные композиции из вписанных один в другой квадратов и кругов, заполненных орнаментом.

Наиболее интересной в этом отношении является мозаика в доме № 100. Бордюр меандра обрамляет не только центральную мозаику комнаты, но и мозаику при входе, меандр выложен из белых и синих галек; при входе изображен лев, нападающий на оленя, упавшего на передние ноги и склонившегося головой вниз (рис. 2б). Эта мозаика напоминает коринфские, цереганские и ионийские вазы и клазоменские саркофаги. Грива льва изображена зелеными и красными гальками, глаза животных—зелеными, рот—красными.

В центральной мозаике за меандром следует фриз с изображениями двойных сфинксов, чередующимися с фантастическими образами женщин с рыбьими хвостами, симметрично расходящимися (рис. 2а). Волосы сфинксов—зеленые, уши—красные или пурпуровые, глаза, нос и рот—черные, остальное исполнено светлыми однотонными гальками. В углах—пальметты. Вокруг центра—круг с лавровой ветвью, самый центр разрушен.

Эта мозаика выделяется из остальных особой яркостью колорита, которая создается применением зеленых и пурпуровых галек вместе с обычными белыми и сине-черными. Ее рисунок сложнее и искуснее, гальки шире и лежат более плотно. Робинсон считает возможным отнести ее к V в.

Мне представляется, что рисунок пальметты с сильно отгибающимися листьями не может быть ранее самого конца V в.

Весьма интересные мозаики, как по оригинальности рисунка, так и по местонахождению, были открыты в «доме Комедии».

План дома, при сохранении типических черт, имеет некоторые особенности—прежде всего перистильный двор был оригинального типа с тремя пилястрами на восточной стороне и, вероятно, на западной и четырьмя на северной и, вероятно, на южной. В центре перистиля находится мозаика, ниже уровня двора на 7 см. Мозаика имеет большие размеры—4,50×5,50 м. Она занимает всю внутреннюю часть перистиля. Главная часть мозаики представляет собою четыреугольник, состоящий из широкой каймы-фриза с фигурными изображениями и нескольких внутренних бордюров, один в другом в виде меандра, веточки и «волны»; центр мозаики был, вероятно, занят алтарем; пространство между этой фигурной мозаикой и портиком было заполнено орна-

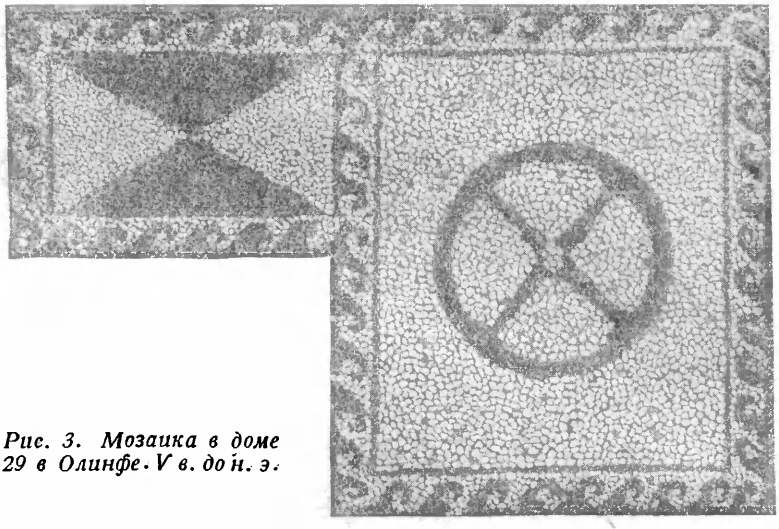

Рис. 3. Мозаика в доме 29 в Олинфе. V в. до н. э.

ментом в виде волнистых линий, идущих с севера на юг, чередующихся черных и белых. Наиболее заслуживает внимания фриз, исполненный из разноцветных галек: каждую из сторон занимают четыре фигуры, в углах—пальметта. Форма этих пальметт указывает на вторую половину V в. до н. э.[1] На южной стороне сохранилась только одна фигура кентавра влево; в его поднятой руке палка, которую он направляет на Лапифа, от последнего виден только щит. На восточном фризе изображены два крылатых грифона, нападающих на оленя, и утка с раскрытыми крыльями. На северном фризе—кабан с низко опущенной головой, лицом ко льву, и летящая утка. На западном фризе—охотник, нападающий на зверя, затем охотник—на оленя.

Фигуры львов, кабана особенно близки изображениям этих животных на клазоменских саркофагах[2]. Образ кентавра с очень тонкими руками и ногами восходит к ионийским вазам[3]. Эту мозаику Робинсон датирует V в.

В главном помещении этого же дома, открывающемся на восточную сторону двора, находится мозаика с очень простым рисунком. Композиция состоит из колеса в виде круга с четырьмя лучами, вписанного в квадрат, обрамленный бордюром «волны» (диаметр круга—0, 80 м). При входе—вытянутый четыреугольник, заполненный 4 треугольниками и окаймленный «волной» (рис. 3).

---

[1] Buschar, Griechische Vasenmalerei, München, 1913, стр. 189, рис. 133
[2] «Antike Denkmäler...»
[3] Buschar, ук. соч., рис. 59.

В северо-восточном углу «дома Комедии» обнаружено своеобразное помещение с остатками портика (сохранились четыре базы и три длинных мраморных блока), примыкающего к площадке, не обнесенной стенами,—предполагается, что здесь был сад.

В этом же доме имеется ванная комната с небольшой галечной вымосткой, ведущей к терракотовой ванне. Вымостка осушалась через отверстие в стене у пола, отводящее воду в бассейн в соседнем помещении.

Повидимому, самые ранние олинфские мозаики не имели фигурных изображений и представляли собою только орнамент.

К наиболее ранним относится мозаика, находящаяся в главной комнате дома № 29. На ней была найдена терракотовая статуэтка Гермеса середины V в. до н. э. Мозаика при входе состоит из чередующихся светлых и темных ромбов, центральная же—из колеса с четырьмя спицами, вписанными в круг, обрамленный барьером и вписанный в квадрат с бордюром меандра.

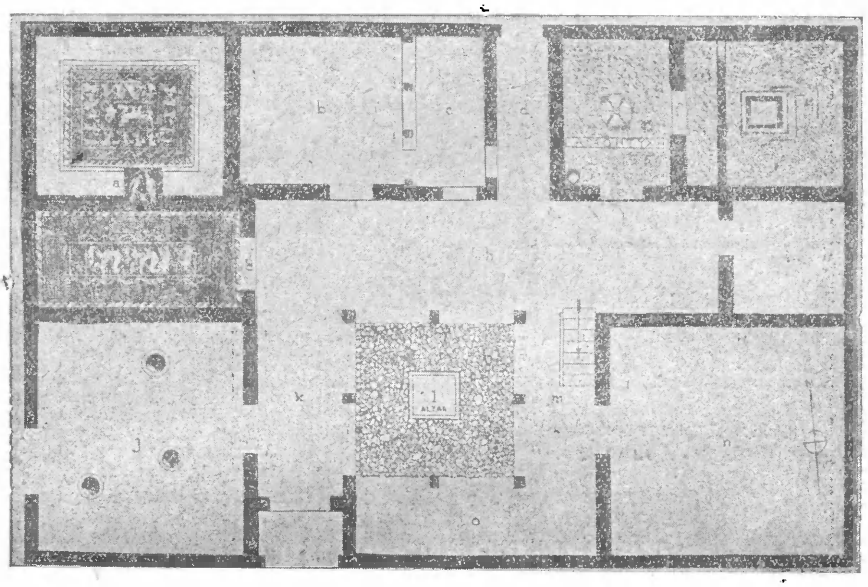

Рис. 4. План виллы «Доброй судьбы» в Олинфе.

Самыми же замечательными мозаиками в Олинфе являются мозаики, открытые в вилле «Доброй судьбы», названной так вследствие надписи на мозаиках «ἀγαθὴ τύχη». Вилла имеет такое же открытое расположение, как и «дом Комедии». Она находилась на защищенном от северных ветров месте и имела прекрасный вид на море и горы (рис. 4). В вилле среди других находок—терракот и ваз—была найдена статуэтка Гермеса конца V в. до н. э. В этой вилле было открыто пять мозаик, исполненных из галек—черных, белых, красных, желтых и зеленых.

В первой комнате, вероятно, женской, в середине пола надпись, помещенная в четыреугольнике, «Ἀφροδίτη καλή» и знак солнца и счастья, под ним двойной топор. В примыкающей комнате пожелание удачи—изображение колеса и под ним слова: «ἀγαθὴ τύχη» и «δικαίω».

Мужская комната, или «ἀνδρών», находилась в другом углу дома. Главное помещение было украшено мозаикой, прекрасно сохранившейся, исполненной из сорока или пятидесяти тысяч галек и представлявшей собою многофигурную композицию, вписанную в продолговатый четыреугольник. Портик был украшен вытянутой мозаикой с фигурным фризом, обрамленным сложным бордюром. На той и другой мозаике изображены мифологические сцены с той чистотой рисунка, ясностью каждой

фигуры и вместе с тем с той свободой движения и некоторой декоративной развернутостью по плоскости, которые наблюдаются на краснофигурных вазах Мидия конца V в. до н. э.[1]

В центре главной мозаики (рис. 5) изображен Дионис на колеснице, запряженной двумя пантерами. Впереди, оглядываясь на Диониса, бежит молодой сатир с тирсом в руках, над колесницей летит Эрот. Эта группа заключена в рамку вьющегося плюща. Кругом рамки представлены танцующие, неистовствующие менады, потрясающие тирсами, тамбуринами, черепахами, сосудами, разрывающие животных и пр. под музыку сатира, играющего на двойной флейте. Композиция обрамлена узором двойных пальметт и «волны».

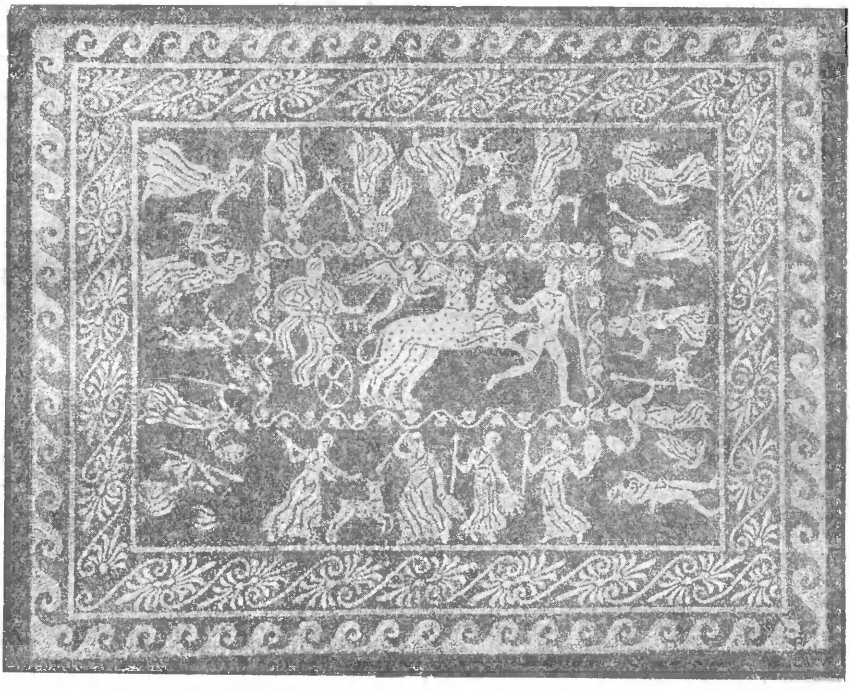

Рис. 5. Мозаика виллы «Доброй судьбы» в Олинфе. Дионис и его свита. Конец V в. до н. э.

Не менее замечательна длинная мозаика портика (рис. 6). На скале с наброшенной на нее одеждой сидит юноша Ахилл (над ним написано его имя), к нему подходит его мать Фетида (имя ее написано внизу) в длинных одеждах, падающих свободно и просто, одна рука протянута к Ахиллу, другая упирается в бок. За нею следуют две нереиды, везущие Ахиллу оружие. Нереиды сидят боком, несколько торжественно, на морских драконах, тело их построено в три четверти, лица в профиль, фигуры просты и спокойны; движение драконов мягкое и плавное, ритмично повторяющееся.

Между портиком и главным помещением в проходе находится мозаика небольших разме́ров—изображение двух панов-сатиров по сторонам большого кратера.

Подводя итог рассмотрению мозаик Олинфа, мы должны констатировать, что уже во второй половине V в. создаются фигурные мозаики из разноцветных галек; эти мозаики имеют общую всем схему, напоминающую композицию ковров, особенно своими орнаментальными бордюрами.

Мозаики Олинфа близки, с одной стороны, аттической краснофигурной вазописи, с другой—исполнены, несомненно, под влиянием коринфских и ионийских росписей.

[1] Ср. Buschar, ук. соч., стр. 196.

Робинсон утверждает, что многоцветные мозаики Делоса являются только продолжением традиции Олинфа.

Мне представляется, что самый характер многоцветности в эллинистических и олинфских мозаиках различен. Разноцветные гальки на олинфских мозаиках вносят некоторое оживление и теплоту в общий тон. Мозаики Делоса отличаются контрастностью красок, их сверканием, краски лепят форму. В галечных мозаиках эта разница, может быть, не так ощущается вследствие общего глухого тона галек.

Мозаики Олинфа заставляют вспомнить о нескольких галечных мозаиках, открытых раньше в Греции и неопределенно датированных вследствие недостаточности материала. Прежде всего, они напоминают мозаику, открытую в Афинах Дерпфельдом[1]. Дерпфельд описывает ее следующим образом: «По ту сторону улицы, которая ограничивает Дионисион, с востока были открыты стены и пол старогреческой постройки,

Рис. 6. Мозаика виллы «Доброй судьбы» в Олинфе. Конец V в. до н. э.

план которой едва узнается, но которая представляет большой интерес вследствие хорошо сохранившейся мозаики; мы имеем здесь, вероятно, древнейшую греческую мозаику пола, так как стены, которые одновременны с полом, имеют древнюю полигональную кладку из известняка; настил состоит из круглых или плоских распиленных галек; различием цветов создан простой рисунок—круг с крестом и ромб; возможно, что это была общественная постройка».

В связи с олинфскими мозаиками более ясно решается вопрос о датировке мозаики в храме Зевса в Олимпии. Ее описывает Курциус[2]: «При входе в пронаос—остатки знаменитой мозаики, которая украшала пол. Ко времени французских раскопок она еще сохранилась, так как она была закрыта римским мраморным настилом, но с этого времени она сильно разрушилась. Эта мозаика состоит из маленьких круглых, не разбитых галек; только в некоторых местах фигурного изображения применены также и разбитые гальки. Камешки заложены в очень жестком известковом слое толщиною в 8 см, который теперь еще почти сохранился. Что мозаика не совпадает со временем сооружения храма, это ясно: она не распределена равномерно по поверхности пронаоса, но оставляет место для базы какого-то более раннего сооружения. Эта база имеется на французском плане, теперь же от нее остались только слабые следы. Мозаика была выполнена еще в греческое время».

На опубликованных Курциусом остатках мозаики храма Зевса ясен рисунок пальметты и части орнаментальных узоров. Тип пальметты явно конца V в. до н. э. Принимая

[1] «Athenische Mitteilungen», 1894, стр. 507.
[2] Curtius-Adler, Olympia. Die Baudenkmäler, Berlin, 1892, стр. 10.

во внимание мозаики Олинфа, мы можем с уверенностью отнести мозаику в Олимпии к тому же времени.

Мозаики Олинфа являются для нас особенно важными и потому, что галечные вымостки и мозаики были распространены и в греческих городах на побережьи Черного моря.

Самая ранняя галечная мозаика открыта в Фанагории в 1936 г. экспедицией государственного Исторического музея.

Она находилась в классическом слое V—IV вв. до н. э. и была обнаружена под фундаментом здания IV в. до н. э. на самом берегу моря, на морском песке. Она представляет вытянутый прямоугольник длиной 2 м, шириной 0,80 м, заполненный разноцветными гальками, поставленными на ребро и образующими линии, идущие группами то вдоль мозаики, то поперек и образующими, таким образом, простой шашечный узор. Гальки плотно уложены на цементе.

Кроме этой мозаики-вымостки, были открыты лежащие в том же слое цементированные галечные полы, уже не имеющие никакого узора.

Более поздние мозаики были открыты в Ольвии в 1902 г.[1], во дворе эллинистического дома, под курганом Зевса.

В доме приречной части Ольвии, считающемся пританеем, была открыта комната, имевшая культовое значение, пол ее был украшен вымосткой «из голышей с ковровым узором и кругом нее с трех сторон был покрыт штукатуркой, имевшей малиновую раскраску».

Мозаики в Ольвии являются продолжением традиций олинфских мозаик.

При раскопках 1936—1937 гг. в Херсонесе были открыты остатки большого эллинистического дома и вне основного плана дома—цистерна и небольшое помещение с мозаичным полом[2].

Кроме домов и укреплений, в Олинфе открыто несколько общественных построек.

Робинсон считает, что большое количество архаических масок родосского типа VI и начала V в., найденных между двумя хорошо сохранившимися стенами, могут происходить из храма, который мог быть разрушен Ксерксом или Артабазом в 479 г. Здесь же была найдена архаическая октогональная колонна из местного белого камня 2 м вышиной и хорошая дорийская капитель с абакой и эхином из одного куска, из песчаника (абака—45 см в поперечнике, 8 см высотою, эхин—высотою 13 см). Вблизи найдены были 3 больших блока алтаря. Сохранившаяся длина алтаря—9,40 м, ширина—1,50 м, но он был длиннее.

К VI в. относятся куски расписной штукатурки, украшавшей архитектурные детали, найдено множество кусков штуковых орнаментов.

Остатки в виде нескольких фрагментов стен и расположенных во внутреннем помещении трех баз без колонн определяются Робинсоном как пританей или булевтерий на основании сопоставления с пританеем Магнезии, Телестерионом в Элевзисе, Ферсилейоном в Мегалополе.

Лучшей сохранности общественные постройки были открыты в 1934 г. Наиболее интересна стоа. От стои сохранилось семь баз колонн и три дорийские капители конца V в. К югу от стои открыт городской колодец, представлявший собой длинный бассейн, наполнявшийся водой через терракотовые трубы, к трубам вела длинная открытая канава. Вблизи найдено было до 631 кувшина для воды.

Этот колодец и ряд других находок свидетельствуют о налаженном снабжении населения водой. Во многих домах открыты цистерны; некоторые цистерны снабжены терракотовыми трубами, ведущими дождевую воду с крыш из маленьких уличек.

Кроме города, в Олинфе ведутся раскопки некрополя.

---

[1] «Известия Археологической комиссии», вып. 13, 1906 г., стр. 40, таб. XI, рис. 22—25; Б. Б. Фармаковский, Ольвия. Москва, 1915, стр. 11, 23; «Arch. Anzeiger», 1911, Abb. 21.

[2] См. «ВДИ», 1938, № 3, стр. 238.

Погребения в Олинфе были открыты самые разнообразные—рядом с расписными роскошными гробницами погребения в каменных саркофагах, в деревянных гробах, в земляных ямах, крытых черепицами, и, наконец, в урнах.

Робинсон отмечает одну исключительную гробницу, заключающую в себе 26 скелетов молодых людей, положенных почти один на другого. При них было найдено несколько бронз и ваз и не было следов гробов. Таких групп было обнаружено несколько. Робинсон объясняет их как жертвы эпидемии, широко распространившейся во время Пелопоннесской войны в Афинах и оттуда на всю Грецию.

Во многих случаях в рот покойнику вместо одной монеты было положено четыре.

В некоторых могилах были положены куриные яйца, символ бессмертия; также морские раковины; во многих могилах в ногах умершего помещалась разбитая ваза.

Среди находок в Олинфе наиболее интересны архаические терракоты, своеобразная местная керамика, с пережитками крито-микенского орнамента, и ряд прекрасных аттических краснофигурных ваз. Из краснофигурных ваз IV в. до н. э. обращает на себя внимание множество пелик и их фрагментов с изображениями женской головы и головы коня, Аполлона на Грифоне, преследующего женщину,—весьма близких типу краснофигурных пелик, открытых в области Боспорского царства; эти аналогии являются прекрасным опровержением мнения о местном, боспорском производстве этих пелик.

Количество находок, сделанных в Олинфе, колоссально. Например, в 1931 г. было найдено—750 ваз, 600 бронз, 12 000 монет. Часть материала находится в музее Салоник, часть—в Филадельфии.

Исследования материала показывают, что торговля Олинфа охватывала до 50 греческих городов.

М. Кобылина

Археологические находки 1935—1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа

Древние курганные погребения, расположенные в бывш. Майкопском отделе Кубанской области (ныне часть Краснодарского края), получили весьма широкую известность.

Разновременные археологические открытия и находки в окрестностях станиц Андрюковской, Белореченской, Воздвиженской, Келермесской, Костромской, Курджипской, Советской (бывш. Царской), Ярославской, аула Ульского и др. прочно вошли в научный оборот, вызвали обширную литературу и продолжают привлекать внимание многих советских и иностранных исследователей.

В 1935—1936 гг. на территории того же бывш. Майкопского отдела был сделан ряд археологических находок. Они принадлежат к числу наиболее примечательных находок, сделанных в Прикубаньи за два последние десятилетия. Среди этих находок—вещи первоклассного значения.

Комплекс публикуемых нами находок и, в частности, содержащиеся в нем отдельные предметы древности, несомненно, будут и теперь и в дальнейшем обращать на себя внимание исследователей.

Обстоятельства находок 1935—1936 гг. рисуются в следующем виде.

В конце 1935 г. дирекция Кавказского государственного заповедника сообщила, что в связи с добычей золота в бассейнах реки Белой, Б. и М. Лабы группа кладоискателей ведет тайком незаконные раскопки древних погребений. Конкретно указывалось на раскопки в окрестностях станиц Тульской и Даховской, причем в отношении последней говорилось, что здесь «прямо во дворах» найдено «несколько греческих шлемов хорошей сохранности, золотой жезл, несколько золотых монет с подписью «Возелеус» (несомненно, «Βασιλέως»—*Б. Л.*), серебряное блюдо, утварь, медали и ряд других вещей». Почти одновременно такие же сведения были получены и от уполномоченного Бюро охраны памятников П. К. Перепелицына.

Вскоре после этого один из участников хищнических раскопок гр-н Одинцов прибыл в Ростов и доставил нам найденные в станице Даховской шесть круглых наверший от мечей (пять плоских халцедоновых и одно умбообразное из агата), одно халцедоновое же навершие в виде крупной шарообразной бусины, резной скарабей из халцедона, удлиненную бусину из агата и пять бусин и подвесок из египетской пасты или смальты (четыре рубчатых бусы зеленого и голубого цвета и одну подвеску зеленовато-голубого цвета в виде двух соединенных цилиндриков с ушком или ручкой с отверстием для подвешивания).

Бюро охраны памятников при президиуме Азчеркрайисполкома немедленно приняло меры к полному прекращению незаконных раскопок, привлечению виновных к ответственности и получению найденных предметов древности. В результате принятых мер был организован контроль за сохранностью памятников древности, расположенных в зоне работ комбината «Азчерзолото», категорически запрещены всякие самовольные раскопки и разрушение курганов, могильников и т. п.

Опасаясь строгой ответственности, упомянутый Одинцов поспешил доставить в Бюро значительное количество различных предметов древности из раскопок в станице Даховской. Помимо этого ряд находок из станиц Тульской и Даховской был получен в комбинате «Азчерзолото», где находки эти хранились. На скупочном пункте была задержана и отобрана золотая подвеска (крылатое женское божество), от различных лиц получены бусы, мелкие поделки из бронзы и т. д. Некоторые предметы поступили в Майкопский музей. Ряд изделий из золота был переслан в Наркомфин (Москва) и передан на аффинажную фабрику, о чем был извещен государственный Исторический музей.

Нами были приняты все меры к возможно более полному выяснению условий и пунктов нахождения отдельных предметов древности.

Следует заметить, что находки в окрестностях станицы Тульской («Золотая горка») восходят к IV в. до н. э., тогда как комплекс вещей из находок на земле станицы Даховской тесно связан с более поздними сарматскими погребениями юга СССР.

Приведем описание некоторых наиболее замечательных находок.

I. Клейменая амфорная ручка из окрестностей станицы Даховской

Обломок клейменой ручки амфоры, сделан из глины розоватого цвета. Точные обстоятельства находки неизвестны. Ручка входила в переданный Одинцовым комплекс вещей из даховских погребений. Однако, по указанию самих очевидцев открытия упомянутых погребений,—ручка не принадлежит к числу обнаруженных в погребениях предметов, а была найдена раньше и (без сочетания с какими-либо другими предметами) «в реке Белой» одним из жителей станицы Даховской. Следует заметить, что поверхность описываемой ручки и характерная сглаженность сопутствующего ей клейма действительно могут свидетельствовать о длительном пребывании ручки под водой.

Так или иначе, нет оснований сомневаться в нахождении амфорной ручки на территории Майкопской округи. Уже одно профильное изображение гранатового цветка в центре клейма (герб острова Родоса, известный и по монетам последнего) вполне точно определяет место производства амфоры. Содержание же и форма клейма, а равно и типичный розоватый цвет глины полностью подтверждают родосское происхождение описываемой находки.

Надпись сохранилась плохо. Явственно заметны буквы только части надписи, в том числе вторая половина собственного имени (Эвкратид) с окончанием на δα и особенно буквы следующего за этим именем слова «Δαλίο[υ]». Этого достаточно, чтобы, учитывая варианты легенд родосских амфорных клейм (имя магистрата жреца Гелиоса, эпонима Родоса, месяц родосского календаря, имя фабриканта), восстановить полностью обычную формулу родосских клейм и дать следующее чтение надписи: «при жреце Эвкратиде, [в месяце] Далии» ([ἐπ' ἱερέως] Εὐκρατίδα Δαλίο[υ]). Месяц Далий по родосскому календарю соответствует сентябрю—октябрю. Имя родосского эпонима

Эвкратида известно (находки клейм с его именем на самом Родосе, в Палестине, Александрии, Сицилии), хотя встречается не особенно часто. Б. Н. Граков, подтвердивший и уточнивший наше первоначальное чтение части надписи, любезно указал, что по сводке Е. М. Придика на юге СССР родосские клейма с именем Эвкратида встречены пока шесть раз, причем из этих шести лишь одно клеймо (подобно нашему) круглое, клейм же этого эпонима с месяцем Далием не встречено вообще ни разу[1]. Таким образом, наше клеймо, содержащее название именно этого месяца, представляется для юга СССР первой в своем роде находкой. Любопытно, что в мировой литературе известно уже свыше 20 000 экземпляров родосских клейм, в СССР—около 6 350 экземпляров; среди этого количества, однако, клейм с именем эпонима Эвкратида немного[2].

Дата клейма определяется приблизительно (II—I вв. до н. э.). По словам Б. Н. Гракова, «так как его [клейма] нет среди клейм, найденных в Пергаме и Карфагене, то оно не может быть раньше 150 г. до н. э. Соответствующее изображение в в центре клейма исчезает в нумизматике этого острова [Родоса] около 88 г. до н. э. Итак, вероятнее всего, дата клейма между 150—88 гг. до н. э.».

Заметим, что две ручки родосских амфор II в. до н. э. были встречены в насыпи недообследованного кургана около станицы Гиагинской на Кубани[3].

II. Боспорские монеты

В числе предметов, полученных от комбината «Азчерзолото», имеются три монеты царей Боспора. По справке главного инженера комбината, «одна монета вымыта

а *б*

Рис. 1. Электроновая монета боспорского царя Тиберия Юлия Савромата II, 193 г. н. э. (а—аверс, б—реверс).

старателями при промывке речных отложений русла реки Белой ниже Даховского лесопильного завода, на глубине свыше 1 м. Вторая монета найдена на пашне в районе Тульского сельсовета. Третья, так же как и первая, при промывке породы из русла реки Белой в районе станицы Абадзеховской, несколько выше нее».

Все три монеты относятся к концу II и первой четверти III в. н. э.

---

[1] Ср. E. P r i d i k, Zu den rhodischen Amphorenstempeln («Klio», B. XX, Heft 3, 1926). Одна из последних по времени издания сводок родосских штемпелей из находок на территории СССР.

[2] Ближайшие аналогии нашему клейму: Е. М. П р и д и к, Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания, Петроград, 1919, стр. 9, №№ 164, 165 (второе—из Херсонеса), также стр. 133, № 26 (Ольвия).

[3] ОАК, 1906, стр. 105.

Монета № 1 (рис. 1). В левом верхнем углу дано изображение монеты в натуральную величину, в центре—в увеличенном виде[1].

Электрон 20—20,5 мм. Вес 7,3 г. Лицевая сторона: задрапированный бюст боспорского царя Тиберия Юлия Савромата II (174—210 гг. н. э.), обращенный вправо. Легенда: «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ». Обратная: Голова императора Септимия Севера, обращенная вправо[2]. Впереди у шеи шестиконечная «звезда». Дата—490 год понтийского летоисчисления, или 193 год н. э.[3] Под тем же 490 г. известны монеты Савромата II с изображением головы Коммода[4]. Как известно, Септимий Север взошел на римский престол 28 мая 193 г., Коммод же умер гораздо раньше; таким образом, в течение нескольких месяцев после смерти Коммода на Боспоре еще продолжался чекан монет с его изображением. Вообще монеты Савромата с изображением Септимия Севера и с датой 193 г. редки.

Монета № 2 (рис. 2). Электрон; 19—20 мм. Вес 7,0 г, т. е. на 0,2—0,3 г ниже среднего, что нормально (тем более, что находчики, определяя металл монеты, соско-

а *б*

Рис. 2. Электроновая монета боспорского царя Тиберия Юлия Рескупорида III, 216 г. н. э. (а—аверс, б—реверс).

блили часть поверхности оборотной стороны монеты). Лицевая сторона: задрапированный бюст Тиберия Юлия Ре[и]скупорида III (211—266 гг.), обращенный вправо. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ. Обратная: бюст императора Каракаллы, обращенный вправо; голова украшена венком. Впереди, у шеи, «звезда» (сохранилась частично, очевидно, шестиконечная). Дата, как и часть «звезды» сглажена (соскоблена) находчиками. Сохранилось, однако, два начальных знака даты, и явственно заметен (при рассматривании через лупу) третий, почти стертый знак («Ф»). Чтение даты не оставляет сомнений: «ΓΙΦ» (553 г. боспорского летоисчисления, или 216 г. н. э. [5].

---

[1] В связи с тем исключительным вниманием, какое уделяется сейчас в нумизматике вопросам техники изготовления монет и, в частности, монет того же Боспора (ср. работы А. Н. Зографа и др.) и в некоторое отступление от установившейся традиции публикации монет, считаем возможным и целесообразным дать здесь наряду с фототипическими воспроизведениями монет в натуральную величину еще и воспроизведения этих монет в увеличенном виде.

[2] Портретные изображения Септимия Севера, как и других римских императоров (Каракаллы и Элагабала) на двух последующих монетах, проверены по иконографическим таблицам Гнекки; F. Ghecchi, Iconographia Romana, Milano, 1907.

[3] Аналогичная монета у Бурачкова; ср. «Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней южной России». Сост. П. Бурачков, ч. 1, Одесса, 1884, табл. XXIX, № 207, стр. 268, № 222.

[4] Бурачков, стр. 268, табл. XXX, № 208.

[5] У Бурачкова (стр. 279, табл. XXXI, № 260 и 261) воспроизведены золотая и электроновая монета с той же датой. На первой перед бюстом Рескупорида—изобра-

Большинство боспорских монет Рескупорида под 216 г. имеет, насколько известно, обычно изображение орла или бюст Каракаллы без каких-либо изображений впереди (на нашей монете—«звезда», которая на монетах 216 г. относительно редка).

Монета № 3 (рис. 3).

Электрон[1]. 19,5—20 мм. Вес 7,2 г. Монета имеет ясные следы опробования кислотой (результаты осмотра монеты приемочным пунктом «Азчерзолото», в меньшей мере следы опробования кислотой заметны на двух предшествующих монетах). Лицевая сторона: бюст Тиберия Юлия Рескупорида III, обращенный вправо. Легенда: «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ». Следует обратить внимание, что на монете № 2 (того же Рескупорида III) имеем иное начертание омеги в слове «Βασιλέως» (см. рис.).

а *б*

Рис. 3. Электроновая монета боспорского царя Тиберия Юлия Рескупорида III, 221 г. н. э. (а—аверс, б—реверс).

Обратная: бюст императора Элагабала, обращенный вправо. Впереди, у шеи, шестиконечная «звезда». Дата: «ΗΙΦ» (518 г. боспорского летоисчисления, или 221 г. н. э.). Монеты с этой датой также относительно редки.

Мы имеем, таким образом, монеты 193, 216 и 221 гг. н. э., одну монету Савромата II и две — Рескупорида III. Монеты охватывают, следовательно, период времени в 28 лет (193—221 гг.) и преемственны друг другу (Савромата II, как известно, сменил на боспорском престоле Рескупорид III), т. е. перед нами монеты двух последовательно правивших боспорских царей.

III. Находки в кургане «Золотая горка»

Все описываемые ниже предметы принадлежат к числу находок, сделанных в 1935 г. на территории «холма» (кургана), известного под названием «Золотая горка» и расположенного выше станицы Тульской на правом берегу реки Белой. Находки были встречены при промывке породы в процессе проводившейся в данной местности добычи золота (прииск реки Белой комбината «Азчерзолото»). Происхождение всех этих находок из одного пункта («Золотая горка») подтверждается рядом свидетельств и, повидимому, может считаться установленным вполне точно (некоторые сомнения имеются только в отношении описанной ниже золотой монеты; есть косвенные указания, что она якобы

жение палицы, на второй, перед бюстом Каракаллы,—изображение птицы, обращенной влево (у Бурачкова ошибочно—«вправо»).

В собрании боспорских монет Д. И. Мошнягина (Ростов-на-Дону) имеется между прочим электроновая монета Рескупорида III, датированная тем же 513 г. (куплена в 1932 г. в г. Бердянске). Монета является точной копией нашей до мельчайших деталей и не оставляет сомнений в чеканке обеих монет одним и тем же штампом.

[1] Монета низкопробная, с очень слабой примесью золота.

найдена отдельно от остальных предметов, «при промывке золота в русле р. Белой, пониже станицы Даховской, в правом борту реки»). Вещи были найдены в 1935 г. и хранились с тех пор в сейфах комбината «Азчерзолото», от которого они и были нами получены. По словам главного инженера комбината «Азчерзолото», «холм» (курган) «Золотая горка» был сильно изрыт в прежнее время. По рассказам местных жителей, незадолго до мировой войны какая-то организация производила раскопки этого кургана якобы в поисках клада. При раскопках порода перемешивалась несколько раз. Золотые вещи получались путем просеивания земли на ручных грохотах. Этими раскопками научная ценность кургана, видимо, безвозвратно уничтожена. Прошлогодние работы старателей подтвердили наличие следов пересева земли.

Вещи, о которых идет здесь речь (все они принадлежат к разряду поделок из металла), таковы: 1) шлем, 2) псалий, 3) две пряжки, 4) монета, 5) подвеска.

Ш л е м. Шлем изготовлен из бронзы. Общий вид шлема спереди см. на рис 4. Шлем имеет некоторые повреждения, отсутствует ряд частей и деталей.

Рис. 4. Бронзовый шлем аттического типа из кургана «Золотая горка» (вид сбоку).

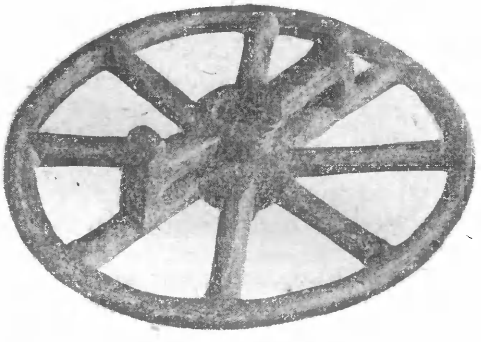

Рис. 5. Серебряный псалий в виде колесика со спицами (оттуда же).

Перед нами, несомненно, греческий шлем аттического типа[1]. Наш экземпляр располагает деталями, присущими развитой и вполне сложившейся форме шлемов названного типа: четко выраженными отдельными частями (назатыльник, наносник и т. д.). Шлем имел, как отмечено, и подвижные лопасти (нащечники).

Наиболее вероятное время шлема IV в. до н. э., во всяком случае не позже III в. до н. э. В качестве ближайших аналогий нашему шлему могут быть указаны шлемы из открытого Ашиком в 1839 г. Керченского погребения IV в. до н. э. (на земле мирзы Кекуватского[2], из Галущина, бывш. Чигиринского у. Киевской губ.[3]), шлем, купленный в Анапе[4], и др.

П с а л и й. Среди предметов, относимых к находкам в кургане «Золотая горка», мы имеем массивное серебряное колесико (рис. 5) с восемью спицами (диаметр около 80 мм, толщина примерно 5 мм, вес 129 г). В оси колесика сохранился обломок железного стержня, на который колесико было надето (вес указан вместе с этим стержнем). С од-

---

[1] Ср. D a r e m b e r g et S a g l i o, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, II, p. 1443.

[2] Древности Босфора Киммерийского, табл. XXVIII, рис. 4; также М. И. Р о с т о в ц е в, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 192 («превосходный бронзовый аттический шлем с нащечниками»).

[3] Б. И. и В. И. Х а н е н к о, Древности Приднепровья, Киев, вып. II, табл. IX, № 218.

[4] ОАК, 1906, стр. 128.

ной стороны колесика на двух спицах укреплено посередине серебряное же приспособление в виде двух стоячих столбиков, между которыми идет полоса, имеющая в в центре круг со сквозным отверстием. Железный стержень проходил, таким образом, через два отверстия, отделенные друг от друга некоторым расстоянием.

Описанное изделие мы определяем как один из псалиев (очевидно, от железных удил).

Круглые металлические псалии в виде колесиков (в частности, со спицами) известны. Удила с подобного рода псалиями были обнаруживаемы и на Северном Кавказе. П. С. Уварова опубликовала бронзовые удила из Кобани (из фондов Исторического музея), имеющие боковые придатки, «которые заканчивают» эти удила «под видом колесообразных прорезных литых тяжелых блях»[1]. Н. И. Веселовский обнаружил железные удила с колесиками в кургане, раскопанном на земле Ульского аула[2], и т. д.

П р я ж к и. Мы имеем две литые бронзовые поделки в виде «пряжек»; каждая из этих «пряжек» изображает птицу (очевидно, морского орла), которая держит в своих когтях и клюет рыбу (см. рис. 6—вид спереди).

Поделки имеют с оборотной стороны по одной скобе для пропуска ремня или шнура; скоба расположена в средней части, несколько ближе к переднему концу по-

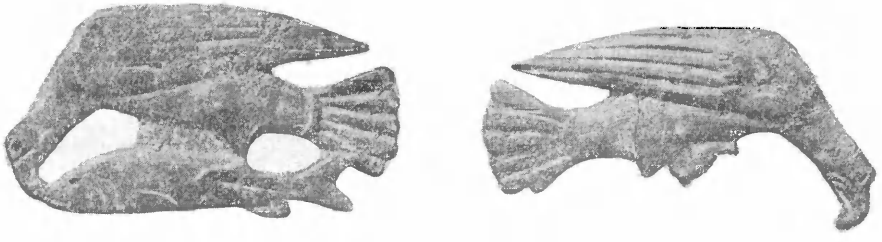

Рис. 6. Бронзовые литые «пряжки» с изображением морского орла и рыбы из кургана «Золотая горка».

делки, т. е. в направлении голов птицы и рыбы. Ширина отверстия в скобе не достигает 10 мм, что свидетельствует о пропуске через нее узкого ремня или шнура.

Наибольшая длина поделки—65 мм, а наибольшая высота—38 мм, вес 34 г.

Одна из поделок с изображениями, обращенными вправо, сохранилась полностью (размеры и вес указаны в отношении этой поделки). Другая поделка с изображениями, обращенными влево, повреждена и полностью до нас не дошла. Верхняя часть этой поделки (изображение птицы) переломана на две части. Совершенно отсутствует ее нижняя часть (изображение рыбы.). При внимательном рассмотрении можно установить очень небольшие и несущественные различия в деталях обеих поделок, не меняющие, однако, общей трактовки даже отдельных частей (например, детали головы птицы).

Несомненно, поделки принадлежат к числу украшений и были обращены друг к другу головами птиц и рыб, что роднит их, заметим, с гербообразными изображениями.

Изображение птицы, держащей в лапах рыбу, известно нам по ряду находок, сделанных на юге СССР в курганных погребениях греко-скифского времени.

В одном из раскопанных В. В. Хвойко курганов около Галущина (село Пастерское Чигиринского уезда) в числе различных находок были найдены золотые бляшки в виде морского орла с рыбою[3], которые, повидимому, могут датироваться временем несколько позднее VI—V вв. до н. э.

---

[1] П. С. У в а р о в а, Могильники Северного Кавказа, МАК, вып. VIII, М., 1900, стр. 32, табл. XXXVII, 1.

[2] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 156, рис. 229; близкие к ним железные удила в собраниях Краснодарского музея.

[3] «Древности Приднепровья и побережья Черного моря». Собрание Б. И. и В. И. Ханенко, Киев, вып. II, 9, кург. № 1.

В одном из курганов Звенигородского уезда (между ст. Петриковской и Ромейковской), вместе с шлемом греческого типа, остатками панцыря, стрелами с амфорой, была обнаружена золотая четыреугольная бляшка с изображением морского орла, держащего рыбу[1]. Время погребения— также VI—V вв., возможно, ближе к IV в. до н. э.

А. А. Миллер, раскопавший часть некрополя предполагаемого древнего Танаиса (у Елизаветовской станицы, в дельте Дона), нашел в одном из курганов «оконечность, вероятно, рогового ритона», частично золотую, частично серебряную; на золотой части изображены морские орлы с рыбами в лапах[2]. Наиболее вероятное время погребения— IV в. до н. э.

Заслуживают внимания, в частности с точки зрения семантики, генетических и стилистических сближений, изображения (например, дельфинов) на золотых бляшках из Семибратних курганов и др.

Наши поделки, трактованные в виде пряжек, очевидно, могут считаться (не по сюжету и характеру изображений, но по своему назначению), если не уникальными, то во всяком случае весьма редкими для юга СССР находками.

Изображение орла на дельфине, как известно, обычно для монет Истра, Синопы и Ольвии, а равно и для ряда астиномных клейм. На протяжении длительного времени бытования данной эмблемы она претерпевала значительные видоизменения в характере своей трактовки, что можно проследить по тем же ольвийским асам с горгонейоном и головою Деметры и драхмам[3].

Б. Н. Гракову мы обязаны обстоятельным новейшим экскурсом в вопросе о керамических астиномных клеймах с изображением орла на дельфине. Изображение это принадлежит к числу наиболее ранних монетных изображений в клеймах[4].

По характеру трактовки эмблемы поделки из кургана «Золотая горка» должны быть причислены к эмблемам группы ольвийских монет конца IV и всего III в., которые дают совершенно определенную форму эмблемы.

В наших поделках, несомненно, еще сильны архаические мотивы. Весьма характерен, например, хвост птицы, четко трактованный в виде веера (при помощи четырех линий, образующих пять перьев). Заслуживает внимания и своеобразная трактовка головы птицы. Перед нами голова, несомненно, хищной птицы с крупными глазами, резко выраженным клювом. В передаче головы птицы сказались, видимо, элементы известной стилизации, хотя в основном фигуры птицы и рыбы трактованы в наших поделках достаточно реалистично, вплоть до передачи отдельных деталей (например, плавника рыбы и др.).

Золотая монета. Статер Александра Великого (рис. 7), диам. 18 мм, вес 8,32 г. Экземпляр хорошей сохранности. Лицевая сторона: голова Афины в коринфском шлеме с тройным гребнем, обращенная вправо. Тулья шлема украшена изображением грифона, также обращенного вправо. На шее ожерелье, в ушах серьги. Волосы трактованы в виде трех крученых локонов, спускающихся на плечи. На виске выбиваются из-под шлема и вырисовываются на его фоне два коротких локона. Сзади видны извивающиеся концы двух султанов. Обратная: Легенда— ΒΑΣΙΛΕΩΣ слева, ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ справа. Фигура Ники, обращенная влево. В левой руке Ники—слегка наклоненная стилида, в правой—венок (последний предполагается,

---

[1] Ив. Фундуклей, Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии, Киев, 1848, стр. 124. М. И. Ростовцев, упоминая о раскопках Фундуклея, считает эту бляшку изделием ольвийской работы («Скифия и Боспор», стр. 481), также стр. 483: «большинство этих (нашивных, типично восточных) бляшек воспроизводит формы скифского звериного стиля, частью же сделано по ольвийским штампам».

[2] А. А. Миллер, Раскопки в районе древнего Танаиса, ИАК, СПБ, 1910. вып. 35, табл. V, рис. 24.

[3] Ср. А. В. Орешников, Записки Русск. Археолог. О-ва, т. IV, М., 1890, а также В. В. Голубцова, Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 г., ИАК, вып. 51, СПБ, стр. 67—118, и др.

[4] Б. Н. Граков, Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, РАНИОН, Институт археологии и искусствознания, М., 1928, стр. 22—24, 93, 107, 113 и др.

так как в нашем экземпляре конечности левой, вытянутой руки Ники граничат с краем монеты и наличие венка в руке явственно не различимо). Крылья слегка изогнутого внешнего контура короткие, до колен. Правая нога стоит прямо, левая согнута в колене и сильно отставлена назад. Спереди и сзади вдоль хитона идут волнистые складки. Фигура стоит на черте. Налево, в поле, внизу, под крылом монограмма в венке (состоящая из букв М, Υ, Η, Ρ), повыше левее надписи—ΜΙ.

а

б

Рис 7. Золотой статер Александра Великого (а — аверс, б — реверс).

Рис. 8. Золотая подвеска в виде сидящего крылатого женского божества.

Наиболее вероятны (указание А. Н. Зографа) вавилонское происхождение статера и дата не ранее 325 г. до н. э. (самые последние годы правления Александра Македонского или следующее за его смертью десятилетие).

Результаты химического (количественного) анализа статера:

Золото —99,76%
Неучтенные примеси—0,24%
Всего —100,00%

Подвеска. Из изделий античного ювелирного мастерства до нас дошла миниатюрная золотая поделка, которая является, по всей вероятности, подвеской, хотя не исключена возможность ее иного функционального назначения, например, в качестве украшения (головки) булавки[1].

[1] Фигурные золотые изображения, служившие украшением булавок, известны. Золотую булавку IV в. до н. э., увенчанную фигурным изображением грифона, мы имеем, например, из находок в Феодосии (сейчас в собраниях золотой кладовой Эрмитажа) и т. п.

Поделка изображает собой фигуру крылатого женского божества в сидячей позе (рис. 8), наверху в углу—величина подлинника, в центре—увеличение. Высота фигурки около 25 мм, весь—5,64 г. Под сиденьем женщины припаяна четыреугольная (квадратная) золотая же пластинка, нижняя часть которой также имеет следы припоя к не сохранившемуся предмету. Перед нами, таким образом, лишь часть определенного изделия, возможно, серьги.

Женщина сидит, сложа руки на коленях. Голова женщины опущена и имеет легкий поворот влево. Прическа сохранила следы моделировки. Искусно моделированные два крыла на спине женщины подняты вверх. На коленях женщины (поверх ее рук)—птица, вероятно—голубь, также с моделированными распростертыми крыльями. Голова птицы соприкасается с левой (с точки зрения зрителя) рукой женщины; птица как бы уткнулась клювом между рукой женщины (несколько выше локтевого сгиба) и торсом ее. Изображение птицы имеет частичные повреждения, вызванные тем, что с левого крыла птицы, очевидно, находчики брали пробу металла. Женщина одета в хитон и плащ, прикрывающие и руки; явственно переданы складки одежды. Ступни ног тесно соприкасаются.

Общий стиль поделки—особенно строгая и четкая трактовка (чеканка) крыльев, складки одежды, наклон головы, контур спины и другие детали—характерен для изделий конца V и начала IV в. до н. э. С наибольшим вероятием время нашей поделки может быть отнесено именно к началу IV в. до н. э.

Если наша поделка представляет часть серьги (подвеску), то было бы более привычно иметь дело со стоячей фигуркой, а не фигуркой в сидячей позе. Последняя, однако, не противоречит возможности употребления фигурки в качестве подвески. Достаточно вспомнить, например, о золотых серьгах того же IV в. до н. э. (эрмитажные собрания), имеющих подвески в виде Артемид, сидящих на бегущих ланях[1]. Заметим, что снятая с лани фигурка Артемиды по своей позе близко напоминала бы позу нашего крылатого божества.

Мы затрудняемся указать сейчас имя этого божества. Присутствие птицы на коленях женщины не позволяет видеть здесь фигуру Ники. Если в нашей поделке изображен голубь, его можно было бы сочетать с изображением Афродиты. В этом случае, однако, должны были отсутствовать крылья. Вопрос о том, с изображением какого именно божества мы имеем дело, подлежит, следовательно, уточнению.

Анализ подвески дал такие показатели:

Золото—96,00%
Серебро—3,79%
Неучтенные примеси—0,21%
Всего—100%

Изображениям крылатых фигур в греческом искусстве посвящен, как известно, ряд специальных исследований Стефани, Фуртвенглера, Экснера, Розенберга и др. Из работ русских авторов заслуживает упоминания работа В. Дагелайского, особо выяснившего вопрос о «способах приделывания крыльев в античном изобразительном искусстве»[2]. Заметим, что в нашей фигурке мы имеем прикрепление крыльев к спине женщины, что характерно, по указанию упомянутого автора, для типа приделывания крыльев, «который держится от четвертого века вплоть до поздейших времен греко-римского искусства».

Как видно из приведенных выше данных, находки на «Золотой горке» в общем вполне согласуются между собой по времени. Находки эти ведут нас к майкопским погребениям времени скифо-эллинского симбиоза, относясь, в основном, к IV в. до н. э.

---

[1] Ср. «Скифия и Боспор», стр. 389 (раскопки в Эль-Тегене).

[2] В. Дагелайский, Крылатые фигуры в античном искусстве. Записки Русского Археологического общества, т. VII, СПБ, 1895. Автор подчеркивает, что «тип прикрепления крыльев может служить ценным фактором при определении времени происхождения античных памятников искусства».

Шлем представляется нам типичным элементом паноплии и заставляет думать о вхождении его в могильный инвентарь мужского захоронения. О погребении мужчин могут говорить также и бронзовые поделки—«пряжки» с изображением птиц и рыб и деталь конского убора—серебряное колесико. Золотая подвеска свидетельствует, что здесь мог иметь место и женский могильный инвентарь.

IV. Серебряная чаша с рельефными изображениями из находок у станицы Даховской

Перед нами отлично сохранившаяся массивная серебряная чаша, без ручек, сработанная из одного цельного куска серебра. Высота чаши—65 мм, окружность по верхнему ободку—350 мм, диаметр верхней части—105 мм, окружность кольцевой ножки—185 мм, диаметр ее же—57 мм, вес чаши—348,5 г. Детальное описание формы чаши здесь опускаем; помещаемые фотографии дают ясное о ней представление. Дно чаши имеет колцевую ножку, в середине которой (центр сосуда)—небольшое круглое углубление от шпенька шлифовального круга. Техника изготовления чаши составляет предмет специального исследования в подготовляемой к печати монографии.

Количественный анализ материала чаши показал следующее:

Золото—0,60%
Серебро—96,52%
Медь—2,50%
Олово—0,28%
Неучтенные примеси—0,10%
Всего—100,00%

Серебро весьма мягко, что служит, в частности, признаком чистого серебра. Анализ подтверждает малую примесь меди, увеличивающей в сплаве твердость материала.

Стенки чаши украшены снаружи рельефными изображениями различных фигур и предметов. Изображения эти опоясывают всю чашу (см. рис. 9). Отдельные детали некоторых изображений (например, в фигуре льва и др.) сохранили явственные следы покрытия золотом.

Все без исключения изображения на чаше принадлежат к циклу аксесуаров театральных сцен вакхического цикла. Мы видим сцену вакханалии или, точнее, так называемую сцену (фриз) с масками (нем. Maskenfries). Достаточно указать изображения фигуры танцующей менады и стоящего сатира, собак (из которых одна, близкая по изображению к медведю, опирается передними лапами на алтарь в виде колонки), четырех театральных масок, в том числе Силена, менад (три маски даны на фоне шкафиков, в которых эти маски обычно сохранялись; женская маска повторена без изменений два раза),тирса, сиринкса или многоствольной флейты («свирель Пана»), лагоболона и звериной шкуры, завязанной в виде мешка (слева от менады), тимпана (бубна, увешанного погремушками и колокольчиками),—и других предметов, в частности деревьев (кипарисов), кустов и листьев.

Форма чаши, техника ее изготовления, стиль и характер изображений, покрывающих наружные стенки чаши, не оставляют сомнений в принадлежности сосуда к первым столетиям н. э., к торевтике римского времени. Своеобразные стилистические особенности деталей отдельных изображений и всего сосуда в целом будут освещены в монографическом описании даховских находок. В своем же целом чаша явственно отражает влияние античного искусства, столь характерное, в частности, для Парфии, с кругом памятников которой мы имеем много оснований связать и нашу чашу[1]. Не случайно именно в этом отношении Б. А. Тураев противопоставлял памятники Парфии сасанидским: «Если немногочисленные памятники Парфии обнаруживают римское влияние,

[1] В Парфии имелось, как известно, два параллельных художественных течения: эллинистическое и местное, которое приобрело приоритет над первым к концу парфянского периода.

сасанидские рельефы с самых первых шагов свидетельствуют о сознательном возвращении к древневосточной основе»[1].

Близость мифа о Дионисе к эллинизированным парфянским мастерам отмечалась неоднократно[2].

Замечательной индивидуальной особенностью даховской чаши является греческая надпись, помещенная на дне чаши вне кольцевой ножки.

Рис. 9. Серебряная чаша с рельефными изображениями (из находок у ст. Даховской).

Надпись эта исполнена в технике точечного накола и состоит из трех, не отделенных друг от друга слов. Она гласит: ΠΑΡΑ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΑΚΟΡΟΥ, или «от царя Пакора».

Характерные палеографические особенности надписи позволяют установить, о каком именно Пакоре идет речь.

Достаточно сопоставить нашу надпись на металле хотя бы с надписями на камне из находок на юге СССР, вошедшими в общеизвестный свод надписей, изданных В. В. Латышевым[3]. Тип букв не вызывает сомнений в их принадлежности ко второй

[1] Б. А. Тураев, История древнего Востока, т. II, ОГИЗ, Л., 1935 (Иран, стр. 287).

[2] Ср. И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, III, стр. 166; также М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 552 и др.

[3] Напр. IPE, II, 431 (дата не сохранилась); IPE, II, 432 (надпись времен Котиса, III, 227/8—233/4 г. н. э.); IPE, II, 433 (дата не сохранилась вполне, но восстанавливается как 237/8 г. н. э.); IPE, II, 451 (надпись 525 г. босп. эры—227/8 н. э., где все типичные буквы—А, Λ, П, ω и др. тождественны аналогичным буквам нашей надписи); IPE, II, 456 (дата не сохранилась; В. В. Латышев относит надпись «ad alterum vel tertium decennium tertii p. Chr. saeculi», и др.

половине II—первой половине III в. н. э. Время надписи согласовывается со временем всей чаши, с ее отмеченными выше изображениями вакхического цикла.

В свете отмеченных показателей не вызывает споров и вопрос, какой именно царь Пакор упомянут в надписи. Это—Пакор III, брат парфянского царя Вологеза (Вологаса) III (148—191), которого последний посадил на престол Армении при Антонине Пие (138—161)[1]. Время правления Пакора III также вполне согласуется с типическими палеографическими особенностями надписи на чаше[2].

Что касается надписей, исполненных способом точечного накола, то надписи эти, как известно, идут из глубокой древности.

Пунктирные надписи знакомы нам и по обширному циклу памятников, обнаруженных на территории СССР.

Как уже отмечено, наличие монет Пакора III в чеканке древней Армении не фиксировано. Таким образом, в нашей чаше мы имеем эпиграфически засвидетельствованное имя Пакора III, переданное в греческой транскрипции. Нанесение имени Пакора на предмет материальной культуры было осуществлено при жизни царя (чаша являлась личным подарком последнего).

Не менее любопытно констатировать, что в инвентаре даховских погребений нет предметов позже рубежа II—III вв. н. э., в крайнем случае позже первой четверти III в. Таким образом, вскоре же после того как чаша была отправлена в качестве личного дара армянского царя Пакора III неизвестному адресату, она попала в состав могильного инвентаря. A priori, следовательно, допустимо предположение, что чаша была захоронена вместе с местным династом, которому она, возможно, и была предназначена, или вместе с кем-либо из представителей ближайшего окружения этого династа, членов его семьи, наследников или преемников и т. п. Повторим: такое утверждение, разумеется, не выходит из границ предположения.

В связи с находкой чаши из станицы Даховской укажем на исключительно интересную неопубликованную серебряную же чашу государственного Эрмитажа (Ленинград). Осмотренная нами в марте 1937 г., чаша эта, демонстрируемая в одной из еще не свернутых зал международной выставки памятников иранского искусства и археологии, обратила наше внимание своим несомненным и тесным родством с даховской чашей, которой она аналогична по форме и технике изготовления и к которой она крайне близка по стилю и содержанию украшающих ее рельефных изображений.

Место находки эрмитажной чаши не установлено. В каталоге упомянутой выставки она описана следующим образом: «Чаша серебряная на ножке с рельефом, изображающим вакхические маски, чередующиеся с пляшущими фигурами (0,115 м ×0,55 м)»[3].

Тесное родство обеих чаш несомненно. Они, если не синхроничны, то во всяком случае очень близки по времени, а возможно, и месту изготовления.

---

[1] Ср. А. К р ы м с к и й, История сасанидов..., с приложением отдела о Парфянском царстве, «Труды по востоковедению», издание Лазаревского института, XXI, М., 1905, также из новейших работ: C l é m e n t H u a r d, La Perse antique, Paris, 1925 (о Парфии—стр. 127 сл., там же библиография по истории древней Парфии, гл. обр., древней Персии и Армении); F. C u m o n t, L' annexion du Pont et la petite Arménie в «Anatolian Studies presented to Sir W. M. Ramsay», Manchester, 1923, p. 109—119 и др. Из обширной литературы по древней Парфии и Армении в связи с текстом нашей публикации отметим: I. H e r m. S c h e n d e r w i r t h, Die Parther oder das neupersische Reich unter Arsaciden nach griechisch-römischen Quellen, Heiligenstadt, B. Dunkelberg, 1874, IV, 261; M. J. S a i n t - M a r t i n, Fragment d'une histoire des Arsacides, Paris, 1850, I—II.

[2] Нас интересовал вопрос о монетах, связанных с именем Пакора III. Насколько нам удалось установить, монеты, которые приписывались бы Пакору III, неизвестны. Монеты же Вологеза III известны: см. каталог Британского музея W. Wroth'a, A. Petrowicz'a, Prokesch-Osten, «Les monnaies des rois Parthes», Paris, 18, 4. 18, 5 p., Маркова («Catalogue des monnaies arsacides», «Les monnaies des rois Parthes», Paris) и в других монографиях по нумизматике Парфии.

[3] «Каталог международной выставки памятников иранского искусства и археологии». Государственный Эрмитаж. Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии, вып. 1, Л., 1935, стр. 190 (XXIII, 1). И по размеру (0,115× ×0,55 м) эрмитажная чаша также близка чаше из станицы Даховской.

Форма эрмитажной чаши в основном полностью повторяет форму чаши из станицы Даховской, с той лишь разницей, что первая имеет более низкое тулово.

Как и чаша из станицы Даховской, эрмитажная чаша опоясана отдельными рельефными изображениями, состоящими из тех же театральных вакхических масок, фигур танцующих актеров, отдельных предметов. И здесь мы видим маски, фигуру танцующего Силена, изображения ритона на канфаре, свирели, тирса, дерева и др. Время чаши, несомненно, определяется первыми столетиями н. э. Стиль рельефных изображений эрмитажной чаши несколько отличен от стиля аналогичных изображений на чаше из станицы Даховской (и это заслужило бы специального анализа), но общее единство стиля обеих чаш не оставляет сомнений.

Любопытно заметить, что эрмитажная чаша рассматривалась как примыкающая к торевтике римских центров северного Египта (изделия александрийского круга). Однако, по любезному сообщению К. В. Тревер, покойный О. Ф. Вальдгауэр в личных беседах по поводу эрмитажной чаши решительно исключал ее из изделий александрийского типа и настойчиво сближал ее с аршакидами.

Наша чаша служит разительным подтверждением заключений покойного исследователя. Именно к парфяно-армянским аршакидам ведет нас и чаша из станицы Даховской, паспортизированная по месту находки. Филэллинство аршакидов известно. Верхушка общества Парфии и Армении первых столетий н. э. тяготела к Средиземноморью, к Риму и его культуре. Придворными мастерами правителей Парфии и Армении являлись греки и римляне или их выученики. Парфия, как известно, всегда была мощным очагом и проводником эллинистических форм на Кавказе, что делает закономерным нахождение чаши аршакидского цикла в пределах майкопской округи. Желательно скорейшее издание замечательной эрмитажной чаши с подробным описанием в хороших фототипических воспроизведениях. Необходимы, наконец, анализ материала эрмитажной чаши и сличение данных этого анализа с данными анализа материала нашей чаши[1].

Последняя служит яркой иллюстрацией живых связей Юга СССР с Ираном, с древней Арменией первых веков н. э. в частности.

Б. Лунин

Первая научная конференция Института археологии Академии наук УССР[2]

Первая научная конференция Института археологии Академии наук УССР, состоявшаяся в Киеве, в январе 1939 г., была посвящена изучению Трипольской культуры. В работах конференции принимали участие, помимо работников украинских научных учреждений—Института археологии АН УССР, Киевского университета, Центрального исторического музея и других музеев УССР,—представители братских союзных республик—Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР и Института истории Академии наук БССР.

В 14 докладах, прочитанных на заседаниях конференции, удалось подвести итоги археологической работы, которая была широко развернута в последние годы по изучению «Триполья». Так, доклад Т. С. Пассек (Москва) был посвящен исследованиям родового трипольского поселения, систематически раскопанного в течение 5 лет Трипольской экспедицией, близ сел. Халепье, Обуховского района, Киевской обл.

---

[1] В связи с даховской и эрмитажной чашами отметим любопытную находку из Херсонеса в виде «черепка тарелки красной глины с лепными изображениями мужской головы, каких-то орудий, бегущего влево мужчины и бегущей вправо антилопы», ОАК, 1893, стр. 55, рис. 33.

[2] Извлечения из доклада Т. С. Пассек, прочитанного 28 февраля 1939 г. на заседании МОИИМК.

(урочище Коломищина). Новые археологические данные, полученные в результате этих раскопок, дали возможность впервые раскрыть целиком родовой поселок. Выяснено, что отдельные наземные глинобитные жилища располагались на нем двумя концентрическими кругами. Такая система расположения создавала определенную замкнутость и укрепленность населенного пункта. Вопреки мнению В. В. Хвойко, Э. Р. Штерна и других, считавших трипольские «площадки» памятниками погребальными, со всей четкостью установлено жилое назначение таких построек. На поселении Коломищина преобладали большие многосемейные домохозяйства. Значительное колебание в размерах отдельных трипольских «площадок» на поселении может быть объяснено постоянно происходившим расширением жилищ. Такое расширение было необходимо в силу разрастания населявших их родовых коллективов и выделения отдельных парных семей в самостоятельные домохозяйства.

Специально вопросам домостроительства в эпоху «Триполья» был посвящен доклад Е. Ю. Кричевского (Ленинград), остановившегося на проблеме трипольских «площадок» на основании новых данных, открытых на поселении Коломищина. Раскопки на Коломищине выяснили главнейшие черты конструкции трипольских жилищ—устройство фундамента с характерным использованием деревянно-глиняного настила, приемы построения обожженных глиняных полов, особенности постройки печей; наконец, раскопки 1938 г. определили систему столбов и двухскатную крышу. Докладчик выделяет два основных принципа внутреннего функционально-конструктивного деления трипольского дома. Это деление, с одной стороны, было связано с тем, что население каждого трипольского дома образовывало единый хозяйственный организм. С другой—это деление связано с тем, что в составе каждого родового коллектива, населявшего один дом, было несколько или много парных семей. Раскопки на Коломищине служат основой для классификации всех доныне известных монументальных памятников «Триполья», открытых на обширной территории Днестровско-Днепровского бассейна.

Исследованию керамики и строительных материалов трипольской культуры посвящен на конференции доклад О. А. Кульской (Киев), подвергнувшей химико-технологическому анализу различные сорта трипольской керамики. Черепки расписной посуды в большинстве случаев пористые, незначительной твердости, с обжигом до 900—1000° С. Внешний вид и химический анализ указывают на то, что в эпоху «Триполья» умели достаточно хорошо управлять окислительным и восстановительным процессом обжига. В керамической массе нерасписной посуды часто находятся примеси измельченных ракушек и известняка. Эти примеси прибавлялись для отощения пластичных глин и для увеличения прочности, а также для понижения стойкости и температуры плавления. Все эти данные говорят о том, что при изготовлении различных керамических изделий в достаточной мере, конечно, учитывалось назначение и употребление сосудов.

Ряд опытов кострового обжига глины, поставленных на месте раскопок и в специальных лабораторных печах, заслуживает большого интереса. Благодаря им установлено, что находимые в трипольских жилищах остатки обожженной глины служили строительным материалом («вальки» и плитки), который предварительно обрабатывался, обжигался и использовался затем для различных конструктивных частей постройки.

Результаты этих опытов совершенно опровергают выдвигаемую некоторыми учеными точку зрения, что глиняная обмазка, находимая в трипольских «площадках», представляет остатки глины, подвергавшейся обжигу лишь во время пожара трипольского жилища.

Химико-технологическое исследование глин, добытых в районе, где производились раскопки, показало, что для производства керамических трипольских изделий и строительного материала пользовались глинами местного происхождения.

Это окончательно разрушает гипотезы о завозном характере расписной посуды в «Триполье», и тем самым, вопреки указаниям, имеющимся в литературе, отпадает важный аргумент в пользу объяснения происхождения «Триполья» как куль-

туры, пришедшей в Днестровско-Днепровский бассейн с Востока или из Средиземноморья.

И. Г. Пидоплička (Киев) в своем докладе «Фауна и ландшафт времени трипольских поселений» остановился на характеристике древнего рельефа и физико-географических условий в пределах Киевско-Трипольского плато. К моменту появления трипольских поселений, по мнению И. Г. Пидоплички, в районе Киев—Халепье местность эта сохраняет поймообразные черты. Наблюдение геологических разрезов показывает, что в то время на плато были озерки с униодами и прочими водяными животными. Уровень реки Днепра стоял выше современного, и это обусловливало и более высокий уровень стояния грунтовых вод, что создавало в определенные сезоны года (весна, осень) условия сильной увлажненности мест оседлых трипольских поселений. В подтверждение указанной характеристики ландшафта докладчик приводит список обнаруженных в трипольских поселениях животных, которые связаны с болотно-лесными и речными пространствами (лось, дикая свинья, бобр, водяная крыса, речная черепаха и др.); из диких животных следует отметить благородного оленя, косулю, барсука. В составе домашних животных обнаружены кости быка, овцы, свиньи, козы, лошади, собаки, кошки, возможно, курицы, гуся и утки. Все это говорит о сравнительно высоком хозяйственном развитии родового общества в ту эпоху. Для археологических выводов интересно отметить, что и «поймообразный лугово-степной характер местности обусловливал наличие богатых пастбищ, наличие больших свободных от леса участков, что характерно почти для каждой поймы или поймообразной местности и что создавало хорошие условия для земледелия (учитывая лессовидную почву). Наличие дубовых деревьев как источника жолудей могло благоприятствовать (наряду с зерновыми культурами) разведению свиней».

Кроме вышеперечисленных докладов на основании раскопок последних лет на поселении в урочище Коломийщина, на конференции были заслушаны сообщения о новых исследованиях памятников «Триполья», открытых в других районах на территории УССР.

П. П. Куринный (Киев) в своем докладе на основании раскопок (1938 г.) Центрального исторического музея в Киеве, ул. Фрунзе, д. № 81 (бывш. усадьба Святославского), рассмотрел интересный вопрос о характере землянок, существовавших в эпоху «Триполья» и открытых здесь в 1895 г. В. В. Хвойко. Новые раскопки показали, что так наз. «землянки», открытые здесь на Киевских высотах, не являются жилищами подземного типа, о которых писал Хвойко, а представляют, вероятно, остатки «нескольких очажных ям в больших наземных домах». Делая заключение о хронологии открытых находок, докладчик считает, следуя мнениям В. В. Хвойко, что трипольский поселок в Киеве, улица Фрунзе, д. № 81, относится «к скотоводческо-земледельческому этапу развития, но сохраняет много черт охотников, собирателей и рыболовов, т. е. относится стадиально к более раннему этапу развития общества в Днепровском бассейне, до приручения животных и освоения земледелия». Такая точка зрения П. П. Куринного, определяющего комплекс находок из киевских землянок со шнуровой и штамповой керамикой как принадлежащий к наиболее раннему этапу «Триполья», встретила возражения со стороны Е. Ю. Кричевского, Т. С. Пассек и др. В дальнейшем, в прениях внимание было сосредоточено на вопросах происхождения Трипольской культуры, этапах развития и «исчезновения» ее в эпоху бронзы. В связи с этим на конференции было дополнительно сделано сообщение Е. Ю. Кричевским на тему «Об „исчезновении" Трипольской культуры», которое опровергало взгляд П. П. Куринного на «примитивный», «ранний» характер комплекса находок из землянок В. В. Хвойко и из новых раскопок (1933 г.) на улице Фрунзе, д. № 81 в Киеве. Вместе с тем оба эти доклада и последовавший за ними обмен мнений выяснили необходимость в дальнейшем уточнить характеристику основных стадий развития Трипольской культуры на территории УССР.

Основное наблюдение над стратиграфией западноевропейских памятников с расписной керамикой, известное по раскопкам в Кукутенах, в Румынии (слой Кукутени А и В), за последние годы дополнилось новыми открытиями. Так, в Молдавии, близ

Изваара, на одном из поселений обнаружено два культурных слоя[1]. Верхний—Изваар II, содержащий полихромную керамику, оказался синхронистичным древнейшему слою в Румынии—Кукутени А. В отличие от этого, нижний слой—Изваар I—должен быть характеризован преимущественно сосудами с углубленным орнаментом, типичным и для ленточной западноевропейской керамики.

После открытий в Молдавии необходимо пересмотреть имеющиеся в научной литературе классификации памятников «Триполья», выдвинутые В. В. Хвойко, а в последние годы Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевским.

В. П. Петров (Киев) сделал сообщение о раскопках близ сел. Городск (Житомирской обл.). Поселение, раскапывавшееся здесь в 1936—1937 гг., должно быть отнесено к позднейшему этапу развития «Триполья», к переходному периоду эпохи бронзы. Характерной особенностью поселения представляются остатки наземных построек с глиняными печами и отсутствие «площадок», обычно характеризующих постройки «Триполья» в других районах.

Кроме того, на конференции были сделаны информации о раскопках, проведенных в южном районе распространения «Триполья». М. Л. Макаревич (Киев) остановился на раскопках, проведенных в 1928 г. С. С. Гамченко у сел. Белый Камень (Винницкой обл.), где было раскопано шесть «площадок», прямоугольных по форме, с остатками печей и где были открыты (между «площадками») скорченные погребения с медными украшениями (височные кольца и браслеты), относящиеся ко времени более позднему, чем «Триполье».

Особое внимание на конференции было уделено материалам из раскопок Одесского музея. Археологические исследования 1938 г. у сел. Сабатиновки (Грушковского района, Одесской обл.) положили начало изучению Трипольского поселения по течению реки Буга[2]. Аналогичный комплекс находок был открыт ранее по среднему течению Днестра и его притокам. Наличие в Сабатиновке в одном комплексе сосудов с полихромной росписью и керамики со «вдавленным» орнаментом сближает его с находками из Дарибаны II на Днестре[3].

Большой интерес вызвали материалы, которые остаются, к сожалению, до сих пор еще неизданными, из раскопок поселения и двух курганных групп у сел. Усатово близ Одессы. В своем докладе «Влияние степного лиманно-морского ландшафта правобережья Украины» А. А. Браунер (Одесса) остановился на рассмотрении хозяйства древнего Усатова. На основании характеристики ландшафта (лиманы, песчаные пересыпи и солончаковая растительность) и климата (небольшая осадочность) одесского побережья Черного моря и сравнивая его с климатическими условиями в среднем Приднепровьи, докладчик пришел к заключению, что для поселений трипольских, открытых в Киевской области, условия для земледелия были чрезвычайно благоприятными, тогда как для района Усатово наиболее подходящим явилось животноводство. Климатические условия на побережьи Черного моря таковы, что дают возможность пасти скот здесь почти круглый год. Вместе с тем засушливый климат и налеты саранчи не давали земледелию стать ведущим в хозяйстве. Параллельно с животноводством и охотой (лошадь, сайга, тур, лисица, бобр) развивалось в Усатове рыболовство (сом, осетр и др.), причем хорошую добычу давали море и речки с опресненной водой в верховьях лиманов. На пересыпях были солончаковая растительность и соленые озера, дававшие самосадочную соль. Соль была ценным продуктом обмена. Добыча соли, охота, пастьба овец, рыболовство выпали в Усатове, по мнению докладчика, на долю мужчины, а женщины ведали домашним хозяйством, земледелием, стрижкой овец, пряжей, ткачеством, гончарством.

В дополнение к докладу А. А. Браунера, Е. Ф. Лагодовская (Одесса) сообщила о раскопках Усатовского поселения и курганного могильника. Наряду с характери-

[1] Radu Vulpe, Civilisation précucutanienne récemment découverte à Izvoare en Moldavie. Esa, vol. XI, Helsinki, 1937, S. 134—146.

[2] Информация Е. Ф. Лагодовской (Одесса).

[3] T. Passek, La céramique Tripolienne («Изв. ГАИМК», вып. 122, Л., 1935), стр. 69—71.

стикой кремневой индустрии и изделий из кости докладчик остановился на гончарном производстве и обряде погребения в Усатове. Встреченная на поселении и в курганах керамика делится: а) на керамику с росписью, исполненную черной краской, часто наблюдается обводка красным. По стилю и сюжетам росписи, по сравнению с характерной орнаментацией «Триполья», в Усатове отмечается дальнейшее разложение спирального рисунка; б) на керамику серой массы с примесью мелко толченых раковин. Орнамент нанесен оттисками простой и перевитой веревочки.

Огромный интерес представляют находки изделий из меди, появившихся в эту эпоху в Усатове в силу роста обменных отношений. Здесь открыты завозные медные орудия—кинжалы, шилья, тесла, каменные и янтарные бусы, сурмик-антимонит малоазиатского происхождения.

Разделение труда в производстве и развитие обменных отношений обусловили, по мнению докладчика, выделение отдельных родовых семей и дальнейшее социальное разделение. В связи с этим особого внимания заслуживают раскопки курганных погребений, показавших различие в богатстве между мужскими центральными погребениями и дополнительными могилами.

Большой интерес представляет обряд погребений, связанный с культом солнца (кромлехи) и культом быка (в одной из могил было совершено погребение головы быка из камня). Кроме того, в Усатове открыты наряду с курганными погребениями и бескурганные массовые могилы.

Весь комплекс находок в Усатове правильно рассматривается докладчиком как последний этап в развитии трипольской культуры, представляющий одновременно с этим новую стадию в развитии родового общества в северном Причерноморьи. По ряду признаков (керамика, глиняные изображения человека и животных) прослеживается неразрывная генетическая связь с более ранними этапами развития «Триполья», однако в Усатове мы застаем уже иную стадию развития общества—патриархально-родовой строй.

В постановлении, принятом на конференции, были намечены основные вопросы, вокруг которых необходимо в ближайшие годы развернуть полевую археологическую и исследовательскую работу:

а) уточнение основных стадий развития «Триполья» и выявление территориально-племенных различий в памятниках трипольской культуры на всем протяжении ее существования;

б) выяснение моментов стратиграфии в поселениях трипольской культуры;

в) прослеживание процесса развития «Триполья» и разрешение вопроса о происхождении «Триполья» на основе изучения ранненеолитических материалов УССР;

г) выяснение взаимоотношений хронологических, географических и культурных с соседними одновременными культурами (культурой ямочно-гребенчатой керамики, так наз. скорченных костяков и т. д.);

д) выяснение вопросов, связанных с поздним этапом трипольской культуры и ее перехода в культуры эпохи бронзы, и в конечном счете скифскую, на той же территории.

На конференции был намечен план полевых раскопочных работ на ближайшие пять лет на обширной территории УССР. Так, в районе сел. Халепье, Обуховского района, Киевской обл. решено продолжать исследование, поставив раскопки на новом поселении трипольского типа, открытом здесь в 1938 г. Судя по комплексу находок, собранному в процессе предварительной разведки, оно отличается от изученного за последние годы здесь же родового поселка Коломищины и должно быть отнесено к более раннему этапу развития «Триполья». Кроме того, в ближайшие годы признано необходимым расширить раскопки в таких пунктах, как Владимировка, Городск, Усатово, Сабатиновка, Киевские Высоты, и возобновить работы на ранее изучавшихся поселениях у Томашевки и Борисова.

Будут начаты также разведочные работы и на левобережьи Украины для выявления здесь памятников трипольской культуры. Значительное внимание должно быть уделено изучению более поздних памятников, хронологически соприкасающихся

с «Трипольем»,—курганам со скорченными костяками, мегалитическим сооружениям, дюнным поселениям и поселениям с находками бронзовых орудий.

Подытожив большие достижения советской археологии в области исследования памятников «Триполья», конференция вместе с тем выдвинула в новой постановке ряд важных исторических задач по изучению первобытно-общинного строя на территории УССР.

Одновременно новые археологические материалы позволяют прослеживать процесс развития родового общества на территории УССР в III—II тысячелетиях до н. э. Те изменения в хозяйстве и общественном строе, которые наблюдаются здесь на протяжении длительного отрезка времени, указывают на существование различных этапов в развитии Трипольской культуры. Ранние из них возникают на месте и характеризуются матриархально-родовыми отношениями, на поздних мы застаем уже иную стадию развития общества—патриархально-родовой строй и обнаруживаем близость с культурами, распространенными в степной полосе Причерноморья. Всеми этими данными советская археология опровергает буржуазные теории «возникновения» и «исчезновения» «Триполья». Следующая конференция по изучению Трипольской культуры намечена в Киеве в 1940 году.

Приложение

Б. Н. ГРАКОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ СКИФИИ В ГРЕЧЕСКИХ НАДПИСЯХ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА И МАЛОЙ АЗИИ

(Посвящается Николаю Ивановичу Новосадскому в день его восьмидесятилетия).

Вступление

Полибий и Страбон—первый относительно всего Причерноморья в целом, второй об его северо-восточном угле—сообщают сведения, прямо говорящие о том, какую большую роль играло Черноморье как рынок вывоза рабов (P o l y b., IV, 38=SC, 441; S t r a b o, XI, 11, 12=SC, 131). Первый автор отмечает высокое качество шедшей оттуда рабской силы, второй помещает рабов в число кочевнических товаров, тем самым показывая, что в этих местах греческие купцы являлись промежуточной инстанцией в вывозе рабов, первичными же добытчиками в этом направлении были сначала скифские, а затем сарматские племена. Эти добытчики иной раз не брезговали с этой целью и самими греками-колонистами. Напомню ламентации престарелого Овидия, смотревшего со стен Томи, как внезапно налетевшие из степи кочевники уводят захваченных на полях жителей города (Trist., III, 10, 61—62; IV, I, 81—84=SC, 81—84). Ту же картину рисует Дион Хризостом, побывавший в Ольвии как раз во время такого нападения степняков (Or., XXXVI, p. 53, 54=SC, 176). Историческое развитие скифских племен уже дошло до такой ступени, что рабство играло в Причерноморской степи значительную роль. Достаточно вспомнить общеизвестные рассказы Геродота о полулегендарном восстании рабов, о множестве пленных, из которых каждый сотый приносился в жертву богу войны—Акинаку, утвержденному на куче хвороста, о рабах, пологавшихся в могилу вместе с царем. Знаменитые царские курганы Нижнего Приднепровья сохранили до наших дней могилы таких царских слуг. На всем протяжении античной истории Скифии многие из греческих и латинских авторов говорят о рабах оттуда. Этот вывоз начался рано, по крайней мере в VI в. до н. э. Так, например, Ктесий (Περσικά, 16=SC, 354) рассказывает, что Дарий Гистасп посылал сатрапа Каппадокии Ариарамна в Скифию со специальной целью захватить рабов, что и было выполнено особою экспедицией из 30 военных кораблей. К этому времени рабы с Причерноморья были уже достаточно известны в Греции. Среди имен гончаров и вазовых живописцев Аттики во второй половине VI в. до н. э. встречаются имена гончара Колха и живописца Скифа[1]. Предание говорит о том, что скиф, бывший рабом в доме Амфитриона, научил юношу Геракла стрелять из лука (SC, 400). Данные эпиграфики показывают, что Греция рано ознакомилась со скифскими стрелками. На знаменитом кратере Франсуа при двух одетых в скифские костюмы стрелках стоят имена северночерно-

[1] K r e t c h m e r, стр. 75 и P f u h l, стр. 33 и 34, наши № 99 и 103.

морского круга (наш № 104). Это указывает на то, что скифы-стрелки были известны в половине VI в. и, может быть, уже в это время нанимались или покупались в качестве государственных воинов. Общеизвестно, что в Афинах после Саламинского сражения впервые были куплены 300 скифов для поддержания в городе порядка (SC, 371). С тех пор и до начала IV в. кличка скифа установилась в афинском языке как синоним полицейского стрелка. Кроме афинян, и другие греки в V в. употребляли покупных скифов-стрелков даже в качестве воинов вне своих государств. Так, митиленцы, собираясь отложиться от афинского морского союза, закупили на Понте стрелков и ждали их прибытия, чтобы поднять восстание (Thuc i d., III, 2). Наконец, в состав войска, нанятого Киром младшим для борьбы с Артаксерксом, под командою греческих стратегов входили и конные скифы-стрелки (Xenoph., Anab., III, 4, 15).

Литературные данные, передавая эти факты, усвоили наименование стрелков скифами, повидимому, из разговорного языка. Особенно этим термином скиф—синоним стрелка полицейского—изобилуют комедии Аристофана. Официальный юридический язык надписей не усвоил этого термина. Стрелки полиции именуются в них всегда однообразно τοξόται. И все же анализ ономастики этих надписей и их текста показывает, что в состав и полиции и военных стрелков входили рабы, и некоторые из них связываются с Черноморьем (см. наши № 71—78 и примечания к ним). Таким образом, надписи подтверждают данные литературной традиции. Литературные источники, в первую голову Аристофан, говорят о подчинении этой смешанной, но в какой-то части скифской, стражи пританам. Надписи не только подтверждают, но и развивают эти сведения. Они сообщают прежде всего о том, что и свободные, и наемные, и покупные стрелки имели в Афинах своего патрона: это был Аполлон, что так естественно при общеизвестных фунциях этого бога-стрелка. Они делают в казну храма определенные взносы; эти взносы с граждан взимаются демархами, а со стрелков—токсархами и пританами (наш № 71). Это вполне совпадает с литературными данными и их пополняет. Списки павших воинов составом имен указывают на присутствие среди стрелков-воинов тех же рабов, частью скифского происхождения, причем и здесь они оказываются внесенными в список филы (наши № 73, 75, 78). Кирхнер, в примечании к надписи о ремонте стен вокруг акрополя, останавливаясь на том, что при этом ремонте должна стоять стража в составе трех стрелков: ἐκ τῆς φυλῆς τῆς [π]ρυτανευούσες (наш № 74, стр. 16), пишет: «hic ut illud de tribus sagittariis recte se habet, quinto saeculo etiamtum ex civibus Atticis conscriptis (Andoc. III, 17, IG, I, 54, 17; 79, 2), quorum in locum postea demum Scythae successerint (nam de Scythis dici non posse ἐκ τῆς φυλῆς πρυτανευούσης, luce clarius est!)». Однако это замечение никак не может быть принято. Надпись № 74 относится ко времени около 445 г., между тем появление скифских стрелков в Афинах на 35 лет предшествует этому времени, а в надписи № 73, также предшествующей ремонту стен лет на 15, стрелки, по своим именам заведомые рабы, стоят среди «Ἐρεχθεΐδος hοἵδε ἐν τῖι πολέμοι ἀπέθανον», где название филы стоит в том же genitivus partitivus, хотя и без предлога ἐκ, т. е. еще раз подчеркивается подчинение стрелков отдельной филе; и надпись № 72 (IG,I², 79) трактует не об одних только стрелках из граждан. Мы уж не говорим о надписях с именами Δᾶος и Γέτας, которые, как хорошо известно и из прямого свидетельства Страбона и из рабских персонажей аттической комедии, с раннего времени вплоть до Римской империи имели значение общерабских кличек.

Из приведенных фактов видно, насколько распространены были рабы из Причерноморья, начиная с VI в., и как частновладельческие и как государственные. Замечательно интересна в этом отношении надпись, со-

держащая перечень рабов метека Кефисодора из Пирея, осужденного по процессу гермакопидов, имущество которого наравне с имуществом остальных его товарищей было выставлено на публичную продажу. В этой надписи, к сожалению, неполной, значатся пять фракийцев и фракиянок, три карийца, одна лидиянка, два сирийца, один иллириец, один мелеттенец, один колх и один скиф. Этот краткий перечень отражает действительное положение вещей: из него видно, что в это время в Аттике преобладали рабы фракийского и малоазиатского происхождения, а не черноморского. В то же время она полностью подтверждает и литературные и эпиграфические данные о наличии в Греции, особенно в Аттике, рабов из Скифии и о том, что этот рынок в сравнении с Малой Азией и Фракией играл только второстепенную роль. Когда исчезли рабы-стрелки из Скифии в Аттике, сказать точно трудно. Во всяком случае, как видно из Аристофана и из приведенных мест Ксенофонта и Эсхина, они просуществовали там до третьей четверти, если не до половины, IV в. до н. э., так как Эсхин играет на чувствах своих слушателей, хорошо знавших, что скифы—рабы и поэтому происхождение от них, приписанное Эсхином Демосфену, позорно: иначе весь эффект его замечаний пропал бы, не будь знакомо его слушателям такое положение вещей.

Афинское государство не ограничивалось привлечением рабского труда к отправлению полицейских обязанностей. Известно, что наряду со свободными, частью метеками и вольноотпущенниками, трудились и свободные и рабы частных лиц, ходившие по оброку. Общеизвестен такой факт, как работа всех этих категорий аттической рабочей силы при сооружении Эрехтейона. Эти данные черпаются как раз из данных эпиграфики. Из этих же данных известно и то, что в IV в. в состав матросов военного флота входили по найму то ли рабы, то ли вольноотпущенники, судя по сопровождающим их этнические имена именам их владельцев или отпустивших их лиц. Именно об этом говорит надпись № 79, в которой среди матросов фигурируют имена Гет и Трибалл; они стоят среди других этнических имен и сопровождаются общими с другими матросами именами хозяев. Случайно ли здесь присутствие Гета и Трибалла среди моряков? Вероятно, нет. Жители дунайского Приморья, они, конечно, уже на родине должны были быть знакомы с морским делом.

Вообще говоря, рабу-варвару приходилось в Греции выполнять всевозможную работу. Но все-таки видно стремление по возможности использовать раба в той области труда, к которой он приучился на родине. Так, на строительстве Эрехтейона плотники-рабы оказываются носящими имена племен Малой Азии, страны деревянной архитектуры. По какой-то причине имена лиц рабского происхождения с черноморских берегов, начиная с VI в. и до эллинистической эпохи, связываются с гончарным производством. Об этом говорят, пусть немногочисленные, но прочные свидетельства.

В классическую эпоху не было для рабского рынка Северного Черноморья очень широкого размаха. Между тем Полибий определенно говорит (указ. место), что с Понта доставляется «τὸ τῶν εἰς τὰς δουλείας ἀγομένων σωμάτων πλῆθος», т. е. «множество рабов», которые, по его же отзыву, единогласно признаются за рабов самого высокого качества. И словно в подтверждение этого мнения, начиная с эллинистического времени, особенно во II в., имена рабов—скифов, сарматов, меотов, боспорян, колхов и армян, последних отчасти, конечно, из Малой Азии, отчасти с Кавказа—появляются среди вольноотпущенников в Дельфах и Эпидавре, в надгробиях из Афин, с Родоса и Коса (наши № 108—119). Это совпадение времени их появления со свидетельством Полибия едва ли случайно. Какие-то внутренние причины должны были повлиять на направ-

ление рабского потока с Боспора в Грецию. Эти причины отчасти приоткрываются эпиграфическими данными.

Известна роль Боспорского царства в экспорте хлеба в Грецию, особенно в Аттику, и на острова Эгейского моря. Об этом в частности трактуют и некоторые надписи (наши № 3, 4, 5, 32). Известно также, что с середины III в. до н. э. египетский хлеб вытесняет в основном черноморский, в частности боспорский, хлеб с средиземноморского рынка. Надписи и папирус из зеноновского архива, текстуально приведенный в примечании к надписи № 28, указывают нам на стремление Перисада II завязать деятельные сношения с самим Египтом и важными в торговом отношении островами: он шлет посольство в Египет, где послов принимают с подчеркнутым вниманием, он приносит пожертвование в Делосское святилище[1]. Мне кажется, что свидетельство Полибия и надписи эллинистической эпохи с именами рабов прибоспорского происхождения позволяют построить некоторые предположения об экономической политике Перисада. Перисад нашел до известной степени выход из кризиса хлебной торговли. Правда, хлебная торговля упала в некоторой степени, но она все еще продолжалась и приносила барыши: на это указывает и одна из воспроизводимых ниже аттических надписей первой половины II в до н. э. (наш № 5) и свидетельство Страбона о том, какое громадное количество хлеба получал Митридат с доставшегося в его руки Боспора (S t r a b o, VII, IV, 6). Но доход упал, и поэтому энергичный царь стал искать нового источника дохода и, думается, нашел этот источник в усиленном вывозе рабов из представителей соседних племен. Кочевники соседней степи и пираты Кавказского побережья доставляли в изобилии этот живой товар. Но это же привело и к ослаблению царства. Те же племена, которые доставляли рабов, расшатывали ослабевшее царство, и в то же время в Пантикапее скопилось много собственных рабов-скифов, поднявших, как доказал С. А. Жебелев, восстание под руководством Савмака, для подавления которого Митридату VI пришлось направить сюда Диофанта[2]. Из этого небольшого экскурса видно, какую большую роль для выяснения отдельных вопросов истории греческих городов Скифии играют надписи собственной Греции.

Отметим еще один вопрос, для правильного решения которого материал дают именно надписи. Дельфийские манумиссии, поскольку в них имена рабов черноморского происхождения далеко уступают количественно пестрому набору рабов из других местностей, указывают, что, несмотря на усиление вывоза рабов, особенно с Боспора, в III—II вв. до н. э., рынок этот не приобрел первенствующего значения. Фракия, Малая Азия и Сирия попрежнему занимают основное место. Таким образом, полную ясность и в этом вопросе вносят надписи.

При работе по археологии и истории Скифии и ее греческих городов постоянно приходится сталкиваться с настольною книгой для каждого работающего в этой области, которую оставил покойный В. В. Латышев. Я имею в виду его «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе», более известные под их кратким латинским заголовком «Scythica et Caucasica». Приведенный экскурс по истории вывоза рабов из Скифии показывает, какую существенную роль играют также для этой области древней истории нашей родины надписи Греции в собственном смысле этого слова. Между тем, эти надписи рассеяны по многочисленным иностранным публикациям, сосредоточенным к тому же, что вполне естественно, в ограниченном числе центральных библиотек Союза. По поручению

[1] См. наш № 28, IPE, II, 35 и С. Жебелев в ИАН, 1934, стр. 669 сл.

[2] С. А. Ж е б е л е в, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 49 сл.

МОГАИМКа, я попытался составить сводку этих надписей. Мною просмотрены для этого все имеющиеся в библиотеках Москвы и Ленинграда общие своды надписей и важнейшие из журналов по 1936 год включительно. Огромную помощь оказал мне в этой работе С. А. Жебелев, постоянно указывавший мне, где в библиотеках Ленинграда находится то или иное из полученных изданий надписей, предоставивший мне те из них, которые имелись в его личной библиотеке, и давший мне возможность использовать свои выписки. Пользуюсь случаем, чтобы принести Сергею Александровичу за всю его помощь глубокую благодарность.

Настоящая публикация ни в какой мере не претендует на значение полной сводки, а представляет собою только начальные материалы для таковой. Если бы она представляла собою полный свод, то не могло бы быть двух мнений о возможном порядке распределения материала: он мог бы быть только территориальным. В предварительной же публикации материалов, при относительной их пестроте по содержанию, приходилось бы разыскивать материал на одну и ту же тему в разных отделах хотя бы и небольшого сборника. Поэтому сейчас мне представляется более удобным объединить его в несколько отделов по темам. Темы эти, при пестроте самого материала, естественно, не могут быть однообразны: здесь отчасти приходится руководствоваться и тем, по каким вопросам накопился материал, и тем, какие вопросы представляются сейчас более интересными. Исходя из этих положений, пришлось разбить все материалы на следующие пять отделов.

Отдел I (№ 1—40) объединяет надписи государственного характера о сношениях городов Греции и Малой Азии с городами Скифии. Сюда входят всякого рода отдельные официальные акты, проксении гражданам городов Скифии, посвящения от официальных лиц и городов в средиземноморские храмы. Этот относительно большой отдел разбит на следующие, уже территориальные подотделы: 1) Афины, 2) Олимпия, 3) Средняя Греция, 4) Фракия, 5) Делос, 6) Лесбос, 7) Малая Азия. Цель этого отдела дать материалы для истории официальных взаимоотношений Греции и Скифии.

Остальные четыре отдела даны по более специальным темам, диктуемым наличием материалов.

Отдел II (№ 41—48) выделен из первого. Он представляет собрание текстов, относящихся к истории Боспорского царского дома, начиная со смутного времени борьбы за царскую власть после гибели Митридата, и сосредоточивается в основном вокруг потомков Полемона I. Только первая из этих надписей (№ 41) посвящена Митридату, сыну Менодота, кратковременному претенденту на боспорский престол, неудачному ставленнику Цезаря. Эта надпись поставлена в начале отдела, так как она как бы открывает собою новую эпоху в истории Боспорского царства. Остальные надписи сосредоточены вокруг истории семьи Полемона, его вдовы Пифодориды и внучки Антонии Трифены.

Отдел III (№ 49—55) посвящен еще более специальной теме. Как и отдел II, он состоит из надписей, которые, взятые по отдельности и рассеянные по отдельным местностям, не дали бы цельной картины. Эти надписи—по большей части тоже официальные акты, но они объединены особой тематикой. Это—свидетельства о военных столкновениях, о разновременных вторжениях с Средиземного моря в Скифию и обратно. Первый документ—знаменитая Паросская хроника; в ней и мифическое вторжение амазонок в Аттику и вполне реальные походы Александра против трибаллов и в Среднюю Азию. В этот же отдел входят выдержки из «Res gestae Divi Augusti» с упоминанием об изъявлении покорности бастарнами,

скифами, сарматами и некоторыми племенами Кавказа. Четыре последние стихотворные надписи посвящены борьбе с вторжениями черноморских варваров, именуемых то савроматами, то скифами. Эти надписи, хотя дают лишь отрывочные и неполные сведения, рисуют опустощительный характер этих вторжений со стороны пестрого конгломерата северночерноморских племен II—III вв. н. э. Специалисты сумеют извлечь из этих отрывков ценный материал для освещения ранней истории нашего Юга.

Отдел IV (№ 56—69), в противоположность второму и третьему, выделенным из первого по совершенно специфическому характеру их материала, уже не содержит актов официального характера. В нем соединены сведения об отдельных частных лицах из греческих городов Северного Причерноморья. Тут есть взносы на какие-то предприятия (№ 56 и 59); пэан боспорца Исилла в честь Асклепия в Эпидавре (№ 57), отдельные частные посвящения и надгробия греков-черноморцев из различных городов Греции. Этот отдел неизбежно пестр по содержанию и довольно беден числом надписей. Тем не менее он дает интересные штрихи для воспроизведения картины реальной жизни.

Отдел V и последний посвящен надписям, в которых упоминаются названия племен Скифии или же собственные имена, которые безусловно связаны с народами Северного Причерноморья. Те же этнические имена Черноморья, которые стали именами греков—граждан разных городов,— мною опускаются. Отдел делится на следующие подотделы: 1) Рабы Скифии на афинском рынке VI—IV вв. Сюда в виде особой рубрики включены надписи об афинских стрелках. Хотя в них и нет прямых указаний на Скифию, но связь их с нею очевидна. 2) Вольноотпущенники и манумиссии в связи с храмами. 3) Надписи на керамике, содержащие этнические и вообще скифские имена. 4) Надгробия.

Внутри каждого отдела и подотдела соблюдены территориальный и хронологический принципы. Только в отделе II, где надписи освещают события в одной семье и где введение территориального порядка совершенно нарушило бы всякую последовательность, проводится чисто хронологический принцип. Нарушение хронологического порядка проведено в отделах IV и V, в рубрике надгробий. Он заменен алфавитным порядком этнических и собственных имен, что удобнее всего для пользования там, где основою содержания надписи являются собственные имена: этнические имена составляют первый, а собственные имена второй алфавит.

Самые надписи, поскольку они являются переизданием, даются в следующем виде: сначала порядковый номер; вскобках за ним номер того издания, по которому приводится текст; заголовок, вкратце определяющий содержание надписи; краткие сведения о надписи без ее внешнего описания; издания, где публиковалась надпись; исследования, где есть ссылки или толкование этой надписи. Библиографические сведения даются мною и de visu и на основании приведенных в первичных публикациях данных, иногда в виде ссылки на библиографию в таких публикациях. Из них исключено все то, что не имеет прямого отношения к нашей теме.

За леммою идет или полная надпись, если это нужно по смыслу публикации, или только выдержка из нее, если остальная часть трактует о вещах посторонних. Греческий текст приводится прежде всего по той причине, что цель такой публикации хотя бы в некоторой мере объединить и сделать доступным рассеянный по разным изданиям материал. Другим мотивом этого является необходимость контролировать перевод, в некоторых случаях остающийся спорным.

Далее следует русский перевод. Цель его дать возможность пользоваться этими надписями тем, кому греческий текст недоступен. Кроме того, наличие такого перевода устраняет сомнения в толковании содержания

текста составителем. Надеюсь, что сделанные мною промахи будут товарищески исправлены рецензентами.

Вслед за текстом и переводом следует по возможности краткий комментарий. Лишь там, где этого требует перевод или толкование, этот краткий комментарий носит филологический характер. Комментарий носит по преимуществу конкретно-исторический и в немногих случаях археологический характер. Здесь же даются ссылки на параллельные тексты надписей и этого сборника и других основных публикаций. Только там, где надпись имеет большое историческое значение, она сопровождается специальным, несколько бо́льшим комментарием.

Несколько надписей приведены полностью, хотя, как надпись из Дионисополя во Фракии в честь Акорниона (№ 18) или в честь лиц, охранявших Томи против Биребисты (№ 19), внешне не имеют отношения к городам Скифии. Но первая, помимо того, что она рисует мощное царство Биребисты, дает еще образ совершенно близкий к знаменитому Протогену ольвиополиту, а вторая живо изображает обстановку во время войны Биребисты, столь жестоко сокрушившего Ольвию: сохранить ее полностью, очевидно, необходимо. Надпись о пожертвованиях в Дидиме (№ 38) приведена полностью, так как только при таком ее виде становится понятной правильность точки зрения В. В. Латышева. Приведение надписей II отдела № 45—48 полностью, хотя они и касаются местных дел Кизика, необходимо, чтобы показать значение Антонии Трифены и ее семьи в жизни отдельных причерноморских городов вне Скифии. В III отделе приведены полностью две стихотворные надписи из Афин (№ 52 и 53) и одна из Милета (№ 55), так как лишь в полном виде они дают читателю почувствовать испытываемый автором ужас перед вторжением сарматов. В IV отделе полностью приведен пэан Исилла боспорца (№ 57), хотя он и трактует о делах Эпидавра: 1) он является единственным в своем роде произведением боспорца и 2) рисует степень возможной в то время его ассимиляции на чужбине. В V отделе надписи № 70 и № 79 приведены полностью, так как среди других рабских имен лучше выясняются состав и положение рабов из Скифии. Равным образом, в полном виде приведены все манумиссии (№ 82—98): этим выясняется специфическая обстановка освобождения.

В конце приложен индекс имен, упоминающихся в текстах надписей лиц из черноморских городов и из племен Скифии, в порядке городских и этнических названий, внутри которых помещены собственные имена. Названия городов и племен даны вместе в порядке греческого алфавита. Имена лиц другого происхождения в индекс не введены ввиду специфического характера публикации. В этом же индексе, в основном алфавите стоят лица, которым посвящены отдельные надписи, и имена лиц, непосредственно связанных с историей нашего Юга, например, Биребисты. Перед ним — небольшой индекс в русском алфавите дает распределение надписей между отдельными городами и племенами нашего Юга.

I. Надписи официального характера о сношениях городов Греции и М. Азии с северным Черноморьем

1. АФИНЫ

1. (IG, I², 63). Взносы городов Скифии в Афинский союз. Инв. № EM 6860/2. Раньше камень находился в Акрополе. Стела пентеликийского мрамора в 30 кусках. Издана Koehler, Urkund. und Unters. z. Geschichte des delisch.-att. Bundes. APAW, 1870, 56, 111. Библиографию см. в IG², 63; ср. Beloch, II, 1², 330. Специально о городах Понта в этой надписи писал подробнее С. А. Жебелев в ИГАИМК 104, стр. 25 и 26, с указанием различных точек зрения.

Надпись, содержащая псефизму 425/424 гг. о порядке взносов членами делосского союза, кроме того, заключает в себе список членов с размерами взноса. Строки 190 и следующие, хотя и очень фрагментарные, может быть, заключают в себе списки городов северного побережья Черного моря.

190	ΤΤ Νύ[μφαιον?]	2 таланта	Нимфей
	ΤΤ h[ερμονάσσε?]	2 таланта	Гермонасса?
	— — — — — — —		
	Τ — — — — — — —	талант	
	Χ — — — — — — —	тысячу (драхм)	
195	Τ — — — — — — —	2 таланта (?)	
	ΤΤ — — — — — —	2 таланта	
	ΤΤ — — — — — —	2 таланта	
	ΤΤ — — — — — —	2 таланта	
	Τ — — — — — — —	1 талант	
200	Τ — — — — — — —	1 талант	
	Τ — Τ — — — — —	1 талант	Τ — — —
	ΤΤ — Μ — — — — —	2 таланта	Μ — — —
	Τ — 'Ο[λβία?] — — —	1 талант	Ольвия
	ΤΤ Τύ[ρας?]	2 таланта	Тира
205	Τ Τα[μυράκε?]	1 талант	Тамирака
	. ΧΧ Κα[ρκίνε?]	x + 2000 драхм	Каркина
	. ΧΧ Κιμ[μέριον?]	x + 2000 драхм	Киммерий
	. ΧΧ Νικ[ονία?]	x + 2000 драхм	Никония
	.. Χ Πατ[ραεύς?]	x + 1000 драхм	Патраей

Текст надписи, несмотря на всю ее фрагментарность, позволил Ульриху Келеру предположить, по расположению в одном столбце начальных букв названий городов северного Причерноморья, что здесь их перечисление. К ранее сделанным дополнениям предположительно дополняю в строке 191 h(ερμονάσσε), так как другого города с начальным «h» на северном побережье Понта Евксинского нет. О Нимфее (v. 190) известно из словаря Гарпократиона, что этот город платил в союз ежегодно по таланту (Гарпократион, по Кратеру, т. е. сведения IV/III вв. до н. э. под словом Νύμφαιον). М. б., размер взноса был изменен. Названия остальных городов дополнены Köhler'ом. Во всяком случае взнос всех городов северного Причерноморья превышал 22 таланта и 2000 драхм, т. е. был больше, чем 320 740 рублей. По Дункеру (Des Perikles Fahrt nach Pontus в SPAW, 1885, II, стр. 583 сл.), около 444 г. произошло вторжение Перикла в Черное море с флотом; великий афинянин отнесся к греческим городам φιλανθρώπως, в то же время демонстрировав местным варварам мощь афинской морской державы (Plut., Pericl., XX=SC, стр. 485—486). Соображения Дункера приняты Латышевым в его «Исследованиях об истории и государственном строе города Ольвии», 1887 г., стр. 45—47. Белох, II, 1^2, 199; II, 2^2, 216, предполагает, что эта экспедиция состоялась в 435/4 гг. С этим Гиллер фон Гертринген связывает новую надпись, перечисляющую павших на Понте, в частности в Синопе (IG, 1^2, 944). W. Bauer относит этот поход ко времени до 448 г. (Klio, XV, 1917, стр. 191). Во всяком случае видно, что с половины V в. Афины пытались стать твердою ногою на Понте. По существу следует различать, вероятно, несколько экспедиций на Понт—первую около 445 г., для водворения порядка по просьбе греческих городов, вторую,—м. б., в середине 30-х годов, для высылки на Понт колоний. Наконец, в 424 г., по Фукидиду (IV, 319), Афины снарядили на Понт военную морскую экспедицию, которая им не удалась. Возможно, что такие экспедиции бывали не один раз.

С. А. Жебелев в ИГАИМК, вып. 104, стр. 24 сл., посвятил этому вопросу специальный очерк, в котором вновь поставил под сомнение все восстановление цитируемой надписи ввиду ее фрагментарности и подверг детальному критическому разбору выступление Эсхина против Демосфена. Эсхин обвинял противника в том, что его дед по матери Гелон предал врагам Нимфей, принадлежавший Афинам. С. А. Жебелев приходит к выводу, что самый факт власти афинян над Нимфеем—выдумка Эсхина, а преступление Гелона сильно преувеличено. Отсылая к этой статье, должно указать на то, что критика очень сильна и убедительна. Восстановление же нашей надписи довольно сомнительно. Однако обойти ее совершенно невозможно.

2. (IG, II^2, 1636; IG, II, 813). Из отчета афинских эпимелетов на Делосе. В национальном музее в Афинах, инв. № ΕΜ 7973. Изд. Питтакисом в *Ἐφ.* 3868 и 3869. Плита очень плохой сохранности. К ней дополнение IG, II, 2, 813.

См. Homolle BCH, XIV, 1890, стр. 450; он же, BCH, X, 1886, стр. 461 и 467; Michel, 875; Crönert, JOAI, XI, 1908, Beiheft 186.

A. v. v. 7 et 8 — — ον τῆς νήσου Γ εἰς ἱερὰ τ[ὰ?] — — τ]α ἐξ Ὑπερβορ[έ]ων ἡ εὐσέ[βεια(?)

«...острова 5 (драхм) на (совершение) священнодействий... (принесенных) от гипербореев, благочестие...»

Надпись эта является отрывком из отчета афинских эпимелетов о делосских делах. На одной ее стороне—отчет о расходах. На другой—акт передачи, где и находится взятый отрывок. Келер в примечании к своему изданию IG, II, 2, 813 пометил, что, по соображениям о времени употребления на Делосе ионийского алфавита, этот текст должен быть несколько древнее, чем начало IV в. Дополнение же IG, II, 813 b, более позднее, но близкое к нашему, относится к архонтству Демострата из керамейцев, т. е. к 390/389 или 393/2 гг., что [illegible] некоторой степени подкрепляет мнение Келера; во всяком случае надпись сделана на рубеже V и IV вв. Под ἱερὰ τὰ... ἐξ Ὑπερβορ[έ]ων подразумеваются, очевидно, те ἱρὰ ἐνδεδεμένα ἐν καλάμῃ πυρῶν, присланные гипербореями на Делос, о которых повествует Геродот (IV, 33—36) и которые и впредь чтились в Артемисии на Делосе.

3. (IG, II², 212). Декрет в честь царей Боспора Спартока и Перисада. Инв. Г. 1471, в национальном музее в Афинах. Плита пентеликийского мрамора с анаглифом. Письмо середины IV в. до н. э. Издана Куманудисом в Ἀθήναιον, VI, 1877, стр. 152 сл.; Köhler, IG, II, 5, 109; Schäfer, Rh. Mus., XXXIII, 1878, стр. 418 сл. Syll.³ 206; Hicks-Hill, 140; Michel, 98. Об этой надписи см. Fuhr, Rh. Mus., XXXIII, 1878, стр. 607; P a n s k e, De magistratibus Atticis. Lips., 1890, 58; Жебелев в ИАН, 1934, стр. 600 сл. Русский перевод см. Б. А. Т у р а е в, И. Н. Б о р о з д и н и Б. В. Ф а р м а к о в с к и й, Древний мир на Юге России, стр. 83.

Σπαρτόκωι Παιρισάδηι
Ἀπολλωνίωι Λεύκωνος παισί.

Ἐπὶ Θεμιστοκλέους ἄρ[χ]οντο[ς]| ἐπὶ τῆς Αἰγηίδος ὀγδό[η]ς πρυ[τ]||ανείας ἧι· Λυσίμα[χ]ος Σωσιδή[μ]||[ο Ἀχα]ρ[ν]εὺς ἐγραμμάτευεν· Θε[ό]|φιλος [Ἁλι]μούσιος ἐπεστάτε[ι]·| Ἀνδροτίων Ἀνδρωνος Γαργήττ[ι]ος [ε]ἶπεν· π[ε]ρὶ ὧν ἐπέστειλε Σπάρτοκος κ[αὶ] Παιρ[ισά]δ[η]||ς καὶ οἱ πρέσβεις οἱ ἥκοντ[ε]ς π[α]ρ' αὐτῶν ἀπ[α]||γγέλλουσιν, ἀποκρί[ν]ασθαι αὐ[τ]οῖ[ς], ὅτι ὁ [δῆ]||μος ὁ Ἀθηναίων ἐπαινεῖ Σπάρτ[ο]κον καὶ Παι|ρισάδην, ὅτι εἰσὶν ἄνδρες [ἀ]γα[θο]ὶ καὶ ἐπ[αγ]||γέλλονται τῶι δήμωι [τ]ῶι Ἀ[θ]ην[α]ίων ἐπιμε[λ]||ήσεσθαι τῆς ἐκ[π]ομπῆς τοῦ [σ]ίτου καθάπερ ὁ|πατὴρ αὐτῶν ἐπεμελεῖτο καὶ ὑ[π]ηρετήσειν π|ροιύμως ὅτου ἄν ὁ δῆμ[ος] δ[έη]τα[ι] καὶ ἀπαγγ[έ]||λλειν αὐτο[ῖ]ς τ[ο]ὺς π[ρέσβ]εις, ὅ[τι] ταῦτα ποι|οῦντες οὐδενὸ[ς] ἀτυχήσ[ο]υσιν τοῦ δήμου το||ῦ Ἀθηναίων· [ἐπ]ε[ι]δὴ δὲ [τὰ]ς δω[ρει]ὰς διδόασι|ν Ἀθηναίοι[ς ἅσ]περ Σ[άτ]υ[ρ]ος καὶ Λεύκων ἔδο|σαν, εἶναι [Σπαρτ]ό[κ]ωι [κ]αὶ Παιρισάδει τὰς δ|ωρειάς, ἃς [ὁ δῆμ]ος ἔδωκε Σατύρωι καὶ Λεύκω|νι καὶ στεφ[ανοῦν] χρυσῶι στεφάνωι Παναθη||ναίοις το[ῖς μεγ]άλοις ἀπὸ χιλίων δραχμῶν| ἑκάτερ[ο]ν· [ποιε]ῖσθαι δὲ τοὺς στεφάνους το|ὺς ἀθλοθέ[τας] τῶι προτέρωι ἔτει Παναθηνα|ίων τῶν μεγ[άλ]ων κατὰ τὸ ψήφισμα τοῦ δήμου | τό πρότερον ἐψηφισμένον Λεύκωνι καὶ ἀνα||γορεύειν, ὅτι στεφανοῖ ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναίων| Σπάρτοκον καὶ Παιρισάδην τοὺς Λεύκωνος| παῖδας ἀρετῆς καὶ εὐνοίας ἕνεκα τῆς εἰς τ|ὸν δῆμον τὸν Ἀθηναίων· ἐπειδὴ δὲ τοὺς στεφ|άνους ἀνατιθέασι τῆι Ἀθηνᾶι τῆι Πολιάδι||τοὺς ἀθλοθέτας εἰς τὸν νεὼ ἀνατιθέναι το|ὺς στεφάνους ἐπιγράψαντας· «Σπάρτοκος | καὶ Παιρισάδης Λεύκωνος παῖδες ἀνέθεσα|ν τῆι Ἀθηναίαι στεφανωθέντες ὑπὸ τοῦ δήμ|ου τοῦ Ἀθηνα[ί]ων». τὸ δὲ ἀργύριον διδόναι το||ῖς ἀθλοθέταις εἰς τοὺς στεφάνους τὸν τοῦ | δήμου ταμίαν ἐκ τῶν εἰς τὰ κατὰψηφίσματα | τῶι δήμωι με[ρι]ζομένων· τὸ δὲ νῦ[ν] εἶναι παρ|αδοῦναι τοὺς ἀποδέκτας τὸ εἰς [τ]οὺς στεφ[ά]||νους ἐκ τῶν στ[ρ]ατιωτικῶν χρ[η]μάτων· ἀναγ[ρ]||άψαι δὲ τὸ ψήφισμα τόδε τὸγ γραμματέα τῆ[ς] | βουλῆς ἐν στήληι λιθίνηι καὶ στῆσαι πλη[σ]||ίον τῆς Σατύρου καὶ Λεύκωνος, ἐς δὲ τὴν ἀν[α]γραφὴν δοῦναι τὸν ταμίαν τοῦ δήμου τριά[κ]||οντα δραχμάς . ἐπαινέσαι δὲ τοὺς πρέσβει[ς]|| Σῶσιν καὶ Θεοδόσιον, ὅτι ἐπιμελοῦνται τ[ῶ]||ν ἀφικ[ν]ουμένων Ἀθήνηθεν εἰς Βόσπορον [κα]|ὶ καλέσαι αὐτοὺς ἐπὶ ξένια εἰς τὸ πρυτα[νε]|ῖον εἰς αὔριον· περὶ

δὲ τῶν χρημάτων τῶν [ὀφ]||[ει]λ[ο]μένων τοῖς παισὶ τοῖς Λεύκωνος ὅπ[ως]||
55 [ἂ]ν ἀπολάβωσιν, χρηματίσαι τοὺς προέδ[ρους]||[οἳ] ἂν λάχωσι προεδρεύειν ἐν
τῶι δήμωι [τῆι]||[ὀγ]δόηι ἐπὶ δέκα πρῶτον μετὰ τὰ ἱερά, ὅπ[ως ἂ]||[ν]
ἀπολα[β]όντες τὰ χρήματα μὴ ἐγκαλῶσ[ι τῶι]||[δ]ήμωι τῶι Ἀθηναίων· δοῦναι
60 δ[ὲ τὰ]ς ὑπη[ρεσί]||[α]ς, ἃς αἰτοῦσι Σπάρτοκος καὶ Παιρισ[άδης, τ]||[οὺ]ς δὲ
πρ[έ]σβεις ἀπογράψαι τὰ ὀνόμα[τα τῶν]||[ὑπ]ηρ[εσι]ῶν, ὧν ἂν λάβωσιν, τῶι
γραμμα[τεῖ τῆ]||[ς β]ουλῆς· οὓς δ'ἂν ἀπογράψωσιν, εἶνα[ι ἐν τῶι]||τ[ε]ταγμένωι
65 ποιοῦντας ἀγαθὸν, ὅτι [ἂν δύνω]||νται, τοὺς παῖδας τοὺς Λεύκωνος. Π[ολύευκτ]||ος
Τιμοκράτους Κριωεὺς εἶπε· τὰ [μὲν ἄλλα κ]||[α]θάπερ Ἀνδροτίων, στεφανῶσα[ι
δὲ καὶ Ἀπολ]||λώνιον τὸν Λεύκωνος ὑὸν ἐκ τῶ[ν αὐτῶν].

«Спартоку, Перисаду,
Аполлонию, детям Левкона.

При архонте Фемистокле, в восьмое пританство Эгеиды, когда секретарствовал Лисимах, сын Сосидема, ахарнеец, Феофил алимусиец был эпистатом. Андротион, сын Андрона, гаргеттиец предложил: на то, о чем сообщили письмом Спарток и Перисад и о чем заявляют прибывшие от них послы, ответить им, что афинский народ восхваляет Спартока и Перисада за то, что они—хорошие мужи и обещают афинскому народу заботиться о высылке хлеба, как заботился их отец, и ревностно (ему) служить во всем том, в чем народ нуждается, и через их послов сообщить им в ответ, что, делая это, они не получат ни в чем отказа со стороны афинского народа. Так как они дают афинянам те же привилегии, какие дали Сатир и Левкон, пользоваться Спартоку и Перисаду теми же привилегиями, какие народ дал Сатиру и Левкону, и венчать золотым венком по тысяче драхм в великие Панафинеи каждого из них обоих; раздатчикам наград делать венки в каждый первый год великих Панафиней, согласно с постановлением народа, ранее вынесенным для Левкона, и публично возвещать о том, что афинский народ венчает Спартока и Перисада, детей Левкона, за доблесть и благорасположение к афинскому народу. Так как они посвящают венки Афине Полиаде, то раздатчикам наград посвящать те венки в храм, написав на них: «Спарток и Перисад, дети Левкона, посвятили Афине, будучи увенчаны афинским народом». Казначею народа выдавать деньги раздатчикам наград на венки из средств, разделяемых по народным постановлениям, в настоящее же время сборщикам выдать на венки из воинских сумм; написать это постановление секретарю совета на каменной стеле и поставить рядом с сатировой и левконовой, а деньги на надпись казначею народа выдать тридцать драхм; восхвалить послов Сосия и Феодосия за то, что они заботятся о прибывающих из Афин на Боспор, и пригласить их на трапезу в пританей назавтра. Относительно денег, которые должны быть возмещены детям Левкона, то, чтобы они их получили, провести дело тем проэдрам, которым выпадает жребий председательствовать на народном собрании восемнадцатого, в первую очередь после религиозных вопросов, чтобы (эти кредиторы) получили деньги и не упрекали афинский народ. Дать тех матросов, которых просят Спарток и Перисад, а послам записать имена всех матросов, каких они выберут, у секретаря совета. Всем тем, кого они запишут, быть хорошими исполнителями приказаний по отношению к детям Левкона изо всех своих сил. Полиевкт сын Тимократа, криоэец, предложил: «во всем остальном точно, согласно с предложением Андротиона, увенчать Аполлония, сына Левкона, из тех же средств».

Надпись датируется Элафеболионом 347/6 гг., или иначе апрелем 346 г. (по Шеферу). Являясь декретом афинского народа в честь Спартока II (III) и Перисада I, царей Боспора, сыновей Левкона I, эта надпись внесла то исправление в рассказ Диодора Сицилийского, что первоначально Спарток и Перисад царствовали вместе и только после смерти первого Перисад правил один (подробнее см. Понтика, стр. 79—80). Важный момент надписи—посольство от царей Боспора к афинянам с обещанием обычной

высылки хлеба. Посольство прибыло сейчас же по восшествии братьев на престол отца. Если сопоставить это с прежнею историею взаимоотношений Боспора и Афин, то окажется, что такие отношения восходят уже к эпохе Сатира I и Левкона I, о чем упоминает и самая надпись (v. 15—16, см. подробности и античные свидетельства в Понтика, стр. 73—80). По крайней мере, взаимные δωρεαί (перевожу по Жебелеву—привилегии) есть подтверждение прежних привилегий, заключавшихся прежде всего в том, что цари Боспора стремились обеспечить афинянам легкий вывоз хлеба. Результатом было то, что цари Боспора получали ряд привилегий, наград и деньги (v. 53/54) как возмещение за прежний хлеб. Золотые венки на каждых Великих Панафинеях по тысяче драхм—только обычная любезность, закрепляющая старые отношения. Сами боспорские цари в ответ посвящали эти венки Афине. Так, Левкон, по словам Демосфена (354 г. до н. э., против Лептина, § 29—36=SC, стр. 364—366), выказывал благосклонность к афинянам, даровал им право первым нагружать суда, освободил их от пошлин, что равнялось по цене 13 000 медимнов хлеба в год. Основав новый порт в Феодосии, он распространил и на него их привилегии. Афиняне даровали ему за это вместе с сыновьями свободу от пошлин и право гражданства. Страбон сообщает, что он послал им из Феодосии 2 100 000 медимнов хлеба (Strabo, VII, 4,6=SC, стр. 126, Понтика, стр. 78 и 78, прим. 2). Псефисмы в честь Сатира и Левкона упомянуты здесь в строке 47. Позднее Демосфен добился постановки Перисаду, его сыну Сатиру II и тестю Горгиппу в Пирее и на агоре трех медных портретных статуй (Динарх, Против Демосфена, § 43=SC, стр. 372), причем и здесь на сцену выступает все та же пшеница, которой от этих царей Демосфен будто бы ежегодно получал по тысяче медимнов. Во всяком случае Демосфен положительно утверждал, что свобода от пошлин для афинян была сохранена и Перисадом I («Против Формиона», § 36=SC, стр. 367). В конце декрета сделана особая приписка о даровании венка Аполлонию, брату Спартока и Перисада, очевидно, не имевшему серьезного значения, м. б., малолетнему, и потому здесь надо видеть только лишнюю любезность по адресу боспорских царей. Обо всем этом, кроме Понтика, см. примеч. к № 4 и 32.

Академик С. А. Жебелев в своем «Экономическом развитии Боспорского царства», стр. 601 сл., твердо устанавливает, что в δωρεαί нужно видеть взаимную ателию для афинян на Боспоре и для боспорских царей в Афинах, установленную договором. Особым правительственным актом было дано афинянам право первыми грузить хлеб на Боспоре. Получение долговых денег от афинян в этой надписи совпадает со словами Демосфена о том, что у афинян всегда есть деньги Левкона. Наконец, С. А. Жебелев верно указал, что особой любезностью афинян является согласие утвердить любой список высококвалифицированных матросов, причем цари сами могут их выбирать. С. А. Жебелев дает части этого декрета в переводе на стр. 601 и 603.

4. (IG, II², 653; II, 311). Декрет в честь Спартока, сына Евмела, царя Боспора. В афинском Национальном музее, инв. № 1143. В Акрополе. Два фрагмента гиметтского мрамора, несколько поврежденные. Изданы Hicks, Inscr. gr. mus. Brit., XV, Suppl. V. 1889, 688; Syll.³, 370; Michel, 124. Библиографию ср. IG, II²; Жебелев в ИАН, 1934, стр. 668 сл. Русский перевод см. Б. А. Тураев, И. Н. Бороздин и Б. В. Фармаковский, Древний мир на Юге России, стр. 85.

[Ἐπὶ Δ]ιοτίμου ἄρχοντος ἐπὶ τῆς Ἀντι[γονίδος ἑ]||[βδό]μης πρυτανείας, ἧι Λυσίστρατο[ς Ἀριστομά]||[χου] Παιανιεὺς ἐγραμμάτευεν· Γα[μηλιῶνος ἕνει]| [καὶ]
5 νέαι, ἐνάτηι καὶ εἰ[κο]στῆι τῆ[ς πρυτανείας·]|| [ἐκκ]λησία· τῶν προέδρω[ν ἐπε]ψ[ήφιζεν...]| [Αὐτ]οσθένου Ἐυπετ[αιὼν καὶ συμπρόεδροι· ἔδο]||[ξε]ν τῶι δήμωι· Ἀγύρ[ριος Καλλιμέδοντος Κολλυ]|τεὺς εἶπεν· ἐπειδὴ [πρότερόν τε
10 οἱ πρόγονοι οἱ]| Σπαρτόκου χρείας [παρέσχηνται τῶι δήμωι καὶ]|| νῦν Σπάρτοκος πα[ραλαβὼν τὴν εἰς τὸν δῆμον οἰ]|κειότητα κοινῆι [τε τῶι δήμωι χρείας παρέχε]|ται καὶ ἰδίαι· Ἀθη[ναίων τοῖς ἀφικνουμένοις]|πρὸς αὐτόν· ἀνθ' [ὧν καὶ ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναίων αὐτοὺς]|| πολίτας ἐποιή[σατο καὶ ἐτίμησ]εν
15 [εἰκόσιν χαλ]||καῖς ἔν τε τῆι [ἀγορᾶι καὶ] ἐν τῶι ἐμπορίωι [καὶ]|| ἄλλαις δωρεα[ῖς, αἷς προσή]κει τιμᾶσθαι τοὺ[ς]|| ἀγαθούς ἄνδρ[ας, καὶ διέθε]το, ἐάν τις βαδίζε[ι]|| ἐπί τὴν ἀρχὴν τ[ὴν τῶν προγόνω]ν αὐτοῦ ἢ τὴν Σπα[ρ]|τόκου,
20 βοηθε[ῖν παντὶ σθένε]ι κ[α]ὶ κατὰ γῆν καὶ|| κατὰ θάλατ[ταν· ἔτι δὲ Σπάρτ]οκος ἀφικομένης| πρεσβείας [παρ' Ἀθηναίων ἀκ]ούσας, ὅτι ὁ δῆμος| κεκόμιστ[αι τὸ ἄστυ, συνήσ]θη τοῖς εὐτυχήμασ[ι]|| τοῦ δή[μ]ο[υ καὶ δέδωκεν σίτ]ου δωρεὰν
25 μυρίου[ς]|| καὶ πε[ντακισχιλίους με]δίμνους, ἐπαγγέλλε[τ]||[αι δὲ καὶ εἰς τὸ λοιπὸν χρ]είαν παρέξεσθαι τῶ[ι]|| [δήμωι τῶι Ἀθηναίων καθό]τι ἂν δύνηται, καὶ ταῦ[τα πράττει προαιρούμεν]ος διαφυλάττειν τήν| [εὔνοιαν τὴν εἰς τὸν δῆμ]ον τὴν παραδεδομένην| [αὐτῶι παρὰ τῶν προγόνω]ν· ὅπως ἂν οὖν φαίνηται||

[καὶ ὁ δῆμος φιλοτιμού]μενος πρὸς τοὺς εὔνους[διὰ τοῦ ἔμπροσθεν χρ]όνου διαμερενηκότας αὐ[τῶι, τύχηι ἀγαθῆι δε]δόχθαι τῶι δήμωι ἐπ[αινέ]σαι μὲν τὸν βασιλέ]α Σπάρτοκον Εὐμήλου [Βοσπ]ορίον καὶ στεφανῶσ]αι χρυσῶι στεφάνωι [κατὰ]|| [τὸν νόμον ἀρετῆς] ἕνεκα καὶ εὐνοίας ἣν ἔχω[ν δ]ιατελεῖ πρὸς τὸν] δῆμον καὶ ἀνειπεῖν τὸν στέ[φα]νον Διονυσίων] τῶν μεγάλων τραγωιδοῖς ἐν τῶι [ἀγῶνι· τῆς δὲ π]οιήσεως τοῦ στεφάνου καὶ τῆς ἀ[ναγορεύ]σεω]ς ἐπιμεληθῆναι τοὺς ἐπὶ τῆι διο[ι]|[κήσει· στῆσαι] δ'αὐτοῦ καὶ εἰκόνα χαλκῆν ἐν τῆ[ι] [ἀγορᾶι παρὰ] τοὺς προγόνους καὶ ἑτέραν ἐ[ν ἀκρ]|[οπόλει· ὅπω]ς ἂν δὲ καὶ εἰδῆι ὁ βασιλεὺς Σπάρτ[ο]|[κος τὰ ἐψηφ]ισμένα τῶι δήμωι, χειροτονῆσαι πρέ|[σβεις τρε]ῖς ἄνδρας ἐξ Ἀθηναίων ἁπάντων, οἵτι[ν]|[ες αἱρεθέ]ντες ἀπαρεῦσιν καὶ τό τε ψήφισμα ἀ|[ποδώσου]σιν καὶ ἀπαγγελοῦσι τὴν εὔνοιαν ἣν| [ἔχει πρὸ]ς αὐτὸν ὁ δῆμος καὶ παρακαλοῦσιν αὐ[τὸν βοηθ]εῖν τῶι δήμωι καθότι ἂν δύνηται· δοῦ|[ναι δὲ ἐφο]δια τῶν πρέσβειων ἑκάστωι τὸ τεται||[γμένον]· ὅπως ἂν δὲ καὶ ὑπόμνημα ᾖι τῆς οἰκειό|[τητος κ]αὶ τῶν δωρειῶν τῶν προστιθεμένων αὐ|[τῶι πρ]ὸς ταῖς ὑπαρχούσαις, τὸν γραμματέα τὸν| [κατὰ π]ρυτανείαν ἀναγράψαι τόδε τὸ ψήφισμα| [ἐν στ]ήληι λιθίνηι καὶ στῆσαι ἐν ἀκροπόλει, τὸ|| [δὲ ἀν]άλωμα τὸ γενόμενον μερίσαι τοὺς ἐπὶ τῆι·| [διο]ικήσει.| ὁ δῆμος.

«При архонте Диотиме в седьмое пританство Антигониды, когда Лисистрат, сын Аристомаха, пеаниец, был секретарем, в последний день Гамелиона, в 29-й день пританства, народное собрание; из проэдров проводил голосование..., сын Автосфена, ксипетеонец и сопредседательствующие. Народ постановил; Агиррий, сын Каллимедонта, коллитеец, предложил. Так как и прежде предки Спартока оказывали услуги народу и теперь Спарток, приняв от них расположение к народу, оказывает услуги народу вообще и в частности прибывающим к нему афинянам, то за это и Афинский народ сделал их гражданами и почтил медными статуями на площади и в порту и другими дарами, какими принято почитать доблестных мужей, и положил, если кто посягает на власть предков его или спартокову, помогать всею силою и на земле и на море. Еще Спарток, услышав от пришедшего от афинян посольства, что народ вернул себе город, порадовался вместе счастию народа и принес дар в 15 000 медимнов хлеба, также обещает и на будущее время оказывать услуги Афинскому народу, насколько будет в силах, и поступает так, наперед решив сохранять благорасположение к народу, переданное ему от предков. Поэтому, чтобы народ также выказал свое рвение по отношению к тем, кто постоянно бывает благорасположенным к нему с прошлого времени, в добрый час да постановит народ восхвалить царя Спартока, сына Евмела, боспорца, и увенчать золотым венком по закону за добродетель и благорасположение, в котором он пребывает к народу, и возгласить о венке при трагедиях Великих Дионисий на состязании. Об изготовлении венка и провозглашении озаботиться заведующим расходами. Поставить ему медную статую на площади около предков и другую в акрополе. А чтобы узнал царь Спарток о народном постановлении, выбрать послами трех мужей из всех афинян, которые после выборов отправятся, передадут это постановление, сообщат о благорасположении, которое имеет к нему народ, и попросят его помогать народу, насколько он в силах. Дать на путевые издержки каждому из послов, что положено. Чтобы было напоминание о дружбе и дарах, присоединяемых к существующим, то секретарю этого пританства написать это постановление на каменной стеле и поставить в акрополе. Произведенные затраты оплатить заведующим расходами. Народ».

Дата документа несомненна. Это—последний день Гамелиона 289/288 г., т. е. февраль 288 г., по новейшему расчету Syll.³, 370 и IG, II², 653, тогда как Латышев считал, по Узенеру, Шукареву и Syll.², датой надписи 287/6 или 286/5 г. Во всяком случае это почти конец царствования Спартока III(IV), умершего в 284 г. В декрете заметно неко-

торое заискивание ослабевших Афин этого времени перед боспорским царем. Народ только что освободился от опасности македонского владычества (F e r g u s o n, «Klio», V, 1905, 164, 177 сл. и др.), и посольство на сей раз было отправлено самими афинянами. Конец надписи повествует, что новые дары—золотой венок и медная статуя в акрополе—были прибавлены афинянами к каким-то прежде данным привилегиям. Сгущенные краски этой псефисмы продиктованы, конечно, бедственным положением Афин. Они на сей раз сами отправили на Боспор посольство, чтобы сообщить царю о своей удаче. Получив известие о щедрости и благорасположении стареющего царя, они осыпают его всей массой тех внешних почестей, какие они могут еще дать, и вновь посылают благодарственное посольство. Припомним, что после смерти Перисада I с 309 по 303 г. на Боспоре шло жестокое междоусобие между Сатиром II, Пританом и Евмелом. Последний из братьев, после захвата власти, как видно из повествования Диодора (XX, 25=SC, стр. 477—478), обращал особенное внимание на укрепление отношений с городами всего Евксинского Понта и на очищение моря от пиратства эниохов, тавров и ахеян. Возможно, что со времени смерти Перисада I, сначала в эпоху боспорских междоусобий, затем при Евмеле, сношения Афин с Боспором несколько ослабели. Самые Афины в это время подверглись различным затруднениям. В 289/8 гг. афиняне сумели освободиться от Димитрия Полиоркета (ср. B e l o c h, Gr. Gesch. III, 1, 239 и III, 2, 65 и 519). Афиняне должны были сами искать путей к укреплению своего могущества и к пополнению своих экономических ресурсов. Рассматриваемая надпись ясно говорит о двукратном посольстве самих афинян к Спартоку. М. б., ранее оказанные ему почести вызваны были также посольством самих афинян, тогда как три четверти столетия тому назад вновь вступившие на престол цари сами поспешили с посольством в Афины, а Перисад I подкупал влиятельных лиц вроде Демосфена крупными дарами своего главного богатства, хлеба (см. прим. к № 3). Дальнейший этап истории взаимоотношений Боспора и средиземноморского эллинистического мира развертывается в новых областях: Перисад II посылает посольство в Египет и на Делос, спешит завязать новые отношения, так как его хлебному могуществу явно грозит конкурент—Египет (см. прим. к надписи № 28).

5. (IG, II², 903). О т о р г о в л е х л е б о м и м а с л о м м е ж д у П о н т о м и А ф и н а м и. Плита гиметтского мрамора. Найдена у храма Победы; теперь в Музее Акрополя. Издана Premerstein, AM, XXXVI, 1911, 73 (с фотографией); Michel, 1497; ср. Roussel, Rev. ét. an. XIV, 1912, стр. 39. Русский перевод см. АСПИ № 408.

Θεο[ί] . |
[Καλ]λίμαχος Καλλιμάχου Παιανεὺς εἶπεν· ἐπειδ[ὴ . . . γινόμενος]|
πρὸς τεῖ κατὰ θάλατταν ἐργασίαι καὶ βουλόμεν[ος καθότι ἂν δύνηται]|
[συναύξ]ειν τὰς τοῦ δήμου προσόδους ἐμ μὲν τῶι ἐπ[ὶ . . . ἄρχοντος ἐ]|-
5 [νια]υτῶι κατέπλευσεν εἰς τὸν Πειραιᾶ σῖτόν τε ἀπ[έδοτο τεῖ πόλει οὗ]|-
[ωνον], ἐν δὲ τῶι ἐπὶ Ἱππάκου ἐνιαυτῶι συνηγορακὼς ἐν τ[εῖ ὑπερορίαι ἐ]|-
[λαίου] μετρητὰς χιλίους καὶ πεντακοσίους, ὥστε ποιή[σας τὴν τούτων ἐξ]|-
[αγωγ]ὴν εἰς τὸν Πόντον κἀκεῖθεν ἀντιφορτισάμε[ν]ος [σῖτον κατακομίσαι]|
[εἰς τὸν] Πειραιᾶ, παρεπιδημῶν ἐν ταῖς πόλεσι καὶ ὁρῶ[ν τὴν ὑπάρχουσαν]|
10 [σπάνιν] τοῦ ἐλαίου διὰ τὴν γεγονεῖαν ἀφορίαν ἐν τεῖ χ[ώραι, βουλόμενος δ'ἐκ]|
[παντὸς τ]ρόπου ἐφ' ὅσον ἐστὶν δυνατὸς ἀποδείκνυσθα[ι τὴν πρὸς τὸν δῆμον]|
[εὔνοιαν, σπ]εύσας εἰσήγαγεν τὸ συνηγορασμένον ἔλ[αιον εἰς τὸ σιτωνικὸν]|
[ἐμπόριον, κα]ὶ μετὰ τὸ ἀπενηχθῆναι αὐτὸ ἐκ τοῦ ἐμπο[ρίου τῶν σιτω]|-
[νῶν? ἐγκειμέν]ων αὐτῶι καὶ ἀξιούντων παραχωρ[ῆσαι τοῦ ἐλαίου καὶ προσφε]|-
15 [ρόντων μείζω] τιμ[ὴ]ν τῆς γεγονείας ὑπ' αὐτ[οῦ . . . . .]|
[. . . οὐκ ἐτ]όλμησεν αὐτοῖς ἀπο[δίδοσθαι . . . . .]|
. . . . . δὲ . . . . . |

«Боги

Каллимах, сын Каллимаха, пеанеец, предложил: так как ..., занимаясь морской торговлей и желая, сколько возможно, увеличить доходы народа в год архонта... приплыл в Пирей и продал городу хлеб по дешевой цене, а в год при Гиппаке, скупив за границею 1 500 метретов оливкового масла, так, чтобы, совершив их вывоз в Понт и нагрузившись оттуда хлебом, ввезти его в Пирей, проживая временно по этим городам и видя испытываемую нужду в оливковом масле вследствие случившегося в стране неурожая, желая всеми мерами, какими может, показать свое благорасполо-

жение к народу, он спешно ввез скупленное масло в хлебный порт, и когда после отправки его из порта хлеботорговцы настаивали перед ним и требовали уступить масло и предлагали бо́льшую цену, чем поставленная им.... он не позволил себе продать им масло...»

Повидимому, эта надпись относится ко времени вскоре после 176/5 гг. до н. э., когда архонтом в Афинах был Гиппак. Она представляет собою часть псефисмы в честь какого-то купца. Этот купец—тип такого дельца, какие сносились между Аттикой и Понтом Евксинским, вывозя из Аттики оливковое масло и ввозя обратно в Аттику хлеб. На сей раз его операция была приостановлена неурожаем маслин в самой Элладе. Одно обстоятельство вполне отвечает тому, чтобы видеть в этом лице торговца именно с северным Причерноморьем: это обмен хлеба на масло, так как южное побережье в этом продукте не было заинтересовано, тогда как города Юга СССР поглощали его в довольно большом количестве. Важность этой надписи заключается еще в том, что она дополняет наши сведения о хлебной торговле с Понтом в эпоху эллинизма, когда торговля эта колебалась и уже не имела такого значения, как в V—III вв. до н. э. (Ср. Polyb., IV, 38=SC, стр. 441 и примечания к нашим № 3, 4 и 28). При этом видно, что чествуемое лицо не было единственным в своем роде: в конце надписи упоминается ряд хлебных спекулянтов, пытавшихся перебить у города масло, м. б., желая совершить с ними экспортную операцию в Понт.

В русском переводе АСПИ № 408 дополнение «во время своего пребывания в (припонтийских) городах», м. б., неверно. По контексту надписи можно предположить, что имеются в виду города, где этим купцом производилась закупка масла. Это явствует и из слов ταῖς πόλεσι, как объяснения к вышеуказанной скупке им масла вне Аттики, и из выражения παρεπιδημῶν καὶ ὁρῶν: он, находясь в понтийских городах, не мог бы видеть нужды в масле как в Греции в целом (ἐν ταῖς πόλεσι), так и в самой Аттике (ἐν τεῖ χώραι).

6. (IG, II², 1008; IG, II¹, 469). Эфеб из Керкинитиды в Аттике. В Национальном музее в Афинах. Плита пентеликийского мрамора в 39 кусках. Издал 34 из них Куманудис в Φιλοστεφαν., I, 90 сл. Остальные 5 фрагментов найдены после (см. Pfuhl, De Athen. pompis, 991).

Псефисма содержит похвалу эфэбам и их учителям. Со строки 75-й идет закон саламинцев в честь тех же эфэбов. Первый закон при архонте Ленее 118/117 г., саламинский издан раньше при архонте Гиппархе в 119/118 г. В перечислении имен эфебов мы находим:

v. 111 Ξ
v. 114 [Ἀπολλόδ]ωρος Ἀπο[λ]λωνίδου Κερκινίτης
Иностранцы:
. . . . . .
«Аполлодор, сын Аполлония, керкинит»

Как показывает надпись в честь Диофанта (IPE, I², 252), около этого времени Керкинитида входила в состав земель Херсонеса Таврического. Орфография его названия здесь через ε, что характерно для местного херсонесского произношения (см. IPE, I², 352, 20 и 401, 8, 20 и монеты Керкинитиды в статье А. В. Орешникова «Материалы по древней нумизматике черноморского побережья», стр. 3—4 и табл. 1). Геродот (IV, 54=SC, стр. 24), Страбон (VII, 18=SC, стр. 121), Стефан Византийский под словом Καρκινῖτις (SC, стр. 261) дают форму через -α-. Последнее свидетельство важно приведением этникон «Καρκινῖται», совпадающим по форме, кроме орфографии корня, с данным в нашей надписи. Оба имени (первое восстанавливается предположительно мною) чрезвычайно свойственны херсонесцам (ср. IPE, I², индекс IV, стр. 557) и могли быть распространены и в Керкинитиде.

2. ЭЛИДА. ОЛИМПИЯ

7. (Olympia, 447). Декрет в честь начальника Боспорской когорты. На мраморном базисе. Инв. 669. Найден 29/V 1879 г. между Гереем и Метрооном. Изд. Dittenberger, «Archäologische Zeitung», XXXVII (1879), стр. 136, № 269.

Ἡ πόλις |ἡ Μεσσηνίων Τιβ(έριον) Κλαύ|διον Κρισπιανόν, νέον |Ἐπαμινώνδαν,
5 ἀρχιερέα|| διὰ βίου τῶν Σεβαστῶν, στρατευ|σάμενον ἔπαρχον σπείρης πρ|ώτης
Βωσποριανῆς καὶ χειλί|αρχον λεγιῶνος δωδεκάτης | κηραυνοφόρου, ἄριστα
10 πολει||τευόμενον.

«Город мессенцев (воздвигает) Тиберия Клавдия Криспиана, нового Эпаминонда, пожизненного верховного жреца августов, воевавшего в качестве начальника первой Боспорской когорты и трибуна двенадцатого Молниеносного легиона, наилучшим образом несущего обязанности гражданина».

По объяснению издателей, чествующие Т. Клавдия Криспиана его соотечественники называют его новым Эпаминондом, почитая его как нового основателя, что обычно для императорской эпохи. Время надписи—II в. н. э., при Адриане. В Olympia 449, 450, 486, 487 это же самое лицо почтено статуями от κοινὸν τῶν Ἀχαιῶν; эти надписи все послеадриановские. Боспорские когорты упоминаются Аррианом в «Ἔκταξις κατ' Ἀλανῶν, 3,18=SC, стр. 520, на том же театре войны, что и XII легион. Эпитет XII легиона Fulminata переводится также κεραυνοφόρος у Диона Кассия, LV, 235. Таким образом, упоминаемый здесь Тиберий Клавдий Криспиан в 136 г. н. э., ἐστρατεύσατο в качестве начальника Боспорской когорты под командой Арриана, бывшего императорским легатом в Каппадокии, но не против вторгшихся туда аланов, так как по диспозиции ее начальником в это время был некий Лампрокл. См. также надпись из Эфеса, № 34.

3. СРЕДНЯЯ ГРЕЦИЯ

ОРОП

8. (SEG, I, 1, 106). Проксения оропцев херсонаситу, на одной стороне плиты справа от надписи SEG, I, № 103.

[. . . εἶπεν· δεδόχθαι τῶι δήμωι . . . Χερσονασίτη]ν ἐκ τοῦ Πόντου πρόξενο[ν] εἶναι τῆς πόλεως Ὠρωπίων καὶ αὐτὸν καὶ ἐκγόνους καὶ εἶναι αὐτοῖς γῆς] καὶ οἰκίας ἔγκτησιν καὶ| [ἰσοτέλειαν καὶ ἀσυλίαν καὶ ἀσφάλειαν καὶ πολέμου καὶ εἰρήνης καὶ κατὰ γῆν κ]αὶ κατὰ θάλατταν καὶ τὰ | [ἄλλα πάντα καθάπερ τοῖς ἄλλοις προξένοις· ἐπεψήφιζεν Ἑρμόδωρος Ὀλ]υμπίχου.

«...предложил. Да решит народ: да будет... херсонасит с Понта проксеном города оропцев и сам и его потомки; и да будет у них (право) приобрести землю и дом, равенство в налогах, неприкосновенность и безопасность во время войны и мира и на суше и на море и все прочее, как и у остальных проксенов. Голосование вел Гермодор, сын Олимпиха».

Надпись, вероятно, начала II в. до н. э. Восстановление издателем этникон херсонасита с Понта основывается на обычном наименовании этого народа в ряде надписей (например, № 13, 14 и др.). Эта надпись, может быть, является документом, обязанным своим существованием близости Оропа к оракулу Амфиарая. Этот документ устанавливает почитание Амфиарая на северном Причерноморье, в частности в Херсонесе Таврическом.

9. (IG, VII, 245). Проксения в честь Ксенона херсонесита. На плите вместе с несколькими надписями.

Ἄρχοντος ἐν τῷ κοινῷ Πρωτομάχου, ἱερέως δὲ τοῦ Ἀμφιαράου Ἀριστίππου, Ἀντίπατρος | Ἀρχιλόχου εἶπεν· ἐπειδὴ Ξένων εὔνους ὢν διατελεῖ τῇ πόλει καὶ τοῖς δεομένοις ἀεὶ | τῶν πολιτῶν παρέχεται χρείας ἐν παντὶ καιρῷ, δεδόχθαι τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ, Ξένωνα | Πασιξένου Χερσονησίτην πρόξενον εἶναι
5 τῆς πόλεως Ὠρωπίων καὶ αὐτὸν καὶ ἐκγόνους,||καὶ εἶναι αὐτῷ γῆς καὶ οἰκίας ἔγκτησιν καὶ ἰσοτέλειαν καὶ ἀσυλίαν καὶ ἀσφάλειαν καὶ κα|τὰ γῆν καὶ κατὰ θάλατταν, καὶ πολέμου καὶ εἰρήνης οὔσης, καὶ τὰ ἄλλα πάντα ὑπάρχειν|αὐτῷ καθάπερ τοῖς ἄλλοις προξένοις τῆς πόλεως γέγραπται.

«При архонте в общине Протомахе, при жреце Амфиарая Аристиппе, Антипатр, сын Архилоха, предложил: так как Ксенон пребывает благосклонным к городу и доставляет от себя пользу нуждающимся из граждан во всякое время, да решит совет и народ: да будет Ксенон, сын Пасиксена, херсонесит, проксеном города оропцев и сам и (его) потомки, и да будет у него право приобрести землю и дом, равенство в налогах,

неприкосновенность и безопасность и на суше и на море во время войны и мира и да будет у него все остальное совершенно так же, как написано по отношению к остальным проксенам города».

Надпись, по сочетанию с другими начертаниями на том же камне, особенно с № 244, заключающим в себе посвящение статуи Публия Сервилия Исаврика, имевшего триумф и получившего свое прозвище в 75 г. до н. э., вырезана между этим годом и 44 г. до н. э. (время смерти Сервилия Исаврика). Этот херсонесит, вероятнее всего, из Херсонеса Таврического; сопоставление с № 8, где упоминается Херсонес с Понта, позволяет считать Ксенона скорее всего происходящим оттуда же и в то же время подтверждает—уже более определенно—сношения нашего Юга с оракулом Амфиарая.

ДЕЛЬФЫ

Храмовые и законодательные тексты

10. (Syll.³, 239—240). Перечень денежных пожертвований от всех греков в Дельфийский храм с 370/369 по 308 г. На мраморной стеле столбцами. Изд. Bourguet, BCH, XXVII (1903), стр. 5—40 и Никитским в ЖМНП, XXXIX (1912, июнь), стр. 268 сл.

239, столбец 17, весна 360 г.

v. 10 . . . αἶος Βίωνος| [Χερσο]νασίτας| [ὀβελοῦ]ς δύο.||
«. . . эй, сын Биона, (херсо)насит,—два (обол)а».

Конъектуры издателя об этникон и слове обол представляются вполне очевидными. Имя Бион в Херсонесе встречается не раз в IV/III вв. (IPE, I², 410, где упоминаются эти имена в аристократической семье архонта-царя и жреца Девы). Малый размер взноса не позволяет видеть в жертвователе богатого человека, м. б., здесь—матрос какого-нибудь торгового херсонесского корабля.

11. (Syll.³, 424). Боспорит из дельфийского каталога агонастов на празднике Сотэриях. Отрывок находится на полигональной стене, надпись в 5 колонн. Издана IKP, 1894, стр. 503; W. F. № 3—6; Baunack в SGDI, 2563 v. 41; Syll.², 691; Michel, 895; Haussoullier, BCH, V, стр. 310 сл.; Jahn, «Woch. kl. Philol.», 886, стр. 332; Pomtow, JKP, 1894, 501 и 1897, 819. Ср. С. А. Жебелев, Пэан Исилла. Доклады Академии наук 1929 г., стр. 193 сл.

Ἐπὶ Ἀρισταγόρα ἄρχοντος, ἱερέως δὲ | Φιλωνίδου τοῦ Ἀριστομάχου Ζακυν|θίου, (—) ἱερομνημονούντων Αἰτωλῶν | Πολύφρονος, Τελέστα, Ἀλεξάνδρου,||
Εὐκταίου, Μιμνέα, Εὐνίκου, Λύκου,| Πολεμάρχου, Πολεμαίου,—Δελφῶν|Ἀρχιάδα, Μαντία,—Ἰστιαιέων | Φύτωνος — οἵδε ἠγωνίσαντο τὸν ἀγῶνα τῶν Σωτηρίων·|
. . . . . .
διδάσκαλ[ο]ς· [Ἴ]σύλος Χρυσολάου Βοσπορίτης.

«При архонте Аристагоре, при жреце Филониде, сыне Аристомаха, закинфце, при бывших гиеромнемонами из этолийцев Полифроне, Телесте, Александре, Евктее, Мимнее, Евнике, Лике, Полемархе (и) Полемее, из дельфийцев — при Архиаде (и) Мантии,—из гистиейцев Фитоне—следующие приняли участие в состязании Сотерий: . . . учитель Исил, сын Хрисолая, боспорит».

Этот и следующие в Syll.³ и SGDI списки перечисляют участников ежегодных музыкальных состязаний, установленных этолийцами в 277/6 гг.

Надпись относится к 268—266 гг. (по Помтову в Syll.³). Баунак принимает для архонта Аристагора 272 г. (SGDI, стр. 742). Помтов дает в Syll.³ чтение Ἴ[σ]ύλος, тогда как Baunack, проверяя по камню, читал [Ἄ- или Ἴ]σύλος. Авторитет обоих знатоков в чтении дельфийских текстов при таком прочтении на подлиннике позволяет видеть здесь именно Ἴσύλος.

Здесь перед нами боспорит, учитель музыки. Среди участников состязания немало лиц не только с материка и островов, но и из Малой Азии и с Понта (v. v. 40 и 72), синопец (SGDI, 2564, v. 10), тенедосец (2565, v. 34), эфесец (2566, v. 64) и др. Напомню о жившем в Эпидавре авторе пэана (№ 57) Исилле, сообщающем о себе, что он юношей пришел с Боспора в Эпидавр. Вокруг его имени возник спор. С легкой руки Виламовица зашла речь о происхождении эпидаврского Исилла из какой-то воображаемой деревни с этим названием близ Эпидавра. Неосновательность этого мнения рассмотрена мною в при-

мечании к № 57. Важно отметить наличие на Боспоре музыкального воспитания и участия боспоритов на таких состязаниях в собственной Греции. Так, в 1911 г. были найдены на территории Боспорского царства две панафинейские амфоры с изображениями флейтиста на одной и кифариста на другой (см. Н. Радлов в ИАК, 45, стр. 76 сл., табл. V и VI); амфоры, конечно, получены за победы в музыкальных состязаниях вне Боспора. Напомню сотни местных боспорских терракот с изображением музыкантов и т. д. Если одна из указанных амфор относится к VI в. до н. э., а многие из статуэток к римскому времени, то, очевидно, музыка процветала в Боспорском царстве с начала и, м. б., до самого конца его существования. Судя по имени, Исил этой надписи мог быть родственником Исилла эпидаврийца.

12. Декрет в честь феоров припонтийских и других городов. Flacelière, Notes de chronologie delphique, в BCH (1928), 52, стр. 189—190. Надпись на восточной стороне полигональной стены. Упомянут M. Bourguet в «Rev. archéol.», 1914, I, 424.

Δελφοὶ ἔδωκαν Σοφοκλεῖ Ἀριστοβούλου Φωκεῖ ἐν Κασανδρείαι οἰκοῦντι, Φίλ[ω]νι . . . Πελλαίωι,| Ἀλεξάνδρωι Α . . . ου Ἐδεσσαίωι, Ἀντιγόνωι Ἀσάνδρου Ἰχναίωι, Πολιτάρχωι . . . Μελιβοιεῖ,| [Μα]τρικέτηι Παντέα Περινθίωι, Μελεσικράτει, Ἀριστομένει ἐν Ἡραίωι τείχει, Διοδώρωι Μίθρεος Κυζικηνῶι,| Ἱέρωνι Ἀπολλοδώρου Καλλατιανῶι, Σωκρίτωι Κράθωνος Χερσονασίτηι, Διονυσίωι Διονυσίου Βορυσθενίτηι,|| Νικίαι Ἡρακλείδου Βυσπορίτηι, Γλαύκωνι Σίμου Κυθνίωι, Ἱεροκλεῖ, Ἀρτεμιδώρωι Βαργυλιήταις, Μάχονι| Σαμοθρᾴκι, αὐτοῖς καὶ ἐκγόνοις, προξενίαν, προμαντείαν, προδικίαν, προεδρίαν, ἀσυλίαν, θεαροδοκίαν,| ἀτέλειαν πάντων καὶ τἆλλα ὅσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις καὶ εὐεργέταις· ἄρχοντος Χαριξένου,| βουλευόντων Χάρητος, Τιμοκράτεος, Καλλιφάνεος.

«Дельфийцы даровали Софоклу, сыну Аристобула, фокейцу, живущему в Касандрейе, Филону... пелиейцу, Александру, сыну А ... а, едессцу, Антигону, сыну Асандра, ихнейцу, Политарху... мелибейцу, Матрикету, сыну Пантея, перинтийцу, Мелесикриту, Аристомену в Герином укреплении, Диодору, сыну Митрея, кизикенцу, Гиерону, сыну Аполлодора, каллатийцу, Сократу, сыну Кратона, херсонаситу, Дионисию, сыну Дионисия, борисфениту, Никию, сыну Гераклида, буспориту, Главкону, сыну Сима, китнейцу, Гиероклу и Артемидору баргилиетам, Махону, самофракийцу, самим и потомкам, проксению, промантейю, продикию, проедрию, неприкосновенность, право принимать феоров, свободу от всяких налогов и все остальное, что остальным проксенам и благодетелям; при архонте Хариксене, при членах совета Харете, Тимократе и Каллифане».

Фласельер отмечает в надписи нижеследующее: из 15 этнических наименований, перечисленных в надписи, первые двенадцать составляют неточно последовательный в деталях, но вполне связный итинерарий. Его ход—Кассандрейя в Халкидоне, оттуда по Македонии Пелла и Эдесса, по Фессалии Ихны и Мелибэя, по фракийскому берегу Перинт, Герино укрепление, на Понте—Каллатия, Херсонес Таврический, Борисфен—Ольвия, Боспор—Пантикапей. Автор склонен предположить здесь, что один или несколько дельфийских феоров представили к обычным привилегиям и сверх того к праву принимать феоров лиц, оказавших им гостеприимство. Остальные проксены из Китна, Баргилии и Самофракии были, м. б., случайно одновременно включены в декрет, или те же феоры посетили их на обратном пути. Мне кажется вероятным, что это—лишь отголосок одновременной рассылки феоров в разные места, кроме первых двенадцати, действительно лежащих на одном пути, и как раз на береговом пути из Греции на Боспор. Последовательность от Кизика до Боспора есть, действительно, почти точный путь кораблей. Упоминаемый в надписи Главкон, сын Симия, китнеец, был феором около 280 г.; отсюда Хариксен III должен быть помещен между 283 и 280 гг., куда относится и рассматриваемая надпись.

Упоминание здесь в половине III в. ольвийца, херсонесца и пантикапейца неудивительно. Также и Делос был с ними связан: Перисад II посвятил чашу в делосском храме около 254/3 г. до н. э.(№ 28), пантикапеец Койран получил оттуда же проксению в половине III в. (№ 2). Херсонесцы посвятили на Делосе три фиалы в 276 г. до н. э. (№ 25), какой-то херсонесец был увенчан венком (№ 22); два ольвийца получили проксению лет пятьдесят спустя (№23—24). В самых Дельфах около 192 г. херсонесцы полу-

чили промантейю и принимали перед этим феоров. В перечне проксенов Дельф (№ 14) упоминается еще под 195/4 годом херсонесец Гимн, сын Скифа, и под тем же годом—Апатурий, сын Никона, пантикапеец. Связи с Пантикапеем, таким образом, продолжаются и позднее, что подтверждается еще проксениею Перисада и царицы Комосарии в Дельфах в 155/4 гг. (№ 15). Новость—житель Борисфена-Ольвии. Но если до сих пор таковых в Дельфах еще не было, то это, конечно, чистая случайность от неполноты имеющихся в нашем распоряжении данных. Связь с культами обоих Аполлонов, живая человеческая связь, поддерживалась городами северного Черноморья в III и II вв. усиленно.

Имя и отчество херсонесца в монументальных надписях Херсонеса пока отсутствуют. Σώκριτος, однако, встречается—без отчества и с отчеством τοῦ Ἀρτεμιδώρου—в надписях астиномов Херсонеса на ручках амфор. Сократ без отчества м. б. одно лицо с этим проксеном. Имя Дионисия в Ольвии обычно (см. index nominum, IPE, I²). Наименование Ольвии Борисфеном известно в ольвийском декрете IV в. (IPE, I², 24), а этникон Βορυσθενίτης употреблялось в собственной Греции, как можно судить по прозвищу философа Биона Борисфенита (Диоген Лаэртский, IV, 71). Имена Νικίας и Ἡρακλείδης вне связи одно с другими нередки на Боспоре и в эллинистическую и в римскую эпохи (indices nominum, IPE, II и IV). Этникон Βοσπορίτης здесь, несомненно, относится к жителю Боспора Киммерийского. Это вполне может поколебать соображения о небоспорском происхождении автора пэана в Эпидавре (№ 57) и об Исиле, сыне Хрисолая, боспорите в Дельфах (№ 11).

13. (Syll.³, 604). Дарование дельфийцами прамантии жителям Херсонеса Таврического и проксении их послам. Изд.: Haussoullier, BCH, VI (1882), стр. 214, № 49; (Syll.², 281); Michel, 261; Baunack, SGDI, 2052. См. Wilhelm, GGA, 1903, 794; Sokolow, «Klio», V, 220; Bösch, Θεωρός, 53; Pomtow, «Berl. philol. Wochenschr.», 1910, 1082, 13. Ср. Тюменев, ВДИ, 1938 г., № 2(3), стр. 275 (там же новейшая литература вопроса).

θεοί.| ἄρχοντος Κλεοδάμου, βουλευόντων Ἀμύντα, Θεοφράστου, Πραξία, ἔδοξε τᾶι πόλει τῶν| Δελφῶν· ἐπειδὴ ἐπανελθόντες θεωροὶ οἱ ἀποσταλέντες ἐπὶ τὰν ἐπαγγελίαν τῶν Πυ|θίων Ἀμύντας καὶ Χαρίξενος ψάφισμά τε ἀνήνεγκαν παρὰ
5 Χερσονασιτᾶν τῶν ἐκ τοῦ || Πόντου, καθὼς ἦν λελυτρωμένοι ὑπ' αὐτῶν καὶ πεπολυωρημένοι ἐν πάντοις, κα[ὶ αὐ]|τοὶ διελέγεν ἀκολούθως τοῖς γεγραμμένοις ἀπολογιζόμενοι ἂν ἔχοιεν αἵρε[σιν]|| ποτὶ τὰμ πόλιν τῶν Δελφῶν καὶ κοινᾶι καὶ καθ' ἰδίαν πάντοις, καὶ νῦν ἀποστείλα[ντες]|| Φορμίωνα καὶ Ἡρακλείδαν θυσίαν συνετέλεσαν τῶι θεῶι ἑκατόμβαν βούπρω[ιρον, καὶ]|| δωδεκαίδα βούπρωιρον
10 τᾶι Ἀθάναι, καὶ τὰ κρέα τᾶμ βοῶν διένειμαν τοῖς πολ[ίταις],|| ἐποιήσαντο δὲ καὶ αὐτοὶ τὰν ἐπιδαμίαν καταξίως καὶ αὐτῶν καὶ τῶν ἀποστειλάν|των αὐτούς,— δεδόχθαι τᾶι πόλει τῶν Δελφῶν, ἐπαινέσαι τε τᾶι πόλει τῶγ Χερσο|νασιτᾶν τῶν ἐκ τοῦ Πόντου καὶ τοῖς ἀποσταλέντοις ὑπ' αὐτῶν ἐπί τε τᾶι αἱρέσει| αἰ ἔχοντι καὶ εὐνοίαι ποτί τε τὸν θεὸν καὶ τὰμ πόλιν τῶν Δελφῶν· δεδόσθαι δὲ καὶ τᾶι|[πόλ]ει τῶν Χερσονασιτᾶν προμαντείαν, καὶ τοῖς ἀποσταλέντοις Φορ-
15 μίωνι καὶ Ἡρα||[κλε]ίδαι προξενίαν. ἀναγράψαι δὲ τὸ ψάφισμα τοὺς ἄρχοντας τοὺς ἐνάρχους ἐν τῶι| [ἰ]ερῶι τοῦ Ἀπόλλωνος· ἀποστεῖλαι δὲ καὶ ξένια τοῖς παραγεγονότοις Φορμίωνι| καὶ Ἡρα[κλε]ίδαι τοὺς ταμίας Χαρίξενον, Διόδωρον.

«Боги. При архонте Клеодаме, при членах совета Аминте, Теофрасте (и) Праксии постановлено было городом дельфийцев: так как возвратившиеся феоры, посланные для извещения о Пифийских (играх), Аминт и Хариксен, привезли псефисму от херсонаситов с Понта, согласно чему они были освобождены последними от расходов и окружены во всем тщательными заботами, и сами рассказали, согласно написанному, отдавая отчет в том, какое расположение те имеют к городу дельфийцев во всем и в общественных и в частных делах, и (так как) теперь, приславши Формиона и Гераклида, (херсонаситы) совершили богу жертвоприношение в сто голов, где первою жертвою был бык, и в двенадцать голов с первым быком Афине, а мясо коров разделили гражданам, и сами (послы) провели свое пребывание (здесь) вполне сообразно со своим достоинством (и с достоинством тех), кто их послал,—да будет решено народом дельфийцев воздать хвалу городу херсонесцев с Понта и их посланцам за их расположение

и благомыслие к богу и городу дельфийцев, дать городу херсонесцев промантию и послам Формиону и Гераклиду проксению, архонтам, находящимся у власти, написать это постановление в храме Аполлона, (а) казначеям Хариксену и Диодору отпустить пребывающим (здесь) Формиону и Гераклиду дары гостеприимства».

Некоторые издатели толковали слово λελυτρωμένοι как освобождение послов херсонесцами от личных расходов. Wilchelm, а вслед за ним Соколов и Беш придали ему обычное значение «выкуплены» из плена у пиратов. В последнее время выступили в защиту мнения издателей Помтов (Syll.³) и Тюменев (указ. соч.). У последнего этот вопрос рассмотрен вновь с привлечением новых данных научной литературы. Страдательная конструкция может, конечно, обозначать здесь выкуп послов херсонесцами из чужих рук. Развитие пиратства в эту эпоху на Черном море хорошо известно. Не может служить против толкования Вильхельма и то, что уже в 193 г. Хариксен был в Дельфах (см. ниже), так как выкуп мог совершиться очень быстро. Посольство дельфийцев ехало, конечно, не в один только Херсонес, и выкуп мог быть совершен херсонесцами лишь при захвате послов пиратами, орудовавшими близко к этому городу— т. е. таврами или сатархеями (см. IPE, I², 1916, № 672). Однако мало вероятно, чтобы декрет выразил столь важное событие одним словом без всяких деталей. Поэтому склоняюсь к первичному толкованию, не отрицая вполне и другой возможности.

Надпись по имени архонтов и членов совета относится к 192 г. до н. э. Пифийские игры происходили в 194 г. Помтов в Syll.³ выступает против мнения Диттенбергера, полагавшего, что игры были почему-то перенесены; он справедливо указывает, что херсонесцы получают в этом декрете почести за две разные заслуги: 1) за щедрый прием послов и 2) за посольство и священнодействия. Я со своей стороны дополню, что пребывание послов с Понта в Греции длилось иногда подолгу, как было, повидимому, с послами Перисада на Делос (см. прим. к надписи с Делоса № 28). Имя Формион встречено в Херсонесе дважды: IPE, I², 397 (в каталоге римской эпохи) и IPE, I², 415, где упоминается Φορμίων Ἥριος, жрец и архонт-царь IV/III вв. до н. э.; имя Гераклид в Херсонесе очень обычно (см. index nominum в IPE, I²); имя его отца в собственно херсонесских надписях неизвестно.

14. (Syll.³, 584, Pomtow). Из каталога дельфийских проксенов. W. F., 18 (Syll.², 268); Michel, 655; Baunack, SGDI, 2581. А. Моммсен, «Philologus», XXIV (1865), 23, определил время архонтов; Bergk, там же, XLII (1883), 28⁸; Pomtow, там же, LVII (1898), 552; Preuner, Ein delph. Weihgesch., 66, «Ath. Mitt.», X (1885), 104; Monceaux, Proxen. graec. Подробности у Никитского в «Исследов. греч. надписей», Юрьев, 1901, стр. 82. Тюменев, ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 275 сл.

1 τοίδε Δελφῶν πρόξενοι· . . .

. . . . . .

ἄρχοντος Διοδώρου, βουλευόντων τὰν δευτέραν | ἐξάμηνον Καλλικράτεος,
15 Ὀρθαίου, Δίωνος . . .
20 Ὕμνος || Σκύθα Χερσονασίτας | ἄρχοντος Διοδώρου, βουλευόντων τὰν πρώταν | ἐξάμηνον Ὀρέστα, Βούλωνος, Μένωνος· Ἀπατούριος | Νίκωνος Παντικαπαιεύς | . . .
55 ἄρχοντος Κλεοδάμου, βουλευόντων τὰμ || πρώταν ἐξάμηνον Ἀρύντα, Θεοφράστου, | Πραξία· Φορμίων Πυθίωνος, Ἡρακλείδας | Βισθᾶ, Χερσονασῖται ἐκ τοῦ Πόντου . . .

«Следующие проксены Дельф:...

1) при архонте Диодоре, при членах совета второго полугодия Калликрате, Ортее и Дионе ...Гимн, сын Скифа, херсонасит...

... 2) При архонте Диодоре, при членах совета первого полугодия Оресте, Булоне, Меноне—Апатурий, сын Никона, пантикапеец.

... 3) При архонте Клеодаме, при членах совета первого полугодия Аминте, сыне Теофраста, и Праксии—Формион, сын Питиона, Гераклид, сын Биста, херсонаситы с Понта».

Надпись представляет собою сводку проксенов с 197 по 175 г. 1) Первый из проксенов с нашего Юга—Гимн, сын Скифа; В. В. Латышев в примечании к IPE, I², 403 (опись продавцов и покупателей земель в Херсонесе Таврическом) справедливо предполагает, что одноименный херсонесец в IPE, I², 403, v. 9, есть это же самое лицо. Он, судя по этой надписи,—богач, и его превращение в дельфийского проксена—очень вероятно. Судя по тому, что его проксения совпадает с 195/4 г., когда происходили

Пифийские игры, упоминаемые выше в надписи № 13, а упомянутые там же послы Херсонеса Формион и Гераклид прибыли в Дельфы в 192 г., Гимн мог быть архифеором на Пифийских играх 194 г. от херсонесцев или победителем на них. Вероятно, он же был в Херсонесе астиномом (E. Pridik, SPAW, 1928, XXIV, стр. 30, № 135 и Махов в «Тр. Тавр. уч. арх. ком.», вып. 48, стр. 150 сл.). Имя Σκύθας вообще довольно обычно в Херсонесе (см. index nominum в IPE, I²).

2) Под тем же годом упоминается пантикапеец Апатурий, сын Никона. Его пребывание, как и Гимна, в год Пифийских игр позволяет и относительно него предположить участие в пантикапейской феории в Дельфы. Имя Апатурий встречается в Пантикапее и в эллинистическую эпоху (IV/III вв., IPE, IV, № 205 bis и 363) и в римскую (IPE, II, 443 bis). Имя Никон в сомнительном чтении в IPE, II, 29 c.

3) Упоминаемые здесь херсонесцы-проксены были послами в Дельфах в 192 г., когда и получили проксению (см. № 13). Чтение Βιεθᾶ вызвало сомнения (так читают Pomtow и Baunack). Ῥιεθᾶ читали W. F. и Никитский. Гиллер фон Гертринген показал первое чтение имени в Приенах (Priene, I, 140).

15. (Syll.³, 439). Почетное постановление дельфийцев Перисаду Боспорскому и царице Камасарии. Издали и дополнили Homolle, BCH, XXIII (1899), 96. Латышев, Ποντικά, стр. 300.

——[ἔδοξε τᾶι πόλει τῶν Δελφῶν ἐν ἀγορᾶι τελείωι σὺμ ψ]άφοι[ς | ταῖς ἐννόμοις· ἐ]πειδὴ βασι|[λεὺς Παιρι]σάδ[ας] καὶ βασίλι|[σσα Καμασα]ρύα βασιλέως Σπα||[ρτόκου διατ]ελέοντι καὶ αὐτοὶ | [καὶ οἱ πρόγ]ονοι αὐτῶν τὸν τ[ε | θεὸν εὐσεβέ]οντες καὶ τοῖς ἐν|[τυγχανόν]τοις τῶμ πολι[τᾶ|ν φιλανθ]ρώπως χρεί|μεν[οι ||——, δεδόχθ]αι τ[ᾶ]ι πό[λ]ε[ι...]

«(было решено городом дельфийцев на заключительном собрании, при) законном числе голосов. Так как царь Перисад и царица (Камаса)рия дочь царя Спартока, постоянно и сами и их предки благопочитают бога и к встречающимся (с ними) гражданам человеколюбиво относятся... да будет решено городом...»

Помтов осторожно относит эту надпись «с. a. 261 a»; он сам не видал этого камня. Он упоминает в связи с этим декретом дар, принесенный Перисадом II, отцом Спартока IV (V) (№ 28), однако приводит мнение Омолля о том, что письмо надписи относится к началу II в. и что упоминаемые в нашей надписи лица, вероятно, тождественны с дарителями Аполлону Дидимейскому в 160—150 гг. (№ 38). Латышев соглашается с Омоллем (Ποντικά, 298 сл.), усматривая в этих Перисаде и Камасарии Перисада III и его жену. Он же отмечает, что из надписи явствует наличие у отца, а может быть, дяди Перисада III—Спартока—царского титула. Развитие вопроса Латышевым см. IPE, II, стр. XXVII (Ποντικά, стр. 87) и № 19; Rev. Phil., XXII, 129 и 115 и XXIII, 126; и второй этюд «К истории боспорского царства» в Ποντικά, стр. 298 сл.

4. ФРАКИЙСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ЧЕРНОГО МОРЯ

Тексты расположены в порядке своей географической локализации с юга на север. Все приводимые надписи рисуют непрерывную историческую связь между этой частью Фракии и Скифией. Ничтожные сведения, даваемые в этом смысле последнею из приводимых надписей, приобретают особое значение при сопоставлении их с обильными данными в IPE; например, надпись IPE, I², 40 говорит об увенчании Феокла, сына Сатира, ольвиополита за его деятельность как раз на поприще междугородских сношений. См. дополнения, № 2.

16. (IGrR, I, 1502). Надпись из Месембрии. Изд. Kalinka, Antike Denkmäler in Bulgarien, стр. 182, № 227.

Μόσχος Φιλήμον[ος], | Ξενοκλῆς Λαχήτ[α],|
Δαμέας Διονυσί[ου]| στραταγήσαντες [ἐπὶ]| Βυρεβίσταν
πολέμωι ... καὶ γραμματεύσ[αντες?..

«Мосх, сын Филемона, Ксенокл, сын Лахета, Дамей, сын Дионисия, проведшие войну против Биребисты.. и бывшие секретарями...»

Время надписи—вскоре после опустошительного похода Биребисты. См. об этом подробнее примечание к надписи № 18. Месембрия, видимо, была удачливее Дионисополя и особенно Ольвии.

17. (CIG, II, 2056). Надпись из Одесса (совр. Варна) в честь посла к скифскому царю Каниту. Ross, Inscrip. ined., стр. 292 и сл.

Ἔδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ | δήμῳ, Κρατισθένης Ζωίλου | εἶπεν· Ἐπειδὴ Ἑρμεῖος
5 Ἀσκληπιοδώρου | Ἀντιοχεὺς διατρίβων παρὰ βασιλεῖ || Σκυθῶν Κανίτᾳ, εὔνουν
καὶ πρόθυμον | ἑαυτὸν τῷ δήμῳ διατελεῖ [παρεχόμενος], | καὶ ἰδίᾳ τοῖς ἐντυγ-
χάνουσιν αὐτῷ | τῶν πολειτῶν συμπαρίσταται | σπουδῆς οὐθὲν ἐπιλείπων ἐν
10 πᾶσι || τοῖς ἀξιουμένοις· δεδόχθαι τῇ | βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ· δεδόσθαι | αὐτῷ καὶ
ἐκγόνοις προξενίαν, | πολιτείαν, προεδρίαν, ἀτέλειαν | χρημάτων πάντων ὧν
15 ἂν || εἰσάγωσι καὶ ἐξάγωσι ἐπὶ κτήσει | καὶ ἐγγείων ἔγκτησιν, καὶ δίκας | προδί-
κους, καὶ εἴσπλουν καὶ | ἔκπλουν καὶ πολέμου καὶ εἰρήνης | ἀσυλεὶ καὶ ἀσπονδεί.
20 εἶναι δὲ || αὐτοῖς καὶ ἔφοδον ἐπὶ τὴν | βουλὴν καὶ τὸν δῆμον πρώτοις | μετὰ τὰ
ἱερά. τὸν δὲ ἱεροποιὸν | ἀναγράψαι τὸ ψήφισμα τοῦτο | εἰς τελαμῶνα, καὶ θεῖναι
25 εἰς || τὸ ἱερόν.

«Было решено советом и народом. Кратистен, сын Зоила, предложил: поскольку Гермий, сын Асклепиодора, антиохиец, пребывая у царя скифов Канита, остается со своей стороны благосклонным и расположенным к народу и собственными средствами помогает встречающимся с ним гражданам, не оставляя рвения к просящим ни в чем, (то) да будет решено советом и народом дать ему и потомкам проксению, гражданство, проэдрию, беспошлинность на все имущество, которое они будут ввозить или вывозить для обогащения, и право приобретения недвижимости, и суд в первую очередь, приплытие и отплытие и во время войны и во время мира, неприкосновенно и без договора, и да будет для них доступ к совету и народу первыми после священных дел, и да напишет гиеропэй это постановление на узкой плите и да положит в храме».

Время надписи Бек условно определяет во II в. до н. э. Упоминание в надписи царя скифов Канита позволяет считать надпись относящейся к тому царству скифов, монеты которого били Томи и Ольвия и столицей которого впоследствии стал Неаполь в Крыму. Шрифт надписи, по Беку, изобилует лунарными сигмами и омегами и вполне напоминает декрет Протогена. Необходимость защиты интересов жителей греческих городов перед скифским царем говорит о времени их могущества, т. е. до разгрома скифов Диофантом, полководцем Митридата, в 115—106 гг. до н. э. Латышев солидаризируется с Беком («Исследования о городе Ольвии», стр. 134—135), относя эту надпись ко II в. до н. э. и считая Канита одним из предшественников Скилура (монеты Канита см. там же, стр. 123 сл. и Minns, стр. 487). Во всяком случае эта надпись скорее близка к эпохе Протогеновского декрета и важна своим указанием на очень широкий диапазон зависимости греческих городов Причерноморья от царей западной Скифии.

18. (Syll.³, 762). Декрет в честь Акорниона, сына Дионисия, жившего во время Биребисты. Дионисополь (Балчик), теперь в Софии. Изд. Латышев, Понтика, 229 сл.=ЖМНП 1896 г., № 1; Syll.², 342; IGrR, I, 662; Kalinka, Gr. Denkm. in Bulgarien, 95.

——αι παρα———|——τὸν ἀνέλαβε———|———ος Θεοδώρου καὶ Ἐπικα-
5 ———|——λαν τοῖς ἰδίοις δαπανήμασι———||——μάτων συναποδ[ή]μῶν
ἀπή[ρ]ατ[ο...|...——εἰ]ς Ἀργέδαυον πρὸς τὸν πατέρα α[ὐτοῦ]|——· παρα-
γε]νόμενος δὲ καὶ συντυχὼν ἅμα [τὴν | μὲν——]ν τὴν ἀπ' αὐτοῦ κατεκτή-
10 σατο, [τῆς δὲ—|— ἀπέλ]υσεν τὸν δῆμον. ἱερεύς τε γενόμεν[ος || τοῦ θεοῦ τοῦ
μεγ]άλου τάς τε πομπὰς καὶ τὰς θυσία[ς ἐ|πετέλεσε λαμπρ]ῶς καὶ τοῖς πολί-
ταις μετέδωκε[ν τῶν|κρεῶν. τῷ τε Σαρ]άπει λαχὼν ἱερεὺς ὁμοίως τοῖς
δαπ[ανή|μασιν ἀνεστράφ]η καλῶς τε καὶ φιλαγάθως. τοῦ τε ἐπωνύ[μου | τῆς
15 πόλεως Διον]ύσου οὐκ ἔχοντος ἱερῆ ἀφ' ἑτῶν πλήόν[ων, || ἐπικληθεὶς ὑ]πὸ τῶν
πολιτῶν ἐπέδωκεν ἑαυτὸν κ[αὶ κατὰ τὴν Γαΐου] Ἀντωνίου παραγειρασίαν
ἀναλαβ[ὼν | τὸν στέφανο]ν τοῦ θεοῦ τάς τε πομπὰς καὶ θυσίας [ἐπε|τέλεσε
καλῶ]ς καὶ μεγαλουεργῶς καὶ τοῖς πολίταις [με|τέδωκε κρε]ῶν ἀφθόνως. θεῶν
20 τε τ[ῶ]ν ἐν Σαμοθράκ[ῃ || τὸν στέφα]νον ἀνειληφὼς διὰ βίου τάς τε πομπὰς
κ[αὶ | τὰς θυσία]ς ἐπιτελεῖ ὑπέρ τε τῶν μυστῶν καὶ τῆς π[ό|λεως. νεωστ[εί

τε τοῦ βασιλέως Βυρεβίστα πρώτου καὶ [με|γίστου γεγ]ενότος τῶν ἐπὶ Θράκης
βασιλέων καὶ πᾶσα[ν | τήν τε πέρ]αν τοῦ ποταμοῦ καὶ τὴν ἐπὶ τάδε κατεισχ[η|-
κότος γ]ενέμενος καὶ πρὸς τοῦτον ἐν τῇ πρώτῃ καὶ με(γίσ)||[τῃ βασι]λίᾳ τὰ
βέλτιστα κατεργάζεται τῇ πατρίδι λέ||[γων κα]ὶ συνβουλεύων τὰ κράτιστα καὶ
τὴν εὔνοιαν τοῦ [βα|σιλέ]ως πρὸς τὴν τ[ῆ]ς πόλεως σωτη[ρί]αν προσπα-
ραμ[υ|θού]μενος, ἔν τε τοῖς λοιποῖς ἅπασιν ἀφειδῶς ἑαυτὸν || ἐπι]διδοὺς εἰς
τὰς τῆς πόλεως πρεσβήας, καὶ κινδύνους ἐπ[ι]δεχόμενος [ἀ]όκνως πρὸς τὸ πάντως
τι κατεργάζεσθα[ι] | τῇ πατρίδι συμφέρον . πρός τε Γναῖον Πομπήϊον Γναίου
υ[ἱ|ό]ν, αὐτοκράτορα Ῥωμαῖον, ἀποσταλεὶς ὑπὸ βασιλέως Βυραβεί[σ]τα
πρεσβευτής, καὶ συντυχὼν αὐτῷ τῆς Μακεδονίας ἐν το[ῖς || π]ερ[ὶ Ἡρά]κλειαν
τὴν ἐπὶ [τ]οῦ Δύκου, οὐ μόνον τοὺς ὑπὲρ τοῦ βα[σι]||λέως χρηματισμοὺς διέθετο
τὴν εὔνοιαν τὴν Ῥωμαίων πα[ρ]||αγόμενος τῷ βασιλεῖ, ἀ[λ]λὰ καὶ περὶ τῆς
πατρίδος τοὺς καλλίστου[ς] | διέθετο χρηματισμούς, καθόλου δὲ κατὰ πᾶσαν
περίστασιν κ[αι|ρ]ῶν ψυχῇ καὶ σ[ώ]ματι παραβαλλόμενος καὶ δαπάναις χρώ-
μ[ε]||νος ταῖς ἐκ τοῦ βίου, τινὰ δὲ καὶ τῶν πο[λι]τικῶν χορηγίων σωματ[ο|-
π]οιῶν παρ' ἑαυτοῦ, τὴν μεγίστην ἐνδείκνυται σπουδὴν εἰς τὴν [ὑ]||πὲρ τῆς
πατρίδος σωτηρίαν · ἵνα οὖν καὶ ὁ δῆμος φαίνηται τιμῶν | τοὺς καλο[ὺ]ς καὶ
ἀγαθοὺς ἄνδρας καὶ ἑαυτὸν εὐεργετοῦντας, δε[δό|χθαι τῇ] βουλῇ καὶ τ[ῷ]
δήμῳ, ἐπηνῆσθαι μὲν ἐπὶ τούτοις Ἀκορνίων[α] || Δι[ονυ]σίου καὶ στεφανωθῆναι
[α]ὐτὸν [ἐ]ν τοῖς Διονυσίοις χρυ[σῷ|σ]τεφά[ν]ῳ καὶ εἰκόνι χαλκῇ, στεφανοῦσ[θα]ι
δὲ αὐτὸν καὶ εἰς τὸν λ[οι|π]ὸν χρ[όν]ον καθ' ἕκαστον ἔτος ἐν τοῖς Διονυσίοις
χρυσῷ στε[φά|ν]ῳ, δε[δό]σθαι δὲ αὐτῷ καὶ εἰς ἀνάστασιν ἀνδρι[ά]ντος τό|πον
τὸν ἐπιφανέστατον τῆ[ς] ἀγορᾶς.

«... восстановил... сын Феодора и Эпика... на свои средства... вместе уезжая в... чужие края, отправился (по Латышеву—«потребовавши»)... в Аргедав к его отцу... прибывши и встретившись вместе... от него приобрел... освободил народ. Сделавшись жрецом великого бога, совершал процессии и жертвы блистательно и гражданам раздавал мясо. Ставши по жребию жрецом Сераписа, подобным же образом производил затраты прекрасно и благолюбиво. Так как эпоним города Дионис не имел жреца уже несколько лет, он, будучи призван гражданами (к этому), себя на это предоставил и, во время зимовки Гая Антония приняв на себя венец бога, совершал процессии и жертвы прекрасно и во многих видах и гражданам раздавал мясо щедро. Приняв пожизненно венец богов самофракийских, процессии и жертвы совершает за посвященных в таинство и за город. После того как недавно царь Биребиста стал первым и величайшим из царей фракийских и овладел всею страною по ту и по сю сторону реки, он, прибывши к этому последнему, при этом первом и величайшем царствовании, добивается самого лучшего для отечества, говоря и советуя самое хорошее и склоняя благорасположение царя к благополучию города и во всех остальных случаях, не щадя сил, предоставляя себя в посольстве от (имени) города и решительно подвергаясь риску, чтобы достигнуть всячески того, что выгодно для отечества. И к Гнею Помпею, сыну Гнея, императору римскому, будучи отправлен царем Биребистою в качестве посла и встретившись с ним в Македонии в окрестностях Гераклеи на Лике, он не только провел переговоры за царя, добившись благорасположения римлян к царю, но и в отношении отечества провел наилучшие переговоры, в целом подвергаясь душою и телом всяким превратностям и тратясь из средств, назначавшихся для его (частной) жизни, также и некоторые из государственных предприятий воплощая в жизнь из своих (средств), он величайшее проявляет рвение ради благополучия отечества. Итак, чтобы народ проявил свой почет к прекраснейшим и лучшим людям и оказывающим ему благодеяния, да будет решено советом и народом восхвалить этого Акорниона, (сына) Дионисия и увенчать его во время Дионисий золотым венком и медным изображением, и увенчивать его и на будущее время

ежегодно на Дионисиях золотым венком, и дать ему для постановки изваяния наизаметнейшее место на площади».

Критическое издание этой важнейшей надписи принадлежит В. В. Латышеву (Ποντικά, стр. 226 сл.). Она представляет собою декрет жителей города Дионисополя, лежавшего на берегу Черного моря в 35 км к северу от Варны, где теперь город Бальчик, в честь некоего его гражданина Акорниона, сына Дионисия, исполнявшего, как видно из текста закона, различные функции, особенно жреческие и посольские. Время декрета определяется возвышением царя Биребисты, имевшим место в середине I в. до н. э. и зимовкою Антония (C. Antonius Hybrida), дяди триумвира, коллеги Цицерона по консульству в 63 г., управлявшего в 62 и 61 гг. Македониею и Фракиею. В это время он потерпел поражение от бастарнов при Истрополе (Dio Cass., XXXVIII, 10): значит, его зимовка в Дионисополе относится как раз к 62/61 г. Посольство же Акорниона от Биребисты к Помпею в Гераклею на р. Лике, вероятно, относится к 48 г., когда Помпей, после поражения Цезаря при Диррахии, получил титул императора (αὐτοκράτωρ нашей надписи) и отправился к Гн. Домицию Кальвину, стоявшему у Гераклеи (Caes., Bel. civ., III, 79). Так как посольство к Помпею стоит на последнем месте в числе заслуг Акорниона, то Латышев, давший все эти прекрасные исторические сопоставления, вполне справедливо предположил, что декрет дионисополитов относится или к тому же 48 или к следовавшему за ним году (Ποντικά, стр. 237, см. Latischew, Athen. Mitteil., 1886, стр. 201, и Minns, стр. 23 и 464). Со своей стороны замечу, что льстивое отношение к Помпею, чувствующееся в этой надписи, и отношение к нему как к живому «императору» позволяет думать, что декрет был издан под свежим впечатлением от деятельности Помпея, т. е. до поражения его при Фарсале 9 августа 48 г. или во всяком случае до получения об этом известий в Дионисополе.

Латышев справедливо считает наиболее важным свидетельством этой надписи точную хронологию царства Биребисты, разрушителя Ольвии (Dio Chrys., 36), в 50-х годах до н. э. Мы видим из декрета, что Биребиста действительно захватил всю страну до обоим берегам Дуная (о деятельности этого царя и захвате Ольвии см. также В. В. Латышев, Исследования об истории и гос. устройстве г. Ольвии, гл. V, стр. 145—160) и даже вступил в сношения с Помпеем.

В отношении общей истории колоний западного и северного берегов Черного моря эта надпись важна еще и тем, что она рисует существование в этих полуварварских городах богачей, на которых возлагались важнейшие литургии. Полною параллелью к дионисополиту Акорниону в Ольвии является знаменитый Протоген (IPE, I², 1916, № 32).

Для третьего издания Sylloge надпись по камню проверял Filow, который «litteras nonullas, quas priores legerant, non iam despexit». Однако он местами прочел несколько больше Латышева. Вот главные разночтения Filow'a и Латышева:

Строка надписи:	Чтение Латышева:	Чтение Filow'a:
1.	... αι πλι ...	—— αι παρα ——
2.	... τον δ[ὲ] ἔλαβε	τὸν ἀνέλαβε
3.	... ος Θεοδώρο[υ] καὶ ει ...	—— ος Θεοδώρου καὶ Ἐπικα
4.	... αν τοῖς ἰδίοις	— λαν κτλ
5.	... ἀτων συναποδ[η]μῶν αἰτήσας	—— μάτων συναποδ[η]μῶν ἀπή[ρ]ατ[ο ...]

ТОМИ

19. (Syll.³, 731, Hiller). Декрет жителей Томи в честь городской стражи в связи с нападением Биребисты. Изд. Točilescu, AEM Oest XIV, 22,50 (Michel, 334; Syll.² 529; SGDI, 5545); ср. Wilhelm, там же, XX, 76. Надпись на двух сторонах плиты.

[ἐφ' ἱέρ]εω Σαραπίωνος [τ]οῦ Δ[ιοσκουρίδου, ἄρχοντες | εἶπ]αν · ἐπειδὴ διὰ τὰς τῶν καιρῶν περι[σ]τάσεις β[αρέως | ἀπ]ορῶν καὶ θλιβόμενος ὁ δῆμος ἐν τῇ μεγίστ[ῃ καθέ|στ]ηκ[εν δυσελπιστίαι καὶ μάλιστα πάντων ἡγω[νία]κε || ὑπὲρ τοῦ περιβόλου τῆς πόλεως, τῶν μὲν διὰ τὴν ἀπ[ο]|ρίαν ἐκλελοιπότων τὴν πόλιν, τῶν δὲ διὰ τὴν γενομένη[ν | λοι]μικὴν περίστασιν καὶ τὰς ἀρρωστίας μὴ δυναμένων | [φυ]λάσσειν τὴν πατρίδα καὶ διὰ ταῦτα ἐνβριθεστέρας κ[αὶ] | μείζονος φυλακῆς προσδεόμενος οἴεται δεῖν καταστ[ῆ]||σ]αί τινας τοὺς ἀφηγησομένους και φυλάξοντας τοὺς ἐ[πι]|καιροτάτους τῆς πόλεως τόπους · δεδόχθαι τῆ[ι] | βουλῆι καὶ τῶι δήμωι, ἑλέσθαι ἡγεμόνας ἐκ πάντων | τῶν πολ[ε]ιτῶν ἤδη δύο, οἵτινες καταγράψουσιν ἄνδρ[ας] | ἐπιλέκτους τεσσαράκοντα τοὺς ἐφημερεύσοντας || ἐπὶ τῶν πυλῶν καὶ παρακοιτήσοντας τὰς νύκτας κ[αὶ] | ἐφο-

δεύσοντας τὴν πόλιν, ἕως ἂν εἰς βελτίονα κατάσ|τασιν παραγενηθεὶς ὁ δῆμος
καὶ διαφυγὼν τοὺς περ[ι]||εστῶτας κινδύνους ἀποδῷ τὰς ἀξίας χάριτας τοῖ[ς]|
θεοῖς. τοὺς δὲ αἱρεθέντας ἡγεμόνας ἐξουσίαν ἔχειν || ἀναγκάζειν καὶ ζημιοῦν
ἑκάστης ἡμέρας ἀργυροῖς δέκ[α|κ]αὶ πράσ(σ)ειν τοὺς ἀτακτοῦντας τρόπον ὃν ἂν
δύνωνται[ι,| ἀ]ζημίους ὄντας καὶ ἀνυποδίκους. δοθῆναι δὲ αὐτοῖς|[ὑ]πὸ τοῦ δήμου
κα[ὶ] εἰς ἀπαρχὴν καὶ σύνοδον χρυσοῦς| [τ]έσσαρας. παραπραυῆναι δὲ αὐτοῖς
ὑπὸ τῶν ἀρχόντω[ν|| ἐ]ν τῷ λιψένι τῶ[ν] ἐφ' ἱέρεω Ἀριστοφάνου. εἰρέθησαν
<Απο>| Ἀπολλοῦς Νικηράτου, Ποσειδώνιος Γέροντος.
ἐφ' ἱέρεω Θεοφίλου τοῦ Νουμηνίου, ἄρχοντος εἶπαν· ἐπε[ι]||δὴ αἱρεθέντας ὑπὸ
τοῦ δήμου ἡγεμόνες κατὰ ψήφισμα | ἐφ' ἱέρεω Σαραπίωνος τοῦ Διοσκουρίδου
Ἀπολλοῦς Νικη||ράτου καὶ Ποσειδώνιος Γέροντος, καὶ καταγράψαντ[ε]ς|ἄνδρας
ἐπιλέκτους τεσσαράκοντα καὶ πᾶσαν εἰσενεγ|κάμενοι φιλοπονίαν ἐφημερεύοντες
ἐπὶ τῶν πυλῶν καὶ|τὰς νύκτας παρ[α]κοιτοῦντες καὶ ἐφοδεύοντες|διεφύλαξαν
τ[ὴν πόλιν ἕω]ς τοῦ ἀποκατασταθῆνα[ι] || τὸν δῆμον εἰς βελτίονας ἐλ[π]ίδας,
καὶ τὸ δοθὲν ἑαυτοῖ[ς]| εἰς ἀπαρχὴν παρὰ τῆς πόλεω[ς] αὐξήσαντες καθ'
ἕκα[σ]||τον ἐνιαυτὸν ὑόυσιν ὑπὲρ τῆ[ς] τοῦ δήμου σωτηρία[ς]|Μητρὶ θεῶν
καὶ Διοσκόροις· δεδόχθαι τῇ βουλῇ κα[ὶ|τ]ῶι δήμωι, ἐπαινέσαι μὲν ἐπὶ τούτοις
τοὺς ἡγεμόνας||[κ]αὶ τοὺς ἐπιλέκτου[ς· ἀν]αγράψαι δὲ [τ]ά τε ψηφίσματα
κ[αὶ]| τὰ ὀνόματα αὐτῶν ε[ἰ]ς τελαμῶνα λευκοῦ λίθου καὶ|ἀναθεῖναι ἐν ὧι
ἂν προαιρῶνται τόπωι, ἵνα καὶ οἱ λο[ι]ποί, εἰδότες τὴν εὐχαριστίαν τοῦ
δήμου, φιλοτι|μότεροι γείνωνται εἰς τὸ διαφυλάσσειν τὴν || πατρίδα. |

Ἀπολλοῦς Νικηράτου	Μενίσκος Σκύμνου
Ποσειδώνιος Γέροντος	Νουμήνιος Νουμηνίου
Ἡραίων Ἀρτεμιδώρου	Χαιρήμων Εὐκράτου
Νουμήνιος Νουμηνίου τοῦ Θεοφίλου	
Διοσκουρίδης Ἡρωνύμου	Ἡφαιστίων Διονυσίου
Δημήτριος Γέροντος	Τριακάδας Δοκίμου
Μῆνις Ἀρτεμιδώρου	Ἀπολώνιος Ὑγιαίνοντος
Ἀντικράτης Εὐδόξου	Ἑστιαῖος Ἀριστείδου
Τιμοκλῆς Ἀριστομάχου	Ἡδύλος Θεοφάντου
Νουμήνιος Μονίμου	
Διονύσιος Διογένου	
Διονύσιος Δημητρίου	
Μῆνις Ἀπολλοδώρου	
Νουμήνιος Εἰρανίχου	
Δημήτριος Ἑκαταίου	
Γλαυκίας Στράτωνος	
Διοσκουρίδης Σωκράτου	
Παυσίμαχος Πολυφήμου	
Ἀπολλόδωρος Ἡραίωνος	

I. «При жреце Сарапионе, сыне Диоскурида, архонты предложили: поскольку, в силу обстоятельств времени, находясь в трудном положении и стесненном состоянии, народ оказался в величайшем отчаянии и беспокоился об оборонительной линии города, так как одни из-за трудного положения оставили город, а другие из-за случившейся повальной болезни и слабости не могли охранять отечество, и, в силу этого испытывая еще нужду в более сильной и большей страже, народ считает необходимым установить лиц для начальствования и охраны наиболее подверженных опасности мест города; да постановит совет и народ избрать тотчас же двоих начальников из всех граждан, которые составят список из сорока отборных мужей для пребывания днем при воротах и для ночного караула при них и для присмотра за дорогами города, пока, попавши в лучшую обстановку и избегнувши наступивших опасностей, народ не воздаст достойных благодарений богам. Да будут избранные начальники в праве

отдавать приказания и налагать штраф за каждый день по десять серебряных (статеров) и преследовать не исполняющих должности любым доступным им способом, оставаясь не подлежащими штрафу и наказанию; да будет им дано народом на общее молебствие о начале дела четыре золотых (статера); (и) да будет им (необходимое для этого) продано со скидкой архонтами в гавани, состоящими при жреце Аристофане. Оказались избранными: Аполлой, сын Никерата, (и) Посейдоний, сын Геронта.

II. При жреце Теофиле, сыне Нумения, архонты предложили: поскольку избранные народом по постановлению при жреце Сарапионе, сыне Диоскурида, начальники Аполлой, сын Никерата, и Посейдоний, сын Геронта, составили список из сорока отборных мужей и, приложив трудолюбие в дневном пребывании при воротах, в ночном карауле (при них) и в присмотре за дорогами, охраняли город, пока не удастся народу получить исполнение лучших надежд, и, дополнивши к данному им для молебствия от города, ежегодно приносят жертвы за спасение народа Матери богов и Диоскурам, то да решит совет и народ восхвалить этих начальников и отборных (стражей), написать эти постановления и их имена на мраморную плиту и поставить на месте, какое они выберут, дабы и остальные, узнав о прекрасной благодарности народа, стали более склонны к постоянной охране отечества».

1-й столбец: «Аполлой, сын Никерата, Посейдоний, сын Геронта, Гереон, сын Артемидора, Нумений, сын Нумения, сына Теофила, Диоскурид, сын Геронима, Димитрий, сын Геронта, Мений, сын Артемидора, Антикрит, сын Евдокса, Тимокл, сын Аристомаха, Нумений, сын Монима, Дионисий, сын Диогена, Дионисий, сын Димитрия, Мений, сын Аполлодора, Нумений, сын Ираниха, Димитрий, сын Гекатея, Главкий, сын Стратона, Диоскурид, сын Сократа, Навсимах, сын Полифема, Аполлодор, сын Гереона».

2-й столбец: «Мениск, сын Скимна, Нумений, сын Нумения, Херемон, сын Евкрата, Гефестион, сын Дионисия, Триакад, сын Докима, Аполоний, сын Гигиенонта, Гестией, сын Аристейда, Гедил, сын Теофанта».

Издатели, относя декрет к I в. до н. э. по чистоте состава собственных имен и по палеографическим данным, по обстоятельствам длительной опасности для города Томи, считают ее единогласно, с большой долей вероятия, относящейся ко вторжению могущественного царя гетов Биребисты. См. об этом же надписи № 16 и 18. Все эти надписи представляют интерес в связи с известными событиями из истории Ольвии.

20. (CIG, II, 2056e). Почетный декрет в честь Хреста херсонесита. Томи в Добрудже.

... Τῶν Τ[ομιτῶν] | ... μη[ν]ὸς Ἀρτεμισί[ου, εἰσηγη]σαμένων τῶν συνέδρων | Σωκράτη(ς) Ἐπικράτους ὁ κα[ὶ] | Παπίας ε[ἶπε]ν· Ἐπειδὴ Χρῆσ[τος ..] | . ρνίου Χερσονησείτης ἀν[ὴρ ἀγαθὸς καὶ | πρόθυ[μος παρὰ πᾶσ[ι τ]οῖς ...

«... томитян... месяца Артемисия, по предложению синэдров, Сократ, сын Эпикрата, он же Папий, предложил: поскольку Хрест, сын ...рния херсонесит, муж добродетельный и благосклонный при всех...»

Бек указывает, что при императоре Диоклетиане высшую должность в Томах занимал некто Хрест, сын Папия. Он склонен видеть в упоминаемом здесь лице одного из членов той же семьи, «sed haud paulo» более древнего. Связь между западными припонтийским городами хорошо известна.

5. ОСТРОВ ДЕЛОС

21. (IG, XI, f. 4, № 609, P. Roussel). Декрет о проксении пантикапейца Койрана. В музее на Делосе. Стела голубоватого мрамора с киматиями. Найдена в 1880 г. близ постройки, носящей название Сокровищницы. Копию снял Омолль, Руссель произвел сличение.

[Ἔδο]ξεν τῆι βουλῆι καὶ τῶι δήμωι· | [Λυ]σίξενος Ἀρχεπόλιδος εἶπεν· | [ἐπε]ιδὴ
Κοίρανος Παντικαπαίτη[ς] | [ἀν]ὴρ ἀγαθὸς ὢν διατελεῖ περί τε τὸ || ἱερὸν καὶ

τὴν πόλιν τὴν Δηλίων κα[ὶ] || τοῖς ἐντυγχάνουσιν αὐτῶι Δηλίων | χρείας παρέ-
χεται [καὶ κοινῆι καὶ] ἰδίαι, | δεδόχθαι τῶι δή[μωι · εἶναι Κο]ίρανον |... ἡμιδος
Παντικα[παίτην] πρόξενον || [τ]ῆς πόλεως τ[ῆς Δηλίω]ν καὶ εὐεργέτη[ν] | | [τ]οῦ
ἱεροῦ καὶ [αὐτὸν κ]αὶ ἐκγόνους καὶ | ε[ἶναι αὐτοῖς ἐν] Δήλωι ἀτέλειαν | [κ]αὶ
γῆς καὶ [οἰκίας ἔγ]κτησιν καὶ προεδ[ρί]||[αν] ἐν τοῖς ἀγῶσιν οἷς Δήλιοι τιθέασιν
κ[αὶ] || πρόσοδον πρὸς τὴν βουλὴν καὶ τὸν δῆμ[ον] | [π]ρ[ώτοις [με]τὰ τὰ ἱερά.
ὑπάρχειν δὲ αὐτοῖς | [ἐ]ν [Δ]ήλ[ωι] καὶ τὰ ἄλλα, ὅσα δέδοται το[ῖς] | προξένοις
καὶ εὐεργέταις τοῦ ἱεροῦ · | [ἀν]αγράψαι [δὲ τὸ ψήφ]ισμα τόδε τὴν μὲ[ν] ||
[βο]υλὴν εἰς [β]ουλ[ε]υτήριον, τοῦς δὲ ἱ[ερο]||[π]οιοὺς εἰς τὸ ἱερόν.

«Совет и народ постановили. Лисиксен, сын Археполида, предложил: поскольку Койран пантикапаит пребывает человеком добродетельным к святилищу и городу делосцев и имеющим с ним дела оказывает услуги вообще и в частности, да постановит народ: быть Койрану, сыну ...эмида, пантикапаиту проксеном города делосцев и благодетелем святилища и самому и потомкам, да будет для них на Делосе свобода от налогов и право приобретать землю и дом и занимать первые места на состязаниях, какие устраивают делосцы, и доступ к совету и народу первыми после рассмотрения религиозных вопросов; да будет им на Делосе и все остальное, что дано проксенам и благодетелям святилища; написать это постановление совету в булевтерии, а гиеропеям в святилище».

Руссель относит эту надпись по апицированному квадратному шрифту ко времени после середины III в. до н. э.

В надписи IPE, II, 11 из Пантикапея, относящейся к эпохе царя Перисада I (342—309), некто... сын Койрана, посвятил за свою дочь Артемиде Эфесской. Это, однако, не дает никакого основания для хронологических выводов. Редкое имя Κοίρανος, конечно, могло встречаться в одной и той же семье; тогда Κοίρανος .ἡμιδος вполне может быть внуком лица, упомянутого в IPE, II, 11. Очень своеобразна форма Παντικαπαίτης; обычная форма—Παντικαπαίτης засвидетельствована в самом Пантикапее и для раннего эллинизма (после 396 г.) в декрете аркадцев (IPE, II, 4) и для римского времени (IPE, II, 358, около 229—232 гг. н. э.), как обозначение жителей самого города. Монеты дают обычно сокращения Παν, Παντι. Надпись показывает, что сношения Пантикапея с храмом Аполлона Делосского продолжались не менее столетия после вклада Перисада II в храм (№ 28). Интересно сравнить этот декрет с делосскими постановлениями начала II в. в честь двух ольвиополитов, изданными лет на 50 позже (№ 23, 24). Там нет беспошлинности, и декреты сильнее связаны с религиозными моментами. Можно думать, что указанные ольвиополиты, входя в состав жреческого рода, не вели сами торговых дел, а Койран непосредственно торговал с Делосом. Иначе едва ли нужно было бы подчеркивать в декрете именно эту сторону.

22. (IG, XI, f. 4, № 844, Roussel). Декрет об увенчании херсонесца. Музей на Делосе, инв. 168. Фрагмент белого мрамора, справа почти цельный. Найдена и списана Омоллем в 1877 г.

[..... τοῖς Ἀπ]ολλωνίοις, ὅ[ταν] | [οἱ τῶν παίδων χοροὶ ἀγωνίζωντ]αι, ὅτι
στεφανο[ῖ] | [ὁ δῆμος ὁ Δηλίων ... Ἀπ]ολλωνίου Χερ|[σονησίτην δάφνης
στε]φάνωι ἀρετῆ[ς] || [ἕνεκα καὶ εὐσεβείας τῆς περὶ τὸ ἱ]ερὸν καὶ εὐ[νοίας
τῆς εἰς τὸν δῆμον ...] ω . ισαι .. κτλ.

«...(возвестить?) в (праздник) Аполлоний, когда хоры юношей состязаются, что венчает народ делосцев (такого-то), сына Аполлония, херсонесита, лавровым венком за добродетели, благочестие к святилищу и благорасположение к народу...»

По шрифту надпись может быть отнесена, по Русселю, к началу II в. до н. э. К какому херсонесцу относится этот декрет? Во всяком случае здесь нет, конечно, местного жителя. При оживленности сношений Делоса с Понтийским Херсонесом (см. № 25—27, 29—31) вполне вероятно, что здесь дело идет именно о гражданине этого города. А. И. Тюменев в своих херсонесских этюдах (ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 268—269) нисколько в этом не сомневается и останавливается на этой надписи как на важнейшем свидетеле религиозных связей Херсонеса и Делоса, считая первый колониею второго, основанною вместе с Гераклеей (см. ниже № 27 и сл.).

Стефан Византийский (SC, стр. 270) указывает, что «Χερρόνησος ... ἔστι καὶ γ' πόλις τῆς Ταυρικῆς ... τὸ ἐθνικὸν ταύτης Χερρονησίτης». Это тем более вероятно, что очень обычное имя Ἀπολλώνιος все же не во всех городах встречается одинаково часто. В Херсонесе Таврическом это имя известно, по Латышеву (IPE, I²), 18 раз; в большинстве эти случаи относятся к эллинистической эпохе, и оно обычно, как имя магистратов; по Придику (SBPA, 1928, № XXIV, стр. 28 сл.), 6 астиномов носят это имя—все эпохи эллинизма, и 10—имена, производные от Ἀπόλλων и относящиеся к тому же времени. Это весьма любопытно еще и потому, что в римскую эпоху Ἀπολλώνιος в Херсонесе мало употребительно, и что вообще там это имя по преимуществу лиц, занимавших общественные должности. Нечто близкое мы находим в Пантикапее, сношения которого с Делосом и с Дельфами приходятся главным образом на то же самое время.

23—24. (IG, XI, f. 4, № 813/814, Roussel). Декрет в честь Посидея и Диодора ольвиополитов. Музей на Делосе, инв. 402α—γ. Три фрагмента белого мрамора, образующие почти полную стелу. Фужер нашел ее в 1886 г. и издал BCH, XIII, 1889, стр. 236, № 8. Латышев, Ποντικά, стр. 55 сл. Руссель произвел сверку текста.

23. (813ª). Ἔδοξεν τῆι βουλῆι καὶ τῶι δήμωι. Ἀντίγονος | Χαριστίου εἶπεν · ἐπειδὴ Ποσίδειος Διονυσί|ου Ὀλβιοπολίτης ἀνὴρ ἀγαθὸς ὢν διατελεῖ | περί τε τὸ ἱερὸν καὶ τὸν δῆμον τὸν Δηλί||ων καὶ χρείας παρέχεται καὶ κοινῆι τῆι | πόλει καὶ ἰδίαι τοῖς ἐντυγχάνουσιν αὐ|τῶι τῶμ πολιτῶν εἰς ἃ ἄν τις αὐτὸν πα|ρακαλεῖ · δεδόχθαι τῆι βουλῆι καὶ τῶι δήμωι · ἐπαινέσαι Ποσίδειον Διονυσίου Ὀλβι||οπολίτην καὶ εἶναι αὐτὸν πρόξενον τοῦ | ἱεροῦ καὶ Δηλίων καὶ αὐτὸν καὶ ἐκγό|νους καὶ εἶναι αὐτοῖς γῆς καὶ οἰκίας ἔγκτησι[ν] | καὶ πρόσοδον <πρόσοδον> πρὸς τὴν βουλὴν καὶ | τὸν δῆμον πρώτοις μετὰ τὰ ἱερὰ · ὑπά[ρ]||χειν δὲ αὐτοῖς καὶ τἄλλα πάντα, ὅσα δέδο|ται τοῖς ἄλλοις προξένοις καὶ εὐεργέ|ταις τοῦ τε ἱεροῦ καὶ Δηλίων · ἀναγράψαι δὲ | τόδε τὸ ψήφισμα τὴμ μὲμ βουλὴν εἰς τὸ βου|λευτήριον, τοὺς δὲ ἱεροποιοὺς εἰς τὸ ἱερὸν || εἰς στήλην · Νικάνωρ Νικάνορος ἐπεψήφισεν.

24. (814ᵇ). Ἔδοξεν τῆι βουλῆι καὶ τῶι δήμωι · Τιμη[σίερ]|γος Ἀνδρ[οθ]άλου εἶπεν · [ἐπ]ειδὴ [Διόδωρος] | Ἀρώτου [Ὀλβιοπολίτης? ἀ]νὴρ ἀγ[αθὸς ὢν διατελεῖ] | περί τε τὸ ἱερὸν καὶ τ[ὸν δῆμον τὸν Δηλίων] || καὶ χρείας παρέχε[ται καὶ κοινῆι τῆι πό]|λει καὶ ἰδίαι τοῖς ἐν[τυγχάνουσιν αὐτῶι τῶμ] | πολιτῶν εἰς ἃ ἄν τ[ις αὐτὸν παρακαλεῖ ·] | δεδόχθαι τῆι βο[υλῆ[ι καὶ τῶι δήμωι · ἐπαι]|νέσαι Διόδωρον Ἀρ[ώτου Ὀλβιοπολίτην? καὶ εἶναι αὐ]||τὸν πρόξενον τοῦ [ἱεροῦ καὶ Δηλίων καὶ αὐ]||τὸν καὶ ἐκγόνους κ[αὶ εἶναι αὐτοῖς γῆς καὶ οἰ]|κίας ἔγκτησιν καὶ π[ρόσοδον πρὸς τὴμ βου]|λὴν καὶ τὸν δῆμον π[ρώτοις μετὰ τὰ ἱερά · ὑπάρ]||[χ]ειν δὲ αὐτοῖς καὶ [τἄλλα πάντα, ὅσα δέ]||δοται τοῖς ἄλλοις [προξένοις καὶ εὐεργέταις] | τοῦ τε ἱεροῦ καὶ Δηλ[ίων · ἀναγράψαι δὲ τόδε τὸ | ψήφισμα τὴμ μὲμ β[ουλὴν εἰς τὸ βουλευτήριον] | τοὺς δὲ ἱεροποιοὺς ε[ἰς τὸ ἱερὸν εἰς στήλην ·] || Νικάνωρ Νικάνορος ἐ[πεψήφισεν].

813. «Совет и народ постановили. Антигон, сын Харистия, предложил: поскольку Посидей, сын Дионисия, ольвиополит пребывает человеком добродетельным к святилищу и народу делосцев и оказывает услуги вообще городу и в частности имеющим с ним дело из граждан, на что бы кто его ни призывал, да постановит совет и народ: восхвалить Посидея, сына Дионисия, ольвиополита и быть ему проксеном святилища и делосцев, и самому и потомкам, и да будут у них права иметь землю и дом и доступ к совету и народу первыми после рассмотрения священных дел и да будет им все остальное, что дано остальным проксенам и благодетелям святилища и делосцев. Написать это постановление совету в булевтерии, гиеропеям в святилище, на стеле. Никанор, сын Никанора, провел голосование».

814. «Совет и народ постановили. Тимесиерг, сын Андротала, предложил: поскольку Диодор, сын Арота, ольвиополит (?) пребывает человеком добродетельным к святилищу и народу делосцев и оказывает услуги вообще городу и в частности имеющим с ним дело из граждан, на что бы кто его ни призывал, да постановит совет и народ: восхвалить Диодора, сына

Арота, ольвиополита (?) и быть ему проксеном святилища и делосцев, и самому и потомкам, и да будут у них права иметь землю и дом и доступ первыми к совету и народу после рассмотрения священных дел и да будет им все остальное, что дано остальным проксенам и благодетелям. Написать это постановление совету в булевтерии, а гиеропеям в святилище, на стеле. Никанор, сын Никанора, провел голосование».

Руссель относит надпись к началу II в. до н. э. Антигон, сын Харистия, жил в конце III и начале II в. (см. IG, XI, № 366 A 132). Никанор, сын Никанора, упомянут при архонте Фокее, 180 и 176 гг. Тимесиерг, сын Андротала,—должник при архонте Тимоксене, 178 г. до н. э. (IG, XI, № 443, v. v. 3 и 4. Ср. BCH, XXXI, 1907, № 354), предводитель τοῦ περθμείου τοῦ εἰς Ῥηνείαν около 173 г. (ср. IG, XI, № 457, v. 42). Вильхельм заподозрил чтение Ἀρώτου в «Anz. Wien. Ak.», XIV, 1911, стр. 8; но в этом чтении, по Дюррбаку, нет никакого сомнения.

В. В. Латышев переиздал первую надпись по эстампажу Фужера (ЖМНП, 1890, февраль, отд. кл. фил., стр. 68—71=Ποντικά, стр. 55—59). Он сопоставляет лицо первого декрета Посидея, сына Дионисия, ольвиополита с надписью IPE, I², 1916, 189; Ἀγρότας καὶ Ποσίδειος οἱ ἀδελφοὶ | τὸμ πατέρα Διονύσιον [Ἀπ]όλλωνι Δελφινίωι ἱερασάμενον. Издавая надпись впервые (IPE, I¹, 106), Латышев отнес ее к III в. до н. э. и счел ее древнее делосского декрета, так как статуя была поставлена при жизни их отца, а в декрете Посидей—уже самостоятельное лицо с потомством. Латышев указывает также на то, что в IPE, I², 1916, № 201, v. 27 (IPE, I¹, № 114) в каталоге ольвийских граждан есть Διονύσιος Ἀγρότου и Ἡροσῶν Πρωτογένους, из которых первый, вероятно, «лицо, в честь которого поставлена была в Ольвии сыновьями статуя, а второй, по всей вероятности,—отец знаменитого Протогена». Отсюда Латышев считает Посидея, сына Дионисия, и Протогена современниками, жившими во второй половине III в. и первой четверти II в. до н. э. В делосском декрете № 813 Латышев видит подтверждение своей датировки декрета в честь Протогена.

Что касается второго декрета, то принадлежность его ольвиополиту, хотя и предположительна, но может косвенно быть подтверждена именем Διόδωρος в надписях IPE, I², 210 (IV в.) до н. э.) и IPE, I², 201, 1, 60, где оно встречается вместе с отцом Посидея. Если прав Вильхельм относительно чтения Ἀρώτου, то вполне можно сделать конъектуру Ἀγρότου; тогда Διόδωρος окажется племянником Посидея, сына Дионисия. Предположительно возникает такая родословная:

Дионисий, сын Агрота (жрец Аполлона Дельфиния в Ольвии)

Агрот	Посидей
Диодор	

Это тем более возможно, что культ Аполлона Дельфиния был распространен не только в Ольвии, но и в Херсонесе, о чем можно судить по феории последнего около 192 г. в Дельфы (№ 13). Надписи № 25—27 свидетельствуют о том, что в Херсонесе культ Аполлона Делосского также существовал. Вполне вероятно, что все лица, попавшие в эту родословную, были наследственными жрецами или феорами того и другого божества.

Сам Руссель в IG, XI, f. 4, addenda к № 813/814, пришел к возможности такого же заключения и, сопоставив их, по указанию Гиллера фон Гертрингена, с ольвийской надписью и вполне разделяя взгляды Латышева, замечает: «Decreta a Delis facta in honorem Ποσιδείου τοῦ Διονυσίου Ὀλβιοπολίτου atque Διοδώρου τοῦ Ἀρώτου (Ἀγρότου) recentiora esse videntur».

25—27. Пожертвование херсонаситами с Понта трех серебряных фиал в сокровищницу Делосского храма в 276 г. до н. э. при архонте Сосимахе.

Этих упоминаний очень много. Привожу только те из них, которые отличаются по важным деталям содержания.

25. (IG, XI, p. 2, № 164, F. Durrbach). Из отчета гиеропеев за 276 г. до н. э. В музее на Делосе, инв. Γ 2. Целая стела белого мрамора. Найдена в 1880 г. близ святилища тавров, упомянута Омоллем в «Archives», № 123.

B. v. 1. καὶ τάδε ἄλλα παρέδομεν ἀναθεσθέντα ἐπὶ τῆς ἡμετέρας ἀρχῆς.

. . . . . .

. . . . . .

v. 6. φιάλας ἀργυρᾶς τρεῖς ἃς ἀνέθεσαν Χερσονασῖται οἱ ἐκ τοῦ Πόντου.

«Также и то остальное мы передали, что было посвящено при нашей власти... три серебряные фиалы, которые поставили херсонаситы с Понта».

Акт гиеропеев, в который входят эти строки, относится к архонтству Сосимаха, т. е. к 276 г. до н. э. Интересно, что здесь сохранена диалектическая форма Χερσονασῖται так, как она является в надписях самого Херсонеса Таврического (ср. IPE, I², Indices. I. Geographica et topographica, стр. 550). Дальше, до надписи IG, XI, p. 2, № 245 включительно, херсонесцы повторяются одни, а в следующих хронологически надписях рядом с приношением боспорского царя Перисада (см. к № 28).

26. (IG, XI, p. 2, № 203, F. Durrbach). В музее на Делосе, инв. № 250. Плита белого мрамора, неполная. Омолль открыл ее при раскопках 1878 г. близ «Schola Italorum». Надпись упомянута им в «Archives», стр. 125, № XXXIV и издана BCH, XVIII, 1894, стр. 162 и сл. и BCH, VI, 1882, стр. 146 и 135.

v. B, 26. [... φιάλην Χερσονησιτῶν, ὁλκή: Η: ἄλλην Χερσονησιτῶν] ὁλκή: Η: ἄλλην Χερσονησιτῶν ὁλκή: Η: κτλ.

«... фиалу херсонеситов, вес—100 (драхм); другую херсонеситов, вес—100 (драхм); третью херсонеситов, вес—100 (драхм)».

Отчет гиеропеев, в состав которого входит это упоминание, относится к архонтству Херилая в 269 г.

27. (IdD, 313, F. Durrbach). Инв. Г 212 а. Фрагмент отнесен теперь к № 310. Эти фрагменты дают значительную часть большой стелы. Большая часть надписи была вырыта Омоллем в 1879 г. в портике Антигона, другая часть в 1881 г. в том же месте А. Оветтом. Омолль ее скопировал и упомянул в «Archives», стр. 132, № LIV. Последний фрагмент был опубликован BCH, XXIX, 1905, стр. 519. № 173. Жардэ и Дюррбак пересмотрели надпись в 1906 г.

v. 74. Ἐπὶ Σωσιμ[άχου φιάλαι Χερ]σονησιτῶν [ἀν]άθημα τρεῖς· φιάλη Παιρισάδου ἀν[άθημα].

«При архонте Сосимахе три фиалы—посвящение херсонеситов, фиала—перисадово посвящение».

Пересмотр имен, упоминающихся в надписи, обычном акте гиеропеев, привел Дюррбака к правильной мысли о невозможности датировать документ точно 235 или 234 г. до н. э. Во всяком случае, надпись относится к одному из этих годов.

Первый отрывок устанавливает 276 г. до н. э. как время пожертвования фиал херсонаситами, второй определяет их вес, а третий упоминает вновь год пожертвования и ставит посвящение херсонаситов рядом с приношением царя Перисада, первое по времени упоминание о котором см. № 28. Эти упоминания совместно обоих пожертвований встречаются и в других отчетах: IdD, 298 (249 г. до н. э.), 314 (233/232 г.), 320 (230/229 г.). Вероятно, они ставились в отчетах и хранились рядом по территориальной близости мест происхождения их дарителей. Следует отметить, что дар херсонаситов, несомненно, ценился особенно сильно. Акад. Тюменев (ВДИ, 1938 г., № 2 (3), стр. 268, прим. 5 и 7) перечисляет все известные ему упоминания этого пожертвования. Он знает их 19. Отсылаю к его перечню, поскольку однообразие этих упоминаний не дает ничего нового. Автор статьи «Херсонесские этюды» стоит на точке зрения основания Херсонеса гераклеотами совместно с делосцами. Отсюда понятно то значение, которое он придает этому пожертвованию, причем отмечает, что оно упоминается в отчетах гиеропеев Делоса до конца независимости (последнее упоминание под 169 г. до н. э.). Почти все другие города-жертвователи перестали упоминаться около 230 г. до н. э., кроме Херсонеса, о-ва Коса и сицилийского Наксоса. Тюменев склонен объяснять такое бережное отношение к дару херсонеситов «особой специфической связью, существовавшей между ним (т. е. Херсонесом) и Делосом, и этой связью, по всей вероятности, и была связь колонии с метрополией».

28. (IG, XI, p. 2, № 287, F. Durrbach). Пожертвование Перисада II из отчета гиеропеев 250 г. до н. э. В музее на Делосе, инв. № Г 91. Плита голубоватого мрамора, цельная. Найдена в 1880 г. в восточной стене периболы. Упомянута Омоллем в «Archives», стр. 129, № XVI и издана им же BCH, XXVII, 1903, стр. 64.

v. B, 126b. Φιάλη, ἀνάθημα βασιλέως Παιρισάδου.

«Фиала, посвящение царя Перисада».

Надпись относится к архонтству Сосистена в 250 г. до н. э. и представляет собою первое упоминание в этих отчетах пожертвования царя Перисада. Позднее упоминания об этом пожертвовании встречаются, но уже без упоминания царского титула, в IdD, 298 (240 г. до н. э.), 313=наш № 2 (235/234 г. до н. э.), там же 314 (232/233 г. до н. э.), м. б., там же 320 (230/229 г. до н. э.).

Оно после 250 г. постоянно упоминается наряду с фиалами херсонаситов вплоть до 230 г. Ввиду однообразного содержания другие упоминания, кроме приведенного, не цитируются. Дюррбак в примечании к № 298 (и в BCH ук. место) отождествляет упоминаемого в этом случае царя Перисада с Перисадом II Боспорским, справедливо указывая на то, что раньше 250 г. это посвящение в отчетах гиеропеев не встречается и, следовательно, никак не может относиться к Перисаду I.

Кроме общих исторических соображений Дюррбака, сводящихся, судя по приводимым им ссылкам, к тому, что в эту эпоху нигде другого царя с таким именем вне Боспора не было, в самых надписях с Делоса, упоминающих посвящение Перисада, есть данные, косвенно подтверждающие, что это—Перисад из Боспора Киммерийского и что это именно второй, а никак не первый Перисад. В позднейших, чем комментируемая надпись, отчетах гиеропеев (см. их перечисление выше) посвящение Перисада всегда следует в храмовом инвентаре вслед за посвящением херсонаситов с Понта. Эта последовательность едва ли случайна. Чаши стояли здесь рядом, вероятно, по признаку происхождения из территориально близких мест. Второе обстоятельство—падежная форма Παιρισάδου, ни разу не написанная в форме Παιρισάδεος или Παιρισάδους. В отчетах гиеропеев сначала наблюдается склонность сохранять имя херсонаситов в его местной диалектической форме Χερσονασῖται. Это могло возникнуть, конечно, под влиянием той формулы, при которой было сделано посвящение, вероятнее всего, надписи на самой фиале. Понятно, что то же может быть предположительно отнесено и к надписи Перисада. Грамматическая история царского имени Παιρισάδης на Боспоре такова. В надписях, относящихся к царствованию Перисада I, родительный падеж его имени читается в двух формах: Παιρισάδεος (IPE, II, 8, 9, 10, 345, 347; IPE, IV, 418) или реже Παιρισάδους (IPE, II, 11, 318, 344, 346); напротив, в надписях эпохи Перисада II его имя имеет форму родительного всегда Παιρισάδου (IPE, II, 15, 16, 17, 18 и 350). Что касается формы Παιρισάδην, относящейся к имени того же царя (IPE, II, 35), то она не может иметь решающего значения, так как могла быть образована и по 3-му склонению. Во всяком случае, по крайней мере по отношению к родительному падежу имя Перисада II уже совершенно перешло в 1-е склонение. С именами обоих Перисадов известны еще черепицы. Имя Перисада I на них никогда не стоит полностью, зато имя Перисада II стоит полностью в той же форме. Время перелома в употреблении формы этого боспорского имени ясно. К 283 г. это имя на Боспоре уже сознавалось как существительное по 1-му склонению. Чуждое для греков Средиземноморья, это имя, конечно, склонялось ими так, как они его слышали. Форма Παιρισάδου в надписях Делоса не только косвенно подтверждает, что это царь Боспора, но и то, что это именно Перисад II, так как для Перисада I в делосских надписях должна была бы стоять форма Παιρισάδεος или Παιρισάδους. На Боспоре уже не было случаев после 283 г., чтобы это имя склонялось по 3-му склонению: в надписи IPE, II, 19 трижды повторена форма Παιρισάδου по отношению к III? и IV? царям этого имени; на монетах, начиная с первой же, носящей имя Перисада, форма имени всегда Παιρισάδου (а они не восходят ко времени раньше половины III в.). Ср. A. M. Podschiwalow, Monnaies des rois du Bosphore Cimmérien, № 1, 4, 9, 10 и 11. В этой же форме принимали и употребляли имя Перисада херсонесцы. Ср. IPE, I², 352, v. 34/35.

Однако год смерти Перисада II неизвестен. В. Латышев в «Очерке истории Боспорского царства» (Πεντικά, стр. 86 и 92), считая этого Перисада сыном Спартока IV (он же III, см. там же, 176—179), относит начало его царствования к 284 г. В состав Зеноновского архива папирусов входит одно письмо, в высшей степени интересно освещающее делосские надписи. Это письмо опубликовано H. Idris Bell'ом «Symbolae Osloenses», f. V. Osloae, 1927, в статье «Greeks Sightseers in the Thayum in the Third Century B. C.». Важность этого документа как для истории Боспорского царства, так в частности для разъяснения этих делосских упоминаний вынуждает меня дать текст этого письма и его перевод (op. cit., стр. 36).

Ἀπολλώνιος Ζήνωνι χαίρειν. Ὡς ἂν ἀναγνῷς τὴν ἐπιστολήν, ἀπόστειλον εἰς Πτολεμαίδα τά τε ἁρμάτια καὶ τὰ λοιπὰ βαδιστικὰ τοῖς παρὰ Παιρισάδου πρεσβευταῖς καὶ τοῖς ἐξ Ἄρεως θεωροῖς, οὓς ἀπέστελκεν ὁ βασιλεὺς κατὰ θέαν τῶν κατὰ τὸν Ἀρσινοίτην, καὶ φρόντισον, ἵνα μὴ κοθυστερήσηι τῆς χρείας, ὅτε γὰρ ἐγράφομέν σοι τὴν ἐπιστολὴν ἀνεπεπλεύκεισαν ἤδη. Ἔρρωσο [ἔτους λβ], Πανήμου κς Μεσορὴ α.

На обороте запись самого Зенона:

(Ἔτους) λβ, Μεσορὴ [α]β. Ἀπολλώνιος Ζήνωνι ὥρας ι περὶ τῶν τοῖς παρὰ Παιρισάδου καὶ Ἀργείοις πρεσβευταῖς πορείων.

«Аполлоний (шлет) Зенону привет. Как только ты прочтешь это письмо, отошли в Птолемаиду повозки и остальное (нужное) для переезда послам от Перисада и феорам из Аргоса, которых отправил царь на зрелище (праздника) у Арсиноита, и позаботься, чтобы не опоздать с их удобством: ибо когда мы писали тебе это письмо, они уже отплыли.

Будь здоров. Лета 32-го, Панэма 26-го, Месоре 1-го».

Приписка Зенона:

«Лета 32-го, месоре (1-й), 2-й, Аполлоний Зенону, в 10-й час относительно средств передвижения для перисадовых и аргосских послов».

Дата письма 21 сентября 254 г. Издатель сопоставляет ее с появлением дара Перисада на Делосе в отчете гиеропеев 250 г.; но так как это уже фиала, передаваемая без упоминания о сроке ее поступления в храм, т. е. внесенная туда по меньшей мере в 252 г., а раньше ее упоминаний нет, то, очевидно, следует считать, что послы Перисада сначала были в Египте, а затем, примерно, через 1½—2 года, посетили Делос и от имени царя внесли посвящение. Так как наша надпись упоминает царя еще с титулом, то можно полагать, что он в 250 г. был еще жив. Таким образом, сопоставление надписи и Зеноновского папируса определяет приблизительно конец царствования на Боспоре Перисада II: его годы 284/3—250? до н. э. Конечно, сколько-то времени после этого он еще мог продолжать царствовать. Равным образом, сопоставление обоих документов вводит в понимание характера посольства. Из текста письма видно, что послы Перисада противопоставляются феорам из Аргоса. Очевидно, цель их посольства была общеполитическая и Птолемей Филадельф направил их на празднество между прочим. Важность посольства Перисада ко двору Птолемея II с очевидностью подчеркнута той заботливостью, с которой отнеслись в Египте к нему. Забота о подставе под его поезд, приглашение на важные династические празднества и особенно пометка Зенона о приеме им распоряжения с указанием часа, чтобы снять с себя ответственность, с очевидностью свидетельствуют о торжественности приема, оказанного посольству, что, конечно, могло быть связано только с тем значением, которое второй Лагид придавал отношениям с далеким царем Боспора. Делосские надписи также молчат о феории с Боспора; очевидно, посещение Делоса теми же послами не носило специального характера феории, а относилось тоже к общему установлению или укреплению связей с государствами Средиземноморья, предпринятому Перисадом II. Надпись № 21 содержит проксению делосцев пантикапейцу Койрану, сыну Демида, относящуюся, по мнению Русселя, ко времени вскоре после 250 г. до н. э. Если это лицо и не входило в состав посольства Перисада, то во всяком случае едва ли не в связи с укреплением отношений Боспора с Делосом стоит этот декрет, знаменуя собою установление деловой связи между боспорцами и храмом-банком эллинистической эпохи. Еще в 289/8 гг. до н. э. Спартоку III(IV) были оказаны особые почести декретом совета и народа афинян и к нему было перед этим послано посольство. Мне кажется возможным предполагать, что еще в царствование Спартока главная приманка для Афин—боспорский хлеб—создавала интерес к этому далекому царству. М. б., уже во второй половине царствования его сына Египет в этом отношении начал вытеснять с рынка боспорцев. Началось падение спроса на боспорский хлеб, и началось ослабление спартокидов, из-под ног которых выскальзывала крепкая почва—деньги за боспорский хлеб. Перисад II пытался укрепить связи с конкурентами и искал поддержки на Делосе и, вероятно, в этом успел.

С. А. Жебелев в статье «Основные линии экономического развития Боспорского государства» (ИАН, 1934, стр. 670—671) дает ряд сопоставлений, демонстрирующих попытки Перисада II укрепить свои связи на эллинистическом Востоке, упомянув и вышеприведенный папирус зенонова архива. См. об этом во вступительном очерке.

Но эти связи были непрочны. Полибий сообщает, что в его время «οἱ κατὰ Πόντον τόποι ... σίτῳ δ' ἀμείβονται, ποτὲ μὲν εὐκαίρως διδόν||τες, ποτὲ δὲ λαμβάνοντες» (Polyb., IV, 38—45=SC, стр. 441), т. е. «страны по Понту ... хлебом обмениваются (с нами), то давая его в случае нужды, то получая (у нас)». Из этого свидетельства видно, что во II в. хлебный рынок Понта, в особенности, конечно, Боспора, играл уже для Средиземноморья второстепенную роль, иной раз даже сам страдая недостатком в хлебе. М. б., в этом процессе, начало которого, с укреплением политической и экономической роли царства Лагидов, отразилось в рассматриваемых надписях и папирусе, нужно видеть причину, заставившую Перисада, не справлявшегося с внутренними делами царства, передать свою власть Митридату Евпатору, так как в руках ослабевших спартокидов уже не было достаточных средств для удержания власти в полуварварском, полугреческом царстве[1].

[1] См. С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 49 сл.

29—31. Праздник Χερσονήσια на Делосе.

29. (IdD, 328, Durrbach). Отчет гиеропеев за 221/220 г.

v. 9—12. [κατὰ συγγραφὴν τὴν κ]ειμένην πα[ρὰ τῶι δεῖνι] | [δανείου ἱστιατικοῦ] τοῦ εἰς τὰ Χερσ[ονήσια] ...

«По записи, хранящейся у (такого-то), ссуды храмовой из (капитала) на празднование Херсонесий...»

v. 22. εἰς τὰς θυσίας μηνὸς (Δ)ηναιῶνος τοῦ Χερσονησίου παρ' ἱεροποιοῦ Ἱερομβρότου παρελάβομεν Η...

«На жертвы в месяце Ленеоне из херсонесского (капитала) от гиеропея Гиеромброта мы получили 100 (драхм)...»

30. (IdD, 353). Отчет гиеропеев за 218 год. Le Bas ошибочно издал ее как надпись с Пароса (Voyage Arch. II, 2092); Th. Homolle доказал ее происхождение с Делоса (BCH, II, 1878, стр. 341 сл. и «Archives», стр. 134, LXII); A. Dieudonné, «Rev. de philol.» XXX, 1906, стр. 111.

v. v. 44—45. ...τοκλῆς ἀπέδωκε ὑπὲρ Φίλωνος τοῦ ἀδελφοῦ δανεί[ου ἑ]στιατικοῦ τοῦ εἰς τὰ Χερσονήσια Η κτλ.

«...токл отдал за брата Филона из храмовой ссуды, капитала на Херсонесии, сто (драхм)...»

31. (IdD, 366, F. Durrbach). Инв. Г 259. Плита беловатого мрамора из пяти фрагментов. Была открыта в 1904 г. Ставропулосом, эфором на Кикладах, в стене дома; разобрана Э. Шульгофом и им опубликована в BCH, XXXII, 1908, стр. 81, № 21. H. Lattermann'ом к ней даны примечания—там же, стр. 278 сл. Текст вновь пересмотрен Дюррбаком в 1910 г. R. Vallois частично переиздал эту надпись в «Exped. arch. de Délos», вып. II, дополнение «Nouvelles recherches sur la salle hypostyle». App. II, стр. 50—53.

v. 131 и 132. ἐδώκαμεν δὲ καὶ τοῖς ἐπιστάταις εἰς τὰς θυσίας ἐν τοῖς καθήκουσι χρόνοις... Ἀριστοπάππωι Τέλλιος εἰς Χερσονήσια ΗΗΗΗ.

«Выдали мы также эпистатам для жертвоприношений в установленные сроки... Аристопаппу, сыну Теллия, на Херсонесии 400 (драхм)».

Существование на Делосе особого праздника Херсонесий несомненно, как несомненно и наличие в храме специального капитала, проценты с которого шли на устройство праздника, имевшего место в месяце Ленеоне и состоявшего в жертвах, на что уходило до 400 драхм. Не привожу всех свидетельств, а лишь более характерные по содержанию. Остальные ничего существенного не дополняют. Отсылаю за ними к уже упоминавшейся (ВДИ, 1938, № 2/3) статье А. И. Тюменева (стр. 269—270). Часть исследователей, начиная с Омолля, относит это празднество за счет связи Делоса с Херсонесом Таврическим. Издатель IdD Дюррбак связывает этот капитал и празднество с существованием на о-ве Миконе храмового участка Херсонеса. А. И. Тюменев, изложив существующие мнения, отстаивает высказывание Омолля. Он аргументирует это тем, что доход с участка Херсонеса получался вместе с доходом с другого участка, что Херсонес лежал не на самом Делосе и, наконец, что в отчетах под Χερσονήσιον совершенно явно имеется в виду денежный капитал, а не доход с участка земли. Иначе распределялись и доходы: с земельных участков они поступали пританам и шли на удовлетворение текущих расходов. К тому же капитал и праздник всегда упоминаются в документах совместно. Толкование А. И. Тюменева во всяком случае вполне опровергает произвольное предположение Дюррбака. В связи же с ролью Херсонеса Таврического в жизни Делосского храма, гипотеза Омолля—Тюменева кажется особенно заманчивою и, на мой взгляд, почти совершенно доказанною.

6. ЛЕСБОС

32. (Syll.³, 212, Hiller von Gärtringen). Декрет в честь Левкона I. Надпись найдена в Митиленском акрополе, хранится в арсенале. W. Paton издал ее в IG, XII, 2, 3, но дополнил недостаточно. Благодаря тому, что текст вырезан στοιχηδόν, Hiller дал дополнения вполне убедительные. У нас подробное

истолкование надписи и переиздание ее дал С. А. Жебелев в своей статье «Основные линии экономического развития Боспорского государства» (ИАН, 1934, стр. 604, пр. 1). См. также: Francotte, Les finances des cités grecques, 13; Busolt, Gr. Staatskunde, 614; Schwahn, RE, V, A, 257.

Λεύκων καὶ οἱ παῖδες [αὐτοῦ Μυτ]|ιληναίοις ἔδοσαν τελ[εῖν πυρ]|ῶν ἑξακοστὴν ἀπλῆν καὶ [ἐνενηκοσ]|τὴν ἀρχεῖον [μέ]χρι δέ[κα ταλά]|[ντων]...

«Левкон и его сыновья дали митиленцам (право) платить с пшеницы обычную (пошлину) (в размере) шестидесятой и (в размере) девяностой на стоимость вплоть до 10 талантов».

ἀρχεῖον, по Гиллеру, вместо ἀρχαῖον. δέκα ταλάντων даю по С. А. Жебелеву (ук. соч.) вместо δέκα μυριάδων μεδίμνων, чтения, предложенного Гиллером и данного в Syll.³.

Надпись составляет, м. б., часть декрета в честь Левкона I и его сыновей—Спартока, Перисада и Аполлония. Левкон еще в живых; следовательно, надпись относится ко времени до 347 г. до н. э. Эта же надпись показывает, что Левкон еще при жизни сделал своих сыновей Спартока и Перисада соправителями: совместное правление этих братьев продолжалось и после смерти отца (см. Понтика, стр. 79 сл.). Надпись повествует не только о соуправлении, но о соучастии их в делах по хлебному экспорту. Подобное же явление мы находим, например, на принадлежавшем царям черепичном заводе. Действительно, там имя Притана фигурирует в одном штемпеле с его отцом (ИГАИМК, вып. 104, стр. 311, № 68). Это подтверждается и афинским декретом 346 г. (см. № 3). Повидимому, начинало слагаться право прижизненного участия сыновей в делах царя-отца на Боспоре, грубо нарушенное младшим братом Притана, во вспыхнувшей борьбе братьев (Diod. Sic., XX, 22 сл. = SC, стр. 474 сл.). В остальном мне кажутся единственно верными соображения Жебелева. Он прав в своем указании, что $^1/_{60}$ и $^1/_{90}$ кратны обычной пошлине $^1/_{30}$, взимавшейся этими царями (Dem., In Leptinum, XX, 32 = SC, стр. 365), чем подтверждается восстановление $^1/_{90}$. Он правильно указывает, что ἀρχεῖον = ἀρχαῖον в надписях обычно именно в единственном числе. Но прекрасно его дополнение ταλάντων, так как цена колебалась и пошлина взималась с суммы оплаты, а не с цифры вывоза. Чем больше закупалось хлеба, тем ниже становилась пошлина. Митиленцы находились на лучшем положении, чем другие экспортеры, так как они были старыми и серьезными покупателями. Митиленцы уже в эпоху Пелопоннесской войны (а связи были, очевидно, завязаны еще ранее) получали оттуда же те же самые товары и, следовательно, если и в меньшей мере, чем афиняне, то все же доставляли царям Боспора хороший доход. Так, при отложении Митилен от Аттического союза зимою 429/8 г. до н. э. жители этого города медлили с восстанием, ожидая с Понта все потребное для ведения военных действий, а именно—стрелков и хлеб (Thuc., III, 2).

7. МАЛАЯ АЗИЯ

33. (Syll.³, 1014, Hiller von Gärtringen). Упоминание о жреце Аполлона и Артемиды Кавказских. Найдено в Эритрах, теперь в Смирнской гомеровской школе. Изд. Rayet, «Rev. arch.», XXXIV, 1887, стр. 107; Michel, 839; Syll.², 600; SGDI, 5692; остальную библиографию см. в примечании Syll.³.

В большой надписи, перечисляющей жречества Эритр, на левой стороне камня в столбце II, vv. 19—21 читается:

Ἐφ' ἱεροποιοῦ Πυθοκρίτου| ['Από]λλωνος Καυκασέως, 'Αρτέμιδος Καυ|[κασί]δος καὶ...

«При гиеропее Питокрите Аполлона Кавказея и Артемиды Кавказиды» и т. д.

Хронология всей надписи в целом доходит почти до 250 г. Колонну, в состав которой входит цитируемый отрывок, следует считать относящейся ко времени около 274 г.

Комментаторы указывают на упоминание Геродотом порта Καύκασα на острове Хиосе (Herodot., V, 33) и название местности на о. Хиосе—ἐν Καυκάσωι (IG, XII, 5, 1078). Они предполагают, что обе божества получили свои эпитеты от одной из этих местностей. Гиллер ставит этот эпитет в связь с кавказским Фазисом. Со своей стороны укажу на надпись на фиале, найденной в одном из курганов на Сев. Кавказе и относящейся к V в. до н. э. Эта надпись: Ἀπόλλωνος Ἡγεμόνος εἰμὶ τοῦ Φάσι. «Я принадлежу Аполлону Водителю, находящемуся в Фазисе» (изд. ИАК, вып. 1, 94 сл., Minns, стр. 230; СБ, стр. 571).

34. (IGrR, IV, 1323, Cagnat—Lafaye). Декрет в честь начальника Боспорской когорты. Фокея. Изд. Orient. Gr. inscr. sel., 489.

Ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος | Τίτον Φλάουιον Οὐᾶρον | Καλουησιανὸν Στρατο|νείκου
υἱὸν Κυρείνᾳ Ἑρ||μοκράτῃ, ἔπαρχον τε|χνειτῶν ἐν Ῥώμῃ δίς, ἔ|παρχον
σπείρης Βοσπο|ριανῆς πρώτης, χειλίαρ|χον λεγιῶνος [ι]β′ Κερα||υνοφόρου,
ἀρχιερέα Ἀσί|ας ναοῦ τοῦ ἐν Ἐφέ|σῳ, πρύταν[ιν], στεφα|νηφόρον καὶ ἱερέα
τῆς | Μασσαλίας δίς, ἀγω||νοθέτην, βασιλέα Ἰ|ώνων, ἀναθέντων | τὰς τιμὰς
τῶν τε | οἰκείων καί τῶν ἀ|πελευθέρων.

«Совет и народ (чествуют) Тита Флавия Вара Калвесиана, сына Стратоника с Кириною, Гермократа, начальника ремесленников в Риме дважды, начальника первой Боспорской когорты, трибуна 12-го Молниеносного легиона, верховного жреца Азии в Эфесском храме, притана, стефанефора и жреца Массалии дважды, устроителя состязаний, царя ионийцев, причем почести на него возложили и его домашние и его вольноотпущенники».

Время этой надписи—эпоха Адриана, когда Эфес получил титул δὶς νεωκόρος (CIG, 3148, 33). Тит Флавий Вар был одно время, повидимому, в Паннонии, где стояла первая Боспорская когорта (см. Cichorius в RE, IV, 1, стр. 255). 12-й легион стоял в Сирии («Legio» у Daremberg—Saglio). Боспорские когорты участвовали с этим легионом на одном и том же театре войны (Арриан—Ἐκταξις κατ' Ἀλανῶν, 3, 18. (См. также наше примечание к надписи № 7).

Милет

Надписи этого города представляют особенное значение для городов Скифии, так как он—метрополия многих из них. Его связи со Скифией отмечены в Ольвии надписями IPE, I², 40 и 41. Надписи приводятся в хронологическом порядке.

35. (Milet, III, 136, A. Rhem). Изополития милетцев и ольвиополитов. Syll.³, 286. Инв. № 678. Найден в вымостке Дельфиния в 1903 г. Ср. С. С. Дложевский, «Вістник Одеської Комисії краезнавства», 1 (1924), стр. 13 сл.; С. А. Жебелев, Милет и Ольвия, ИАН, 1929, стр. 427 сл. (с русским переводом).

Τάδε πάτρια Ὀλβιοπολίταις καὶ Μιλησ[ί]||οις· τὸμ Μιλήσιον ἐν Ὀλβίη(ι) πόλει
ὡς Ὀλ|βιοπολίτην θύειν ἐπὶ τῶν αὐτῶμ βω|μῶν καὶ εἰς τὰ ἱερὰ τὰ αὐτὰ
φοιτᾶν τὰ || δημόσια κατὰ τὰ αὐτὰ καὶ Ὀλβιοπολί|τας· εἶναι δὲ καὶ ἀτελείας
Μιλησίοις κα|θάσσα καὶ πρότερον ἦσαν. ἐὰν δὲ θέλη|ι τιμουχιῶμ μετέχειν,
ἐπὶ βουλὴν ἐπίτω | καὶ ἀπογραφεὶς μετεχέτω καὶ ἔστω || ἐντελής, καθότι καὶ
οἱ ἄλλοι πολῖται| εἰσίν· εἶναι δὲ καὶ προεδρίαγ καὶ εἰσκη|ρύσεσθαι εἰς τοὺς
ἀγῶνας καὶ ἐπα|ρᾶσθαι ταῖς τριακάσιγ καθάσσα καὶ | ἐμ Μιλήτωι ἐπαρῶνται.
ἐὰν δέ τι συμβέ||λαιον ἦ(ι) τῶι Μιλησίωι ἐν Ὀλβίαι, ἰσχέτω δί|κην καὶ
ὑπεχέτω ἐμ πενθ' ἡμέραις ἐπὶ | τοῦ δημοτικοῦ δικαστηρίου· εἶναι δὲ | [ἀ]τελεῖς
πάντας Μιλησίους, πλὴν ὅσοι | ἐν ἄλλη(ι) πόλει πολιτεύονται καὶ ἀρχείω(ν) ||
μετέχουσιγ καὶ δικαστηρίων. κατὰ ταὐ|τὰ δὲ καὶ Ὀλβιοπολίτας ἐμ Μιλήτωι
ἀτε|λεῖς εἶναι καὶ τὰ ἄλλα κατὰ τὸν αὐτὸν | τρόπον Ὀλβιοπολίταις
Μιλήτωι ὑπάρ|χειγ καθότι καὶ Μιλησίοις ἐν Ὀλβίη(ι) πόλει.

«Следующие отчие обычаи у ольвиополитов и милетцев: милетец в городе Ольвии, как ольвиополит, да приносит жертвы на тех же самых алтарях и да имеет доступ в те же самые святилища на тех же самых основаниях, как ольвиополиты, да будут права свободы от налогов у милетцев на тех же основаниях, как и прежде были. Если же он пожелает отправлять государственные должности, да явится он на совет и, записавшись, да отправляет (их) и да будет он повинен налогам, как и остальные граждане. Да будет (у них право) на проэдрию и да вызываются (они) на состязания и да возносят молитвы в поминальные дни (триакады) на тех же основаниях, как и в Милете возносят молитвы. Если же будет у милетца тяжба в Ольвии, да пользуется он правосудием и да получает решение в пятидневный срок в отделении суда, где разбираются дела граждан. Да

будут свободны от податей все милетцы, кроме тех, которые имеют права гражданства в другом городе и принимают участие в управлении и в судах. На тех же (условиях) и ольвиополиты в Милете да будут свободны от налогов, и да пользуются ольвиополиты остальным таким же образом в Милете, как и милетцы в городе Ольвии».

Время надписи перед 323 г. до н. э. выведено Ремом по сходству письма и языка с каталогом милетских стефанефоров. Гиллер в Syll.^{3} относит ее ко времени вскоре после 334 г. Надпись посвящена исополитии (равноправию) граждан обоих городов между собою. Рем справедливо видит в этой надписи кодификацию ранее установившихся отношений. Он же отмечает многократную трактовку Ольвии как милетской колонии (F r. B i l a b e l, Untersuch. üb. Milet und seine Kolonien, München, 1913; Л а т ы ш е в, Исследов. об истории и госуд. строе города Ольвии, стр. 38 сл.; Minns, стр. 451 др.; IPE, I^2, 40$_2$ и 41$_2$), однако указывает на важность следующего: ольвиополиты не знали того же бога—архегета других колоний Милета и, повидимому, не были в числе поклонников и дарителей Аполлона Дидимейского. В чести был в Ольвии культ Аполлона Дельфиния (IPE, I^2, 163, 189), что соответствует месту находки надписи. Так, Аполлония в Риндаке еще во II в. до н. э. посылала дары Аполлону Дидимейскому, чтобы отметить свое происхождение от Милета. То же делали и другие города, например Кизик. В нашей надписи нет этого: оба города «stehen auf vollkommen gleicher Stufe» (v. v. 21—24). Содержание надписи распадается на три отдела. В первом (v. v. 1—7) говорится об участии милетцев в священнодействиях ольвийцев и обратно, причем гражданин остается при своем гражданстве и сохраняет свободу от налогов. Во втором отделе говорится о порядке принятия гражданства Ольвии милетцем (v. v. 7—10). Далее (v. 11 и сл.) опять говорится о правах милетского гражданина в Ольвии, кроме пользующихся гражданством другого города. Рем справедливо предполагает, что здесь имеются в виду города, имевшие с Милетом такой же договор. Особенное значение имеет для милетцев допущение их к празднеству триакад, под которыми, по Рему, здесь следует понимать праздник в честь усопших (ср. R o h d e, Psyche, 215, 633,3), как в Афинах. Впрочем, Рем предполагает еще и другую возможность: культ Гекаты, известный и в Милете (Milet, III, 129) и в Ольвии (IPE, I^2, 170 и 192 римского времени, собств. имена ольвийцев ibid. 201, роща Кибелы близ Ольвии Anon. peripl. Ponti Euxini, § 58; P t o l., Geogr., VII, 5, § 7; E. D i e l s, Τὸ Κέδρον в «Acta univ. Lat.», XI, 1924, стр. 299—302; Minns, стр. 481, № 6; G. M. H i r s t, The cults of Olbia, «Journ. of Hell. Studies» = русский перевод в ИАК, 27, стр. 105 сл.; у Афинея культ Гекаты упоминается, как τριακάδες, Athen., VII, 325 A). Но было бы не вполне понятно, замечает издатель, почему этот культ отмечается особо. Эта надпись во всяком случае отчетливо указывает на большее значение Ольвии в Милете, чем ряда других милетских колоний.

Рем в комментарии к надписи останавливается на выражениях Ὀλβίη πόλις и Ὀλβιοπολῖται. Отсылаю желающих ознакомиться с чрезвычайной распространенностью этих названий к IPE, I^2, index, к монетам Ольвии в корпусах Бурачкова и Пика и к Стефану Византийскому.

С. А. Жебелев видит в этом законе положение, существовавшее с самого основания Ольвии, как это видно по отдельным выражениям самого декрета. Милет после отпадения от персов стал автономным и демократическим, согласно с общей политикой Александра Великого. Отсюда, полагает Жебелев, возникло естественное стремление Милета урегулировать свои взаимоотношения с колониями. Необходимость подтвердить договор с Ольвией диктовалась еще тем, что ольвиополиты в это время, в связи с нападением на них македонского наместника Фракии Зопириона, «прибегли к тем мерам, к каким очень часто прибегали греки в аналогичных случаях: они освободили рабов, дали права гражданства иноземцам, проживавшим в городе, устроили погашение долговых обязательств» (Жебелев, ук. соч., стр. 435). Само собою разумеется, что при таких изменениях в гражданском составе Ольвии милетцам было совершенно необходимо напомнить в Ольвии о своих правах. Исходя из соображения о связи издания этого закона в Милете с осадою Ольвии Зопирионом, Жебелев относит его ко времени вскоре после 331 г. до н. э., который он считает годом осады. Это сопоставление не было сделано первыми издателями надписи.

36. (Milet, III, 7). Ч а с т ь к а т а л о г а, м. б., с и м е н е м о л ь в и о п о л и т а, найдена на обломке невдалеке на запад от Львиной бухты.

1. — — — . . . μαλίας | — — — — . . . ς ὑοὶ τούτου
Πλάτων — — — θυγατέ]ρες | — — — . Ὀλβιοπ]ολίτης — — —
Κυ]ζικηνὸς ἀπὸ πατρὸς | — — Διο]νυσίου Ἡρακλεώτης | — — —
ντος Ἀλλινδεύς | — — — Πισιδεύς, γυνὴ τούτου | — — —

«... малиец... его сыновья Платон... дочери... ольвиополит?... кизикинец по отцу,... сын Дионисия гераклеот... сын... нта аллиндеец,... писидец, жена его...

Надпись, по Рему, относится к III в. до н. э., по содержанию близка к Milet, III, 64. М. б., это—такой же список допущенных в граждане Милета, как наш № 37. Издатели в строке 4 предполагают Μιλητοπ]ολίτης или 'Ολβιοπο]λίτης. Второе восстановление кажется мне более вероятным.

37. (Milet, III, 83). Внесение [ольвиополита(?) в число милетских граждан. Инв. № 737. Найден в 1904 г. в Дельфинии.

['Επὶ στεφανηφόρου τοῦ δεῖνος μηνὸς 'Απα]τουρίωνος
[οἵδε ἐγένοντο πολῖται κ]ατὰ τὸ ψήφισμα [τοῦ δήμο]υ
[— — — — — — — — — — — νό?]θος
— — — — — — — — — — — 'Ολβιοπο]λίτης.

«При стефанефоре... в месяце Апатурионе (следующие лица стали гражданами) по постановлению (народа)... незаконнорожденный ... (ольвио)полит(?)».

Издатели в 5-й строке склонны видеть или Μιλητοπο]λίτης или 'Ολβιοπο]λίτης. Думаю, что здесь, вероятно, Ολβιοπο]λίτης, что особенно возможно в связи с правилами закона о равноправии милетцев и ольвийцев (№ 35). Надпись, по Рему, II в. до н. э.

38. (CIG, II, 2855, Böck; H'aussoullier, Études sur l'histoire de Milet et du Didymeion, Paris, 1902, Bibliothèque de l'École des hautes études, 138). Приношение Камасарии Аполлону Дидимейскому в 156—155 г. до н. э. Найдена в Милете на одном камне с № 2854. Впервые была издана Chishull, Antiquitates Asiaticae, стр. 90; Michel, 856; ср. «Revue de philologie», XXII, 1898, стр. 128 сл.; Понтика, стр. 299.

'Επὶ στεφανηφόρου τοῦ θεοῦ | τοῦ τρίτου τοῦ μετὰ Μηνόδωρο[ν], | προφητε[ύ]οντος
δὲ 'Αντιπάτρου | τοῦ Μεν[ε]στράτου, κατὰ ‖ ποίησιν δὲ Μενάνδρου τοῦ Μαίω|νος,
ταμιευόντων δὲ καὶ παρ|εδρευόντων ἐν τῶι ἱερῶι Δημ[ητρί|ο]υ τοῦ Πασίωνος
'Εκαταίου τοῦ | 'Αρτέμωνος, τάδε ἀνετέθη τῶι ‖ 'Απόλλωνι· ὑδρία, ἐφ' ἧς ἐπιγραφὴ | 'Απόλλωνος Διδυμέως, ὁλκὴν ἄγ|ουσα 'Αλεξα[ν]δρείας χιλίας τετρακ|οσίας
ἐνενήκοντα. φιάλη 'Απόλλω|νος Διδυμέως ἐκ τῆς ἀποσταλείσης ‖ ἀπαρχῆς ὑπὸ βασιλέως Προυσίου, ὁλ|κὴν ἄγουσα 'Αλεξανδρείας τριακοσίας. | Κυζικηνῶν φιάλη, ὁλκὴν ἄγουσα 'Αλε|ξανδρείας ἑκατόν. Κρατέ[ρ]ου τοῦ Κρατ[έ|ρ]ου φιάλη, ὁλκὴν ἄγουσα Μιλησίας ἐ‖νενήκοντα. Κανοῦν φυλῆς τῆς 'Ασω|τίδος ὁλκὴν ἄγον 'Αλεξανδρείας πεντ|ακοσίας. βασιλέως Προυσίου Προυσιάδες | δύο, ὁλκὴν ἄγουσαι ἡ μὲν 'Αλεξανδρείας | ὀκτακοσίας καὶ [δ]έκ[α], ἡ δ[ὲ] ὀκτακοσίας τριά‖κοντα ἕξ. λιβανωτὶς χρυσῆ 'Α|πόλλωνος καὶ 'Αρτέμιδος, ὁλκὴν ἄγουσα | χρυσοῦς ἑκατόν· τὸ δὲ ἔμβολο[ν αὐτῆς] ἀ[ρ]|γυροῦν, ἄγον δραχμὰς τεσσαράκοντα τρεῖς, ὀ|βολόν. βασιλ[ίσ]σης Καμασαρ[ύ]ης . . . ‖ χρυσοῦς, ὁλκὴν ἄγων χρυσοῦς ἑκατὸν ὀγδο|ήκοντα ἑπτά, ἡμίχρυσον. [τῆς δεῖνος] 'Αρτέμω[νος] | ['Αντιγόνου] . . . α 'Υπο[μηλίδα, φιάλη] ὁλκῆς χρυσ[ῶν] ἑκατ[ό]ν. φιάλιον [ἀργυροῦν] | ὁλκῆς 'Ροδίων εἴκοσι. . . .

«При стефанефоре бога, третьем после Менодора, при прорицателе Антипатре, сыне Менестрата, при поэте Менандре, сыне Меона, при бывших казначеями и паредрами в святилище Димитрии, сыне Пасиона, Гекатее, сыне Артемона, следующее было посвящено Аполлону: гидрия с надписью «Аполлона Дидимейского», весом тысячу четыреста девяносто александрийских (драхм), фиала Аполлона Дидимейского из присланных царем Прусием начатков, весом триста александрийских (драхм), фиала кизикцев, весом сто александрийских (драхм), фиала Кратера, сына Кратера, весом девяносто милетских (драхм), корзина филы Асотиды, весом пятьсот александрийских (драхм), две прусиады царя Прусия, весом одна—восемь-

сот десять, другая—восемьсот тридцать шесть александрийских (драхм), ладоница золотая Аполлона и Артемиды, весом золота сто (статеров); серебряная стрела ее, весом сорок три драхмы и обол; царицы Камасарии... золотой, весом сто восемьдесят семь с половиною золотых статеров (*по Беку, здесь лакуна*) Артемона, сына Антигона и ...а сына Гипомелида фиала весом золотых (статеров) сто, фиалион (серебряный) весом родосских двадцать (драхм)».

Привожу надпись полностью: 1) для того, чтобы показать то окружение, в котором боспорский царствующий дом вносил свои дары в сокровищницу своего патрона-основателя, и 2) в связи с хронологическими и династическими соображениями Оссулье и Латышева о Боспоре.

Считая упоминаемого здесь Прусия вторым и относя его «начатки» к добыче после разгрома Пергама в 156 г. до н. э., Бек считает Камасарию его женою. Вес серебра здесь, судя по женскому роду числительных, в драхмах, а золотых вещей—в статерах, отчего надо считать дополнение φιάλιον [ἀργυροῦν] у Бека правильным. В. В. Латышев в Понтика, стр. 87 прим. 2 и стр. 288 сл. сопоставил эту надпись с IPE, II, 19, где говорится о Перисаде IV и его матери Камасарии, с дельфийским декретом в честь Перисада и Камасарии (№ 15), дочери Спартока. Он отверг идею Бека о гипотетической царице Вифинии Камасарии, справедливо указав на то, что, кроме Прусия, в списке упоминается немало других жертвователей. Оссулье приводит еще надпись царя Перисада в Дидимах (№ 39). К его царствованию относится, по Латышеву, следовательно, и дельфийское народное решение и трактуемая надпись, т. е. он царствовал еще в 155—154 гг., к которым она относится. Дельфийский декрет Латышев по письму считает вместе с Омоллем (BCH, 1899, 23, стр. 90) несколько раньше десятилетия 160—150 гг. Латышев вывел из этого вполне удачно, что Спарток, отец Камасарии, был царем, что годы царствования этого Спартока где-то около 150-го, что надпись в честь Камасарии и других членов дома Спартокидов (IPE, II, № 19)—позднее 150-х годов.

Отметим еще одну важную черту в связи с декретом милетцев об исополитии с ольвиополитами: даже такой мощный город, как Пантикапей, припоминает своего бога-основателя Аполлона Дидимейского через дары своих владык. Ольвия же не знает его культа (Milet, III, 136). М. б., общепризнанное происхождение Ольвии из Милета прошло каким-то необычным для его колоний путем? Во всяком случае в ее происхождении что-то остается не вполне определенным.

39. (Haussoullier в «Revue de philologie», XXII (1898), стр. 114, № 23). Приношение Перисада Аполлону Дидимейскому в 154/153 г. до н. э. Ср. Понтика, стр. 299, прим. 2.

v. 28—30. ...βασιλέω[ς Παιριτ]άδου φιάλη χρυσῆ, ἧς ὁλκὴ χρυσοῦ διακόσιοι...

«царя Перисада золотая фиала, вес которой двести золотых».

Восстановление Оссулье в связи с надписью № 38 не вызывает никаких сомнений. Его ссылка на эту надпись подкрепляется еще числом исчезнувших букв. Отмечу со своей стороны отсутствие в эти годы другого царя с подходящим концом имени на греческом Востоке. Мы уже отмечали выше некоторое стремление еще Перисада II завязать прочные отношения с малоазиатским Западом и соседними островами (№ 28). Если принять во внимание трактуемую надпись и родосскую № 52, будет очевидно, что вплоть до последних лет царствования Митрадата Евпатора эти связи усиленно поддерживались. Милет входит в эти сношения еще и как метрополия Боспора.

40. (CIG, II, 2878, Böck). Декрет в честь императора Пертинакса. В Милете близ театра, на белом мраморе. Изд. Massonus, Collect. hist. ad Aristid. ad a. u. c. 922, n. 14, p. CXXIX; Michel, 856.

[Τῆς πρ]ώτης [τ]ῆς Ἰων[ίας | ὠ]κισμένης καὶ μητρο|πόλεως πολλῶν καὶ
μεγάλω[ν] | | πόλεων ἔν τε τῷ Πόντῳ καὶ τ[ῇ] || Αἰγύπτῳ καὶ πολλαχοῦ τῆς
ο[ἰ]|κουμένης Μιλησίων πόλε|ως ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος Αὐ|τοκράτορα Καίσαρα
Μάρκου, Ἀν|τωνείνου Εὐσεβοῦς Γερμα||νικοῦ, Σαρματικοῦ υἱόν, [θεοῦ]| Ἀντωνείνου
Εὐσεβοῦς υἱω|νόν, θεοῦ Ἀδριανοῦ ἔγγονον, θεοῦ Τραϊανοῦ Παρθικοῦ καὶ | θεοῦ
Νερούα ἀπόγονον, Λού||κιον Σεπτίμιον Σεουῆρον | Περτίνακα Εὐσεβῆ, Σεβασ|τόν,
Ἀραβικὸν Ἀδιαβηνικόν, | πατέρα πατρίδος, ἀρχιερέα μέγιστον, δημαρχικῆς ||
ἐξουσίας τὸ $\overline{\mu}$, αὐτοκράτορα τ[ὸ] | $\overline{\zeta}$, ὕπατον τὸ $\overline{\beta}$, ἀνθύπατον· ἐ|πιμεληθέντος
τοῦ ἀρχι|πρυτάνιδος Κτησίου τοῦ Κτ[η]|σίου καὶ τῶν συναρχόντων || αὐτοῦ

Ἑστιαίου τοῦ Ἐπιγόνου | τ[ὸ] β̄, Βυβλιανοῦ τοῦ Νικάνορος, | Ἀγαθέποδος τοῦ
30 Στρατονεί|κου, Ἀφροδεισίου τοῦ Ποσ[ει]δωνίου, Ἑρμοῦ τοῦ Διονυ||σίου.

«Совет и народ города милетцев, первого, основанного в Азии, и метрополии многих и великих городов на Понте, в Египте и во многих местах во вселенной, воздвиг самодержца Кесаря, сына Марка Антонина, Августа Германика Сарматика, внука бога Антонина Благочестивого, потомка бога Адриана, отпрыска бога Траяна Парфянского, бога Нервы, Луция Септимия Севера Пертинакса, благочестивого Августа Арабского, Адиабенского, отца отечества, верховного жреца, народного трибуна в 3-й раз, императора 7-й год, консула второй год, проконсула, при попечителе архипританства Ктесии, сыне Ктесия, и при соуправляющих вторично с ним Гестиее, сыне Епигона, Библионе, сыне Никанора, Агатоподе, сыне Стратоника, Афродисии, сыне Посидония, Гермесе, сыне Дионисия».

Надпись по многочисленным хронологическим указаниям в тексте относится к 195 г. до н. э. и сделана, вероятно, в память фиктивного усыновления Пертинакса Антонином Пием. Ценностью этой надписи для северного Черноморья является упоминание Милета как метрополии многих и великих городов на Понте.

II. Надписи о боспорском царском доме I в. до н. э.—I в. н. э.

41. (IGrR, IV, 1682. Cagnat — Lafaye). Декрет в честь Митридата Пергамского. В Пергаме в гимнасии. Издал Herding, AM, XXXIV (1909), стр. 329. Еще экземпляр той же надписи был найден в Пергаме, там же, стр. 331 и AM XXXV (1910), стр. 471.

Ὁ δῆμος ἐτίμησεν | Μιθραδάτην Μηνοδότου τὸν διὰ γένους ἀρχιερέ[α] | καὶ
ἱερέα τοῦ Καθεγεμόνος Διονύσου διὰ γένο[υς] | ἀπο[κα]ταστήσαντα τοῖς πατρώιοις
5 θεοῖς τ[ήν τε πόλιν] || καὶ [τὴν] χώραν καὶ γενόμενον τῆς πατρίδος με[τὰ
Πέργαμον] | καὶ Φιλέταιρον νέον κτίστην.

«Народ почтил Митрадата, сына Менодота, наследственного верховного жреца и наследственного жреца Вожатого Диониса, восстановившего отеческим богам город и страну и сделавшегося после Пергама и Филетера новым основателем отечества.

Упоминаемый в надписи Митридат, сын Менодота, пергамец родом, наверное, то же самое лицо, что и Митридат Пергамский, о котором сообщает Страбон (XIII, стр. 625). Его мать Адовмонида, из рода галатских тетрархов, была будто бы любовницей Митридата Евпатора. Родственники дали ему поэтому имя великого царя. Авл Гирций в Bell. Alex., 78, говорит, что он был царского рода, а также в гл. 26 повествует об оказанных им в этой войне Цезарю услугах, за что Цезарь хотел ему дать Боспор и послал его против Асандра, победившего Фарнака в 47 г. до н. э. и воцарившегося на Боспоре. Но Асандр легко его разбил, причем он сам был убит (Bell. Alex. 26—28, 78; Strabo, XIII, 625; Cass. Dio, VII, 48; ср. комментарий в IGrR, стр. 96 и 97 и Каллистов, Этюды из истории Боспора Римского времени, ВДИ, 1938 г., № 4(5), стр. 174 сл.). Он сравнивается с мифическим основателем города Пергамом (Fränkel, Inschr. v. Perg., II, 289; «Alterth. v. Pergamon», стр. 252 и 310); Филетер—первый из Атталидов, царствовавший в Пергаме в 281 и 263 гг. Издатели предполагают возможным, что Цезарь, по просьбе Митридата, в 46 г. возвратил Пергаму утраченную свободу. Именно за это, если предположение верно, Митридат получил почетное постановление от своего города.

42. (IG, II², 3483, IG, III, 547, Joh. Kirchner). Сооружение статуи Пифодориды. Афины. Эпиграфич. музей в Афинах, № 9573. Находилась у Парфенона. Базис гиметтского мрамора. Издал Питтакис, Ἐφ., 92 и Dittenberger, Orientis Gr. inscript. selec., 376, ср. Моммсен, Eph. Epigr., I, 1872, 270.

ὁ δῆμ[ος] | βασίλισσαν Πυθοδωρίδα | Φιλομήτορα.

«Народ царицу Пифодориду Матерелюбивую (поставил)».

Надпись относится к концу I в. до н. э., когда вдова Полемона Боспорского Пифодорида была замужем за каппадокийским царем Архелаем. О Пифодориде см. подроб-

нее к надписи из Смирны № 43 и к кизикским надписям в честь Антонии Трифены № 45—48). Посвятительные надписи Архелаю IV и его сыну Архелаю V были поставлены в Афинах, первому—около 20 г. до н. э. (IG, II², 3430 =IG, III, 545), второму около 17 г. н. э. (там же, 3434 =IG, III, 548). Приведенную надпись в честь Пифодориды Graindor относит ко времени после 8 г. до н. э.

43. (IGrR, IV, 1407, Cagnat—Lafaye). Постановка статуи в честь Зенона, сына Пифодориды и Полемона. Смирна. Eph. ep., I (1872), стр. 270.

Ὁ δῆμος | Ζήνωνα, βασιλ⟨λ⟩ίσσης | Πυθοδωρίδος Φιλομήτορος | καὶ βασιλέως Πολέμωνος || υἱὸν, θυγατριδῆ δὲ τῆς εὐ|εργέτιδος Ἀντωνίας, | ἐτείμησεν.

«Народ Зенона, сына царицы Пифодориды Матерелюбивой и царя Полемона, внука благодетельницы Антонии, почтил».

Зенон—сын Полемона I, женившегося около 12 г. до н. э. на Пифодориде, внучке триумвира Антония, родившейся у его дочери от Пифодора Траллианского (см. Prosop. imp. Rom. I, стр. 106, № 705; III, стр. 112, № 834 и 835). По определению издателей, эта надпись была поставлена ему до 18 г. н. э., когда он стал царем Армении (Prosop. imp. Rom., стр. 439, № 5. Об этой семье см. O. Rayet, Milet et le golfe Latmique, I (1877), стр. 81.

44. (IGrR, I, 1503). Посвящение Аполлону Врачу во здравие Риметалка. Аполлония во Фракии. Изд. G. Seare, REA, 1904, стр. 212; Kalinka, Antike Denkmäler in Bulgarien, стр. 142, № 157.

[Ἀπόλλ]ωνι Ἰητρ[ῶι. Ὑπὲρ τῆ]ς Ῥοιμ[η]τάλκου, [υἱοῦ] βασι|[λέως Κότ]υος
καὶ[ὶ || βασιλέ]ως Ῥο[ι|μητά]λκου υἱ[ω|νοῦ κ|αὶ Πυθο,[δω|ρίδος β]ασι[λ]έω[ς|
Ῥοιμητά]λκου || [γυναικὸ]ς Πολ[έ]|μωνος δὲ] θυγατ|[ρὸς ὑγ]ίας καὶ σ[ω|τηρίας]
εὐξάμ[ε|νος... Δ]ούκιος|| [...]ήνων.

«Аполлону Врачу. Во здравие и спасение Риметалка, сына царя Котиса и внука царя Риметалка, и Пифодориды, жены царя Риметалка, дочери Полемона, принесши обет... Лукий (и) ...енон...»

Надпись относится ко времени императора Августа. Важно родство Риметалка II, царствовавшего во времена Августа и Тиберия, с Полемоном Боспорским и то, что упоминается вторая дочь Полемона Пифодорида, не упоминаемая Дионом Кассием. См. об них Prosopographia imperii Romani, III, стр. 131, № 51.

45—48. Декреты кизикинцев в честь Антонии Трифены и ее сыновей.

45. (IGrR, IV, № 144, Cagnat—Lafaye). Надпись в Кизике. Издали: Curtius, MBPA, 1874, стр. 7, n. III; S. Reinach, BCH, VI (1884), стр. 612; Ramsay, Anatolian studies, Manchester, 1923.

Ἐπὶ Παυσανίου τοῦ Εὐμένους ἱ[ππ]άρχεω, μηνὸς Καλαμαιῶνος | ἔδοξεν τῆι βουλῆι καὶ τῶι δήμωι. Παυσανίας Εὐμ[ένους] Αἰγικορεὺς μέσης ἐπὶ Δημητρίου εἶπεν· Ἐπεὶ|Ἀντωνία Τρύφαινα, βασιλέως Πολέμωνος καὶ β[ασιλίσ]σης Πυθοδωρίδος θυγάτηρ, τὸν αἰώνιον τοῦ μεγίστο[υ] | θεῶν Τιβερίου Σεβαστοῦ Καίσαρος οἶκον καὶ τὴν ἀθάν[ατον ἡγ]εμονίαν αὐτοῦ διὰ παντὸς εὐσεβοῦσα συγκαθιέ-
ρωσ[ε] || τῆι Πολιάδι Ἀθηνᾶ ἄγαλμα τῆς μητρὸς αὐτοῦ [Σεβαστῆς Νει]κη[φ]όρου καὶ λαβοῦσα παρὰ τῆς πόλεως ἱερητείαν αὐτῆι ἐν τῆι πέρσυ ἀγομένηι ἀτελείᾳ τῶν Παναθηναίων, [ἔδωκεν ἑκ]άστοις πάντα μὲν τὰ πρὸς εὐσέβειαν τῶν θεῶν καὶ [κα]|τὰ τὸ ἔθος αὐτῆς ἐκπρεπώσοτον πολλῶν ἱερουργί[αν αὐτὴ ἐξε]πλήρωσεν, τῆι δὲ ἐμφύτωι φιλανθρωπίᾳ πρός|τε τοὺς ἐνχωρίους καὶ τοὺς ξένους ἐχρήσατο, ὡς ὑπ[ὲρ τοῦ σιτισμοῦ] τῶν ξένων μετὰ πάσης ἀποδοχῆς ἐπί τε εὐσε|βείᾳ καὶ ὁσιότητι καὶ φιλοδοξίᾳ, ἐν δὲ τῶ κατ' ἔτο[ς ἀγῶν]ι
ἀπούσης μὲν αὐτῆς, πάντων δὲ συντετελεσμένων || ἐκ πλέως κατὰ τὴν ἐκείνης εὐσέβειαν, καὶ τῶν ἀπὸ τῆς [Ἀσίας...]ν ἐνπόρων καὶ ξένων τῶν ἐληλυθότων εἰς τὴν πανήγυριν βουλομένων ἀναθεῖναι αὐτῆς ὅπλον εἰκονικὸν ἐ[ν τῶ ναῶ] καὶ διὰ τοῦτο ἐπεληλυθότων ἐπί τε τὴν βουλὴν καὶ τὸν | δῆμον καὶ ἀξιούντων συγχωρηθῆναι αὐτοῖς ποιήσασθαι τὴν ἀνάθεσιν.

Δεδόχθαι τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ· | συγκεχωρῆσθαι αὐτοῖς ἀναθεῖναι τὸ ὅπλον ἐν τῷ τῆς Πολιάδος ναῷ, ἐφ' ᾧ καὶ ἐπιγράψαι· οἱ ἀπὸ τῆς Ἀσίας ἐργασταὶ | ἀφειγμένοι εἰς τὴν πανήγυριν καὶ ἀτέλειαν τὴν ἀγομένην ἐν Κυζικῷ τοῖς
15 Σεβαστοῖς καὶ τῇ Πολιάδι Ἀθηνᾷ || Ἀντωνίαν Τρύφαιναν, βασιλέως Πολέμωνος καὶ βασιλίσσης Πυθοδωρίδος Φιλομήτορος θυγατέρα, ἱερήαν Σεβασ|τῆς Νεικηφόρου, διά τε τὴν περὶ τὸν τοῦ μεγίστου θεῶν Τιβερίου Σεβαστοῦ Καίσαρος οἶκον εὐσέβειαν καὶ διὰ τὴν | ἐν πᾶσι σεμνότητα καὶ εἰς ἑαυτοὺς εὐεργεσίαν.

«При Павсании, сыне Евмена, гиппархе; в месяце Каламеоне, было решено советом и народом. Павсаний, сын Евмена, егикореец, на среднем (собрании) при (председателе) Димитрии предложил. Ибо Антония Трифена, дочь царя Полемона и царицы Пифодориды, всемерно благоговея перед вечным домом величайшего из богов Тиберия Августа Кесаря и перед бессмертною его властью, посвятила Полиаде Афине статую его матери Августы Победоносной, сама приняв от города жречество при прошлогоднем отсутствии средств на Панафинеи, дала каждому все необходимое для проявления благочестия перед богами, по своему обыкновению отличное из многих богослужение сама выполнила и проявила свое врожденное человеколюбие и к коренным жителям и к иностранцам, как в (деле) пропитания иностранцев со всею похвальностью по своему благочестию, праведности и любви к (своему) доброму имени, так и в состязаниях этого года, причем, хотя она сама и отсутствовала, но все было совершено полностью по ее благочестию, и азиатские купцы и иностранцы, прибывшие на всенародное празднество, пожелали посвятить щит с ее изображением в храме и ради этого пришли на совет и к народу и просили удостоить позволения сделать посвящение.

Да решит совет и народ позволить им посвятить щит в храме Полиады, на котором также написать: «Азиатские купцы, прибывшие на празднество при тогдашнем недостатке средств (на него) в Кизике Августам и Полиаде Афине—Антонию Трифену, дочь царя Полемона и царицы Пифодориды Матерелюбивой, жрицу Августы Победоносной, за благочестие к дому величайшего из богов Тиберия Августа Кесаря и за достоинство ее во всем и за благодеяние к ним самим».

Это постановление в честь Антонии Трифены относится ко времени между 18 г. (конец царствования мужа Трифены Котиса IV фракийского) и 29 г. (смерть матери Тиберия Ливии Августы, которой, как видно из текста этой надписи, Трифена посвятила статую в храме Афины Полиады). Наименование «победоносная» объясняется тем, что Афина Полиада, оказавшая большие услуги Кизику во время Митридатовской войны, носила тот же эпитет (Cagnat). Поводом посвящения статуи могло послужить то, что дети Антонии Трифены, будущие цари Фракии и Боспора, находились в это время на воспитании при дворе Тиберия (см. об этом Латышев, Ποντικά, стр. 107—111). В этой надписи важно то, что Антония Трифена называется прямо дочерью Полемона и Пифодориды, владык Боспора Киммерийского. Как и надписи № 46 и 47, эта надпись указывает на наличие больших денежных средств в руках Трифены. Сопоставления этой надписи с вышеуказанными показывают, что кизикцы пользовались благодеяниями жившей у них Трифены по меньшей мере 15—20 лет.

46. (Syll.³, 798). Надпись из деревни Чарык-киой близ города Артаки, теперь в Константинопольском музее св. Ирины. Изд. E. Curtius, MBPA (1874), 16, IV (Syll.², 365; IGrR, IV, 145), Бурзи, «Филологическое обозрение», 1895, стр. 113; Mommsen, Gesam. Schriften, VIII, 297; Dessau, Eph. ep., IX, 691; Hasluçk, Cyzicus, тр. 264, 13.

ἐπὶ Γαΐου Καίσαρος ἱππάρχεωι, μηνὸς Θαργηλιῶνος θ'. | ἔδοξεν τῶι δήμωι, εἰσηγησαμένων τῶν ἀρχόντων πάντων, γραμματεὺς βουλῆς Αἴολος Αἰόλου Οἰνωῒ μέσης ἐπὶ | Μηνοφῶντος εἶπεν· ἐπεὶ ὁ νέος Ἥλιος Γάϊος Καῖσαρ Σεβαστὸς Γερμανικὸς συναναλάμψαι ταῖς ἰδίαις αὐγαῖς καὶ | τὰς δορυφόρους τῆς ἡγεμονίας ἠθέλησεν βασιλήας, ἵνα αὐτοῦ τὸ μεγαλεῖον τῆς ἀθανασίας
5 καὶ ἐν τούτωι σεμνότε||ρον ᾖ, βασιλέων κἂν πάνυ ἐπινοῶσιν εἰς εὐχαριστίαν τηλικούτου θεοῦ εὑρεῖν ἴσας ἀμοιβὰς οἷς εὐηργέτηνται μὴ δυ|ναμένων, τοὺς

Κότυος δὲ παῖδας Ῥοιμητάλκην καὶ Πολέμωνα καὶ Κότυν συντρόφους καὶ
ἑταίρους ἑαυτῶι γεγο|νότας εἰς τὰς ἐκ πα[τέρ]ων καὶ προγόνων αὐτοῖς ὀφει-
λομένας ἀποκαθέστακεν βασιλείας· οἱ [δὲ] τῆς ἀθανάτου | χάριτος τὴν
ἀφθονίαν καρπούμενοι ταύτηι τῶν πάλαι μείζονες, ὅτι οἱ μὲν παρὰ πα-
τέρων διαδοχῆς ἔσχον, οὗτοι | δ' ἐ(κ) τῆς Γαΐου Καίσαρος χάριτος εἰς συναρ-
10 χίαν τηλικούτων θεῶν γεγόνασι βασιλεῖς, θεῶν δὲ χάριτες τούτωι διαφέρου||σιν
ἀνθρωπίνων διαδοχῶν, ᾧι ἡ νυκτὸς ἥλιος καὶ τὸ ἄφθαρτον θνητῆς φύσεως.
μεγάλων οὖν γεγονότες μείζονες | καὶ λαμπρῶν θαυμασιώτεροι εἰς τὴν ἡμετέραν
παραγείνονται πόλιν Ῥοιμητάλκης καὶ Πολέμων συνιερουργήσον|τες καὶ συνε-
ορτάσοντες τῆι μητρὶ ἐπιτελούσηι τοὺς τῆς θεᾶς νέας Ἀφροδείτης Δρουσίλλης
ἀγῶνας, οὐχ ὡς | εἰς φίλην μόνον, ἀλλὰ καὶ ὡς εἰς γνησίαν πατρίδα, ὅτι καί ἡ
βασιλέων μὲν θυγάτηρ βασιλέων δὲ μήτηρ, ἡ μήτηρ | αὐτῶν Τρύφαινα, ταύτην
ἡγημένη πατρίδα, οἴκου τε τὸ ἐφέστιον καὶ βίου τὸ εὐτυχὲς ἀνεμεσήτοις
15 ἐνευδαιμο||νήσουσα τέκνων βασιλείαις ἐνταῦθα ἵδρυται· ὁ δὲ δῆμος ἡδίστην
ἡγούμενος τὴν ἐνδημίαν αὐτῶν μετὰ πάσης | προθυμίας προσέταξε τοῖς ἄρχουσι
ψήφισμα ὑπαντήσεως εἰσηγήσασθαι αὐτοῖς, δι' οὗ εὐχαριστήσουσι μὲν ἐ|π'
αὐτῶν τῆι μητρὶ αὐτῶν Τρυφαίνηι ὑπὲρ ὧν εὐεργετεῖν βεβούληται τὴν πόλιν,
φανερ[ὰ]ν δὲ καὶ τὴν τοῦ δή|μου εἰς αὐτοὺς ποιήσονται διάθεσιν· δεδόχθαι
τῶι δήμωι ἐπηγῆσθαι μὲν τοὺς βασιλεῖς Ῥοιμητάλκην καὶ Πο|λέμωνα καὶ
Κότυν καὶ τὴν μητέρα αὐτῶν Τρύφαιναν, ὑπὸ δὲ τὴν εἴσοδον αὐτῶν τοὺς μὲν
20 ἱερεῖς καὶ τὰς ἱερείας ἀνοί||ξαντας τὰ τεμένη καὶ προσκοσμήσαντας τὰ ξόανα
τῶν θεῶν εὔξασθαι μὲν ὑπὲρ τῆς Γαΐου Καίσαρος αἰωνίου δια|μονῆς καὶ τῆς
τούτων σωτηρίας· Κυζικηνοὺς δὲ πάντας ἐνδικνυμένους τὴν εἰς αὐτοὺς εὔνοιαν
ὑπαντήσαντας | μετὰ τῶν ἀρχόντων καὶ τῶν στεφανηφόρων ἀσπάσασθαί τε καὶ
συνησθῆναι καὶ παρακαλεῖν αὐτοὺς ἰδίαν ἡγεῖσθαι πατρίδα τὴν | πόλιν καὶ παντὸς
αἰτίους γείνεσθαι αὐτῆι ἀγαθοῦ· ἀγαγεῖν δὲ ἐπὶ τὴν ὑπάντησιν καὶ τὸν ἐφήβαρχον
τοὺς ἐφήβους καὶ τὸν | παιδονόμον τοὺς ἐλευθέρους παῖδας· τὸ δὲ ψήφισμα εἶναι
25 περὶ τ'εὐσεβείας τῆς εἰς τὸν Σεβαστὸν καὶ τῆς εἰς τοὺς || βασιλέας τειμῆς.

«При Гае Кесаре гиппархе, в 9-й день месяца Таргелиона, было решено народом, по представлению всех архонтов, секретарь совета Эол, сын Эола, энопеец на среднем (собрании) при (председателе) Менофонте предложил: «Так как молодой Гелиос Гай Цезарь Август Германик пожелал, чтобы в его собственных лучах засияли также копьеносные царства империи, дабы его величие бессмертия было в этом (деянии) еще великолепнее, если и не могут цари, хотя бы и очень задумали, в благодарность к столь великому богу изобрести равное воздаяние с тем, в чем они облагодетельствованы, он сыновей Котиса Риметалка, Полемона и Котиса, ставших его совоспитанниками и товарищами, восстановил на царствах, по праву принадлежащих им от отцов и предков. Они, пользуясь плодами щедрости бессмертной благости, через нее стали могущественнее прежних царей, потому что те получили наследство от отцов, а эти последние стали по благости Гая Цезаря царями в соправление со столь великими богами; а благостыни богов столь отличаются от человеческих наследств, сколь солнце от ночи и нетленное от смертной природы. И вот, ставши могущественнее великих и удивительнее славных, прибывают в наш город Риметалк и Полемон с намерением совершить священнодействия и отпраздновать вместе с матерью, учреждающей состязания молодой богини Афродиты Друзиллы, не только как в дружественную (страну), но и как в родимое отечество, так как и дочь царей и мать царей, их мать Трифена, считая этот город родиною, здесь водружает очаг дома и благополучие жизни, дабы сорадоваться неукоризненному царствованию детей. Народ, считая особенно приятным для себя их пребывание здесь, с полным расположением (к ним) предписал архонтам изложить им постановление о встрече, посредством коего (архонты) воздадут благодарность в их лице матери их Трифене, пожелавшей ради

них облагодетельствовать город, и сделают также очевидным расположение к ним их народа. Да решит народ восхвалить царей Риметалка, Полемона и Котиса и мать их Трифену, а жрецы и жрицы, к их прибытию, отперев святилища и разукрасив изваяния богов, да помолятся за вечное существование Гая Цезаря и за их благополучие, а все кизикинцы, выказывая свое благорасположение к ним, встретивши их вместе с архонтами и стефанефорами, да приветствуют, поздравляют и убеждают их считать город своею родиною и быть для него причиною всякого блага; на эту встречу эфебарх да приведет эфебов, а педоном—свободных мальчиков. Да будет это постановление знаком благочестия перед Августом и почтения к царям».

Надпись, по Диттенбергеру, относится к 37 г. и содержит чествование сыновей фракийского царя Котиса. Латышев сначала относил это событие к 39 г. н. э. (SC, стр. 622, прим. 1), но затем, опираясь на нумизматические указания А. В. Орешникова, отметившего изображение Калигулы на монетах Боспорского царства (Кат. др. Ув., VI, стр. 79), в согласии с последним отнес это событие к 38 г. (Понтика, стр. 107). Здесь же Латышев отмечает ошибку в свидетельстве Кассия Диона о возвращении Калигулою царства Полемону, сыну Полемона (Dio, LIX, 12), ссылаясь на Моммсена (Eph. Epigr. I, 270 сл.), доказавшего этой надписью, что царь Боспора Полемон II был сыном не Полемона I, а его внуком от дочери Антонии Трифены, именуемой в этой надписи дочерью царя и матерью царей. Кассий Дион (LX, 8) сообщает, что в 41 г. Клавдий взял у Полемона II Боспор, дав ему часть Киликии, а Боспор передал полностью Митридату II, который владел и до этого, как доказывают данные монет, частью Боспора (Понтика, стр. 108). О годе надписи можно, однако, еще сомневаться. Mallingen указал, что сестра Калигулы Друзилла получила божественные почести в 39 г. Диттенбергер, однако, допускает, что восточные греки могли воздавать ей божественные почести с самого начала принципата Калигулы, любившего свою сестру, тем более, что упоминание о мягкости нового императора вяжется больше всего с первыми годами царствования. Однако нам это кажется не вполне убедительным; но и относить надпись ко времени позже 38 г., когда на Боспоре появились монеты с изображением Калигулы, едва ли возможно.

47. (Syll.³, 799). Надпись из Кизика, перевезена в Константинопольский музей. Издали: N. Limnius Artacenus, AM, XVI, 1891, 141; Joubin, REG, VI, 1893, 8; VII, 1894, 45 (Syll.², 366; IGrR, IV, 146); ср. Halsuck, «Ann. Brit. Sch.», XII, 1905/6, 183 и Cyzicus. 265, 14. Обе надписи—на одной стеле.

I. [ἐπ]ὶ Ἑστιαίου τοῦ Θεμιστώνακτος ἱππάρχεω, Ληναιῶνος ι', | ἔδοξεν τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ· στρατηγὸς κατὰ πόλιν Ἀπολλώνιος Δημη|τρίου Ἀργαδεὺς μέσης ἐπὶ Θεμιστώνακτος εἶπεν· ἐπειδὴ ἡ κρατίστη καὶ φιλοσέ|βαστος Ἀντωνία Τρύφαινα πᾶσαν ἀεὶ ὁσίαν τῆς εἰς τὸν Σεβαστὸν || εὐσεβείας ἐφευρίσκουσα ἐπίνοιαν καὶ τὴν τῆς πόλεως ἡμῶν ἐπισκευὴν | χαριστήριον τοῦ Σεβαστοῦ καθωσίωκεν οὐχ ἱστορήσασα ἡμᾶς ὡς παλαιὸν | Κυζίκου κτίσμα, [ἀ]λλὰ ἐπιγνοῦσα νέαν Ἀγρίππα χάριν, τά τε συνχωσθέντα τῶν εὐ|ρείπων πρότερον φέβοις πολέμου τῇ τοῦ Σεβαστοῦ συνανοίγουσ[α] εἰρήνῃ μεγί|στῳ καὶ πιφανεσ(τά)τῳ θεῷ [Γαΐῳ] Καίσαρι ἀρχαίαν καὶ προγονικὴν τοῦ γένους αὐτοῦ νεω||κόρον ἐπανακτωρένη πόλιν· ὁ δὲ δῆμος αὐτῆς τὴν πρὸς τὸν Σεβαστὸν οἶκον θαυμά|σας εὐσέβειαν καὶ τῆς ἀδιαψεύστου ἐπὶ τῷ παιδὶ τῶν ἐντολῶν μνήμῃ Ῥωμη|τάλκα | βασιλεῖ Κότυος υἱῷ ἀποδεξάμενος ἀ(λ)είπτοις ἐκείνου τῆς ἐπιθυμίας βουλήμασιν | · καὶ τεθν(ε)ῶτος ἐνέζηκεν ἡ τῶν σπουδασθέντων μνήμη · πολλὴν εἰση|νένκατο σπουδήν, ὅπως μὴ τὸ πολυδάπανον αὐτῆς τῶν κατασκευαζομέ||νων ἔργων [αἱ] περὶ τὴν ἀγορὰν ἐνποδίσωσι δυσφημίαι, ἐκ παντὸς αὐτῆς βουλομένης | τῇ τῶν ἰδίων ἀναλωμάτων δαψειλίᾳ ἀνεπιβάρητον περὶ τὴν ἀγορὰν μεῖναι τὴν εὐε|τηρίαν, καὶ ταῦτα παρεσκευασμένης ἐκ τῶν ἰδίων τοῖς ὑπηρετοῦσιν ἀνενλιπῆ παρασ|χεῖν τὴν ἀγορὰν · δι' ἃ δὴ δεδόχθαι τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ, τούς τε ἄρχοντας καὶ στε|φανηφόρους πάντας συνεπισχύειν τοῖς ἀγορανόμοις, ὅπως ἐν ταῖς αὐταῖς πᾶσα ἡ ἀγο||ρὰ πάντων μένῃ τειμαῖς, καὶ μηδὲ εἷς τῶν πιπρασκόντων τι κατὰ μηδένα τρόπον | πλείονος ἐπιβάλληται πιπράσκειν τῆς ἐνεστώσης τειμῆς · τὸν δὲ κακουργοῦντ[α πε]||ρ(ὶ τ)ὴν κοινὴν τῆς πόλεως εὐετηρίαν

καὶ παραφθίραντά τι τὴν ἀγορὰν τῶν ὠ[νί]ων [ὠ]ς κοινὸν τῆς πόλεως λυμεῶνα
ἐπάρατον εἶναι ζημιοῦσθαί τε ὑπὸ τῶν [ἀρχόν]||των, καὶ ἀναχθέντα εἰς τὸν
25 δῆμον, ἐὰν μὲν πολείτης ᾖ, ἀποξενοῦσθαι, ἐ[ὰν δὲ ξέ]||νος ἢ μέτοικος, καὶ τῆς
πόλεως εἴργεσθαι, τό τε ἐργαστήριον αὐτοῦ σανιδίοι[ς] | προσηλοῦσθαι, ἄχρι οὗ
συντελεσθῇ τὸ ἔργον, ἔχον καὶ τὴν τῆς ζημίας ἐπιγραφή[ν]. | τοὺς δὲ ἐκ
σπουδῆς τε καὶ εὐνοίας ταῖς τῶν ἔργων ἑαυτοὺς ἐνπαρασχόντας ὑπηρεσία[ις
τε]||χνείτας τε καὶ ἐπιστ(άτ)ας καὶ ἀρχιτέκτονας μαρτυρηθέντας ὑπὸ τῆς
σεμνοτάτης Τρυφαίν[ης με]||τὰ τὴν τελεί[ω]σιν τοῦ ἔργου καὶ τῆς παρὰ τῷ
δήμῳ τυχεῖν ἀπο(δο)χῆς. προσκαταστῆσαι δὲ κα[ὶ...

II. Βάκχιος Ἀρτέμωνος τοῦ Βακχίου, | γενόμενος ἐπὶ τῆς ὀρυχῆς τῶν | λιμένων
5 καὶ τῆς λίμνης καὶ τῶν | διωρύγων καὶ τῆς ἐποικοδομίας || τῶμ προκειμένων
χωμάτων καὶ ἐπαινεθεὶς καὶ στεφανωθεὶς ὑπὸ τῆς | βουλῆς καὶ τοῦ δήμου,
| [Πο]σειδῶνι Ἀσ[φαλείωι].

I «При Гестиее, сыне Темистонакта, гиппархе, в 10-й день (месяца) Ленеона, было решено советом и народом. Стратег по городу Аполлоний, сын Димитрия, аргадеец на среднем (собрании) при (председателе) Темистонакте предложил. Превосходнейшая и августолюбивая Антония Трифена, обнаруживая всегда всяческие святые помыслы благочестия к Августу, восстановление нашего города посвятила Августу в качестве благодарственного дара: она не усмотрела в нас древнего создания Кизика, а признала (нас) новым прекрасным творением Агриппы, и то, что прежде во время ужасов войны обвалилось у (обоих) каналов, благодаря миру Августа вновь делает проходимым. (Тем самым) для величайшего и славнейшего наездника бога Гая Юлия Цезаря она восстанавливает город в древнем виде и таким, как при предках его рода, в качестве блюстителя (его) храма. Поэтому народ высоко оценил ее благочестие к Августову дому и ее неоспоримую память о заветах в честь ее сына, царя Риметалка, сына Котиса, одобрил своим неизменным стремлением быть ему преданным. И об умершем (Котисе в народе) прочно живет воспоминание тех, о ком была проявлена забота. (Народ) выказал великое рвение в том, чтобы ее большие расходы на строительство не затруднялись рыночными дурными толками, так как она всемерно желает, чтобы из-за роскоши ее собственных затрат (по строительству) не легли бременем затруднения в рыночной торговле на это благолетие, и так как она при этом вознамерилась на свои средства доставить изобильный провиант занятым на строительстве. Посему именно да решит совет и народ, что все архонты и стефанефоры должны соединить свои старания с агораномами, чтобы всякая продажа любых (продуктов) оставалась при тех же самых ценах и чтобы никто из продающих никоим образом не накидывал при продаже сверх установленной цены. А тот, кто совершает зло по отношению к общему благолетию города и в чем-нибудь нарушит рыночную торговлю товарами, да будет проклят, как общий губитель города, и подвергнут архонтами штрафу и, привлеченный к суду народа, если это окажется гражданин, да будет изгнан; если же это окажется иностранец или метек, да будет ему закрыт доступ в город, а его мастерская да будет заколочена досками, пока не завершится строительство, и да будет на ней надпись о штрафе. А предавшиеся службе по строительству из рвения и благорасположения мастера, смотрители и архитекторы, о которых посвидетельствовала достопочтенная Трифена, по совершении строительства также да получат у народа похвалу. Сверх того, да будет назначено...»

II. «Бакхий, сын Артемона, сына Бакхия, состоявший при земляных работах в гаванях, в озере и в каналах и при восстановлении молов и восхваленный и увенчанный советом и народом, Посейдону Утверждающему».

Издатели на том основании, что надпись следует за возвращением царства сыну Трифены Риметалку (царствовал с 38 по 46 г., в этой надписи на строке 12 он назван царем) и до смерти Калигулы в 41 г. (по упоминанию о его деде Агриппе), считают ее раньше 41 г. и скорее всего 38 г. н. э., т. е. следующего за декретом в честь сыновей Котиса, по пути заехавших к матери (№ 46). Если же принять дату Латышева (см. прим. к № 46), то придется считать настоящую надпись относящеюся к 39 г.

Антония Трифена, интересная для нас как дочь боспорского царя Полемона I и мать Полемона II, как явствует уже из № 46, во вдовстве жила в Кизике и уже тогда была виновницею каких-то благодеяний городу. Теперь, м. б., именно вследствие прекрасного приема, оказанного ее сыновьям жителями Кизика, она приняла на себя значительные расходы по очистке каналов, соединявших обе кизикские гавани, лежащие по сторонам перешейка полуострова, на котором стоял Кизик, и по строительству на торговой площади города. Вторая надпись, конечно, того же времени, так как она посвящена Посейдону архитектором, проводившим работу по очистке каналов и при ремонте дамб. Очевидно, Трифена, дочь царя богатого Боспора и жена Котиса, обладала значительными средствами, если могла позволить себе такие расходы.

Упоминание в строке 7-й Агриппы, нового благодетеля города, объясняется тем, что Август в 15 г. до н. э. (Dio, LIV, 7,6) возвратил Кизику свободу; в том же году Агриппа был на Востоке, и очень вероятно, что именно он, будучи в Кизике, вернул ему древние права. Кизикцы упоминают его, так как он был по матери дедом Калигулы.

48. (IGrR, IV, 147, Cagnat—Lafaye). Кизик. Две надписи на базисе, украшенном анаглифами. Издал Halsuck, JHS, XXII (1902), стр. 126, XXIII (1903), стр. 91.

I. [Ποσειδῶνι Ἰ]σθμίοι χαριστήριο[ν τὸ πρὸ | π]ολλοῦ κεχερσωμένον τῶν εὐρεί-
[πων | κ]αὶ τῆς λίμνης ἐκ τῶν ἰδίων ἀποκαταστ[ήσ]ασα δαπανῶν καὶ τὰ
5 περιέχοντα ἀναλώμ[ατι || τ]ῶι τ[ε ἐα]υτῆ[ς] καὶ τῶι τοῦ υἱοῦ βασιλέω[ς]
Θρᾴ[κης | Ῥ]οιμητάλκα<ι> τοῦ Κότυος καὶ τῶν ἀδελφῶν αὐτ[οῦ, |β]ασιλέως
Πόντο[υ] Πο[λ]έμωνος καὶ Κότυος ὀ[ν]όματι, Ἀντωνία Τρύφαινα Κότυος
βασιλ[έ]ων [καὶ]| θυγάτηρ καὶ μήτη[ρ αὐτῆ] βασ[ί]λ[ι]σσα.

II. ...[ἔστ]ασεν ... α|
λᾶαν ... Κύζικος εἰναλίη|
Πολλαχ ... ησα πατασσόμενος ποσὶ [δή]μων|
Εἴσοτε δ[...]η νῆσσον ἐκαινοτόμε[ι]||
5 Καὶ βυθὸς εὐρείπων ἐχαράσσετο καί μ᾽ Τρ[ύ]φαινα|
Εὑρομένη πόν[το]υ θῆκεν ἄγαλμα θεῶι|
Σοὶ τὸ σὸν ἔρμα, Ποσειδόν, ἐγὼ δ᾽ἀλὸς ἀκλύστοιο|
Στήσομαι εὐρείπων ἔγγυος ἀμφοτέρων.

I. «Посейдону Истмийскому благодарственный дар (посвятила), восстановивши то, что издавна высохло в каналах и в озере, на собственный счет и то, что их окружает, своими собственными расходами и именем своего сына, царя Фракии Риметалка, сына Котиса, царя Понта Полемона и Котиса, Антония Трифена, (жена) Котиса, дочь и мать царей и сама царица».

II. «...поставила... скалу... Кизик приморский. Часто я... попираемый ногами толп, до тех пор пока вновь Трифена не стала прорывать остров и вычищать глубину каналов и, порешив, не поставила меня— эту статую богу моря, тебе твою герму, Посейдон; я же буду стоять поручителем спокойствия на море для обоих каналов».

Обе эти надписи являются, с полной очевидностью, продолжением к кизикскому почетному декрету в честь Антонии Трифены (№ 47). Если та надпись относится к 38 или 39 гг., то к ним же должна относиться и эта надпись, представляющая собою посвящение со стороны Трифены Посейдону Истмийскому его собственной статуи или статуи другого морского божества. В то время как декрет (№ 47) относится еще ко времени работ по очистке каналов и озера в Кизике, это посвящение—результат уже законченных работ. Из этого же посвящения, в дополнение к № 47, ясно, что Трифена предприняла всю работу по восстановлению системы каналов и гавани и что слова прежней надписи в строке 14: «то, что прежде... обвалилось у (обоих) каналов» следует понимать как общее определение недостатков всей этой системы. Упоминаемые в 5-й строке

настоящего посвящения τὰ περιέχοντα («то, что их, т. е. каналы, окружает»), следует понимать как восстановленные на средства Трифены дамбы («τὰ προκειμένα χώματα» в посвящении архитектора Бакхия, № 47, II). Полемон, как явствует из этой надписи, получил от Калигулы не только Боспор, но и Понт; так, очевидно, следует понимать в свете этой надписи свидетельство Диона Кассия о возвращении ему отцовских владений. (Cas. Dio, LIX, 12.)

Кроме № 45—48, есть еще одна надпись (IGrR, IV, № 148; Mordtmann, AM (1881), стр. 40, очень фрагментарная, в которой, повидимому, говорится о постановке статуи (?) в честь одного из позднейших потомков той же Антонии Трифены. Надпись эта из Кизика.

III. Надписи о войнах между черноморскими племенами и греками и римлянами

49. (IG, XII, 5, 444, Fr. Hiller von Gärtringen). Паросская хроника. О. Парос. О находке и судьбе памятника, а также обширную библиографию см. IG, XII, 5, 444 и RE под «Paros»; по-русски об этом см. С. А. Жебелев, «Филологическое обозрение» за 1897 г., и Н. И. Новосадский, Греческая эпиграфика, 1915, ч. I, стр. 42 и 43. Важнейшее издание—F. Jacoby, Das Marmor Parium, Berol., 1904.

Из всей обширной надписи приводим три места, относящиеся к северному Причерноморью и Скифии. Разделение и нумерация строк по Jacoby; годы приводим в комментарии к каждому фрагменту.

Фрагмент А

vv. 36—37. Ἀπὸ τῆς Ἀμ[αζ]όνων εἰς] τή[ν Ἀττικὴν στρατείας ἔτη ⟦ΗΗΗΗ[Δ ΔΔΔΔΙΙ, βασιλεύοντος Ἀθηνῶν Θησέως.

«Со времени похода амазонок в Аттику лет 992, в царствование в Афинах Тезея».

Поход амазонок в Аттику, из расчета лет паросского мрамора 992+264/3 (годы написания хроники по нашему летосчислению), относится к XXI эпохе камня, т. е. к 1256/5 г. до н. э., по Якоби, или к 1255/4, по Гиллеру. Свидетельства древних об этом походе амазонок очень многочисленны, отсылаем к изданию Якоби (стр. 87). Однако, так как легенда связывает амазонок не только с р. Фермодонтом в Малой Азии, но и с Меотидою, что позволяло сопоставлять их с киммерийцами и савроматами, отметим одно из этих свидетельств. У философа Николая Дамасского (около н. э.) повествуется о мужестве скифов (Παραδόξων ἐθνῶν συναγωγή, 3 = SC, стр. 455—456) и о мужестве женщин Скифии, причем «καὶ διὰ τοῦτο Ἀμαζόνας γενναιοτάτας εἶναι ὥστε ποτὲ ἐλάσαι μέχρι Ἀθηνῶν καὶ Κιλικίας, ὅτι τούτων παρῴκουν ἐγγὺς τῆς Μαιώτιδος λίμνης».

Перевод: «И поэтому амазонки чрезвычайно мужественны, так что некогда они дошли до Афин и Киликии, так как жили около них (т. е. млекоедов) вблизи Меотийского озера»... Свидетельство это очень существенно, потому что показывает традицию, по которой исходной точкой движения амазонок является северное Причерноморье. Перечень свидетельств, связывающих амазонок с племенами нашего Юга, см. СБ, стр. 91.

vv. 102—103. Ἀφ' οὗ Ἀλέξανδρος εἰς Τριβαλλοὺς καὶ Ἰλλυρίους ἐστρά[τευσε] καὶ Θηβαίων ἐπαναστάντων καὶ τὴμ φρουρὰν πολιορκούντων ἐπανελθὼν κατὰ| κράτος λαβὼν τὴν πόλιν κατέσκαψεν, ἔτη [Δ]ΔΙ, ἄρχοντος Ἀθήνησι Εὐαινέτου.

«С того времени как Александр совершил поход к трибаллам и иллирийцам и когда фиванцы еще раз восстали и осаждали его гарнизон, возвратившись и взяв силою город, он его разрушил,—лет 71, при архонте в Афинах Эвайнете».

По хронологическому расчету CIII эпоха Паросской хроники (Гиллер), по Якоби, B 2. Годы мрамора 71 + 264/3 = 335/4 до н. э. Трибаллы, одно из фракийских племен, занимали часть северной Болгарии. Во время этого похода Александра Великого, совершенного им весною 334 г., он, по рассказу Страбона (Strabo, VII, III, § 8, p. 301 = SC, стр. 114), дошел до дунайских гирл, разбил трибаллов, но не мог, благодаря их сопротивлению, переправиться на остров Певку, где они укрылись. То же рассказывается у Арриана в Ἀνάβασις Ἀλεξάνδρου, I, 1—5. В. В. Латышев в «Исследованиях об истории и государственном строе города Ольвии», стр. 74, прим., излагает вкратце историю трибаллов. Со своей стороны, отмечу, что трибаллы, о которых сохра-

нилось немного известий, повидимому, играли некоторую роль в истории нашей Скифии, в частности имели со скифами военные столкновения. Так, Полиэн в Στρατηγικά, VII, 44=SC, стр. 566, рассказывает о столкновении трибаллов со скифами, напугавшими своих врагов тем, что собрали толпу слуг и коней и одним видом своей массы обратили врагов в бегство, так как те решили, что это приближаются на помощь верхние скифы. Датировка этого события затруднительна; но оно могло иметь место только до III в. н. э. Во всяком случае это указание заставляет нас предположить, что трибаллы неоднократно воевали со скифами.

Фрагмент B

vv. 107 — 108. Ἀφ' οὗ Φιλήμων ὁ κωμοιδο|ποιὸς ἐνίκησεν, ἔτη [Δ]ΔΙΙΙΙ, ἄρχοντος Ἀθήνησι Εὐθυκρίτου· ᾠκίσθη δὲ πρὸς τῶι Ταναΐ πόλις Ἑλληνίς.

«С того времени, как Филемон, сочинитель комедий, победил— лет 64, при архонте в Афинах Евтикрите, был основан у Танаиса эллинский город».

Эпоха камня CVIII (по Гиллеру); годы камня 64+264=328/7 г. до н. э. Филемон, старший современник Меандра, по Свиде, одержал первую победу как раз в эпоху Александра Великого. Паросская хроника сопоставляет этот год со временем основания города на Танаисе. Арриан (Anab. Alex., IV, 41) сообщает об основании Ἀλεξάνδρεια ἐσχάτη на реке Танаисе, иначе Яксарте, т. е. Сыр-Дарье, в 329 г. Как бы то ни было, речь здесь идет не о Доне. Птолемей Лаг, на повествовании которого основывается Арриан, как и другие его предшественники, считал Танаис-Сыр-Дарью сливающеюся с Танаисом-Доном и принимал их за границу Азии. Таким образом, упомянутый здесь город принадлежит среднеазиатской Скифии и есть, повидимому, нынешний Ходжент (см. С. А. Жебелев, «Хроника» в «Филологическом обозрении» за 1897 г.).

50. (IGrR, III, 159.) Деяния божественного Августа. Знаменитая надпись, найденная в Анкаре. Издана многократно. Основное: Th. Mommsen, Res gestae Divi Augusti, 1865 и 1883, CIL, III, стр. 773 сл. Полную библиографию см. IGrR, III, 159. По-русски см. Н. И. Новосадский, Греческая эпиграфика, ч. I (1915), стр. 35—38.

Τὴν ἡμετέραν φιλίαν ἠξίωσαν|διὰ πρέσβεων Βαστάρναι [καὶ Σκύθαι καὶ
20 Σαρμα|τῶν οἱ ἐπιτάδε ὄντες τοῦ Τανάϊδος ποταμοῦ καὶ| οἱ πέραν δὲ βασιλεῖς, καὶ Ἀλβανῶν δὲ καὶ Ἰβήρων| καὶ Μήδων βασιλέες.

«Нашей дружбы попросили через послов бастарны, скифы и из сарматов живущие по сю сторону реки Танаиса, и цари с той стороны (этой реки), а также цари албанцев, иберов и мидийцев».

Относительно просьбы о дружбе Августа со стороны бастарнов—см. Suet., Aug., 21; Liv., Epit., 134; Dio, LI, 23, 24; со стороны скифов—Suet., Aug., 21; Flor., II, 34; Oros., VI, 21, 19; со стороны сарматов, иначе гелонов: Verg., Aen., VIII, 725; Strabo, II, 5, 30; Tac., Ann., VI, 33; Plin., NH, II, 108, 246; VI, 5, 16; 7, 19; 13, 40; Horat., Carm., II, 9; III, 8, 23; со стороны албанцев и иберов—Dio, XLIX, 24.

51. (IG, II², 3606). Торжественный прием Ирода Аттика в Марафоне. Аттика. Марафон. N. Svensson, Reception solennelle d'Hérode Atticus (Inscription trouvée de Marathon, BCH, 50, 1926, стр. 527 сл.). Стела пентеликийского мрамора, украшена фронтоном с небольшим акротерием, законченным по сторонам украшениями в виде рогов. В треугольнике фронтона изображен диск с бордюром. Была найдена вновь издателем, после публикации ее M. P. Graindor по эстампажу в «Musée Belge», т. XVI (1912). Издана также Иоганном Кирхнером, IG, II², 3606; Wilamowitz, SPAW (1928), стр. 26. Ср. его же Hermes, LXIV, 1929, стр. 489 и Graindor, Hérode Attique, стр. 127—128. Она была найдена в деревушке Бей в 1 км на юг от современного Марафона, по соседству с женским торсом пентеликийского мрамора, среди многочисленных архитектурных фрагментов того же самого камня. На холме к востоку остатки постройки. Издатель склонен видеть в них следы древнего Марафона. Теперь стела находится в деревушке Бей в конюшне, где она образует часть пола. Свенсон издал ее в фотографическом воспроизведении. В надписи всего 38 строк. Приводим первые:

Ὄλβιος, ὦ Μαραθών, νῦν ἔπλεο, καὶ μελεδαντός
ἀνδράσιν ἦε πάρος, φαίδιμον Ἀλκαίδην

νοστήσαντ' ἐσορῶν ἀβίων ἀπὸ Σαυροματάων,
γαίης ἐκ νεάτης. ἔνθα φιλοπτολέμῳ
Αὐσονίων βασιλῆι συνέσπετο τῆλ' ἐλάοντι . . . κτλ.

«Счастлив ты, о Марафон, теперь и волнуешь людей еще более, чем некогда, взирая на славного Алкаида, возвратившегося из крайней земли непорочных савроматов; туда он последовал за любящим войну царем авзонийцев, далеко путешествовавшим» и т. д.

В строке 32-й полного текста надписи упоминается имя лица, которого столь торжественно принимали в Марафоне. Это—Ирод Аттик, современник и приближенный императора Марка Аврелия. Судя по упоминанию в привлекаемом отрывке его путешествия с императором «войнолюбивым» в крайнюю землю непорочных савроматов, речь здесь идет о возвращении из похода против маркоманнов. В обычной поэтической форме здесь, среди формальных реминисценций архаизирующего элегического дистиха, вполне понятно упоминание «ἀβίων . . . Σαυροματάων», в котором произошло слияние абиев Гомера («Ἰλ.», N, 6=SC., стр. 299) и савроматов Геродота («Hist.», IV, 21=SC, стр. 17), превращенных через обычное отождествление последних с позднейшими сарматами в жителей степного Причерноморья вообще. Здесь, очевидно, этот эпитет прямо перенесен на германские племена, совершенно таким же образом, как то те, то другие племена Черноморья носили в римское время название скифов. Что же касается имени абиев, употребленного здесь по-гомеровски, как эпитет при названии народов, то хорошо известно, что литературная традиция превратила их в самостоятельный народ, что́ отразилось в словаре Стефана Византийского, дающего подробное извлечение из авторов и толкования их к этому эпитету. Специально по отношению к нашей надписи, надо полагать, что написавший это стихотворение поэт лучше понимал место у Гомера, читая его: καὶ ἀγαυῶν Ἱππημολγῶν γλακτοφάγων, ἀβίων τε δικαιοτάτων τ'ἀνθρώπων, а не как лексикограф, читавший: Γλακτοφάγων Ἀβίων τε δικαιοτάτων ἀνθρώπων. Во всяком случае, для него это была традиция, освященная общим стремлением поздней античности искать идеал общежития у примитивных варваров. Наибольшее затруднение в данном тексте для понимания представляет собою слово μελεδαντός в первом стихе. Свенсон правильно истолковывает его как отглагольное прилагательное к μελεδαίνω. Обычное значение этого глагола здесь мало подходит, но сопоставление с одною эгейской надписью позволяет издателю истолковать это место так: «Marathon, objet de sollicitude pour les hommes plus encore qu'auparavant».

52. (IG, II², 3411, Johannes Kirchner). Стихотворение в честь какого-то жреца элевсинской Деметры, отличившегося в войне с сарматами.

Надпись находилась в Элевсине, у дороги из Пропилеев в Телестерий, теперь в Элевсинском музее, № 830. Круглая база пентеликийского мрамора. Нижней части ее не сохранилось. Издал Philias в BCH, XIX, 1895, стр. 119, 265.

. . . καὶ σοφίῃ καὶ σεμνῶν φάντορα νυκτῶν
Δηοῦς καὶ κούρης ἁγνὸν ὁρᾷς πρόπολον,
ὅς ποτε Σαυροματῶν ἀλεεινῶν ἔργον ἄθεσμον
ὄργια καὶ ψυχὴν ἐξεσάωσε πάτρηι,
καὶ τελετὰς ἀπέφηνε καὶ ἤρατο κῦδος ὅμοιον
Εὐμόλπῳ Πυθίῳ καὶ Κελεῷ Ζαθέωι
Αὐσονίδην τε ἐμύησεν ἀγακλυτὸν Ἀντωνῖνον
ὧ ἕνεκ' αινι . . . εισμου
. . . τετρ . . .

... «и мудростью, и гиерофанта святых ночей, чистого служителя Дэи и Коры, ты видишь, который однажды от савроматов, горячо стремившихся к беззаконному делу, таинства и душу спас для отечества, посвящения явил и достиг славы, равной (славе) мудрого Евмолпа и божественного Келея и посвятил в мисты дивнославного Антонина, о ради...»

Если этот Антонин 8-го стиха—Марк Аврелий, то надпись относится ко времени после 176 г. н. э., когда Марк Аврелий был посвящен в Элевсинские мистерии. Этого мнения держится Кирхнер. Однако он же указывает, что Gionelli (в Atti Academ. Torino, L. 1914/15, 369, 374) полагает, что здесь речь идет об Антонине Пие (vix recte). В примечании к надписи II², 3639, Кирхнер говорит о вторжении савроматов (см. № 53). В обеих надписях савроматы—название для северных варваров вообще.

53. (IG, II², 3639, Johannes Kirchner). Надпись в честь одного из жрецов элевсинской Деметры, отличившегося в войне с сарматами.

Надпись найдена на Элевсинском поле в развалинах церкви; теперь находится в Государственном музее на острове Мелите. Издал Kochler, AM, IX (1884), стр. 387, Böck, CIG, 401; Kaibel, Epigr. gr. Add. 47, p. 518; IG, III, 713.

[Μ]νῆμα τόδε ὑψιφανὲς Δη[οῦ]ς ζαν[όρ]οιο δέδορκας
Μυρίον ἐν σοφίῃ κῦδος ἐνεγκαμένου,
ὃς τελετὰς ἀντέφηνε καὶ ὄργια πάννυχα μύσταις
Εὐμόλπου προχέων ἱμερόεσσαν ὄπα,
ὃς καὶ δυσμενέων μόθον οὐ τρέσεν ἀλλ' ἐσάωσεν
ἄρχοντα ἀρρήτων θέσμια Κεκροπίδαις,
ἆ μάκαρ, ὃν καὶ δῆμος ἐπεστεφάνωσε γεράιρων...

«(Ты) видишь этот заметный высотою памятник храмового служителя Дии, стяжавшего себе неизмеримую славу в (своей) мудрости,— (того), кто являл посвящения и всенощные таинства мистам, изливая приятный голос Евмолпа, (того), кто и битвы с врагами не стал трепетать, но спас правящие законы таинств для кекропидов. О блаженный, кого и народ увенчал, почитая...»

Надпись, по Кирхнеру, относится приблизительно к 170 г. н. э. Являясь частью не дошедшего полностью хвалебного стихотворения, она поминает в 5—6 стихах событие, которым, по общепринятому мнению, является вторжение сарматского племени костобоков. Гиерофант Юлий сумел защитить от них Элевсин. Это вторжение, упоминаемое также в надписи IG, II—III², 3411, относится Heberdeye'м к 175 г. («Arch. epigr. Mitt. Oesterr.», XIII, 1890, стр. 186, 190) и Премерштейном к 170 г. («Klio», 1912, стр. 153). Прингсгейм отнеил эту эпиграмму к надгробиям (Pringsheim, Beitr. z. Gesch. d. eleusin. Kults, 1905).

54 и **55.** Малая Азия. Две приводимые здесь надписи—эпиграммы, связанные с вторжениями варваров из северного Черноморья в III в. Они отмечают трудность сопротивления этим вторжениям.

54. (IGrR, IV, 1510, Cagnat—Lafaye=IGrR, IV, I, 750). Эпиграмма из Сард в честь Ахолия, воздвигшего стены вокруг города. Le Bas, № 6—29; Kaibel, Epigrammata Graeca (187-), № 903; David Robinson, AJA, XIV (1910), стр. 414; Buckler и Robinson, AJA, XVII (1913), стр. 29; Th. Reinach, REG, XXXIV (1921), стр. 398.

Οὗτος ὁ τῆς Ἀσίας | ὑψαύχενα θῶκον | ὑπάρχων
πυργώσας | καθαροῖς δόγμασιν || Ἀχόλιος,
ᾧ βουλῇ, με|γάλων ἀγαθῶν χάριν, | εἰκόνα [ἡ]βαιὴν
στησαμένη, | εὐνομίης μάρτυρα πιστοτάτην,
ἠδ' ὅτι λα[ι]νέων δαπέδων κρη||πῖδα τορήσας|
τεῦξε[ν]| ἐλευθερίης ἐνναέ|ταις τέμενος.

«Это—тот Ахолий, который благосклонно укрепил башнями гордый трон Азии по чистому решению; ему совет, ради великих (его) доблестей, малую статую поставил, верную свидетельницу хорошего закона; и за то, что он, выгравировав цоколь каменных стен, окружил стенами жителям (священный) участок свободы».

Об упоминаемом здесь Ахолии Кайбель думал, что он жил в конце IV в. н. э., после того как Лидия была передана консуляру, и видит в ἐλευθερίης τέμενος храм Азии. Cagnat—Lafaye вслед за догадкою Ваддингтона считают более вероятным, что этим Ахолием были восстановлены стены при Валериане или Галлиене, т. е. в 253—268 гг., когда готы вторглись в Азию (ср. Prosop. imp. Rom., I, стр. 5, № 31). Buckler и Robinson в AJA, XVII, стр. 29, думают, что Ахолий—то же лицо, что и церемоний-мейстер (admissionum magister) Валериана.

55. (SEG, IV, fasc. 1, 467). Стихотворение в честь проконсула М. Азии Феста.

Найдена в Дидимах (Милет) в полу византийской базилики. В Лувре. Инв. № 434а. Издал Wiegand, APAW (1924), I, стр. 1—25. Hiller von Gärtrin-

gen, Hist. Griech. Epigrammen, Bonnae, 1926, 126. Ср. W. Wollgraff, Mnem., LIII (1925), 176; H. Grégoir, по P. Roussel'ю, REG, XXXVII (1924), стр. 354 сл.; E. Preuner, «Philol. Wochenschr.», XLVII (1927), стр. 330 сл.

Τὸ θαῦμα τοῦτο· πρόσθε μὲν τοῦ Πυθίου
πηγὴ βλύσασα νάμασιν χρυσορρότοις
αὐτοῦ ταγαῖσιν, ἡνίκ' Ἄρης βάρβαρος
συνέκλησεν ἀστοὺς, οὓς πικρᾷ τετρομένους
δίψῃ διέσωσε τήνδε ἀναπτύξας φλέβα,
ταννῦν δὲ Φήστου, συνθρόνου χρυσῆς Δίκης,
κόσμον γὰρ αὐτῇ ξεστὸν ἀμφιθεὶς τόσον
τοῦ μὲν θεοῦ τὸ δῶρον εἰς μνήμην ἄγει,
ἀστοὺς δὲ νυμφείοισι διασώζει ῥοαῖς,
κοινωνίαν μειμούμενος τὴν Δελφικὴν
πρὸς Κασταλίαν. Νύμφαις φίλη γὰρ μαντική,
δι' ὧν προφήταις πνεῦμα θεῖον ἄρδεται.
Ἐν πολέμῳ μὲν σῶσεν ἑοὺς ἀστοὺς ποτ' Ἀπόλλων
δίψῃ τειρομένους τήνδ' ἀναφαινόμενος.
δὶς δ' ὕπατος κλεινῆς Ἀσίας Φῆστος κατὰ χρυσῆν
ἰρήνην ναέταις θῆκεν ἄγαλμα πόλει,
πηγὴν κοσμήσας δωμήμασιν ὡς εἰσιδεῖν μὲν
δαίδαλον, ἐς δὲ βίον παντὸς ἄκος καμάτου.
Εἰμὶ μὲν Ἀπόλλωνος ὕδωρ, ναεταῖσι δὲ δῶρον,
ὤσκέ με χρυσολύρης ἐν Σκυθικῷ πολέμῳ,
ἡνίκα δὴ περὶ νηὸν ἐπιβρεῖσαντος Ἄρηος
αὐτὸς ὁ Δητοίδης σῶζεν ἑοὺς ἱκέτας.
λεῖπε δὲ μοῦνον ὕδωρ καὶ τείρετο πουλὺς ὅμειλος
ἄρδων, δαίτων ῥύσε θ' ὑπὲκ θανάτου.
νείοθε δ' ἐξανέηκεν ἄναξ κυαναλγέα πηγὴν
τήνδε με, τὴν ὁράᾳς, ἔκτοτε δὲ προρέω.
ἀλλ' ἦδη μὲ πονεῦσαν ἐφημερίων κακότητι
αὖτις ἔδωκε ῥέειν Φῆστος ὁ λαμπρότατος.
αὐτός μοι καὶ κόσμον, ὃν εἰσοράᾳς κάμε τεύχων,
κεῖνος ὁ καὶ πάσης Ἀσίδος ἀνθύπατος.
Λητοῦς καὶ Διὸς ἔρνος, ἀμείβεο μοι κλυτὸν ἄνδρα,
ὅς με πάλιν σήκῳ σῶσεν ἀπολλυμένην.

«Вот это чудо: сначала источник Пифия, забивший золотоструйными потоками по его повелению в то время, когда варварский Арес начал сокрушать граждан, которых он спас, измученных жестокою жаждою, раскрывши эту жилу, теперь—Феста, восседающего рядом с золотою (богинею) правосудия. Ибо он, облицевав красиво этот (источник) тесаным (камнем), такой дар богу возводит в (вечное) воспоминание, а граждан спасает водами нимф, воспроизводя (его) сходство с Дельфийской Касталией. Ибо любезно искусство предсказания нимфам, через которых изливается на пророков божественный дух.

На войне спас Аполлон однажды своих граждан, мучимых жаждою, являя этот источник. Дважды консул славной Азии Фест во время золотого мира поставил жителям памятник для города, украсивши источник строением так, что можно полюбоваться на произведение искусства, а для жизни (дал нам) исцеление всякого недуга.

Я—вода Аполлона, жителям меня в дар дал золотолирный (бог) в скифскую войну, во время которой, когда на храм обрушился Арес, сам Летоид спасал своих молельщиков. Недоставало только воды, и мучилось значительное множество людей; освежая, она исторгла их от смерти (от руки) врагов. Из глубины выпустил царь меня,—этот темномерцающий источ-

ник, который ты видишь; с тех пор я и теку. Но теперь, когда я страдал от тягот повседневности, снова мне дал возможность течь блистательнейший Фест. Он сам потрудился соорудить и украшение, которое ты видишь,— он в то же время и проконсул всей Азии. Отпрыск Латоны и Зевса, воздай за меня славному мужу, который вновь меня, погибающего, спас для святилища».

Эти три стихотворения—в честь Феста, проконсула Азии, спасшего святилище Аполлона Дидимейского в 263 г. н. э. от нападения северочерноморских варваров, названных здесь скифами. Во время этой войны сгорел и Артемисий в Эфесе. Фест, по Виганду, вероятно, то же лицо, что и praetor urbanus Юлий Фест в CIL, VI, 314. Он же, как консуляр в списке Notizie degli scavi, 1906, 403 =Bull. della commissione, 35, 1907, 115 сл. О нем написал Виганду эти соображения проф. Groag, а Dessau отметил возможность этого как вероятную. Черноморские варвары появлялись и в 269 и в 275 г. вновь в Малой Азии. Повод написания стихотворения и значение открытия источника достаточно ясно описаны в стихотворении. Стих 24 дается в чтении Виганда.

IV. Отдельные упоминания о частных лицах из городов Скифии в актах негосударственного характера

56. (IG, II², 2332=IG, II, 983). Каталог с упоминанием херсонеситов. Афины. Плита пентеликийского мрамора.

Οἵδε ἐπ[έδωκαν εἰς Ἰ . . . . . ἐπὶ Ἑρμογένους] [ἄρχοντος?]

Во II столбце:

v. 69: Σάμος Χερ[σο]νησίτης...
v. 70: Ἀ[τ]τινᾶς Χ[ερ]σονησίτης...

«Следующие дали на ... (при архонте Гермогене?)»

. . . . . .

«Самос херсонесит...»
«Аттинас херсонесит...»

Каталог неизвестного назначения, составленный около 180 г. до н. э. Здесь жителей Херсонеса Таврического можно, с большой долею вероятия, предполагать по имени Аттинас, встречающемуся не так уже редко в этом Херсонесе. Так, в IPE, I² есть несколько случаев, а именно: № 363, 394, 423, 620, 699, преимущественно римского времени.

57. (IG, IV², 128, Hiller v. Gärtringen, текст частью по Wilamowitz'y). Пеан Исилла боспорца в честь Асклепия. Эпидавр. Надпись на известняковой плите, найдена к востоку от храма Асклепия. Издана: Καββαδίας в Ἐφ., 1885, стр. 65, № 84; он же, Fouilles d'Epidaure, I, 7; он же, в Τὸ ἱερὸν τοῦ Ἀσκληπιοῦ, стр. 213 с фотографией; Wilamowitz Möllendorf, Isyllos von Epidauros, «Philologische Untersuchungen», 1886, IX; Prellwitz, Dialektinschriften, 3342; Hoffmann, Syll. epigr. 420; Frenkel, IG, IV¹, 950. См. полную библиографию в IG, IV², 128. По-русски об этом: Ф. Ф. Соколов, ЖМНП, 1886, июль, стр. 257 сл.; С. А. Жебелев: Доклады Академии наук СССР, 1929, стр. 193—200 (подробное изложение вопроса о хронологии этой надписи). Несмотря на сомнения Виламовица и Жебелева в происхождении Исилла из Боспора (правильность этого я пытаюсь показать в комментарии к настоящей надписи), я помещаю здесь произведение Исилла полностью. Мною руководит в этом убеждение, что этот эпидаврский поэт был боспорского происхождения, и для картины культурной, в частности литературной, жизни Боспора Киммерийского лирическое произведение, написанное хотя бы и на чужой почве и на посторонние нашему уголку Эллады темы, ярче характеризует то темное время, каким является в истории Боспора эпоха III и II вв. до н. э. Наряду с малоизвестным, но жившим в это же время философом Бионом борисфенитом (о нем смотри у В. В. Латышева в «Исследованиях об истории и государственном устройстве города Ольвии», стр. 143, 182, 218 и 284), Исилл явится вторым представителем общегреческой образованности из жителей северного Причерноморья на почве собственной Греции. Его судьба— образец прочных связей жизни нашей эллинской окраины с жизнью греческого мира в целом.

Ἴσυλλος Σωκράτευς Ἐπιδαύριος[1] ἀνέθηκε
Ἀπόλλωνι Μαλεάται[2] καὶ Ἀσκλαπιῶι

I

δᾶμος εἰς ἀριστοκρατίαν ἄνδρας α[ἰ] πρ[ο]άγοι καλῶς,
αὐτὸς ἰσχυρότερος· ὀρθοῦται γὰρ ἐξ ἀνδραγαθίας.
αἰ δέ τις καλῶς προαχθεὶς θιγγάνοι πονηρίας
πάλιν[3] ἐπαγκρούων, κολάζων δᾶμος ἀσφαλέστερος.
τάνδε τὰν γνώμαν τόκ' ἦχον καὶ ἔλεγον καὶ νῦν λέγω[4].
εὐξάμαν[5] ἀνγράψεν[6], αἴ κ' εἰς τάνδε τὰν γνώμαν πέτη[7]
ὁ νόμος ἀμίν, ὃν ἐπέδειξα. ἔγεντο[8] δ' οὐκ ἄνευ θε[ῶ]ν.

II

τόνδ' ἰαρὸν θείαι μοίραι νόμον ηὗρεν Ἴσυλλος
ἄφθιτον ἀέναον γέρας ἀθανάτοισι θεοῖσιν,
καί νιν ἅπας δᾶμος θεθμὸν[9] θέτο πατρίδος ἀμᾶς,
χεῖρας ἀνασχόντες μακάρεσσιν ἐς οὐρανὸν εὐρύ[ν]·
οἵ κεν ἀριστεύωσι πόληος τᾶσδ' Ἐπιδαύρου
λέξασθαί τε ἄνδρας καὶ ἐπαγγεῖλαι κατὰ φυλὰς
οἷς πολιοῦχος ὑπὸ σπέρνοις[10] ἀρετά τε καὶ αἰδώς,
τοῖσιν ἐπαγγέλλεν καὶ πομπεύεν σφε κομῶντας
Φοίβωι ἄνακτι υἱῶι τε Ἀσκλαπιῶι ἰατῆρι
εἵμασιν ἐν λευκοῖσι, δάφνας στεφάνοις ποτ' Ἀπόλλω,
ποὶ[11] δ' Ἀσκλαπιὸν ἔρνεσι ἐλαίας ἡμεροφύλλου
ἁγνῶς πομπεύειν, καὶ ἐπεύχεσθαι πολιάταις
πᾶσιν ἀεὶ διδόμεν τέκνοις τ' ἐρατὰν ὑγίειαν,
τὰν καλοκἀγαθίαν τ' Ἐπιδαυροῖ ἀεὶ (δ)ρέπεν[12] ἀνδρῶν
εὐνομίαν τε καὶ εἰράναν καὶ πλοῦτον ἀμεμφῆ
ὥραις ἐξ ὡρᾶν νόμον ἀεὶ τόνδε σέβοντας,
οὕτω τοί κ' ἀμῶν περιφείδοιτ' εὐρύοπα Ζεύς.

III

Πρῶτος Μᾶλος ἔτευξεν Ἀπόλλωνος Μαλεάτα
βωμὸν καὶ θυσίαις ἠγλάισεν τέμενος.
οὐδέ κε Θεσσαλίας ἐν Τρίκκηι[13] πειραθείης
εἰς ἄδυτον καταβὰς Ἀσκληπιοῦ, εἰ μὴ ἀφ' ἁγνοῦ
πρῶτον Ἀπόλλωνος βωμοῦ θύσαις Μαλεάτα.

IV

Ἴσυλλος Ἀστυλαίδαι[14] ἐπέθηκε μαντεύσασθαί οἱ περὶ τοῦ παιᾶνος ἐν Δελφοῖς, ὃν ἐπόησε εἰς τὸν Ἀπόλλωνα καὶ τὸν Ἀσκλαπιόν, ἢ λῶιόν οἱ κα εἴη ἀγγράφοντι τὸν παιᾶνα. ἐμάντευσε λῶιόν οἱ κα εἶμεν ἀγγράφοντι καὶ αὐτίκα καὶ εἰς τὸν ὕστερον χρόνον.

Ἰεπαιᾶνα θεὸν ἀείσατε λαοί,
ζαθέας ἐνναέτα[ι] τᾶσδ' Ἐπιδαύρου.
ὧδε γὰρ φάτις ἐνέπουσ' ἦλυθ' ἐς ἀκοὰς
προγόνων ἀμετέρων, ὦ Φοῖβ' Ἀπόλλων.
Ἐρατὼ Μοῦσαν πατὴρ Ζεὺς λέγεται Μά-
λ[ωι] δόμεν παράκοιτιν ὁσίοισι γάμοις.
Φλεγύας δ', [ὃς] πατρίδ' Ἐπίδαυρον ἔναισεν,
θυγατέρα Μά[λ]ου γ[αμ]εῖ, τὰν Ἐρατὼ γεί-
νατο μάτηρ, Κλεοφήμα δ' ὀνομάσθη.
ἐκ δὲ Φλεγύα γένετο, Αἴγλα δ' ὀνομάσθη.
τόδ' ἐπώνυμον· τὸ κάλλος δὲ Κορωνὶς[15] ἐπεκλήθη.
κατιδὼν δὲ ὁ χρυσότοξος Φοῖβος ἐμ Μά-

λου δόμοις παρθενίαν ὥραν ἔλυσε,
λεχέων δ' ἱμεροέντων ἐπέβας, Λα-
τῶιε κόρε χρυσοκόμα.
σέβομαί σε· ἐν δὲ θυώδει τεμένει τέκε-
τό νιν Αἴγλα. γονίμαν δ' ἔλυσεν ὠδῖ-
να Διὸς [π]αῖς μετὰ Μ[ο]ιρᾶν Λάχεσίς τε μαῖα ἀγαθά.
ἐπίκλησιν δέ νιν Αἴγλας ματρὸς Ἀσκλα-
πιὸν ὠνόμαξε Ἀπόλλων, τὸν νόσων παύ-
στορα, δωτῆρ' ὑγιείας, μέγα δώρημα βροτοῖς.
Ἰεπαιάν, ἰεπαιάν, χαῖρε, Ἀσκλα-
πιέ, τὰν σὰν Ἐπίδαυρον ματρόπολιν αὖ-
ξον, ἐναργῆ δ' ὑγίειαν ἐπιπέμποις
φρεσὶ καὶ σώμασιν ἁμοῖς, ἰεπαιάν, ἰεπαιάν.

V

καὶ τόδε σᾶς ἀρετᾶς, Ἀσκληπιέ, τοὔργον ἔδειξας
ἐγ κείνοισι χρόνοις ὅκα δὴ στρατὸν ἦγε Φίλιππος[16]
εἰς Σπάρτην, ἐθέλων ἀνελεῖν βασιληίδα τιμήν.[17]
τοῖς δ' Ἀσκληπι[ὸς ἦ]λθε βοαθόος ἐξ Ἐπιδαύρου,
τιμῶν Ἡρακλέος γενεάν· ἃς φείδετο ἄρα Ζεύς.
τουτάκι δ' ἦλθ', ὄχ' ὁ παῖς ἐκ Βουσπόρου[18] ἦλθεν κάμνω[ν]·
τῶ[19] τύγα ποστείχοντι[20] συνάντησας σὺν ὅπλοισιν
λαμπόμενος χρυσέοις, Ἀσκλαπιέ. παῖς δ' ἐσιδών σε
λίσσετο χεῖρ' ὀρέγων ἱκέτηι μύθωι σε προσαντῶν·
„ἄμπορος[21] εἶμι τεῶν δώρων, Ἀσκλαπιὲ Παιάν,
ἀλλά μ' ἐποίκτειρον". τὺ δέ μοι τάδε ἔλεξας ἐναργῆ·
„θάρσει· καιρῶι γάρ σοι ἀφίξομαι (ἀλλὰ μέν' αὐτεῖ),
τοῖς Δακεδαιμονίοις χαλεπὰς ἀπὸ κῆρας ἐρύξας,
οὕνεκα τοὺς Φοίβου χρησμοὺς σώζοντι δικαίως
οὓς μαντευσάμενος παρέταξε πόληι Λυκοῦργος".
ὣς ὁ μὲν ὤιχετο ἐπὶ Σπάρτην· ἐμὲ δ' ὦ[ρ]σε νόημα
ἀγγεῖλαι Δακεδαιμονίοις ἐλθόντα τὸ θεῖον
πάντα μάλ' ἐξείας. οἱ δ' αὐδήσαντος ἄκουσαν
σώτειραν φήμαν, Ἀσκλαπιέ, καί σφε σάωσας.
οἳ δ[ή] ἐκάρυξαν πάντας ξενίαις σε δέκεσθαι
σωτῆρα εὐρυχόρου Δακεδαίμονος ἀγκαλέοντες.
ταῦτά τοι, ὦ μεγ' ἄριστε θεῶν, ἀνέθηκεν Ἴσυλλος
τιμῶν σὴν ἀρετήν, ὦναξ, ὥσπερ τὸ δίκαιον.

1. Ἐπιδαύριος: Исилл называет так себя, несмотря на то, что находится в Эпидавре; Виламовиц указывает еще такие примеры в местных надписях (стр. 4—5). Однако такое название здесь может быть связано с принятием Исилла в число граждан Эпидавра. 2. Этот эпитет Аполлона связан с основателем культа—местным героем Малом. 3. πάλιν—назад, т. е. к демократическому строю. 4. Этот стих говорит о постоянстве аристократических убеждений Исилла и до водворения аристократии (τόκα) и после него (καὶ νὺν). 5. εὐξάμαν = εὐξάμην. 6. ἀνγράψεν = ἀναγράψαι. 7. πέτη = πέσῃ. 8. ἔγεντο = ἐγένετο. 9. θεθμός = θεσμός. 10. ὑπὸ σπέρνοις = ὑπὸ στέρνοις. 11. ποὶ = ποτέ. 12. (δ)ρέπεν вместо ῥέπεν надписи—удачная конъектура W.-M. 13. Весь отрывок III указывает на то, что культ обоих божеств в Эпидавре старше культа в фессалийском городе Трикке, и на зависимость второго от первого. 14. Этот Астилаид упоминается в других надписях Эпидавра. 15. Κορωνίς имеет значение всякого совершенства. W.-M. (стр. 18—19) дает понятие о том, что это слово вызывало у грека представление о красоте. 16. Φίλιππος: об этом смотри в комментарии к надписи там, где рассматривается вопрос о времени ее начертания. 17. Т. е. законную спартанскую династию. 18. Об этом смотри в комментарии к этой надписи, где мною рассматривается вопрос о происхождении Исилла. 19. τῶ = τῶι. 20. ποστείχων = προστείχων, доризм. 21. ἄμπορος—новое слово. W.-M. объясняет выражение «εἶμι ἐπὶ τὸ πορίζεσθαι τὰ σὰ δῶρα». Принимаю в своем переводе это толкование.

Исилл, сын Сократа, эпидаврец, посвятил Аполлону Малеату и Асклапию.

I

Если народ воспитывает мужей к аристократическому образу правления,
(то) он сам (бывает) сильнее: ведь (они) тогда вырастают на (правилах) доблести.
А если кто-нибудь, несмотря на прекрасное воспитание, будет сопричастен преступлению,
к тому же отклоняясь назад, то, наказуя его, народ—в большей безопасности.

Это именно мнение я тогда имел и говорил и теперь говорю.
Я дал обет (это) начертать, если к этому же мнению склонится для нас закон, который я указал. (Это) совершилось, не без (участия) богов.

II

Этот священный закон по божественному велению судьбы придумал Исилл
(как) несокрушимый, неиссякаемый дар бессмертным богам,
и его весь народ положил обычаем нашего отечества,
воздев руки к блаженным в небесную ширь:
из всех благородных этого города Эпидавра
выбрать мужей и объявить по филам.
У кого градодержцем в груди добродетель и скромность,
тем (это) объявлять и вести их в процессии красующихся
для царя Феба и (его) сына, врача Асклапия,
в белых одеждах; в лавровых венках к Аполлону,
а к Асклапию с ветвями нежнолистной маслины
непорочно шествовать и всем гражданам молиться
о постоянном даровании детям желанного здоровья,
и о (возможности) наслаждаться постоянно в Эпидавре добропорядочностью мужей,
законностью, миром и безупречным богатством,
из часа в час всегда почитая этот закон.
Так, конечно, нас будет щадить широкогремящий Зевс.

III

Первым Мал соорудил[1] алтарь Аполлона Малеата
и украсил блистательными жертвами (священную) ограду.
И в фессалийской Трикке ты (пожалуй) не будешь пытаться
спуститься в святилище Асклапия, если сначала
не принесешь жертвы у чистого алтаря Аполлона Малеата.

IV

Исилл поручил Астилаиду испросить для себя в Дельфах прорицание о пеане, который он создал в честь Аполлона и Асклапия, не будет ли для него лучше начертать этот пеан. (Тот) прорек, что для него лучше начертать и на настоящее и на будущее время.
«Священнопеанного бога воспойте, люди!
Он обитает в этом сверхбожественном Эпидавре.
Ибо вот каким образом речь, повествующая (об этом) достигла слуха

наших предков, о Феб Аполлон.
Говорят, что отец Зевс Музу Эрато
дал Малу супругою в освященный брак.
Флегий, который обитал в родном Эпидавре,
женился на дочери Мала, которую родила мать
Эрато, а названа (она) была—Клеофэмою.
От Флегия родилась (дочь), названная Эглою.
Вот ее прозвище: по красоте она была наречена Коронидою.
С высоты узрел (ее) златолукий Фэб
в доме Мала и прервал ее девическую пору,
(ты) взошел на сладостное ложе,
сын Латоны златокудрый.
Почитаю тебя. В благовонной (священной) ограде
родила его Эгла, родовые муки разрешила
дочь Зевса с Мойрами и дивная повитуха Лахесис.
Прозвание ему по Эгле матери Асклапием нарек Аполлон—болезней разрешителем, подателем здравия, великим даром для смертных.
Иэпэан! иэпэан! будь здрав, Асклапий!
Свою родину, Эпидавр, возвеличь,
видимое здоровье ниспошли
нашим помыслам и телам, иэпэан! иэпэан!

V

Вот еще какое деяние своей благости показал ты, Асклепий,
в те времена, когда Филипп вел войско
на Спарту, желая отнять царскую честь.
К ним Асклепий пришел на помощь из Эпидавра,
почитая потомство Геракла, которое щадил и Зевс.
Он тогда пришел, когда этот юноша пришел больной из Буспора.
Ты встретил его приходящего, сияя золотым оружием, Асклапий.
Юноша, увидев тебя,
молил, простирая руку, обращаясь навстречу к тебе с просительным словом:
«Я прибыл сюда за твоими дарами, Асклапий Пэан,
но сжалься надо мной». Ты мне ясно сказал так:
«Уповай: во-время для тебя я приду (но ты оставайся здесь),
отвратив от лакедемонян тяжкую гибель
за то, что они сохраняют достойным образом оракулы Феба,
которые испросил и предписал (этому) городу Ликург».
Так он отбыл в Спарту. Меня же мысль побудила
пойти и возвестить лакедемонянам это чудо,
все по точному порядку. Когда я возгласил об этом, они выслушали
спасительное предзнаменование, Асклапий, и ты их спас.
Они, конечно, объявили во всеуслышание, чтобы все тебя радушно принимали,
называя (тебя) спасителем обширного Лакедемона.
Это тебе, о самый благой из богов, посвятил Исилл,
чествуя твою благость, о царь, так, как только подобает.

На Западе с легкой руки Виламовица, принявшего дату первого издателя Кавваднаса, рассматриваемая надпись относится приблизительно к 280 г. до н. э. Эту дату удерживает Hiller von Gärtringen в IG, IV^1, 128. Виламовиц базируется на строках 57—61 (V, 1—5), где упоминается поход одного из македонских Филиппов против Спарты (Isyllos v. Epidauros, стр. 30 сл.). Он, как и почти все его последователи, считает это событие походом Филиппа II осенью 338 г. и, принимая возраст Исилла около 70 лет, приходит к выводу, что стихотворение начертано около 280 г. тогда, когда

Эпидавр был свободен и мог открыто выражать свои лаконские симпатии, т. е. после 294—282 гг., когда в Пелопоннесе действовали диадохи Димитрий Полиоркет и Антигон. Только Бласс и Соколов, детально не обосновывая своего мнения, высказались за то, что Филипп надписи это—Филипп V (правил в Македонии с 221 по 179 г.). В 1929 г. академик С. А. Жебелев выступил против первого мнения в защиту второго, дав детальное обоснование своей точки зрения. Его главные доводы сводятся к тому, что Филипп II не имел тенденции уничтожить царскую власть в Спарте, тогда как Филипп V продолжал политику Антигона Досона, восстановившего эфорат в ущерб царской власти. Кроме того, быстрое вторжение Филиппа V, дошедшего до самой Спарты и внезапно, без видимых оснований, повернувшего назад от города к Тегее, не могло не показаться чудом. Характер шрифта, по мнению Жебелева, не может играть здесь решающей роли, по крайней мере для этой эпохи. Если принять во внимание сомнительность авторитета Френкеля в палеографии, доводы Жебелева очень сильны. Впрочем, последний издатель надписи Hiller остается при прежней дате. Противоречит Жебелеву то обстоятельство, что Эпидавр стоял на стороне Филиппа V и даже воздвиг ему статую (IG, IV², 59). Исилл в I, частью II и III стихотворении открыто выражает свои аристократические и лаконские тенденции, что недостаточно увязывается с участием Эпидавра в союзе с Филиппом. Несмотря на всю заманчивость хронологии Жебелева, доводы в пользу датировки 280 г. остаются все же достаточно сильными, и вопрос, таким образом, открытым. Что касается шрифта, то он все же скорее принадлежит III в., чем II (см. фото Каввадиаса).

Относительно места происхождения автора пеана тот же Виламовиц высказал мнение, разделяемое в частности и С. А. Жебелевым, что Исилл—местный уроженец (стр. 193). Говоря о месте рождения поэта, Виламовиц (стр. 24) замечает: «Bosporos ist unbekannt; es muss ein epidaurisches Dorf gewesen sein». Не раз он называет язык Эпидавра «Muttersprache» Исилла. Несмотря на всю мощь авторитета знаменитого филолога, это заявление, остающееся основою общепринятого мнения, слишком голословно. Даже такое аккуратное справочное издание, как RE, дает только три географических пункта, носящие названия Βόσπορος: 1) Боспор у Константинополя, 2) Боспор—современный Керченский пролив и 3) Боспор—второе и более обычное название Пантикапея, начиная, по меньшей мере, с IV в. до н. э., о чем свидетельствуют Демосфен (XX, 36) и многочисленные надписи с царскою титулатурою с территории Боспорского царства. Из этих трех мест только Пантикапей-Боспор является населенным пунктом. Странно изобретать неведомый Боспор для того, чтобы доказывать природное происхождение Исилла из Эпидавра. В самом тексте надписи Исилл говорит, что он прибыл больной (ἦλθεν κάμνων), что Асклепий его встретил (συνάντησας), тщательно отмечает время своего прибытия в Эпидавр. Ни образ встречи, ни такая точность в хронологии его прибытия были бы ненужны, будь Исилл жителем окрестностей Эпидавра. Самое подчеркивание чуда Асклепия, связанного с прибытием Исилла юношей на излечение в храм Асклепия, носит слишком автобиографический характер для того, чтобы уделять ему так много места в пэане, не будь лишний раз желательно автору подчеркнуть путь своего возвышения при святилище этого бога. Самое предписание божества оставаться в Эпидавре было бы ненужно, если бы Исилл не был иностранцем. Виламовиц отмечает, что «die Sprache (Исилла) ist ein ganz seltsames Gemisch der Conventionellen des Epos und der epidaurischen Muttersprache des Isyllos» (стр. 25). Но ведь далеко не все ионизмы Исилла суть эпические навыки. Ἀσκλῆπιός рядом с Ἀσκλαπιός, ничем не оправданные перебои ионийских форм с дорическими не только в гекзаметрах, но в трохеях и иониках; исчезновение ι adscriptum в глаголе πέτῃ и в местоимении τῳ, по мнению самого Виламовица, более свойственно ионянам и чуждо эпидаврскому диалекту (W.-M., стр. 28). Эти явления не могут, как мне кажется, свидетельствовать только о провинциальной манере автора (W.-M., стр. 25—29). Ионийские формы были исконными для автора, как пантикапейца, дорические пришли в его язык после водворения в новом месте жительства. В частности, отпадение ι adscriptum в окончаниях слов начинается как раз в это время в языке Боспора (IPE, II, 15, v. 2, 19, v. 11).

Общеизвестно, что в Эпидавре лечились люди из очень далеких краев, в частности и с далекого Понта (ср. исцеление синопца середины I в. н. э., IG, IV¹, 127); в самом Пантикапее, правда несколько позже, засвидетельствован культ Асклепия (IPE, II, 30).

В Дельфах в 60-х годах III в. до н. э. среди агонистов (см. № 11) упомянут Ἰσύλος Χρισολάου Βοσπορίτης. В той же надписи встречаются другие агонисты с берегов Малой Азии и Черного моря (Syll.³, 424). Flacelière в BCH, 1928, 52 стр. 189 сл. опубликовал список проксенов в Дельфах (№ 12), в числе которых—Νικίας Ἡρακλίτου Βοσπορίτης, где происхождение этого лица несомненно по контексту. Hiller von Gärtringen в комментарии IG, IV², 128 считает Исилла пантикапейцем: «Bosporus sive Busporus huc non Epidauri vicus ignotus, sed urbs, quae sui iuris erat, putanda est, neque alia nisi illa in Bosporo Cimmeria sita, quae est Panticapaeum, in censum venit»... Несколько выше он ссылается на те же надписи, что сослался я. Я совершенно уверен, что все эти доводы достаточны для признания Исилла боспорцем, прибывшим лечиться в Эпидавр, получившим исцеление, оставшимся навсегда в Эпидавре по повелению боже-

ства, несомненно, получившим право гражданства, как видно из эпитета Ἐπιδαύριος, и ставшим местным поэтом и, м. б., как думает Бласс, жрецом Асклепия и эпонимом. Hiller von Gärtringen держится того же мнения.

Литературная оценка, подробный разбор произведений Исилла даны Виламовицем, к которому отсылаю читателя. Позволю себе вкратце суммировать характеристику поэта. Смешанный и невыдержанный язык выдает плохого стилиста. Метр в большинстве случаев выдержан, но есть перебои от гекзаметра к пентаметру, неоправданный спондеический гекзаметр (V, v. 6); в трохеях автор не зависит от лучших образцов лирики, как показал Виламовиц. При неумении владеть стилем Исилл, однако, очень начитан в эпосе, откуда встречается много реминисценций. Реминисценции из ликурговых ретр красуются среди его выражений. Он очень любит мифологические упоминания (II, III, особенно IV и V стихотворения), т. е. отдал дань литературным тенденциям своей эпохи. При всем том его речь звучит прозаически в I и III стихотворениях, только напыщенно во II и IV, и лишь в V, автобиографическом, стихотворении, наряду с напыщенностью, ясно звучат лирические ноты, и поэт поднимается до красивого образа в передаче явления божества больному. М. б., Исилл не был профессиональным поэтом, и то, что дошло на стеле, представляет собой все, что он написал: к этому мнению склоняет его нерешительность в опубликовании своих произведений, сказавшаяся в заголовке к двум последним стихотворениям.

По сюжетам стихотворения разделяются следующим образом. I говорит о предложенном Исиллом законе о восстановлении в Эпидавре аристократии. III повествует о другом предложении Исилла—ввести торжественную процессию в связи с первым законом. III стихотворение—историческая справка о древности культа Асклепия и Аполлона в Эпидавре. IV и есть пэан в собственном смысле слова, связанный, очевидно, с необходимостью иметь таковой для процессии, введенной по предложению самого Исилла. V стихотворение в отличие от первых четырех относится к одному Асклепию. Его автобиографический характер, его религиозная настроенность, на мой взгляд, как и тематическое различие с первыми четырьмя, связаны с желанием Исилла напомнить и божеству, и эпидаврскому народу, и себе о том, как он сам достиг своего высокого положения на чужбине.

Исилл, по-своему, вровень с веком образованный человек, мог начало своего образования получить только у себя на родине. Он пришел в Эпидавр юношей; но если он мог решиться тогда же возвестить в Спарте чудо Асклепия, то это могло быть только в том случае, если к этому времени он был достаточно взрослым и во всяком случае достаточно красноречив и образован. А так как это произошло тотчас по его прибытии в Эпидавр, то он принес эту образованность с родины. Отсюда очевидно значение Исилла и его произведений для историков Боспора.

В Дельфах, на Родосе, в Афинах, как можно судить по собранным в нашем сборнике надписям, действовало и проживало немало боспорцев. Некоторые из них купцы, некоторые поэты, некоторые, м. б., рабы. Исилл, приехавший лечиться в Эпидавр прямо с родины, смогший остаться в Эпидавре и достигший там верхов политической и религиозной жизни, аристократ по симпатиям, понимавший, что такое традиция и βασιλὴς τιμή, мог принадлежать по происхождению только к боспорской аристократии. Тем легче наслоились на его боспорские монархические взгляды его очевидные лаконские тенденции в политических вопросах его новой родины.

58. (Syll.³, 1126=Syll.², 758). Посвящение на Делосе нимфейцем. Издал Hauvette-Besnault в BCH, VI, 1882, стр. 328, № 22. Около 100 г. до н. э. (Ditt.).

Εὔτυχος Ἀπολ[λ]ων(ί)ου Νυμφαίτη[ς] | ὑπὲρ ἑαυτοῦ καὶ τοῦ υἱοῦ Εὐβο(ύ)λο[υ] | καὶ ὑπὲρ τῶν πλοϊζομένων πάντων | Διὶ Οὐρίωι, Σαράπιδι, Ἴσιδι, Ἀνούβιδι,
5. Ἁρ||φοκράτει, θεοῖς συννάοις καὶ συμ|βώμοις, ἐπὶ ἱερέως Θεομνήστου | τοῦ Θεογένου Κυδαθηναιέως, | ζακορεύοντος Νυσίου, | χαριστήριον.

«Эвтих, сын Аполлония, нимфаит за себя, и своего сына Евбула, и за всех плавающих Зевсу сопутствующему, Сарапису, Изиде, Анубису, Гарфократу, богам, почитаемым в одном храме и на одном алтаре, при жреце Феомнесте, сыне Феогена, кидафинейце, при служителе храма Нисии, благодарственный дар».

Документ в целом трактован в книге Rusch, De Sarapide et Iside in Graecia cultis, 1906, 38/57. Издатели рассматривают Евтиха, сына Аполлония, как жителя города Нимфея в Крыму, причем ссылаются на Стефана Византийского: Νύμφαιον· πόλις Ταυρικὴ μεταξὺ Παντικαπαίου μητροπόλεως καὶ Θεοδοσίας, ὡς φησι Στράβων (VII, 309), τὸ ἐθνικὸν δύναται, ὡς Ἡραιεύς, Νυμφαιεύς· τὸ δὲ νυμφαῖος κτητικὸν ἀπὸ τῶν νυμφῶν. λέγεται δὲ καὶ Νυμφαῖτης. «Нимфей: Таврический город между метрополией Пантикапеем и Феодосией, как говорит Страбон (VII, 309); племенное имя, м. б., как Ἡραιεύς—

Νυμφαιεύς, а (слово) νυμφαῖος—притяжательное от (слова) нимфы. Говорится также и Νυμφαῖτης» (ср. SC, стр. 263). Об этой форме писали Латышев (IPE, II, 201), Шкорпил, ИАК, XIV, стр. 14 и Minns, стр. 560, пр. 1). О культе Сераписа и Изиды на северном побережье Черного моря можно отчасти судить по надписям IPE, I², 18 (Тира)=IPE, IV, 1 и по IPE, II, 201. Литература по этому вопросу перечислена там же Латышевым. Хронологическое определение рассматриваемой надписи базируется на упоминании жреца Феомнеста, сына Феогена, жречествовавшего Артемиде при архонте Эпикрате, т. е. в 101/0 гг., и Серапису в 107/6 гг.

Значение надписи для истории нашего Юга двояко. Во-первых, оно увеличивает наши сведения о культе Сераписа и Изиды в Черноморьи, показывая, что этот культ был распространен не только в западной (Тира и Ольвия), но и восточной его половине. Во-вторых, небогатые сведения о Нимфее находят в этой надписи дополнение в том смысле, что жители этого города вполне равнялись по своей столице. Отсюда же видно, что сношения Боспора с Делосом были исключительно обильны в течение всей эллинистической эпохи: дар Перисада Аполлону (№ 27 и 28), проксения делосцев Койрану Пантикапаиту (№ 21) и, наконец, эта надпись свидетельствует о не прекращающемся на Боспоре почитании святилищ Делоса в деловых сношениях с этим кредитным и рабским рынком древности. Если Нимфей уже с V века играл торговую роль, то можно думать, по содержанию надписи и по посвящению Διὶ Οὐρίωι за всех плавающих, что Евтих, сын Аполлония, был нимфейским купцом, который вел торговлю лично или был судовладельцем. При этом он должен был, очевидно, принадлежать к числу более или менее крупных купцов Боспора.

59. (IG, XII, I, 11, Hiller von Gärtringen). Список взносов на торговые предприятия. Родос. Фрагмент надписи синего мрамора, обломанный со всех сторон. Гиллер списал его в пригороде гор. Родоса Неоморе. Изд. Ross., Inscr. Gr. ined., III, 1845, 273.

... | [ὁ δεῖνα Και]σαρεύ[ς], | ὁ δεῖνα] Βοσποραν[ός], [...όδ]οτος Κυζικην[ός]
5 πεντα[κοσίας] || Μένιππος Ἱερ... υμίτα[ς] πεντακοσία[ς]· | Στράτων Στράτωνος
10 πενταχ[ο]σία[ς]· Ἀνδρόνικος Ἀσκλη[πιάδα] || χιλί[α]ς. | Ε]ὔβιος Ἀμαστριανὸς
[ὧι ἁ ἐπιδαμία | δέδ]οται ὑπὲρ τοῦ υἱοῦ...

«... касареец... боспоранин... ...одот кизикинец—пятьсот, Менипп, гиер...имиг—пятьсот, Стратон, сын Стратона,—пятьсот, Андроник, сын Асклепиада—тысячу; Евбий амастриец, которому дано право жительства, за своего сына...»

Надпись относится к началу I в. до н. э., если судить по имени Асклепиада, сына Андроника, восстановленному Holleaux здесь и в надписи IG, XII, I, 46 в «Rev. de philol.», XVII, 1893, 18 ['Ασκλαπι]άδαν Ἀνδρονίκου, откуда вытекает их родство, но кто кому сын,—неясно. Очень важен этот документ тем, что перечисляет разных лиц, лишь двое из которых—родосцы; он среди остальных иноземцев дает имена троих жителей побережья Черного моря: двое—из Малой Азии, кизикинец и амастриец, один—боспорец. Амастриец уже получил право эпидамии, право постоянного жительства, последнюю ступень к родосскому гражданству. Этот документ, содержание которого может пониматься двояко, во всяком случае,—лишний свидетель близких связей Родоса с северным Черноморьем вообще и с Боспором Киммерийским—в частности. Связи эти хорошо известны из монументальных надписей нашего Юга [IPE, I², 30 (Ольвия)], 340 (Херсонес), II, 36 (Пантикапей)], относящихся к III в., наконец, по шести слишком тысячам ручек родосских винных амфор, найденных в городах северного Причерноморья и относящихся целиком к эллинистической эпохе. Объединение в нашей надписи лиц, близких по территории происхождения друг с другом, едва ли случайно. Росс определяет эту надпись так: «fragmentum est catalogi hominum Rhodiorum et inquilinorum, qui ad nescioquem finem pecuniam contulerant». С ним безмолвно согласился и Гиллер фон Гертринген, отнеся надпись к числу денежных каталогов. Во всяком случае, денежные ли это взносы в драхмах, как явствует из женского рода числительных, или что-нибудь другое, все равно равномерность и кратность этих взносов (трое вносят пятьсот, а один—тысячу) указывают не на пожертвования в какой-либо храм, а на взнос в какое-то общее предприятие. М. б., это—фрагмент сделки перечисленных лиц между собою, м. б. — взносы за какую-то покупку по договору, заключенному между перечисленными лицами и какою-то неизвестною нам стороною. Главным предметом вывоза с Родоса в Черноморье в эпоху эллинизма было вино. М. б., и упоминаемые надписями нашего Юга родосцы были экспортерами вина, м. б., лица, объединенные нашей надписью, вносили залог или плату за вывозимое ими вино. Это тем более вероятно, что в числе их преобладают иностранцы, а суммы настолько велики, чтобы видеть в них оплату именно этого достаточно дорогого товара.

При торговом фрахте судов до 3 000 амфор вина на одном судне (Demosth., In Lacritum=АСПИ, стр. 262) и при вывозе с Родоса по 500 амфор сразу (склад винных амфор у др. пристани близ Villanova и Иалисос на Родосе—Annuario IV—V, 1921/22, стр. 249—267), а возможно, и более, весьма вероятно видеть в объединении лиц нашей надписи купцов, вносящих деньги за вино для экспорта и соединившихся в компанию для этой цели.

60—69. Надгробия с именами греков с северного Черноморья.

60—66.

Афины

Имена боспорян и херсонесита, умерших в Афинах, связаны с тесными взаимоотношениями торгового характера между Боспором и Афинами (см. отдел I, афинские надписи). Надписи приводятся в порядке алфавита ethnicon.

60. (IG, II, 3, 2851). Колонна гиметтского мрамора. Издал Питтакис 3873 и Куманудис 1624. Списана Келером.

Ἡδεῖα Εὐπολέμου Βοσπορανή.

«Гедия, дочь Евполема, боспорянка».

Надгробие по наличию в нем отчества позволяет судить, что мы имеем здесь дело со свободной выселенкой с Боспора, а не с рабынею. Гедия в качестве рабского имени засвидетельствовано (Lambertz, стр. 50). Впрочем, на Боспоре это имя носит одна свободная жительница Фанагории (IPE, II, 370) и другие свободные (IPE, IV, 204, 241, 250). Имя Εὐπόλεμος есть в горгиппийском списке граждан IPE, IV, 432, A 1, 3. Этникон Βοσπορανός—самое употребительное. Его упоминает Стефан византийский (SC, стр. 257) и надписи (ср. IPE, I², 202, 203, 204).

61. (IG, II, 3, 2850). Колонна гиметтского мрамора, найденная недалеко от Фесейона. К моменту издания она находилась на улице Артемиды, в доме Бонаци. Издана Питтакисом, Ἐφ., 717 и 1473, Рангабисом, 1950 и Куманудисом, 1623.

Εὐπορία Ἀνδρίκου Βοσπορανή.

«Евпория, дочь Андрика, боспорянка».

О возможном социальном положении этой женщины см. примечание к № 60. На Боспоре это имя засвидетельствовано как имя гражданки в самом Пантикапее (IPE, II, 68), и в надгробии (IPE, IV, 230) из царского рода Ахеменидов. Об этникон см. примечание к № 60.

62. (IG, II, 3, 2849). Плита гиметтского мрамора, найдена у св. Троицы. Издал Куманудис, 1621. Списана Келером.

Ἀγάθων Βοσπορείτης.

«Агафон боспорит».

Агафон, как имя гражданина, есть в самом Пантикапее (IPE, II, 68 и IV, 230). Под боспоритом может подразумеваться только боспорец с Понта. Об этом смотри примечание к Эпидивтскому пэану (№ 57). Эта форма этникон была известна Стефану Византийскому, как производное от Βόσπορος (SC, стр. 257).

63. (IG, III, 2, 2398). Круглая колонка гиметтского камня, в Керамике. Издана Куманудисом, 1625. По копии Лоллинга.

Ἡρακλέων Βοσπορανός.

«Гераклеон боспоранец».

Имя Ἡρακλέων, также без отчества, засвидетельствовано в одном пантикапейском надгробии (IPE, II, 243) и в горгиппийском списке граждан — Ἡρακλέων Νεοκλέους (IPE, II, 402, v. 58/59). Здесь следует обратить внимание на этникон Βοσπορανός, а не Παντικαπαίτης. Об этникон см. примечание к № 60.

64. (IG, III, 2, 2397). Круглая колонка гиметтского камня у св. Димитрия Катефоры. Издана Куманудисом, 1622. По копии Лоллинга.

Ἀφροδισία | Δημητρίου | Βοσπορανή.

«Афродисия, дочь Димитрия, боспорянка».

Если бы не имя Афродисии, являющееся чаще всего рабским (M. Lambertz, стр. 31), то едва ли возможно было бы догадаться о том, что мы имеем здесь дело с вольноотпущенницей. Женское имя Ἀφροδισία на Боспоре неизвестно. Мужское Ἀφροδίσιος известно в IPE, II, 29, 1 и в списках танаитов, IPE, II, 443 и 445, не как рабское. Имя Δημήτριος на Боспоре очень обычно (index к IPE, II и IPE, IV). Об этникон см. примечание к № 60.

65. (IG, II, 3, 2852). Пентеликийский мрамор, вделанный в церковь св. Илии. Издана Рангабисом, 1949 и Куманудисом, 1626. Списана Келером.

. . . έου Βοσπορίτης.

«(такой-то, сын такого-то) боспорит».

О форме имени Βοσπορίτης см. в примечании к Епидаврскому пэану (№ 57) и № 60. Это лицо—выходец из Боспора.

66. (IG, I², 1006). Надгробие херсонесита. По копии Фурмона. Издано CIG, 908; IG, I, s. p. 50.

hεράχλειτος
Ναυκλεῖος
Χερρονεσίτες.

«Гераклит, сын Навклеса, херсонесит».

Среди аттических надписей очень много имен и упоминаний различных херсонесцев, но огромное большинство из них—из Херсонеса Фракийского. Отнести двоих к Херсонесу Таврическому предположительно позволяют их имена (№ 56). Что касается настоящего надгробия, которое издатель IG, I склонен, помещая его среди надписей V в., отнести к началу IV в., то в нем есть один признак, на мой взгляд, позволяющий, по крайней мере, предположить понтийское происхождение этого херсонесита. Родительный падеж отчества представлен здесь с окончанием -εῖος, типичным в херсонесском говоре для существительных III склонения на -ης. Он встречается там весьма часто: в монументальных надписях 7 раз на -ειος и 3 на -εος (IPE, I², 34, 406, 495, 504, 510, 512, 520, 521, 525), в керамических штемпелях 5 раз на -ειος и 4 на -εος (И. Махов, Амфорные ручки Херсонеса Таврического. «Известия Таврической ученой архивной комиссии», вып. 48, стр. 150 сл., № 2, 18, 27, 28, 36, 44, 47, 58, 69). При этом, однако, оба стоящие в этой надписи имени в Херсонесе не зарегистрированы.

67. (Maiuri, 94). Фрагмент прямоугольной стелы из восточного некрополя горы Родоса.

Ἡδεῖ[α] | Ἀριστοκ[ρίτου?] | Βορυσθενῖτις.

«Гэдейя, дочь Аристократа, борисфенитка».

Надгробие интересно упоминанием в нем жительницы Ольвии, к тому же с этникон, чаще принятым именно на Средиземном море. По тексту—свободная женщина.

68. (Maiuri, 166). Надгробие с базою из некрополя близ Дейрмендерэ на Родосе.

Κεφάλων | Βοσπορανός.

«Кефалон—боспоранин».

Издатель склонен видеть в этом этникон жителя небольшого городка на берегу острова со стороны о-ва Сима. Этот городок на месте современной деревни Бозбурун—испорченное Βόσπορα, по Хаиварасу ('Εφ., 1907, стр. 217). Мнение—являющееся на мой взгляд натяжкою, поскольку Βοσπορανός—достаточно обычное этникон жителей Боспора Киммерийского, на самом Родосе известное в той же форме в надписи № 59, где оно стоит наряду с другими иностранцами с Черного моря.

69. (CIG, IV, 1, № 9261). Синопа.

Ἐνθάδε κεῖται τὸ σῶμα Ἀναστασίου | τοῦ καὶ ἐπισκόπου Χερσονησίου.

«Здесь лежит тело Анастасия, (бывшего) и херсонесским епископом».

Издавалась ли эта надпись позднее, мне неизвестно. Сведений о времени епископства Анастасия в Херсонесе нет. Копия в CIG не дает возможности дать хронологическое

определение. Из слова «καὶ» можно предположить, что после Херсонеса Анастасий был епископом и в Синопе.

V. Надписи с упоминанием туземцев северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии

1. Рабы из Скифии в Афинах в V—IV вв. до н. э.

70. (IG, I², 329=IG, I, 277). Список рабов с указанием цен из объявления полетов по процессу гермакопидов. Близ портика Афины Архегетиды. Фрагмент мраморной плиты. Издано Syll.³, 96—103 (Syll.², 38); Hicks-Hill, стр. 145, № 72; Michel, 567. v. 30 по Syll.³

14 Κεφισοδόρο μετοίκο ἐμ Πειρα[ιεῖ]
15 ⊢⊢ Η⌈Δ⌉ΔΓ Θρᾶιττα
⊢ ||| ΗΔΔΔΓ Θρᾶιττα
[⊢] ⊢ Η⌈Δ⌉ΔΔ Θρᾶιξ
⊢⊢ || [|] [Η]ΗΔΔΔΔ Σύρος
[⊢] ||| ΗΓ Κάρ
20 ⊢⊢ Η. Δ ⊢ Ἰλλύριος
⊢⊢ ||| ΗΗΔΔ Θρᾶιττα
⊢ || ΗΔΓ Θραιξ
⊢ ||| ΗΔΔΔΔ⊢⊢⊢⊢ Σκύθες
⊢ ||| ΗΔΔ⊢ Ἰλλύριος
25 ⊢⊢ Η⌈Δ⌉⊢⊢⊢ Κόλχος
⊢⊢ Η⌈Δ⌉ΔΔ⊢⊢⊢⊢ Κὰρ παῖς
⊢ ⌈Δ⌉ΔΔ⊢⊢ Καρικὸν παιδίον
⊢⊢⊢| ΗΗΗ⊢ Σύρος
[⊢] ⊢ ΗΓ⊢ Μελιττ[ενός или νέ]
30 [⊢] ⊢ [Η][Δ]ΔΔ Λυδέ

«Кефисодора, метека в Пирее

15	2 драхмы	165 (драхм)		Фракиянка
	1 драхма 3 обола	135	»	Фракиянка
	2 драхмы	170	»	Фракиец
	2 драхмы 3 обола	240	»	Сириец
	1 драхма 3 обола	105	»	Кариец
20	2 драхмы	121? (161)		Иллириец
	2 драхмы 3 обола	220	»	Фракиянка
	1 драхма 3 обола	115	»	Фракиец
	1 драхма 3 обола	144	»	Скиф
	1 драхма 3 обола	121	»	Иллириец
25	2 драхмы	153	»	Колх
	2 драхмы	174	»	Кариец-юноша
	1 драхма	72	»	Кариец-мальчик
	3 драхмы 1 обол	301	»	Сириец
	2 драхмы	106	»	Мелиттенец (или Мелиттенка)
30	2 драхмы	170	»	Лидиянка».

Эта надпись—отрывок из списков имущества осужденных в 415/414 г. по процессу гермакопидов; их имущество в следующем 414/413 г. было выставлено афинскими полетами на продажу. Кефисодор, метек в Пирее, был осужден среди обвиненных по доносу метека Тевкра (Andoc., I, 15; ср. прим. Syll.³ и IG, I²). Судя 1) по месту его жительства в Пирее, 2) по тому, что его имущество сплошь состоит из рабов, к тому же поименованных не так, как в других списках полетов по тому процессу поименно (ср. IG, I², 328, v. 2 и 3 и 329, v. 9), но лишь по этникон, т. е. еще не переименованных по-гречески владельцем, 3) по точной до драхмы цене, это лицо—торговец рабами. Из поименованных лиц 4 фракийца, 3 карийца, 2 иллирийца, 2 сирийца, 1 лидиянка, 1 мелиттенец, 1 скиф (v. 24) и 1 колх (v. 26). Несмотря на всю

неполноту списка, из сопоставления его с другими рынками рабов (особенно Дельф эпохи эллинизма, см. № 83—98) видно, что соотношения не случайны и что Фракия и Малая Азия действительно занимали перед северным Причерноморьем и Кавказом первое место как рабский рынок. Скифянка как рабыня частновладельческая упоминается у Аристофана в «Лисистрате» (v. 184) и на Родосе в IV в. до н. э. (см. примеч. к № 118); Σκύθης Σωσία—вольноотпущенник в Епидавре (№ 81). Что касается раба этого имени у Помпея (Lambertz, стр. 10), то оно едва ли принадлежало рабу этой национальности, при распространенности этого имени у греков в эллинистическое и более позднее время. Скифы как рабы исчезают на рынках со II, если не с III в. до н. э., судя по надписям Дельф (№ 83—98) и другим, где они заменяются с этого времени сарматами. Что касается колхов (20) как рабов в Афинах, то об этом см. примечание к № 70, 99 и 110. Их значение никогда, повидимому, однако, не было достаточно велико. Lambertz в отделе, посвященном рабским именам по месту происхождения, имени колха не дает (стр. 13 и 14).

71—78. Надписи об афинских стрелках V в.

Среди доэвклидовских надписей с эпохи Аристида до битвы при Κυνὸς σῆμα в 412/411 г. есть восемь текстов, в которых хотя и нет прямого упоминания о Скифии, но в которых речь идет о стрелках (τοξόται). Общеизвестно, что в городе полицейские функции несли скифы-стрелки. Аристофан упоминает их в ст. 451—455 «Лисистраты». Стрелок-скиф—действующее лицо в его комедии Θεσμοφοριάζουσαι (ст. 1001—1225), где он состоит при притане и арестует нарушителя порядка. Схолиаст говорит, что «Σκύθας γὰρ καὶ τοξότας ἐκάλουν τοὺς δημοσίους ὑπηρέτας ἀπὸ τῆς ἀρχαίας χρήσεως», т. е. «скифами и стрелками называли государственных рабов от старинного употребления» (SC, стр. 353). К стиху 54 «Ахарнян» схолиастом дается пояснение: «есть стрелки, государственные слуги, стражи города, в числе тысячи, каковые прежде жили в шатрах на средней (части) агоры, а позднее переселились на Ареев холм». Поллукс («Onomasticon», VIII, 132) передает то же самое.

Были ли эти скифы только рабами-полицейскими, в каком отношении к ним стоят стрелки в числе 1 200, упомянутые Аристотелем («Ἀθην. πολιτεία», 24, 3), были ли это стрелки, которые участвовали в походах, как многократно упоминает Фукидид (см. по индексу τοξόται и приводимые ниже надписи)? Большинство исследователей (Бауэр, Вацинский, Липперт и др.) полагали, что эти стрелки, несшие частью внутреннюю, частью внешнюю службу, состояли частью из граждан, частью из рабов и наемников. Бузольт (I^2, 567) категорически высказывается за то, что стрелки Аристотеля и Фукидида—свободные граждане. Между тем, у самого же Фукидида, как и в надписях, нет прямых указаний на состав стрелков, а косвенные данные говорят прямо против вполне гражданского состава этих войск. Эсхин в речи об измене в Посольстве говорит о покупке афинянами после битвы при Саламине трехсот скифов, а схолиаст прямо называет их стрелками (SC, стр. 371). Таким образом, как видно также и из приведенных схолий к Аристофану и из Поллукса, термин стрелки равнялся в просторечии термину скифы. У самого же Фукидида (III, 2) говорится о том, что жители Митилен, намереваясь восстать против Афин, ждали с Понта хлеба и стрелков. Это указывает на применение стрелков-скифов другими государствами на войне, и нет никаких оснований думать, что афиняне представляли в этом смысле исключение. По Ксенофонту мы знаем, что среди пелтастов, наемников Кира, были афинские вольноотпущенники, например макроны (Anab., IV, 8, 4 сл.). Поэтому стрелки у него названы (III, 4, 15) Σκύθαι τοξόται. Отсюда следует, что стрелки надписей хотя бы отчасти те же наемники и рабы. Из надписи № 72 мы узнаем, что они имели своим патроном Аполлона, что они подчинялись особым токсархам и делились на ἀστοί (здесь, очевидно, в смысле «городские») и ξένοι(?), т. е. чужеземцев. Эта надпись не смешивает их с афинскими гражданами, взносы которых собирали демархи. Их функции ясно представлены в надписи № 74, где пританствующая фила несет стражу при ремонте стен Акрополя, давая от себя по три стрелка: у Аристофана скифами также распоряжается притан. Надписи о павших, начиная с Египетского похода 460/459 г. и кончая Сицилийской экспедицией, говорят об их участии во внешних войнах. Анализ собственных имен их произведен Lambertz'ом, который в своей книге passim относит их имена к рабским. № 73 дает среди имен Ταῦρος, крымское ethnicon; есть имена типа Φίλιππος и Ἡρακλείδης, необычные для афинян и по своему значению подходящие как раз для скифов. Есть имена фракийские, как Ὀνήσιμος. Большинство или имена пожелания (Λέξιος) или религиозно-посвятительные, что, по Lambertz'у, обычно для рабов. Но есть среди них и имя Καύπακος—чисто рабское по форме, название раба именем его родины, но, несомненно, грека. Еще Böck, в «Staatshaushaltung der Athener», I^1, стр. 222—223, справедливо указал, что в состав этих стрелков входили не только скифы, но фракийцы и другие варвары. Однако основою, особенно вначале, являлись скифы, как потому, что их имя стало нарицательным, так и потому, что им даны были для жительства шатры, как на родине. Скифы-рабы выставлялись на рынок по меньшей мере до конца V в., как видно из надписи № 70.

71. (Syll.³, 41). Упоминание афинского токсарха в афинском декрете об эритрейцах. Найдено в Акрополе близ Эрехтейона. Изд. CIG, 73 b; IG, I, 9; IG, I², 10; Syll.², 8; Hicks-Hill, 32; Michel, 1428; cf. Wilhelm, GGA (1903), 772.

v. 39 . . .τὸν τόχσαρχ[ον τὸ]ν Ἀθεναίον . . . .

« . . . . токсарха афинян . . . »

М. б., речь здесь идет о наказании за предательство этого официального лица, судя по предшествующей части надписи. Надпись, относящаяся ко времени около 465 г., как кажется, древнейшее упоминание об этой должности.

IG, I², 10 дает другое чтение.

72. (IG, I², 79). Об участии стрелков в культе Аполлона. Надпись была скопирована Фурмоном. Издана по его копии, A. Böck, Staatshaushaltung der Athener, II², Taf. I, 4; CIG, 80; IG, I¹, 79. Ср. Wilamowitz, Hermes, XXII, 1887, стр. 221⁴; Wernicke, Hermes, XXVI, 1891, стр. 73; Waszynski, De servis Atticis, 1898, 38 и 39; и др.

[καταβάλλεν δὲ τ]|[ὸ]ς hιππ[έ]ας δ[ίδρ]αχμ[ο]ν,[τ]ὸς [δὲ hοπλίτας δραχμὲν]|
καὶ τὸς τοχσότας τὸς ἀστ[ὸς καὶ τὸς χσένος τρ]|ῆς ὀβολὸς τὸ ἐνι[αυτ]ὸ ἀπὸ
5 τῦ [hομολογομένο μισθῦ] || ἐκπραττόντον δὲ hοι δέμαρ[χοι παρὰ τῦν δεμοτῦν]
(τῦν) | ἐς τὸ λεχσιαρχικὸν γραμματ[εῖον] γραφέντον·οἱ δ][ὲ] τόχσαρχοι παρὰ
τῦν τοχσο[τῦν. ἐὰν δέ τινες μὴ ἀπ]|οδιδῦσι, ἐκπραττόν[τον οἱ ταμίαι, οἳ τὸς
10 μισθὸς ἀ]|ποδιδόασιν, παρὰ τούτον ἐκ [τῦν μισθῦν · hε δὲ |βολὲ] || hε ἀεὶ βουλεύοσα
σφῦν αὐτῦν [hαιρέσθο ταμία δύο ἄ]|νδρε τῦ ἀργυρίο τῦ Ἀπόλλονος, ὅταν καὶ
τῦν τῆς με]τρὸς χρεμάτον αἱρῆτατι · το[ύτοιν | δὲ . . . παρό]||ντοιν παραδιδόντον hοί
15 τε [δέμαρχοι καὶ οἱ τόχσ]|αρχοι καὶ hοι πρυτάνες hὸ ἀ[ν λαμβάνοσιν ἀργύρι||ον
τ[ὸ] δὲ ταμία μετὰ [τὸ] hιε[ρέος τῦ Ἀπόλλονος τῦ τε]|μένος τῦ Ἀπόλλονο[ς
ἐπιμελέσθον, ὅπος ἂν κάλλισ|τα θεραπεύεται καὶ . . . ευ . . . | νει χρεματίζεν δὲ
20 αὐτοῖ[ς ὅταμπερ | πρῦτον | ἑ βολὲ]| καθῆται πρότοις [μετὰ τὰ hιερὰ...

«... вносить всадникам—две драхмы, гоплитам—драхму и стрелкам, городским и иностранцам(?), три обола в год с договорной платы. Пусть взимают демархи с членов демов, записанных в учетный список. Пусть токсархи—со стрелков. Если кто-нибудь не отдаст, то пусть взимают казначеи, которые выдают плату, с таких (людей) из их платы. Постоянный совет пусть выбирает из своей собственной среды казначеями аполлоновых денег двух человек тогда же, когда он выбирает и (казначеев) имущества Матери. Пусть им... присутствующим вдвоем, передают и демархи, и токсархи, и пританы собираемые деньги. Пусть оба казначея вместе со жрецом Аполлона заботятся о теменосе Аполлона, чтобы он обслуживался наилучшим образом и... хорошо... Пусть они выступают со своими делами, как только первый раз совет соберется, первыми после (решения) священных дел...»

Надпись относится ко времени после учреждения в Афинах института стрелков, что приписывается Аристотелем Аристиду (Ἀθηναίων πολιτεία, 23). Текст этой надписи устанавливает обязательность для стрелков участвовать в культе Аполлона; она делит стрелков на городских (ἀστοί) и на иностранцев (ξένοι).—Ἀστοί здесь, вероятно, обозначает граждан; М. б., вместо «ξένους» следует предположить «Σκύθας»? Надпись предписывает сбор с демотов демархам, а со стрелков—токсархам, выделяя их, таким образом, из числа полноправных граждан. В строке 14-й упоминается еще притан как сборщик, что вполне соответствует подчинению стрелков-скифов пританам. Надпись позволяет видеть, что стрелки могли быть и из граждан, и из иностранцев(?), и из рабов.

73. (IG, I², 929= I¹, 433). Списки воинов филы Эрехфеиды, павших в морских экспедициях 50-х годов V в. Стела в Лувре. Изд.: Fröhner, Inscriptions de Louvre, 112; Hicks-Hill, 26, Michel, 597; Roberts Gardner, 359; Nachmanson, Hist. att. Inschriften, 6, Syll.³, 43; остальную библиографию см. IG, I², 929.

vv. 1—4 'Ερεχθείδος | hοίδε: ἐν τῶι: πολέμοι: ἀπέθανον: ἐν Κύπροι: ἐν Αἰγ[ύ]|πτοι: ἐν Φοινίκει[:] ἐν 'Αλιεῦσιν [:] ἐν Αἰγίνει: Μεγαροῖ |
vv. 67—70. τοχσόται: |Φρῦνος| Ταῦρος| Θεόδορος|'Αλεχσίμαχος|.

«Из Эрехфеиды следующие на войне пали: на Кипре, в Египте, в Финикии, в Галиеях, в Эгине, в Мегарах... ...стрелки: Фрин, Тавр, Феодор, Алексимах.

Перечисленные здесь экспедиции относятся к 460—457 гг. Они упомянуты Thucid., V, 104—105. Среди перечисленных имен Ταῦρος—крымское ethnicon.

74. (IG, I², 44). Постановление о ремонте стен акрополя и их охране. В Афинском музее, а раньше—у храма св. Андрея. Стела пентеликийского мрамора, отбитая сверху. Изд. Foucart, BCH, XIV, 1890, стр. 177; Lolling, Δελτίον, 1899, стр. 254, 256; IG, I, s. p. 140, 26a; Michel, 577. Jahn—Michaelis, Arx, 92, 4; Roberts Gardner, 6; Syll.³, 62; P. Graindor, «Rev. arch.», 1924 (I—VI), стр. 171. Ср.; Wernicke, «Hermes», XXVI, 1891, стр. 51; Wilamowitz, Arist. u. Ath., II, 202; White, 'Εφ., 1891, стр. 34; Bannier, «Berl. phil. Wochenschrift», 1916, стр. 958; 1917, стр. 1217.

...ιε[...κατὰ] | [τ]ὲν πόλιν [τ]ὰ ὀχ[υρὰ]| οἰκο[δ]ομέσαι: hόπ[ο]|[ς] ἂν: ὀρ̣απέτες μὲ
5 ἐ[σ]||[ί]ει: μεδὲ λοποδύτ[ε]||[ς]: ταῦτα δὲ χσυνγρά|φσα[ι] μὲν Καλλικρά[τ]|ε: hόπος
10 ἄριστα καὶ εὐτελέσατα σκε||υάσαι, ἀπομισθῶσα|[ι] δὲ τὸ[ς] πολετάς: hό|πος ἂν:
15 ἐντὸς hεχσέ||[κ]οντα: ἐμερῶν ἐπισκ[ε]υασθῆι: φύλακας δὲ || [ἔ]ναι τρῆς μὲν τοχσό[τ]ας: ἐκ τῆς φυλῆς τῆς [π]ρυτανευόσες.

«... по городу построить укрепления, чтобы ни беглец не вошел, ни вор одежды. Смету на это составить Калликрату с тем, чтобы произвести ремонт самым наилучшим и дешевым образом. Плату выплачивать полетам, чтобы в течение шестидесяти дней закончить ремонт. Стражами быть трем стрелкам из несущей пританство филы».

Надпись относят ко времени около 445 г. до н. э., т. е. ко времени постройки Парфенона. Диттенбергер правильно отметил, что речь идет о ремонте стены. Грандор с большой долей вероятности предполагает, что речь идет о заделке части стены, разрушенной при постройке Парфенона ради подвоза громоздких материалов. Стрелки, как и скиф в «Θεσμοφοριάζουσαι», находятся в распоряжении притана.

75. (IG, I², 949; IG, I, 446). Список павших при осаде Пилоса в 425/4 г., в Мегаре в 424/3, у Солигеи. В Лондоне. Стела. Издана: CIG, 171; «Inscript. of Brit. Museum», 38; Syll.³, 77.

v. 79—88. τοχσόται | Φίλιππος | Ναύπακτος|Δέχσιος | Μνεσαγόρας | hερακλείδες | 'Ονέσιμος | hιερ[ο]κλῆς | 'Αναχσι...

«Стрелки: Филипп, Навпакт, Дексий, Мнесагор, Гераклид, Онесим, Гиерокл, Анакси...»

События, к которым относится эта надпись, описаны у Thucid., IV, 28, IV, 67 и 43—44; Lambertz passim (под именами) рассматривает этот список как рабов. Во всяком случае Навпакт—имя по названию родины, Дексий—по желаемому качеству, Онесим—фракийское,—все эти имена не могут считаться гражданскими. Имена Филиппа и Гераклида по своим значениям хорошо подходят к стрелкам скифского происхождения. Из этой же надписи видно, что среди афинских стрелков, кроме скифов и фракийцев, бывали люди и чисто греческого происхождения.

76. (IG, I², 86). Договор афинян с аргивянами, мантинейцами и элейцами в 420/419 г. ЕМ, 6813. Стела. Издана: Кумануди с, 'Αθήναιον, V, 1876, стр. 333. Kirchhoff, «Hermes», XII, 1877, стр. 358; IG, I, s. p. 14, 46 b; Roberts Gardner, 20; Hicks-Hill, 69; Nachmanson, 17. Ср. A. Schoene, «Hermes», XII, 1877, стр. 472; Niese, «Hermes», XIV, 1879, стр. 429; Kirchhoff, SPAW, 1883, стр. 829; Herbst, «Hermes», XXV, 1890, стр. 374; Hade, «Hermes», XXVII, 1892, стр. 374; Beloch, II, 2², стр. 237.

v. 20 sq. τοῖς δὲ βοεθῶσιν hε]πόλ[ις] hε π|[έμπουσα παρεχέτο μέχρι μὲν τριάκοντα ἐμερῶν σῖτον, ἐπειδὰν ἔλθοσι ἐς τὲν πόλιν τὲν ἐπαγ]γέλασ|[αν βοεθῆν,

καὶ ἀπιῶσιν κατὰ τὰ αὐτά. ἐὰν δὲ πλέονα βόλεται χρόνον τεῖ στρατιᾶι χρῆσθαι h]ε πόλις| [hε μεταπεμφσαμένε, διδότο σῖτον τοῖ μὲν hοπλίτει
25 καὶ φσιλῶι καὶ τοχσότει τρεῖς ὀβολ]ὸς Αἰγιν||[αίος τῆς ἐμέρας hεκάστες τῶι δὲ hιππεῖ δραχμὲν Αἰγιναίαν].

«приходящим на помощь город, (ее) пославший, пусть предоставляет продовольствие до истечения тридцати дней, после того как они придут в город, призвавший на помощь, и уходящим—на тот же срок; если же захочет на большее время использовать войско город, вызвавший (людей) к себе, то пусть дает от себя (на) продовольствие гоплиту, легковооруженному и стрелку по три эгинских обола на каждый день, а всаднику—эгинскую драхму».

Надпись целиком восстановлена по тексту Фукидида (V, 47, 8). Важна по указанию на величину дневной оплаты стрелка в походе.

77. (IG, I², 99=IG, I, 155). Перечень участников сицилийской экспедиции 415/414 гг.; раньше надпись находилась в акрополе. Стела пентеликийского мрамора. Издана: Wilhelm, JOAI, I, 1898. Beibl. 44. Библиографию см. IG, I², 99.

v. 6. *(Лакуна 22 буквы)* τ]οχσότας | π[εντακο]σίος...

«500 стрелков».

У Thucid. VI, 43, 3, число стрелков указано 480 человек.

78. (IG, I², 950=IG, I, 447). Список павших в битве при Κονὸς Σῆμα в 412/411 гг. В Лувре. Стела. Изд. CIG, I. 169. Froehner, Inscriptions de Louvre, 113; IG, I, s. p. 11. Ср. Brückner u. Michon, «Ath. Mitt.», XXXV, 1910, 219; Wilamowitz, Kydathen., 85.

v. 136 sq. το[χσ]όται| [π]άρεδροι·| Σόστρατος|....ριο[ς]|.....ο[ς]|..ο...ο...ο[ς].

«Стрелки-соратники: Сострат... рий...»

Подробности битвы см. Thucid., VIII, 106.

79. (IG, II¹, 959). Список моряков военного судна IV в. до н. э. Большая плита из ряда обломков. Найдена в Акрополе. Издана: Питтакис, 1344 и 1401; Рангавис, 1287 и 1271.

Фрагмент С, столб. I, стр. 11 [ἐπιβάται]·

Фрагмент С, столб. II, стр. 3 сл.:

Φοῖνιξ Ἀλεξίππ[ου].| Γέτας Ἀλεξίππ[ου.| Ἀσσύριος Ἀλεξί[ππου.| Εὔτυχος Πραξιβούλου.| Δάμων Χαριστίου.| Σωκράτης Χαριστίου.|Ἀρχέφιλος Λίπου.| Παυσανίας Ἀριστ...| Τριβαλλὸς Ἀριστα...| Γῆρυς Ἀπολλωνίδ[ου]| κτλ.

«матросы: ...Феникс (раб) Алексиппа, Гет Алексиппа, Ассирий Алексиппа, Евтих Праксибула, Дамон Харистия, Сократ Харистия, Аркефил Липа, Павсаний Ариста..., Трибалл Ариста... Герис Аполлонида» и т. д.

В составе экипажа здесь рабы, что видно из этнических имен с именами хозяев при них, как правильно отметил Келер. Имена, конечно, соответствуют национальности рабов. Гет — обычное для всяких рабов, здесь точное этникон, тем более, что его хозяин Алексипп и других рабов назвал именем их народа (Финикиец, Ассириец). Второй с северного Черноморья—Трибалл. Интересно, что Гет и Трибалл находятся среди матросов; это должно быть связано с их приречной при Дунае и приморской жизнью. Эти два раба, как и их соседи—не δημόσιοι, а наемники (стр. 17 и 18), ходившие на оброке (Kretschmer, стр. 75, и Lambertz считают их рабами).

№ 80. (IG, II, 834 b.=IGE, II², 1672). Ремонт Элевсинского храма 329/328 гг. до н. э. Плита пентеликийского мрамора, найденная в Элевсине. Надпись в две колонны.

Col. I, v. 17. Μισθωτεῖ τῆς ἀνακαθάρσεως τῶ[ι ἐπα...]ω τοῦ ἀναλήμματος Δάω ἐν Κυδα(θηναίω) οἰκοῦντι ΗΔΙ.

Col. I, v. 25. πλίνθοι παρὰ Δάου Ἐλευσῖ|νι οἰκοῦντο(ς) εἰς τὸν πυλῶνα [Ⅹ], τιμὴ καὶ κομιδὴ τῶν χιλίων ΔΔΔΓ|– |– |–, (κεφάλιον) Η[Ⅹ]ΔΔΔΔ

«Подрядчику по очистке...[1] фундамента Даю, живущему в Кидатенее 115 (драхм).
Черепицы от Дая, живущего в Элевсине, для пилона 5000 цена с доставкою с тысячи 38 (драхм), итог—190 (драхм)».

Хотя, вообще говоря, известно, что имя Δᾶος стало уже в IV в. чисто рабским, но профессия, по крайней мере, второго лица—производство черепиц, т. е. гончарное дело, позволяет предположительно считать здесь это имя сохранившим этнический смысл (см. вступление). Это лицо—метек, но по имени, несомненно, из вольноотпущенников. Во всех остальных случаях, насчитывающихся многими десятками, имя Дай не поддается никакой увязке с этническим происхождением с Черного моря.

2. Вольноотпущенники и их связи с храмами

81, а и б. (IG, IV², 353—379). Отпускные на волю на седалищах стадия. Эпидавр. Часть их издал Kabbadias в τὸ Ἱερὸν τοῦ Ἀσκληπιοῦ, стр. 102, № 3. Френкель—все в IG, IV, 1219—1245.
Привожу относящиеся к Югу СССР.

81а. (IG, IV², 358; IG, IV¹, 1224, инв. № 557).

Σίνδης Εὐάνορος ἀπελεύθ[ερο]ς.

«Синд Еванора вольноотпущенник».

81б. (IG, IV², 363/1; IV¹, 1234, инв. № 574). Изд. Kabbadias, ук. соч., стр. 102, № 1

Σκύθας Σωσία Ἀσκλαπιῶι.

«Скиф Сосия (вольноотпущенник) Асклепию (посвятил)».

Обе эти надписи находятся среди седалищ, из которых три северных и два южных ряда носят на себе посвятительные надписи вольноотпущенников; на двенадцати из них прямое указание на посвящение вольноотпущенниками, на остальных оно было опущено или стерлось. Первая из этих надписей едва ли касается синда, происходящего из таманской Синдики: обычное наименование этих последних Σινδοί, в форме Σίνδος собственное имя (см. Ποντικά , стр. 63, прим. 1 и indices IPE, II, стр. 316; IV, стр. 327 и 340). Nilsson, «Timbres amphoriques de Lindos», стр. 98 и M. Lambertz, «Gr. Sklavennamen», Wien, 1907, стр. 161, прим. 26, считают этот этникон справедливо относящимся к Синде в Писидии. Стефан Византийский в своем словаре дает для синдов черноморских этникон Σινδοί, для писидийских Σίνδαι. Привожу эту надпись лишь как указание на недопустимость смешения этих двух этника. Σκύθας, конечно, здесь рабское имя, данное, как было в обычае, по племени раба.
Время надписи Fränckel категорически утверждает по палеографическим данным, в конце III в. до н. э. Каввадиас (ук. соч., стр. 100) установил, что именно в это время у эпидаврийцев было в обычае, чтобы отпускаемые на волю ставили за свой счет определенную часть седалищ на стадии.

82. (IG, VII, 3077). Взносы на ремонт храма Зевса Трофония. Лебадея в Беотии. Издано Питтакисом, 2408; Lebas, II, 272; K. Keil, Syll. inscr. Boeot., стр. 577, № X. Лоллинг сообщает, что камень исчез, но лебадейцы рассказали ему, что камень вделан в новом фонтане в ином положении.

Θεὸς τύχᾳ ἀγαθᾷ. | οἵδε συνεβάλοντο εἰς τὸν τοῦ ἱεροῦ σηκοῦ [περίβολον]...
v. 26... Σωσικράτης Σωσικράτους Ταῦ[ρος δραχμὰς...

«Бог в добрый час. Следующие (лица) собрали (из своих средств) на ограду священного храма...
... Сосикрат, сын Сосикрата, тавр драхм...»

Надпись, очевидно, представляет собою сбор денег на постройку, причем суммы взносов колеблются от 10 до 100 драхм. Храм—Зевса Трофония, так как первый взнос сделан его жрецом. Время надписи по начертанию и ряду римских имен (среди них удвоение «ν» в Διάννιος), определяется как вторая половина I или начало II в. н. э. Своеобразно то, что среди множества жертвователей только один Сосикрат имеет этникон. Сомневаться в его дополнении, однако, нет, думается, оснований. При обычности

его имени, как и имени отца, у рабов можно, все же, не сомневаться, что, будучи сам гражданином (наличие отчества), этот Сосикрат все же—сын вольноотпущенника, сохранивший народное имя отца. Употребление имени тавров в живом обиходе ранней Римской империи ср., например, в Пантикапее при Аспурге (IPE, II, 36) и др.

83—98. Дельфийские манумиссии.

83. (SGDI, 1923=W. F., 258).

''Αρχοντος ''Ηρυος τοῦ Πλείστωνος μηνὸς 'Ιλαίου, ἐπὶ τοῖσδε ἀπέδοτο Μαντί|ας Κλευδάμου τῶι 'Απόλλωνι τῶι Πυθίωι σῶμα ἀνδρεῖον ὧι ὄνομα 'Αρμένιος, τι|μᾶς ἀργυρίου μνᾶν δύο στατήρων ἑπτά, καὶ τὰν τιμὰν ἔχει πᾶσαν, καὶ ὡς ἐπίστευ|σε 'Αρμένιος τῶι θεῶι τὰν ὠνάν, ἐφ' ὥιτε ἐλεύθερος ε[ἶ]μεν καὶ ἀνέφαπτος ἀ||πὸ πάντων τὸν πάντα χρόνον, ποιέων ὅ κα θέληι καὶ ἀποτρέχων οἷς κα θέληι.| βεβαιωτὴρ κατὰ τὸν νόμον τᾶς πόλ[ι]ο[ς]· Εὐκλείδας Καλλείδα. εἰ δέ τίς κα ἐφάπτη|ται 'Αρμενίου ἐπὶ καταδουλισμῶι, βέβαιον παρεχόντων τῶι θεῶι τὰν ὠνὰν| ὅ τε ἀποδόμενος Μαντίας καὶ ὁ βεβαιωτὴρ Εὐκλείδας. εἰ δὲ μὴ παρέχοιεν βέβαι|ον τὰν ὠνὰν τῶι θεῶι, πράκτιμοι ἐόντων κατὰ τὸν νόμον τᾶς πόλιος.|| ὁμοίως δὲ καὶ οἱ παρατυγχάνοντες κύριοι ἐόντων συλέοντες 'Αρ|μένιον ὡς ἐλεύθερον ἐόντα ἀζάμιοι ἐόντες καὶ ἀνυπόδικοι| πάσας δίκας καὶ ζαμίας. μάρτυρες· τοὶ ἱερεῖς τοῦ 'Απόλ|λωνος 'Αμύντας, 'Ανδρόνικος, ἰδιῶται ''Αθαμβος 'Αβρομάχου,| Φίλων 'Αριστέα, Εὐκλείδας, 'Αντιχάρης 'Αζαράτου καὶ τῶν|| ἀρχόντων Εὐκλῆς Καλλιστράτου.

«При архонте Герии, сыне Плистона, в месяце Илее, на следующих условиях продал Мантий, сын Клевдама, Аполлону Пифийскому раба по имени Армения за цену в две мины семь статеров, и (он) имеет цену полностью, как Армений доверил богу покупку. Посему да будет он свободным и неприкосновенным ни для кого навсегда, поступая по своей воле и уходя, к кому угодно. Поручитель по закону города—Евклид, сын Каллида. Если же кто-нибудь захватит Армения в рабство, да удостоверят правильность покупки богом и продавший Мантий и поручитель Евклид. Если же они не подтвердят правильность покупки богом, да несут они денежную ответственность по закону города. Равным образом, пусть будут правы и те, кому случится отнять Армения, как свободного, не подлежа никакому штрафу и наказанию. Свидетели: жрецы Аполлона Аминт (и) Андроник; частные лица Атамб, сын Габромаха, Филон, сын Аристея, Евклид, Антихар, сын Азарата, и из архонтов Евклес, сын Каллистрата.

Надпись относится к V жречеству (около 156—151 гг.). О свидетеле Филоне Аристееве см. примечание к № 1915.

84. (SGDI, 1877=W. F., 212).

Στραταγέοντος ἐμ Φωκέοις Εὐ[ξ]ιθέου Γαμπολί|[τ]ου μηνὸς Λαφρίου, ἐν δὲ Δελφοῖς ἄρχοντος Μενεστράτ|[ου] μηνὸς Θεοξενίου, ἐπὶ τοῖσδε ἀπέδοτο 'Αγασικλῆς Κρίτω|ν[ος| Λιλαι]εὺς τῶι 'Απόλλωνι τῶι Πυθίωι σῶμα ἀνδρεῖον ὧι ὄνομα Δη[μήτριος]|| τὸ γένος 'Αρμένιον, τιμᾶς ἀργυρίου μνᾶν δύο, καθὼς ἐπίστευσε [Δημήτρι]ος τῶι θεῶι τὰν ὠνάν, ἐφ' ὥιτε ἐλεύθερος εἶμεν καὶ ἀνέφαπτο[ς ἀπὸ πάν]||των τὸμ πάντα βίον, ποέων ὅ κα θέλη καὶ ἀποτρέχων οἷς κα θέ[λη. βεβαιω]|τῆρες κατὰ τὰν συμβολάν· Νεόστρατος Παλαίωνος Δελφέ[ς, 'Επιχαρί]δας Εὐδάμου Διλαιεύς. ε[ἰ] δέ τις ἐφάπτοιτο Δημητρίου ἐπὶ καταδουλισ[μῶι, βέ]||βαιον παρεχόντω τῶι θεῶι τὰν ὠνὰν ὅ τε ἀποδόμενος 'Αγασικλῆς καὶ [οἱ βεβαι]|-ωτῆρες Νεόστρατος καὶ 'Επιχαρίδας. ὁμοίως δὲ καὶ οἱ παρατυγχάνοντες [κύριοι]|| ἐόντω συλέοντες Δημήτρ[ι]ον ὡς ἐλεύθερον ὄντα ἀζάμιοι ὄντες καὶ ἀνυπ[όδικοι πά]||σας δίκας καὶ ζαμίας. μάρτυροι· οἱ ἱερεῖς τοῦ 'Απόλλωνος 'Αμύντας, Ταραντῖνος καὶ τῶ[ν]||ἀρχόντων Μνασίθεος, Θεόξενος, ἰδιῶται Καλλείδας, 'Αντιχάρης.

«При стратеге в Фокее Евкситее, сыне Гиамполита, в месяце Лафрии, а в Дельфах при архонте Менестрате в месяце Теоксении, на следующих условиях продал Агасикл, сын Критона, лилеец Аполлону Пифийскому

раба по имени Димитрия, родом армянина, за цену в две мины серебра, как доверил Димитрий богу покупку. Посему да будет он свободен и неприкосновенен ни для кого всю свою жизнь, поступая по своей воле и уходя, к кому хочет. Поручители его по соглашению—Неострат, сын Палеона, дельфиец, Епихарид, сын Евдама, лилеец. Если же кто-нибудь захватит Димитрия в рабство, пусть удостоверят правильность покупки богом и продавший Агасикл и поручители Неострат и Епихарид. Равным образом, да будут правы и те, кому случится отнять Димитрия, как свободного, не подлежа никакому штрафу и наказанию. Свидетели—жрецы Аполлона Аминт (и) Тарантин и из архонтов Мнаситей (и) Теоксен, частные лица Каллид (и) Антихар».

Надпись относится ко времени IV жречества (170—157/6).

85. (SGDI, 1911=W. F., 246).

''Αρχοντος Φιλοκράτεος μηνὸς Βουκατίου, ἀπέδοτο Κρατὼ Μεσατέος, | συνευδοκεόντων καὶ τῶν υἱῶν αὐτᾶς Μεσατέος καὶ Νικάρχου, τῶι | 'Απόλλωνι τωι Πυθίωι σῶμα γυναικεῖον ἄι ὄνομα Εἰράνα τὸ γένος 'Αρ|μενίαν, τιμᾶς ἀργυρίου μνᾶν τριῶν, καὶ τὰν τιμὰν ἔχει πᾶσαν. βεβαι||ωτὴρ κατὰ τὸν νόμον τᾶς πόλιος · Νίκαρχος 'Εράτωνος. καθὼς ἐπίστευ|σε τὰν ὠνὰν Εἰράνα τῶι θεῶι, ἐφ' ὥιτε ἐλευθέρα εἶμεν καὶ ἀνέφαπτος | ὑπὸ πάντων, ποιοῦσαν ὅ κα θέλη καὶ ἀποτρέχουσα ἄι κα θέλη. μάρτυροι · | τοὶ ἱερεῖς τοῦ 'Απόλ(λ)ωνος 'Αμύντας, 'Ανδρόνικος καὶ ἰδιῶται Φιλοκράτης, | ''Αθαμβος 'Αβρομάχου, Μελισίων, Σωσίνικος.

«При архонте Филократе, в месяце Букатии, продала Крато, дочь Месатея, с полного согласия ее сыновей, Месатея и Никарха, Аполлону Пифийскому рабыню, по имени Ирану, родом армянку, за цену в три мины серебра, и (бог) имеет цену полностью. Поручитель по законам города—Никарх, сын Эратона. Как доверила Ирана покупку богу, посему она да будет свободной и неприкосновенной ни для кого, поступая по своей воле и уходя, куда угодно. Свидетели—жрецы Аполлона Аминт (и) Андроник и частные лица—Филократ, Атамб, сын Габромаха, Мелисион, Сосиник».

Относится к V жречеству (около 156—151 гг.). Крато Месатеева в IV жречестве 170—157/6 гг.) освободила рожденного в доме мальчика Сосикрата (SGDI, 1721).

86. (SGDI, 1915=W. F., 250).

''Αρχοντος [Φιλο]κράτε[ο]ς μηνὸς Θευξενίου, ἀπέδοτ[ο] Φίλων | 'Αριστέα, συνευδοκεόντ[ω]ν καὶ τῶν υἱῶν Τίμωνος, σῶμα ἀνδρεῖ[ο]ν ὧι ὄνομα 'Ιάσων τὸ γέ[νος 'Α]ρμένιον, τιμᾶς ἀργυρίου μνᾶν τεσσά|ρων, καὶ τὰν τιμὰν ἔχει [πᾶσαν], καθὼς ἐπίστευσε 'Ιάσων τῶι θεῶι || τὰν ὠνάν, ἐφ' ὥιτε ἐλεύ[θερο]ν εἶμεν καὶ ἀνέφαπτον ἀπὸ πάντων | τὸμ πάντα βίον, ποιέων [ὅ κα] θέληι · εἰ δέ τις ἐφάπτοιτο 'Ιάσωνος 'επ[ὶ]|| καταδουλ[ι]σμῶι, κύριος ἔ[στω] συλέων ὁ παρατυχὼν ἀζάμιος ὢν καὶ ἀ|νυπόδικος πάσας δίκας κ[αὶ] ζαμίας. βεβαιωτῆρες κατὰ τοὺς νόμους τᾶς πόλιος · Τίμων Φίλω[νο]ς, Φίλων 'Αριστέα. μάρτυροι · ὁ ἱερεὺς || τοῦ 'Απόλλωνος 'Ανδρόνι[κ]ος καὶ οἱ ἄρχοντες 'Αριστίων ''Αγωνος, 'Αστόξε|νος, ἰδιῶται Εὐκλείδας Κ[άλλ]ωνος, Τείσων Θευχάριος, Μένης.

«При архонте Филократе, в месяце Тевксении, продал Филон, сын Аристея, с доброго согласия и сыновей Тимона, раба по имени Иасона, родом армянина, за цену в четыре мины серебра, и бог имеет цену полностью, как Иасон доверил ему покупку. Посему да будет он свободным и неприкосновенным ни для кого всю жизнь, поступая по своей воле. А если кто-нибудь и захватит Иасона в рабство, да будет прав тот, кому случится его отнять, не подлежа никакому штрафу и наказанию. Поручители по законам города—Тимон, сын Филона, (и) Филон, сын Аристея. Свидетели: жрец Аполлона Андроник и архонты Аристион, сын

Агона, (и) Астоксен, частные лица—Евклид, сын Каллона, Тисон, сын Тевхария, Менес».

Надпись относится к V жречеству (около 156—151 гг.), она вырезана на том же полигоне, что и SGDI, № 1913 и 1914. Освободитель Филон, сын Аристея, ниже, что очень странно, поставил себя в число свидетелей—ἰδιῶται. Впрочем, он неоднократно выступал свидетелем при освобождении рабов другими лицами, а именно в надписях SGDI, 1733, 11; 1760, 13; 1798, 23; 1815, 13. Несколько странно, что за словом «сыновей» стоит только одно имя. Я предполагаю в этом небрежность резчика.

87. (SGDI, 1938=W. F., 273).

''Αρχοντος Δαμοστράτου τοῦ Μενεστράτου μηνὸς Θεο|ξενίου, βουλευόντων τὰν δευτέραν ἐξάμηνον 'Α[ί]άμβου τοῦ| 'Αβρομάχου, Γλαύκου τοῦ Ξένωνος, γραμματεύοντος Σωξένου| τοῦ 'Εχεφύλου, ἐπὶ τοῖσδε ἀπέδοντο 'Αντιγένης καὶ Μνασίθεος καὶ|| Καλλικράτης τοὶ Διοδώρου υἱοὶ τῶι 'Απόλλωνι τῶι Πυθίωι σῶμα ἀν|δρεῖον ὧι ὄνομα Σωτήριχος τὸ γένος 'Αρμένιος, καθὼς ἐπίστευσε Σω|τήριχος τῶι θεῶι τὰν ὠνάν, τιμᾶς ἀργυρίου μνᾶν δεκαοκτώ, καὶ τὰν|τιμὰν ἔχοντι πᾶσαν, ἐφ' <ὅτ> ὥιτε ἐλεύθερον εἶμεν καὶ| ἀνέφαπτον ἀπὸ πάντων τὸν πάντα χρόνον, ποιέον||τα ὅ κα θέλη καὶ ἀποτρέχοντα οἷς κα θέλη. βεβαιω|τῆρες κατὰ τοὺς νόμους τᾶς πόλιος· [Ε]ὔδοκος Πρα|ξία, 'Αγησίλαος Ταραντίνου· εἰ δέ τις ἅπτοιτο ἐπὶ κα|ταδουλισμῶι Σωτηρίχου, βέβαιον παρεχέντω τὰν| ὠνὰν τῶι θεῶι οἵ τε ἀποδέμενοι 'Αντιγένης καὶ Μνα||σίθεος καὶ Καλλικράτης καὶ οἱ βεβαιωτῆρες· εἰ δὲ μὴ| παρέχοιν τῶι θεῶι βέβαιον τὰν ὠνάν, πράκτιμοι ἐ|όντω κατὸν νόμον τᾶς πόλιος. κύριος δὲ ἔστω προι|στάμενος Σωτηρίχου καί συλέων Σωτήριχον ὁ πα|ρατυχὼν ἐπ' ἐλευθερίαι ἀζάμιος ἐὼν καὶ ἀνυπόδι||κος πάσας δίκας καὶ ζαμίας. κυριευέτω δὲ καὶ τῶν ἔ|χει καὶ κατεσκεύωται φοροφορέων Σωτήριχος πάν|των, καὶ οἱ βεβαιωτῆρες βέβαια παρεχέντω Σωτηρί|χωι πάντα. μάρτυροι· Πυρρίας 'Αρχελάου, Ὑβρίας,| Σέλευκος, Μνασίας, 'Επίνικος, Σώστρατος, Γλαῦκος||Ξένωνος, Τίμων Καλλικλέος, ''Αθαμβος 'Αβρομάχου,| Θεύξενος, Λύκος, 'Αρτεμίδωρος, 'Αγίων Κλεοδάμου, Ξε|νόκριτος Στησιμένεος, Ξένων Σωσιξένου, 'Αστό|ξενος καὶ οἱ ἱερεῖς τοῦ 'Απόλλωνος 'Ανδρόνικος, Πρα|ξίας.

«При архонте Дамострате, сыне Менестрата, в месяце Теоксении, при членах совета во второе полугодие Атамбе, сыне Габромаха, (и) Главке, сыне Ксенона, при секретаре Соксене, сыне Ехефила, на следующих условиях продали Антиген, Мнаситей и Калликрат, сыновья Диодора, Аполлону Пифийскому раба по имени Сотериха, родом армянина, как доверил Сотерих богу покупку, за цену в восемнадцать мин серебра, причем (бог) имеет всю плату. Посему он да будет свободным и неприкосновенным ни для кого навсегда, делая, что хочет, и уходя, к кому хочет. Поручители по законам города: Евдок, сын Праксия, Агесилай, сын Тарантина. А если кто-нибудь захватит Сотериха в рабство, пусть удостоверят правильность покупки богом и продавшие Антиген, Мнаситей и Калликрат и поручители. Если же они не подтвердят правильность покупки богом, да несут они денежную ответственность по закону города. Да будет прав вступившийся за Сотериха, кому случится отнять Сотериха на свободу, не подлежа никакому наказанию и штрафу. Да будет Сотерих хозяином всего того, что имеет и что он приготовляет для себя, внося подать, и пусть поручители подтверждают, что все действительно (принадлежит) Сотериху. Свидетели: Пиррий, сын Архелая, Гибрий, Селевк, Мнасий, Эпиник, Сострат, Главк, сын Ксенона, Тимон, сын Калликла, Атамб, сын Габромаха, Тевксен, Лик, Артемидор, Агион, сын Клеодама, Ксенократ, сын Стесимена, Ксенон, сын Сосиксена, Астоксен, жрецы Аполлона: Андроник (и) Праксий».

Надпись середины II в. до н. э.

88. (SGDI, 1754=W. F., 89).

''Αρχοντος 'Ανδρονίκου μηνὸς Ποιτροπίου, ἐ[π]ὶ τοῖσδε ἀπέ|δοτο Καλλικλῆς Τίμωνος τῶι 'Απόλλωνι τῶι Πυθίωι σῶμα| γυναικεῖον ἃι ὄνομα 'Αριστὼ τὸ γένος Βαστάρναν, ἀργυρίου| μνᾶν τριῶν. βεβαιωτὴρ κατὰ τοὺς νόμους· Τ[ί]μων Καλλι||κλέος. κατενεγκάτω δὲ 'Αριστὼ ἢ Πλειστὸς [ὑπ]ὲρ 'Αριστὼ| ἐν τὸν ἔρανον τὸν Βακχίου ἐπὶ τὸ Καλλικλέος ὄνομα ἀρ|γυρίου τρία ἡμιμναῖα ἐν ἐτέοις τρίοις· ἄρχει ἁ καταβολ[ὰ]|| ἐν τῶι 'Ηρακλείωι μηνὶ τῶν ἐπὶ 'Ανδρονίκου. [π]αραμεινάτω| δὲ 'Α[ρ]ιστὼ [π]αρὰ Καλλικλῆ ἀνεγκλ[ή]τως ποιοῦσα || τὸ ποτιτασσόμενον πᾶν τὸ δυνατόν, ἄχρι [κα] κατενέγ|κη τὰ τρία ἡμιμναῖα· ἐπεὶ δέ κα κατενέγκη, ἐλευθέρα| ἔστω καὶ ἀνέφαπτος. μάρτυροι· οἱ ἱερεῖς 'Αμύντας, | Ταραντῖνος, ἰδιῶται Κ[α]λλίμαχος Βαβύλου, 'Αστό|ξενος, Εὔδοκος, || Ξεν[ο]κράτης.

«При архонте Андронике, в месяце Пойтропии, на следующих условиях продал Калликл, сын Тимона, Аполлону Пифийскому рабыню по имени Аристо, родом бастарну, за три мины серебра. Поручитель по законам—Тимон, сын Калликла. Пусть внесет Аристо или Плист за Аристо в вакхово содружество на имя Калликла три полумины в три года. Начинается платеж в Геракловом месяце при (архонте) Андронике. Пусть останется Аристо у Калликла, исполняя безупречно всякое приказание, по мере сил, пока не внесет три полумины. Когда же внесет, да будет она свободной и неприкосновенной. Свидетели—жрецы Аминт, Тарантин; частные лица Каллимах, сын Бабила, Астоксен, Евдок, Ксенократ».

Надпись относится ко времени IV жречества (170—157/6). Является ли Плист сыном или другим родственником Аристо, неясно; цена окончательного освобождения равняется половине суммы, обозначенной в начале надписи, так что вся стоимость рабыни Аристо равняется четырем с половиною минам.

89. (SGDI, 2196=Pomtow (49)=C. B., 26).

''Αρχοντος Δαμοστράτου [μην]ὸς| Θευξενίου, βουλευόντων τὰν δευτέραν ἐξά|μηνον 'Ατάμβου τοῦ 'Αβρομάχου, Γλαύκου τοῦ Ξένω|νος, γραμματεύοντος Σωξένου τοῦ 'Εχεφύλου, ἐπὶ τοῖσδε || ἀπέδοτο Φίλιστος, συνευδοκέοντος καὶ τοῦ υἱοῦ αὐ|τοῦ Εὐαγγ[έλου], τῶι 'Απόλλωνι τῶι Πυθίωι σῶμα ἀνδρεῖον ὧι ὄν[ομα] Πυρρίας τὸ γένος Βαστάρνας ἐπ' ἐλευθερίαι, | τιμᾶς ἀργυρίου μνᾶν τεσσάρων, καὶ τὰν τιμὰν ἔχει πᾶσαν, κα|θὼς ἐπίστευσε Πυρρίας τῶι θεῶι τὰν ὠνάν, ἐφ' ὥιτε ἐλεύθε||ρος εἶμεν καὶ ἀνέφαπτος ἀπὸ πάντων τὸν πάντα βίον, ποιέων| ὅ κα θέλῃ καὶ ἀποτρέχων οἷς κα θέλῃ. βεβαιωτὴρ κατὰ | τοὺς νόμους τᾶς πόλιος· Καλλιάδης Καλλιδάμου. εἰ δέ | τις ἅπτοιτο ἐπὶ καταδουλισμῶι, βέβαιον παρεχόν|των τῶι θεῶι τὰν ὠνὰν ὅ τε ἀποδόμενος Φίλιστος καὶ ὁ βε||βαιωτὴρ Καλλιάδης. εἰ δὲ μὴ παρέχοιν βέβαιον τῶι θε|ῶι τὰν ὠνάν, πράκτιμοι ἐόντων κατὰ τὸν νόμον τᾶς πόλιος.|ὁμοίως δὲ καὶ οἱ παρατυγχάνοντες κύριοι ἐόντων | συλέοντες Πυρρίαν ὡς ἐλεύθερον ἐόντα ἀζάμιοι ἐόν|τες καὶ ἀνυπόδικοι πάσας δίκας καὶ ζαμίας. μάρτυροι·||τοὶ ἱερεῖς τοῦ 'Απόλλωνος Πραξίας, 'Ανδρόνικος καὶ οἱ ἄρ|χοντες ''Αθαμβος, Γλαῦκος, Σώξενος καὶ ἰδιῶται Ναυ|κράτης, ''Ασμων, Ταραντῖνος, Πρόθυμος, Τιμόκριτος.

«При архонте Дамострате, в месяце Тевксении, при членах совета второго полугодия Атамбе, сыне Габромаха, и Главке, сыне Ксенона, при секретаре Соксене, сыне Ехефила, на следующих условиях продал Филист, с доброго согласия и своего сына Евангела, Аполлону Пифийскому раба, по имени Пиррия, родом бастарна, на свободу за цену в четыре мины серебра, и бог имеет цену полностью, как Пиррий доверил богу покупку, а посему он да будет свободным и неприкосновенным ни для кого всю жизнь, поступая по своей воле и уходя, к кому захочет. Поручитель по законам города—Каллиад, сын Каллидама. Если же кто-нибудь захватит (его) в рабство, пусть удостоверят правильность покупки богом и продавший Филист и поручитель Каллиад. Если же они не установят

правильности продажи богу, да несут они денежную ответственность по закону города. Равным образом, да будут правы и те, кому случится отнять Пиррия, как свободного, не подлежа никакому штрафу и наказанию. Свидетели—жрецы Аполлона Праксий (и) Андроник (и) архонты Атамб, Главк (и) Соксен и частные лица—Навкрат, Асмон, Тарантин, Протим, Тимокрит».

Надпись относится к IV жречеству (около 150—140 гг.). Помтов дал от τῶι θε|ῶι до ἐόντων одну строку, т. е. 85 букв, но обычные строки этого камня от 42 до 44 букв, что заставило Баунака предположить пропуск разделительного знака у Помтова и считать в надписи не 21, а 22 строки.

90. (SGDI, 2218=Pomtow (72)=C. B., 66).

''Αρχοντος Σωσιπάτρου μηνὸς Δαιδα|φορίου, βουλευ[όντ]ων τὰν πρώταν ἐ|ξάμηνον Ἀντιγένεος τοῦ Διοδώρου, Ἀγίωνος| τοῦ Κλευδάμου, γραμματεύοντος δὲ Ὑβρία τοῦ || Ξένωνος. ἐπὶ τοῖσδε ἀπέδοτο Ψιθύρα Νικο|λάου τῶι Ἀπόλλωνι τῶι Πυθίωι σῶμα γυναι|κεῖον ἃι ὄνομα Καλλὼ τὸ γένος| [Κ]ολχίδ[α], τιμᾶς ἀργυρίου | μνᾶν πέντε, καὶ τὰν || τιμὰν ἔχει πᾶσαν, καθὼς ἐπί|στευσε Καλλὼ τῶι [θεῶι] τὰν ὠνάν, ἐφ' ὧι| τε ἐλευθέρα εἶμεν καὶ ἀνέφα|πτος ἀπὸ πάντων τὸν πάντα χρό|νον, ποιέουσα ὅ .κα θέληι καὶ ἀποτρέ||χουσα οἷς κα θέληι. βαβαιωτὴρ κατὰ | τὸν νόμον τᾶς πόλιος· Πατρέας | Ἀνδρονίκου. Εἰ δέ τις ἅπτοιτο Καλ|λοῦς ἐπὶ καταδουλισσμῶι, βέβαιον πα|ρεγόντων τῶι θεῶι τὰν ὠνὰν ἅ τε ἀποδο||μένα Ψειθύρα καὶ ὁ βεβαιωτὴρ Πατρέας. εἰ δὲ | μὴ παρέχοιν βέβαιον τῶι θεῶι τὰν ὠνάν, πρά|κτιμοι ἐόντων τῶι θέλοντι κατὰ τὸν νόμον | τᾶς πόλιος. ὁμοίως δὲ καὶ οἱ παρατυγχάνον|τες κύριοι ἐόντων συλέοντες Καλλὼ ὡς ἐλευ||θέραν, ἐοῦσαν ἀζάμιοι ὄντες καὶ ἀνυπέδι|κοι πάσας δίκας καὶ ζαμίας. μάρτυροι· ὁ ἱε|ρεὺς τοῦ Ἀπόλλωνος ''Αρχων καὶ οἱ ἄρχοντες | Ἀντιγένης, Ἀγίων, <Π> Ὑβρίας καὶ ἰδιῶται Νικά|τας, Βάττος, Ἀριστέας, Φίλων Ἰατάδα, Φίλων || Φιλάγρου, Τιμόκριτος.

«При архонте Сосипатре, в месяце Дайдафории, при членах Совета первого полугодия Антигене, сыне Диодора (и) Агионе, сыне Клевдама, при секретаре Гибрии, сыне Ксенона, на следующих условиях продала Пситира, дочь Николая, Аполлону Пифийскому рабыню по имени Калло, родом колхидянку, за цену в пять мин серебра, и бог имеет цену полностью, как Калло доверила богу покупку, посему она да будет свободной и неприкосновенной ни для кого навсегда, поступая по своей воле и отправляясь, к кому хочет. Поручитель по закону города—Патрей, сын Андроника. Если же кто-нибудь захватит Калло в рабство, пусть удостоверят правильность покупки богом и продавшая Пситира и поручитель Патрей. Если же они не удостоверят правильности покупки богом, да несут они денежную ответственность (по слову) от любого желающего по закону города. Равным образом да будут правы и те, кому случится отнять Калло, как свободную, не подлежа никакому штрафу и наказанию. Свидетели—жрец Аполлона Архон (и) архонты Антиген, Агион, Гибрий и частные лица Никат, Батт, Аристей, Филон, сын Иатада, Филон, сын Филагра, Тимокрит».

Надпись относится к IX жречеству, в промежуток времени с 140 по 100 г. В строке 29-й дано Помтовым чтение <Π>Ὑβρίας. Баунак предполагает, что возможно ΓΡΥΒΡΙΑΣ, так что перед именем стоит сокращение Γρ, т. е. γραμματεύς (ср. 4-ю строку).

91. (SGDI, 1992=W. F., 327).

''Αρχοντος Δαμο|σθένεος μηνὸς Ἡραίου, ἐπὶ τοῖσδε | ἀπέδοτο Διόδωρος || Μνασιθέου Δελφὸς| τῶι Ἀπόλλωνι τῶι Πυθί|ωι σῶμα ἀνδρεῖον ὧι ὄ|νομα Ἀγάθων τὸ γένος | Μαιώταν, τιμᾶς ἀργυρί||ου μνᾶν τεσσάρων καὶ ἡ|μιμναίου, καθὼς ἐπίστευ|σε Ἀγάθων τῶι θεῶι τὰν ὠνάν, | ἐφ' ὥιτε ἐλεύθερον εἶμεν | καὶ ἀνέ|φαπτον ἀπὸ πάν||των τὸν πάντα βίον, ποιέων | ὅ κα θέληι. βεβαιωτὴρ κατὰ | τὸν νόμον· Χαρίξενος Ἀμυ|νέα Δελφός. μάρτυρες· τοὶ ἱε|ρεῖς Ξένων, ''Αθαμβος

20 καὶ ἰδι||ῶται Καλλίας Ἐμμενίδα, | Κρατίδας Φειδία, Καλλίκων | Εὐκράτεος.

«При архонте Дамосфене, в месяце Герее, на следующих условиях продал Диодор, сын Мнаситея, дельфиец, Аполлону Пифийскому раба по имени Агатона, родом меота, за цену в четыре мины и полумину серебра, как Агатон доверил богу покупку, посему он да будет свободным и неприкосновенным ни для кого всю жизнь, поступая по своей воле. Поручитель по закону—Хариксен, сын Аминея, дельфиец. Свидетели—жрецы Ксенон, Атамб и частные лица: Каллий, сын Емменида, Кратид, сын Фидия (и) Калликон, сын Евкрата».

Надпись относится ко II жречеству (октябрь—ноябрь 182 г.). Баунак поправляет в последней строке прежних издателей, ставя Καλλίκων Εὐκράτεος, вместо читавшегося ими Καλλίων Δαξικράτεος, так как в надписях SGDI, № 1697, 2 и 1698, 2 это лицо встречается в качестве γραμματεύοντος, с отчеством Εὐκράτεος «und es steht auch wirklich z. 22 Εὐκράτεος auf dem Steine». Предположение это кажется мне очень убедительным.

92. (SGDI, 2163=Pomtow (15)=C. B., 28).

, ''Αρχοντος Δαμοστράτου μηνὸς Ἐνδυσποιτρο|πίου, βουλευόντων τὰν δευτέραν ἐξάμηνον Ἀθάμβου | τοῦ Ἀβρομάχου, Γλαύκου τοῦ Ξένωνος, γραμματεύον|τος 5 δὲ Σωξένου, ἐπὶ τοῖσδε ἀπέδοτο Ἀνδρόνικος Φρικίδα || τῶι Ἀπόλλωνι τῶι Πυθίωι σῶμα γυναικεῖον ἃι ὄνομα Εὐτα|ξία τὸ γένος Μαιῶτιν, ἀργυρίου μνᾶν τριῶν, καὶ τὸν υἱὸν αὐ|τᾶς Παρνάσιον τὸ γένος οἰκογενῆ, τιμᾶς ἀργυρίου μνᾶν δύο, καὶ τὰν τιμὰν ἔχει πᾶσαν, καθὼς ἐπίστευσε Εὐταξία | ναὶ Παρνάσιος 10 τῶι θεῶι τὰν ὠνάν, ἐφ' ὧιτε ἐλεύθεροι εἶ||μεν καὶ ἀνέφαπτοι ἀπὸ πάντων τὸν πάντα βίον, | ποιέοντες ὅ κα θέλωντι καὶ ἀποτρέχοντες οἷς κα | θέλωντι. βεβαιωτὴρ κατὰ τὸν νόμον τᾶς πόλιος· Μένης | Π[ι]σιστράτου· εἰ δέ τις ἅπτοιτο ἐπὶ καταδουλισμῶι Εὐ|ταξίας ἢ Παρνασίου, βέβαιον παρεχόντων τῶι 15 θεῶι τὰν ὠ||νὰν ὅ τε ἀποδόμενος Ἀνδρόνικος καὶ ὁ βεβαιωτὴρ Μένης. | εἰ δὲ μὴ παρέχοιν βέβαιον τῶι θεῶι τὰν ὠνάν, πράκτιμοι | ἐόντων κατὰ τὸν νόμον τᾶς πόλιος. ὁμοίως δὲ καὶ οἱ πα|ρατυγχάνοντες κύριοι ἐόντων συλέοντες 20 Εὐταξίαν καὶ | Παρνάσιον ὡς ἐλευθέρους ἐόντας ἀζάμιοι ἐόντες καὶ ἀνυ||πόδικοι πάσας δίκας καὶ ζαμίας. παραμενάτω δὲ παρὰ Ἀνδρό|νικον Εὐταξία καὶ Παρνάσιος ἄχρι οὗ κα ζώηι Ἀνδρόνικος ποι|έοντες τὸ ποτιτασσόμενον πᾶν τὸ δυνατὸν ἀνεγκλήτως. | εἰ δὲ μὴ ποιέοιν ἢ μὴ παραμένοιν παρὰ Ἀνδρόνικον 25 καθὼς | γέγραπται Εὐταξία καὶ Παρνάσιος, κύριος ἔστω Ἀνδρόνι||κος καὶ ἄλλος ὑπὲρ Ἀνδρόνικον ὅν κα Ἀνδρόνικος κελεύ|σηι ἐπιτιμέοντες Εὐταξίαν καὶ Παρνάσιον τρόπωι ὧι κα αὐ|τοὶ θέλωντι, πλὰν μὴ πωλέοντες. μάρτυροι· ὁ ἱερεὺς τοῦ | Ἀπόλλωνος Πραξίας καὶ οἱ ἄρχοντες ''Αθαμβος, Γλαῦκος, | Σώξενος καὶ 30 ἰδιῶται Εὐκλείδας Καλλείδα, Μένης, Τιμόκρι||τος, Δρόμων, Ἀντίφιλος.

«При архонте Дамострате, в месяце Эндиспойтропии, при членах совета второго полугодия Атамбе, сыне Габромаха, Главке, сыне Ксенона, при секретаре Соксене, на следующих условиях продал Андроник, сын Фрикида, Аполлону Пифийскому рабыню по имени Евтаксию, родом меотку, за три мины серебра и сына ее Парнасия, рожденного в доме, за цену в две мины серебра, и бог имеет цену полностью, как Евтаксия доверила богу покупку, посему они да будут свободны и неприкосновенны ни для кого всю жизнь, поступая по своей воле и уходя, к кому пожелают. Поручитель по закону города—Менэс, сын Писистрата. Если же кто-нибудь захватит Евтаксию или Парнасия в рабство, пусть удостоверят правильность продажи богу и продавший Андроник и поручитель Менэс. Если же они не установят правильности продажи богу, да несут они денежную ответственность по закону города. Равным образом, да будут правы и те, кому случится отнять Евтаксию и Парнасия как свободных, не подлежа никакому штрафу и наказанию. Да останутся у Андроника Евтаксия и Парнасий, пока Андроник будет жить, исполняя приказания по мере

сил безупречно. Если же не будут делать или не останутся у Андроника, как написано, Евтаксия и Парнасий, пусть будет в праве Андроник или другой (человек) за Андроника, кому Андроник поручит, наказать Евтаксию и Парнасия, способом, каким захотят, кроме продажи (в рабство). Свидетели—жрец Аполлона Праксий и архонты Атамб, Главк и Соксен и частные лица—Евклид, сын Каллида, Менэс, Тимокрит, Дромон, Антифил».

Время надписи—VI жречество (около 150—140 гг.).

93. (FdD, 228, Collin).

['Αρχέ]ντων ἐν Σκαρ[φ]έα[ι] Πολυκράτεος καὶ Εὐθυ|[...,μ]ηνὸς Φυλ[λ]ικοῦ, ἐν δὲ Δελφοῖς ἄρχοντο[ς] [...,] μηνὸς Ἐνδυσποιτροπίου, ἀπέδοντο Ἐ[...] Ἀγαθ[ὼ] Πα[λ]αίου, συνευδ[οκ]ησάσᾱν || [καὶ τῶν θυ]γατέρων Σωσοῦς καὶ Ἀριστοῦς, τῶι Ἀπό[λ][λωνι τῶι Π]υθίωι σῶμα ἀνδρῆον, ὧι [ὄ]νομα Ἀφ[ρο][δίσιος, τὸ] γένος Σαρμάταν, ἐπ' ἐλευθερίαι, τιμᾶς |[ἀργυρίου] μνᾶ[ν] ἓξ, καὶ τὰν τιμὰν ὡμολόγει ἔχειν. |[προαποδό]τας [κ]ατὰ τὸν νόμον· Θράσων Ἀγαθοκλέ||[ους, ...]ενος Αφθονήτου. Μάρτυροι· οἱ ἱερεῖς τοῦ ['Απόλ-λω]νος Π[ρ]αξίας, Ἀνδρόνικος, καὶ ἰδιῶται |[..., Σ]ώπατρος Ἀρχε[λά]ου, Φιλ[ιστίω]ν Ἀρχελά[ου, ...] πατρος, Θώραξ.

«При архонтах в Скарфее Поликрате и Евти..., в месяце Филлике, а в Дельфах при архонте... в месяце Эндиспойтропии, продали Э... и Агато, дочь Палея, с доброго согласия (их) дочерей Сосо и Аристо, Аполлону Пифийскому раба, по имени Афродисия, родом сармата, на свободу за цену в 6 мин серебра, и (бог) согласился иметь эту цену. Поручитель по закону—Трасон, сын Агафокла (и)... эн, сын Афтанета. Свидетели—жрецы Аполлона Праксий (и) Андроник и частные лица... Сопатр, сын Архелая, Филистион, сын Архелая ...патр (и) Торакс».

Надпись относится к VI жречеству (150—140 гг.). Имя раба восстановлено мною Ἀφ[ροδισίας], так как лакуна по числу мест 7—8 вполне соответствует этому имени, очень распространенному как рабское и не встречающемуся как имя свободных граждан в материковой и островной метрополии. Макс Ламберц в «Die griechischen Sklavennamen», стр. 31, отмечает имена Ἀφροδίσιος и Ἀφροδισία для эпохи эллинизма как чисто рабские, приведя ряд ссылок. M. Nilsson по поводу имен родосских керамических фабрикантов отметил употребление этого имени лишь среди рабов и лиц негражданского происхождения («Timbres amphoriques de Lindos», стр. 91 и 92); я обнаружил это имя у свободных, даже магистратов, только на окраинах греческого мира (IPE и др.) В римское время круг употребления этого имени несколько расширяется

94. (SGDI, 2274—Anec., 16; Рангавис, 913; Lebas, 905).

Ἄρχοντος Δεξώνδα μηνὸς Βοαθόου, ἐπὶ τοῖ|σδε ἀπέδοτο Αἰακίδας Φιλαιθώλου Δελφὸς | σῶμα γυναικεῖον ἅι ὄνομα Ἀφροδισία τὸ | γένος Σαρμάτισσαν τιμᾶς ἀργυρίου || μνᾶν τριῶν τῶι Ἀπόλλωνι τῶι Πυθίωι, κα|θὼς ἐπίστευσε Ἀφροδισία τῶι θεῶι τὰν ὠνάν, ἐφ' ὧι|τε ἐλευθέραν εἶμεν καὶ ἀνέφαπτον τὸν πάντα | βίον ἀπὸ πάντων. βεβαιωτῆρες κατὰ τὸν νόμον·| Ξένων Ξενοκρίτου, Ἀρτεμίδωρος Ἀπολλωνίου Δελ||φοί. παραμεινάτω δὲ Ἀφροδισία παρ' Αἰακίδαν ἄχρι κα|ζώη Αἰακίδας ποιοῦσα τὸ ἐπιτασσόμενον πᾶν τὸ δυ|νατὸν ἀνεγκλήτως. εἰ δέ τί κα μὴ ποιῆ Ἀφροδισία, καθὼς| γέγραπται, δυνατὰ ἐοῦσα, ἐξέστω Αἰακίδα κολάζειν Ἀ|φροδισίαν, καθώς κα αὐτῶι φαίνηται, καὶ ἄλλωι ὑπὲρ Αἰα||κίδαν, ὃν κα κελεύῃ, πλὰν μὴ πωλεόντοις Ἀφροδισίαν μήτε | αὐτῶι Αἰακίδα μήτε ἄλλωι ὑπὲρ Αἰακίδαν. εἰ δέ τί κα πάθηι | Αἰακίδας ἐλευθέρα ἔστω Ἀφροδισία κυρία ἐοῦσα αὐτοσαυ|τᾶς, ποιοῦσα ὅ κα θέλῃ καὶ ἀποτρέχουσα οἷς κα θέλῃ, καθὼς| ἐπίστευσε τῶι θεῶι τὰν ὠνάν. εἰ δέ τίς κα ἅπτηται ἐπὶ καταδου||λισμῶι Ἀφροδισίας, βέβαιον παρεχόντων οἱ βεβαιωτῆρες τῶι | θεῶι τὰν ὠνὰν κατὰ τὸν νόμον καὶ ὁμοίως οἱ παρατυχόντες κύριοι ἔ|στωσαν συλέοντες Ἀφροδισίαν ἀζάμιοι ὄντες καὶ ἀνυπόδικοι πάσας δί|κας καὶ ζαμίας ἐπ' ἐλευθερίαι. μάρτυροι· τοὶ ἱερεῖς τοῦ Ἀπόλλωνος· Πράξίας καὶ Ἀνδρό|νικος καὶ τῶν ἀρχόντων Ἀλκῖνος, ἰδιῶται Βάκχιος, Δαμένης, Δρομοκλείδας, Βαβύλος, Ἀντιφά[νης].

«При архонте Дексонде, в месяце Боатое, на следующих условиях уступил Эакид, сын Филетола, дельфиец, рабыню по имени Афродисию, родом сарматку, за цену в три мины серебра Аполлону Пифийскому, как Афродисия доверила богу покупку, посему она да будет свободной и неприкосновенной всю жизнь ни для кого. Поручители по закону—Ксенон, сын Ксенократа, (и) Артемидор, сын Аполлония, дельфийцы. Пусть останется Афродисия у Эакида, пока будет жив Эакид, исполняя всякое приказание, по мере сил, безупречно. А если Афродисия не станет чего-нибудь исполнять, как написано, будучи в силах, да будет Эакид в праве наказать Афродисию, как ему заблагорассудится, и всякий другой за Эакида, кому он поручит,—только не продавать в рабство Афродисию ни самому Эакиду, ни кому-нибудь другому за Эакида. Если же что-нибудь случится с Эакидом (дурное), пусть будет свободна Афродисия, будучи правомочна сама по себе, поступая, как угодно, и уходя, к кому захочет, как доверила богу покупку. А если кто-нибудь захватит в рабство Афродисию, пусть установят поручители правильность покупки богом по закону и равным образом пусть будут правы те, кому случится отнять Афродисию, не подвергаясь никакому штрафу и наказанию. Свидетели—жрецы Аполлона Праксий и Андроник и из архонтов Алкин, частные лица Бакхий, Дамен, Дромоклид, Бабил (и) Антифан».

Надпись относится ко времени VI жречества, около 150—140 гг.

95. (SGDI, 2142=Haussoullier в BCH, V, 41).

''Αρχοντος ἐν 'Αμφίσσαι Χα[ρι]|ξένου μηνὸς Π[α]ναγυρίου, ἐν| δὲ Δελφοῖς
5 ἄρχοντος Κλευδάμου μη|νὸς Ποιτροπίου, ἀπέδο[ν]το..., [Σ]ω||σὼ τῶι 'Απόλλωνι τῶι Πυθίωι σῶματα δύο| γυναικεῖα αἷς ὀνόματα Εἰρήνα, Φιλοκράτει|α τὸ γένος Σαρμάτη, ἀργυρίου μνᾶν πέντε, τὰν| τιμὰν ἔχοντι πᾶσαν. βεβαιωτὴρ κατὰ τὸν
10 νόμον·|Λύκωπος 'Αμφισσεύς· ἐφ' ὅτωι ἐλευθέρας εἶμεν Εἰρή||ναν καὶ Φιλοκράτειαν, καθὼς ἐπίστευσαν τὰν ὠνὰν τῶι| θεῶι. εἰ δέ τις ἐφάπτοιτο ἐπὶ καταδουλισμῶι Εἰρήνας καὶ Φι|λοκρατείας, κύριος ἔστω ὁ παρατυχὼν συλέων ἐλευθέρας| [ἐ]ούσας ἀζάμιος ἐὼν καὶ ἀνυπόδικος. μάρτυροι· 'Αριστόδα|μος, Καλλικράτης,
15 Τίμαγρος, Δαμοκλῆς, Σωκράτης, Μνασίλα[ος]||'Αμφισσεῖς, Δελφο[ὶ] Τιμόκριτος, ''Αθαμβο[ς], Μένης.

«При архонте в Амфиссе Хариксене, в месяце Панагирии, а в Дельфах при архонте Клевдаме, в месяце Пойтропии, продали... (и) Сосо Аполлону Пифийскому двух рабынь по именам Ирину (и) Филократию, родом сарматку, за цену в пять мин богу, имеющему цену полностью. Поручитель по закону—Ликон амфисеец. Посему да будут свободны Ирина и Филократия, как они доверили богу покупку. Если же кто-нибудь захватит Ирину и Филократию в рабство, пусть будет прав тот, кому случится отнять их, (как) свободных, не подлежа штрафу и наказанию. Свидетели—Аристодам, Калликрат, Тимагр, Дамокл, Сократ, Мнасилай, амфиссейцы (и) дельфийцы Тимокрит, Атамб (и) Менэс».

Надпись относится к VIII жречеству (время с 140 по 100 г. до н. э.).

Вместо стоящей в этой надписи формы «Σαρμάτη» следовало бы ждать «Σαρματίν» (№ 98) или Σαρμάτισσαν (№ 94). У Баунака форма Σαρμάτη вызывает сомнение. Он считает возможным здесь аккузатив, если Ирина—дочь Филократии. Имя Клеодам—обычно среди эпонимных архонтов (годы 192/191, 188/187) и в VIII жречестве (SGDI, 2153, 2177 и др.). Последний из свидетелей Μένης упоминается как νοσκόρος для VIII жречества в надписях 2158, 17/18; 2154, 23.

96. (SGDI, 2110=W. F., 445).

''Αρχοντος Πάτρωνος τοῦ 'Αριστοβούλου μηνὸς [Ποιτρ]οπίου, βου|λευόντων τὰν πρώταν ἐξάμηνον ''Αρχωνος, 'Αρίστωνος,• γραμμα|τεύοντος δὲ βουλᾶς Μνάσωνος, ἐπὶ τοῖσδε ἀπέδοντο Στράτων | καὶ Λυσίμαχος Νικάνορος,

συνευδοκεούσας καὶ τᾶς ματέρος αὐ||τῶν Ἡραΐδος, τῶι Ἀπόλλωνι τῶι Πυθίωι σῶμα ἀνδρεῖον ὧι ὄνομα Σώπο|λις τὸ γένος Σαρμάταν, τιμᾶς ἀργυρίου μνᾶν πέντε καὶ ἡμιμναίου, | καὶ τὰν τιμὰν ἔχει πᾶσαν, καθὼς ἐπίστευσε Σώπολις τῶι θεῶι | τὰν ὠνάν, ἐφ' ὥιτε ἐλεύθερος εἶμεν καὶ ἀνέφαπτος ἀπὸ πάντων τὸν | πάντα βίον· βεβαιωτὴρ κατὰ τὸν νόμον· [Φίλ]ων Φιλάγρου· ἐ||φ' ὥιτε ἐλεύθερον εἶμεν Σώπολιν. παραμεινάτω δὲ Σώπολις | παρὰ Στράτωνα καὶ Λυσίμαχον ἔτη ἓξ μετὰ τὰν Πάτρωνος ἀρχὰν | ποιῶν τὸ ἐπιτασσόμενον πᾶν τὸ δυνατὸν ἀνεγκλήτως. εἰ δὲ μή | ποιέοι ἢ μὴ παραμένοι, ἐξουσίαν ἐχόντων Στράτων καὶ Λυσίμαχος | ἐπιτιμέοντες Σωπόλει τρόπωι ὧι κα θέλωντι. ἐπεὶ δέ κα διέλ[θηι || τὰ ἓξ ἔτη] ἀνεγκλήτως, ἐλεύθερος ἔστω Σώπολις καὶ ἀποτρεχέ|τω οἷς κα θέληι. εἰ δέ τις ἐφάπτοιτο Σωπόλιος ἐπὶ καταδουλισμῶι, βέ|βαιον παρεχόντω τῶι θεῶι τὰν ὠνὰν οἵ τε ἀποδόμενοι καὶ ὁ βεβαιω|τήρ. κύριος δὲ ἔστω ὁ παρατυχὼν συλέων Σώπολιν ὡς ἐλεύθερον ὄντα | ἀζάμιος ἐὼν καὶ ἀνυπόδικος πάσας δίκας καὶ ζαμίας. μάρτυροι· οἱ || ἱερεῖς τοῦ Ἀπόλλωνος Ἀγίων Πολυκλείτου, Πυρρίας Ἀρχελάου, ἰδιῶται | Ἐμμενίδας, Δαμένης, Πολέμαρχος, Φαῖνις Γοργ[(ί)]λου, Ἡρακλείδας.

«При архонте Патроне, сыне Аристобула, в месяце Пойтропии, при членах совета первого полугодия Архоне (и) Аристоне, при секретаре совета Мнасоне, на следующих условиях продали Стратон и Лисимах, сыновья Никанора, с доброго согласия и их матери Гераиды, Аполлону Пифийскому раба по имени Сополия, родом сармата, за цену в пять с половиною мин серебра, и бог имеет цену полностью, как Сополий доверил богу покупку. Посему он да будет свободным и неприкосновенным ни для кого всю жизнь. Поручитель по закону—Филон, сын Филагра. На основании этого да будет Сополий свободен. Да останется Сополий у Стратона и Лисимаха шесть лет после архонтства Патрона, исполняя всякое приказание, по мере сил, безупречно. Если же он не будет исполнять и не останется, пусть будут Стратон и Лисимах в праве наказать Сополия каким угодно образом. Если же пройдут шесть лет безупречно, да будет Сополий свободен и уходит, к кому хочет. Если же кто-нибудь захватит его в рабство, да удостоверят правильность покупки богом и продавшие и поручитель. Да будет прав тот, кому случится отнять Сополия, как свободного, не подлежа никакому штрафу и наказанию. Свидетели—жрецы Аполлона—Агион, сын Поликлита, Пиррий, сын Архелая, частные лица—Эмменид, Дамен, Полемарх, Фений, Горгил, Гераклид».

Надпись относится к XII жречеству, вскоре после 100 г. до н. э.

97. (SGDI, 1724=W. F., 59).

Ἄρχοντος Κλέωνος τοῦ Δίωνος μηνὸς Δαιδαφορίου, ἐπὶ τοῖσδε ἀπέ|δοτο Σώτιμος Μένωνος Δελφὸς τῶι Ἀπόλλωνι τοῖ Πυθίοι σῶμα γυναικεῖον ἃι ὄνομα Φίλα τὸ γένος | Σαρμάτισσ[α]ν, τιμᾶς ἀργυρίου μνᾶν τεσσάρων, καὶ τὰν τιμὰν ἔχει, καθὼς ἐπίστευσε τῶι θεῶι| Φίλα τὰν ὠνάν, ἐφ' ὥιτε αὐτὰν εἶμεν ἐλευθέραν καὶ ἀνέφαπτον ἀπὸ πάντων τὸν πάντα βίον, ποεούσαι ὅ κα || θέλη καὶ ἀποτρεχούσαι οἷς κα θέλη. βεβαιωτήρ· Κλέανδρος Τείσωνος. μάρτυροι· οἱ ἱερεῖς τοῦ Ἀπόλλωνος Ταραν|τῖνος, Ἀμύντας· Καλλίερος, Πάτρων, Ξενοκράτης, Καλλίστρατος, Δαμοκράτης, [Β]ούλων, Σωσίας, Δαμοσθένης.

«При архонте Клеоне, сыне Диона, в месяце Дайдафории, на следующих условиях продал Сотим, сын Менона, дельфиец, Аполлону Пифийскому рабыню, по имени Филу, родом сарматку за цену в четыре мины серебра, и (он) имеет цену, как Фила вверила богу покупку, посему она будет свободной и неприкосновенной ни для кого всю свою жизнь, поступая по своей воле и уходя, к кому захочет. Поручитель—Клеандр, сын Тисона, свидетели: жрецы Аполлона—Тарантин, Амint; Каллиер, Патрон, Ксенократ, Каллистрат, Дамократ, Булон, Сосий, Дамосфен».

Надпись относится ко времени IV жречества (170—157/6), выполнена большим и глубоким письмом (см. SGDI, прим. к № 1723).

98. (SGDI, 2108, W. F., 443).

['Αργοντ]ος Βαβύλου μηνὸς Βουκατίου, ἀπέδοτο [Σωτίμα] τῶι 'Απόλλωνι,| [συνευδοκ]εόντων καὶ τῶν υἱῶν αὐτᾶς Διονυσίου, . . . , σῶμα γυναικεῖ-ο[ν . . .| . . . τὸ γένος] Σαρματίν, τιμᾶς ἀργυρίου μνᾶν τριῶν καὶ ἡμι[μνα]ίου, καὶ τὰν τιμὰν ἔχει· |[βεβαιωτὴρ κατ]ὰ τοὺς νόμους· 'Αστόξενος
5 Διονυσίου· ἐφ' ὥιτε ἐλευθέραν εἶμεν κα[ὶ || ἀνέφαπτον ἀπὸ πάν]των τὸν πάντα βίον, ποιέουσα ὅ κα θέλῃι καὶ ἀποτρέχουσα οἷς κα θέλῃι. |[εἰ δέ τις ἅπτοιτο] ἐπὶ καταδουλισμῶι, βέβαιον παρεχόντων τῶι θεῶι τὰν ὠνὰν |[ἅ τε ἀποδομέ[να Σωτίμα καὶ ὁ βεβαιωτὴρ 'Αστόξενος. ὁμοίως δὲ καὶ οἱ παρατυγχ[άνοντες| κύριοι ἐόντ]ων συλ[ήοντες . . . [ὡς] ἐλευθέραν οὖσαν ἀζάμιοι ὄντες και ἀνυπ[όδικοι | πάσας] δίκας καὶ ζαμίας. μάρτυροι· οἱ ἱερεῖς τοῦ 'Απόλλωνος
10 Πραξίας, ['Α]ν[δ]ρόν[ικος || καὶ τῶν ἀ]ρχόντων ''Αλκιμος κ[α]ὶ ἰδιῶται Πασ[ί]ων, . . . σιππος, Σωτάδας, Μέ[νης].

«При архонте Бабиле, в месяце Букатии, продала Сотима Аполлону, с доброго согласия ее сыновей Дионисия (и) ..., рабыню ... по имени ...родом сарматку за цену в три с половиною мины серебра, и (бог) имеет цену, (поручитель) по законам—Астоксен, сын Дионисия. Посему да будет она свободной и неприкосновенной ни для кого всю жизнь, поступая по своей воле и уходя, к кому хочет. Если кто-нибудь захватит ее в рабство, да удостоверят правильность продажи богу и продавшая Сотима и поручитель Астоксен. Равным образом, да будут правы и те, кому случится отнять ее как свободную, не подлежа никакому штрафу и наказанию. Свидетели—жрецы Аполлона, Праксий (и) Андроник (и) из архонтов Алким и частные лица: Пасион, (Ника)сипп, Сотад (и) Менэс.

Надпись относится к VI жречеству (около 150—140 гг.). Из свидетелей Пасион— тот же самый, который был и в VI жречестве архонтом (см. SGDI, 1696, 14; 1698, 18), он же в SGDI, 1686, 14 и 1973, 8—среди частных свидетелей. В надписи 1686 он имеет отчество Σωτάδα; отсюда очень возможно, что предпоследний свидетель—его отец (по Баунаку). Последний свидетель Менэс был наокорос, как явствует из надписей SGDI, 1704, 10 и 1705,13. В моем переводе имя второго свидетеля дополнено (Ника)сипп, так как Баунак весьма убедительно приводит в параллель это имя из надписей SGDI, 2020, 12 и 1497, 1 времени VI жречества.

3. Надписи на сосудах

Аттические расписные сосуды

99. (Pfuhl, I, стр. 271 и 276; Kretschmer, стр. 75 и 151; CIG, IV, 8239).

Χόλχος μ' ἐποίησεν.

«Колх меня сделал».

Орфография Χόλχος вм. Κόλχος ср. надгробие № 110. По Пфулю, аттический горшечник. Приводимая сигнатура известна на одной чернофигурной гидрии Берлинского музея второй половины VI в. Есть еще несколько сосудов без этой сигнатуры, расписанных, повидимому, той же или близкой рукой. CIG, IV, 8200, дает еще надпись на амфоре: Εὐξίθε[ο]ς ἐποίησε. [Κ]όλχος ἐ[γραφ]σεν. Может быть, следовательно, то же лицо было и художником.

100. (Pfuhl, стр. 289, § 298; Rizzo, Monum. Piot., XX, стр. 117 сл., табл. 8, 2; Kretschmer, стр. 75 и 76).

ho Σκύθες ἔγραφσεν.

«Скиф расписал».

101. (Kretschmer, стр. 151).

Σχύθες μ' ἀν[έθεκε γράφσας].

«Скиф меня посвятил, расписав».

χ вм. κ см. к № 99. Сигнатура мастера на фрагменте чернофигурного пинакса.

102. (Pfuhl, стр. 289, 298 и рис. 273).

Σκύθες ἔγρ[αφσεν].

«Скиф расписал».

Сигнатура на чернофигурном сосуде.

103. (Pfuhl, стр. 419 и 450, рис. 334).

Σκύθες ἔγραφσεν.

«Скиф расписал».

Сигнатура на краснофигурном килике.

К № 100—103. Этот художник принадлежит переходному времени от чернофигурного к краснофигурному стилю. В чернофигурном стиле ему между прочим принадлежат кружки в виде женских и негрских головок. При двух известных с его именем краснофигурных вазах его однообразно сопровождает надпись «Ἐπίλυκος καλός». По характеристике Пфуля—это видный художник. Его сигнатуры, в числе около десяти, строятся как приведенные (№ 102 и 103); две первые формулы представляют исключение. Важно отметить присутствие в первой из них члена перед именем. Как справедливо заметил Кречмер, это явление вполне обычное при именах рабов в классической Аттике, как, например, ἡ Σκύθαινα в «Лисистрате» Аристофана, стих 184, или ἡ Θρᾷττα («Осы», стих 828, или «Мир», стих 1138), или ἡ Σύρα («Мир», стих 1146). Кречмер и Пфуль, рассмотрев имена гончаров и вазовых живописцев, совершенно справедливо находят среди них целый ряд этнических имен, которые, очевидно, обозначают рабов, имен иностранцев и метеков и типические имена—клички рабов, например, Ἐπίκτητος, т. е. «недавно приобретенный», и т. п. Отсюда с несомненностью вытекает, что эти Колх и Скиф—гончары из рабов в Аттике в конце VI и начале V в.

104. (Kretschmer, стр. 74, прим. 8, стр. 85).

Τόξαμις «Токсамис»
Κιμμέριος «Киммерий».

Эти имена, несомненно, северночерноморского происхождения, стоят на знаменитой вазе Франсуа при двух изображениях стрелков. Ваза Франсуа относится ко второй трети VI в.

105. (Kretschmer, стр. 74, прим. 8, CIG, IV, 7671).

Σκύθης «Скиф».

Надпись на амфоре при изображении убитого стрелка, над трупом которого сражаются Диомед и Гектор.

К № 104 и 105. Таким образом, судя по вазовым изображениям, стрелки северочерноморского происхождения были известны в Аттике еще с середины VI в. Но надписи при них, особенно Κιμμέριος, не говорят о наличии в Аттике в это время стрелков скифского происхожденяи, а лишь о знакомстве с ними, тем более, что вторая ваза связана с малоазиатским кругом мифов и разве только может быть увязана с гомеровской традицией или киммерийскими и скифскими вторжениями в Малую Азию в VII и VI вв. Поэтому только гипотетично по вазовым изображениям предполагать, как это иногда делают (ср. ИГАИМК, вып. 104, 1935 г., стр. 25), не только знакомство афинян воочию со скифами, но и наличие у Писистратидов скифских стрелков-наемников. Во всяком случае, знакомство с ними должно было состояться, как с наемными или покупными воинами, к концу VI в. несомненно, так как после Саламинского сражения афиняне впервые купили таких стрелков, следовательно, к этому сроку примеры такой покупки были в Греции.

К № 99—105. У Кречмера, Пфуля и в CIG все эти вазовые надписи даны в обычной орфографии; в №100—103, для которых мною произведена проверка текста по иллюстрациям в том или ином издании, восстановлена и подлинная орфография. Конечно, и в надписях № 99 и 105 также вместо η изданий в действительности стоял ε.

Клейма на эллинистической керамике

106. (IG, V, 2, 469, Hiller v. Gärtringen). Аркадия. Мегалополь. Черепицы в Афинском и Мегалопольском музеях. Найдены в различных местах Мегалополя вокруг площади, в театре и Терсилее. Изд. Richards, Excav., 140 и сл., XXVIII, 1—3; Bather, JHS, XIII, 1892/3, 332, 1—6 и 336, 1—3. Всего 31 черепица.

Σάκα или Σακά(δα).

Время—эпоха эллинизма. Здесь, Сак, м. б.,—рабское имя в форме этникон. В таком случае дополнение Σακάδα становится совершенно ненужным. Страбон, помещающий саков за Каспийским морем (XI, 72, p. 510=SC, стр. 151) и Стефан Византийский (SC, стр. 265) дают это племенное имя по первому склонению Σάκαι, так что для аркадского говора genitivus Σάκα вполне закономерен. Если это так, то было бы вполне приемлемо видеть здесь последствия проникновения греков в Среднюю Азию, упоминаемого в частности Парросскою хроникою.

107.(«Annuario», II, 1916, стр. 124, № 268, 1—3, Porro). Родосские керамевсы черноморского происхождения. Родос. Клейма на ручках от амфор, четыреугольные; на всех надпись читается справа налево, и под ней находится схематическое изображение гермесова жезла с лентами. Все они, вероятно, одного штемпеля. Привожу № 268, 3, где имя сохранилось полностью:

Βόσπορος.

«Боспор».

Ручки входят в состав обширной коллекции Национального музея в Риме и собраны в 1912—1913 гг. на Родосе, близ деревни Калаварда, на территории древнего Камира. Опубликованы Gian Giacomo Porro в «Annuario», стр. 103—124. Автор придерживался обычной в то время точки зрения на клейма с именами астиномов и относил их к ольвийским. Отметив связь этого имени с Боспором (стр. 107), он на стр. 124, очевидно, по связи этого имени с северным Причерноморьем, относит эту ручку также к ольвийским. Ни в одном перечне ручек синопского—по прежним воззрениям, ольвийского—происхождения такое имя гончара не известно. Описание глины, данное издателем, совсем не совпадает с характером синопской глины. Правда, оно не совпадает с обычною родосскою глиною, но и не имеет никаких примесей, характерных для синопских, книдских или иных ручек, место происхождения которых определено. Между тем, расположение длинного атрибута внизу довольно обычно при именах фабрикантов на родосских ручках. Во всяком случае, здесь именем служит название местности происхождения—явление, обычное в именах рабов (см. Lambertz, Gr. Sklavennamen, стр. 10 сл.). Вероятнее видеть здесь родосского или иного средиземноморского владельца керамической мастерской, выходца из рабской среды (см. об этом M. Nilsson, Timbres amphoriques de Lindos, о собственных именах и Б. Граков, Древнегреческие керамические клейма, заключение), происходившего из Боспора Киммерийского. Время клейма, по всему его виду, несомненно, II—I в. до н. э.

4. Надгробия

Афины

108. (IG, III, 2, 2501). Круглая колонка гиметтского мрамора, найденная на улице Муз у дома № 22 бывшего тогда П. Каллиги. Хранится в Варвакии. Была издана Куманудисом, 1982.

Λεττίνης | Μαιώτης.

«Леттин меот».

Надгробие, конечно, раба или вольноотпущенника. Этникон, встречается в эллинистических надписях боспорского царства только в форме Μαῖται (см. index к IPE, II и IV). Напротив, в литературной традиции известна именно форма Μαιῶται (ср. Стефан Византийский=SC, стр. 262; Страбон, XI, 2, 11 и др.). Страбон объединяет под этим именем ряд племен, между прочим синдов, тогда как надписи Боспора в царской титулатуре отчетливо отделяют одних от других. Форма этникон в этой надписи зависит от общепринятой на Средиземном море, а не от местной боспорской. Возможно поэтому, что данный меот мог быть из любого приазовского племени. См. родосские надгробия № 113 и 114 и дельфийские манумиссии с тем же этникон.

109. (IG, III, 2, 2897). В Афинах. По копии Фурмона издал Бек в CIG, 890. Куманудис, 2360.

Ὑγιείνων | Σαρμάτης [1].

«Гигиенонт сармат».

Надгробие раба или вольноотпущенника. Сарматы в качестве рабов известны, кроме Афин, в Салониках (№ 111) и в Дельфах эллинистической эпохи, в манумиссиях (№ 93—98), и на Родосе (№ 115). Что он мог принести имя Гигиенонта с собою с Боспора, можно думать по распространенности там этого имени (IPE, IV, 346; IPE, II, 156, 210, все римского времени); имя Архонта Гигиенонта см. Шкорпил в Сборнике в честь Бобринского, стр. 31 сл.

110. (IG, III, 2, 2519). Круглая колонка гиметтского камня. В Афинах на Via Colocotronis, № 1, в доме Н. Коста. Издал Куманудис, 2487.

Εὐφροσύνη | Χαιρήμονος | Χολκίς.

«Евфросиния Херимонова, колхидянка».

Перебои Χ и Κ в надписях для собственных имен известны (там же № 1760 и 2533 и наши № 99 и 101). Судя по отчеству, здесь не рабыня, но либо вольноотпущенница, либо дочь вольноотпущенника. Впрочем, Херимон, м. б., владелец этой колхидянки. Колхи в качестве рабов известны в Афинах с классического времени (ср. № 70 и 99). Колхидянка-рабыня в Афинах упомянута у Антифрона во II в. н. э (Epist., III, 61 =SC, стр. 594).

111. (CIG, II, 1978, Böck). Надгробие в Салониках. Мрамор. (Бек издал по копиям Келера и Латронна).

Κράτερος | Ἀνδρωνι | Σαρμάτῃ | ἰδίῳ ἀγαθῷ | ἐτῶν κ'.

«Кратер Андрону сармату, собственному хорошему (рабу) двадцати лет».

К сожалению, мне неизвестно, издавалась ли эта надпись вторично. Время надписи Беком не указано, но, конечно, не раньше II в. до н. э. Сармат Андрон, конечно, раб или вольноотпущенник. Кратер—м. б., метек или вольноотпущенник. Имя Ἄνδρων в качестве рабского см. Max Lambertz, стр. 68.

Родос

112. («Annuario», 1916, стр. 135, № 34, A. Maiuri). Нижняя часть надгробной стелы. На поле лист плюща.

[Ε]ὔνους Ἀρμένιος | χαῖρε.

«Евной армянин, прощай!»

Поздний апицированный алфавит (по Майури). То же этникон особенно часто в дельфийских манумиссиях.

113. (Maiuri, 229).
Нижняя часть надгробной стелы.

Διονυσόδω[ρο]ς | Μαιώτας | χρηστός.

«Дионисодор меот, хороший».

Это же рабское этникон есть на Родосе, см. № 114, в Афинах, № 108, и особенно в дельфийских манумиссиях.

114. (IG, XII, 1, 514, Hiller von Gärtringen). Надпись в пригороде Родоса Кызыл-тепе на круглом алтаре, украшенном тремя букраниями, переплетенными лентами. Издал Holleaux, в BCH, X(1886), стр. 339, 6.

Τίμων | Μαιώτας.

«Тимон меот».

115. (IG, XII, 1, 525, Hiller von Gärtringen). Надпись в пригороде Родоса Ἅγιοι Ἀνάργυροι на круглом алтаре дикого камня, украшенного тремя букраниями.

Ἀθανὼ | Σαρματίς.

«Афано сарматка».

[1] Вероятно, следует читать: «Ὑγιαίνων».

116. (Maiuri, 233). Надпись на круглом надгробном алтаре с букраниями и фестонами.

Ἀφροδείσιος Σκύθας.

«Афродисий скиф».

Такое же имя раба с тем же этникон см. № 117 и 118, а также прим. к № 70.

117. (IG, XII, 1, 526, Hiller v. Gärtringen) на о. Родосе в местности Асургу у западной турецкой мечети, на круглом мраморном алтаре, украшенном тремя букраниями.

Ἀφροδίσιος | Σκύθας.

«Афродисий скиф».

То же сочетание имени и этникон см. № 116.

118. (IG, XII, 1, 527, Hiller v. Gärtringen). В Асургу на цисте.

Καλλιόπης | Σκυθαίνας.

«Каллиопы скифянки».

Этнический состав рабов-варваров на Родосе в общем тот же, какой мы находим в Дельфах, т. е. они малоазиатские и сиро-палестинские по преимуществу. Известные из приведенных надгробий рабы с северного Черноморья и Кавказа на Родосе относятся к армянам, 2 к меотам, 2 к скифам, 1 к скифянке и 1 к сарматке. Все эти надписи эллинистической эпохи, кроме № 112, относящегося к римскому времени.

119. (A. Maiuri, 602). Стела—надгробие из мрамора—была найдена в самом городе Косе.

Ἀνάχαρ|σις

«Анахарсис».

Это имя достаточно редко. Возможно, что оно дано было рабу северного происхождения, м. б., скифу. По форме стелы надпись относится к эпохе позднего эллинизма.

ДОПОЛНЕНИЯ

Сюда входят надписи, случайно пропущенные при составлении настоящей публикации.

К отделу I

1. (IG, II, 2, 731) Акт передачи имущества жрецами Афины. Найден в Афинах, в Акрополе. Столб синего мрамора. Изд. Питтакис, 'Εφ. 2593.

vv. 21—24. [σ]τέφανος ἐφ' [ᾧ τὸ Ε' ι. ρ.]ος ἐ[κ τ]οῦ Πό[ντου τὸν δῆμον] τὸν 'Αθηναίων, [σταθμὸν Η[Δ] ΔΔΔΓ⊢⊢⊢⊢⊢

«Венок, на котором, в-пятых, (написано):—Спарток с Понта (увенчал) народ афинян. Вес—189 драхм».

Это же посвящение повторено в IG, II, 2, 732. Оно почти столь же фрагментарно, как и первое. Кирхнер относит первое посвящение к 307/6 г. до н. э., а второе—к близкой эпохе. Дройзен предполагает, что дарителем являлся боспорский царь Спарток. Тогда, судя по времени, это может быть только брат Перисада I, ко времени составления надписи уже умерший.

2. (AEMOest, XII, 1888, стр. 127—130; W. Weinberger). Декрет жителей Томи в честь тиранца Нила. Найдена в Кюстендже, древнем Томи. Плита белого мрамора, строки сильно стерты справа, почти наполовину камня. Первым надпись издал Točilescu в AEMOest, XI, стр. 41, № 55. Принимаю текст с восстановлениями Вейнбергера, вновь тщательно проверившего надпись и тщательно сообразовавшего свои вставки с числом мест в лакунах.

Ἐπὶ ἱέρεω[1] Ἀπόλλωνος [τοῦ δεῖνος οἱ]| ἄρχοντες εἶπαν· ἐπειδ[ὴ Νῖλος τοῦ δεῖνος] | Τυρανὸς, ἀνὴρ καλὸς καὶ [ἀγαθὸς γεγονὼς] καὶ ἐκ προγόνων ἀγαθῶ[ν
5 ὢν, παρεπιδημή]||σας[2] καὶ πρότερον ἐν τῆι [πόλει ἐποίησε τήν[3]]| τε ἀνα-
στροφὴν εὐτάκτω[ς, καὶ εὐχρήστως][4]| καὶ ἀξίαν ἀμφοτέρων ἐπ[ιμέλειαν ἔσχε πό]|[5]-
λεων, χωρισθείς τε εἰς π[όλιν αὐτοῦ πατρί]|δα[6] εὔνουν καὶ πρόθυμο[ν εἰς τὰ
10 πράγματα]|| τῆς πόλεως παρέσχετ[ο ἑαυτὸν παντα^χῆι[7]]| καὶ λέγων ἀεὶ καὶ
πράσ[σων τὰ βέλτιστα[8]] | διατελεῖ ἐναποδεικν[ύμενος ἑαυτοῦ][9] | τὴ<ι>ν εὔνοιαν
15 καὶ κατ' ἰ[δίαν τοῖς ἐντυγ]|χάνουσι τῶν πολει[τῶν καὶ κατόλως τῆι]|| πόλει,
πάντων τε τ[ῆς πόλεως ἐμπόρων][10] | τῶν εἰς 'Ολβίαν πόλιν π[λεόντων προνοῶν][11]|
καὶ προστατῶν διατελ[εῖ σπουδῆς. καὶ]|| φιλοτ[ε]|μία[ς] οὐθὲν ἐ[λλείπων αὐτοῖς,
20 ἔ]|γραφ[ε]ν[12] δὲ . . . [ἃς πο]τ[ε τοῖς . . . ἔδοξε νέ]||μειν, τὰς α[ὐτὰς τιμὰς τοῖς
Τομίταις δίδοσ]|θαι· ὅπως [οὖ]ν κ[αὶ ὁ] δῆμ[ος φαίνηται ἀεὶ][13] | τιμῶν τοὺς
καλοὺς καὶ ἀγ[αθοὺς ἄνδρας][14] | καὶ γνησίαν εὔνοιαν προσφ[ερομένους][15]| εἰς τὰ
25 τῆς πόλεως πράγματ[α· τύχηι ἀγα]||θῆι, δεδόχθαι τῶι δήμω[ι ἐπῃνῆσθαι][16] |
μὲν ἐπὶ τούτοις Νῖλ[ον[17] τοῦ δεῖνος] | δεδόσθαι δὲ αὐτῶι καὶ [ἐκγόνοις προξε]|-
νίαν, πολιτήαν, ἰσοτ[έλειαν, ἔγκτησιν]| ἐνγαίων, δίκας π[ρ]ο[δ]ί[κους, εἰσπλουν
30 καὶ]|| ἔκπλουν πολέμου καὶ [εἰρήνης ἀσυλεὶ]| καὶ ἀσπονδεί· εἶναι δὲ αὐ[τῶι
ἔφοδον]|| ἐπὶ τὴν βουλὴν καὶ τὸν δ[ῆμον πρώτωι με]|τὰ τὰ ἱερά· ἐνγράψαι
35 [δὲ τὸ ψήφισμα τοῦτο]| εἰς τελαμῶνα λευκοῦ λίθο[υ καὶ ἀναστῆσαι]|| ἐν τῆι
ἀγορᾶ· τὸ δὲ ἀνάλω[μα εἶναι ΔΔΔΔ[18]].

[1]) У Точилеску и Вейнбергера ударение ἱερέω, правильнее ἱέρεω (сл. № 19). [2]) Точ. [ν ἐγένετο ποιή]σας.[3]) Точ. [ἐπιστημίαι τὴν]|. [4]) Восстановлено Вейнбергером. [5]) Точ. κατ' ἀξίαν ἀμφοτέρων ἐπ[ιμελούμενος πό]'λεων. [6]) Точ. εἰς π[ατρί]δα. [7]) πανταχῆι дополнено Вейнбергером. [8]) Точ. τὰ ἄριστα. [9]) ἑαυτοῦ дополнено Вейнб. [10]) Точ. без дополнения. [11]) Точ. π[επρευμένων. [12]) Точ. ἐ[νλείπων]'γρά[φει]ν, далее строки 19—20 полностью восстановлены Вейнбергером. [13]) ἀεί дополнено Вейнб. [14]) ἀνδρας дополн. Вейнб. [15]) Точ. προσ[έχοντας]. [16]) ἐπῃνῆσθαι—Б. Граков. [17]) Имя прочтено Вейнбергером, у Точ. отсутствовало. [18]) εἶναι ΔΔΔΔ восстановлено Вейнбергером по длине разуры. Несколько незначительных разночтений мною не помечены. Восстановления к этой надписи в статье Точилеску дал Szanto.

«При жреце Аполлоне....., архонты предложили. Нил сын....., тиранец, будучи мужем прекрасным и доблестным и происходя от доблестных предков, прожив прежде некоторое время в (нашем) городе, провел свое пребывание (здесь) благочинно и благополезно и имел достойное попечение об обоих городах. Отбыв в свой родной город, он показал себя благосклонным и преданным деловым интересам (нашего) города во всех отношениях и, всегда говоря и делая самое лучшее, постоянно выказывает свою благосклонность и, в частности, имеющим с ним дела из граждан и в целом (нашему) городу. Обо всех купцах (нашего) города, плывущих в город Ольвию, заботясь заранее и предстоя (за них), он ни в чем не оставляет рвения и щедрости для них. Он писал, что те же самые почести, которые было решено предоставлять..... даны томитам. Поэтому, чтобы было очевидно, что народ всегда чувствует прекрасных и доблестных мужей, к тому же проявляющих врожденную благосклонность к деловым интересам нашего города, да постановит народ восхвалить за это Нила... и дать ему и потомкам проксению, гражданство, равноправие в налогах, право на приобретение недвижимости, на судебное разбирательство в первую очередь, на приплытие и отплытие во время войны и мира неприкосновенно и без договора. Да будет для него доступ к совету и народу первому после священных дел. Написать это постановление на мраморной плите и поставить на рынке. Расход да будет 40 драхм».

Издатели не определяют времени надписи. Она по форме и содержанию относится ко II—I в. до н. э. Важность ее значения заключается в констатировании живых отношений в это время между Томи и Тирою, с одной стороны, и обоих городов с Ольвиею. При этом Тира являлась промежуточной станцией между Томи и Ольвией.

К отделу II

3. (IGrR, 777). Постановление в честь фракийского царя Риметалка и Пифодориды. Селимбрия во Фракии. Изд. Mommsen, Eph. ep., II, стр. 256.

Θεῶι ἁγίωι ὑψίστωι | ὑπὲρ τῆς Ῥοιμη|τάλκου καὶ Πυθο|δωρίδος ἐκ τῶν
5 κα||τὰ τὸν Κοιλα[λ]ητικὸν | πόλεμον κινδύνου | σωτηρίας εὐξάμενος | καὶ ἐπιτυχὼν
10 Γάιος | Ἰούλιος Πρόκ(λ)ος χαρι||στ[ήρι]ον.

«Богу святому высочайшему за спасение Риметалка и Пифодориды от опасностей Келалетийской войны, давший обет и достигнувший *успеха, Гай Юлий Прокл (посвящает) благодарственный дар*».

Надпись в честь тех же лиц, что и № 44. Она воздвигнута после Келалетийской войны (Tacit., III, 38 и сл.), т. е. 21 г. н. э.

К отделу IV

4. (AEMOest, VIII (1884), стр. 18, № 50; G. Točilescu). Надгробие Сатира, сына Понтика, ольвиополита. Томи—Кюстендже. Известняковая плита.

Ποντικὸς | Νεικίου Ὀλ|βιοπολεί|της τῷ ἰδί||ῳ υἱῷ Σατύ|ρῳ μνήμης | χάριν.

«Понтик, (сын) Никия, ольвиополит своему собственному сыну Сатиру в память».

Надпись эпохи ранней Римской империи. Все три имени встречаются в Ольвии (см. IPE, I², indices). Понтик Никиев встречается в надписях Ольвии дважды: в числе стратегов, посвятивших фиалу Аполлону Простату (IPE, I², 82), и в качестве первого архонта при посвящении статуи Ники Гермесу Рыночному (IPE, I², 128). В комментариях к этим надписям и к IPE, I², 80 это лицо упоминается и даются сопоставления этих текстов между собою; при IPE, I², 82 сделана ссылка на приводимую надпись из Томи. В. В. Латышев в «Исследованиях об истории ... города Ольвии» на стр. 161—167, рассматривая посвящения ольвийских магистратов, относит Понтика, сына Никия, и всех его современников «ко всей второй половине II и к началу III (века)» (стр. 167).

5. (I. H. Mordtmann, «Rev. arch.», 36 (1878), стр. 137, № 15). Надгробие Домнина, сына Гераклида, тиранца. Одесс (Варна) во Фракии. Четыреугольная стела без орнамента. Изд. Christ в «Sitzungsber. d. philol. hist. Classe d. Akademie d. Wissensch. zu München», 1875, стр. 84, № 9.

Ἐνθάδε γαῖα κατέχει Δο|μνεῖνον υἱὸν Ἡρακλείδου| Τυρανὸν ἀπὸ προγόνων εὐ-
γενῆ, ζήσαντα ἔτη εἴκοσι. || τὴν στήλην ἀνέστησαν | Αὐρήλιος Ἡρακλείδης
πατὴρ | καὶ Μαδαγαῦα μήτηρ | μνήμης χάριν.

«Здесь земля скрывает Домнина, сына Гераклида, тиранца, благородного от предков, жившего двадцать лет. Стелу поставили отец Аврелий Гераклид и мать Мадагава в память».

Надпись, судя по имени отца «Аврелий», относится к концу II или к началу III в. н. э. Имена мужчин встречаются в разных городах северного Черноморья. Имя матери, вероятно, сарматское.

6. (IG, III, 2, 2671, Dittenberger). Надгробие Лафаейи тиранки. Найдено в Афинах, в Акрополе. Изд. Питтакис, Ἐφ., 1771 и Куманудис, 2196.

Λαφ(ά)εια | Τυρανίς.
Ἕρμαιος | Ἔρωτος Μιλήσιος.

«Лафаейя тиранка; Гермей, сын Эрота, милетец».

(α) вместо λ—поправка Диттенбергера. Гермей, м. б., муж этой тиранки. Надгробие позднего римского времени.

УКАЗАТЕЛИ

1. Места происхождения отдельных надписей

Анкира № 50.
Афины № 1—6, 42, 56, 60—66, 70—80, 99—105, 108—110, доп. № 1 и 6.
Делос № 21—31, 58.
Дельфы № 10—15, 83—93.
Дионисополь (Фракия) № 18.
Елевсин № 52, 53.
Кизик № 45—48.
Кос № 119.
Лебадея в Беотии № 82.
Лесбос № 32.
Марафон № 51.
Мегалополь (Аркадия) № 106.
Милет № 35—40, 55.
Одесс № 27, доп. № 5.
Олимпия № 7.
Ороп № 8, 9.
Парос № 49.
Пергам № 41.
Родос № 59, 67, 68, 107, 112—118.
Салоники № 111.
Сарды № 54.
Селимбрия (Фракия) доп. № 3.
Синопа № 69.
Томи № 19, 20, доп. № 2 и 4.
Фокея № 34.
Эпидавр № 57, 81 а и б.
Эритры № 33.

2. Собственные имена, династы, божества сев. Черноморья в порядке городских и этнических названий

Албанцы
'Αλβανοί № 50.
Амазонки
'Αμαζόνες № 49.
Армяне
'Αρμένιος № 83.
Δημήτριος 'Αρμένιος № 84.
Εἰράνα 'Αρμενία № 85.
Εὔνους 'Αρμένιος № 112.
'Ιάσων Αρμένιος № 86.
Σωτήριχος 'Αρμένιος № 87.
Бастарны
Βαστάρναι № 50.
'Αριστὼ Βαστάρνα № 88.
Πυρρίας Βαστάρνας № 89.
Борисфен см. Ольвия
Боспор и Пантикапей

Прим.: имена царей и их родственников в общем алфавите, но одноименные — под своею буквою в порядке царствований.

'Αγάθων Βοσπορείτης № 62.
'Αντωνία Τρύφαινα № 45, 46, 47, 48.
'Απατούριος Νίκωνος Παντικαπαιεύς № 14.
'Απολλώνιος Λεύκωνος παῖς № 3.
'Αφροδισία Δημητρίου Βοσπορανή № 64.
Βοσποριανὴ (πρώτη σπείρη) № 34.
Βόσπορος № 107.
Βούσπορος № 57.
Βωσποριανή (πρώτη σπείρη) № 7.
Εὔμηλος (βασιλεύς) № 4.
Εὐπορία 'Ανδρίκου Βοσπορανή № 61.
Ζήνων Πολέμωνος υἱός № 43.
'Ηδεῖα Εὐπολέμου Βοσπορανή № 60.
'Ηρακλέων Βοσπορανός № 63.
'Ισυλλος Σωκράτευς 'Επιδαύριος (ἐκ Βουσπόρου) № 57.
'Ισύλος Χρυσολάου Βοσπορίτης № 11.
[Καμασα]ρύα Σπαρτόκου βασίλισσα № 15, 38.
Κεφάλων Βοσπορανός № 68.
Κοίρανος . . . ήμιδος Παντικαπαιτίτης № 21.
Κότυς (муж Трифены) № 44, 46, 47, 48.
Κότυς (сын Трифены) № 46, 48.
Λεύκων № 3, 32.
Μιθραδάτης Μηνοδότου № 41.

Νικίας Ἡρακλείδου Βοσπορίτης № 12.
Παιρισάδης Λεύκωνος παῖς № 3.
Παιρισάδης βασιλεύς и без титула № 27 и 28, прим. к № 28—папирус.
Παιρισάδης βασιλεύς № 15, 39.
Πολέμων № 43, 44, 45.
Πολέμων (сын Трифены) № 46, 48.
Πυθοδωρὶς Φιλομήτωρ № 42, 43, 45.
Πυθοδωρὶς Πολέμωνος θυγάτηρ № 44, доп. № 3.
Ῥοιμηταλκης № 44, доп. № 3, 46, 47, 48 (в двух последних сын Трифены).
Σπάρτοκος Λεύκωνος παῖς № 3.
Σπάρτοκος Εὐμήλου [Βοσπόριος] № 4.
Σπάρτοκος βασιλεύς № 15.
. . . έου Βοσπορίτης № 65.
. . . Βοσπορανός № 59.

Геты
Βυρεβίστας (Θρᾴκης βασιλεύς) № 16, 18.
Γέτας Ἀλεξίππου № 79.

Даки (?)
Δᾶος № 80.

Гермонасса
h[ερμονάσσε] № 1, v. 191.

Иберы
Ἰβῆροι № 50.

Кавказ
Ἀπόλλων Καυκασεύς № 33.
Ἄρτεμις Καυκασίς № 33.

Керкинитида
Κα[ρκίνε] № 1, v. 206.
[Ἀπολλόδ]ωρος Ἀπολ[λ]ωνίου Κερκινίτης № 6.

Киммерий
Κιμμέριον № 1, v. 207.

Киммерийцы
Κιμμέριος № 104.

Колхи
Εὐφροσύνη Χαιρήμονος Χολκίς № 110.
Καλλὼ Κολχίς № 90.
Κόλχος № 70, v. 25.
Χόλχος № 99 и прим. к № 99.

Меоты
Ἀγάθων Μαιώτας № 91.
Διονυσόδωρος Μαιώτας № 113.
Εὐταξία Μαιῶτις № 92.
Λεττίνης Μαιώτης № 108.
Τίμων Μαιώτας № 114.

Никония
Νικ[ονία] № 1, v. 208.

Нимфей
Νύ[μφαιον] № 1, v. 190.
Εὔτυχος Ἀπολλωνίου Νυμφαῖτης № 181.

Ольвия
Διόδωρος Ἀρώτου (или Ἀγρότου) № 24.
Διονύσιος Διονυσίου Βορυσθενίτης № 12.
Ἡδεῖα Ἀριστοκ[ρίτου?] Βορυσθενῖτις № 67.
Ὀλβία № 35, v. 11.
Ὀ[λβία] № 1, v. 203.
Ὀλβία πόλις доп. № 2
Ὀλβίη πόλις № 35, v. 2 и 21.
Ὀλβιοπολῖται № 35.
Ποντικὸς Νεικίου Ὀλβιοπολείτης доп. № 4.
Ποσίδειος Διονυσίου Ὀλβιοπολίτης № 23.
Σάτυρος доп. № 4
Ὀλβιοπολίτης? № 24, 36, 37.

Пантикапей см. Боспор.

Патраей
Πατ[ραεύς] № 1, v. 205.

Понт (море)
Πόντος № 5, 8, 13, 14, 25, 26, 27, 40, доп. № 1.

Саки
Σάκας № 106.

Сарматы
Ἀθανὼ Σαρματίς № 116.
Ἄνδρων Σαρμάτης № 111.
Ἀφροδισία Σαρμάτισσα № 94.
Ἀφροδίσιος(?) Σαρμάτας № 93.
Σαρμάται № 50.
Σαυρομάται № 51, 52, 53 (?), 54 (?).
Σώπολις Σαρμάτας № 96.
Ὑγιαίνων Σαρμάτης № 109.
Ὑγυλίων (см. Ὑγιαίνων).
Φίλα Σαρμάτισσα № 97.
Φιλοκράτεια Σαρμάτη № 95.
. . . Σαρματίς № 98.

Скифы
Ἀνάχορσις № 119.
Ἀφροδείσιος Σκύθας № 116.
Ἀφροδίσιος Σκύθας № 117.
Καλλιόπη Σκύθαινα № 118.
Κανίτας Σκυθῶν βασιλεύς № 17.
Σκύθαι № 17, 50.
Σκύθας Σωσία № 816.
Σκύθες № 70, v. 23, 100, 102, 103.
Σκύθης № 105.
Σκυθικὸς πόλεμος № 55.
Σχύθες № 101.
Τόξαμις № 104.

Тамирака
Τα[μυράκε] № 1, v. 205.

Танаис на Сыр-Дарье
Τανάϊς πόλις Ἑλληνίς № 49.

Тавры
Σωσικράτης Σωσικράτους Ταῦρος № 82.
Ταῦρος № 73.

Трибаллы
Τριβαλλοί № 49.
Τριβαλλὸς Ἀριστα... № 79.

Тира

Τύ[ρας?] № 1, v. 204.

Αὐρήλιος Ἡρακλείδης доп. № 5.

Δομνεῖνος Ἡρακλείδου υἱὸς Τυρανός доп. № 5.

Λαφ(ά)εια Τυρανίς доп. № 6.

Μαδαγαῦα доп. № 5.

Νῖλος Τυρανός доп. № 2.

Херсонес

Ἀναστάσιος ὁ ἐπίσκοπος Χερσονήσιος № 69.

Ἀττινᾶς Χερσονησίτης № 56.

Ἡρακλείδας Βιτθᾶ Χερσονασίτας ἐκ τοῦ Πόντου № 13 и 14.

Ἡρακλειτος Ναυκλεῖος Χερρονεσίτες № 66.

Ξένων Πασιξένου Χερσονησίτης № 9.

Σώκριτος Κράθωνος Χερσονασίτης № 12.

Ὕμνος Σκύθα Χερσονασίτας № 14.

Φορμίων Πυθίωνος Χερσονασίτας ἐκ τοῦ Πόντου № 13 и 14.

Χερσονασῖται и Χερσονησῖται ἐκ τοῦ Πόντου № 13, 25, 26, 27.

Χερσονήσια (праздник) № 29, 30, 31.

Χερσονήσιος № 69.

Χρῆστος ...ρνίου Χερσονησείτης № 20.

...Ἀπ]ολλωνίου Χερσονησίτης № 22.

...αῖος Βίωνος [Χερσο]νασίτας № 10.

...Χερσονασίτη]ς ἐκ τοῦ Πόντου № 8.

Гиперборейцы

Ὑπερβόρεοι № 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ в № 3(8) «ВДИ»

AAW—Anzeiger d. Wissensch. Akad in Wien.

AEMOest—Archäologisch-epigraphische Mitteilungen aus Oesterreich.

AJA—American Journal of Archaeology.

AM — Athenische Mitteilungen=Mitteilungen des Kais. Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung.

Annuario—Annuario archeologico della R. scuola di Atene e de la missione orientale.

Anec.—E. Curtius, Anecdota Delphica, 1843.

APAW—Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften.

Archives—Th. Homolle, Les archives de l'intendance sacrée à Délos (315—166 av. J. C.). Paris, 1866.

АСПИ—Античный способ производства в источниках. Лгр., 1933.

BCH—Bulletin de Correspondance hellénique.

Beloch—Griechische Geschichte.

BGA—Bibliotheca geographorum Arabicorum.

BPhW—Berl. Philolog. Wochenschrift.

БСЭ—Большая Советская Энциклопедия.

BSA—(Ann. Brit. Sch.)—Annual of the British School of Athens.

Busolt—Griechische Geschichte.

C. B.—Couve et Bourget в BCH XVII (1893), стр. 343 сл. № 1-109.

CIG—Corpus inscriptionum Graecarum.

CIL—Corpus inscriptionum Latinarum.

Eph. ep.—Ephemeris epigraphica.

FdD—Fouilles de Delphes.

Herm.—Hermes.

Hicks-Hill.—E. L. Hicks and G. F. Hill, A manual of Greak historical inscriptions, Oxf., 1901.

ГВИЗ—Государственное военное издательство.

GGA—Göttinger gelehrter Anzeiger.

ИАК—Известия археологической комиссии.

ИАН—Известия Академии наук.

IG—Inscriptiones Graecae.

ИГАИМК—Известия Государственной академии истории материальной культуры.

IGrR—Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes.

ИИМК—Институт истории материальной культуры.

IdD—Inscriptions de Délos. Comptes d'hiéropés. Paris, 1926, 1929.

IPE—Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.

ИРАО—Известия Российского археологического общества.

JAs—Journal Asiatique.

JHS—Journal of hellenic studies.

JKP—Jahrbuch für klassische Philologie.

JOAI—Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Instituts.

ЖМНП—Журнал министерства народного просвещения.

Kretschmer—P. Kretschmer, Die griechischen Vasenschriften ihrer Sprache nach untersucht. Güttersloch, 1894.

*Кумануд*ис—Κουμανούδης, Ἐπιγραφαὶ ἑλληνικαὶ κατὰ τὸ πλεῖστον ἀνέκδοτοι, Ἀθήνησιν, 1860.

Lambertz—M. Lambertz, Die griechischen Sklavennamen, Wien, 1907.

Le Bas—Ph. Le Bas et Waddington, Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure, Paris, 1847—1878.

Maiuri—A. Maiuri, Nuova silloge epigrafica di Rodi e Cos. Firenze, 1925.

МАК—Материалы по археологии Кавказа.

MBPA—Monatsberichte der Preussischen Akademie.

Michel—Ch. Michel, Recueil d'inscriptions grecques. Bruxelles, 1897—1900—1912.

Milet—Milet, III, Das Delphinion in Milet. Berlin, 1914.

Minns—Ellis H. Minns, Scythians and Greecs. Cambridge, 1912.

Mnem.—Mnemosyne.

МОИИМК—Московское отделение Института истории материальной культуры.

Nachmanson—E. Nachmanson, Historische Attische Inschriften. Bonn, 1913.

ОАК—Отчеты археологической комиссии.

Pfuhl—E. Pfuhl, Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923.

Питтакис—см. Ἐφ., где он помещал свои публикации, и Pittakis, L'ancienne Athènes.

Pomtow—Pomtow, Beiträge zur Topographie von Delphi (Berlin, 1889).

Понтика—В. В. Латышев, Понтика. СПБ, 1909.

Пр.—Е. М. Придик, Инвентарный каталог клейм эрмитажного собрания. Пгр., 1917.

Рангавис—A. R. Rangabe. Antiquités helléniques. Athènes. I, 1842, II, 1855.

RE—Pauly-Wissowa, Realencyklopädie der klassischen Altertums-Wissenschaft.

Rev. arch.—Revue archéologique.

REA—Revue des études anciennes.

REG—Revue des études grecques.

Rh. Mus.—Rheinisches Museum.

Roberts—Gardiner—E. S. Roberts, M. A. and Gardiner, An Introduction to Greek Epigraphy. Part II. The Inscriptions of Attica. Cambridge, 1905.

СБ—М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, Пгр., 1925.

SC—В. В. Латышев, Seythica et Caucasica.

SEG—Supplementum epigraphicum Graecum.

SHA—Script. Hist. Aug.

SGDI—Sammlung der griechischen Dialektinschriften.

SPAW—Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil. Hist. Klass.

Syll.—G. Dittenberger, Sylloge inscriptionum Graecarum.

W. F.—Ch. Wescher et P. Foucart, Inscriptions recueillies à Delphes. Paris, 1863.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Проблемы марксистского изучения древней истории (передовая) 3
А. Эванс (Лондон)—Критское линейное письмо 10
Н. А. Шолпо—К проблеме «арийского» завоевания древней Индии 40
А. А. Петров—Из истории материалистических идей в древнем Китае 49
Проф. В. Н. Дьяков—Древняя Таврика до римской оккупации 72
В. И. Холмогоров—Римская стратегия в IV в. н. э. у Аммиана Марцеллина . 87
Проф. М. Д. Приселков—Русско-византийские отношения в IX—XII вв . . . 98
О. Н. Бадер—К истории первобытного хозяйства на Оке и в верхнем Поволжье в эпоху металла 110
С. В. Киселев—Неизданные надписи енисейских кыргызов 124
Проф. А. А. Фрейман—Древнейшая согдийская надпись 135
М. А. Шангин—Отрывок из неизвестного произведения Остана 137

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Золотарев—Э. Б. Тэйлор, «Первобытная культура» 138
К. Зельин—Н. А. Машкин, «История древнего Рима» 142
Проф. В. Пархоменко—К истории державы Рюриковичей 144
Проф. М. Приселков—«Русская Правда» 148
С. Кондратьев—Обзор журнала «L'antiquité classique», 1932—1937, т. I—V . 151
Л. Ельницкий—А. И. Амиранашвили, «Новая находка в низовьях реки Ингура» 161
К. К.—Библиографические заметки 163

ХРОНИКА

С. Толстов—Древнехорезмийские памятники Кара-Калпакии 172
М. Кобылина—Открытия в Олинфе 200
Б. Лунин—Археологические находки 1935—1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа 210
Т. Пассек—Первая научная конференция Института археологии Академии наук УССР 223

ПРИЛОЖЕНИЕ

Б. Н. Граков—Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии 231

SOMMAIRE

Les questions de l'étude marxiste d'histoire ancienne (éditorial) 3
A. Evans (Londres)—Caractères linéaires de Crète 10
N. A. Cholpo—Le problème de la conquête «aryenne» des Indes 40
A. A. Pétroff—De l'histoire des idées matérialistes en Chine ancienne 49
Prof. V. N. Diakoff—L'ancienne Taurica avant l'occupation romaine 72
V. I. Kholmogoroff—La stratégie romaine au IV-me siècle de notre ère selon Ammien Marcellin 87
Prof. M. D. Prisselkoff—Les relations byzantiennes-russes aux IX—XIII siècles . 98
O. N. Bader—L'histoire de l'économie primitive dans les régions de l'Oka et du haut Volga 110
S. V. Kisseleff—Inscriptions inédites des Kyrgys de l'Iénisséy 124
Prof. A. A. Freïmann—La plus ancienne inscription de Sogdie 135
M. A. Changuine—Fragment d'une oeuvre inconnue d'Ostanes 137

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

A. M. Zolotareff—E. B. Taylor, «La culture primitive» 138
K. K. Zéliine—N. A. Machkine, «L'histoire de Rome ancienne» 142
Prof. V. A. Parkhomenko—Sur l'histoire de l'empire de la dynastie Rurik . . . 144
Prof. M. D. Prisselkoff—«Russkaya Pravda» 148
S. P. Kondratieff—«L'antiquité classique», revue 151
L. A. Elnitzky—A. I. Amiranachvily, «Une nouvelle trouvaille dans l'Ingoura inférieur» 161
K. K.—Notices bibliographiques 163

CHRONIQUE

S. P. Tolstoff—Les monuments de l'ancien Khorezme en Kara-Kalpackie . . . 172
M. M. Kobylina—Les découvertes en Olynthe 200
B. V. Lounine—Les trouvailles archéologiques aux environs des stanitzas Toulskaya et Dakhovskaya près de Maïkop en 1935—1936 210
T. Passek—La première conférence scientifique de l'Institut d'archéologie de l'Académie des Sciences de RSS d'Ukraïne 223

SUPPLEMENT

B. N. Grakoff—Inscriptions grecques à la péninsule des Balkans et à l'Asie Mineure relatives à l'histoire des Scythes 231

И. О. ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА
А. В. МИШУЛИН

✦

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, Красная площадь, здание Совнаркома СССР, 3-й этаж

✦

Тираж 20 300 экз. 20 печ. л. 70×108 1/16. В 1 п. л. 60624 корп. зн. Сдано в набор 4/VII 1939 г. Подписано к печати 1/XI 1939 г. Соцэкгиз № 34. Заказ типографии № 1473

✦

Технический редактор
С. Топаз

Заставки и концовки
худ. Люминарского—Столярова

Цена журнала 10 р., переплет 1 р. 25 к.

✦

Уполномоченный Главлита № А 14778
Отпечатано в 16-й типографии Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига», Москва, Трехпрудный пер., дом 9.